Гамсун

Мечтатель и завоеватель

Ингар Слеттен Колдоен

НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ ПО ЛИТЕРАТУРЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Великий норвежский писатель, лауреат Нобелевской премии Кнут Гамсун (1859–1952) был и остается одной из самых противоречивых и загадочных фигур в литературе XX века. Книга «Мечтатель и завоеватель» представляет собой новейшее биографическое исследование, посвященное жизни и творчеству Гамсуна, написанное известным норвежским журналистом и писателем. Биографию отличает фундаментальность и документированность, при этом она представляет собой увлекательное повествование, которое позволяет проследить перипетии долгого и сложного жизненного пути писателя, проникнуть в его внутренний мир и творческую лабораторию.

- Ингар Слеттен Коллоен
  - По-прежнему непостижимый
  - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
  - ЧАСТЬ ВТОРАЯ
  - ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
  - ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
  - ЧАСТЬ ПЯТАЯ
  - Послесловие
  - Иллюстрации
  - Список сокращений
  - Источники и библиография
- comments
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17

- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61

- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105

- 106
- 107
- 108
- 109

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39

- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83

- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127

- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171

- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215

- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259

- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303

- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347

- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391

- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435

- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479

- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523

- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548

Ингар Слеттен Коллоен
ГАМСУН. МЕЧТАТЕЛЬ И ЗАВОЕВАТЕЛЬ

По-прежнему непостижимый

Что знает о Кнуте Гамсуне большинство из нас?

Что это норвежский писатель, который написал «Голод», «Пана», «Викторию». Тот, о котором А. Куприн сказал: «Он пишет так же, как говорит, как думает, как мечтает, как поет птица, как растет дерево. Все его отступления, сказки, сны, восторги, бред, которые были бы нелепы и тяжелы у другого, составляют его тонкую пышную прелесть»[1]. «…Изменчивое, сверкающее бесконечными переливами многообразие жизни» — так охарактеризовал его художественную реальность современный норвежский исследователь Ларе Роар Лангслет.

Это Гамсуна искушала мечта о том, что Норвегия «должна занять выдающееся место в мировом великогерманском сообществе». Это он призывал во время войны норвежских юношей бросать оружие и написал некролог Гитлера, который отправил в редакцию «Афтенпостен» накануне дня капитуляции Германии, и остался верен своим иллюзиям до конца.

Кто он? Аристократ духа, нобелевский лауреат (правда, при этом не закончивший даже средней школы), бродяга, скиталец, странник, неудачливый эмигрант в Америку, которая поразила его своей бездуховностью, от тяжкого труда и тоски заболевший там туберкулезом и приехавший умирать на родину, неожиданно для всех чудесным образом исцелившийся? Крестьянин, как он любил себя называть, потому что и родители, и все более дальние предки его были крестьянами и крестьянская жизнь, быт, образ мысли были для него идеалом?

Гамсун ненавидел театр — в то же время писал пьесы, женился на актрисе.

Выступал против соблазнов большого города, призывал довольствоваться малым — и при этом стремился устроить свое крестьянское хозяйство и жизнь семьи с размахом, в юности увлекался азартными играми, да, собственно, в чем-то всю жизнь оставался игроком.

Ненавидел прогресс — и питал любовь к автомобилям, всевозможным техническим новшествам.

Изобличал Америку, а потом раскаивался и назвал книгу «О духовной жизни современной Америки» грехом своей юности.

Этот ряд можно продолжить.

Он весь соткан из противоречий.

О Гамсуне написано очень много как при жизни, так и после смерти.

В связи с семидесятилетним юбилеем были изданы две биографии: Эйнаром Скавланом — главным редактором одной из центральных норвежских газет, «Дагбладет», а также профессором Гамбургского университета Вальтером Берендсоном (правда, обоих Гамсун не жаловал).

Психоаналитиком Трюгве Бротёем была написана книга «Жизненный цикл».

Существуют две замечательные книги старшего сына писателя Туре Гамсуна, переведенные на русский язык, а также две книги мемуаров его жены Марии.

Есть и мемуары людей из его ближайшего окружения. Воспоминания шведской писательницы Марики Стьернстедт, а также друга, норвежского писателя Кристиана Гирлёффа…

Прекрасная биография, написанная Робертом Фергюсоном, «Кнут Гамсун — загадка», а также фундаментальные и одновременно увлекательно написанные труды профессора Ларса Фроде Ларсена, исследования Мартина Нага, Нильса Магне Кнутсена и позднее — исследования профессора Эрика Эгеберга.

Вышедшая несколько лет назад в Финляндии книга «Кнут Гамсун, анархист и модернист» профессора Тармо Куннаса.

И это далеко не все.

Журналист и писатель Ингар Слеттен Коллоен, по собственному признанию, потратил пять лет своей жизни (что говорит об основательности его труда, где фактически каждая строчка имеет документальное подтверждение) на написание двухтомника «Кнут Гамсун. Мечтатель и завоеватель». Сокращенную, то есть специально подготовленную «интернациональную» версию биографии мы и представляем нашим читателям (в течение этого юбилейного года она выходит также в Дании, Англии, США, Германии, Китае, Латвии, Эстонии, а возможно, и где-то еще).

Гамсун предстает в ней и как мечтатель, страстно любящий природу, жизнь, творчество, и как завоеватель, борец за свое место на литературном Олимпе и в обществе, завоеватель в любви, завоеватель в политике, увы, поддержавший Гитлера, в котором увидел воплощение ницшеанского идеала.

В предлагаемой читателю гамсуновской биографии Коллоена увлекает стремление осмыслить психологию Гамсуна как художника слова, автора гениальных произведений и в то же время психологию личности, частного лица, с присущими ему как достоинствами, так и человеческими слабостями и страстями, порой умевшего хитрить и лукавить, отстаивая свои интересы.

Гамсун любил и благословлял земное существование человека, этот краткий и неповторимый миг, и все его творчество насыщено энергией этой любви. Отсюда стойкая привязанность (или негодование по политическим соображениям) к Гамсуну тех, кому за восемьдесят, и интерес тех, кому около шестнадцати (а свидетельством тому множество аллюзий, цитат и псевдоцитат в творчестве молодых по всему миру).

На севере Норвегии, в родных местах Гамсуна, на Хамарёй, открывается новый шестиэтажный исследовательский центр, но поможет ли он кому-то *до конца* понять его феномен? Вряд ли…

«В любом человеке содержится гораздо больше роковых противоречий, нежели мы можем представить себе» — вот итог изысканий Коллоена.

По-прежнему читаемый, по прежнему притягательный, писатель остается неуловимым. Неразгаданная тайна. Кнут Гамсун.

Элеонора Панкратова

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Гений и предатель

Норвежский писатель Кнут Гамсун (1859–1952) вошел в мировую литературу благодаря своим произведениям «Голод», «Мистерии», «Пан», «Виктория», а также удостоенному Нобелевской премии роману «Плоды земли». Случилось так, что бедный мальчик с далекой заброшенной окраины Европы, образование которого сводилось всего-навсего к 252 школьным дням, стал творческой личностью, оказавшей влияние на несколько поколений писателей.

«Диккенс нашего поколения», — с восторгом восклицал Генри Миллер. «Он заслужил Нобелевскую премию как никто другой», — заявлял Томас Манн. Герман Гессе называл Гамсуна своим любимым писателем. Исаак Башевис Зингер: «Гамсун во всех смыслах является отцом современной литературы, благодаря своей субъективности, благодаря своему импрессионизму, благодаря умению использовать ретроспективу, благодаря своей лиричности».

Но при этом Гамсун стоит в одном ряду с теми художниками и интеллектуалами, которые поддерживали тоталитарные режимы. В то время когда Гамсун еще активно занимался творчеством, его перо превозносило Адольфа Гитлера. И таким образом Гамсун вышел из сферы искусства на арену мировой политики. После окончания Второй мировой войны состоялся процесс над Кнутом Гамсуном, он был признан виновным в соответствии с предъявленными ему политическими обвинениями.

В тот же самый день, когда был объявлен приговор, восьмидесятидевятилетний писатель выводит дрожащей рукой заключительную фразу в рукописи своей последней книги «На заросших тропинках»: «Иванов день, тысяча девятьсот сорок восьмого года. Сегодня Верховный суд вынес решение, и я заканчиваю свои записки» [4: 233].

И это стало последней, завершающей точкой, тем конечным пунктом, куда пришел гений, изменивший мировую литературу, и одновременно политик, осужденный за предательство своей страны.

А как же все началось?

До «железных ночей»

Воды Атлантического океана глубоко врезаются в норвежскую землю. Но воды ни одного фьорда не проникают настолько глубоко, чтобы коснуться самого подножья горных массивов. И вот там, в долине у подножья Гальхёпигген, самой высокой горной вершины Норвегии, 4 августа 1859 года родился Кнут Гамсун, который стал четвертым ребенком в семье[1].

Август называли здесь месяцем «железных ночей», ведь именно тогда часто приходили холода и за считанные дни земледельцам приходилось готовиться к приходу новой зимы. Надо было сторожить урожай, спасать зерно. Они жгли солому, устраивали множество костров, и если делали это сноровисто и при этом ветер дул в нужную сторону, то дым спасительной пеленой окутывал будущий урожай. Больше всего на свете они страшились августовских морозов — «железных ночей».

Отец Гамсуна, Педер Педерсен, сражался с морозами на арендованной земле, на земле, принадлежащей его шурину Уле Ульсену. Отец был человек подвижный, как ртуть, беспробудный пьяница, отчаянный бабник, ему вечно не хватало денег. Наиболее богобоязненные считали, что он одержим дьяволом. Другие — что в этом он просто пошел в мать. Ведь у нее в роду были такие, кто бросался в реку и вешался. В роду у его отца также было полно помешанных, но сам он был человек мягкий и спокойный.

Кнуту Гамсуну было всего несколько месяцев, когда его дядя, брат матери, после нескольких лет отсутствия внезапно вернулся домой. Уле Ульсен наградил младенцами множество женщин в разных частях страны, не женившись ни на одной из них. За удовольствие, как известно, надо платить, а он и не думал, так что им занялись судебные органы, последовали штрафы, взыскание алиментов, от выплаты которых он успешно уклонялся. Дело дошло до того, что теперь ему уже грозил принудительный аукцион как со стороны властей, так и со стороны частных лиц. Он остро нуждался в деньгах и объявил о продаже своей усадьбы в кратчайший срок.

Отец Гамсуна надеялся, что сможет выкупить усадьбу, выплачивая ее стоимость своему шурину в течение многих лет, и сделал отчаянную попытку предотвратить катастрофу. Он предпринял длительное путешествие через полстраны, за полярный круг. Здесь жил другой брат его жены, который переселился в эти края несколько лет тому назад. Но тот, как оказалось, не собирался спасать усадьбу предков. Теперь у отца Гамсуна в жизни оставалось только две возможности. Первая —

эмигрировать в Америку, подобно множеству других своих соотечественников, число которых в Америке в следующее десятилетие составило два миллиона человек — это почти треть населения Норвегии. В Америке лишь число эмигрантов из Ирландии превысило эту цифру. Альтернативой эмиграции могла стать аренда маленькой усадьбы, которую зажиточный Ханс Ульсен собирался приобрести на полуострове Хамарёй, там же, где он арендовал землю, в пасторской усадьбе.

И вот, за два месяца до того, как маленькому Кнуту исполнилось три года, все семейство, в котором уже было пятеро детей, покинуло свой родной горный край. Путешествие на север, за полярный круг заняло три недели. Сначала они ехали на лошади, потом шли по старому пути паломников до Тронхейма, а дальше добирались пароходом. Они проделали путь, равный тому, что привел бы их из Норвегии в Италию, если бы они двигались на юг, а не на север.

Это был Иванов день 1862 года.

Исход на север

Бабушка маленького Кнута Гамсуна всегда отличалась слабыми нервами и не прожила и четырех месяцев в суровом морском краю. После ее похорон совсем пала духом Тора Педерсен, мать Кнута Гамсуна. В 1864 году она родила своего шестого ребенка — девочку.

Пятилетний Кнут и его сестренка Анна Мария, младше его почти вдвое, постоянно ссорились между собой, а также оба были недовольны тем, что новорожденная София Мария поглощала все внимание матери, ведь именно ее, а не одного из них, та постоянно держала на руках. Кнут был уже великоват, чтобы мать заботилась о нем так же, как о младших сестренках, и еще слишком мал, чтобы играть со старшими братьями, которым было тогда восемь, десять и тринадцать лет.

Мать чувствовала себя все хуже и хуже. У нее было все меньше сил, чтобы нянчить детей и вести хозяйство, готовить еду и помогать супругу в хлеву и на полевых работах. Тот почти круглые сутки надрывался в своем маленьком, но требующем больших усилий хозяйстве, а также портняжничал.

Усадьба могла прокормить их, если только урожай не губили весенние заморозки, летние проливные дожди и, напротив, засухи или же ранние осенние холода. Родители рассчитывали, что портняжное ремесло принесет доход, достаточный и для оплаты аренды шурину, и для покупки инвентаря и всего необходимого.

Но в округе хватало портных, и потому заработок был невелик. К тому же отец Гамсуна еще и не умел истребовать деньги с тех, кто ему задолжал.

Когда жена слегла после смерти своей матери и рождения шестого ребенка, ему ничего не оставалось, как обратиться в школьный совет с просьбой сократить для старшего сына Педера, которому исполнилось тогда тринадцать лет, минимальный обязательный период посещения школы по причине того, что «в течение всего года хвори одолевали мою семью, и для меня было бы крайне затруднительно, чтобы все мои дети школьного возраста постоянно находились в школе»[2].

Новорожденная девочка София Мария круглые сутки надрывалась от плача, что-то неладно было у нее то ли с бедром, то ли с нижней частью позвоночника. Чтобы хоть как-то облегчить положение матери, девочку еще до того, как ей исполнился годик, отвезли из усадьбы Гамсунд за восемь километров в административный центр — селение Престейд, где в пасторской усадьбе жил брат матери, Ханс Ульсен.

Ханс Ульсен приобрел дом на дворе пасторской усадьбы и с усердием трудился на земле, которую арендовал у церкви, сдавая в аренду другую усадьбу, Гамсунд, своему зятю с сестрой. Он торговал также тканями, был почтмейстером, а еще заведовал библиотекой, учрежденной Обществом любителей чтения.

Человек он был обеспеченный и при этом неженатый. Хозяйством занималась экономка, которую он привез из Лома{2}. Возможно, первоначально было задумано так, что София Мария побудет в усадьбе у дяди лишь некоторое время, но она так и не вернулась домой к родителям, братишкам и сестренкам. Ханс Ульсен и акушерка, которая жила у него в доме, взялись опекать ее. Акушерка была родом из Гудбрандсдалена, Ханс Ульсен привез ее вместе с экономкой и одним из своих работников. Так постепенно на Хамарёе в Салтене, в провинции Нурланн сформировалась целая колония переселенцев из Гудбрандсдалена.

Во второй половине шестидесятых годов XIX столетия тяжелые годы бывали один за другим. В апреле-мае сугробы оседали, но снег не таял. Поля оставались под снегом. Земля все еще была промерзшей, хотя уже наступала пора пахать, боронить и сеять. Нельзя было выгонять скот. Коровы давали все меньше молока, стельные коровы лежали в лежку перед отелом, который чаще всего был неудачным. Не было фуража. Отец Гамсуна был вынужден забивать своих коров. Всходы были поздние, зерно не успевало созреть, а его уже надо было собирать, пока не наступили «железные ночи».

Семье не хватало еды. В 1867 году стало одним ртом меньше. Старший сын и наследник, Педер, шестнадцати лет от роду, эмигрировал в Америку.

Климат в тех краях такой суровый, урожаи такие скудные, что и условия жизни за последние годы ухудшились и стали такими же, как в начале столетия. Именно в эти годы, когда Гам суну было от семи до десяти лет, он постоянно слышал от родителей и дедушки о страшной нужде в конце Наполеоновских войн. Зерна не хватало, и ни братское королевство Дания, никакая иная страна не оказали продовольственной помощи Норвегии. Англичане блокировали все норвежские гавани, и в страну не поступало никакого зерна — ни для выпечки хлеба, ни для посева. И именно англичане помешали Норвегии стать самостоятельным государством после мирных переговоров в 1814 году. После четырехсотлетнего правления Дании Норвегия была вынуждена заключить унию со Швецией.

Маленький Кнут постоянно слышал истории о том, как англичане обходились с Норвегией. В руках Англии находилась вся мировая торговля. С детских лет в сознании Кнута Гамсуна такие понятия, как голод, нужда, война и англичане, оказались тесно взаимосвязаны. Вот когда Гамсуну и была привита ненависть к Англии.

Ему еще не исполнилось одиннадцати лет, когда мать родила седьмого ребенка, мальчика. После беременности и родов душевное состояние матери ухудшилось. Она часто была молчаливой, лицо ее казалось застывшим, взгляд — неподвижным. Случалось, что она выбегала из дома и бегала по полям или вдоль дороги. Все слышали, как она невнятно кричала что-то[3].

Есть все основания полагать, что уже в этот период своего детства Гамсун начал размышлять о том, что происходит с его матерью, почему она так странно ведет себя. Вероятно, ее поведение пугало его, он страдал, ему не хватало ее любви и заботы, в которых он нуждался. Может быть, впоследствии он и сам переживал подобное исступление. Его интерес к необычным душевным состояниям явно возрастал по мере написания таких книг, как «Голод», «Мистерии», что вполне может указывать на то, что корни подобного интереса следует искать в детстве.

А может быть, интерес Гамсуна к слову возник потому, что мать, находясь в помрачении рассудка, никак не могла найти нужные слова?

После Рождества, зимой, когда ему было уже девять лет, он

начал ходить в школу. Закон требовал от местных властей, чтобы каждый ребенок школьного возраста посещал школу не менее девяти недель в течение учебного года, но в Хамарёе ситуация была такова, что большинство семей могли позволить своим детям ходить в школу только четыре недели. У местной коммуны были низкие доходы, налоги платили немногие, и те, кто платил, считали, что не должны оплачивать своими деньгами пребывание в школе детей из бедных семей, ведь все равно сразу же после конфирмации те начинали работать и становились рыбаками, ремесленниками, сельскохозяйственными рабочими или эмигрировали в Америку…

Кнут Гамсун уже умел читать и писать, братья научили его грамоте. Несколько лет назад он как-то однажды написал свое имя на запотевшем оконном стекле. Кнут подолгу вглядывался в написанные буквы, оберегал их, чтобы никто не стер. Это были его буквы, эти буквы принадлежали ему безраздельно[4].

Постепенно наладилась учеба Гамсуна в школе в Престейде. Здесь он жил у своего дяди, чей дом находился во дворе пасторской усадьбы. Даже на выходные дни он не мог возвращаться домой к родителям, братишкам и сестренкам. Он должен был помогать дяде: колоть дрова, складывать их в ящики, носить воду для людей и животных, убирать навоз, приносить сено, загонять скотину домой…

Ему не нравилось жить у Ханса Ульсена.

Когда Гамсуну исполнилось двенадцать лет, его родители заключили соглашение с Хансом Ульсеном, которого все более и более одолевал паркинсонизм. Согласно договоренности, Кнут должен был жить у дяди, помогать ему по хозяйству, а также и в работе почтмейстера. С точки зрения родителей Гамсуна, это было вполне разумное решение. Ведь им теперь не надо было покупать ему еду и одежду, к тому же, вполне вероятно, им казалось, что их одаренному сыну не помешает вращаться в той среде, в которой вращался их дядя, среди самых важных персон округи: пастора, звонаря, ленсмана{3}…

Здесь же жила сестра Кнута София Мария, которая была младше его на пять лет, и акушерка, которую вместе с братом Ханс Ульсен привез из родного горного края, — все они занимались его хозяйством. Говорили они на гудбрандсдальском диалекте, так же как и родители и братья Кнута, когда обращались к отцу и матери. В то же время, как и другие дети из Хамарёя, Гамсун владел местным салтенским диалектом.

Кнут Гамсун всеми силами пытался отменить договор между

родителями и дядей. Он делал все наперекор Хансу Ульсену, и всякий раз это заканчивалось жестоким наказанием. Однажды он даже нарочно поранил топором ногу, думая, что это поможет ему вернуться домой. Мать навестила его. Но не забрала с собой в Гамсунд. В другой раз он решил уплыть на лодке. Обнаружив, что весел нет, он оттолкнул лодку от берега и поплыл по воле волн. Его нашли и вернули дяде. Много раз пытался он бежать. С этим было покончено после того, как его поймал сам ленсман на пути из пасторской усадьбы в Гамсунд. Кнут отправился туда ранним морозным утром, без верхней одежды, деревянные башмаки были надеты прямо на босые ноги.

Морское течение Глимма, часто причудливо менявшее свое направление, доходило до берега, где находилась пасторская усадьба. Порой Глимма бурлила, как адский котел. Юный Гамсун часто стоял на берегу и вглядывался в буруны. Одно движение навстречу — и ты навсегда избавлен от всех страданий[5].

Вот Кнуту исполнилось тринадцать, потом четырнадцать лет, он уже вполне научился ненавидеть, терпеть, противостоять, не покоряться. Пребывание Кнута у дяди было связано с необходимостью работать и за себя, и за сестренку. Ханс Ульсен мучал племянника, пока не добивался того, чтобы тот делал именно то, что от него требовали. За разные провинности и ошибки дядя избивал его. Если мальчик пытался как-то уклониться от работы, то его принуждали работать еще больше. Если он жаловался на скудную невкусную еду, его отправляли спать голодным.

Дядина домоправительница изощрялась в экономии, в том чтобы растянуть продукты на более длительный период, да и к приготовлению еды она относилась не так, как обычно это делают любящие жены и матери[6].

Большую часть времени дядя проводил полулежа в своем кабинете или в почтовой конторе, где он дремал, а потом, внезапно пробудившись, начинал просматривать бухгалтерские книги, отчеты, готовый при этом в любой момент наброситься с палкой на племянника.

Иногда Кнуту приходилось помогать дяде есть — из-за болезни тому трудно было управляться с ложкой, вилкой и ножом.

Довольно быстро он открыл для себя, что дядя, к счастью, не в состоянии читать его мысли.

Согласно договоренности между родителями Кнута и его дядей, мальчик должен был пробыть в его доме до конфирмации,

до лета, когда ему исполнятся полные пятнадцать лет, но Гамсун стремился как можно скорее покинуть дом ненавистного родственника. Все более подверженный своей болезни, дядя уже никак не мог удерживать племянника: прогрессирующая болезнь совсем сломила сорокапятилетнего мужчину. К весне 1874 года дядя был вынужден передать свои обязанности почтмейстера пастору, и Кнут решил, что время для бунта пришло.

Он хотел решительно отказаться работать на дядю и жить у него. К тому же он не хотел проходить конфирмацию у священника, к которому потерял уважение. Ведь пастор и не подумал заступиться за него, когда его собственный сын рассказал ему, что совсем неподалеку, на другом конце усадьбы, Ханс Ульсен бьет и мучает своего племянника. Именно эти тяжелые детские впечатления и послужили почвой для негативного отношения Гамсуна к священникам на всю последующую жизнь. Это нашло отражение и в его творчестве, где, за редким исключением, пасторы — всегда отрицательные персонажи[7]. У него возникло двойственное отношение и к божественным силам. В доме его детства царил милосердный Иисус, а в доме своего дяди Кнут встретился с суровым, карающим Богом. Он боялся ветхозаветного Бога и молился Иисусу из Нового Завета. Порой его молитвы бывали услышаны и ему выпадало везти почту в ту сторону, где находились его родной дом и мама. Тогда он плакал от радости и благодарил Господа Иисуса.

Кнуту было хорошо известно, что по закону каждый обязан пройти конфирмацию. Всю свою жизнь он слышал рассказы о счастливом прошлом своего рода со стороны матери. Ему говорили, что в его жилах течет благородная кровь лучшей части крестьянского сословия. И потому он решил, что пройдет конфирмацию в прекрасном горном краю, откуда происходили его родители, в Ломе, там, где горный перевал ведет в долину Гудбрандсдален, там, где сам он жил до двух с половиной лет.

Он написал своему крестному, приветливому человеку, родственнику матери. Тот охотно согласился оплатить дорогу Кнута и его проживание, с тем чтобы крестник помог по хозяйству в доме и в лавке, которую держал крестный.

В конце марта — начале апреля Кнут отправился в долгий путь, сначала на маленькой шхуне до Будё, потом на пароходе до Тронхейма, а там — то на перекладных, то пешком сквозь Дуврские горы в Гудбрандскую долину через примыкающий к ней перевал. В его чемодане лежал аттестат, выписанный директором школы, с тройкой за поведение. Самая плохая оценка, которую

только можно получить. По письму у него было 1,5 — это была самая высокая оценка, на которую мог рассчитывать сын портного, арендатора маленькой усадьбы. По библейской истории и Закону Божьему у него была средняя оценка — 2. В соответствии с тогдашними правилами Кнут должен был посетить минимум 292 занятия в школе в течение шести лет, но такой возможности у него не было, так как в его помощи нуждались дома.

Таким образом, 252 дня в сельской школе — вот и все образование, которое великий писатель получил в своей жизни.

Отец снабдил Гамсуна двумя комплектами новой одежды. Мать передала через него привет самым значительным людям селения и тщательно проинструктировала сына, как ему следует себя вести, чтобы расположить к себе хозяев усадьбы, ее троюродного брата Тостена Хестхагена и его жены Рагнхильд.

Это была пожилая бездетная чета, люди хорошо обеспеченные.

Встреча с Ломом стала для Кнута разочарованием. Оказалось, что ничего особенного там нет. Домик, где они жили и который мать вспоминала с такой печалью, новый владелец приспособил под кузницу. Поля оказались отнюдь не такими большими и ровными, как рассказывали родители и бабушка. А камней на этих полях было еще больше, чем в Гамсунде.

Жизнь Кнута у крестного и его работа в лавке оказались совсем не такими, как представлял себе мальчик. Там, на Хамарёе, ему доводилось наблюдать, как продавцы стояли за прилавком, переминаясь с ноги на ногу, заложив большой палец в карман жилетки, нетерпеливо перебирая пальцами, как бы заманивая покупателей, либо, перегнувшись через прилавок, вступали в долгие задушевные разговоры с симпатичными им покупателями. Крестный же по большей части доверял ему лишь носить товары да бегать по разным поручениям.

Тостен Хестхаген быстро понял, что Кнут — мальчик весьма сообразительный, хотя порой его ни с того ни с сего одолевают разные причуды. То он вдруг начинал задирать нос перед самыми уважаемыми покупателями, так что они шли с жалобами к крестному и грозились, что начнут покупать в других лавках. То вдруг пускался в такие длинные разговоры с клиентами, как будто бы лавка принадлежала ему.

Рагнхильд Хестхаген позаботилась о том, чтобы у мальчика была своя отдельная комната наверху. Здесь Кнут мог часами читать и писать. Если книга ему нравилась, то, не дочитав до

конца, он откладывал ее в сторону. В сознании рождались собственные слова, они начинали одолевать его. И надо было как можно скорее записать их, пока они не смешались с теми, что он прочитал. После таких приступов вдохновения он спускался вниз в радостном возбуждении. Позднее Рагнхильд Хестхаген рассказывала, каким он был в такие минуты. Но если в комнате кроме крестных оказывался кто-то еще, то он становился язвительным и несговорчивым.

Прошло чуть более полугода, и Гамсун прошел конфирмацию и уехал из Лома.

Он добился того, чего хотел, — сумел освободиться от власти Ханса Ульсена и необходимости унижаться перед местным пастором из Хамарёя. Во многих своих произведениях впоследствии он создаст образы не вызывающих симпатии священников.

Облагодетельствованный властелином Нурланна

В конце октября — начале ноября 1874 года Гамсун вернулся на Хамарёй. Он не собирался возвращаться в пасторскую усадьбу к своему дяде Хансу Ульсену. Волею судеб он нашел приют у одного из самых могущественных людей в Нурланне, Николая Вальсе.

С раннего детства Кнут был наслышан об этом предпринимателе, который в середине шестидесятых создал большое рыболовецкое хозяйство. Там занимались в основном ловлей сельди в районе маяка на острове Транёй, вблизи Вест-фьорда, в стороне от Лофотенских островов и островов Вестеролен.

Одной из дочерей этого человека, властелина здешних мест, была Лаура, всего на полгода моложе новоявленного помощника в лавке. В главном доме Вальсё обитало много разного народа. Кнут жил в мансарде, а Лаура вместе с сестрой — этажом ниже. Они встречались по нескольку раз в день. Обучалась она на дому. Ее вытянутое личико, тонкие руки, нежная шея, выступавшая из воротничка блузки, маленькие ушки, густые волосы, алый рот, выражение ее лица — все это лишило его сна. В своих записках, которым он доверил свои чувства к Лауре, он писал, что, когда он ее встретил, перед ним разверзлись небеса, душа его ликовала и он ощущал дуновение ангельских крыльев от всех предметов, к которым она прикасалась[8].

Во многих своих книгах Гамсун будет описывать, как сводит с

ума нурланнское лето и людей, и животных, и цветы.

Пятнадцатилетний Кнут оказался здесь в счастливые для местных жителей-рыбаков времена, когда улов сельди побил все рекорды. Никому не удалось тогда выловить столько рыбы, как местному купцу Вальсё, на его долю пришлось больше трети всей добычи во всем Нурланне. Нередко местные парни входили в лавку насвистывая, но когда дело доходило до платежа, их покупательский азарт угасал, и они начинали говорить о грядущих уловах и будущих доходах. Приказчики все же почтительно выслушивали таких клиентов, всем своим видом давая понять готовность предоставить кредит.

Подобного наплыва покупателей никто не мог припомнить. Ведь здесь были не только телеграф и лавка, но и частная лоцманская контора, пароходная экспедиция, почта, угольный склад, ледовый погреб, хлебопекарня, разного рода трактиры, харчевни и постоялый двор, многочисленные предприятия по переработке рыбы. У Вальсё была мастерская по изготовлению неводов, собственное предприятие по разделке рыбы, грузовая шхуна, солильня, сушильня, свои острова с птичьими базарами, откуда ему везли яйца и пух. Все это, а также саму дичь он возил на продажу собственным пароходом на юг страны.

Кнут Гамсун прекрасно понимал, что Вальсё, этому нурланнскому властелину, постоянно приходится строить прогнозы будущих уловов, вкладывать деньги в различные предприятия и быть готовым стремительно реагировать на новые открывающиеся возможности или неожиданно возникающие препятствия.

Этому расчетливому денежному тузу была необходима безоглядная смелость азартного игрока при умении все просчитывать на несколько ходов вперед.

Впервые Гамсун встретил человека, на которого он безоговорочно смотрел снизу вверх.

Независимый ни от кого человек, которого окружают многие тайны, порой безжалостный и непреклонный, а порой мягкий и деликатный по отношению к тому, кто заслужил его милость. И всемогущий, прежде всего — всемогущий. В целом ряде своих романов Гамсун выразит свое восхищение предприимчивыми и сильными торговыми королями.

Сам юный Гамсун в это время обзавелся часами с массивной серебряной цепью, которая свисала между средней петлицей его жилета и левым внутренним карманом. Скоро ему не будут давать прохода парни, которые то и дело, глядя с восторгом на

его часы, будут спрашивать, который час.

А потом сельди не стало. Пустое море, толща воды, где не серебрится рыба.

Теперь все больше и больше записей появлялось в долговых книгах у местных торговцев.

И всемогущий Вальсё был вынужден уменьшить количество своих работников. Юному Гамсуну и года не довелось простоять за прилавком, как поздней осенью 1875-го ему пришлось покинуть лавку купца.

И таким образом юный приказчик увидел, что не такая уж он необыкновенная личность, чтобы с ним не могли расстаться. Впрочем, когда он записывал придуманные им слова на бумаге, он ощущал себя именно таковым. Когда он предавался литературному творчеству, то абсолютно все становилось возможным, сбывались даже любовные грезы бедного парня, влюбленного в дочь могущественного богача.

В течение трех последующих лет Гамсун был учителем, помощником местного ленсмана и издал свою первую книгу после неудачной попытки стать сапожником, как ему советовал отец.

Одно время он был коммивояжером, ездил по всему побережью Нурланна, продавал белье, стельки, духи и расчески. Полученные тогда впечатления, а также и опыт тех лет он отразил в романе «Бродяги».

В течение года он работал внештатным учителем, замещая учителей в разных школах на островах Вестеролен. Здесь он, можно сказать, худо-бедно закрепил знания, полученные в свое время в школе, и приобрел новые. В это время он жил в доме Августа Веноса, пастора, у которого был в подчинении. Этот человек был совсем иной, нежели пастор на Хамарёе. И сам пастор Венос, и его супруга Вальборг оказались людьми либеральных взглядов, по характеру мягкими и деликатными. Они проявили большую выдержку по отношению к восемнадцатилетнему юнцу, порой чрезмерно стремящемуся к самоутверждению. И самое главное: они поддерживали его желание заниматься сочинительством.

В период между пятнадцатью и двадцатью годами Гамсун создал целый ряд прозаических текстов, в которых говорилось об одном и том же: бедный, но талантливый юноша отчаянно стремится завоевать девушку своей мечты, с которой его разделяет социальная пропасть. Он сочиняет рассказ, в котором молодой человек в конце концов эту девушку завоевывает. Благодаря его творческой фантазии возникает история, в которой

безвестный, бедный, почти нищий юноша тщетно пытается добиться руки единственной дочери богатого крестьянина. Потом он неожиданно оказывается богатым наследником. Свое сочинение он озаглавил так: «Загадочный человек. Нурланнская любовная история».

Каких только чудес не совершает писатель в своих сочинениях! Возможно, Гамсун мечтал, что творчество сотворит чудо и для него самого.

В канун Рождества 1877 года восемнадцатилетний Гамсун держал в руке свою первую книгу. Это был волшебный миг, о котором он мечтал еще перед конфирмацией. Правда, книгой это издание можно было назвать с большой натяжкой — это была всего-навсего тоненькая брошюрка в тридцать две страницы на плохой бумаге. Миккель Урдал, книготорговец и владелец общедоступной типографии неподалеку от Тромсё, позволил в конце концов уговорить себя и согласился напечатать повесть «Загадочный человек. Нурланнская любовная история». Получив пачку с экземплярами опубликованной книжки, гордый и взволнованный писатель тут же, в здании пароходной экспедиции, распечатал пачку и даже, вероятно, попытался было начать ее продавать, но, увы, это не удалось ни ему самому, ни книгоиздателю. Книжка и сорок лет спустя еще продавалась и в книжном магазине Урдала, и в его лавке канцелярских принадлежностей в Тромсё по первоначальной цене — сорок эре. Теперь цена экземпляра этой книжечки у букинистов приближается к миллиону крон.

Постепенно Кнут стал понимать, с кем вместе ему следует держаться здесь, на Вестеролене: священник, ленсман и доктор — вот достойное его общество. Они интересовались литературой и могли бы помочь одаренному юноше. Вот почему после Рождества он решил стать помощником ленсмана.

Получив это место, он переменился. Прачка, которая стирала и гладила ему рубашки, сетовала на его придирчивость. Несколько раз он возвращал ей рубашки, требуя удалить все пятнышки и разгладить все складки. Ведь тот, кто принадлежит к высшим слоям общества, должен выглядеть безукоризненно! Но иногда он мог быть милым: однажды, когда прачка уж очень огорчилась, он подарил ей брошку[9].

Молодые девушки, с которыми он прогуливался, хихикали, рассказывая друг другу, что он до смешного тщательно стряхивал травинки со своих брюк, после того как сидел вместе с ними на траве. Он любил также брать девушек за руку, рассказывая им смешные истории и декламируя стихи. Им было невдомек, что он питал такую же страсть к недоступным женщинам, как и мужские

персонажи, которых он описывал в набросках к своим будущим произведениям.

Он пишет новый роман и называет его по имени главного героя — «Бьёргер». Родителям героя он дал имена собственных родителей. А дочь купца, в которую влюблен герой, он, конечно же, назвал Лаурой. Теперь Гамсун не стыдится и не скрывается. Как и в реальной жизни Гамсуну, его герою не удалось заполучить дочь купца, и он, как и его создатель, утешается творчеством. Когда доктор, ленсман и священник прочитали «Бьёргера», то поразились, насколько возросло его писательское мастерство: живые, пробуждающие чувства описания, более отточенные фразы, диалоги, гораздо более естественная манера повествования, отражающая авторскую речь. Они предоставили ему возможность пользоваться их библиотеками, и чтение оказало чудесное воздействие на одаренного юношу.

Увлекаясь сочинительством, Гамсун в то же время постоянно осознавал себя человеком из крестьянской среды, и ему очень хотелось повторить фольклорную историю простого крестьянского парня, который стремится завоевать дочь богача. Но теперь он чувствовал себя гораздо увереннее в изображении причудливой любовной игры. Своеобразными чертами этого раннего романа Гамсуна явились его понимание людей с тонкой нервной организацией, а также ощущение страха перед безумием и опьянение собственным творчеством.

Его покровители решили рекомендовать его самому богатому человеку в Нурланне. Осенью 1879 года Гамсун сочинил письмо, изменившее его жизнь. Вера в возможность достижения недостижимого постепенно органически становилась его натурой, и он решился попросить известного торговца Эразма Цаля дать ему взаймы огромную сумму денег, равную жалованью внештатного учителя за двести недель!

Письмо, вероятнее всего, написанное не без участия ленсмана, представляло собой причудливую смесь из лести, хвастовства и почтительных просьб. Деньги, как объяснял Гамсун, были ему нужны для поездки в Копенгаген, где он намеревался встретиться с самым известным в Скандинавии издателем Фредериком Вильгельмом Хегелем, владельцем торгового дома «Гюльдендаль»[10].

При этом Гамсун умолчал о том, что, возможно, издатель Ибсена будет не так уж рад его появлению на Парнасе. Он совершенно умолчал о том, что был вынужден буквально умолять местных издателей опубликовать его творения: «Загадочный человек. Нурланнская любовная история», «Бьёргер» и поэму «Встреча», а желающих купить его творения оказалось совсем

немного, несмотря на его попытки заинтересовать своими книгами рыбаков, рабочих коптилен и солилен, а также и просто добрых прихожан по дороге в церковь и обратно. Не обмолвился он и о том факте, что редакторы столичных газет отказывались печатать его стихи.

Цаль, которого называли Властелином Нурланна, пригласил девятнадцатилетнего юношу посетить его на острове Хьеррингёй, недалеко от Будё. И вот в начале июня длинноногий Гамсун уже вышагивал по длинному мосту через морской пролив, который ему надо было пересечь, чтобы достичь Хьеррингёя. Здесь было много еще более крупных строений, чем те, которые он видел, живя у Вальсё на Транёе. Перед ним предстали магазины и лавки, склады, лодочные сараи, кузница позади дома, конюшня, главный жилой дом, выкрашенный белой краской, и еще один великолепный дом, выкрашенный в золотистый цвет, наискось на противоположной стороне усадьбы — небольшой лодочный сарай, летняя кухня, свинарник, пекарня и сарай на сваях. А посередине сад — обнесенный изгородью с белыми воротами.

Цаль достал из сейфа 1600 крон — солидная сумма: работник, помогающий по хозяйству в усадьбе, зарабатывал 200 крон в год.

Вероятно, Гамсун покинул Хьеррингёй с чувством уверенности в себе. Сам всемогущий Цаль оказал ему покровительство. Этот дьявольски расчетливый купец решился вложить деньги в его литературный талант[11].

День своего двадцатилетия, 4 августа 1879 года, Гамсун встретил дома, в Гамсунде на Хамарёе. Он помогал на сенокосе, щедро одарил родителей, сестер и братьев деньгами и подарками. Кнут тщательно отобрал книги, рукописи и одежду. Все то, что из своей старой жизни можно было взять в новую.

Никто из них не мог тогда себе представить, что пройдет едва ли не двадцать лет, прежде чем он снова вернется сюда.

Шок

В середине августа Кнут Гамсун появился во втором по величине норвежском городе, Бергене, где он должен был сесть на пароход, отправляющийся до Копенгагена. Здесь он впервые в жизни посетил большой книжный магазин и пережил настоящий шок. Он понял, что безнадежно отстал в своем чтении. До этого момента он прежде всего читал те книги, которые знал и любил, романтические крестьянские повести, тогда как в ведущих литературных кругах давно укрепилось мнение о необходимости

развития реалистического направления.

Более трети оставшихся денег Гамсун потратил на приобретение книг. Чтение их повергло его в ужас. Двадцатилетний Гамсун осознал, что ему следует решительно переработать свои произведения: сборник «Звон мечей», «Фриду» и еще одну историю о бедном парне, который ухаживал за дочерью богача, прежде чем он представит их в Копенгагене издателю Ибсена Хегелю[12].

И он уединился в Эстезе, маленьком местечке на берегу Хардангер-фьорда.

Он стал размышлять о своей речи, о том, на каком языке он говорит. Ни диалект горной страны его родителей, ни говор полуострова Хамарёй никак не устраивали его ни в литературном, ни в социальном плане. Его устная и письменная речь должны стать единым целым.

Кнут Гамсун стал серьезно задумываться над тем, какое впечатление он производит на людей, старался выглядеть загадочным.

В пансионе, где он поселился, часто собиралась свободомыслящая, политически ангажированная молодежь, и Гамсун начал так самоуверенно просвещать других, что многие почувствовали себя задетыми. Им и в голову не могло прийти, что он просто приобрел и изучил двухтомную биографию лорда Байрона, написанную немцем Карлом Эльзе.

Когда он оставался наедине с самим собой, его, несомненно, посещали мрачные мысли. Достаточно ли он преуспел к настоящему времени? В это время Гамсун приобрел дурную привычку, которая будет сопровождать его в течение долгих лет: как только появлялись деньги, он начинал их транжирить. По прошествии трех месяцев он истратил большую часть денег, полученных в долг. И теперь, находясь в отчаянном положении, он набрался нахальства и попросил своего мецената Цаля одолжить ему сверх того еще четыреста крон. И это в те времена, когда для рабочего дневной заработок в крону считался хорошим. Невероятно, но деньги он получил.

В преувеличенных выражениях Гамсун поблагодарил Цаля и пообещал ему, что когда-нибудь, когда он прославится, он не забудет прославить и имя Цаля, которому он обязан[13].

Накануне Рождества 1879 года он оказался в центре Копенгагена, где располагался торговый отдел «Гюльдендаля», и решил поселиться неподалеку. На следующий день ранним утром, надев свой лучший костюм, Гамсун отправился с рукописью к издателю[14].

Придя туда, он заявил о своем желании поговорить непосредственно с самим Фредериком Вильгельмом Хегелем, и его провели в приемную. Издатель еще не пришел. Приемная была разделена на две части стойкой с откидной доской. Рядом с ним стоял какой-то датчанин, он препирался с сотрудником из-за своей рукописи. Через девять лет Гамсун познакомится с ним. Этим человеком оказался Герман Банг{4}.

Наконец появился Хегель. Человек лет шестидесяти, похожий на священника. Началась беседа. Хегель был приветлив, но не поднял конторский барьер и не пригласил посетителя, проделавшего столь долгий путь, пройти в свой кабинет. Гамсуна попросили зайти на следующий день.

Однако напрасно на следующее утро он ждал встречи с Хегелем. В конце концов Кнут поведал о своем деле конторскому служащему, и тот вынес ему сверток. На вопрос, что это значит, служащий объяснил, что рукопись отвергнута.

Гамсун открыл сверток.

Ни единого слова от редактора. Этого всемогущего издателя даже невозможно увидеть. Произошло это или перед самым Рождеством 1879 года, или через несколько дней после него.

Двадцатилетний юноша, Гамсун вышел навстречу жизни в большом городе. В питейном заведении «Преисподняя» он дважды выпил на брудершафт с хозяйкой, изображая из себя прожигателя жизни.

В Копенгагене у него не было ни единой знакомой души.

Он был максимально далек от литературной жизни, никогда не был знаком ни с одним писателем, и лишь недавно познакомился с людьми, которые говорили о литературе, читали книги, как классиков, так и современных писателей. Ему-то лишь иногда случалось читать книжные рецензии в газетах, он ни разу не был на литературной лекции или в театре. В Бергене он впервые в жизни посетил настоящий книжный магазин.

Его знания о литературе оставляли желать лучшего. Конечно же, Гамсун читал книги ради удовольствия, а позднее ради обретения знаний, но он безнадежно отставал от тех, кто предлагал свои рукописи. У многих за спиной было по крайней мере среднее образование и солидный читательский багаж, некоторые из них писали в газетах, как, например, Герман Банг, которого Гамсун встретил в приемной у Хегеля. В том году датчанин опубликовал сборник «Реализм и реалисты». В его статьях обсуждались проблемы смены литературных поколений, полемика в ученой среде Копенгагенского университета в связи с назначением радикала Георга Брандеса доцентом, а также

представители нового поколения писателей, такие как Золя и Бальзак, которые отстаивали реалистические принципы в литературе и творчестве в целом.

Двадцатилетний юноша из Нурланна предстал пред светлые очи издателя Ибсена с рукописью, текст которой пестрел стереотипами, заимствованными из романтических крестьянских повестей его кумира и соотечественника Бьёрнстьерне Бьёрнсона. Но они были написаны двадцать лет назад, и совершенно очевидно, что с реалистическими произведениями Гамсун еще не соприкасался.

В это время Ибсен написал новую пьесу «Кукольный дом», которая уже шла в Королевском театре. Конфликт между супругами Норой и Хельмером происходил в той среде, о которой молодой Гамсун не имел ни малейшего представления. С широко раскрытыми глазами бродил он по театральному фойе, наблюдая за принадлежащими к классу буржуазии мужчинами и женщинами, которые вели себя так свободно и независимо.

Вероятно, в это время он спрашивал себя, а мог ли бы и он стать частью этой жизни. Его социальные амбиции были гораздо ниже уровня его литературных притязаний. Он попытался связаться и с другими издателями в Копенгагене, а также и с одним норвежским поэтом, представителем национального романтизма. Те, кто снизошел до ответа, объясняли, что написанное им укладывается в рамки того жанра, который уже безвозвратно принадлежит прошлому. Многое указывает на то, что он не верил подобным отзывам. Что касается профинансировавшего его поездку Цаля, то Гамсун объяснил ему сложившуюся ситуацию следующим образом: Хегель из «Гюльдендаля» отверг рукопись «Фриды», потому что ее автор следует здесь традиции Бьёрнстьерне Бьёрнсона, которого ненавидят его датские собратья по перу[15].

Он решил обратиться к Бьёрнсону, своему кумиру, который, как ему казалось, вполне мог помочь юному дарованию.

Бьёрнсон и Ибсен соперничали между собой, борясь за место самого великого писателя Норвегии. В сфере общественной жизни положение Бьёрнсона было уникальным, он постоянно высказывался по всем значительным поводам и оставался абсолютно непререкаемым авторитетом. Бьёрнсон активно участвовал в международных дискуссиях и часто бывал в других странах: Германии, Франции, Италии… Что касается Ибсена, то он вообще не приезжал в Норвегию с тех пор, как с горечью в сердце покинул ее в 1864 году.

Отвергнутый издателями Гамсун решил посетить Бьёрнсона,

который купил себе прекрасную усадьбу неподалеку от Лиллехаммера. Это было в начале 1880 года.

Кнут передал рукопись Бьёрнсону, и тот предложил зайти за ней через день-другой. При этом Бьёрнсон неожиданно, прямо на месте, принялся листать рукопись, а потом быстро и аккуратно сложил странички в пачку и вернул ее автору, дав понять, что, по его мнению, рукопись не представляет интереса[16].

Бьёрнсон посоветовал Гамсуну вместо литературного творчества стать актером и снабдил его рекомендательным письмом к одному из известных артистов. Тот дал ему контрамарку. Таким образом Гамсун начал свое знакомство с театром, той сферой искусства, которую, по собственному признанию, он так мало знал. И тем не менее у него сразу же сформировались свои собственные, весьма резкие, суждения об Ибсене и других драматургах. Потребность к самовыражению была велика, но тщетно пытался он напечататься в газетах и журналах.

В первые месяцы своего пребывания в Кристиании Гамсун был вынужден одну за другой отдавать в заклад принадлежащие ему вещи: часы, зимнее пальто. И книги, в первую очередь книги, их у него было более ста. Он часто присутствовал на аукционах — если его вещи попадали в хорошие руки, для него это было не так мучительно[17].

И снова он решился обратиться за помощью к Бьёрнсону, на этот раз послав ему письмо. Он просил его помочь найти работу, которая могла бы обеспечить ему хлеб насущный[18]. Видимо, письмо произвело впечатление, так как весьма занятый Бьёрнсон взял на себя лишние хлопоты, чтобы помочь Гамсуну, и обратился к Улафу Скавлану, профессору литературы университета Осло. Профессор прочитал присланную ему лирику и прозу, и наконец-то впервые с того момента, как Гамсун покинул родные края, он получил положительный отклик на свое творчество. Профессор дал письменный отзыв, из которого следовало, что «автор незрелый, но подает большие надежды». Улаф Скавлан просил друзей и знакомых помочь юноше улучшить образование, может быть, путем частных уроков, чтобы потом получить аттестат средней школы[19]. Одним из тех, кто откликнулся на призыв профессора, был аптекарь Харальд Таулов, который стал давать новоявленному поэту конторскую работу. Гамсун также стал бывать в доме аптекаря, общаться с членами его семьи и представителями буржуазных кругов Кристиании. В этом разнородном кругу, состоявшем из торговцев, предпринимателей, чиновников, преподавателей, ученых, обер-офицеров, всех тех,

кто и составлял высший слой буржуазии в тогдашней норвежской столице, которая все еще оставалась небольшим городом, становилось все больше и больше тех, кто считал Кнута Гамсуна значительной личностью среди молодых неимущих интеллектуалов, которые заслуживали материальной поддержки.

Они быстро обнаружили, что он необразован, что было, правда, неудивительно. Его резкие суждения вызывали раздражение даже у самых терпеливых. Женщины считали, что он обладает грубым шармом, и он вел себя так, как будто бы не понимал, что ни для кого не является подходящей партией.

Менее чем за год он растратил сумму, равную восьмилетнему жалованью помощника ленсмана. Кредиторы у него были всюду — от Будё на севере до Кристиании и Копенгагена на юге. Слухи о его мотовстве приводили к тому, что все больше и больше дверей закрывалось перед ним.

Многие в Нурланне предостерегали его от соблазнов городской жизни.

Он вырос в сельском сообществе, где стоящие и наверху, и внизу общественной лестницы постоянно общались между собой, где землевладелец и арендатор, безземельный батрак и тот, кто находился на содержании прихода, все едят за одним столом, все они взаимосвязаны и взаимозависимы, потому что так или иначе причастны к одному общему делу — вместе возделывают землю.

Теперь, в своей городской гавани, он встретился с гораздо более жестоким образом жизни, прежде всего потому, что здесь можно стремительно возвыситься и так же быстро упасть. Он пытался обращаться к издателю Ибсена и другим, предлагая им лучшее из написанного. Они вели себя доброжелательно, но рукописи отвергали. Ведь в своих произведениях он изображал тот мир, который был неведом и совершенно непонятен и датским, и норвежским издателям: жизнь крестьянского сообщества на самом севере, за полярным кругом. Несомненно, Гамсун начал понимать, что не может продолжать сочинять в прежнем духе. Он должен писать в современном стиле, писать для тех, кто живет в городе. Те, кто издавал и покупал книги, конечно же, хотят читать о самих себе.

Он посещал театры, так же как и дешевые кабаки, чтобы потом возвращаться в свое убогое жилище, где он был вынужден затыкать уши шариками, скатанными из обрывков газет, чтобы не слышать проявлений грубой жизни вокруг. Он жил и работал в тесной каморке. Однажды он решился описать эту свою двойную жизнь.

Он показал написанное жене аптекаря Нине Таулов. Она была

начитанной женщиной, дружила с Бьёрнсоном и другими писателями. Он надеялся, что она оценит его литературный дар.

Позднее она сетовала Бьёрнсону: «Я попыталась было углубиться в его сочинения, но почувствовала себя абсолютно обескураженной, я обнаружила в этих рукописях лишь напыщенность и невразумительность»[20]. Бьёрнсон тоже не верил в Гамсуна.

Но его переживания и впечатления не пропали даром, через десять лет они принесли свои плоды, оказавшись бесценным материалом для творчества писателя, найдя свое воплощение в романе «Голод».

А жена аптекаря так и не поняла, сколь фундаментально она заблуждалась в своих суждениях.

В то время как происходила не очень лестная для молодого Гамсуна переписка между женой аптекаря и Бьёрнсоном, несчастный автор попытался свести знакомство с еще одним представителем столичной буржуазии — директором дорожного строительства. Это знакомство не принесло Гамсуну ожидаемого места конторщика. Директор направил сомнительного сочинителя туда, где, как он полагал, тому и надлежит находиться: определил рыть землю.

Кнуту Гамсуну ничего не оставалось, как с благодарностью принять такое предложение и начать работу на строительстве дороги в районе северной части озера Мьёса, самого большого озера в Норвегии. Он прибыл туда в мае 1880 года.

С первого дня он стал там примечательной личностью.

На него невозможно было не обратить внимание. На всеобщем фоне он резко выделялся своими золотистыми волосами, которые почти доставали до плеч; у него не было, как у других, рабочей одежды, вместо нее Кнут носил старый, залатанный костюм, явно принадлежавший кому-то из обеспеченного сословия, говорил он языком культурного человека, вплетая, правда, в свою речь гудбрандсдальские и нурланнские словечки.

Через короткое время он продвинулся до должности табельщика, распределяющего работу. Теперь он стоял на горе вырытой земли с бумагой и карандашом. Умение хорошо писать дало ему возможность подняться по социальной лестнице, но, увы, не изменило его экономического положения. Он оказался на мели, без денежных средств и потенциальных кредиторов. Чтобы не замерзнуть, он надевал все имеющиеся у него четыре рубашки и прокладывал между ними газеты. Не лучше было с едой и кровом[21].

В начале нового, 1881 года состоятельные люди вновь открыли перед ним свои двери.

Однажды он шел к себе домой, и рядом с ним остановился экипаж — какой-то элегантный, хорошо одетый господин предложил Гамсуну сесть рядом с ним. Это был управляющий спичечной фабрикой — он, как и все, был наслышан о некоем литераторе в сильно поношенной, но дорогой одежде, работавшем на строительстве дороги.

За время недолгой беседы по дороге управляющий был настолько очарован личностью Гамсуна, что тут же пригласил его к себе домой. Приверженец прекрасного в четырех надетых одна на другую рубашках с прокладками из газет, в рединготе{5} почти до пят, помылся и получил приличную одежду. Благодаря этой случайной встрече он проделал путь из весьма скромного жилища рабочего до богатого дома управляющего. Это дало ему и работу настоящего конторского служащего. Считая тачки с гравием днем и вращаясь в более высоких кругах в свободное от работы время, он постепенно пришел к важному решению. Только бы удалось достать для этого денег.

Он решил отправиться в Америку.

В Америку

В январе 1882 года Гамсун находился на пути в Гамбург — он был в числе тех 28 000 человек, которые ехали в Америку только в этом году. Судьба дала ему возможность испытать прославленную щедрость немцев по отношению к норвежским деятелям культуры.

Один знакомый снабдил Гамсуна рекомендательным письмом в одно из немецких пароходств. Кнут навсегда запомнил хороший прием, оказанный ему директором компании, и много лет спустя вспоминал: «Директор встретил меня весьма доброжелательно. Я рассказал ему, что я молодой, неизвестный пока поэт, что я хочу отправиться в Америку, чтобы достигнуть чего-то, и что там у меня есть родственники. Я спросил, не мог бы он как-то помочь мне с дешевым билетом через океан… Я никогда не забуду этого человека. Он сидел напротив, пристально рассматривая меня. Потом спросил: „А где живет ваша родня в Америке?“ „В Эльрое“, — ответил я. „Я дам вам бесплатный билет отсюда до Америки и, кроме того, билет на поезд до Эльроя“, — сказал он в конце разговора. <…> Я неважно владел английским, но понял, что он делает это только из-за того, что я — молодой норвежский

поэт».[22]

В среду, первого февраля 1882 года, страдая от последствий морской болезни, Гамсун сделал первые неуверенные шаги по американской земле. В Нью-Йорке он сел на поезд и поехал в глубь огромной страны.

Оказавшись в Чикаго, он хвастается в своих письмах, как бывалый путешественник, как будто он уже успел повидать весь белый свет с тех пор, как покинул Норвегию. Он тут же нашел редакцию газеты, издаваемой переселенцами из Скандинавии, и предложил для печати несколько своих стихов[23]. Редактор обещал опубликовать большинство из них.

Уже с большим чувством уверенности в себе встретился Гамсун с одним американским профессором норвежского происхождения, который, как он надеялся, мог бы стать его наставником, — но встреча оказалась не очень удачной, и вскоре их отношения вовсе разладились.

Бросив беглый взгляд на принесенные самоуверенным литератором рукописи, профессор объявил: пропасть между амбициями и способностями просто-таки непреодолима.

Встреча с братом, который жил в Америке уже пятнадцать лет, лишила Кнута многих иллюзий. Портновские дела у брата явно шли неважно. Он ездил по округе, держа феле{6} в одной руке, а в другой — смычок, из внутреннего кармана у него постоянно выглядывала бутылка спиртного. Шил он все более и более неряшливо. Жена и дети должны были сами заботиться о себе. Позднее это станет темой, к которой Гамсун постоянно возвращается в своих романах: как меняется образ жизни тех сельских жителей, кто эмигрировал или перебрался в большой город. Тех, кто пытался забыть о своем крестьянском происхождении и войти в иную, городскую среду, но не найдя там себя и уже не имея ни сил, ни желания, ни возможностей вернуться обратно, оставался вечно несчастным.

Гамсун стал работать на ферме, но постоянно тосковал по дому. Он жаловался, что здешние англосаксонские женщины не обращают на него никакого внимания. Положение улучшилось, когда он стал работать у выходца из Германии. Хозяйство было ухоженным, а супруга фермера проявила по отношению к Гамсуну ту заботу, в которой он так отчаянно нуждался[24].

Вскоре он осел в маленьком городке Эльрое. Здесь он через какое-то время сблизился с крупным местным дельцом, который владел банком и руководил почтовой службой. Гамсун стал продавцом в его магазине, начал носить до блеска начищенные

ботинки. Какое-то время он воздыхал о двадцатитрехлетней дочери одного норвежского эмигранта. Но как только она стала проявлять к нему интерес, на него как будто что-то нашло, и он повел себя странно. Ему нравилось, когда женщины показывали ему свое расположение, но ни одной из них он не позволил бы захватить все его помыслы и речи, которые принадлежали только ему.

Гамсун стал читать лекции, и первая лекция, которую он прочел в одно из воскресений в ноябре 1882 года в помещении одной из школ Эльроя, была посвящена Бьёрнстьерне Бьёрнсону. Двадцатитрехлетний юноша выступил с одобрением творческой и политической деятельности Бьёрнсона, но посетовал на то, что назвал его несчастьем, — неверие. Неверие в рай, ад и Божественную милость[25].

Гамсун прочел несколько лекций в разных эмигрантских сообществах. Он все меньше и меньше критиковал свободомыслие, и в конце концов местный пастор стал отговаривать прихожан от посещения его лекций.

Это, конечно же, не способствовало успеху лекторской деятельности Гамсуна.

Средства к существованию он зарабатывал, служа в дневное время продавцом в магазине. Вечерами он старался сосредоточиться на своем творчестве, насколько это было возможно, в маленькой чердачной каморке, которую он делил с товарищем-американцем. Если слова не приходили, он начинал рисовать, если не было бумаги, он рисовал на стенах и потолке.

На одной из стен комнаты он прикрепил листок бумаги со своим профилем и следующим девизом: «Моя жизнь — это неустанный полет через многие земли. Моя религия — безудержное поклонение природе. Мой мир — эстетическая литература»[26].

Однажды поздно вечером товарищ Гамсуна вошел в комнату и увидел его спящим, рядом с кроватью на стуле стояла зажженная лампа. Здесь же лежали сигара, нож и записка:

> «Закури сигару и вонзи нож в мое сердце. Сделай это быстро, решительно, как выражение дружеских чувств, если действительно питаешь их ко мне.
>
> *P. S. Эта записка послужит тебе оправданием в суде»*[27].

Сосед Гамсуна по комнате не раз недоумевал, на самом ли

деле Кнут хотел смерти или просто шутил, ведь тот неоднократно обращался к нему с подобной просьбой, по-разному формулируя ее.

Кнут Гамсун, конечно же, не собирался покончить с собой. Он был движим неким религиозным бунтом, в котором вызов силам неба, а порой и ангелу смерти был непременным кощунственным элементом. Он уже давно отказался от жестокого карающего ветхозаветного Бога, перед которым его заставлял склониться дядя. А теперь пришел также черед сомнений в милосердии Бога Нового Завета, в милосердии Иисуса Христа, обращаться к которому в молитвах учила его мать. Своими религиозными сомнениями он делился с другим норвежцем, близким ему по взглядам Свеном Тверосом{7}, которому написал 29 февраля 1884 года: «Должен сказать тебе, что давно сомневаюсь в истинности всего ветхозаветного христианства»[28]. При этом Гамсун не сообщил ему, что два дня назад с благодарностью принял предложение приехавшего из Норвегии школьного учителя, писателя и друга Бьёрнсона, а ныне священника Кристофера Янсона{8} — стать его помощником и секретарем в унитаристской церкви, где последний служил.

Янсон увидел в судьбе молодого соотечественника, поселившегося у него на Николетт-авеню в Миннеаполисе, в доме № 2419, много общего со своей. В этом с ним была согласна и жена Кристофера, Друде.

Гамсун прожил в доме супругов Янсон несколько лет. Друде являлась его квартирной хозяйкой, а хозяин дома — работодателем. Друде была страстной натурой. Когда они с Кнутом оказывались наедине, она ясно показывала ему, что полна неудовлетворенных желаний.

Янсон часто бывал в разъездах. В его отсутствие Кнут и Друде подолгу беседовали и все больше открывались друг другу[29].

Янсон и его помощник прекрасно ладили между собой. Гамсун помогал вести переписку, а также в организации богослужений, читал лекции, немного переводил. Его познания в грамматике английского языка оставляли желать лучшего, а словарный запас был весьма скромным, так что из-под его пера выходили иногда чудовищные фразы.

Дни напролет он проводил в библиотеке Янсона. Домашние часто видели его там и удивлялись его особому методу изучения книг. Редко можно было видеть его сидящим и внимательно читающим книгу. Вместо этого он мог часами стоять у книжных полок, доставая книгу за книгой и бегло просматривая. Когда Янсон и другие спрашивали его, нет ли у него желания более

глубоко изучить текст, то он объяснял, что обладает особым даром немедленно схватывать содержание книги и проникать в замысел писателя.

Для писателя-священника Янсона главным в книгах было идеалистическое, возвышенное содержание, а для Гамсуна, который искал в книгах знания, расширения своих горизонтов, — совсем иное. И он как никто другой был способен воспринимать их эмоциональное содержание.

Его понимала Друде Янсон.

Она тоже работала одновременно над несколькими рукописями, при этом, как и он, ставя перед собой задачу передать эмоциональные состояния. Они так сблизились, что читали рукописи друг друга. Написанное Гамсуном произвело на нее неизгладимое впечатление: красочность описаний, чувство прекрасного — такого, по ее словам, она ни у кого не встречала. В то же время она советовала ему повременить и не публиковать книгу, пока она не будет целиком закончена. Он последовал ее совету. Еще никогда в своей жизни он не встречал женщины, подобной Друде Янсон.

Дом на Николетт-авеню часто бывал полон гостей. В его комнатах играли на музыкальных инструментах, велись беседы, дискуссии. Новичок сразу же обрел здесь подобающее ему место и стал центром всеобщего внимания.

Сам он жил весьма насыщенной жизнью. В течение целого дня — секретарь и помощник священника. Лектор. Душа компании, пользующийся все большей и большей популярностью. Много общается с Друде. Пишет по ночам. Начинает страдать от постоянных простуд, его мучает кашель, часто бросает в жар…

Однажды, июньским вечером 1884 года, Гамсун вел аукцион на благотворительном базаре, во время которого он буквально корчился в приступах кашля. Кашель надрывал ему грудь. На носовом платке была видна кровь.

Друде Янсон настояла на том, чтобы его осмотрел врач. Когда, поправляя постельное белье, она наклонялась над ним, он ощущал ее женский запах, видел ее шею. Ее налитые груди касались его, ее взгляд сводил с ума… Он лежал под одеялом почти обнаженный и чувствовал сильное возбуждение[30].

В свои двадцать четыре года он еще не испытал близости с женщиной. Мысль о том, что он умрет девственником, не давала ему покоя.

В городе был публичный дом, но Гамсун держался подальше от его обитательниц — у него не было ни желания, ни средств на продажную любовь. От разврата его удерживал также страх перед

сифилисом. Теперь необходимости сдерживаться уже не было — ради чего?

Ему хотелось пойти в бордель, кричать от восторга, испустить дух во время любовного акта!

Кнут доверил свое последнее желание Друде. Она сказала, что понимает его. Ему удалось через посредника продать свои часы. Для поездки в бордель было необходимо заказать экипаж, так как Гамсун был слишком слаб, чтобы дойти туда. Но в назначенное утро экипажа он так и не дождался. К нему в комнату вошла Друде и сообщила, что отпустила экипаж…

Наступил вечер, а потом и ночь. Тридцатисемилетняя Друде, мать шестерых детей, все это время ухаживала за ним. В то утро, согласно письму Гамсуна его другу Эрику Скраму, написанному четырьмя годами позднее, у него появилась возможность совершить грехопадение. Предложение было получено абсолютно недвусмысленное.

Но он не захотел. «Если бы она не сама предложила себя, а я бы умолял ее об этом, то сложно было бы ручаться за то, что могло произойти», — доверительно поведал он товарищу.

Был Иванов день, и Гамсун попросил Друде Янсон раздвинуть шторы, зажечь лампы, много ламп. Она сказала, что совершенно не понимает его, и спросила, не сошел ли он с ума. Он сказал ей, что любит свет…

«Однажды ночью я поджег гардины», — признался Гамсун своему товарищу Эрику Скраму.

В конце июля 1884 года Гамсун возвращается в Норвегию через Нью-Йорк, Белфаст, Ливерпуль и Гуль. Добрая душа Кристофер Янсон приложил все усилия для того, чтобы собрать необходимую сумму денег на это длинное путешествие. Гамсуну исполнилось двадцать пять лет. Если ему суждено вскоре умереть, то лучше уж умереть, занимаясь творчеством у себя на родине.

В Кристиании его обследовали. Известный врач не сомневался, что он вполне может пережить зиму, а вот весна как раз может стать роковой. Доктор советовал пациенту воздерживаться от работы, избегать физических и интеллектуальных нагрузок, хорошо питаться, глубоко вдыхать сухой воздух, много отдыхать. Врач порекомендовал несколько хороших санаториев, где многим удавалось успешно избавляться от легочных хворей.

Но у Гамсуна не было средств. А некоторые из этих санаториев находились в Вальдресе, неподалеку от тех гористых мест, где он родился. И он решил отправиться именно туда.

Правда, отдыхать ему не придется, ему необходимо работать, иначе не на что будет жить и он умрет от голода или от холода.

Если же он будет усердно работать, то, возможно, ему удастся скопить достаточно крон, чтобы встретить опасную весну подготовленным, — тогда, по крайней мере, он сможет позволить себе хоть немного отдохнуть.

В столице он обошел редакции многих газет и журналов, — на этот раз редакторы некоторых из них хоть что-то слышали о нем, в противоположность тому времени, когда он вернулся из Америки в 1880 году и пробыл в Кристиании часть зимы и весну. Интерес они проявляли главным образом к его статьям, касающимся пребывания в Америке, а не к стихам и новеллам.

Поселившись в Вальдресе у одной вдовы, Гамсун самозабвенно погрузился в творчество, тратя на это все свои силы, полностью и без остатка, вполне отдавая себе отчет, что это может приблизить смерть. Врачи объяснили ему, что если туберкулез перейдет в закрытую форму, то он сможет выиграть месяцы и даже годы. Но всякий раз, когда он кашлял, становилось ясно, что открытая форма сохраняется. Он никак не мог избавиться от этого. Когда его охватывала волна вдохновения, он работал вплоть до того, что потом падал от изнеможения лицом

на свои рукописи, совершенно измученный или, еще хуже того, весь в холодном поту,ознобе, корчился от приступов кашля.

Гамсун переработал тексты прочитанных им лекций и отредактировал свои американские записки. Кроме того, написал статьи о Сенеке, святом Павле, Кристофере Янсоне, особом ритме огромного города Нью-Йорка, об изобретателе сборника псалмов с электрическими буквами, который беспардонно его надул, о своих встречах с индейцем Косая Сажень, который явился на свет в результате того, что французский художник изнасиловал дочь великого вождя племени индейцев.

Больших усилий написание этих статей не требовало. За неделю он мог сотворить несколько подобных сочинений. Не дописав, он сгребал их в кучу, экономя время, и продолжал писать и писать дальше.

Он теперь был недоволен собой и своим творчеством. Стал весьма самокритичным после того, как пять лет назад написанное им вызвало насмешки в Копенгагене и Кристиании. Он отдавал себе отчет, что никогда не сможет догнать пишущую братию из буржуазных семейств, поскольку навсегда был лишен того, что было у них: он не сдавал экзаменов за среднюю школу, ему не довелось сидеть в университетских аудиториях, у него не было возможности для систематического чтения, он не мог черпать познания из домашних разговоров, с ранней юности посещать музеи, театры, концертные и оперные залы. Наверное, он никогда не сможет держаться так же независимо, как они, у него не будет печати благородства, которой они отмечены; у него нет той защищенности, которой обладают они от рождения.

Он пришел к выводу, что для того, чтобы превзойти их, он должен писать так, как еще никто на свете не писал до него.

Он мечтал, что создаст нечто великое, которое мгновенно, подобно вспышке молнии, вызовет всеобщее восхищение, что над ним засияют небеса, а он сам будет опьянен нарастающим торжеством, до тех пор, пока его гений не проявит себя в новом творении, а изумленная толпа не станет вопрошать: «Кто же это такой на самом деле?»

Он постоянно воображал всякие невероятные события, которые должны были случиться, если он выживет. Ведь он обладает поистине дьявольскими способностями, как он однажды поведал своему другу: «Для меня нет ничего непостижимого. То, что другие постигают с помощью каких-то теоретических подходов, все это я воспринимаю мгновенно, оно само как бы раскрывается передо мной. Именно эти вспышки озарения порой

дают предчувствие того, что должно случиться»[31].

Гамсун корчился от приступов мучительного кашля, и ему все труднее и труднее было ощутить разницу между подлинными событиями и воображаемым миром. Он написал новеллу о смертельно больном человеке, который пытается убедить себя, сколь смехотворно цепляться за этот жалкий фарс, который именуется жизнью.

Когда редактор «Дагбладет» наконец перед самым Рождеством отдал в печать текст новеллы «Фрагмент одной жизни» и написал Гамсуну в письме, что он талантливый писатель, то это невероятно ободрило его[32]. Неужели он уже стоял на пороге признания? Может быть, теперь вся буржуазная публика: писатели, редакторы газет и журналов, а также и издатели — гадает, кто же скрывается за подписью «Неизвестный писатель»? Теперь уже не стоит прятаться в горной долине — скоро он будет знаменит. Ему следует показаться.

И он немедленно отправляется в Кристианию. Чтобы убедиться, что ничего не изменилось.

В жизни ему несколько раз доводилось проводить нерадостное Рождество, но это Рождество 1884 года было, пожалуй, самое горькое. Городской воздух был вреден для его легких, но у Кнута не было денег на обратный путь в горную долину. В конце концов ему пришлось униженно обращаться с просьбой о деньгах к тем, кто помог ему, когда он в прошлый раз был в столице.

Ему хотелось показать жене аптекаря Нине Таулов и другим представителям буржуазных кругов, на что способна талантливая творческая личность, несмотря на то что у него нет ни воспитания, ни образования, которыми обладают они.

Герою своей новеллы он дал прекрасный богатый родительский дом и заботливую мать. Именно такая мать и была у управляющего спичечной фабрикой и его брата, их мать настолько прониклась симпатией к этому необычному дорожному рабочему, что одолжила Кнуту денег на поездку в Америку.

Муки творчества, которые он испытывал, чтобы соединить реальность и беллетристику, были столь сильны, что во время написания новеллы он облегчил душу следующим признанием: «Ну вот… о, твоя мать! О боже, какой это человек! Если бы у меня была такая мать, Николай, тогда мои способности, утраченные в результате моего несчастливого воспитания, позволили бы мне сделать что-то значительное в жизни. Я не сомневаюсь в этом».

В это время в жизни Кнута Гамсуна появилась еще одна женщина, которая в чем-то заменила ему мать. Кари Фрюделунд, вдова, жительница Вальдреса, владела гостиницей и постоялым

двором, где меняли лошадей.

Именно в ее доме двадцатипятилетний Гамсун много писал, отдавая все силы творчеству, пытаясь пережить ту весну, которая, по словам доктора, могла стать для него последней.

Гамсуну было приблизительно двадцать четыре с половиной года, когда с конца февраля — начала января 1884 года он начинает подписывать свои письма именем Кнут Гамсун.

Вырабатывая свой стиль, он преобразовывает язык, а заодно убирает из своей фамилии последнюю букву «д», чтобы стать уникальным, с именем, как ни у кого другого в целом мире. Постепенно страх смерти отпускает его, и он начинает писать так, как никто еще до него не писал, теперь он носит и новое имя.

Имя, которое не привязано к какому-то определенному географическому месту, как усадьба Гамсунд. Имя, которое будет заполнено лишь энергией его гения.

В течение осени 1885 года, отложив работу над статьями, он полностью погружается в работу над рукописью романа, который должен был решительно изменить его жизнь. Он отдавал роману все свои силы. Нервы были совсем расстроены, его мучает депрессия, его одолевают воспоминания детства и мрачные мысли о том, что он никто и никогда ничего не добьется. И вновь он раскрывает душу своему другу: «Ты говорил обо мне со своей матерью, какого мнения она обо мне? Боже, помоги мне! В какой среде я был рожден и какое воспитание я получил, все это не способствовало формированию душевной гармонии! Потому и совершает человек безумные поступки, а потом вынужден страстно раскаиваться. Но бывает, что уже поздно. Шаг за шагом я старался образовывать себя, я не шел по жизни, а всегда карабкался вверх. Поэтому постоянно оказывался в таком положении, что мне всегда было в чем раскаиваться. Теперь голова моя переполнена идеями, которые помогут сбыться моим мечтам, разрешат некоторые мои затруднения, но, кажется, сейчас убийственно поздно осуществлять эти идеи»[33].

Теперь он пишет не о крестьянской жизни, которую так хорошо знает, но о городской. Эту жизнь, не принадлежа к ней и не будучи ее частью, он описывает, исходя из своего прежнего опыта и сложившихся представлений. Он описывает коллизии этой жизни, исходя из своего противостояния ей, — вот как он пишет об этом своему другу: «Моя книга будет о представителях богемы, это будет трагическая история о том, как человек опускается на дно, и здесь для меня как автора важно возвыситься над материалом. Бывает, что в один какой-то день все ясно предстает передо мной, я чувствую в себе способности, дар выражения, слова так и устремляются ко мне, я чувствую

сюжетный нерв, а на другой день меня охватывает уныние, потому что я не могу найти выразительные художественные средства. Кажется, что я работаю напрасно, работаю ценой своей жизни»[34].

Непризнанный гений

К весне 1885 года деньги у Гамсуна кончились. Кроме того, двадцатишестилетнего Гамсуна охватило беспокойство, к тому времени он уже пробыл в горной долине в общей сложности около года. То и дело по разным поводам он выступал перед жителями Вальдреса с лекциями, он рассказывал им о писателях, которых сам открыл для себя за последнюю пару лет: Бальзак, Флобер, Гюго и Золя, Бьёрнсон и Ибсен. Многие считали, что ему стоит отправиться в лекционное турне. Он подготовил новые лекции: об Александре Хьелланне{9} и о шведе Августе Стриндберге{10}.

Начало было многообещающим.

Первая лекция состоялась 8 мая 1886 года в помещении школы в маленьком селении в горной долине. Пришло много людей. Следующим местом был городок Йёвик на озере Мьёса, где пять лет назад Гамсун работал на строительстве дороги. Здесь пришло всего пять человек.

В других городках на берегах фьорда вблизи Кристиании ему удавалось собирать немногим больше слушателей, и потому он решил прекратить эту деятельность.

В самой Кристиании он решил на какое-то время спрятаться от всех.

В течение последующих восьми лет он сочинял бесконечное количество версий своего романа, который должен будет перевернуть его жизнь. Несмотря на неудачи, Гамсун не терял присущего ему чувства юмора, себя он описывал как «молодого гения, чье имя настолько неизвестно, что ни один редактор не способен даже правильно написать его, и услышав его, никто точно не может вспомнить, что читал что-либо подписанное им». Кое о чем умолчав, при этом кое-что добавив и чудовищно преувеличив — ведь он основательно изучил ораторскую технику Марка Твена, — он написал новеллу «Лекционное турне» о том, как ездил по разным городам с лекциями[35].

Теперь Гамсун был готов к решительному штурму литературного Олимпа. Ему не нужно больше скрываться за вымышленными персонажами или отражаться в них. Он

разрабатывал такую писательскую технику, которая позволила бы ему воплотить в своем творчестве противоречивую, неврастеническую личность. Технику, характерная особенность которой состоит в том, что авторское «я» дробится и звучит в нескольких голосах, которые спорят между собой, и одновременно повествует, размышляет, наблюдает и комментирует происходящее.

Другой характерной чертой этой техники является многообразие настроений, импульсивность, резко сменяющие друг друга движения души. В голосе повествователя звучала ирония, и Бог свидетель, как он громко смеялся над состраданием к самому себе.

В первой половине лета 1886 года Гамсун ощущал воодушевление, казалось, что-то необыкновенное, въедающееся должно вот-вот вдруг открыться для всех. Увы, отклики были удручающими. Никто не распознал в двадцатисемилетнем рассказчике в новелле «Лекционное турне» «уже окончательно сформировавшегося» писателя, автора будущего прославленного романа «Голод».

Получив несколько отказов в публикации от газетчиков, он обратился к одному из уважаемых представителей младшего поколения, Арне Гарборгу. Коллега, который был на восемь лет старше Гамсуна, пообещал прочесть рассказ «Лекционное турне», но лишь спустя несколько дней. Гамсун, который находился на грани душевного кризиса, был просто сражен. Он не смог сдержать своего негодования и на следующий день вынужден был извиниться: «Уже в течение пяти лет мне постоянно говорят „приходите завтра“ — целых пять лет. Я так устал. Мне так надоело это „Приходите завтра“»[36]. Он доверительно признавался, что окрылен надеждой услышать вместо избитых фраз что-то новое, искреннее, что часто редакторская правка буквально убивает его, когда тот или иной редактор возвращает ему рукописи со своими замечаниями. В письме Гамсун приводил пример такой правки: один редактор увещевал его, что нельзя употреблять выражение «грязный ветер». Для того чтобы подчеркнуть, насколько для него важно услышать мнение старшего коллеги, он, можно сказать, кладет свою голову на плаху: «Я обращаюсь к Вам за окончательным приговором. Я жду его именно от Вас. Я осознаю, как рискованно заниматься деятельностью, к которой я испытываю подлинную страсть, но которая оборачивается лишь какой-то детской забавой. Если приговор Ваш будет таков, что более мне не следует писать, то я и не буду писать».

Гарборг выразил мнение, что манера письма в рассказе «Лекционное турне» заимствованная, весьма непривычная и что, скорее всего, Гамсун подражал Достоевскому или какому-то другому русскому писателю. Сначала это мнение вызвало у Гамсуна протест, потом обиду, а потом он понял, что это следует расценивать как комплимент и одобрение. Ведь Гарборг сравнивал его с прославленными русскими писателями, хотя на тот момент Гамсун еще не читал их.

Роман, над которым он работал все это время, никак не давался ему. Он слишком быстро уставал, ощущал какую-то опустошенность, слова не шли к нему, волна вдохновения отступила.

С наступлением лета, когда редакционные портфели опустели, «Дагбладет» наконец напечатала рассказ «Лекционное турне». Но той реакции, на которую Гамсун рассчитывал, не последовало. Никто не восклицал, что на литературном горизонте появился гениальный писатель. Те немногие, кто откликнулся на публикацию, сетовали на то, что он так неосторожно разоблачил себя.

В крестьянской среде возвышение или падение происходит постепенно, на это уходит целая жизнь или даже жизнь нескольких поколений. В городе такое может произойти в течение нескольких недель и даже дней. В третий раз, совершенно изможденный, Гамсун устремляется в норвежскую столицу.

И опять ничего. Он жаловался, что горожане его не оценили.

Теперь у него уже не было денег даже на то, чтобы платить за квартиру. Ему исполнилось двадцать семь лет, но у него не было никакой литературной репутации, жизнь была такой жестокой. Он совсем пал духом, но писать не бросил.

Гамсун был зарегистрирован в качестве бездомного, и ему были предоставлены для ночлега нары в камере одного полицейского участка.

Но, несмотря ни на что, он продолжал писать. Гамсун понял, что в Кристиании у него нет никаких перспектив.

19 августа 1886 года Гамсун стоял на борту «Гейзера», судна, отплывавшего в Америку. Взмокший от пота и обессилевший, смотрел он на родную норвежскую столицу, которая так ярко светилась всеми окнами и которая не желала признавать его.

Два с половиной года назад он уже отплывал в Америку с большими ожиданиями. Теперь он вновь ехал в Америку, расставшись с чем-то большим, нежели последняя буква в фамилии. У него уже не было никаких иллюзий относительно

того, что кто-то из скандинавских эмигрантов или кто-то еще в Новом Свете ждет его сочинений. Но ведь и в Норвегии они были никому не нужны.

Он прибыл в Чикаго — на этот раз он не собирался ехать дальше, в глубь страны. Он решил, что заработает некоторую сумму, чтобы оплатить все свои долги, а потом, накопив денег, вернется в Норвегию. Кроме того, он был уверен, что в его багаже будет рукопись книги, которая перевернет его жизнь. «О да, мы еще встретимся. В действительности я не оставляю надежду закончить свою книгу», — поверял он свои мысли товарищу [9; 354][37].

Его не оставляли мысли о будущей книге и об отданных в заклад его книгах в Вальдресе, которые, как он опасался, дядя его товарища может распродать. Он непрестанно размышлял обо всем этом, перетаскивая шпалы, цемент и тяжелые ящики с болтами.

Трамвайная сеть в Чикаго постоянно расширялась. Гамсун работал, как вьючное животное, при сорокаградусной жаре за 1,75 доллара в день, мечтая, что сможет стать резервным кондуктором. Эту должность ему удалось занять позднее, чем он рассчитывал, сначала ему пришлось поработать на конке, которая тогда уже была устаревшим видом транспорта ультрасовременного Чикаго.

Пришли рождественские дни, он работал по ночам, было холодно, из-за недостатка одежды утеплялся газетами, прокладывая их слоями между рубашками, свитером и пиджаком. Лошади двигались достаточно медленно, так что он вполне успевал прочитать таблички с названиями улиц. Таким образом, он мог всегда точно выкрикивать названия остановок. Потом ради более высокой зарплаты он стал добиваться места кондуктора на маршруте в район «Коттедж», и его взяли. Этот маршрут был проложен в респектабельной части города, пассажирами здесь часто оказывались представители буржуазии, и конечно, здесь ходил самый новый и по последнему слову техники оснащенный трамвай. Его тянули не лошади, а электрическая энергия, которая шла по проложенному в земле кабелю.

Однако вскоре Гамсун потерял это место.

На этом маршруте надо было работать особенно тщательно. В обязанности кондуктора входило давать сдачу, знать названия всех улиц, громко выкрикивать остановки. Случалось, что в темноте или в тумане он ошибался и высаживал пассажиров слишком рано или слишком поздно. Ужасно трудно работать кондуктором, когда страдаешь близорукостью из-за того, что

годами приходилось много читать при плохом освещении. И сосредоточиться порой ему бывало нелегко.

Небольшие скопленные им средства быстро закончились. Ему доводилось читать о некоронованном короле, властителе скотобоен Филиппе Арморе. Он решил посетить его контору. Вот как он это описывает: «Это было огромное убогое помещение, внешне походившее на сарай, в котором было полно конторских служащих. У входа стоял молодой человек, исполняющий обязанности вахтера, он взял мое письмо и направился с ним на середину комнаты, где на возвышении сидел какой-то человек и работал с бумагами. Это и был Армор. Я стоял, не смея поднять на него глаза, меня мучил стыд, я боялся получить недвусмысленный отказ. С быстротой молнии вахтер вернулся обратно, протягивая мне двадцать пять долларов. Я не успел опомниться и по-идиотски спросил: „Это мне?“ — „Да!“ — улыбнулся молодой человек. „Что он сказал?“ — спросил я. „Your letter was worth it“»{11} [9: 343][38].

На деньги, полученные им от некоронованного короля скотобоен, Гамсун купил себе билет на поезд до Миннеаполиса. Там он снова собирался начать поиски работы.

Вот как он рассказывает об этом в письме к Кристоферу Янсону: «В Миннеаполисе мы нанялись на строительство железной дороги. На рассвете нас высадили посреди бескрайних прерий. Здесь не было ничего, кроме стоящих неподалеку трех брезентовых палаток. Решив, что это не для нас, мы, взвалив вещи на спину, пешком отправились в сторону ближайшего поселка. Оттуда поездом до следующего села, где мы пытались получить работу на ферме. Безуспешно. Затем мы добрались до Фарго, где ночевали в оставленном на рельсах пустом вагоне. Поутру я брился, стоя на мосту, ведущем в Морхед, стараясь не замечать пристального насмешливого взгляда старой прачки, полощущей в реке белье. Мы покинули Фарго, не солоно хлебавши. Затем мы отправились в городок Касселтон в Дакоте, где пристанищем для нас вновь послужил брошенный вагон. Тем временем наступило четвертое июля. Мы вовсю веселились, распивая единственную бутылку пива и закусывая большой буханкой ржаного хлеба. Пятого июля мы снова двинулись в путь, пройдя 6 миль, нанялись на так называемую большую ферму, откуда, однако, нас выгнали уже через два дня за то, что мы должным образом ответили на грубость. И вновь на юг в Касселтон, снова 6 миль, но в обратном направлении, и, наконец найдя работу, мы находимся здесь и по сей день» [9: 355][39].

В течение трех месяцев он работал на гигантской ферме, которой владел городской акционер. Гамсун вырос в маленькой

крестьянской усадьбе, ему доводилось наниматься на сезонные работы в такие же небольшие хозяйства, где наемные работники спасают своим трудом эти едва сводящие концы с концами хозяйства с их многочисленными семействами и где многие недоверчиво относятся к машинам. В Америке Гамсун увидел, как самостоятельный крестьянин, независимо ведущий свое хозяйство, вытесняется богатыми инвесторами, управляющими гигантскими фермами из своих кабинетов в Чикаго, Нью-Йорке и других больших городах. Сельскохозяйственный капитализм — разве такое возможно? Земледелие существует для того, чтобы поддерживать существование человека, а не заниматься акциями. Железные кони способны вспахать до двадцати двух борозд одновременно на площади в целую четверть гектара, способны намолотить столько зерна, сколько в Норвегии намолачивают за неделю. В прериях полно разных машин. С ними невозможно разговаривать, как с лошадьми, и они шаг за шагом все больше властвуют над землей.

Гигантские фермы с нанятыми акционерами-управляющими совершенно лишили отдельного работника личной ответственности. Вековая взаимосвязь между человеком и землей оказалась разорванной, все многообразие человеческих отношений свелось к переговорам о заработной плате, бездельники стали чувствовать себя как рыба в воде. Те, кто пытался сохранить прежние патриархальные отношения, оказались затоптанными. В конце концов он напишет о всех тех, кто работал вместе с ним, об Эвансе, который всегда ходил в шелковой рубашке, о Хантли, которому изменяла жена, о коке Полли, который подал на обед своему врагу его собственный палец, о себе самом как о сочинителе… [9: 405].

Туман рассеялся

Постепенно критические настроения Гамсуна по отношению к американскому обществу усиливались. Он оказался связанным с делом чикагских анархистов, которое осенью 1887 года достигло своего апогея. За месяц до того, как Гамсун начал свою неудачную трудовую деятельность в Чикаго, семь рабочих лидеров были приговорены к смертной казни. Это случилось после того, как по всей Америке прошли акции в защиту требований восьмичасового рабочего дня. Чикагская полиция расстреляла четырех демонстрантов, несколько человек было ранено. Во время другой акции протеста в месте сосредоточения стражей порядка взорвалась бомба, в результате чего погибло

семеро полицейских, несколько было ранено. Когда полицейские машины въехали в толпу, много демонстрантов погибло. 11 ноября шесть анархистов были повешены.

В ту пятницу Гамсун, с черным бантом в петлице в знак скорби, оказался в числе многих участников акции протеста против действий властей. Гамсуновское восхищение демократией Соединенных Штатов, которое он выражал в своих статьях во время своего пребывания здесь три года назад, сменилось глубоким недоверием к царящим в США порядкам и тому, что он назвал «невыносимым деспотизмом свободы».

После наступления Рождества 1888 года Гамсун продолжал неустанно обличать тех, кого называл «демократическим сбродом Нового Света», особенно когда у него были заинтересованные слушатели. Оставаясь один, он любил бродить в окрестностях Миннеаполиса, постоянно приобретая книги, чаще всего старые издания, всемирно известных писателей. Он понял, насколько ему это необходимо, после того как прочел серию лекций о европейской литературе.

Впервые он начинает задумываться о необходимости приведения в систему своего, по сути, случайного чтения, знакомства с разными авторами в течение последних двенадцати лет. Много книг он берет в центральной городской библиотеке Миннеаполиса.

Именно в эти недели Гамсун укрепляется в мысли, что и сам способен писать. В своих одиннадцати лекциях он рассматривает писателей одного за другим: прежде всего французов — Бальзака, который, по его мнению, пишет совсем по-иному, нежели предшественники, Флобера, который является связующим звеном между Бальзаком и Золя. Последних он с невероятным апломбом прямо-таки разбирает по косточкам. Кроме того, не обходит стороной и своих прославленных соотечественников: Бьёрнстьерне Бьёрнсона, Юнаса Ли, Александра Хьелланна и Хенрика Ибсена.

Бьёрнстьерне Бьёрнсона он назвал знаменосцем идей, но моралистом. Юнас Ли — это, по его мнению, бытописатель, любитель описывать семейные отношения, никак не цезарь, но все же благородный рыцарь в литературном королевстве. Хьелланн зажат между этикой и эстетикой. Ибсена он называет вечно сомневающимся, одержимым тягой к загадкам. Что касается шведа Стриндберга, то его, по мнению Гамсуна, отличает мистическое проникновение в языковую стихию. Потом он прочел лекцию о литературной критике, заключительной стала лекция об импрессионизме, смысл которой сводился к

тому, что творец должен быть психологом и создавать свои произведения субъективно, не имея заданной цели, и тогда они обретут подлинность.

Литератором он называл себя уже в течение многих лет. Сначала он просто ощущал себя таковым, а потом его так начало воспринимать окружение. Лекции предполагалось читать в довольно большом по размерам помещении, по сравнению с изначально намеченным, но потом для них нашелся еще больший зал. Один его друг, журналист, освещал его выступления в печати. Гамсун получал все большее и большее признание.

При этом многие слушатели его лекций замечали явное несоответствие между внешним видом оратора и его амбициозными эстетическими претензиями к подлинно художественной литературе: «Он был обут в грубые сапоги и толстые серые вязаные шерстяные носки, которые едва доходили до края узких коротких поношенных штанов. Наглухо застегнутая куртка так же была коротка и тесна, как и брюки. Он носил лорнет, на необычайно длинном и толстом темно-синем шнуре»[40].

В промежутке между чтением лекций друзья находили Кнута в довольно-таки плачевном состоянии. Страдая от голода и холода, он мог совершенно не понимать, что происходит вокруг, не осознавать времени суток, но одновременно торжествующе демонстрировать новые страницы романа, который, по его мнению, должен будет перевернуть его жизнь. Всем его друзьям постепенно стало очевидно, какие невероятные задачи он ставил перед собой. Одному знакомому Гамсун признался, что он в состоянии сказать миру что-то совершенно новое и совсем новыми литературными средствами. Работает он по ночам, и от непомерных нагрузок нервы совсем расшатаны: «Черт возьми <… > Тело мое такое сильное, мускулы — что плетеные канаты, так что кажется, я в состоянии сдвинуть гору, а нервы мои при этом нежные и тонкие, как нити паутины». Он считает, что благодаря этим нервам способен проделывать тонкую работу, забраковывая слова, «которые, Господи, спаси меня и помилуй, были, собственно говоря, подлинными находками, но я отверг их, будучи болезненно самокритичным»[41].

Он оставляет лишь те слова, которые до него еще никто не писал, до которых никто, кроме него, еще не додумался.

К весне 1888 года многое в нем самом для него прояснилось. Ведь в своих одиннадцати лекциях он ни словом не обмолвился о самом главном, ничего не рассказал о себе. Он не рассказал, как Бьёрнсон объяснял ему, что фразы должны быть короткие, как

обрубленные. Стриндберг внушил ему мысль, что не следует изучать творчество других, нужно входить в литературу со своим пониманием жизни, что и будет вкладом в литературу. Марк Твен помог ему осознать, что стремление к безудержным преувеличениям, которое он принес с собой из Нурланна, делает его повествование не просто более живым и веселым, а еще и более правдивым. Так называемые богемные круги Кристиании, благодаря тому что он был для них чужаком, дали ему возможность более ярко раскрыть сущность свой жизни. Достоевский своим творчеством убедил его в том, что душевная неуравновешенность — главный инструмент писателя и может быть материалом для великого искусства.

И вот теперь Гамсун принял решение вернуться в родной ему скандинавский мир, вернуться вместе с рукописью романа, который, как он был уверен, что-то изменит в его жизни. Он простился с Америкой не без высокомерия: «Я знаю, что сейчас Кристофер Янсон пишет книгу, которая называется „Миннеаполисские мистерии“. Я эту книгу не читал, но если судить по названию, то я скорей проглочу зонтик, чем стану ее читать»[42].

В течение последних двенадцати лет он использовал каждую свободную минуту, чтобы сочинять. Для поддержания своего бренного существования он занимался разными делами и работами, но никогда не прекращал писать. Для одних художественных натур золотая жила их творчества постоянно доступна, и надо только все время не спеша разрабатывать ее. Другим же приходится добывать драгоценную руду из глубины, при помощи взрывов, которые они должны подготавливать сами. О, это долгая, мучительная работа, и она сопряжена с риском! Гамсун принадлежал именно к таким натурам — и прекрасно понимал это, 30 июня 1888 года стоя на палубе парохода «Тингвалла» и глядя, как портовые рабочие отдают швартовы.

Вот что он написал о своей будущей книге, над которой так упорно работал, Эдварду Брандесу: «Я мыслю и чувствую теперь в гораздо большей степени как европеец, нежели норвежец. Возможно, это неправильно, но моя жизнь оказалась полной таких многообразных перемен»[43].

Сначала корабль зашел в порт Кристиании. Гамсун не сошел здесь на берег. А если бы сошел? Нет никакой уверенности в том, что он получил бы признание. Ведь уже дважды косное культурное сообщество норвежской столицы вынуждало его к бегству, так же как это происходило и с другими норвежцами,

такими как Хенрик Ибсен и Эдвард Мунк, которым пришлось уехать за границу, для того чтобы их имеющее общечеловеческое звучание творчество получило признание.

После трехнедельного плавания Гамсун покинул корабль, который привез его из Нового Света в Старый, в тот свет, который ему теперь предстояло завоевать. Он сошел на берег в Копенгагене.

«Я хочу изобразить тончайшие движения души…»

В Копенгагене был разгар лета. На календаре — 17 июля 1888 года.

Он отдал в заклад свое пальто, нанял комнатку в мансарде за пять крон в месяц в рабочем квартале Нёрребро и начал осуществлять свой грандиозный план литературного завоевания датской столицы. Надо было спешить, через три недели его пребывания в Копенгагене ему исполнилось уже двадцать девять лет. Именно с этого момента он начинает говорить всем, что ему на год меньше. Ведь большинство его знакомых, начинающих писателей, лет на десять моложе.

Для начала надо было войти в литературную среду Копенгагена, на этот раз в среду молодежную. Он знал, где искать ее представителей. У Янсона ему доводилось читать журнал «Ню Юрд», который начал выходить в этом году и который уже сумел привлечь к себе ряд молодых авторов. Кроме того, необходимо было искать контакты с маститыми влиятельными людьми из литературной элиты Копенгагена. Он прекрасно понимал, что такими людьми являются братья Брандесы, снискавшие себе репутацию литературных арбитров. Цикл лекций о Ницше сорокашестилетнего Георга вызвал бурную дискуссию. Его брат Эдвард, на пять лет младше, был писателем, политиком и редактором газеты «Политикен».

И наконец, нужно было найти редактора для опубликования рукописи, которую Гамсун в ближайшее время собирался закончить.

Когда однажды в августе двадцатиоднолетний Карл Беренс{12} вошел в холл издательства «Хауберг и Компания», выпускавшего «Ню Юрд», то заметил ожидавшего его молодого человека, который, как поведал ему секретарь, приходил в редакцию уже несколько раз. Редактор Беренс тут же предложил автору, ссылаясь на ограниченные средства издания,

опубликовать его статью бесплатно либо за символическое вознаграждение. Но не тут-то было — норвежец, принесший для публикации статью о Кристофере Янсоне, оказался гораздо менее обеспеченным человеком, нежели другие авторы, представители буржуазии или сыновья крупных землевладельцев, с которыми Беренс привык иметь дело. В результате Гамсун получил достойный гонорар.

Статья соответствовала той задаче, которую ставил перед собой журнал: бунтарство. Янсон мог считаться человеком, который растратил свой художественный талант, пожертвовал своим даром ради просвещения народа, из-за чего стал писать простым, общедоступным языком, рассчитанным на широкую публику. Когда Гамсун рассказал, что жил в Америке у Янсона, то Беренс решил, что статья будет выглядеть эффектно, как эдиповское отцеубийство.

Изумленный сын консула{13} увидел, что этот норвежец с грубыми рабочими руками выдвигает требования новой, эстетической литературы: «Языку речи писателя должен быть доступен весь музыкальный регистр. Писатель всегда, постоянно и неизменно должен так избирать слова, чтобы они могли своими созвучиями ранить душу.

Слово должно становиться цветом, звуком, воздухом. Употребление слов должно быть эффективным. Слова не должны давать осечку, они должны достигать своей цели. Автор должен владеть словами, порой укрощать их, рассчитывая на силу неожиданного воздействия, ему должна быть ведома их тайная сила. <…> Слова обладают явной и скрытой внутренней силой, у них есть обертоны»[44].

Беренс тут же ввел многообещающего молодого писателя, новоприобретенного автора для своего журнала, в высокоинтеллектуальные литературные круги. Это были: Софус Клауссен, Юханнес Йоргенсен, Софус Микаэлис, Вигго Штюкенберг, Вальдемар Ведель{14}. Главной своей задачей они считали ниспровержение литературных и политических идолов предшествующего поколения.

Так Гамсун впервые оказался в высокоинтеллектуальной литературной среде: «…Как хорошо мне здесь, в этой стране! Поверь мне, вся здешняя атмосфера, то, как организована жизнь, находятся в глубочайшей гармонии с моим сознанием, с моей натурой! Я в Европе, и сам, благодарение Господу, Европеец! Здесь у человека есть время, чтобы жить, — да, здесь у человека есть время — есть возможность останавливаться перед витринами книжных магазинов и разглядывать выставленные книги, читать

их названия, и этим занимаются не только книжные черви вроде меня…» — с радостью сообщал он знакомым в Миннеаполисе[45].

Этой осенью ему исполнилось двадцать девять лет, и он много читал, чтобы встать вровень со своими оппонентами в литературных дебатах. Беренс дал ему почитать историю литературы Георга Брандеса. Гамсун все более и более развивал свои творческие принципы: «Требование стилистической оригинальности и требование глубокого проникновения во внутреннюю суть персонажей».

Подобно своим литературным собратьям, в это время Гамсун стал увлекаться газетными и журнальными статьями, посвященными проблемам душевной жизни и нервам. В это время медицинская наука открыла неизвестную ранее область подсознательного, невротического и патологического. Во многих странах писатели и критики начали проявлять интерес к этой области знания. Нервные явления, душевная жизнь — все это поражало воображение Гамсуна. Он рано начал размышлять над дикими припадками, которыми страдала его мать. В последние годы он все больше и больше задумывался о нервных явлениях, присущих его родне и в чем-то ему самому. Его интересовало, проявится ли нервное заболевание у него самого, если он живет совсем другой жизнью? А его собственная нервная утонченность, может быть, признак избранности, признак того, что он более развитый индивид, нежели другие? И быть может, разум имеет меньшее значение в жизни, нежели подсознание и инстинкт? Герои Достоевского, с творчеством которого он познакомился в Америке, восстают против разума. А разве он сам не такой, как они?

Наиболее заметной фигурой среди тех, кто интересовался художественным творчеством в русле новых психологических открытий, был знакомый Гамсуна Вальдемар Вед ель. Этот двадцатитрехлетний молодой человек работал над диссертацией, посвященной золотому веку датской литературы, а как литературный критик опубликовал следующий манифест: «В прежние времена людьми двигали простые и понятные чувства, такие как любовь, ненависть, печаль, гнев, ликование, которые целиком охватывали их, как волны. А теперь, в наше время, в душевной жизни человека возобладали причудливые, прихотливые, бесконечно более богатые нюансами чувства и настроения. Новая литература должна отражать нервную жизнь индивида», — такое требование выдвинул Вед ель. «Субъективный настрой писателя является предпосылкой создания психологических произведений»[46].

Всесторонне образованный, сын датского чиновника,

оправдавший надежды вундеркинд, и сын портного из Нурланна, с образованием в 252 школьных дня в народной школе, обняли друг друга в знак полного взаимопонимания.

Выдвигаемая литературными кругами, близкими журналу «Ню Юрд», концепция восприятия современной городской жизни стала таким же откровением для двадцатидевятилетнего Кнута Гамсуна, как и в свое время радикальная манера Бьёрнсона писать о крестьянах, поразившая его в восемнадцатилетнем возрасте. Эти первые месяцы пребывания в Копенгагене ему все время казалось, что он находится в некой зеркальной комнате. Что бы он ни читал, с кем бы он ни беседовал, его собственный взгляд со стороны неотрывно следил за ним как писательской индивидуальностью, познавал свое «я». И чем больше он познавал себя, тем больше использовал это знание в своем творчестве: «Я чувствую, что жажда творчества отчаянно, как птица в неволе, трепещет в моей груди», — с ликованием писал он своему другу, аптекарю Ингвару Лосу, в Миннеаполис. «Грядет новая весна, крепнут новые силы, начинается обновление, у каждого поколения бывает своя утренняя пора. И вот теперь пришел наш черед!» Опьяненный страстным желанием творчества, он мечтает проникнуть в самое сокровенное в человеческой психике — «мимозы мыслей, элементы чувств», прикоснуться к тончайшей душевной паутине[47].

Он решил отложить на время в сторону привезенную с собой рукопись. Встреча в Копенгагене с молодыми писателями и критиками, выдвигавшими требование глубокого описания душевной жизни человека, явилась едва ли не самым потрясающим впечатлением в его жизни. Вот почему, как он объяснял Лосу, он задумал создать принципиально новую книгу. «Я горю от нетерпения! Я не могу ждать, дьявол творчества не оставляет меня в покое! Время пришло! Скоро выйдет моя книга!» — кричал он через океан.

Он попробовал изображать людей, непохожих на него самого. Ему никогда не удавалось изображать их такими, как ему хотелось. Зачастую он сам мешал себе. С растущим интересом читал он или слушал обсуждение книг и статей, в которых распознавал свою собственную, присущую ему самому иррациональность и раздробленность сознания.

В том же письме он признавался Ингвару Лосу: «Будь я достаточно обеспечен, я бы немедленно просто-напросто сочинил роман согласно моей безумной теории о душевной раздробленности! К этому я стремлюсь. Моя книга! Моя книга!

Книга об удивительных нюансах. Я хочу изобразить тончайшие движения души, способные уловить дыхание цветков мимозы, где каждое написанное слово в книге подобно взмаху ослепительных крыльев — слова как зеркальные отражения речи повествователя».

Эти восторженные порывы, как волны, разбивались о скалу его нищенского существования.

Нужда заставила его заложить саквояж, обклеенный многочисленными разноцветными наклейками, свидетельствами его путешествий по Норвегии и Америке. А ведь они были ему дороги, как преданные любимые зверьки. О боже, только бы ему начать, ведь у него хватало собственных изменчивых умонастроений, их хватило бы на целую психологическую библиотеку. Надо было только продолжить с того места, где он остановился.

Так он и поступил. Сел и написал свои знаменитые слова: «Это было в те дни, когда я бродил голодный по Кристиании, этому удивительному городу, который навсегда накладывает на человека свою печать…» [1; I: 43].[48]

В сентябре — октябре 1888 года, работая над романом «Голод» в мансарде на улице Санкт-Ханс в Копенгагене, он был одержим задором: будь он проклят, если не изобразит нечто совсем иное, нежели благополучная буржуазная реальность, тепличная атмосфера кукольного дома. Герой, от лица которого ведется повествование, написал статью в газету. «Тех десяти крон, к сожалению, хватило ненадолго; я уже не ел почти три дня и чувствовал слабость, мне трудно было даже водить карандашом по бумаге» [1; I: 83]. Герой кладет рядом с собой на уличную скамейку, на которой сидит, бумажный кулек, плотно заворачивает его и делает вид, что это кулек с монетками, а потом дурачит полицейского, вынуждая поднять его. «А я хохочу, хохочу как сумасшедший и хлопаю себя по колену. Но ни единого звука не вырывается у меня; мой смех безмолвен, он подобен затаенному рыданию…» [1; I: 84–85].

Вид полицейского вновь погружает его в печаль, которая заставляет героя осознать, что он еще жив. «У меня хорошая голова, второй такой не сыскать по всей стране, и пара кулаков, которые — боже избави! — могли бы стереть человека в порошок, и я гибну от голода в самом центре Кристиании! Разве это мыслимо? Я жил в свинарнике и надрывался с утра до ночи, как черный вол. От чтения у меня не стало глаз, мозг иссох от голода, — а что я получил взамен? Даже уличные девки

ужасаются и кричат „господи“ при виде меня» [1; I: 109]. Со слезами на глазах он в отчаянии бился лбом о телеграфный столб, вонзая ногти в тыльную сторону своей ладони, кусал свой язык, свои ладони и отчаянно смеялся от боли.

«„Да, но что же мне делать“, — говорю я, наконец, самому себе. И несколько раз топаю ногой, повторяя:

— Что же делать?

Какой-то случайный прохожий говорит мне с улыбкой:

— Попросите, чтобы вас арестовали.

Я посмотрел ему вслед. Это был известный гинеколог по прозвищу Герцог. Даже он не понял моего состояния, а ведь мы были знакомы и здоровались за руку. Я присмирел. Попросить, чтобы меня арестовали? Да, он прав, я сошел с ума. Я чувствовал безумие в своей крови, чувствовал его искры в мозгу»[1; I: 110].

Да, представители психологической литературы — Поль Бурже{15} и братья Гонкур, Достоевский и другие русские писатели, швед Ула Ханссон{16} и датчанин Вальдемар Ведель умели воплощать задуманное. А кто иной, помимо Кнута Гамсуна, мог знать больше о неврастеничном характере современного человека? И кто, кроме него, сумел создать собственный своеобразный язык, чтобы изобразить подобный характер?

Создав рукопись того, что впоследствии станет известным как фрагмент из романа «Голод», он решил отнести рукопись Георгу Брандесу, но, пробродив в течение двух дней по окрестным улицам, так и не решился зайти к нему. На третий день у него окончательно созрело решение. Он обратился к его брату — Эдварду Брандесу, и тот обещал прочитать рукопись к следующему утру. По пути из редакции Гамсуна стали одолевать воспоминания о днях, проведенных в невыносимом ожидании решения судьбы его рукописи.

Тогда, в Копенгагене, девять лет тому назад, накануне Рождества Вильгельм Хегель не пришел на встречу с ним. А Эдвард Брандес, как и обещал, принял Гамсуна в своем редакционном кабинете на следующий день.

Триумф

«Вас ждет великое будущее!»[49] — заявил Эдвард Брандес Гамсуну, но, правда, тут же пустился в рассуждения о том, что сочинение Гамсуна под названием «Голод» — слишком длинное для того, чтобы быть напечатанным в двух номерах «Политикен»,

и одновременно слишком короткое, чтобы публиковать его в качестве романа с продолжением. А главное, что написанное Гамсуном произведение заслуживает совсем иной судьбы, нежели просто быть напечатанным частями в газете, где у него не так много шансов быть замеченным.

Брандес связался со своим собственным издателем, который был также и владельцем «Тильскуерена». Густав Филипсен мог наверняка опубликовать эту повесть. Кроме того, он мог дать Гамсуну аванс, чтобы этот многообещающий норвежец мог закончить книгу, в которой было бы еще три части, а издательство Филипсена могло бы выпустить ее в свет в следующем году. Издатель на сто процентов доверял Брандесу и обратился к рекомендованному ему норвежскому писателю по его весьма непрестижному адресу.

Появившись в редакционном кабинете Густава Филипсена на Хёйбрурплатс в октябре 1888 года, наш посетитель был вынужден разочаровать редактора «Тильскуерена». Дело в том, что Гамсун уже передал рукопись «Голода» своему другу Беренсу в «Ню Юрд». Несмотря на это, Филипсен отнесся к нему как к будущей знаменитости, у которой должны быть условия для продолжения работы. Сколько денег ему нужно? Сто, двести, триста крон или больше?

Директор уважаемого датского издательства сам предлагал ему аванс, даже не прочитав рукопись! Гамсун так растерялся, что стал было отказываться, но в конце концов пробормотал, что сумма в сто крон вполне устроила бы его.

Он расчувствовался, но постепенно пришел в себя и осмотрелся. Его взгляд задержался на лежавшей на столе книге, изданной на дорогой веленевой бумаге. И тут же он начал представлять себе, что какая-нибудь его книга будет издана так же роскошно, и тут же его мысли стали оформляться в слова: ах, если бы он только мог рассчитывать, что сочиненное им будет издано на веленевой бумаге! И размечтался. Ему представилась картина, что он сидит за столом в комнате, где пол застелен темно-зеленым ковром, настольная лампа с красным шелковым абажуром, вокруг него человек десять, он читает вслух свою книгу, напечатанную на прекрасной веленевой бумаге. Все сидят затаив дыхание, и он ощущает как, подобно цветкам мимозы, трепещут их души…[50]

Филипсен посоветовал Гамсуну в процессе сочинения думать о своих будущих читателях, чтобы текст мог заинтересовать многих. Кнут Гамсун возразил, что он не пишет для толпы.

Бывало, по четверо суток у Гамсуна во рту не было ни единой крошки. Кроме того, у него вошло в привычку постоянно жевать

спички. Постепенно в его мансарде становилось зверски холодно, печки не было. Теплую одежду он заложил. Страшно докучало скудное освещение. Лишь крохотное оконце в потолке пропускало в его каморку дневной свет, с начала сентября свет пробивался все слабее и слабее. Голод, холод, тусклый свет, сам творческий процесс — все в высшей степени расшатывало его нервы.

А ведь он тем не менее совсем недавно заверил Филипсена, что ему нужно не более ста крон. Он заявил об этом в разговоре с копенгагенцем, обладателем очень тонких рук, с той же заносчивостью бедняка, как и герой «Голода»[51].

Редактор журнала «Ню Юрд» Беренс обещал подписать опубликованный фрагмент псевдонимом Неизвестный писатель. В тот же самый день, в начале ноября 1888 года, когда многие подписчики получили журнал, писательская чета — Амалия и Эрик Скрам — устроила домашнюю вечеринку в своей копенгагенской квартире по адресу Кроргсгате, дом 1. Среди гостей были датский писатель Герман Банг и его норвежский коллега Гуннар Хейберг. После обеда было решено, что теперь настало время для духовной пищи, то есть чтения вслух. Один из присутствующих предложил почитать вслух «Ню Юрд», что-нибудь из того, что произвело на него сильное впечатление. А поскольку и хозяйка дома, и некоторые из гостей были норвежцы, а действие во фрагменте происходило в Кристиании, то естественно, что выбор пал на «Голод».

Драматург и театральный деятель Гуннар Хейберг откашлялся и начал читать[52].

Он читал более часа.

И всем стало совершенно очевидно: на ниве скандинавской словесности появился новый мастер. Потом тут же перед столом, за которым сидела Амалия Скрам, образовалась очередь, все хотели написать несколько слов автору, чтобы тот узнал об их впечатлениях.

Пусть автор написанного немедленно узнает об этом!

Но кто же это такой?

Супруги Амалия и Эрик Скрам, знакомые с Карлом Беренсом, настойчиво стали просить его, особенно Амалия, открыть им имя писателя. Скоро имя обнаружилось само собой, так как они получили в ответ письмо, в котором говорилось: «Я так счастлив, какая неожиданная радость! Кажется, наконец, блеснула надежда. Никакого признания. Ни малейшего намека на признание до сей поры, меня постоянно отвергали, мне двадцать восемь, и я едва известен; но при этом я никогда не терял ни упорства, ни страсти к сочинительству»[53]. Как видно из письма Гамсуна, он убавил

себе год.

Менее чем через неделю Карл Беренс заказывает новый тираж. Вся тысяча экземпляров распродана! В центре культурной столицы Скандинавии всякий современный образованный человек должен был прочитать фрагмент романа «Голод». Подобного события не было уже много лет. И стиль произведения, и сюжет воспринимались как безжалостное саморазоблачение, все это и завораживало, и шокировало одновременно.

По Норвегии прокатилась волна восторженного восхищения Гамсуном. Редактор газеты «Верденс Ганг» так откомментировал фрагмент романа молодого писателя: «Фрагмент заслуживает внимания как свидетельство необычного литературного таланта, которому присущ острый взгляд, умение писать достоверно и убедительно. Автор написанного, новая неизвестная нам личность, откровенно распахивает нам свою душу. Среди нас появился очень талантливый писатель»[54]. В Копенгагене Гамсун прилагал все усилия, чтобы никто не узнал его имени. Он умолял супружескую чету Скрамов ни в коем случае не выдавать его.

Но «разоблачение» все же наступило через несколько дней. Это сделала норвежская «Дагбладет». А потом уже другие норвежские газеты и журналы с удовольствием сообщали, что «неизвестный писатель» был не кто иной, как их соотечественник Кнут Гамсун, достоинств сочинений которого они раньше не признавали, хотя они стилистически были близки истории, напечатанной в датском журнале.

Наконец-то пришло его время. Теперь все редакторы, профессора и издатели норвежской столицы, которые в течение восьми лет отвергали Гамсуна, принялись ссориться из-за того, кто первый открыл его талант. Постепенно это стало приносить ему дивиденды. Он решил использовать интерес к своей персоне и тщательно продумал, как именно это сделать.

Второго декабря 1888 года, менее чем через две недели после того, как он был вознесен на гребень волны восхищения, он написал письмо Юхану Сёренсену — владельцу бакалейного магазина в Кристиании, политику левого толка и издателю самой популярной в Скандинавии серии «Библиотека для всех». То, что это письмо было написано именно в этот день, отнюдь не случайность — в это воскресенье Гамсун был «посвящен» в писатели. Один копенгагенский корреспондент в Кристиании отметил, что ажиотаж вокруг «новеллы» Гамсуна «Голод» сопоставим с тем пристальным вниманием и интересом, которые в свое время сопутствовали драме Ибсена «Женщина с моря». Корреспондент писал также, что «сам факт публикации в Дании и

содержание написанного свидетельствуют о том, насколько плохо Норвегия способствует развитию молодых талантов. Представитель следующего за Ибсеном поколения, обладатель таланта уровня Достоевского, мог бы умереть от голода в столице своей родной страны».

Гамсун поведал Сёренсену, что по-прежнему пребывает в нищете, у него нет средств, чтобы написать три задуманные им последующие части романа. «То, что я опубликовал фрагмент незавершенной книги, связано с нищенским существованием, которое я влачу Я не в состоянии работать хорошо, работать с радостью, как бы мне хотелось. Я сижу в мансарде, где ветер дует сквозь стены, печки нет, сумеречно, свет проникает сквозь маленькое окошко. У меня почти нет возможности выходить из дома, так как холодно, а у меня совсем скверно с одеждой»[55].

Гамсун не мог лгать норвежскому издателю, он признал, что вступил в контакт с издательством Филипсена, которое и опубликует роман «Голод». Поэтому он соблазнял издателя новой книгой, «романом, который, я уверен, будут читать. Но сейчас я не в том положении, чтобы целиком сосредоточиться на его написании, сначала надо закончить, „Голод“».

Сёренсен немедленно выслал Гамсуну двести крон. Этого в те времена могло хватить на тысячу дешевых обедов или на оплату мансарды в течение четырех лет. Издатель, выпустивший в свет многие выдающиеся произведения, назвал фрагмент «Голода» шедевром. Кроме того, Сёренсен обещал Гамсуну, что будет выплачивать ему такой же процент с тиража, что и Ибсену.

В тот же день Гамсун разразился ответным длинным письмом, в котором хотел выразить свою благодарность, но постоянно увязал в описаниях мельчайших деталей своего бедственного положения и расстроенных нервов: «В течение последних шести недель мне приходилось укутывать левую руку полотенцем, потому что я не мог согреть ее своим дыханием, кроме того, я мог зажечь спичку только под столом, иначе от сквозняка она тут же гасла»[56].

Переигрывание

В датской столице наступило предрождественское время. Кнут Гамсун выкупил свой саквояж и другие заложенные вещи. Кроме того, он накупил себе одежды. Он согласился выступить в Студенческом обществе, «а там ведь будут исключительно интеллигентные люди, и мне ни к чему срамиться перед ними.

Остальное меня не волнует. Я уже не новичок на трибуне», — самоуверенно убеждал он своего будущего издателя, Юхана Сёренсена в Кристиании[57]. Он наверняка проявил бы больше осмотрительности, если бы только знал, как характеризовал его Кристофер Янсон Эдварду Брандесу. Янсону очень понравился фрагмент «Голода». Но одновременно бывший работодатель Гамсуна весьма скептически отнесся к его мнениям и оценкам в области литературы, поскольку считал его типичным самоучкой, без систематического образования и фундаментальных знаний.

И вот вечером 15 декабря 1888 года Гамсун поднимается на трибуну. Элегантно одетый на деньги, полученные за еще не написанную книгу, он начинает обличать Америку за отсутствие в ней духовной жизни. Он говорит о возгласах ликования, раздающихся в Америке по всякому поводу и без повода, о шумной суете, которая, правда, за два столетия сумела сделать из разношерстного европейского сброда добросовестных работников. А вот никакой духовной культуры Америка не создала. Повсюду лишь суетливый восторг, грохот парового молота и грубоватое добродушие, с которым янки встречают европейцев.

Содержанием литературы являются любовные истории и пальба из пистолета. В ней нет подлинной жизненной наполненности. В ней нет изображений душевных движений. Она на три этапа развития отстает от европейской. Он в пух и прах раскритиковал поэзию Уолта Уитмена, а также идеи признанного гуру философии янки — Ральфа Уолдо Эмерсона, у которых, по его мнению, совершенно отсутствуют психологические представления, умение нарисовать проникновенную картину, живые трепетные человеческие чувства[58].

Настроение в зале было восторженное. Вот он, радикализм, этот человек плюет в лицо всем политическим и литературным корифеям, которые прославляли Новый Свет. Да здравствует старушка Европа! Да здравствует Копенгаген! Да здравствует новое поколение поэтов, духовных аристократов!

Было объявлено, что продолжение последует 12 января.

Как только утихли аплодисменты, многие стали продвигаться к трибуне. Среди них был и Густав Филипсен. Гамсун опасался, что издатель не захочет напечатать текст его лекций после того, как он воочию убедился, насколько радикальны его взгляды.

Наконец Филипсен дождался возможности обратиться к выступавшему. Он сказал, что с огромным удовольствием готов опубликовать услышанное.

Все пытались поближе рассмотреть Гамсуна. Известно,

насколько эксцентричен автор «Голода». И он редко разочаровывал окружающих. О нем ходило множество анекдотов.

Его амбиции все росли, и он продолжал игру с издателями. «В конце концов, мир прекрасен», — писал он Сёренсену, пытаясь найти с ним общий язык. Он старался завоевать норвежского издателя своими откровениями о том, как датчанин Филипсен огорчил его своим советом писать для массового читателя, тогда как вся внутренняя суть Гамсуна восстает против этого, для толпы он не сможет написать ни единой строчки.

Он не собирался упрощать психологические описания. Он пообещал, что после того, как Филипсен опубликует две его книги, Гамсун будет готов публиковаться только у Сёренсена, в Норвегии[59].

За две недели до Рождества Гамсун уже писал письмо своему будущему издателю с благодарностью за полученные от него двести крон.

Наконец ему удалось посмотреть одну из пьес Стриндберга «Фрёкен Жюли». Тут же у него возникло желание сочинить современную пьесу о «душевной жизни», после того как он закончит психологический роман. Во всяком случае, у него в запасе достаточно описаний различных движений души, заверял он Эрика Скрама. «Кое-какие из них я перенес в „Голод“, но сейчас все думают, что безумные поступки, совершаемые Андреасом Тангеном, — последствия голода, но, увы, это не так! Люди вообще считают меня сумасшедшим. Но я, черт возьми! — не сумасшедший!»[60]

Филипсен, несомненно, имел доброжелательный характер, был человеком ученым, но не любящим поучать других, в разговорах больше слушал, нежели отстаивал свое мнение. Он был восхищен упорством этого норвежца, который был на двенадцать лет моложе его и так жаждал облагородить свой талант.

В рождественский сочельник Гамсун посетил дом Амалии и Эрика Скрам, и вот здесь он в беседе с ними попытался рассказать о том, что ему довелось пережить в Америке в ожидании смерти. Но рассказ получился довольно бессвязный. О многом он умолчал, в частности о своих взаимоотношениях с Друде Янсон, с которой Амалия Скрам была знакома.

Поздно вечером, когда он вернулся домой, ему стало как-то не по себе. На следующий день он ощутил во рту привкус крови. Это подействовало на него удивительным образом: его буквально накрыла волна вдохновения, и он писал непрерывно в течение нескольких часов и сочинил десять страниц текста. Потом волна

отпустила его, и он увидел, что написанные им страницы «очень удачные, просто замечательные. Здесь, по моему разумению, есть отдельные слова и выражения, которые я не променял бы даже на свою жизнь», восторженно делился он своими мыслями с Эриком Скрамом[61]. Вот как он описывает свои ощущения и мысли: «Кровь подсказывает мне, что я нахожусь в духовной связи со Вселенной, со Стихией», — и кроме того, он рассказывает о своем амбивалентном отношении к эротике.

Эрик Скрам узнает о его неукротимой страсти к Друде Янсон, о том, как ему представилась возможность совершить грехопадение «в том самом доме, где я жил; эта возможность была мне буквально предоставлена. Но я не захотел ею воспользоваться». Кнут писал Скраму, что не поручился бы за себя, если бы сам умолял даму встретиться с ним, но в такой ситуации он ее отверг.

Много лет Гамсун держался вдали от женщин, и одному Сатане были ведомы его фантазии о взаимоотношениях между мужчиной и женщиной. Теперь женщины мечтали о нем, замужние и незамужние. Он умел вести с ними многообещающие беседы, он заставлял их смеяться, удивляться сказанному, а порой незаметно передавал им записки.

Многие из этих женщин обещали ему прийти на его лекцию, которая должна была состояться после новогодних праздников.

12 января 1889 года Гамсун прочел в копенгагенском Студенческом обществе еще одну лекцию об Америке. В зале появился Георг Брандес, и это добавило Гамсуну волнения.

В тех различных питейных заведениях, где бывал Гамсун, его тяга к лицедейству и розыгрышам вызывала восторг. Шумная ресторанная жизнь предполагает такого рода вещи, разного рода выходки органически присущи ей. Напротив, в культурных, благопристойных буржуазных кругах к нему относились высокомерно и настороженно. Многие пришли к выводу, что мнение этого норвежца порой весьма легковесно и пробелы в его образовании гораздо более значительны, нежели он не без кокетства признавал. Острые на язык спорщики легко выставляли эти пробелы на всеобщее обозрение. Гамсун очень боялся публичных дискуссий, которые обычно следуют после окончания лекции.

Георг Брандес не мог не заметить отсутствия академического образования у автора «Голода» и язвительно иронизировал по поводу шумихи, поднятой вокруг этого «кривоногого норвежца». При этом Брандес обратил внимание и на нечто иное в Гамсуне, что ему хотелось рассмотреть поближе. Вот почему тогда, 12 января, он столь внимательно изучал Гамсуна, стоящего на

трибуне Студенческого общества. Когда аплодисменты стихли, Брандес взял слово и произнес благодарственную речь, которая, по мнению лектора, «явилась самым теплым признанием, о котором я только мог мечтать в своей жизни. Если я заслужил хотя бы половину этих похвал, тогда я могу считать себя великим человеком», — хвастался он своему другу, журналисту из Миннеаполиса[62].

В тот же день Гамсун написал благодарственное письмо самому Брандесу: «Если бы только я мог быть уверен, что я и на самом деле заслужил Вашу благожелательность и получил знак признания, я никогда в жизни не пожалею о тех тяжелых днях, которые я испытал ради этого»[63]. Георг Брандес согласился встретиться с ним.

Все шло хорошо, пока они находились в отношениях, которые связывают ученика и наставника, Гамсун знал свое место и всячески демонстрировал желание следовать советам Брандеса. Сам Брандес происходил из буржуазной еврейской семьи, и разные жизненные обстоятельства привели его к тому, что он вел жизнь свободного интеллектуала, не связанного ни с какими академическими институтами. Возможно, Гамсун и Георг Брандес ощущали между собой какую-то общность, у обоих была психология изгоев общества.

Оказалось, что работа по превращению прочитанных лекций в текст книги требует гораздо больших усилий, нежели Гамсун предполагал. Он утешал себя тем, что деньги, которые он получит за эту книгу, можно будет считать легко заработанными и что читатели будут поражены его литературным мастерством. При этом он вполне отдавал себе отчет, что на книгу могут быть и нападки.

В кратком резюме содержания он пытался создать впечатление, что книга является диссертацией. Кое-какие свидетельства подобного подхода имеются и в тексте. Когда книга «О духовной жизни современной Америки» была окончательно готова к публикации, Гамсун счел необходимым снабдить ее «предисловием»: «Писать правдиво — это вовсе не значит писать объективно или учитывая мнение обеих сторон, напротив, стремление к правдивости основано на бескорыстной субъективности»[64].

Правда, о точном следовании этому девизу он мало заботился.

После того как он высмеял изобразительное искусство, театральную жизнь и условия духовной жизни в Америке, он

взялся за ее другие отрицательные черты. Ну, например, не мог пройти мимо того факта, что приехавший сюда иностранец не имеет возможности отстаивать здесь свои мнения: «Он чувствует на себе деспотизм свободы — деспотизм, еще более невыносимый, потому что он навязывается людьми самодовольными и необразованными» [9: 146]. Гамсун ни единым словом не обмолвился о Марке Твене, которым всегда восхищался.

Непонятно, куда делось его огромное восхищение американским инженерным искусством, связанным со строительством мостов и прекрасных зданий. Теперь он уже писал, что архитектурный стиль дворцов на Мичиган-авеню в Чикаго соответствует лишь возможностям, заложенным в «негритянских мозгах», не более того. Современные американские женщины тоже никак не отвечают требованиям его вкуса: американская женщина занята тем, что бережет нервы, наслаждается чтением негритянской поэзии и совершает променады. Американец — «дитя современности, выскочка, самоучка в области образования и этикета» [9: 180], заявляет он, не думая о том, что подобная характеристика вполне относится, по свидетельству многих, и к самому автору книги.

Некоторые признаки духовной элиты когда-то существовали в южных штатах, но когда в результате Гражданской войны и демократизации, идущей с севера, негры стали господами по отношению к бывшим рабовладельцам, черты аристократизма здесь сошли на нет. «Негры так и остаются неграми — тропическими зачатками людей, существами, у которых в голове кишки вместо мозгов, атавизмами на теле общества белых людей» [9: 198].

Старый Свет должен прекратить восхваление политической демократии Нового Света или с содроганием уразуметь, к чему это приводит: «Вместо создания духовной элиты в Америке занялись выращиванием мулатов» [9: 198].

Вся его суть восставала против сказки о демократии и народном представительстве, как он писал своему товарищу по эмиграции вскоре после своего возвращения в Копенгаген[65]. Ровно через десять месяцев он разразился книгой, каждая фраза которой была плевком в адрес «Brave New world»{17}. В это время Георг Брандес увлекался творчеством Ницше. Весной 1888 года на своих лекциях он представил немецкого философа Скандинавии, эти лекции Брандеса привлекли большое внимание и имели общественный резонанс. Идеи Ницше о толпе, массе, посредственностях и исключительных личностях стали предметом разговоров между Гамсуном и Брандесом зимой, после

Рождества 1889 года. В «Ню Юрд» также много писалось о Ницше. В заключительной главе книги об Америке, «Черное небо», Гамсун с восхищением воспроизводит ницшеанские идеи — заменить рабскую мораль, связанную с идеалом равенства, естественной, природной моралью и нравственным принципом, связанным с идеалом сверхчеловека.

Прошло уже десять лет с тех пор, как Гамсун держал в руках только что написанную книгу.

Казалось, он достиг определенного положения, когда уже мог получать процент с тиража, так же как и сам Ибсен!

Он попросил одного своего друга свято хранить тайну, то есть никогда публично не разглашать, что это именно он является автором фрагмента «Голод», напечатанного в «Ню Юрд». Вот как он объяснял свою просьбу: «Я настолько раскрылся в этом фрагменте, а в дальнейших частях это еще больше усилится. Представляю, какой ужасный шум поднимется, когда вещь будет опубликована целиком»[66].

В связи со всеми этими переживаниями он стал часто бывать в «Бернине»{18} и других подобных заведениях в центре Копенгагена. Вращаясь в литературных кругах Копенгагена, Гамсун пристрастился к алкоголю, часто произнося при этом речи во славу кофейных бобов как средства от похмелья.

Он изо всех сил стремился быть в центре внимания и откровенно сердился, если кто-то отказывался выпить за его счет. Кое-кто шептал о том, что Гамсун — выскочка, другие понимали, что эта невероятная жажда демонстрации экономического благополучия связана с тем, что многие годы ему приходилось жить, рассчитывая на благотворительность других. Казалось, Гамсун вел себя все время так, как будто хотел от чего-то откупиться.

Божественное безумие

Во время пасхальной недели 1889 года Гамсун покинул Копенгаген.

Он уже три года не был в Кристиании, но когда вышел из копенгагенского поезда на Восточном вокзале, оказалось, что на родине его ждет теплый прием. Издатель и владелец бакалейных магазинов Юхан Сёренсен предложил ему пожить у него на вилле, находившейся вблизи столицы. В тот же самый вечер там состоялся большой прием в честь приезда Гамсуна. Были приглашены члены стортинга, пришли и многие университетские

профессора, а также представители левой прессы Ларе Холст из «Дагбладет» и Улав Томессен из «Верденс Ганг». После обеда присутствующие разделились на небольшие группки. Почетный гость и хозяин были поглощены разговором друг с другом, в то время как и гости вели свои разнообразные беседы. Через некоторое время многие заметили, что разговор этих двоих становится все более и более громким. Под влиянием многочисленных рюмок коньяка Гамсун стал обвинять Сёренсена в том, что тот прямо-таки обожествляет Бьёрнсона.

На третий день Пасхи наш духовный аристократ поведал свою печаль датскому издателю Филипсену: «Я чувствую себя полной развалиной. Здесь ужасная обстановка для моей нервной системы. Хозяин шаг за шагом просто убивает меня своими разговорами <…>. И кроме того, эта атмосфера, в которой живут все эти люди, она совершенно непригодна для меня. Вы даже не можете себе представить, насколько отсталыми являются здешние так называемые передовые люди»[67].

Редакторы журналов и газет Кристиании раскопали его ранее отвергнутые статьи и новеллы и теперь жаждали опубликовать их. «К моему изумлению, все тут вокруг меня только и говорят, что всегда верили в мою незаурядность <…>. О боже, как это отвратительно», — жаловался он в том же письме.

Гамсун испытывал острое, прямо-таки язычески сладострастное наслаждение от возможности отказаться от тех или иных публикаций, от приглашений в гости, так же как и от приглашения остаться жить в доме Сёренсена, рассчитывавшего стать его новым издателем.

Нет, теперь Гамсун устремился в Вальдрес, чтобы подлечить нервы и продолжить работать над рукописью, которая станет впоследствии книгой «Голод».

Первой норвежской газетой, поместившей рецензию на книгу об Америке, была «Дагбладет». В весьма благожелательной статье ее автор с большой похвалой отзывался о публицистическом даре Гамсуна, его умении склонять других на свою сторону. Над таким утверждением Гамсун слегка посмеялся, но ему стало уже совсем не до смеха, когда Эдвард Брандес, выступивший со статьей в датской газете «Политикен», обнаружил в его книге множество несообразностей. То же самое писали и другие рецензенты. Но все же одна из рецензий невероятно порадовала Гамсуна. В газете «Верденс Ганг» о нем написал Георг Брандес. Он охарактеризовал Гамсуна как сверхчувствительную, аристократическую натуру, для которой губительно пребывание в холодной атмосфере, и,

вероятно, душа его стремится в некое маленькое теплое сообщество, члены которого — свободные от предрассудков высокообразованные люди, составляющие рафинированную элиту. Гамсуну было известно, что Брандес, говоря о неподходящем месте, отнюдь не имел в виду норвежскую столицу, как могут вообразить себе норвежские читатели, а намекал на литературные круги Копенгагена. В конце Брандес однозначно заключил: «Перед нами новый выдающийся норвежский прозаик, самостоятельно мыслящий литератор, который уже занял место в литературном мире и у которого есть перспектива»[68].

Гамсун решил остаться в Кристиании до весны 1890 года, когда он должен представить рукопись «Голода» своему датскому издателю. А для этого ему были нужны деньги.

И тогда он решил продемонстрировать, что находится в хорошей творческой форме, что он многообещающий автор, так, чтобы редакторы «Дагбладет» и «Верденс Ганг» — конкурирующих между собой изданий — оба были в нем заинтересованы.

Между делом он написал новеллу об отчаянном игроке, которую назвал «Азарт».

Потом ему придется в этом раскаяться.

В течение десяти лет после своей первой неудачи в Копенгагене Гамсун был одержим страхом, что он недостаточно оригинален как писатель. С опубликованием фрагмента «Голода» он получил достаточно доказательств и подтверждений со стороны буржуазной культурной среды в Копенгагене, что он никому не подражает и обладает собственным литературным стилем. Однако хрупкое чувство самоуважения, которое поддерживало его, когда он так упорно работал над «Голодом», едва не было полностью разрушено в связи с обвинением в плагиате. Именно этого он стал опасаться после выхода в 1889 году на норвежском языке романа Достоевского «Игрок». Поэтому он попросил редактора «Верденс Ганг» вернуть рукопись еще не вышедшей новеллы «Азарт». Редактор с извинениями отказался возвращать рукопись, заявив, что уже поздно, так как именно этот материал должен заполнить три из восьми рождественских страниц его издания. При этом редактор всячески успокоил Гамсуна, заверив, что для них обоих ситуация совершенно ясна, что в случае возможного недоразумения он вполне сможет подтвердить, что у Гамсуна не было ни малейшего намерения подражать Достоевскому, чтобы потом быть обвиненным в плагиате. В это время еще ни у кого не возникало подозрения в том, что существует сходство между написанной Гамсуном

новеллой и произведением русского писателя. Обвинения возникли позднее.

В течение трех первых месяцев следующего десятилетия Кнут Гамсун закончил «Голод», книгу, которая, как никакая другая, отразила борьбу автора за физическое выживание.

У главного героя нет прошлого, у горожан его не бывает. В сельском сообществе все знают, из какой семьи человек происходит, и потому при его характеристике принимают в расчет разные обстоятельства. В городе человек является таким, каким он предстает в каждый конкретный момент.

Когда Гамсун описывает страдающего от голода человека, скитающегося по норвежской столице, личность, очень похожую на него самого, то сначала он, следуя своему замыслу, изображает изменчивые движения души страдальца. Его герой, пройдя многие испытания, выживает и одерживает победы.

Герой «Голода» произносит речь, обращенную к ростовщику, который удивлен тем, что тот возвращается к нему, чтобы забрать огрызок карандаша, который случайно остался в кармане заложенной им жилетки: «Хоть у этого огрызка карандаша и жалкий вид, благодаря ему я стал тем, что я есть, нашел, так сказать, свое место в жизни <…>. Поэтому неудивительно, что я захотел получить назад этот огрызок карандаша, он имеет для меня слишком большую цену, он мне все равно что маленький друг» [1; I: 53][69].

Голод ужасен, но он не смертелен для того, в ком пробуждает творческие возможности.

Вот как он описывает это переживаемое героем озарение, связанное с творчеством: сначала приходит на ум какое-то удачное слово, потом «…одно слово влечет за собой другое, они связно ложатся на бумагу, возникает сюжет; сменяются эпизоды, в голове у меня мелькают реплики и события, я чувствую себя совершенно счастливым. Как одержимый, исписываю я страницу за страницей, не отрывая карандаша от бумаги» [1; I: 65].

Он начинает быстро сочинять, сосредоточившись на своей цели. Когда он видит, что это — лучшее из созданного им, то встает на колени и благодарит Всевышнего «за чудо, свершившееся в душе по воле неба, отклик за вчерашний крик о помощи. „Там Господь! Там Господь!“» [1; I: 67].

Герой «Голода» предлагает рукопись в газету. Наконец редактор осознает гениальность автора.

Так заканчивается первая часть романа. Тот фрагмент, который он напечатал в «Ню Юрд», становится второй частью

книги. Андреас Танген не только временно спасен, происходит нечто гораздо более важное. Ему удается достичь невиданных творческих результатов, создать нечто невероятное. Творческий дух героя романа преодолел все физические страдания.

Герой испытывает муки, связанные с накалом страстей, которые он переживает по отношению к женщине, названной им фантастическим именем Илаяли, и другим персонажам. Но самая острая борьба происходит между в высшей степени земными, телесными устремлениями и одержимостью божественным безумием.

Таким предстает Гамсун в книге «Голод», которую можно назвать протестом против сытости и прагматизма. Да, ведь это не кто попало бродит по Кристиании и измышляет все новые и новые способы заглушить голод. Это — творец, писатель, которому предстоят великие деяния, силы судьбы сделали на него ставку: «А там, на небесах, восседал Бог и не спускал с меня глаз, следил, чтобы моя погибель наступила по всем правилам, медленно, постепенно и неотвратимо. Но в преисподней метались злобные черти и рвали на себе волосы, оттого что я так долго не совершал смертного греха, за который Господь по справедливости низверг бы меня в ад…»[1; 1:78].

Голод и различные искушения преследуют Андреаса Тангена во все более погружающейся в осень Кристиании, и он совершает один грех за другим. И в сумме эти грехи составляют немалую величину. Но самого главного греха — писать без вдохновения, ниспосланного Всевышним, он не совершает. Вот он уже почти сдается: «И я принимаюсь сочинять как попало, записываю все, что приходит в голову, лишь бы поскорей кончить и отделаться. Я пытаюсь внушить себе, что меня вновь осенило вдохновение, я лгу, грубо обманываю себя и пишу дальше, точно мне не нужно подыскивать слов» [1; I: 186].

Но персонажу «Голода» удается собрать последние остатки воли, которые, как предписывает нам Священное Писание, мы должны собрать в борьбе с искушениями, когда необходимо — отринуть плотские устремления, которые ведут к предательству. Он буквально перегрызает карандаш зубами. Это действие, приобретающее сакральный смысл, благословляет его выдержать самое последнее испытание.

Таким образом, остается только приносить жертвы. Среди всех потрясений, которые израненная душа героя вынесла и запечатлела во время его долгих скитаний по Кристиании, особенно выделяется одно: мальчик сидит на тротуаре перед ночлежным домом и играет бумажными полосками, вдруг из окна

высовывается рыжебородый мужчина, плюет на голову мальчика и насмехается над ним. Несмотря на ужасающее чувство голода, герой находит в себе мужество, чтобы утешить ребенка — отдать ему свое последнее печенье.

Ребенок и жестокий взрослый — Гамсун знал об этом как никто другой на свете.

В сентябре Гамсун написал своему датскому издателю письмо, в котором оправдывался, почему работа движется так медленно: «Ясное дело, теперь все ожидают, что раз фрагмент был гениальным, то таковой будет и вся книга; боюсь, что этого не получится». Через полгода, когда он почти закончил книгу, видно, что страх не достигнуть заявленного уровня уже покинул его: «Мне кажется, что подобной книги еще никому не удавалось написать, по крайней мере здесь у нас», — заявляет он[70].

Поэт и соблазнитель

Пасхальные дни 1890 года Гамсун провел в Копенгагене. В Норвегии он пробыл целый год, намного дольше, чем первоначально намеревался.

Неугомонный издатель буквально вырвал новую рукопись из рук Гамсуна, стоило тому сойти на берег, и тут же отослал ее в типографию. Таким образом, Филипсен обеспечил себе и на будущее несомненное право получить от Гамсуна последние фрагменты романа. Очень эффективными оказались постоянные напоминания издателя о толпе кредиторов Гамсуна. Наиболее настойчивых из них Гамсуну удалось отвадить лишь непосредственно отослав к издателю. Денежных претензий скопилось так много, что Гамсун уже и не помнил, кому и сколько задолжал.

А вот о женщинах ему очень даже приходилось помнить.

Как-то в конце мая — начале июня Гамсун сидел в дешевом кафе в Копенгагене. В зал вошел мужчина и сел за соседний столик. Ему сорок, а может быть, сорок пять. Это историк литературы, переводчик, редактор словарей и автор научно-популярных книг; Гамсун бывал у него в гостях, им доводилось вместе встречаться у знакомых, бывать в общих компаниях в ресторанах. Теперь они почти не смотрят друг друга.

Гамсун готов ко всему — от яростных обвинений и угроз до униженных просьб. Но ничего не происходит. Эрхард Фредерик Винкель Хорн не произносит ни единого слова. Время идет,

ситуация становится все более и более невыносимой для Гамсуна. Гамсун несколько раз окликает официанта, для того чтобы расплатиться, давая этим понять, что у них немного времени для разговора. А разговор неизбежен, учитывая события последнего времени.

Наконец официант подходит к столику Гамсуна. Винкель Хорн продолжает хранить молчание. Он никак не дает понять, что ему известно, что человек, сидящий неподалеку, состоит в близких отношениях с его женой Анной Ингеборг Марией Равн. Гамсун размышляет о том, следует ли ему проявить инициативу. Молчание сидящего рядом с ним за столиком мужчины заставляет его сгорать со стыда. В конце концов Гамсун расплачивается и уходит.

Двумя часами позднее он взволнованно и во всех деталях описывает произошедшее в письме к наиболее близкому из своих знакомых в Копенгагене — Эрику Скраму. Тот в полной мере был посвящен в эту историю. Гамсун просит Эрика Скрама поговорить с Винкелем Хорном.

Одна из причин, почему Гамсун не заговорил в питейном заведении с Хорном сам, была связана с тем, что он не был уверен, что разговор Скрама и Хорна уже состоялся.

«Почему же он так ничего и не сказал мне, ведь у него явно есть повод для мести?» — спрашивает он Эрика Скрама[71]. «Почему, черт побери, он не предъявляет ко мне претензий, хотя случай для этого вполне подходящий? Никак, будь я проклят, не могу взять это в толк. Умоляю тебя, милый мой Скрам, попроси В. Х. покончить с этим. Мне невыносимо как ни в чем не бывало встречаться с ним. Мне этот человек нравится, и я едва не вступил с ним в разговор первым, так невыносимо было его молчание. Мне необходимо знать, как себя вести».

Он просит Скрама разъяснить ему, как Винкель Хорн думает наказать Гамсуна, чего ему ожидать, и только бы он не наказывал его молчанием, молчание — хуже всего. Еще раз такой сцены ему не выдержать. «Сдается мне, этот человек хочет выглядеть благородным, и все в этом роде. Скажи ему прямо, что если он намеревается и впредь проделывать со мной такие шутки, то, клянусь, так и вцеплюсь ему в глотку. Пусть так и знает! Я кровно оскорбил этого человека, и я готов отвечать за это, хоть сейчас».

Гамсун, как и персонаж его романа, весьма переменчив в своих настроениях, в том же письме он вдруг начинает выражать сочувствие по отношению к Винкелю Хорну: «Трудно себе представить что-либо смешнее этой дьявольской истории, мне муж моей любовницы нравится больше, чем она сама. Теперь, когда я встретил его и увидел, как он постарел и поседел, мне

хотелось просто броситься ему на шею». И посреди сочувствия, как у героя «Голода», тут же проявляется агрессия: «А если ему придет в голову сунуться ко мне со своим прощением, то тут уж я за себя не ручаюсь, разрази меня Господь».

Таким образом, он давал понять, что для него важно спокойно ходить по Копенгагену и не бояться встретить Винкеля Хорна. «И если он не перестанет носиться со своей гнусной местью, то я плюну ему в рожу и выцарапаю его скорбные глазки. Вот мое последнее слово».

На полях он добавил: «Я знаю, он говорит, что собирается что-то предпринять, но почему он ничего не делает?»

Либо Гамсун не понимал, либо был не в состоянии понять, что та встреча и была именно тем, что предпринял Винкель Хорн.

Непосредственно вслед за этим событием Гамсун покидает Копенгаген, разослав только что отпечатанные в типографии экземпляры своего романа «Голод» по рецензентам в Дании, Швеции и Америке, предварив его замечанием, что он не имеет никакого отношения к повествованиям о помолвках, пикниках и балах и что это вообще не роман. «Что меня интересует, так это удивительные порывы чувствительной человеческой души, причудливая жизнь духа, нервные мистерии в изголодавшемся теле. В книге одна сквозная тема, но я стремился к тому, чтобы она прозвучала как многоголосье, как множество оттенков и звуков»[72]. Ему необходимо было предотвратить возможную в дальнейшем критику Брандеса, который приоткрыл для него дверь в мир литературы, когда писал, что высоко ценит повествовательный талант писателя и его подлинно аристократическую натуру, в связи с выходом в свет его книги «О духовной жизни современной Америки». Теперь, бегло пролистав «Голод», Брандес как бы захлопнул перед ним эту дверь. Он написал Гамсуну, что роман кажется ему монотонным.

То, что Брандес отверг «Голод», было самое худшее, чего мог ожидать Гамсун: «Я чувствую себя одиноким без Вас, если Вы лишаете меня Вашей поддержки, то тогда, разумеется, незачем и продолжать писать <…>, у меня нет никого, кроме Вас», — сетовал он. Возможно, Брандес просто невнимательно прочел его книгу. «Если мы займемся подсчетами, то полагаю, что в моей книге обнаружится не меньше захватывающих душевных переживаний, чем, к примеру, в „Преступлении и наказании“»[73].

Георг Брандес не захотел писать одобрительный отклик на роман «Голод». Рационалист Брандес ничего не имел против некоторой доли безумия, если только при этом сохранять общий разумный взгляд на мир. А в герое «Голода» он увидел лишь

неврастеника на грани гибели. Радикал Брандес поднял знамя борьбы против Бога и клерикалов, против политиков, но не против здравого смысла. У него не было ни малейшего желания восхищаться литературным персонажем, которого его интеллект отвергал.

Спустя четыре дня после того, как Гамсун униженно просил милости у главного апостола скандинавской литературы, 4 июня 1890 года, он взошел на борт парохода. Правда, это был отнюдь не тот корабль, который мог взять курс на Антверпен, чтобы потом отправиться в Тунис, Пирей, Смирну, Салоники, Севастополь, Одессу и далее на Балканы. У него не было средств на подобное путешествие, мечтами о котором он делился со своими знакомыми в Осло и Копенгагене. Гонорар за «Голод» составил целые 2100 крон, но большая часть этой суммы безвозвратно канула в долговую дыру, которая, как известно, образовалась у Гамсуна, и при этом он так и не освободился от настойчивых требований кредиторов.

И вот теперь, как ему казалось, он нашел способ для создания надежного экономического положения. Ему следует в течение двух-трех месяцев написать новую книгу, которая и даст ему возможность отправиться в это большое путешествие. Книга будет состоять из двух-трех психологических новелл, делился он своими идеями с друзьями.

Между тем пароход направлялся в тот самый город, с которым у Гамсуна были такие напряженные отношения. При этом он вовсе не жаждал ловить на себе взгляды знакомых и незнакомых обитателей столицы и выслушивать разного рода замечания в связи с тем, что газеты наперебой гадали, в какой степени автобиографична фигура главного героя «Голода».

Едва прибыв в Кристианию, через несколько дней Гамсун отправился в новое путешествие, на этот раз вдоль извилистой южной части норвежского побережья. Ну что же, и это было неплохо. Перемена мест не была редкостью в его жизни, так он несколько раз поступал ранее, особенно в Америке, и всегда это оправдывало себя, порой результат был ошеломляющим.

И вот, так или иначе, он сошел на берег в Лиллесанне, маленьком городке на юге, который постепенно становился все более и более процветающим. Его почти полуторатысячное население жило морем и лесом, благодаря чему в городке была создана — предмет всеобщей гордости — судоверфь с первоклассным деревообрабатывающим производством.

С парохода он сошел в расстроенных чувствах.

Он все думал о мнении, высказанном Брандесом: оно

произвело на Гамсуна такое впечатление, словно о его голову разбили бутылку.

При этом рана, нанесенная драмой ревности, разыгравшейся между Гамсуном и Фредериком Винкелем Хорном, кровоточила еще сильнее. Как-то он посетовал одному из друзей, как грустно ему его постоянное пребывание в одиночестве, что у него нет настоящего дома, а только временные неуютные пристанища, нет ни жены, ни постоянной возлюбленной, что он часто путешествует, а ему не с кем прощаться при расставании и не к кому стремиться домой[74].

В Лиллесанне он жил в пансионате, здание которого было раньше портовым складом. С его большой веранды открывался чудесный вид на площадь и гавань. Каждый вечер приплывали большие пароходы, главное событие дня для местных жителей. Гамсун быстро приобрел здесь друзей и знакомых.

В то время шли пересуды о том, что «Голод» — кощунственная и эротическая книга, что Гамсун ведет себя весьма возмутительно с дамами и морочит голову одной из многочисленных соломенных вдов этого города. Собственно говоря, так и было, если судить по переписке того времени[75].

Даме было двадцать шесть лет, она была замужем за морским офицером, который часто бывал в дальних плаваниях, они были женаты уже три года, но она все еще была бездетна. В городке, где всего полторы тысячи жителей, такие вещи долго скрывать невозможно.

За несколько месяцев до этого Гамсун жаловался, что датский рогоносец так и не затеял мужского разговора с ним. Ничего себе, молча сидел за ресторанным столиком, неподалеку от любовника своей жены! А вот в Лиллесанне ему довелось встретиться с настоящим мужчиной. Морской офицер весьма недвусмысленно дал понять литератору, чтобы тот держался подальше от его жены. Правда, и любовный угар уже прошел. В любви для Гамсуна важно было быть завоевателем, его сводила с ума возможность покорить женщину. Чем более недоступен был объект, тем более желанен для Гамсуна. И когда он находился в подобном состоянии, то воображение его разыгрывалось безгранично, он любил представлять себе на разные лады то, что должно было неизбежно случиться. Влюбленность подобна творческому вдохновению, экстазу, когда как бы возносишься на гребень волны, а потом весь изможденный, обессиленный опускаешься вниз.

Новые слухи и сплетни о нем достигли апогея, когда Гамсун в один прекрасный день получил телеграмму, вдохновившую его на поездку, после чего он, с небольшим багажом, взошел на борт парохода, чтобы плыть в соседний городок. Его заинтересовала эксцентричная англичанка Мэри Чевелита Дунн, у которой было весьма бурное прошлое. Ее предки были австралийского, ирландского и валлийского происхождения, жили в Германии и Америке. И вот она оказалась в Норвегии, с любовником-алкоголиком, которого теперь уже не было в живых.

С того самого воскресного вечера, когда Гамсун вошел к ней в комнату, она потеряла голову. Это был сентябрь 1890 года. Они были ровесники, оба занимались художественным творчеством. Ей надо было уехать. Они условились о переписке в ожидании новой встречи в Норвегии[76].

Обогащенный множеством новых впечатлений, он вернулся в Лиллесанн, окунулся в его причудливую атмосферу. Жизненный опыт этих дней он использовал при написании книги, которая, как он считал, будет лучше «Голода».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Смерть пророкам

Гамсун давно мечтал писать так, чтобы его ставили в один ряд с Ибсеном и другими выдающимися норвежскими собратьями по перу. Летом 1890 года он в полной мере осознал, насколько ему мешает стоящее на его пути поколение именитых норвежских писателей. Он связывал это отнюдь не с недостатками своего романа «Голод», а с рецензентами, которые долгие годы кормились прославлением общепризнанных пророков.

И вот теперь появилось великое произведение Гамсуна.

Но, увы, рецензенты не сочли «Голод» великим произведением. Некоторые отклики были положительными. Из норвежских газет первой выступила «Верденс Ганг»: отмечалось дарование крупного масштаба, редкое стилистическое мастерство. «Дагбладет» писала о новом явлении, литературном мастере, кудеснике слова. Копенгагенская «Бёрс-Тиденде» приветствовала его изысканное новаторское искусство. «Подлинный темперамент художника, пронзительная поэзия» — так писала о нем эта копенгагенская газета[77]. Гамсун собирал положительные отклики, но их сводили на нет многочисленные критические суждения.

Рецензент одной датской газеты посоветовал ему наняться работать санитаром морга в современном литературном сумасшедшем доме. В своей статье в «Политикен» Брандес выразил сомнение, что отчаянно голодающий человек способен так легко расстаться с последними грошами, как это делает герой «Голода». У одних вызывали протест эротические сцены, у других — богохульство, спор со Всевышним, о котором Гамсун с гордостью заранее всем рассказывал. Некоторые называли его книгу грубой, циничной, мерзкой, но таких было меньшинство. В общем и целом первые рецензии, особенно в левой прессе, можно назвать благожелательными.

Но именно негативные отзывы он смаковал и впитывал в себя, они как будто придавали ему сил, мобилизовывали его энергию для борьбы, как будто бы он даже был каким-то образом зависим от них. «Я наполнен до краев, просто переполнен замыслами, — уверял он Эрика Скрама. — Разрази меня Господь, я им еще покажу, этим нашим четырем пророкам, у них глаза на лоб полезут».

При этом он расстается с идеей написания сборника

психологических новелл. «Я постоянно обдумываю и сочиняю нечто такое невероятное, что, клянусь Богом, до меня на этой земле никогда не было написано»[78].

Скраму писал о «Голоде» в датском «Тильскуерене» и в норвежском «Самтиден», где заявил, что книгу можно отнести к числу лучшего из того, что было написано в Европе за последнее время.

Гамсун перечитал рецензию, наверное, раз тридцать: «Я напишу такой гимн любви, что и Аллах, и Бьёрнсон содрогнутся». Это высказывание, безусловно, является реакцией на комментарий одного из рецензентов, полагавшего, что поведение главного действующего лица романа, который отшатывается от Илаяли, хотя сам страстно добивался ее, — это поведение импотента. Этот же рецензент пишет, что автор вообще не силен в эротических сценах и многие детали у него как бы повисают в воздухе. Эти упреки были восприняты Гамсуном как страшное оскорбление.

Он решил, что следующая его книга будет представлять толстый роман, который наглядно покажет, что никто так не разбирается в жизни, как Гамсун, и никто не может так хорошо ее описать![79] Теперь Гамсун уже внедрился в политические и литературные круги, познакомился с обоими братьями Брандесами в Копенгагене и с влиятельным окружением Бьёрнсона, с норвежскими консерваторами и многими представителями левых радикалов.

Сложные жизненные ситуации, в которые доводилось попадать Гамсуну, пробуждали стремление противостоять им, что сформировало у него опасную жажду борьбы.

Так, например, после выхода в свет книги об Америке издатель вновь пытался убедить Гамсуна, что критика была гораздо более многообразной и благожелательной, нежели он воспринимает ее. Филипсен явно не видел, в какой степени Гамсун следовал своей собственной программе действий. Когда Филипсен мягко дал ему понять, что первый тираж в 2000 экземпляров вряд ли будет распродан и что требования Гамсуна завышены, так как тот просил за новую книгу аванс в 400 крон, Гамсун почувствовал себя оскорбленным. А в те времена заработок квалифицированного ремесленника составлял три кроны в день. Гамсун постоянно твердил, что «„Голод“ — это книга, подобной которой никто еще не писал, это редкая, выдающаяся книга»[80]. Самым ярким свидетельством этого стал интерес к творчеству Гамсуна в Германии. Врач Ганс Курелла, издатель международного психиатрического журнала, хотел

опубликовать его книгу на немецком языке в качестве научного материала.

О книге уже писали две немецкие газеты, и издатель, и переводчик Ибсена в Германии — оба прислали Гамсуну телеграммы уже через две недели после выхода книги в свет в Германии. Оба хотели договориться о правах. Кроме того, нашлось и еще одно немецкое издательство, проявившее интерес к книге Гамсуна, Филипсен получил в связи с этим уведомление.

В целом ряде своих писем Гамсун пишет о том, сколь велик был интерес к «Голоду» в Германии и Австрии. Вскоре стало известно, что журнал «Фрайе Бюне»{19} хочет опубликовать книгу как роман с продолжением. Журнал выходил в издательстве Самуэля Фишера, который хотел видеть эту книгу на немецком рынке в следующем году. Тем самым у Гамсуна появилась возможность быть изданным в том же издательстве, что и Ибсен.

Вдохновленный успехом в Германии, Гамсун попытался вступить в контакт с Вильямом Арчером, переводчиком Ибсена, энтузиастом и популяризатором норвежской литературы в Англии[81].

То, как был принят «Голод», явилось для Гамсуна лишним свидетельством необходимости расчистить место для новой литературы — психологической. Игнорирование в большей части правой прессы и частично негативная критика «Голода» в левой свидетельствовали, согласно мнению Гамсуна, лишь о том, как ужасно изображала человеческие характеры привычная, по его мнению, «шарлатанская норвежская литература с ее морализаторством, литература, не способная изобразить неповторимую, причудливую душевную жизнь современного человека», сетовал он в письме своему шведскому коллеге Густаву Геерстраму. Одновременно он закончил свою мятежную статью «О бессознательной духовной жизни». Он послал ее в новый норвежский журнал «Самтиден»[82].

Добрая половина статьи является повествованием о том, как во сне он сочинил две истории. Он рассказал, каким образом с помощью техники ассоциаций он исследовал связи между пережитым в реальности и написанным в полусне. Раскрывая свою душевную жизнь и технические особенности собственного художественного метода, он тем самым косвенно указал на свою прямую связь с персонажем «Голода», и это давало повод для обоснования новой эстетики. Книги должны сочиняться писателями, которые обладают способностью проникновенно писать «о таинственных процессах, которые незаметно

происходят в периферийных областях человеческого сознания, о безграничном хаосе ощущений, причудливой фантазии, высвеченной нашими чувствами; о слепых порывах мыслей и чувств, немых и бесследных коллизиях между ними, о загадочности нервных явлений, шепоте крови, мольбе суставов, всей жизни подсознания» [10: 301][83].

Он получил множество откликов. Особенно много писем шло от издателей и переводчиков из Германии и Австрии. Так, он получил письмо от Марии Герцфельд{20}. Ей он отправил свою новеллу «Азарт», судя по всему, совершенно не думая о возможном ее сходстве с романом Достоевского «Игрок». Теперь он послал ей статью «О бессознательной духовной жизни». У Герцфельд явно были хорошие связи, так как вскоре эта статья была опубликована в солидной газете «Франкфуртер Цайтунг».

Молодой орел начал вить себе мощное гнездо в Германии.

Держись, Ибсен!

Возможность ниспровергнуть Бьёрнсона, других пророков и их хваленые книги с лекционной трибуны казалась ему все более и более привлекательной. У себя на родине, после своего первого лекционного турне семь лет назад, подходящим местом для своих выступлений он счел Берген.

Лекции были назначены на осень.

По мере приближения времени лекций Гамсуна охватывало нервное возбуждение. Заинтересуются ли бергенцы его лекциями, придут ли на его выступления, ведь они — часть норвежской публики, у которой в мозгах засело представление о непревзойденности «четверки великих»{21}.

Уже за две недели до начала лекций он приезжает во второй по величине город Норвегии. Через три городские газеты он бомбардирует бергенцев анонсами о предстоящих лекциях. К тому моменту, как он взошел на трибуну 19 февраля 1891 года, их набралось двадцать семь штук. Огромную помощь ему оказала Болетте Павелс Ларсен, писательница, переводчик и рецензент в «Бергене Тиденде». После ее восторженной рецензии на «Голод» между ними завязалась переписка, установилось абсолютное доверие; в своих письмах он даже поведал ей кое-что о своих любовных отношениях с женщинами.

Зал был рассчитан на триста слушателей, многие советовали ему снять помещение поменьше. Но уже в четверть восьмого зал был переполнен. Публика стояла вдоль стен и в дверных проемах. В половине восьмого в зал перестали пускать. Среди публики

было на удивление много женщин. Лектор оглядел зал, в котором находилось около четырех сотен бергенцев, откашлялся и начал: «Дамы и господа! Сегодня я намерен поговорить о норвежской литературе, и то, что я скажу, боюсь, может неприятно поразить вас» [10: 303][84].

Он будет нападать на всемирно прославленную норвежскую литературу, чтобы освободить место для нового. Он намерен сосредоточить внимание публики на материалистической литературе, созданной «четверкой великих» на основании их демократических убеждений, английской меркантильной морали и в какой-то степени европейского реализма. В то время, когда во Франции проросла аристократическая, психологическая литература, которая теперь затмевает Золя и прочую социальную литературу, норвежская литература продолжает создавать так называемые социально значимые типы. Норвежские писатели предстают просто как друзья своих сограждан, а им надлежит быть знатоками человеческих душ.

Как, например, Бьёрнстьерне Бьёрнсон по своему призванию и способностям — народный просветитель, крестьянин и демократ. Его книги — как домашняя аптечка, крупицы знаний, рассеянные по его книгам, можно сравнить со снадобьями, которыми при случае он готов нас пичкать. Мы для него как дети.

Александр Хьелланн — человек с интересом к грубой материи жизни и свои знания в этой области распространяет на человеческую психологию. В его книгах то и дело раздаются всевозможные победоносные крики. «Так и слышишь звук открывающихся и захлопывающихся дверей банка, шуршание векселей, грохот якорной цепи швартующегося корабля» [10: 313].

Юнас Ли — вообще не лидер, а лишь заурядная посредственность, никакая не звезда, а всего-навсего лучик света, похожий на веселого добродушного дядюшку.

Далее он переходит к наиболее прославленному из всех: Хенрику Ибсену, персонажи которого представляют собой самые примитивные психологические типы. По мнению Гамсуна, такая упрощенность в описании душевных движений связана не только с ограниченными возможностями драмы как литературного жанра, но и с прямолинейностью Ибсена, неумением изобразить многообразие мира чувств.

Он говорит более полутора часов. Его провожают громкие и долгие аплодисменты. Так как он заранее подготовил свои лекции, то у него было время — четыре дня — между первой и последней лекцией, чтобы насладиться пьянящим чувством победы.

С материнской гордостью вводила Болетте Павелс Ларсен его в различные круги города: женщины не отваживались приближаться к нему. Однако она писала его завистливому коллеге: «О Боже, он покорил всех. Все здешние дамы, все, как одна, были у его ног»[85].

Ради следующей лекции Гамсуну пришлось снять более просторное помещение, вмещавшее в два раза больше людей, и тем не менее кому-то пришлось стоять, балконы тоже были заполнены, пришло около семисот человек.

Подобно Иисусу перед учениками, он рассказал притчу, основанную на прошлогоднем впечатлении в зимней Кристиании. Один знакомый писатель пришел к нему в гости, и они вместе наблюдали из окна сцену, которая тронула его до слез — старик играл со своим внуком, изображая лошадь. Дедушка кротко сносил удары хлыста своего наездника-внука во время этой игры во дворе. По мнению коллеги Гамсуна, это была самая прекрасная сцена, которую ему только довелось видеть, проявление человеческой доброты. Но для Гамсуна, который порой подглядывал за этой семьей, было совершенно очевидно, что это ложное толкование. Дело в том, что старик потихоньку утащил у своей дочери кусок сыра, и она наблюдала за унизительной игрой из окна. Вот этот писатель, приверженный эстетике создания типов, неправильно истолковал происходящее. Старик позволял ребенку бить себя по рукам и мучить себя другими способами, потому что жаждал «оказаться у позорного столба», он хотел испытать боль, он ощущал сентиментальную жестокость по отношению к самому себе. За всем происходящим стояло то обстоятельство, что старик являл собой духовно богатого индивида, недоступного для понимания создателю типов. Многие восприняли третью лекцию как наступившую после достижения апогея разрядку. Здесь нападки Гамсуна были направлены на так называемую модную литературу, на книги, которые нетрудно читать, за развитием действия в которых легко следовать, как в колонне под звуки марша. Почти половину своего выступления он посвятил книге, известной большинству, роману Ги де Мопассана «Наше сердце», который вышел в норвежском переводе год назад. Авторы, подобные Мопассану, служили для него примером того, как описание тривиальных вещей может захватывать воображение читателя. Кроме того, он совершил новые экскурсы в творчество Ибсена и других норвежских писателей. Увы, ни пишущие, ни читающие не понимают главной цели литературы.

Неужели же нет никакого просвета в современной литературе?

Есть. Посреди цикла своих лекций, в середине своей второй

лекции он назвал надежду современности: «Есть здесь у нас на родине писатель, который только что издал книгу, совершенно не похожую на другие, которая, между прочим, повествует о человеке с особым темпераментом. Книга была так себе, не очень-то продавалась, но через два месяца после ее выхода писатель получил полсотни благодарственных писем от своих соотечественников, мужчин и женщин, знакомых и совсем незнакомых, с которыми он никогда не встречался, при этом среди них была и пара знаменитостей».

Тот, о ком говорил лектор, был писатель Кнут Гамсун. Книга, о которой шла речь, — «Голод». Среди одобривших его были благословенные читатели, в умах которых не засело прочное представление о непревзойденности «четверки великих», которые не питали по отношению к последним чувства слепого обожания.

Сфинкс без загадки

В конце весны и начале лета 1891 года Гамсун прочитал лекции в целом ряде городов. Ни Ибсен, ни кто-либо другой из числа писателей, объектов его бурной критики, не ответили Гамсуну публично.

Это повергло критикующего в еще большую ярость.

В этот период норвежские газеты наперебой рассказывали о том, каким успехом пользуются драмы Ибсена за пределами Норвегии.

Европейские театры боролись за право премьеры «Гедды Габлер». Победил Мюнхенский, за ним следовал театр Хельсинки, потом театры Берлина, Стокгольма и Копенгагена. Кристиания опередила Гётеборг. Той весной в Лондоне шли «Гедда Габлер», «Женщина с моря», «Росмерсхольм» и «Привидения». В Вене шли «Борьба за престол», «Дикая утка», последняя пьеса шла и в Париже.

16 июля, после двадцатисемилетнего отсутствия, из-за границы вернулся Хенрик Ибсен. И правые и левые газеты грызлись между собой за то, чтобы склонить его на свою сторону. А между тем Ибсен заявил, что приехал на родину не для того, чтобы жить здесь, а лишь чтобы совершить путешествие вдоль северного побережья. Когда Ибсен возвратился в столицу, посетив самую северную точку Норвегии, тут уж Гамсун не смог сдержаться: «Коротышка снова в столице. И по сообщениям нашего телеграфного бюро, признался, что доволен Нордкапом! {22} Подумать только, наш коротышка кивает головой и с многозначительной миной заявляет, что доволен туманностью

Андромеды. Я прямо падаю от смеха»[86].

Гамсун высказал все это, живя в маленьком городке, расположенном в восточной части Кристиания-фьорда.

В течение трех месяцев он сумел заработать столько, сколько школьный учитель зарабатывает за три-четыре года. Казалось, что он хотел вычеркнуть из жизни эпоху «Голода», соря деньгами, раздаривая подарки друзьям и угощая знакомых и незнакомых. Даже и в трезвом состоянии не так уж хорошо умел он обращаться с деньгами. Он как будто стремился расстаться с ними как можно скорее.

Во время последнего визита в Кристианию он весьма в этом преуспел.

Потом пришлось клянчить деньги у редакторов и друзей.

В конце мая — начале июня Гамсун поселился в одном из самых старинных городов Норвегии, в Сарпсборге. Его характеризовали некоторые «достопримечательности», к которым приложили руку англичане, владельцы местного деревообрабатывающего предприятия: большое количество бревен, скопившихся в устье реки Гломма. Был здесь и водопад двадцатиметровой высоты. Одна из лучших в Норвегии экспортных гаваней. Дешевая рабочая сила. И целлюлозные фабрики, принадлежавшие Боррегорду, в которых отсутствовали современные методы работы и рыночный подход. Здесь целлюлозное производство находилось только в процессе формирования. Вскоре сюда устремились британские инженеры, и начались новые времена. Здесь Гамсун вплотную столкнулся с этими новыми временами. Впрочем, он уже сталкивался с мощным напором прогресса в Чикаго. И вот теперь прогресс пришел и в Сарпсборг, и во всю Норвегию.

Кнуту Гамсуну никогда не нравились англичане, недоверие к ним поселилось в нем еще в детстве, он унаследовал его от отца и деда. Позднее англичане дали ему много поводов для критики. В письме, написанном им тогда, летом, он сокрушался: «Гладстон — эта старая лицемерная корова, не подох, к сожалению, от инфлюэнцы в этом году. Так что надежд мало»[87].

Но самым главным раздражающим фактором был для него Хенрик Ибсен. Путешествие последнего вдоль северных берегов Норвегии стало триумфальным. Но властитель дум, по слухам, был вечно всем недоволен. Георг Брандес устроил для него обед в «Гранд Отеле». Ибсен проявил раздражение, когда увидел, что большую часть приглашенных составляют радикально

настроенные писатели и художники. Их речи не заставили его стать более любезным. Когда редактор «Верденс Ганг» выразил благодарность почетному гостю за замечательные сценические женские образы, созданные им, Ибсен парировал, заметив, что в своих пьесах он не стремился сочинять роли для актрис, а изображал человеческие судьбы. Его соседка по столу попыталась заметить ему, что фру Элстед в «Гедде Габлер», как ей кажется, ведет себя чересчур жертвенно и подчиненно по отношению к мужчинам. Ответ был таков, что она прикусила язык: его абсолютно не волнует мнение сторонниц женской эмансипации. Редактор «Верденс Ганг» упомянул, что Брандес претендует на должность профессора литературы. На это Ибсен отозвался, что если таковую Брандес займет, то лучше бы ему, во всяком случае, не заниматься норвежской литературой, которую тот совсем не знает[88].

Гамсуну исполнилось тридцать два года. Ему постоянно доводилось читать в газетах об Ибсене, вероятнее всего, и о том, что последний, при всех своих регалиях, почтил своим присутствием сотое представление «Союза молодежи» в одном из столичных театров.

Сразу же после этого Гамсун направился в столицу.

Надо сказать что в Сарпсборге он тоже ввязался в одну легкомысленную историю с женщиной, на этот раз с горничной отеля. А большой же «психологический роман» закончить к Рождеству никак не получалось.

Второго октября Ибсен узнал из газет, что приблизительно через неделю Гамсун будет выступать с лекцией. Вскоре всемирно известный драматург получил от Гамсуна письменное приглашение. Шестидесятитрехлетний Ибсен все более интересовался духовными веяниями в среде молодых писателей. И вот тут у него появилась конкретная возможность познакомиться с таковыми.

К восьми часам 7 октября зал братьев Хал был полностью заполнен; кроме многочисленных деятелей культуры здесь присутствовали также молодые писатели и политический бомонд. Полярный исследователь Фритьоф Нансен. В первом ряду сидели самый прославленный композитор Норвегии Эдвард Григ и его жена Нина, певица. Почти ровно в восемь свои места рядом с ними заняли Хенрик Ибсен и его спутница. Всем ясно, что это отнюдь не его жена Сюзанна. Не так давно Ибсен решил было продолжить знакомство с дочерью своей квартирной хозяйки в Бергене, но вскоре решил, что внучка хозяйки,

двадцатисемилетняя пианистка Хильдур Андерсен, — гораздо более интересный объект для дружбы, нежели ее мать. Они сидели прямо напротив кафедры.

Кнут Гамсун прислал билет Ибсену за номером один.

Появление Гамсуна на кафедре сопровождалось одобрительными аплодисментами со стороны молодых слушателей.

«Дамы и господа!»[89]

Лектор говорит более получаса, пока не произносит имя того, о ком думают все сидящие в зале. Он говорит о том, что Ибсен довольствуется самыми элементарными, незамысловатыми с точки зрения психологии характерами. Через пять минут он начинает изобличать художественные приемы Ибсена-драматурга: «Он стремится к тому, чтобы психология его персонажей была столь отчетливой, то есть неглубокой, чтобы ее легко можно было понять и донести со сцены, и эта психология является грубой и фальшивой».

После этого он начал высмеивать Росмера из «Росмерсхольма». В благородном теле совсем нет силы. Лектор готов сразить его одним ударом своего кулака. Сам великий драматург предстает как сфинкс, лишенный загадки. «Мы настолько привыкли доверять оценкам Ибсена в Германии, что заранее убеждены в глубокой мудрости и высоких литературных достоинствах всех его произведений. И если вдруг мы сталкиваемся с чем-то странным, неожиданным, то воспринимаем это не как странность, а полную глубокого смысла загадку, специально задаваемую нам автором; если же загадка эта в высшей степени необычна и неразрешима, то это, конечно же, не вина писателя — просто мы не в состоянии постичь внутренний смысл, заключенный в ней. Кроме того, надо честно признать, что Ибсен — человек, имеющий чрезмерную склонность поговорить» [10: 318].

Все это время Ибсен неподвижно сидел в своем кресле № 1, всем своим видом демонстрируя интерес к речи стоящего на кафедре. Правда, когда говорящий вызывал оживление в зале за счет нелестных реплик в его адрес, Ибсен слегка морщился.

Аплодисменты были долгими, лектор отступил назад, а потом снова вышел к публике. Немалое число людей было в восторге, другие были поражены бесстрашием, с которым он нападал на Ибсена, некоторые были разгневаны. Одним из разгневанных был редактор «Верденс Ганг», который выразил негодование по поводу выступления Гамсуна. «Будь мы в

цивилизованной стране, студенты давно пробили бы башку этому парню, который вздумал нападать на Ибсена»[90].

На следующей лекции многим не хватило места. Но политическая элита присутствовала, и премьер-министр и министр юстиции были с почтением препровождены на свои места перед кафедрой. Так же как и сам Ибсен, который заявил своей приятельнице, что они непременно должны посетить лекцию Гамсуна в тот вечер.

«Нам, вероятно, стоит спуститься с Олимпа и наконец узнать, какие именно художественные произведения нам следует создавать»[91]. Возможно, это ироническое замечание было гораздо более серьезным, нежели подозревала приятельница Ибсена. Именно в этой, второй лекции Гамсун собирался изложить свои взгляды на психологическую литературу. То, что в его драмах гораздо больше изображения общественной жизни, нежели душевной, для Ибсена не звучало неожиданностью. В последние годы ему уже доводилось слышать это от многих. Совсем недавно Бернард Шоу написал, что искусство Ибсена — это социальное, а не психологическое искусство. В августе Ибсен посетил Копенгаген, для того чтобы поближе познакомиться с творчеством Стриндберга, автора пьес о «душевных перипетиях». И теперь, в октябре 1891 года, он уже начал размышлять о своей следующей драме.

Еще до того, как Гамсун произнес: «Дамы и господа!», атмосфера в зале была жаркой и душной: были зажжены 160 газовых рожков пяти люстр, в зале находились 800 человек. Стоящий за кафедрой отнюдь не собирался эту атмосферу остудить.

Газеты предъявили Кнуту Гамсуну в связи с его второй лекцией гораздо больше претензий, чем в связи с первой. Они считали, что он во многом преувеличил трудности, с которыми психологическая литература пробивает себе дорогу.

Газетные отклики на третью лекцию были весьма лаконичными. Зато в редакции хлынул поток читательских откликов. Многие считали, что, аплодируя лектору Гамсуну, публика предала Ибсена. Большинство этих нападок Гамсун игнорировал. А вот слова редактора «Верденс Ганг» больно задели его.

Шарлатан в бегах

И вот еще раз Гамсун покинул столицу, унося на себе ее клеймо.

Здесь он страдал от холода и голода, здесь его унижали. Но умереть он не мог — разве не заботился об этом Улав Томессен{23}, редактор, который стал прототипом Командора в «Голоде», которого Гамсун изобразил с такой нежностью.

А вот убийственные слова редакционной статьи в «Верденс Ганг» от 15 октября 1891 года — газете, издаваемой тем же Улавом Томессеном, которые сделали этот четверг одним из самых мрачных дней в жизни Гамсуна: «Выдающийся деятель закончил свои выступления у нас. Теперь он со своими психологическими изысканиями направляется в Тронхейм. Отсутствие чутья у наших критиков обеспечило ему их восхищение. Возможно, это сильно сказано, но многое указывает на то, что значительная часть слушателей Гамсуна вполне могла бы сравниться с этим самым непревзойденным знатоком человеческой души. По уровню понимания прекрасного и степени тактичности они стоят рядом. Этот так называемый психолог поливал грязью самого Хенрика Ибсена, присутствовавшего здесь, а многие в зале с восторгом хлопали в ладоши, хотя среди них были и те, кто с не меньшим восторгом воспринимал „Привидения“ и „Союз молодежи“».

> «Выступление этого шарлатана, псевдолитературного критика и психолога, поначалу захватило слушателей. Но курс невежества в течение целых трех часов — это уж чересчур. Постепенно восторг и эйфория угасли. Гамсун разнес в пух и прах величайшего европейского писателя, так же как он разделался пару лет тому назад с Соединенными Штатами Америки, но одного не учел в данном случае господин Гамсун: Соединенные Штаты способны существовать, невзирая на его мнение о них. Америка как стояла, так и стоит, и наши писатели живут и здравствуют, что бы он ни говорил о них».

Единственным, кто в Бергене выступил в защиту нового крестоносца, была Болетте Павелс Ларсен. Она написала о нем весьма хвалебную статью и послала ее в одну из тронхеймских газет, ведь в Тронхейме он тоже должен был выступать. В статье говорилось, что личность Гамсуна характеризуют одновременно как революционный напор, так и застенчивость. И свидетельством этого является тот факт, что он никогда не обращался за государственной стипендией. Гений, движимый непреодолимым стремлением заявить о себе, был просто вынужден читать лекции.

Она предрекала ему победу[92].

Ее статья подготовила приезд Гамсуна в Тронхейм и способствовала его успеху в качестве лектора.

А потом он сел на местный пароход и отправился в соседний с Тронхеймом городок — Кристиансунн. Здесь он остановился. Это был самый большой из трех городов, где ему довелось быть за последнее время, в нем проживало около десяти тысяч жителей. Экспорт вяленой рыбы в средиземноморские города обеспечивал рабочие места, и некоторые смогли сколотить себе на этом состояние.

На этот раз объектом страсти Гамсуна стала не горничная, как в Сарпсборге, не соломенная вдова, как в Лиллесанне, а учительница музыки, двадцати одного года, по имени Аманда Луис, обладательница густых, ярко очерченных бровей, к которым питал слабость Гамсун. Когда она подходила к пианино, он ощущал восторг и вдохновение. Потом, когда она усаживалась на вращающийся стул за пианино, он начинал испытывать острое желание стать частью ее жизни. Стать своим в семье образованных буржуа, жить в доме, где на обеденном столе стоит сервиз с фамильными вензелями, где любой стол или стул может поведать какую-то историю.

Все звали ее Лулли. Вскоре и он получает разрешение так ее называть. Постепенно она позволяет ему все больше и больше. Лулли сдается, он совсем покоряет ее. Она еще никогда в жизни не встречала такого мужчину, как он, Кнут Гамсун. К тому же она уже читала о том, кто так похож на него, — герое романа «Голод».

Вместе со многими другими в Кристиансунне, она слушала его лекции о том, каким именно образом современный писатель, психолог, исследует человеческую душу, проникает в самые ее глубины, в состоянии бодрствования и сна, в горе и в радости: «… я следую за нею здесь, на земле, и слепо устремляюсь вслед за ней в другие миры, я пересекаю пространство, попадаю в мир грез, звезд, солнечных духов, перехожу границы мира и опускаюсь к золотому дворцу за горами, у западных пределов. Все это я делаю со вполне осознанным намерением: высветить душу и проникнуть в ее мистерии»[93].

Вскоре уже все в городе могут наблюдать эксцентричное поведение Гамсуна. Людям невдомек, что во многом он ведет себя так же, как и его персонаж, над которым он сейчас работает, то есть Юхан Нильсен Нагель. Гамсун, по его утверждению, общается с мертвыми. На второй день Рождества скончалась одна пожилая дама. И вот однажды, по его словам, она явилась к нему в комнату, чтобы забрать там свой зонтик, который, как она

утверждает, она оставила среди его вещей. Она приходит к нему несколько раз, и вот теперь единственная их общая печаль — это то, что ее должны похоронить[94].

Своим новым друзьям и знакомым он рассказывает множество невероятных историй. Прочитав «Униженных и оскорбленных» Достоевского, Гамсун был настолько потрясен, что не мог оставаться дома и решил отправиться на прогулку. По дороге он встречает слепого, который всю ночь свистит, и это скорбное впечатление на долгое время полностью поглощает все его мысли. Это событие преобразуется в эпизод со слепыми ангелами. Эпизод, записанный на листке бумаги, ложится в стопку подобных листков с заметками, которые впоследствии и станут той книгой, которая известна всем как роман «Мистерии».

Вот такой «художественный метод» использует теперь Кнут Гамсун.

«В голове у него роятся одновременно 13 000 мыслей, в которых он никак не может разобраться», — жалуется он[95]. Впрочем, ему это удается. Вот как начинается роман: «Весьма загадочные события произошли прошлым летом в маленьком норвежском городке на побережье. Неожиданно для всех там появился какой-то странный тип, некто Нагель, натворил невесть что и исчез так же внезапно, как и прибыл. Однажды к нему даже приехала таинственная молодая дама, одному Богу известно зачем, и уехала спустя несколько часов, не решаясь, видимо, дольше задерживаться. Впрочем, все началось не с этого…» [1; I: 195].

Между прочим, он описывает эксцентричный характер Нагеля таким образом, что тот как бы оказывается и вовсе лишенным определенных черт характера. Основное, что характеризует Нагеля, — это абсолютное непостоянство. Находясь наедине с самим собой, порой он ведет диалог с другими ипостасями своего «я». Такое взаимодействие различных граней его личности формирует удивительно противоречивые и непредсказуемые модели его поведения, проявляя при этом замешательство, высокомерие, язвительность, неприязнь, агрессию… В конце концов он утрачивает инициативу и становится рассеянным. Тут уже недалеко до чувства разочарования, за которым следует раскаяние, потом растет чувство вины, а за ним и стыда.

Гамсун, как никто другой, знает обо всем этом. Во время работы над «Мистериями» он достигает невиданных исследовательских результатов, ведь объект исследования — он сам. Он наделяет своего героя собственными взглядами.

За рассуждениями Нагеля об идее сверхчеловека, о сущности

власти и отвращении к процветающей городской буржуазии, англичанам, лицемеру Гладстону, ненавистью к Хенрику Ибсену, этому блистательному фармацевту из Шиена, настрочившему горы пьес, стоит сам Гамсун.

Но при этом Гамсун дает понять, что между ним самим и его персонажем существует фундаментальное различие. Нагель мечтает о великих делах, но заканчивает свою жизнь как «остановившийся странник», чуждый существованию других. И в то время как поток причудливых мыслей погружает Нагеля все больше и больше в безумие, сам Гамсун в состоянии упорядочить хаос, потому что он — творческая личность, художник. Его мать бегала по дорогам, выкрикивая бессвязные слова. А он, ее сын, с той самой поры был одержим идеей понять их смысл и связать между собой.

Нагель был способен лишь на то, чтобы свои порывы претворять в бегство. В романе «Голод» герой Гамсуна способен собрать воедино свою разорванную индивидуальность. Вот почему «Голод» и стал описанием героической борьбы художника за существование. А книга, которую он назвал «Мистерии», стала исповедью самоубийцы.

В происходящих событиях драматична роль калеки — Минутки. Детство Гамсуна прошло рядом с калеками — сестрой и дядей. Находясь в тесном общении с ними, Гамсун в полной мере испытал всю гамму противоречивых чувств: от сострадания до ревности и озлобленности. Минутка пытался спасти жизнь Нагелю. А разве сестра Гамсуна не пыталась сделать то же самое там, в пасторской усадьбе у дяди? И разве брат старался избавить сестру от того рабского положения, в котором ее держали дядя и его экономка? Ее, Софию Марию, несчастную сестренку, несмотря на увечье, все-таки ставшую учительницей в средней школе в Вадсё, далеко на севере Норвегии, где она умерла при родах в январе 1890 года.

Герой Гамсуна прикладывает героические усилия для того, чтобы освободить Минутку от рабского сознания, и в какой-то момент ему это удается. Но когда он видит, как Минутка пляшет на площади на потеху прохожим, буржуа, то вера Нагеля в то, что его жизнь имеет какой-то смысл, оказывается подорванной.

Гамсун позволяет Нагелю пережить кошмар своего детства, встречу с привидением в доме своего дяди неподалеку от кладбища. Гамсун описал это событие в новелле «Привидение» из сборника «Подлесок».

Дядя Гамсуна Ханс Ульсен и сестра София Мария умерли один за другим в течение двух недель. И когда Нагель говорит:

«Знаете ли вы, кто такой великий поэт? Да, великий поэт — это человек, который потерял стыд, который просто не знает стыда. У всех великих глупцов бывают в жизни моменты, когда они все же краснеют, оставшись наедине с собой, но с великими поэтами такого не случается никогда» [1; I: 229], — то здесь проступают черты духовной жизни самого Гамсуна, его опыт и взгляды.

Литературный вор?

В апреле 1892 года Кнут Гамсун поднялся на борт каботажного судна и отправился в Берген, а затем в Копенгаген. Теперь он уже вполне мог покинуть Кристиансунн, так как уже успел почерпнуть здесь, так же как и в прочих городках, где он работал над своим великим психологическим романом, кое-какой литературный материал, который можно будет в дальнейшем использовать.

Он уже был готов завершить роман, но с ним не собирались расставаться те, в чью жизнь он так или иначе оказался в это время вовлеченным. Он навсегда остался в сердце у горничной из Сарпсборга. Правда, что касается любовной истории в Лиллесанне, то здесь, как известно, морской офицер заставил свою жену выбросить любовника из головы. А вот учительница музыки из Кристиансунна никак не могла забыть его. Ведь в пасхальную ночь накануне его отъезда она отдала ему самое дорогое.

Он запретил беспокоить его письмами, ведь для завершения книги он нуждался в абсолютном покое, как он объяснил ей в послании, написанном в комнате, которую он снимал у одной вдовы в Копенгагене. Когда одна их общая знакомая пыталась увещевать Гамсуна, защищая честь подруги в надежде на то, что соблазнитель одумается, Гамсун высказался недвусмысленно: «Скажу тебе откровенно и в самый последний раз, что вся эта история, связанная с ней той зимой, исключительно проста: кроме нее, никого вокруг не было. Вот так-то»[96]. Другому своему знакомому он писал в Кристиансунн: «Хе-хе-хе, не могу без смеха вспоминать, как я сходил с ума по ней той зимой. Но она, честно говоря, просто ледышка, женщина, напрочь лишенная эротики, которой невозможно серьезно увлечься»[97]. В этих шутливых мужских рассуждениях в связи со своей любовной историей Гамсун совершил одну непростительную ошибку. Ведь эта женщина так и не смогла забыть его, история ее отношений с Гамсуном стала ее жизненной трагедией. Об этом он задумается уже на склоне лет, когда пройдет целая жизнь.

И в Копенгагене хватало горячих женщин. «Черт возьми, тут одна штучка ко мне ходит, так однажды я имел ее семь раз за ночь. Последний раз уже утром внизу в ресторане, перед тем, как мы расстались. Стоит мне захотеть — и она готова…» — хвастается он приятелю[98].

В то же самое время где-то обреталась британская соломенная вдова, готовая поспешить к нему в объятия, стоило ему лишь только поманить ее. После той памятной встречи на южном побережье Норвегии они переписывались. Мэри Чевелита Дунн чувствовала, что она все в большей и большей степени становится для него призрачной фигурой, образом прошлого. Когда они наконец встретились, то он не смог узнать в ней ту женщину, с которой вел переписку. И он повел себя так, как будто она была не реальной женщиной, а только адресатом его писем. Обсудив идею воздержания у Толстого, «Гедду Габлер» Ибсена, мнение Стриндберга о том, что все женщины всего-навсего самки, а также их общее восхищение Ницше, они сказали друг другу «прощай» и обещали сжечь написанные друг другу письма. Мэри Чевелите Дунн было тяжело, но она утешала себя тем, что, во всяком случае, эта история произошла между ней и гением. Он сказал, что все произошедшее опишет в литературном произведении[99].

А ведь он уже сделал это в «Мистериях».

В начале июня 1892 года, незадолго до того, как ему исполнилось тридцать три, Гамсун закончил книжку, которая должна была быть совершенно не похожей на все то, что было до него написано другими. И как раз именно в это время оказался обвиненным в откровенном литературном воровстве.

Весь этот кошмар начался с того, что Мария Герцфельд, которая намеревалась перевести «Мистерии» на немецкий язык, вдруг резко и внезапно оборвала переписку. После его многократных попыток напомнить о себе он получил наконец пугающий ответ: она просила более ей не писать, а обращаться к Феликсу Холлендеру{24}. В конверт была вложена вырезка со статьей из журнала «Фрайе Бюне». Автор статьи утверждал, что, прочитав новеллу Гамсуна «Азарт», опубликованную в том же журнале, он не мог не обвинить норвежского автора в плагиате, так как сюжет новеллы полностью заимствован автором из романа Достоевского «Игрок». Вникнув в содержание немецкой статьи, Гамсун испытал шок: он понял, что кто-то из его норвежских коллег просто убедил Холлендера в этом.

Обвинение в плагиате могло иметь самые негативные

последствия. Журнал «Фрайе Бюне» принадлежал могущественному издателю Самуэлю Фишеру, и, значит, ему хорошо было известно, в чем обвиняли писателя, первую книгу которого он опубликовал годом ранее.

Два года немецкие переводчики и издатели заигрывали с Гамсуном, надеясь заполучить его новую книгу. И вот теперь они полностью игнорируют его, от них невозможно добиться ответа. Его роман «Мистерии» оказался никому не нужным.

Он написал длинное письмо Марии Герцфельд. В нем он рассказал о том, как был удручен, обнаружив явное сходство между «Азартом» и «Игроком», о том, как три года тому назад в точно такой же декабрьский день он нанес визит редактору «Верденс Ганг» Улаву Томессену, чтобы забрать рукопись, но, увы, было уже слишком поздно. При этом редактор никак не объяснил тот факт, почему полгода спустя он выслал «Азарт» переводчику без всяких изменений, без того чтобы уничтожить черты сходства между текстом Гамсуна и произведением Достоевского. Он настоятельно просит Герцфельд сообщить содержание своего письма Холлендеру и попросить его связаться с Томессеном, чтобы тот мог убедиться в правоте Гамсуна[100].

Теперь Кнут Гамсун уезжает из Копенгагена. Он покинул этот город в надежде, что редактор, обозвавший его в редакционной статье шарлатаном, тем не менее не откажется подтвердить истинное положение вещей и тем самым избавит его от обвинений в плагиате и всех этих нападок со стороны немецких литературных кругов.

Его вновь одолевали мысли о путешествии на Восток, хотя к этому времени он уже промотал большую часть гонорара за «Мистерии».

Правда, в такое путешествие ему не хотелось отправляться одному. Да к тому же в это время в странах, которые он собирался посетить, началась эпидемия холеры.

Тогда он решил посетить шведский остров Готланд. Но случилось так, что он доехал только до Кальмара{25}, где ему в руки попала норвежская газета «Моргенбладет». На этот раз этот консервативное издание, со стороны которого он неоднократно подвергался атакам, сделало его посмешищем, поместив на передовицу мешанину из фраз, заимствованных из статьи Холлендера, и добавлений собственных саркастических замечаний корреспондента.

Теперь ему оставалось лишь ждать, что благодаря редактору «Верденс Ганг» все обвинения будут сняты и он будет оправдан.

После этого он отправился на датский остров Самсё, с собой он взял большую стопку исписанных листков, и новых и совсем давнишних. Все они должны были послужить материалом для написания новой книги. Эту идею он вынашивал уже в течение шести-семи лет. Его замысел состоял в том, чтобы изобразить представителей богемы, псевдописателей. Отдельные элементы этого замысла уже встречаются в некоторых новеллах, «Голоде», и особенно «Мистериях». Героями его следующей книги должны были стать разного рода модные писатели, сомнительные личности, паразиты по своей сути. Действие должно было происходить в Кристиании. Он надеялся, что роман будет готов к весне[101].

Но судьба распорядилась иначе: во время бритья в парикмахерской он заразился сикозом, началось воспаление. Ему казалось, что он похож на прокаженного. Дважды копенгагенским врачам пришлось вскрывать нарывы на его лице. Теперь, когда оно было изуродовано шрамами, Гамсун сознательно отгородился от всех, заперся в номере отеля в Копенгагене и на улицу не выходил.

И в это время на него устремился поток рецензий.

На этот раз никто уже не писал о гениальности Гамсуна. Доброжелательно написала о нем норвежская «Дагбладет» и, конечно же, приятельница Гамсуна Болетте Павелс Ларсен. Большинство просто поддались на намеренную провокацию со стороны писателя. Автор статьи в норвежской «Моргенбладет» отмечал, что сочинитель по-прежнему страдает болезненными галлюцинациями, характерными для романа «Голод». Норвежская «Афтенпостен» заклеймила творчество Гамсуна и художника Эдварда Мунка как горячечный бред, пьяные галлюцинации и сумасбродные противоестественные фантазии. Издаваемая Удавом Томессеном газета «Верденс Ганг» назвала его бесшабашным и беспринципным подражателем современным русским писателям, который создал образ безумного и патологического персонажа, имеющего поразительное сходство с самим автором.

Эдвард Брандес, выступивший в датской «Политикен», высказал мнение, что роман «Мистерии» оставляет какое-то несерьезное ребячливое впечатление. Минутку он назвал «совершенно русским типом»[102].

«Мой Минутка обитает в Лиллесанне, — заявил огорченный писатель своему издателю, — я просто безжалостно вставил его в роман. Я жил в Лиллесанне в том же доме, где и он, и мы часто беседовали»[103].

Он мог сколько угодно рвать в клочки рецензии Брандеса и других, но… «Какой от этого толк?» — печально вздыхал Гамсун, разговаривая с Филипсеном. А ведь ему было что сказать о непосредственном знакомстве и взаимоотношениях с такими персонажами, как Нагель, Минутка, Дагни Кьелланн, Марта Гуде…

И впрямь, так или иначе свой след в творчестве оставили и горничная, и местный врач из Сарпсборга, и учительница музыки Лулли из Кристиансунна. Так оно и было. Писатель-психолог, конечно же, черпает материал из реальной жизни. Об этом-то как раз и говорил Гамсун в своих лекциях тридцать шесть раз в различных местах Норвегии в течение 1891 года. Но что из этого? Обвинения в шарлатанстве и нечистоплотности звучали из уст критиков и в Норвегии, и в Дании.

В конце сентября 1892 года Гамсун добрался до Самсё. Шрамы на лице стали заживать, чего нельзя сказать о ранах, которые нанес ему редактор Улав Томессен, назвав его шарлатаном. Теперь он был готов нарушить свое обещание — не собирался подтверждать невиновность Гамсуна в плагиате. В течение последующих месяцев писатель был озабочен тем, чтобы избавиться от душевной коросты. В следующей своей книге он вывел в качестве главного героя — редактора, персонаж, поразительно напоминавший Улава Томессена. Таким образом обидчик был выставлен на посмешище.

Издатели должны были по его просьбе изо всех сил форсировать выход в свет его нового произведения. Роман «Редактор Люнге» должен был произвести фурор, стать предостережением политикам перед выборами в парламент и обещал быть горячим, как адское пламя.

Речь шла о том, чтобы разоблачить держащих нос по ветру редакторов типа Томессена и ангажированного поэта Бьёрнсона, на которых было совершенно невозможно положиться в решении важнейшего политического вопроса: оставаться Норвегии в унии со Швецией или бороться за полную самостоятельность{26}[104].

Томессен назвал Гамсуна шарлатаном после того, как стал стремиться завоевать расположение Ибсена. Перед самым Рождеством сфинкс выпустил в свет «Строителя Сольнеса». Одной из ключевых сцен в этой драме является та, что происходит в первом акте, это разговор о страхе Сольнеса остаться не у дел, о возможном резком повороте в его жизни. Когда же доктор спрашивает, откуда может прийти опасность, Сольнес решительно заявляет: «Юность все перевернет!»[105]

Этот невозмутимый Ибсен оказался не таким уж безразличным к нападкам бунтовщика Гамсуна.

Зимой 1893 года, сразу же после Рождества, Гамсун был приглашен выступить в Студенческом обществе в Копенгагене, где у него появилась новая возможность вцепиться в Ибсена. Теперь у него было больше оснований для уверенности в себе, так как многие критики стали все чаще прислушиваться к его мнению. Теперь их стали посещать сомнения по поводу прежней трактовки содержания «Строителя Сольнеса».

Во время лекционного турне за полгода до этого Кнут Гамсун отринул идею дискуссий в конце его выступлений. И сейчас он так же твердо стоял на том же. У Гамсуна был горький опыт общения в буржуазных копенгагенских гостиных, он прекрасно понимал, как нелегко будет ему отстаивать свое мнение в словесных дуэлях с высокообразованными противниками.

Перед самой Пасхой Гамсун выступил перед именитой публикой, среди которой был и Георг Брандес. В течение получаса этот знаток ибсеновского творчества был свидетелем того, как лектор пытался шаг за шагом «развенчать миф» о гениальности Ибсена. В течение двух десятилетий Ибсен якобы внушал всем веру в свою проницательность. «Подобный грубый обман даже, трудно себе вообразить», — разражался обвинениями Гамсун[106].

Несколько раз его речь прерывалась взрывами аплодисментов. Очень довольный собой, Гамсун уже собрался было покинуть помещение, но тут слово взял Георг Брандес. С той же невозмутимостью, с которой он в свое время рассыпался в похвалах в адрес молодого орла по поводу рассуждений того об Америке, теперь он в течение нескольких минут разнес его же в пух и прах. Гамсун попытался было дать ему отпор. Он расположился прямо напротив Брандеса и резко возразил уважаемому доктору филологии, что его родной брат совсем по-иному истолковывает пьесу «Строитель Сольнес», но не осмелился продолжать, когда Брандес резко оборвал его: «Ну и что из того?» Зал взревел, и наш лектор счел за благо ретироваться[107].

Невежда на пути к просвещению

Весной 1893 года Гамсун, с поникшей головой, покинул Студенческое общество. В который раз ему напомнили о его крестьянскомн происхождении и ничтожном уровне образования.

И мысль о посещении таких европейских столиц, как Берлин, Рим и Париж, с целью самообразования снова пришла ему в голову. И вот наконец-то он садится на поезд в Париж, после многочисленных возлияний и прощальных тостов, из-за которых, собственно говоря, путешествие несколько раз откладывалось.

Пирушки в кафе «Бернина» начинались с того, что Гамсун заказывал виски, а к нему еще более крепкие датские напитки. Когда Гамсун бывал настроен на кутежи, а как раз тогда он именно так и был настроен, имея в кармане аванс за «Редактора Люнге», он обычно заказывал поднос с «Нурманном»: яичница с ветчиной, а к ней шнапс, все это в обрамлении гигантских сигар. На столе появлялся также и «сногсшибательный» стакан портвейна с влитым туда желтком. А потом все его собутыльники наперебой соперничали, кто больше перепробует вин.

Начинали с доброго местного шнапса, далее шел норвежский светлый «Холмер»{27}, шотландский виски «Старый Том», голландский ликер «Кюрасао», французский коньяк, итальянский ликер «Чертоза». Вряд ли после этого кто-то был еще в состоянии притронуться к «Дженивер у»{28}, который наливали со сладким «Анисетт»{29}, пряным «Мараскино»{30}, сладостным шартрезом, умиротворяющим «Бенедиктином» и светлым прозрачным киршем{31}.

При этом владельцу ресторана еще предъявлялись претензии, так как у него могло не оказаться русской водки или японского саке.

В других случаях они напивались «дьявольским пуншем», состоявшим из 17 алкогольных ингредиентов, которые Гамсун самолично смешивал и благословлял к употреблению.

И вот в середине апреля Гамсун отправился наконец в Париж, после того как был вынужден снова занять денег. При этом он красноречиво продемонстрировал, на что способен при добывании денег, своему собутыльнику, журналисту Фрейлифу Ольсену. Оба они зашли в кафе «А порто». Чтобы избавиться от похмелья, им надо было позавтракать, да еще и выпить спиртного. Но денег-то у них не было. Вдруг в зале ресторана появился редактор Густав Филипсен. «Мы спасены», — констатировал Гамсун и увлек издателя в угол для долгого разговора[108]. А затем вернулся, торжественно размахивая четырьмя сотенными купюрами. Ольсен спросил, как это Гам суну удалось вытянуть столько денег у издателя, ведь тот был уверен, что Гамсун уже на пути в Париж. Едет в поезде благодаря билету, приобретенному на деньги, полученные в качестве аванса два дня назад от того же Филипсена. Гамсун дал торжественное обещание отправиться в Париж тем же вечером.

Однако в тот вечер Гамсун так не и покинул Копенгаген, напротив, он просто спустил всю сумму, все четыре сотни крон.

Деньги — это сила. И Гамсун опять продемонстрировал, что силен в искусстве добывать деньги. Но при этом он был горазд сорить деньгами.

Вместе со своим попутчиком и собратом по перу Свеном Ланге Гамсун поселился в пансионате на рю де Вожирар, № 8, рядом с Люксембургским садом. Позднее он познакомился со скандинавской колонией в кафе «Реженс», рядом с театром Комеди Франсез. Здесь было множество скандинавских газет, и на сей раз, читая рецензии, Гамсун мог вполне убедиться, что никому не приходило в голову обвинить его в том, что он написал книгу далекую от жизни.

Кнут Гамсун хотел, чтобы его книга называлась именем редактора Томессена, для того чтобы всякому было ясно, кто послужил прототипом циничного редактора, главного персонажа книги, но издатель сумел отговорить Гамсуна. В результате на титульном листе появился заголовок «Редактор Люнге». В романе Гамсун рисует картину политического развития Норвегии, начиная от раскола в партии Венстре{32} и вплоть до весны 1893 года. Он почти совсем не старается каким-то образом замаскировать подлинных личностей, всякий мог распознать здесь газету «Верденс Ганг» и ее тогдашние публикации. Гамсун поддерживал борьбу радикалов за формирование более свободного духовного климата и все более активную борьбу за политическую независимость в рамках унии со Швецией. Гамсун рисует убедительную картину, когда раз за разом редактор Улав Томессен предает интересы дела ради собственных интересов или интересов газеты. В борьбе за подписчиков журналистика в руководимой им газете становится все более примитивной и вульгарной.

В «Голоде» Гамсун описывает свою первую встречу с бесстрашным редактором, который мужественно и блистательно выступает против правых. В «Редакторе Люнге» он характеризует Томессена следующим образом: «Он — один из этих крестьян-студентов, которые оторвались от своих корней и оказались на незнакомой почве, в незнакомой атмосфере; он, как и все они, ущербная личность, краснобай из деревенской усадьбы, который изо всех сил пыжится изобразить борца за свободу и щеголя, каковым по своему происхождению отнюдь не является. У этого человека нет духовного развития, он — насквозь фальшив». Так говорит Лео Хейбро, который на протяжении всего повествования в книге высказывает мысли, которые по разным поводам высказал сам Гамсун. Рассказывая любовную историю Лео Хейбро, Гамсун

рассуждает о том, насколько циничный мужчина способен разрушить самое лучшее, что есть в человеческой жизни: доверительные, интимные отношения между мужчиной и женщиной. Хейбро отдал свое благородное сердце Шарлоте Иллен, а она, увы, ответила на ухаживания крестьянского студента Энре Бондесена, который служил идеалом для Люнге. Принцип «используй человека и выброс его на помойку» затрагивает всех и вся, а источник заразы — сам редактор и его газета.

Выход в свет «Редактора Люнге» произвел эффект разорвавшейся бомбы, брошенной анархистом: все отшатнулись от подлого преступника, но с интересом наблюдают за ним. Книга была распродана за неделю, и издатель уже радостно заказывал в типографии новый тираж.

Лишь через несколько дней Кнут Гамсун в полной мере осознал ситуацию, когда, сидя в кафе «Реженс», он стал просматривать газеты. Бьёрнсон назвал «Редактора Люнге» самой бесчестной книгой из всего созданного в норвежской литературе[109].

Возмущенный автор пытался найти защитника в лице Арне Гарборга, к которому он обратился с просьбой написать рецензию. Однако его неизменный литературный соперник Арне Гарборг написал, что Гамсун в своем романе позволил взять на себя роль Господа Бога, выносящего приговоры в день Страшного суда, при этом он разоблачил себя: «Стремление вызвать к себе интерес, поразить всех, сыграть роль разбитного парня так, чтобы его имя было у всех на устах, тут уж все средства хороши, а движущей силой этого романа являются ненависть и страх…» Свою рецензию Гарборг закончил убийственной репликой: «Роман „Редактор Люнге“ написан для невежд».

В Париже Гамсун постоянно ощущал душевный дискомфорт. Всякий раз, когда он покидал свой дом летом и осенью 1893 года, он осознавал, как много он не знает, сколь во многом он отстает от других, несмотря на прочитанные и написанные им самим книги и статьи, несмотря на высказанные на лекциях идеи и мнения. Во время общения с другими скандинавами у него постоянно возникали конфликты по поводу его интеллектуальных претензий. Проходя по Латинскому кварталу, он постоянно видел студентов, снующих по многочисленным зданиям Сорбонны, и размышлял о том, что им наверняка помогают родители, родственники или благотворители. Его-то в свое время отец заставил начать свою жизнь с обучения сапожному ремеслу.

Он рассказывает Эрику Скраму, насколько униженным он чувствует себя в Париже. Он считает, что если бы Скрам отправился в Париж, то его пребывание там было бы сплошным праздником, «ведь ты знаешь язык и здешнюю жизнь, как свои пять пальцев. Иное дело я, что поделаешь, варвар, полный невежда»[110].

Но когда приступ самоуничижения проходит, он уже сомневается, насколько и впрямь другие лучше него. В Париж приезжают все — и литераторы, и художники, впрочем, здесь все называют себя художниками, все шумные и самоуверенные. Многие из них просто шарлатаны и останутся таковыми навсегда. Таких типов он встречал и в Копенгагене, и в Кристиании, а теперь и в Париже. Они, как паразиты, хищно вгрызаются в предмет своего интереса, вскоре начинают считать его своим, а потом и целиком пожирают. Многие женщины изо всех сил стремятся быть современными, так что полностью теряют свою привлекательность, они заняты лишь манипулированием другими в своих личных целях. Такой типаж он описывает в «Мистериях» — кокотку, сущую шлюху, постоянно занятую интригами, она не живет, а играет в какую-то игру.

Видал он таких в своей жизни.

Он нехотя вновь берется за рукопись, над которой работал очень давно, наряду с другими, при этом то и дело откладывал ее в сторону. Роман должен был повествовать о художественной среде Кристиании, о той среде, которая порой вызывала у него отвращение.

Постепенно из заметок, разрозненных кусков, которыми он сам был часто недоволен, складывался новый роман. Роман, в котором содержались нападки на трусливых, малодушных политиков и современное духовное состояние общества, которое уничтожает все естественное в жизни, особенно в женщине.

С каждым новым увлечением возрастало и его отвращение к женщинам: «Наши молодые женщины утратили свою силу, свою прекрасную наивность, способность к страсти, расовое своеобразие, свое умение радоваться единственному мужчине, они стали искательницами приключений, они, показывая свою готовность следовать за кем угодно, бросают многообещающие взгляды», — написал он в рукописи, которую с ироничной улыбкой озаглавил «Новь».

Гамсун довольно много встречал в своей жизни разного рода богемных личностей, которые предавались иллюзиям, обманывая и себя, и других. Вот какие слова вложил он в уста персонажа — рупора своих идей, домашнего учителя Колдевина: «Наши

молодые писатели не способны поднять уровень нашей литературы, в моем понимании этого не происходит. Они не обладают для этого возможностями, <…> они на это не способны».

Гамсун опять нападает на редактора Томессена и «Верденс Ганг», и в связи с этим Колдевин говорит: «Нет, прощать этого нельзя. Если простить, то это ведет к разложению. На доброту следует отвечать еще большей добротой, но за зло следует мстить, зло должно быть отмщено».

Вот Гамсун и мстил.

Во всех ситуациях в романе чистыми и незапятнанными остаются лишь два торговца. За последние пятнадцать лет ему доводилось встречать таких. В своей новой книге Гамсун рассказал, как художники, пользуясь благотворительностью богатых коммерсантов, платят им за их доброту тем, что заводят романы с их женщинами. Он, который всегда писал неторопливо, теперь строчил страницу за страницей.

Когда он наконец отослал заключительную часть романа в Копенгаген в октябре 1893 года, на него вновь обрушилась с нападками «Моргенбладет». Норвежская консервативная газета назвала его апостолом обмана в норвежской литературе, ярким воплощением пустоты, прорехи в норвежской цивилизации[111].

Когда Гамсун был чем-то взволнован, у него начинала трястись правая рука. Прочитав тогда написанное в «Моргенбладет», он лег на диван и в течение нескольких часов приходил в себя, пока не успокоился настолько, чтобы быть в состоянии написать письмо своему верному другу Болетте Павелс Ларсен из Бергена.

Доводилось ли ей когда-либо слышать, чтобы кто-то подвергался подобной обструкции в своей собственной стране?

Он никак не мог примириться с этим: «Каждая глава написана кровью моего сердца, сколькими летними ночами сидел я, страдал и плакал вместе с моими героями. Точно так же, когда я писал „Мистерии“ и „Редактора Люнге“»[112]. Было ли все это следствием того, что он не втирался в доверие к разного рода критикам и рецензентам, как это делали разного рода паразитирующие личности из его романа «Новь»? У него была масса примеров, подтверждавших, что его намеренно преследуют. Он отчетливо видел, как это делалось, как по единому шаблону о нем запускалась очередная невероятная ложь. Он заклинал Болетте Павелс Ларсен оказать влияние на редакторов в Норвегии и Дании, чтобы эту ложь опровергнуть.

Многие пытались успокоить его, доказывая, что вряд ли

подобная ложь вообще имеет место. Это было нелегко. Впрочем, самому ему удалось убедить Болетте Павелс Ларсен, что он является жертвой высокомерия интеллектуальных буржуазных кругов с их снобизмом по отношению к человеку, который не имеет аттестата зрелости.

> «Ведь я самоучка. И с этим ничего нельзя поделать, но когда я состарюсь, писать, сочинять что-либо уже буду не в состоянии и у меня будет невероятно много денег, то тогда я и сдам этот экзамен.
>
> Но ведь никто не верит, что я смогу сдать подобный экзамен, но все это такой вздор»[113].

То обстоятельство, что «Верденс Ганг» и «Дагбладет» поместили положительные отклики, не смогло сгладить впечатление, что его третируют.

Воспрянуть духом ему позволило другое. Он познакомился с Альбертом Лангеном, сыном владельца сахарной фабрики в Кёльне. В декабре 1893 года двадцатичетырехлетний Альберт Ланген основал в Мюнхене издательство с отделениями в Париже и Кёльне. Он давно вынашивал эту идею, и толчком к ее реализации послужило яркое впечатление от прочитанного им романа «Голод» в переводе на немецкий язык. Он слышал также об обвинениях Гамсуна в плагиате, выдвинутых Самуэлем Фишером и другими немецкими издателями, а также и о бойкоте, объявленном роману «Мистерии». Так что Ланген увидел перед собой поле для деятельности. Была достигнута договоренность, что Ланген получит исключительное право на переводы произведений Гамсуна на немецкий и французский языки. Взамен новоиспеченный издатель давал обязательство открыть на имя Гамсуна банковский счет со значительной первоначальной суммой, на который в дальнейшем будут перечисляться авансы всех будущих гонораров.

В то же самое время объявилась свободно изъясняющаяся по-норвежски польская дама, которая предложила перевести романы «Редактор Люнге» и «Новь» на польский язык. Роман «Голод» был переведен на польский еще в 1892 году.

При этом все попытки добиться перевода своих произведений на английский язык оказывались для Гамсуна безуспешными.

Тоска по Эдварде

В это тяжелое время, поздней осенью 1893 года, Гамсун начал

писать роман «Пан», который он охарактеризовал как пламенную любовную историю. По дороге на юг он вынашивал идею создания романа о Нурланне. Именно жизнь северян была ему особенно близка, он знал ее совсем по-иному и гораздо более глубоко, нежели Юнас Ли, признание к которому пришло именно в связи с описанием природы Нурланна и его жителей. Юнас Ли жил тогда в Париже и царил в скандинавской колонии писателей и художников, когда там не было Бьёрнсона.

Когда в Париже Гамсун заметил на авеню де ла Гранд-Арме Юнаса Ли и его жену Томазину, то постарался избежать встречи с ними. Ведь еще в Копенгагене ему намекнули, что после его той характеристики, которую он дал Юнасу Ли как писателю, супруга писателя занесла его в черный список.

В ноябре 1893 года скандинавская колония устроила большой праздник в честь шестидесятилетия Юнаса Ли. Гамсун там не присутствовал, у него, знаете ли, были более важные дела: «Всевышнему ведомо, какую чудесную и глубокую книгу я намереваюсь создать, я прямо-таки заворожен ею <…> есть, есть нечто такое у меня в голове! Да, дорогая моя Болетте Ларсен, Господь меня разрази, скоро я удивлю Вас свой книжкой о Нурланне. Это будет очень красивая любовная история»[114].

Гамсун написал кое-что об Августе Стриндберге в сборнике статей о нем, который готовился к изданию в связи с его сорокапятилетним юбилеем, где сравнивал Стриндберга с прирученным зверем, существом из мира природы, которое хочет уйти от цивилизации.

Гамсун все больше и больше сам ощущал нечто подобное, находясь в свой комнате в Париже, напротив ухоженного парка с подстриженным кустарником. В «Мистериях» он уже пытался показать свое стремление к единению с природой. И вот теперь он намерен выразить эту тягу к природе в полной мере.

Заметок и набросков было много, но у него не получалось привести их в порядок в соответствии со своим замыслом. Прошло восемь недель, а были готовы лишь полторы страницы. Две предыдущие книги были написаны со сжатыми кулаками, а теперь он только слегка постукивал по столу пальцами. Этот новый роман должен быть написан без всякой жесткости. Ему необходимо было погрузиться в пейзажи своего детства, для того чтобы вновь ощутить тот же самый настрой, то давнее ощущение неразрывной связи с природой.

Он заперся в доме, не отвечал на письма, выбрасывал написанное, бросался с рыданиями на диван. Перед ним стояла трудная задача: описать такое сложное любовное состояние,

когда мужчина одновременно и сгорает от страсти и трепещет от нежности. Он вспоминал слова, которые он шептал все эти годы многим женщинам, к которым испытывал страсть, на которую некоторые из них ответили. Потом он, правда, раскаивался.

Свою героиню Гамсун назвал Эдвардой. Вот какой нарисовал он ее: загорелое лицо, загорелая шея, фартук, сдвинутый слегка к низу живота, чтобы сделать талию более высокой. Чувственный рот. Губы Эдварды так опасно пылают…

Дочка местного богатея. В этом облике проступают и черты Лауры с острова Транёй, первой любви Гамсуна. Хотя за последние двадцать лет его любовный опыт значительно обогатился.

Ему хотелось уехать из Парижа, но усилием воли он заставлял себя оставаться.

Здесь ему не хватало вдохновения для создания романа о жизни в Нурланне. Как и ранее, он искал поддержки у своей бергенской приятельницы. «Дорогая моя, молите Бога, чтобы он сделал меня способным написать эту книгу!»[115]

О том, какие небесные или земные силы сподвигли Гамсуна на возвращение в Норвегию, история умалчивает. Но не прошло еще и двух недель нового 1894 года, как он покинул Париж и направился на родину. При этом вид у него был элегантный, он принарядился за счет своего издателя Альберта Лангена.

В его планы и на этот раз не входило навестить своих престарелых родителей в Нурланне. Страдая от морской болезни, он сошел на берег в Кристиансунне. Он хорошо знал эти места на южном побережье Норвегии. Путешествие пробудило в нем трепетные воспоминания, давние ощущения, которые он сумел запечатлеть, и они стали частью его романа: «Из сторожки я видел сумятицу островов и шхер, кусочек моря, синие вершины, а за сторожкой лежал лес, бескрайний лес. Как я радовался запаху корней и листвы, запаху жирной сосновой смолы, только в лесу все во мне затихало, я чувствовал себя сильным, здоровым, и ничто не омрачало душу» [1; II: 6]. В свои южные впечатления Гамсун вплетает нурланнские воспоминания о торговце Вальсё с острова Транёй, посещении Эразма на Хьеррингёе, неподалеку от Будё, и других торговцев на нурланнском побережье, с которыми встречался в двадцатилетием возрасте. В своем романе он описывает, как одинокий охотник, лейтенант Глан, обозревает из своей лесной хижины белые здания, мосты, лавку. Вот к нему в сторожку заходит Эдварда: «…у нее тонкие красивые ноги, они обрызганы грязью». Вот Глан в гостях у торговца Мака, он беседует с дамами, когда к нему подбегает Эдварда, бросается

ему на шею и несколько раз целует в губы. Она говорит что-то Глану, но он ее не слышит, он лишь видит, как горят ее глаза, видит ее высокие брови, которые изгибаются высокими дугами, и маленькую вздымающуюся грудь.

В «Пане» можно ощутить сам дух Нурланна — здесь саамы, загадочные происшествия, незакатное солнце и отношения с нурланнской девушкой в стиле Руссо. В светлые летние ночи на южном побережье Норвегии Гамсун описывал еще более светлые ночи на севере: «Ночи совсем не стало, солнце только ныряло в море и тут же выкатывалось опять, красное, свежее, будто вдоволь напилось глубокой воды. По ночам со мной творилось небывалое. Никто бы, никто мне не поверил. Не Пан ли сидел на дереве, выслеживал меня?» [1; II: 19].

Эдварде мерещится, что когда Глан смотрит на нее, то как будто до нее дотрагивается. Она приходит к нему по ночам. Гамсун позволяет одному из персонажей поделиться с Гланом своим мнением об Эдварде. Доктор говорит, что она «девчонка, и бить ее некому, и взрослая причудница. Она преуменьшает свой возраст, слишком упрямая, чтобы плакать, неразумная и расчетливая одновременно. Ее следует воспитывать».

По мере развития повествования летние ночи становятся все менее и менее волшебными, а положение Глана все более драматическим. Из вольного охотника он превращается в игрушку в руках Эдварды.

Действие романа происходит в 1855 году, и рассказчик восстанавливает в памяти, вновь переживает все то, что произошло два года назад. Данный прием был явной попыткой со стороны Гамсуна приглушить новые газетные спекуляции по поводу того, что он был способен писать только о себе самом.

Ему это вполне удалось.

Пятнадцатого октября Гамсун отослал рукопись издателю.

С мокрыми от слез глазами взошел он на судно, которое взяло курс на Копенгаген, откуда он намеревался поездом вернуться в Париж.

Критика в целом, за некоторыми исключениями, была одобрительной.

Правда, «Верденс Ганг» пыталась найти в «Пане» все те же черты дешевой подделки, которые были характерны, по мнению рецензента, и для других сочинений Гамсуна. Консервативная газета «Моргенбладет», издававшаяся в Кристиании, объявила ему бойкот. А потом один за другим стали появляться хвалебные отклики. «Дагбладет» поместила статью известного критика,

которая занимала несколько колонок. Затем хлынул целый поток хвалебных рецензий в норвежских и датских газетах[116].

Копенгагенский издатель Филипсен должен был заказать новый тираж. Новый интернациональный издатель Гамсуна Альберт Ланген выпустил «Пана» на немецком и французском языках. Роман «Новь» был переведен на русский язык, а «Мистерии» — на голландский. Поворот судьбы был очевиден. Гамсун радовался этому втайне, он не хотел делиться радостью с другими. Один норвежский коллега упрекал Гамсуна в его желании ощущать себя изгоем, он напомнил ему о доброжелательных рецензиях на его роман: «Ты уже больше не преследуемая дичь, пора это осознать»[117].

Призыв был тщетным. Это было в его духе — постоянно чувствовать себя аутсайдером; невзирая на то, что книга хорошо продавалась и получила прекрасные критические отзывы в 1895 году, он обратился с проникновенной просьбой к копенгагенскому издателю: пусть Филипсен каким-то образом убедит норвежские газеты опубликовать сообщение о том, что вышел новый тираж «Пана». Ведь ему казалось, что разного рода газетные недруги пытаются убить интерес к его книге ее систематическим замалчиванием. А истина состояла в том, что лишь одна крупная газета не обратила внимания на его роман «Пан».

Я уничтожу Ибсена

К этому времени Гамсун испробовал разные литературные жанры, он писал стихи, новеллы, романы, публицистику, статьи, он читал лекции. Он не писал только пьес. Театр манил его, хотя часто Гамсун высказывался о сценическом искусстве с отвращением. В своих книгах он теперь все большее и большее внимание уделял диалогу.

При этом у него была тайная мечта превзойти Ибсена. По возвращении в Париж у него возник замысел большого драматического произведения, именно в это время он познакомился со шведским писателем и драматургом, которого он ставил гораздо выше Ибсена и всех остальных. Это был Август Стриндберг. Этот швед стремился к полному обновлению театральной эстетики. В последующие недели они проводили много времени вместе. Многие из скандинавской колонии, кому приходилось иметь дело и с этим непредсказуемым шведом, и с весьма эксцентричным норвежцем, предсказывали, что между двумя такими личностями не могут не возникнуть трения.

В новом 1895 году Гамсун приступил к созданию пьесы в четырех актах о человеке с несгибаемой волей. Замысел его, как всегда, был масштабен, его пьеса должна была стать началом истории о взлете и падении главного героя Ивара Карено.

Создавалось впечатление, что он нагнетал свою агрессию по отношению к Ибсену, которая постепенно стала походить на самую настоящую ненависть. Ибсену, как он полагал, уже давно следовало бы замолчать и не позорить свое творчество бездарной старческой стряпней, так писал он в одном из своих писем. На этот раз произведением, позорящим, по мнению Гамсуна, великого драматурга, стала новая пьеса «Маленький Эйолф». Когда именно в это время был опубликован весьма хвалебный отклик на «Голод» в парижском «Ле Журналь», датский издатель Гамсуна получил следующее послание: «Теперь я подлинная величина в Париже. Ибсен обречен на смерть. Можете его похоронить»[118].

Этой весной, весной 1895 года, у Августа Стриндберга особенно разыгралась неврастения, и его положили в больницу. И тут во всех скандинавских газетах был брошен клич о необходимости финансовой помощи Стриндбергу и содействия его возвращению домой в Швецию.

Инициатором этой акции явился Кнут Гамсун. Подобная кампания развернулась и в Германии. На Стриндберга обрушился поток денежных пожертвований и предложений о помощи.

И тут для Гамсуна начался подлинный кошмар. Стриндберг, человек с больными нервами, поместил в газетах свой протест. Он заявил, что акция Гамсуна не имеет к нему никакого отношения, она началась без его ведома и что в целом он не нуждается в деньгах.

Это явилось новым аргументом для тех, кто считал, что эта история связана прежде всего с шумной саморекламой Гамсуна. В отчаянии Гамсун пытался поправить ситуацию, то и дело объясняя, что действовал целиком и полностью с ведома Стриндберга. Это не помогало. Несчастный Стриндберг выставил на посмешище своего спасителя, который от огорчения погрузился в депрессию и слег[119].

Для успокоения нервов Ланген убеждал Гамсуна поехать в Германию. Подобная попытка уже была предпринята на Рождество. В тот раз Гамсун передумал на вокзале, и теперь Лангену не удалось уговорить его.

Но и в Париже он уже не мог оставаться.

В конце мая 1895 года Гамсун покинул город, где он провел в общей сложности 70 недель. Если пользу от путешествий с целью самообразования оценивать по степени усвоения иностранных

языков, то в таком случае его пребывание в Париже следует считать совершенно бесполезным. Зато с того момента, как он покинул Копенгаген весной 1893 года и направился на юг, он сумел написать два романа: «Новь» и «Пан» — и приступил к драме, которую ему предстояло закончить на родине.

Со взвинченными нервами он вернулся в Норвегию и поселился в пансионе в Лиллехаммере. Последние десять лет в этом городке стало появляться все больше и больше отелей, разного рода пансионов, гостевых домиков. И все кругом говорили о благоприятном влиянии атмосферы города на душу и тело.

В Лиллехаммере находился санаторий для нервнобольных доктора Торпа. И вот как-то в воскресенье Гамсуну нанес визит один из тамошних пациентов, Густав Фрёдинг. Ранее они никогда не встречались, но швед рассказал, что его поразили попытки ниспровергнуть Ибсена. В своей рецензии на «Строителя Сольнеса» Фрёдинг отметил, что пьеса является достойным ответом на те обвинения, которые молодой Гамсун обрушил на Ибсена. И вот представился случай поближе познакомиться с этим отчаянным норвежцем, который нападал на Ибсена. Он похвалил боевой настрой Гамсуна и ту типично норвежскую решимость, с которым тот ополчился на Ибсена. Он также высказал мнение, что Гамсун в чем-то похож на религиозного проповедника[120].

В это время Гамсун работал над второй частью трилогии об Иваре Карено, философе и писателе. Когда вышла первая часть, которую Гамсун назвал «У врат царства», пьеса прозвучала весьма политически актуально. Из-за угрозы шведского военного вторжения летом 1895 года стортинг стал требовать переговоров по поводу учреждения самостоятельной консульской службы. Впоследствии этот курс на конфронтацию был пересмотрен, так как и Гамсун, и многие другие протестовали. В драме «У врат царства» Кнут Гамсун восстает против тех, кто предает идеалы своей юности. Двадцатидевятилетний философ Ивар Карено не отказывается от них, независимо от того, насколько они соотносятся с веяниями времени и какую цену приходится платить за верность им. Карено провозглашает такие непопулярные «этические принципы», как месть и ненависть. Мир между народами — не обязательно нечто положительное. Вот какова ключевая реплика, которую Гамсун вкладывает в уста своего героя: «Пусть будет война, зачем сохранять эти неисчислимые жизни? Источник жизни неиссякаем, бездонен. Нет, надо в каждом человеке сохранить гордого человека» [3; III:

201].

Гамсун вкладывает в уста Карено свои собственные идеи, которые он высказал своему норвежскому другу весной 1888 года, он писал ему, что не доверяет выборам, демократии и парламентаризму. Карено говорит: «Я верю в прирожденного господина, естественного тирана, повелителя, которого не выбирают, но сам он своею волей делается предводителем земных орд. Я верю, я жду лишь одного — второго пришествия, великого террориста, Человека с большой буквы».

Лучший друг Карено предает свои идеалы. А его собственная жена Элина позволяет себя соблазнить и вступает в связь с Бондесеном, журналистом оппортунистического толка, напоминающего персонажа из «Редактора Люнге». Карено же тверд в своих взглядах, как и сам Гамсун.

Неприязнь Гамсуна по отношению к слабым, мечущимся политикам постепенно усиливалась. На Рождество 1893 года в Париже он пишет стихотворение:

> Я вижу и чувствую ночью и днем,
> Что всех нас стригут под одну гребенку,
> Ровняют с землею, а мы и рады <…>
> А там, внизу, в жужжащем улье всего человечества,
> Дремлют неведомые великие силы,
> Они ждут исторического момента, чтобы пробудиться, —
> Таланты, о которых никто не ведает,
> Ждущие, чтобы их позвали страна и народ,
> О блистательные дарования, гении!{33}[121]

Сразу же после своего дня рождения (Гамсуну исполнилось тридцать шесть лет) он отправился в пансион, расположенный в целой миле к югу от столицы, где была создана вторая часть трилогии о несгибаемом Иваре Карено.

Осенью 1895 года у Гамсуна начался роман с замужней женщиной. Ей нужно было в Вену, а он отправился за ней в Мюнхен, чтобы быть неподалеку. Собственно говоря, вместе они объехали Швецию, Данию и большую часть Германии.

Двенадцать лет тому назад Гамсун был так сердечно принят судовладельцем в Гамбурге, что воспоминание об этом сохранилось у него на всю жизнь. Альберту Лангену он так прямо и заявил, что считает себя исключительно германцем по духу, отнюдь не приверженцем романской культуры, и когда он жил во Франции, это чувство только окрепло[122].

Набирающий силу издатель Альберт Ланген открыл двери своего дома для Гамсуна, когда тот на какое-то время поселился в

Мюнхене. Он постоянно приглашал Гамсуна к себе, в частности в связи с двойным бракосочетанием, состоявшимся в баварской столице. Издатель и его сестра Элизабет сочетались браком с Дагни и Эйнаром, детьми Бьёрнсона. После окончания торжеств издатель ввел Гамсуна в круги, связанные со своим издательством и журналом «Симплициссимус»[123].

Тесть Лангена, Бьёрнсон, все еще оставался в городе. Двадцать лет тому назад, далеко на норвежском севере, за полярным кругом, Гамсун с восторгом вчитывался в каждую строчку его крестьянских повестей, надеясь, что когда-нибудь сможет писать так же, как и он. Теперь они с Бьёрнсоном обменялись комплиментами у подножья Альп. Прошло немало лет с тех пор, как им довелось беседовать между собой. Младший из них двоих порой оскорблял публично старшего, оскорблял не один раз, а потом писал покаянные письма.

Сейчас Гамсун буквально превозносил до небес новую пьесу Бьёрнсона «Свыше наших сил», ее вторую часть. Теперь-то он намного лучше понимал, насколько трудно написать хорошее драматическое произведение. У Бьёрнсона было что показать Гамсуну. Он написал статью о современной норвежской литературе, которую собирались публиковать не только в Норвегии, но и в Америке и Германии. О некоторых моментах в творчестве Гамсуна он говорил сдержанно, но далее следовало: «За всем этим мы различаем хитроватую, добродушную физиономию автора и уже не можем оторвать от нее взгляда. В его последних произведениях главной движущей силой сюжета является совесть и честность». «Мистерии» Бьёрнсон назвал одним из величайших литературных произведений, ошеломляющим как снежная буря. Описания природы в «Пане», по его мнению, принадлежат к самым потрясающим в норвежской литературе.

Когда они появлялись где-то вместе, то всем своим видом Бьёрнсон демонстрировал, что его молодой коллега стоит рядом с ним, что он ему ровня. В его поведении сквозила гордость, как будто бы Бьёрнсон хотел сказать: «Смотрите, вот кого я выпестовал!»

Бьёрнсон вернулся домой, в Норвегию, а Гамсун оставался в Мюнхене, в кругу своих поклонников. Это были влиятельные люди, не только у себя на родине, но и в других странах. Мюнхен был таким же культурным центром в Европе, как и Копенгаген в Скандинавии. Отсюда вели пути и связи в газеты, журналы, издательства, театры — как немецкие, так и иностранные. Статья Бьёрнсона, опубликованная в норвежской газете «Крингшо», была

одновременно опубликована в весьма уважаемом немецком журнале «Цукунфт» и нью-йоркской газете «Форум».

Уже переведенные ранее на другие языки книги Гамсуна, его новеллы и статьи стали объектом интереса прессы и критиков. Писатель Артур Холитшер написал о нем серьезную статью в венской газете «Нойе фрайе прессе».

Но тут произошло следующее: по дороге домой Бьёрнсону в руки попал журнал «Баста», норвежская версия издаваемого в Мюнхене Лангеном «Симплициссимуса». На обложке была изображена смелая картинка: молодая женщина стоит на пороге комнаты рядом со своим возлюбленным, а на заднем плане стоит гроб, в котором лежит покойник. Со второй страницы выпуска шел текст новеллы «Голос жизни». Вскоре любовник понимает, что покойник, лежащий в гробу в соседней комнате, — это муж женщины, и комментирует это так: «Я долго сидел и размышлял: она моложе его на тридцать лет, потом он заболел затяжной болезнью, и вот его уже нет. А юная вдова свободна» [4: 256][124].

Автором этой новеллы был Кнут Гамсун. Прочитав историю темпераментной вдовы, Бьёрнсон написал возмущенное письмо издателю, своему собственному зятю. В нем говорилось, что тот опорочил самого себя и своего тестя. Рассказ — настоящая порнография! Издатель должен поместить опровержение, иначе Бьёрнсон подаст на него в суд[125].

Находившийся в Мюнхене Гамсун узнал о мнении Бьёрнсона через Лангена. Для него было оскорбительным не только мнение о новелле, но и то, что Бьёрнсону не понравилась вторая часть драматической трилогии об Иваре Карено, «Игра жизни», которая только что вышла в свет.

Ученик настойчиво просил мастера еще раз прочесть его пьесу: «Ведь Вы ничего не поняли, и неужели Вы пойдете на то, чтобы препятствовать ее выходу на немецком языке? Это самое глубокое из написанного мной. И смею Вас уверить — это плод моих глубоких размышлений»[126]. Бьёрнсон также узнал, что автор пьесы писал ее так, что у него перехватывало дыхание: «…я вполне осознаю значительность написанного. Для этой пьесы время еще придет».

В это же время стали появляться и рецензии. Реакция «Дагбладет» была убийственной: пьеса ничтожная, примитивный, вульгарный балаган. В то время как, по мнению «Верденс Ганг», в ней было много глубины, прекрасных сценических эффектов, ярких картин, острых парадоксов и причудливых перемен настроения[127].

В «Игре жизни» герой Гамсуна Ивар Карено вновь

возвращается в родные края на севере, где он был домашним учителем. Прошло десять лет с того момента, как его жена ушла от него к журналисту Бундесену. Он все так же несгибаем и все свое свободное время посвящает строительству башни, где с помощью хитроумных приборов, призм и стекол намеревается исследовать сокровенные тайны солнечного света. Вскоре его от научных занятий начинает отвлекать любовная история.

Для красавицы Тереситы характерно такое же двойственное отношение к мужчинам, которое встречает Глан в Эдварде. Обе эти женщины более увлечены эротической игрой, нежели стремлением к гармоничному завершению отношений. Последствия этого для Карено столь же фатальны, как и для Глана.

Подобно Ибсену, у которого были очень хорошие связи в Германии, у Гамсуна были все условия для того, чтобы какое-то время неплохо пожить в Мюнхене.

Но покоя не было. Он нашел принцессу. Но он не знал, завоевал ли он ее.

В середине лета 1896 года он вернулся в Норвегию, незадолго до своего тридцать седьмого дня рождения.

Большая ложь

Писатель, то и дело выступавший с лекциями, во время которых просвещал слушателей в отношении необычных душевных состояний, писал романы и новеллы о неуравновешенных отчаянных личностях, способных на отчаянные поступки, и сам привлекал к себе эксцентричных людей. Как раз одна такая личность становилась все более и более навязчивой.

С Анной Мунк он познакомился во время своего лекционного турне в 1891 году. Эта писательница появлялась и в Копенгагене, и в Кристиании, когда там находился Гамсун, а также и в Париже. Всеми силами он старался избежать общения с ней. Она появилась и в пансионате в Лиллехаммере, когда он там жил. Дама вообразила, что они с Гамсуном предназначены друг другу судьбой, и в своих письмах к нему была назойлива.

Многие находили ее внешность довольно странной: лицо, наполовину закрытое вуалью, пенсне. В правой руке она постоянно крепко сжимала маленькое круглое зеркальце.

Теперь, в Кристиании, она поселилась в том же пансионе, что и он.

Вновь и вновь она тщетно пыталась вступить с ним в контакт.

В своих романах и новеллах Гамсун вызывал к жизни персонажей с весьма причудливой духовной жизнью, самыми безумными представлениями, склонных к иррациональным поступкам, персонажей, которые преследуют кого-то и их самих преследуют. Своими персонажами он вполне способен управлять. А вот над Анной Мунк он был не властен, ею двигала собственная одержимость, которая осенью 1896 года несколько изменила свое направление, когда она своими глазами увидела, как в пансионе, в котором они оба одновременно проживали, он ухаживает за замужней женщиной. Друзья и знакомые Гамсуна вдруг начали получать анонимные письма, а вскоре такие письма стали приходить и к другим обитателям пансиона, сотрудникам газет и журналов, театральным деятелям, книготорговцам, владельцам ресторанов. Автор предостерегал, что Гамсун использует людей, всякого, кто имеет с ним дело, особенно женщин, которых он лишает и чести, и денег.

Во время своего первого визита в Париж он умолял своих друзей рассказать ему все, что они знают о той большой лжи, которая якобы окружает его. Тогда друзьям нечего было

рассказать, ничего подобного не было. Теперь же клевета была налицо, она нарастала, и казалось, что его чувствительная нервная система уже два года назад предчувствовала, что его ждет впереди.

И вот началось. Как раз в эти дни Гамсун впервые в своей жизни написал письмо, где употребил местоимение «мы». Он никогда никого не пускал в свою жизнь, а теперь задумался о том, что готов оставшуюся часть жизни разделить с какой-нибудь женщиной. Если ему удастся завоевать ее.

История новой возлюбленной тронула его до глубины души. Она была дочерью процветающего капитана корабля и исследователя.

Ей было восемнадцать лет, когда на хельгеланнское побережье приехал некий австриец, чтобы поохотиться. Она гостила здесь у родни по материнской линии, которая жила в небольшом приморском поселке. В отличие от Глана, австрийцу удалось завоевать нурланнскую красавицу, они поженились, и она родила ему дочь. Ее нарекли Марией-Берлиот, но молодая мама звала ее просто Малышкой. Теперь их дом был в Вене.

Новоиспеченная супруга вскоре обнаружила, что охотничьи инстинкты мужа охватывают все сферы, в том числе и женщин. Когда ее мать серьезно заболела, она уехала в Кристианию, чтобы ухаживать за ней. Мать жила в то время в загородном пансионе, где и скончалась всего 52 лет от роду.

Именно при этих обстоятельствах и познакомились Берлиот Бек-Гопферт и Кнут Гамсун.

Он был знаменит, умен и вполне мог бы стать ее повелителем. Она была молода, красива, богата и принадлежала другому. Он испытывал к ней такую страсть, которую никогда не испытывал ранее: вожделение и одновременно невероятную нежность, ему хотелось целиком и полностью властвовать над нею.

Вскоре она стала бывать в Кристиании гораздо чаще, чем в Вене, ее раздирали противоречивые чувства: неприязнь к супругу, от которого ей хотелось бежать, стремление жертвовать собой ради овдовевшего отца и страсть к любовнику. Женщина и трое мужчин, каждый по-своему сильный.

Но один из них имел такую власть над ней, что было невозможно не подчиниться.

Ее очень занимало, что же в его произведениях было выдумкой, а что — описанием событий его собственной жизни. Она подробно рассказывала ему и свою жизненную историю. Чем

больше она ему рассказывала, тем больше он хотел услышать. Он хотел знать все о ней и ее муже, которого он начал называть не иначе как австрийским псом. Она была похищенная принцесса, а он должен был ее освободить.

Начиная со своей первой книги Гамсун много писал о любви, но при этом никогда — о счастливой. Ни герой «Голода», ни Нагель, ни Глан не смогли заполучить ту женщину, о которой мечтали, а тех его героев, кто был помолвлен или женат, любимые женщины предавали.

Вот как он описывает сцену между Гланом и женой кузнеца Эвой:

> — Мне сегодня так грустно, меня одолели думы, — говорю я. И она жалеет меня и молчит.
>
> — Три вещи я люблю, — говорю я ей. — Я люблю желанный сон, что приснился мне однажды, я люблю тебя и этот клочок земли.
>
> — А что ты больше всего любишь?
>
> — Сон.
>
> *[1; I: 74]*

Кнут Гамсун вел разгульную жизнь все эти годы, но мечта о любви не покидала его.

Он переезжал из пансиона в пансион в предместьях столицы, но встречаться с Берлиот становилось все труднее. Автор анонимных писем запускал свои ядовитые стрелы повсюду. Несколько писем получили муж Берлиот, ее отец, а также братья и сестры. Письма настойчиво предостерегали от каких бы то ни было отношений с Кнутом Гамсуном. Он — шарлатан. Он не является автором книг, подписанных этим именем. Кроме того, он кружит головы женщинам, живет за их счет, а потом бросает, переключаясь на новые жертвы.

Но Берлиот Бек-Гопферт не так-то легко сбить с толку, она и не думает отступиться. Она подает на развод со своим супругом-австрийцем. Семейная драма, связанная с разводом, спровоцированная Кнутом Гамсуном, официально началась, как раз когда в Кристиании поднялся занавес на премьере драмы «У врат царства». Зал был переполнен во время всех спектаклей, а пьесу играли двадцать один раз, и ведь это был отнюдь не водевиль. Через пять недель состоялась премьера «Игры жизни», и вновь огромный успех, все шестнадцать вечеров. Вот наконец и сугубо буржуазная газета «Моргенбладет» отпускает ему свои

комплименты. Постоянный ведущий театральной колонки хвалит пьесу. Но тут вдруг появляется ругательная статья, что приводит к тому, что автор предыдущей статьи оказывается уволенным. Газетный скандал, но разве это такая редкость, когда речь идет о Гамсуне? Вскоре разражается еще больший скандал. Перед рождеством в «Моргенбладет» и «Афтенпостен» публикуется письмо, в котором было выражено негодование в связи с показом на сцене аморального поведения одной из героинь пьесы «Игра жизни» Гамсуна, под письмом стояла подпись двадцати шести читателей. Протест был поддержан многими[128].

Гамсун попал прямо-таки под перекрестный огонь.

Пять профессоров, три директора школы, несколько пасторов и другие столичные столпы общества публично проклинали его. Нурланнский повелитель Цаль угрожал Гамсуну судебным процессом, если тот не вернет ему деньги, занятые семнадцать лет назад. Его соперник, австриец, не собирался отказываться от жены или ребенка. Автор анонимных писем сеял свой яд повсюду.

А самое страшное заключалось в том, что теперь Гамсун был не в состоянии писать.

В то время как шестидесятивосьмилетний Ибсен продолжал творить. К великому огорчению Гамсуна, к Рождеству 1896 года вышла в свет драма «Ион Габриэль Боркман». В связи с этим Гамсун взошел на трибуну Студенческого общества в Кристиании и начал обличать так называемую поэтократию: «Они годами дурили нас <…> Все это явно стариковские пустые и бесцветные писания, накорябанные трясущимися пальцами, в минуты сумеречных состояний»[129].

После этого он решил полностью покончить с той большой ложью, которая гуляла по свету. Ведь эта ложь могла запятнать его любимую женщину.

Во второй половине мая 1897 года многие читали столичные газеты и качали головой. Чему верить? Начальник розыскной полиции выступил с заявлением о том, что в течение последнего полугодия Кнут Гамсун явился жертвой анонимного преследования. Приветствуются любые сведения, способствующие разоблачению анонима[130].

В распоряжении полиции имелась значительная сумма в качестве вознаграждения.

Гамсун требовал, чтобы Анна Мунк была задержана, подверглась медицинскому освидетельствованию, допрошена и наказана. Он чувствовал, что за ним ведется постоянная слежка. Но полиция требовала доказательств.

Когда весной 1897 года Анна Мунк выпустила в свет книгу, ситуация стала еще более пикантной. В своей книге она описала ситуацию, как одержимая страстью к писателю женщина преследовала его в Кристиании, Копенгагене, Париже и Лиллехаммере. Автор книги торжественно заверяла всех в своей полной невиновности: «Лично я рассматриваю свою книгу как свидетельство абсолютной моей невиновности, ведь я не говорю, что он виноват в чем-то, это себя я представляю его „злым духом“»[131].

Впервые в жизни он напился в одиночестве, и на какое-то время это стало привычкой. «Этой весной и летом я пил много виски, в течение трех месяцев я выпил 60 бутылок, пил совершено один, по ночам. Мне было так плохо», — писал он доверительно одному из своих друзей. «Лучше всего мне было бы застрелиться. Но для этого необходимо мужество, а у меня его недостает»[132], — писал он другому. Ему хотелось убежать на край света, туда, где клевета не сможет настичь его, куда-нибудь в Тибет, Тунис, Африку, туда, где странствовал его герой Нагель из «Мистерий».

Но отправился он не дальше, чем в очередной пансион в пригороде столицы.

И вот теперь только здесь, возле леса у озера, в конце лета, когда Гамсуну исполнилось тридцать восемь лет, он вновь стал писать. Сконцентрироваться на чем бы то ни было, с тех пор как он закончил «Игру жизни» год назад, у него никак не получалось. Сейчас он приступил к третьей части драматической трилогии.

Правда, справедливости ради следует сказать, что ранее, весной 1898 года, вышел сборник новелл «Сиеста», но тогда Гамсун лишь собрал воедино напечатанные ранее в газетах рассказы, добавив в них те, что были написаны им еще раньше, но не публиковались. Открывает сборник «Царица Савская». История о мужчине, который преследует женщину. В другой новелле, «Тайное горе», главного героя, подозрительно похожего на Гамсуна, от лица которого и ведется повествование, преследует мужчина с намерением сдать того в полицию.

Кое-кто полагал, что за анонимными письмами стоял сам Гамсун.

«Сиеста» вышла в «Гюльдендале», который стал издавать Гамсуна. Издатель Гамсуна Густав Филипсен, с которым он был связан ранее, с 1889 года, вместе с двумя другими коллегами образовали новое издательство. Директор нового издательства стал не очень-то щедр на авансы, когда обнаружил залежи непроданных книг Гамсуна: восемь названий, около семи тысяч экземпляров. Из второго издания «Пана» оставалось 140 тысяч

экземпляров. Ситуация с продажей «Мистерий» была просто катастрофической. «Голод» все еще не был распродан, даже на седьмой год после выхода в свет. Пьесы тоже почти не продавались. Стоимость этой продукции оценивалась где-то в 30 тысяч крон, но директор начал искать покупателя, который бы согласился приобрести семь тысяч экземпляров за одну треть их стоимости. Никакой перспективы для Гамсуна как писателя он не видел. Гамсун же, в свое время обиженный на Фредерика Хегеля, теперь, восемью годами позднее, полностью переметнулся в «Гюльдендаль».

Когда Норвежский союз писателей выдвинул кандидатуру Гамсуна на получение государственной стипендии в 1200 крон, то правое правительство получило возможность исполнить ветхозаветную заповедь о мщении. Предлогом для отказа в стипендии послужила публикация рассказа «Голос жизни», так как Генеральная прокуратура приняла решение о его цензурном запрете.

Одновременно с этой мерой писательское сообщество, старые и молодые писатели начали сбор средств по подписке в пользу Гамсуна. Единственным, кто отказался в этом участвовать, был Хенрик Ибсен. Сумма составила всего 600 крон, и Гамсун был разочарован.

Но при этом постоянно появлялись все новые и новые переводы книг Гамсуна, а также и его новелл, публиковавшихся в периодической печати. Гамсун становился все более известным писателем, особенно в Германии. Как только Альберт Ланген узнал, что норвежские власти не желают давать Гамсуну стипендию, он тут же привлек к этой проблеме внимание таких значительных личностей, связанных с его журналом «Симплициссимус», как Томас Манн и Франк Ведекинд{34}. Ланген опубликовал призыв о помощи Гамсуну. В этом также принял участие и брат Лангена Мартин, который издавал берлинскую газету «Вельт ам зонтаг». Вскоре на счет Гамсуна стали поступать денежные средства. За короткое время денежная сумма из Германии перекрыла ту, что была собрана в Норвегии.

Он никогда не забудет этого.

В то же время было в его жизни и нечто иное, важное, что он старался изо всех сил забыть, хотя сделать это было невозможно, не потеряв свою честь. Ничего не поделаешь — надо, чтобы его ложь стала правдой. Этой ложью было обещание, данное им Берлиот, — жениться на ней.

Любовная лихорадка позади

В ноябре 1897 года Берлиот Бек-Гопферт получила развод от своего австрийского мужа. Для того чтобы вступить в новый брак, ей было необходимо получить разрешение министерства юстиции. На рубеже 1897–1898 годов ей исполнилось двадцать четыре года. У нее была дочь, трехлетняя девочка. Берлиот жаждала начать новую жизнь, создать их общий дом, все то, о чем они мечтали со своим любовником в эти последние два года. А Гамсун почему-то теперь уже не хотел говорить об этом. Находясь в этом неопределенном состоянии духа, он написал заключительную часть трилогии, в которой он явно использовал материал собственной жизни. Пьесу он назвал «Вечерняя заря».

В ней вновь появляется Элина, которая ушла от своего несгибаемого Карено, ее соблазнил Бундесен, а теперь она вернулась к Ивару. Ивар Карено потребовал, чтобы ребенок, которого она родила от другого, жил не с ними, а с дедушкой. Дедушка умирает, и теперь ребенок живет вместе с ними. В связи с этим Карено испытывает растущее чувство раздражения и ревности.

Элина напоминает ему, что, к счастью, теперь ему не нужно больше думать о каких-то пособиях или стипендиях. Теперь она — обладательница наследства своих родителей. «Что же, теперь я буду у тебя на содержании», — горько обрывает он ее.

И вот теперь «несгибаемый» Карено начинает сдавать одну позицию за другой. И Гамсун вводит нового персонажа, своего «alter ego», твердого как скала Лео Хейбро из «Редактора Люнге», который помогает Карено воспрянуть духом. Возможно, и сам Гамсун нуждался в моральной поддержке такого Хейбро с его несгибаемыми принципами? Ведь и ему не хотелось иметь дело с женщиной, которая ранее уже принадлежала другому, и свое мнение он вложил в уста бескомпромиссного Хейбро в «Вечерней заре»: «Уфф! Всю жизнь быть рядом с этой женщиной и знать, что эти руки, эту грудь ласкал другой <…>. Довольствоваться, так сказать, объедками <…>. Ощущать присутствие другого, вбирать в себя запах порока».

Такой же женщиной с прошлым была и нареченная Гамсуна Берлиот. Ведь ею пользовался этот австрийский пес. Любовная лихорадка не просто утихла. Она была полностью исчерпана после опьянения борьбой и триумфом победы. Он уговаривал ее подумать. Они оба должны хорошенько поразмыслить. Берлиот ответила ему, что он не может нарушить свое обещание жениться[133]. Одновременно Гамсун отправил по почте отчаянную мольбу. Ведь большая ложь, связанная с его именем, распространялась дальше. В его жизни теперь было уже

невозможно отделить фантазию от реальности. Однажды, прогуливаясь по городу, он заметил, что восемь подозрительных типов наблюдают за ним, как он заявил в письме норвежскому премьер-министру: «Ваше высокопревосходительство, не премините употребить Ваше влияние для оказания мне помощи в моей беде»[134].

Премьер-министр на это письмо не ответил.

Вскоре Гамсун пришел к ужасному открытию: полиция подозревала, что за всеми этими слухами стоял он сам. Поэтому он обратился с просьбой о прекращении расследования. Однако это требование не сняло с него подозрений.

Не получив ответа от начальника охранного отделения криминальной полиции, он послал письмо самому главному, после короля, лицу — председателю стортинга. Он обратился к нему с весьма настоятельной просьбой уделить внимание его делу. В последнем анонимном письме прямо так и говорится, что преследование никогда не закончится. «Преследователей много, и они готовы преследовать меня всю жизнь, где бы я ни находился, в любой стране»[135].

Эта угроза касалась также и Берлиот.

Он дал слово, что женится на ней, если она разведется со своим австрийским мужем. И теперь он не мог не выполнить обещания. Если он так поступит, оправдается слух о том, что он — проходимец, шарлатан и паразитирует на женщинах.

Наконец, после длительных поисков священника, который согласился бы их обвенчать, они нашли такового, и в мае 1898 года он провозгласил их мужем и женой. Свидетелями с обеих сторон были друзья Гамсуна: писатель Ханс Анрюд и книготорговец Кристиан Дюбвад.

Берлиот подарила жениху булавку с жемчужиной для галстука, которая так прекрасно гармонировала со смокингом, который он пошил для себя к свадьбе. Свадебное застолье было устроено в столичном отеле. Это событие привлекло множество людей, жаждущих увидеть знаменитого писателя и его красивую жену. Когда на боковой веранде появилась эта пара, раздались восторженные возгласы. Правда, следует отметить, что невеста не выглядела особенно счастливой. На следующий день молодые покинули отель и поселились в пансионе в окрестностях столицы, где в их распоряжении был отдельный домик. Берлиот привезла в него множество вещей, которыми она пользовалась в период своего предыдущего брака, множество бокалов и рюмок, чайные и обеденные сервизы, скатерти. Ее новоиспеченный супруг сделал

запасы шампанского, разных вин и других напитков в столичных магазинах[136].

Молодая супруга обладала большим состоянием: наследство матери, да еще кое-что досталось от бывшего супруга. После смерти отца ее состояние еще больше увеличилось. Имущественное положение молодого супруга было также гораздо лучше, нежели в прежние времена. Из Мюнхена постоянно приходили письма, свидетельствующие о его признании в Германии. Было успешно завершено дело о займе у Цаля, завершено с помощью хитрых уверток и крючкотворства, что свело на нет постоянные утверждения Гамсуна, что он честный человек. В ответ на иск Цаля он подал встречный, где объявил себя недееспособным в момент подписания договорного обязательства с великим моголом в области торговли. Городской суд вынес решение в пользу Гамсуна, освободив от обязательства выплатить Цалю две тысячи крон плюс проценты за прошедшие двадцать лет. Ему даже не надо было оплачивать судебные издержки. Это был вынужден сделать сам Цаль.

Гамсун начал писать новый роман, параллельно работая над драмой «Вечерняя заря», где он опять обращается к своему персонажу, несгибаемому Карено, который возвращается в лоно семейной жизни, когда страсть уже прошла, любовная лихорадка уже в прошлом. Все происходит точь-в-точь как в его собственной жизни.

Он хотел написать роман о любви, которая никогда не охладеет, потому что не получит своего завершения, будет существовать благодаря творческой фантазии. Они приехали в Вальдрес, и он приступил к работе над задуманным.

В «Голоде», «Пане», «Мистериях» Гамсун изобразил, как мужчина может все разрушить именно тогда, когда женщина наконец решилась принадлежать ему. Для его героя главное — не осуществление своего желания, а мечта о его осуществлении. Когда он творил, он мог управлять всем, контролировать малейшую деталь, у него был стопроцентный контроль над всем происходящим.

В жизни все было совсем иначе.

Не прошло и четырех месяцев, как Гамсун поспешно препроводил новоиспеченную супругу в столицу и успешно завершил роман «Виктория».

В этом романе впервые в творчестве Гамсуна появляются персонажи, у которых есть прошлое. Роман начинается с мечтаний главного героя о том, что дочь владельца замка бросится к его ногам и будет умолять его сделать ее своей рабыней. Юханнес Мёллер отправляется в город и становится

известным поэтом. История собственной любви становится для него непосредственным источником вдохновения. «Любовь — это первое слово Создателя, первая осиявшая его мысль. Когда он сказал: „Да будет свет!“ — родилась любовь. Все, что он сотворил, было прекрасно, ни одно из своих творений не хотел бы он вернуть в небытие. И любовь стала источником всего земного и владычицей всего земного, но на всем ее пути — цветы и кровь, цветы и кровь» [1; I: 131–132]. Они встречаются в городе, и он замечает на ее пальце кольцо. Юханнес поверяет ей свою душу, говорит, что если он хоть немного дорог ей, то сознание этого может вдохновить его на большие деяния, он сможет достичь даже недостижимого, потому что чувствует в себе запас нерастраченных сил. Следующую ночь он проводит во вдохновенном творчестве, к утру у него готово новое произведение, «гимн радости и счастью», он раскрывает окно и издает ликующий вопль. Он пытается объяснить соседу, что произошло с ним: «Точно все вокруг озарилось молнией. Я видел однажды, как молния бежала по телеграфному проводу, словно огненная лента. Вот и во мне вспыхнула сегодня такая же молния».

Время идет, Юханнес переживает невзгоды и поражения и в то же время накапливает творческие победы, создавая одно произведение за другим, мечты о Виктории неустанно вдохновляют его. Однажды он встречает домашнего учителя из замка, который раскрывает перед ним душу, рассказывает, что всю свою жизнь тосковал о своей несчастной юношеской любви. Эта любовь послужила тайным источником его поэзии, но, увы, это не стало реальной жизнью. Сейчас он женат на вдове, у которой есть ребенок от первого брака. Учитель объясняет Юханнесу, почему он расстался со своими романтическими грезами о первой любви: «Случалось ли вам хоть однажды в жизни видеть, чтобы мужчина получил в жены ту, которую хотел <…> Человек вынужден искать себе другую любовь, и тут уж старается не прогадать. Не умирать же ему от такой замены. Уверяю вас, так устроено природой — люди могут вытерпеть и не такое. Взять хотя бы меня» [1; I: 194]. Учитель сообщает Юханнесу о смерти Виктории, он протягивает ему письмо, которое она написала, находясь на смертном одре: «А теперь я Вас больше не увижу и горько сожалею, что не бросилась тогда перед Вами на колени и не поцеловала Ваши ноги и землю, по которой Вы ступали, и не сказала Вам, как безгранично я любила Вас. <…> Господи, Боже мой, Вы должны знать, как я любила Вас, Юханнес! Я не могла Вам этого показать, многое мешало мне, и больше всего мой собственный характер. Папа тоже бывал

жесток к самому себе, а я его дочь <…> Это пишет Вам Виктория, и Бог за моей спиной читает эти слова» [1; I: 200].

По мере работы над «Викторией», росло отвращение Гамсуна к самому себе.

«О боже, как мне надоело всякое творчество. Я устал от романа, а что касается драмы, то я всегда терпеть не мог этот жанр, сейчас я начал писать стихи, единственный жанр, который нельзя назвать претенциозным и пустым одновременно, он — просто пустой», — жаловался он приятельнице[137].

Пропасть между жизнью и творчеством все расширялась, стала непреодолимой.

У Гамсуна и его жены не было согласия в отношении будущего.

Берлиот стремилась создать их общий дом, семейный очаг, в городе или за городом. Это было связано и с тем, что она хотела забрать дочку, но ведь не могла же малышка проводить свое детство в пансионах. Ее новый муж встречал в штыки все ее планы в отношении домика или квартиры.

Он жаловался, что нервы у него не в порядке. Одна из причин была совершенно очевидна. Ему необходимо было уехать, «чтобы отоспаться из-за Малышки». Малышке исполнилось четыре года, и значительную часть времени она жила с ними. Берлиот вновь пожертвовала собой ради нового супруга. Дочку отправили в Австрию к отцу. При этом Гамсун тяжело переживал случившееся. Как писал он своим друзьям, «мне казалось, что я кричу и плачу, чтобы Малышка осталась с нами»[138].

На Восток

Когда поздней осенью 1898 года стало ясно, что он получает государственную стипендию, в которой ему было отказано ранее, дело было решено. Он совершит то большое путешествие на Восток, о котором он так долго мечтал, совершит один или вместе с Берлиот. Это должно было произойти летом. А пока он хотел пожить в Гельсингфорсе{35} — замечательное место для дальнейшего пути на Восток. Таким образом супружеская чета сможет скрыться от всевозможных преследователей. У Гамсуна было там множество знакомых, людей, с которыми он познакомился в Париже и Копенгагене, таких как немецко-шведский писатель Адольф Пауль, литератор и дипломат Биргер Мёрнер, писатель Элиас Кюлехельт и Карл Адольф Тавастьерна, тоже писатель. И потому не должно было быть у него проблем в

финско-шведской среде столицы.

В начале ноября 1898 года супруги поселились в отеле «Клейних» в Гельсингфорсе. И здесь ему довелось прочитать газетные рецензии на свои пьесы. Характеризуя образ Элины, одной из героинь пьес «У врат царства» и «Вечерняя заря», ответственный редактор посетовал на то, что со своим богатым жизненным опытом Кнут Гамсун мог бы проявить большую проницательность, изображая женщин высшего сословия, тем более женившись на одной из них. Теперь он понял, что подоплека претензий критика к «Виктории» заключалась именно в этом. Придя в себя, он послал редактору этого издания, рупору интересов высших слоев буржуазии, почтовую карточку с одной-единственной фразой: «Благодарю Вас также за отменную грубость»[139].

После этого он написал письмо Георгу Брандесу, с которым уже не переписывался много лет. Тому, кого считал единственным способным нейтрализовать вред, который нанесла Гамсуну рецензия, написанная редактором главного печатного органа буржуазии, в результате чего норвежские буржуа перестали покупать его книги. Не мог бы Брандес написать какую-то статью, где говорилось бы о таланте Гамсуна? «Мне 38 лет, в течение последних десяти лет я издал одиннадцать книг, но я сижу и сомневаюсь, стоит ли мне продолжать».

Ответ Брандеса оказался для Гамсуна еще более удручающим, нежели редакционная статья. Датчанин высмеял неприятие норвежцем критики — у него был собственный опыт общения с Гамсуном: скудный культурный багаж сына портного, по его мнению, неизменно давал о себе знать.

В рождественский сочельник Гамсун с горечью пишет ответ Брандесу: «Да, вот как устроен современный мир. Культура — это, согласно всеобщим представлениям, множество поездок, множество увиденных картин, множество прочитанных книг. А, соответственно, отсутствие культуры у кого-то может проистекать из того, что судьба дала ему родителей, не способных сделать из него студента, доктора или кого-то там еще, в том, что он был вынужден ехать в Америку, заниматься тяжелым физическим трудом в прериях и в связи с этим никак не имел возможности приобщиться к тем знаниям, которыми обладают большинство образованных людей»[140].

Берлиот энергично старалась осуществить свою мечту о новом семейном очаге. Перед Рождеством они могли уже покинуть отель и переселиться в дом неподалеку от центра. Здесь необходимо было выполнить кое-какие столярные работы, и

Гамсун, который не прикладывал рук к простой работе со времени своего пребывания в Америке, купил целый шкаф инструментов.

И вот наконец-то молодые супруги, уже будучи женатыми в течение полугода, могут гостеприимно распахнуть свои двери перед целой толпой финских друзей и знакомых. Это и книготорговец Венцель Хагельстам, и писатель Александр Слотте{36}. А вот Ян Сибелиус не поддался чарам Гамсуна. Композитору не нравился неровный, неврастеничный характер Гамсуна, который проявлялся в несговорчивости и странных поступках, порой переходящих все мыслимые границы. Гамсун посетил его как-то в финских лесах. И нельзя сказать, чтобы это был особенно удачный визит[141].

Всякий, кто общался с этой норвежской парой, не мог не заметить, что отношения между супругами порой бывали напряженными. То он с гордостью выставлял ее вперед, а то вдруг просто не замечал ее, чтобы сгладить перед другими чувство раздражения, которое она стала у него постоянно вызывать. Весной 1899 года она доверительно писала своей сестре Алетте: «Все грустно, мы болеем и совершенно подавлены этой ужасной зимой»[142].

Вероятно, Берлиот полагала, что резкие перепады душевных состояний Гамсуна связаны с преследованием его Анной Мунк, а также с нервным напряжением в связи работой над «Викторией».

Во время пребывания в Гельсингфорсе Берлиот осознала, что она опять вышла замуж за человека, которого совершенно не знала.

В конце весны они поселились в маленьком домике чуть в глубине улицы Касернегатен, 23, как раз напротив статуи поэта Рунеберга{37}. При этом они не отказались от домика на Рохолмене, куда Гамсун отправлялся, чтобы заниматься своим творчеством. Он написал новеллу под названием «Сердцеед». О писателе, который постоянно находится в лихорадочном состоянии, добиваясь благосклонности то одной, то другой женщины. И чем более недоступна женщина, тем сильнее вспыхивает его страсть, он готов ради этого расстаться с жизнью.

В начале лета Берлиот Гамсун отправилась в Кристианию, а затем и в Вену.

В течение последнего времени материальные дела у Гамсуна шли вполне сносно. «Виктория» выдержала два тиража в Дании и Норвегии, была также переведена на немецкий, шведский и финский языки. Новеллы и статьи Гамсуна публикуются в газетах и журналах Финляндии, Германии и Австрии. «Редактор Люнге» и

«Сиеста» наконец изданы на немецком. Пьесу «У врат царства» играют на сценах Стокгольма и Бергена. У него были теперь средства для осуществления поездки.

Гамсун провел бурное лето как соломенный вдовец, и вот теперь, 2 сентября 1899 года, они вместе с Берлиот покинули Гельсингфорс и через Выборг направились в сторону Петербурга.

Берлиот приехала к нему из Норвегии. И с ней вернулось все то, что ему не нравилось в ней и в их совместной жизни. Вот что он написал другу на прощание: «В общем-то это безразлично, вернусь ли я из Турции живым или нет. Вообще, черт бы побрал всю нашу человеческую жизнь»[143].

Он намеревается делать путевые заметки. Возможно, получится целая книга. В московском ресторане он делает следующую запись: «Я чувствую себя здесь как дома, правильнее было бы сказать вдали от дома: вдали от дома, а значит в своей тарелке» [10: 21][144]. Он замечает, что повсюду преобладают отношения между господами и слугами. «Люди повинуются тому, кто умеет приказывать. Наполеону все повиновались с восторгом. В повиновении есть свое удовольствие. А русский народ еще умеет повиноваться» [10: 37]. Когда он видит, как молотят зерно в одной из станиц, то начинает понимать, почему в зерне, поступавшем к ним из России, когда его мололи на отцовской и соседской мельнице, часто попадались камешки и песок. Путешествие на Кавказ, о котором он столько мечтал, осуществлялось на лошадях. Проезжая вблизи горы Казбек, он оказывается, по его словам, лицом к лицу с Богом, это наводит его в том числе на размышления о восточном фатализме. Этот фатализм такой простой и в то же время закаленный как сталь.

По мнению Гамсуна, британцы заполонили весь мир, он ветре чает англичан везде, и они игнорируют его. Встреча с Турцией и возмущение доминирующим присутствием в ней англичан побуждает Гамсуна настойчиво защищать эту страну и обруганного в европейской прессе султана.

Из Константинополя они отправились через Болгарию и Сербию в Австрию, где Берлиот должна была встретиться с дочкой. Вот он и побывал в сказочной стране, и рядом с ним была женщина. Но раз за разом он убеждался, что она была отнюдь не та сказочная принцесса, какой он ее вначале представлял себе. Она как-то порылась в его заметках и упрекнула его за грубую ложь.

Шесть недель спустя, в октябре, они приехали в Копенгаген, где сняли квартиру на окраине города. Он поведал свою печаль финскому другу: «Истина и смысл жизни в вине. Черт бы меня

побрал! И не потому, что вино — такое вкусное, а потому, что когда пьешь, ты как возносишься. Так было со мной и на Кавказе! Даже самая безудержная фантазия не дает возможности представить себе подобную красоту и великолепие. Я просто рыдал от восторга. И по сравнению с этим сидеть и сочинять какие-то книги — это так пошло»[145].

Берлиот уехала в Кристианию. Гамсун был на мели. Берлиот предлагала использовать ее капитал. Он возражал, но постепенно сдался.

Он перечитал свои заметки о Кавказе. Соприкосновение с простой крестьянской жизнью постоянно заставляло его вспоминать о своем детстве — не о плохом, а о хорошем, о том как он жил в усадьбе Гамсунд на Хамарёе, до того как его отправили в усадьбу к дяде.

Все это он описал в книге «В сказочном царстве»: «В хорошую погоду я лежал в вереске на спине и писал пальцем по всему небу, это были самые лучшие дни. Коров и овец я отпускал пастись, где им больше нравилось, а когда нужно было найти их, я поднимался на холм или залезал на высокое дерево и прислушивался там, открыв рот <…>. Я сижу, погруженный в воспоминания, а наша коляска катит по широкой кавказской дороге. И меня охватывает странное чувство, я знаю, что мог бы пустить тут корни и радовался бы, живя вдали от всего света. Конечно, если б у меня хватило культуры, и я мог бы приносить пользу, живя там, где живу сейчас, — другое дело, но ведь это не так…» [10: 85–86].

Вот так и сидел Гамсун в своей квартирке в Копенгагене и перечитывал свои записи о путешествии на Кавказ, кое-что правил. Он добавлял слова, которые связывали страну детства на севере Норвегии, которую он покинул двадцать лет назад, и сказочное царство на Востоке, где он только что побывал.

Блудный сын — обанкротившийся супруг

В начале лета 1900 года Гамсун сошел на берег на Хамарёе.

Его матери Торе в январе исполнилось семьдесят лет, отцу Педеру было почти семьдесят пять. Наконец-то 21 год спустя их четвертый сын вернулся домой, их сын, о котором они часто читали в газетах. Усадьба Гамсунд уже не принадлежала им, у них просто было право дожить здесь свои дни на основании договора пожизненного содержания. Он поселился в чердачной комнатке, войти в которую можно было лишь скрючившись,

высота дверного проема не превышала 130 см. Он теперь много размышлял о том, как развитие товарно-денежных отношений повлияло на сельское общество. Те, кто возделывал землю, должны были производить все больше, чтобы заплатить долги, возникшие в связи с приобретением всевозможных инструментов и технических средств, необходимых для современного ведения хозяйства. Рыбакам тоже приходилось делать значительные денежные вложения, приобретая новые снасти.

Крестьяне стали покупать все больше товаров в лавке.

И дом, где жили родители, и избушка брата Уле, который вел свое небольшое хозяйство на некотором расстоянии от Гамсунда, нуждались в ремонте. Блудный сын нанял плотников. Попросил денег у Берлиот. Она прислала ему 500 крон, что равнялось двум годовым зарплатам наемных работников.

В свою очередь, она хотела бы знать о его планах на осень и где они будут жить. В ответ он пишет, чтобы она не грустила, ведь он снова способен творить. Хотя неделей позже признается, что он просто развалина. «Мы с тобой оба должны молить Бога, чтобы источник моего творчества не иссяк. Я так боюсь, что не смогу осуществить задуманное к осени. О Боже, как все это ужасно»[146].

Из-за тесноты Гамсуну было трудно жить со своими родителями, семьей брата и другими родственниками в Гамсунде, и вскоре он решил переехать в саамскую землянку, в трех-четырех километрах от родительской усадьбы.

Там он прожил пару месяцев.

Потом он отправился в Кристианию, где поселился в пансионе, в то время как Берлиот продолжала жить у своего отца, здесь же в городе. Он приходил к ним, чтобы провести несколько часов с женой. Она, со своей стороны, отнюдь не считала, что это можно назвать нормальной семейной жизнью.

Однажды, возвратившись в свой пансион после подобного визита к жене, он пишет ей с раскаянием: «Тебе пришлось многое перенести из-за меня. Я и раньше доставлял тебе огорчения. Сегодня ты не была так весела и беззаботна, как обычно, не печалься, все будет хорошо. Я помню, как однажды в Гельсингфорсе мы гуляли, и я упрекнул тебя за то, что ты истратила 10 эре на покупку птичьего корма. Ты ничего не ответила на упреки. Я вспоминаю об этом с раскаянием. Я постараюсь исправиться, и это не просто слова. А если я снова буду так вести себя, учти, это просто мое болезненное душевное состояние, Берлиот. Я сам ужасно страдаю от этого»[147].

Ближе к осени они отправляются вместе в Копенгаген и

начинают жить в снятой ими квартире в районе Фредериксберг. Творческий кризис продолжался в течение двух лет. Он открывает душу своему другу: «Я постоянно обдумываю своих персонажей, но безрезультатно. Не могу сочинить ни строчки, и виной этому скука, усталость, отвращение ко всему»[148].

Гамсун с удовольствием читает газеты. И вот он узнает о находящемся в отчаянном положении президенте республики Трансвааль на юге Африки, Поле Крюгере, который пытается убедить великие европейские державы остановить вторжение англичан. Англия направила 400 тысяч своих солдат для подавления восстания. В это время в печати появляются ужасающие описания концентрационных лагерей, в которых британцы обрекали на голодную смерть мужчин, женщин и детей. Кнут Гамсун загадывает новогоднее желание: чтобы вмешался русский царь. На что англичане наверняка скажут: «Не суйся не в свое дело!» И тогда произойдет небольшая мировая война, способная многое изменить[149].

Перед Рождеством Берлиот уехала в Кристианию. Через шесть недель он поинтересовался, должен ли и он приехать в столицу. Она была в недоумении. Он часто обескураживал ее своими письмами, и теперь она не понимала, какого ответа он ждал от нее.

Он был категорически против того, чтобы она снимала деньги со своего счета в банке. При этом она знала, что он сидит в Копенгагене без денег. Время от времени он закладывал свои вещи, при этом с неизменной верой, что следующий тираж лотереи принесет ему выигрыш и деньги на дорогу.

Если она скажет, что он должен вернуться в Кристианию, то это будет означать, что он вновь поселится в пансионе, который находится настолько близко от дома ее отца, что, вдоволь посочиняв и плотно подкрепившись, он будет приходить в гости к ней и ее отцу. «Не каждый вечер, естественно, а время от времени. Или ты будешь приходить ко мне в отель»[150].

Берлиот выслала ему денег. В начале февраля, прихватив с собой грязное белье, открутив от двери табличку со своим именем, из опасения, что кто-то из соседей может ее похитить, он сел на поезд.

Они были женаты уже три года. Берлиот настаивала на том, что пора уже пустить корни. Весной 1901 года она в приподнятом настроении отправилась в Копенгаген. Тут они наконец вместе решили, что устроят свой дом в Кристиании, то есть снимут квартиру, на Бюгдёй-аллее, 7. Супруг изводил ее невероятно

подробными указаниями насчет переезда: как надлежит сворачивать ковры, как должны быть откручены ножки дивана, как следует разобрать на отдельные части кровать для перевозки и сложить плетеные кресла. Он уже придумал, как они распределят комнаты. Окна спальни Берлиот и гостиной будут выходить на улицу, в то время как его спальня и столовая будут выходить окнами во двор.

В это же время Гамсун написал новую версию «Азарта», которую назвал «Отец и сын», где описываемые события гораздо меньше похожи на «Игрока» Достоевского. Мысли о рулетке не оставляли Гамсуна.

Его жена ничего не подозревала.

«Я плюю в рожу Всевышнему…»

Супруги Кнут и Берлиот Гамсун обсудили свой план поездки на север Норвегии в 1901 году. Берлиот намеревалась посетить родственников в Нурланне, а потом, возможно, съездить на Хамарёй. Выходило, что ехать она должна одна. Он заявлял, что ему необходимо писать.

Как только она покинула квартиру, он взял чековую книжку, ту самую, которой, по ее настоянию, они оба должны пользоваться, и обратился к банку за значительной суммой. После этого сел на поезд, а затем и на пароход в сторону Антверпена, а оттуда, опять же на пароходе, в сторону Остенде — в сторону города, известного своими казино.

Гамсун поставил себе целью не сдаваться до тех пор, пока не достигнет той цели, ради которой приехал: стать экономически независимым от Берлиот и тем самым выкупить свою свободу.

Вскоре он вынужден просить помощи у своего друга по Гельсингфорсу Венцеля Хагельстама: «Боже милостивый, что мне делать, Хагельстам? Вернуться домой я не могу. Ты не представляешь, что я пережил, и теперь пребываю в полном отчаянии»[151].

Он просит своего финского друга мобилизовать своих богатых друзей, чтобы помочь ему достать деньги, он потерял целое состояние — 13 тысяч франков. «Я — человек честный и все заплачу сполна, прости, что прошу о столь большем одолжении».

Вскоре он умоляет также и Берлиот о прощении, но не говорит ей, какую сумму проиграл, и получает от нее телеграфный перевод. «О Боже, это самые ужасные недели в моей жизни, за исключением того года перед нашей с тобой свадьбой.

Я сейчас стал просто кожа да кости, щеки ввалились, остались одни глаза. Но теперь уже все изменилось к лучшему. Боже благослови тебя, Берлиот, ты всегда была так добра ко мне»[152]. Однако она не должна ожидать его домой скоро, он попытает счастья в другом казино, на юге Бельгии, в Намуре.

Здесь он получает письмо от Берлиот. Она спрашивает, проиграл ли он всю сумму, взятую им из банка. Он это отрицает и доверительно пишет своему финскому другу Хагельстаму: «Берлиот на удивление великодушна. О Боже, лучше бы она ругала меня, обзывала последней собакой. Конечно же, я не какой-нибудь негодяй, но я человек неуравновешенный, у меня есть склонность к невоздержанности», — признается он[153].

В результате усилий со стороны Хагельстама, сумевшего организовать целую кампанию по сбору средств в пользу Гамсуна, тот получил требуемую сумму, но отнюдь не направился домой, дабы поправить финансовые дела жены. Ведь его целью было выиграть столько денег, чтобы получить экономическую независимость от Берлиот, которая позволит развестись с ней. А посему и деньги, полученные из Финляндии, он использовал для азартной игры. Скоро и от них у него осталось всего лишь несколько франков. Его противник слишком силен, и вскоре он жалуется на него своей жене, которую он едва не разорил. «Наш замечательный Отец небесный свой безграничной милостью вверг меня в ужасную нищету, а теперь смотрит на меня и потирает руки от удовольствия. Я множество раз обращался к Нему, молил Его, стоя на коленях на улицах в Остенде, кажется, в течение месяца целые пять недель. И ведь Он слышал меня, как обычно слышит всех, кто обращается к Нему. Теперь всю свою оставшуюся жизнь я буду плевать Ему в рожу. Он сам вверг меня в подобное умонастроение, пусть теперь и расхлебывает»[154].

После прочтения этого у Берлиот не должно было бы остаться ни малейшего сомнения, что она замужем за персонажем «Голода». Но самым ужасным, вероятно, было продолжение письма, то место, где он умолял ее приехать, чтобы вместе с ним играть в рулетку. Всего на пару недель. «Ведь тут дело такое, если я поставлю более 20 франков, то уже через семь минут они могут легко превратиться в 100 тысяч франков», — соблазнял он ее[155].

Погода становилась все более холодной, Гамсун надевал на себя сразу несколько свитеров, так как летнее пальто совсем не грело, а подошвы ботинок совсем протерлись. Берлиот выслала ему денег на дорогу, но он боялся, что во время путешествия по морю столкнется с ее братом — моряком. В конце октября, намекая на возможное самоубийство, он посылает ей прощальное

письмо из Антверпена. Письмо было отправлено на новый адрес Берлиот и здесь ожидало ее. «Дорогая Берлиот, я нахожусь на борту парохода и больше не сойду на берег. Прощай. Пусть благословит тебя Господь. Спасибо за все. Твой Кнут»[156].

Но нет, Гамсун не покончил с собой. Более того, он сотворил новую жизнь. Требовала ли жена, чтобы он вернул ей деньги? Может быть, таким образом он отдавал ей свой долг? Во всяком случае, именно тогда, вскоре после возвращения домой незадачливого игрока, она забеременела.

Он начал интенсивно работать, с тем чтобы создать еще один сборник новелл, а также тоненький, но многообещающий сборник стихов, и кроме того, том статей и путевых заметок — в него должна была войти и его стихотворная драма, что должно было изменить его финансовое положение. Разным издателям он задавал один и тот же вопрос: «Разве это не лучшее, что создал автор „Голода“, „Мистерий“, „Пана“ и „Виктории“?»

В середине своей беременности Берлиот пришлось пережить еще один переезд. Как раз тогда ей исполнилось двадцать девять лет. Теперь они начинали жить, как и подобает приличному семейству. Они сняли весь первый этаж двухэтажной виллы в хорошем районе, перед домом был сад, который отгораживал их жилище от улицы.

Несмотря на все это, Гамсун продолжал по большей части обитать в загородных пансионах, то в одном, то в другом, их было так много вокруг столицы.

В июне 1902 года он закончил свою драму в стихах, над которой работал в течение трех с половиной лет. Она была задумана как трилогия. В первой части он хотел изобразить восстание против Бога, в следующей — раскаяние, а в конце — обращение к вере[157]. Он назвал ее «Мункен Венд». Она не только по названию напоминала ибсеновского «Пера Гюнта». Главный герой говорит о себе так:

> Хотя священником я, собственно, быть должен,
> Нет, Дюре, видишь ли, я выродок какой-то,
> Должно, родился с волчьей кровью в жилах,
> И волчий нрав себя дает, конечно, знать.
>
> *[2; V:358]*

Но у Гамсуна нет образа подобной нежной и верной Сольвейг. Герой проводит жизнь в кутежах и попойках, преданный женщиной. На теле покойного находят бумажник, в

котором лежит документ с королевской печатью — свидетельство того, что свою вину он искупил.

После того как Гамсун незадолго до Иванова дня провел несколько дней вместе с Берлиот, ощутил, как шевелится семимесячный плод, возможно, ему стало казаться, что он полностью искупил свою вину.

Так что он снял с банковского счета Берлиот остатки денег и отправился в Бельгию играть в рулетку, откуда опять начали доноситься его мольбы о помощи.

Он понял, что теперь, когда он проиграл остатки состояния своей жены, впереди его ждет унижение, лишение дееспособности и наказание. Но тут он начал тешить себя иллюзиями, что на этот раз ему хоть в чем-то повезло. Когда он находился в Антверпене, то в одной антикварной лавке его внимание привлекла картина, продававшаяся по вполне умеренной цене. Чем более внимательно он рассматривал подпись художника, тем более он убеждался, что под картиной стоит подпись Гойи. Вдохновленный этим обстоятельством, Гамсун проявил интерес к сюжету картины. Это было распятие Христа, со святым Франциском у подножия креста. Гойя! Теперь он вернется домой, привезя жене и ребенку целое состояние, убеждал он себя.

15 августа 1902 года Кнут Гамсун стал отцом. Он предложил назвать дочь Викторией. Состояние матери и ребенка было вполне хорошим. Как это ни удивительно, также на редкость хорошим было и состояние отца ребенка. У Гамсуна был порыв вдохновения, ему писалось легче, чем когда бы то ни было, находился он по большей части в загородных пансионах, его нервы не выдерживали крика малышки. У него был Гойя. И он пытался убедить «Гюльдендаль» дать ему аванс за будущие книги — двадцать пять тысяч крон. В те времена этого было достаточно, чтобы содержать всех сирот Кристиании. На эту сумму можно было бы также арендовать вполне просторную квартиру в течение тридцати лет. Но Гамсун уверял, что деньги ему нужны только для одного — восстановить финансовое состояние жены и тем самым превратиться из несчастного женатого поэта во вновь одинокого, но весьма творчески продуктивного.

Якоб Хегель, сотрудник копенгагенского отделения «Гюльдендаля», отказался, ведь он видел, как плохо продаются книги Гамсуна, кроме того, был наслышан о расточительстве последнего и об огромном числе его кредиторов[158].

Тем не менее издатель все же протянул ему руку помощи. Он издал «Мункена Венда» тиражом в 2500 экземпляров, хотя ему прекрасно было известно, что книги с текстами пьес продавались только тогда, когда их автором был Ибсен.

Драма Гамсуна в стихах была тепло принята рецензентами, но никто не говорил, что это гениальное произведение. Он испытал глубокое разочарование.

А Гойя оказался совсем не Гойей, как говорили все, кто смотрел на эту картину.

Ему ничего не оставалось, как обратиться к Альберту Лангену. Не мог ли немец мобилизовать своих друзей, если ему самому не удастся найти требуемую сумму? Ланген обратился к трем друзьям, конечно же, ничего из этого не вышло, и он попытался Гамсуна утешить: «Разве Ваше положение и впрямь так ужасно? Подумаешь, поэт проигрался в какую-то азартную игру. Вы же не офицер, который может лишиться чести и звания, если не вернет карточный долг! Да, Вы были легкомысленны, но ведь у Вас зато есть талант, гениальные способности»[159].

То, что Ланген, прося о помощи Гамсуну, рассказывал о его тяжелом экономическом положении и его плохом душевном состоянии, породило различные слухи. Немецкие газеты вскоре начали писать, что норвежский писатель бесследно исчез, эти сообщения, в свою очередь, были подхвачены норвежскими газетами, вскоре распространились слухи, что Кнут Гамсун покончил с собой.

Перед Рождеством 1902 года Гамсун счел необходимым опровергнуть эти слухи с помощью официального заявления через телеграфного бюро. А дело было в том, что Гамсуна положили в больницу: у него был анальный зуд, который периодически в течение многих лет беспокоил его, позднее у него развился кровоточащий геморрой. Таким образом, у него была вполне законная причина отказаться от участия в юбилейных торжествах по случаю семидесятилетия Бьёрнсона.

Бьёрнсон был очень заинтересован в издании сборника приветствий, где и Гамсун также должен был выступить со стихотворным поздравлением.

Бьёрнсон даже навестил его в больнице.

Визит Бьёрнсона, этого подлинного хёвдинга{38} на ниве норвежской словесности, укрепил дух Гамсуна. Чуть позднее он послал рождественское поздравление в «Гюльдендаль», в котором, между прочим, также говорилось, что некоторым его недоброжелателям в стане рецензентов скоро будет трудно его игнорировать. «Сталь моего творчества я раскалю докрасна», — писал он[160].

Накануне Рождества его выписали. С гордостью он рассказывал всем о том, как однажды его малышка Виктория срыгнула и стала захлебываться, а он ее спас. А когда она болела, то он прижимал ее к своей голой груди, чтобы дать ей, как он

выражался, живое тепло. Чтобы сделать ему приятное, Берлиот повсюду рассказывала о подвиге своего мужа.

Тремя неделями позднее, в начале 1903 года, ему предстояла новая операция. Боли в пикантном месте были тем не менее не самым плохим обстоятельством его жизни. Лежа на животе, со стенаниями он поведал о своих печалях Бьёрнсону, который теперь узнал все о его поездках с целью игры в рулетку, и о том, что он проиграл все деньги, которые были на счету его жены, — двадцать пять тысяч, и о том, что он еще задолжал некую сумму финским друзьям.

Не мог ли Бьёрнсон употребить свое влияние на их общего издателя в Копенгагене?

И тот попытался помочь. Молодой Хегель знал, что Бьёрнсону в свое время удалось уговорить два поколения норвежских писателей — во главе с Ибсеном — начать публиковать свои книги в «Гюльдендале». Теперь Бьёрнсон намекнул Хегелю о якобы существующей угрозе со стороны Гамсуна — поспособствовать созданию негативного отношения к издательству, так что оно перестанет быть главным в Норвегии. Хегель осознавал факт укрепления авторитета Гамсуна в среде коллег, ведь на 1903 год его избрали председателем Союза писателей (после того как он перед этим не захотел занимать этот пост, из-за того что ранее Союз писателей дважды отказывал ему в приеме). В конце концов Хегель и Гамсун пришли к соглашению[161].

Сумма на счету Берлиот была наконец восстановлена. Однако в целом его финансовое положение было удручающим — так, согласно новому договору, все авансы и гонорары Гамсуну должны были уменьшиться, кроме того, он обязан был вернуть долг финнам. Прежде чем договор был подписан, он стал настойчиво требовать у «Гюльдендаль» увеличить процент отчислений. «Неужели лишь мой достаточно молодой возраст является препятствием для этого?» — с иезуитской улыбкой вопрошал он.

В марте 1903 года Ибсену исполнилось семьдесят пять лет. При этом никому, конечно же, не приходила в голову безумная мысль, что Гамсун, который в последние пятнадцать лет постоянно оскорблял всемирно известного драматурга, вдруг опубликует какое-то приветствие в юбилейном сборнике. Но при этом никто даже не мог представить, что к юбилею Ибсена выйдет в свет книга, в которой Гамсун еще раз бросит камень в сторону своего собрата по перу. И все же такое случилось. Вот что говорится об Ибсене в книге «В сказочном царстве»: «Хенрик

Ибсен в своей игре дошел до того, что много лет подряд сидел с выражением сфинкса в одном и том же мюнхенском кафе за одним и тем же столиком, в одно и то же время дня. И потом, куда бы он ни приехал, ему приходилось продолжать эту игру, он был вынужден сидеть на глазах у публики в одном и том же месте, в одно и то же время. Люди ждали этого от него. Может быть, порой ему было невыносимо, но у него хватало сил это выдержать. Оба они — очень сильные личности и Ибсен, и Толстой <…>, но все-таки, будь они чуть более велики, они, наверное, не относились бы к себе так серьезно. И первые посмеялись бы над своей долголетней игрой» [10: 109]. Повсюду писали и говорили об Ибсене, его персонажи заполонили все европейские сцены. И при этом ни один режиссер ни в Норвегии, ни в другой скандинавской стране не изъявил желания поставить «Мункена Венда». Интерес к трилогии о Карено оказался отнюдь не таков, как ожидал Гамсун. Он понял, что ему следует отложить в сторону, если не насовсем, и создание другой драматической трилогии, первая часть которой уже была написана. Но при этом он не оставлял идеи написать такую пьесу, которая принесет ему большой коммерческий успех и вознесет его имя так, что его слава превысит славу Ибсена.

Параллельно с попытками осмыслить свои семейные отношения поздней зимой и осенью 1903 года он работает над новым драматическим произведением, пьесой «Царица Тамара», главным героем которой является правитель Грузии князь Георгий{39}.

Пьесу предваряет стихотворение об опасном любовном растении, корне мандрагоры, что растет:

Средь терний у каменистых круч,
Где серны теряется след,
Посеян звездою, блеснувшей меж туч,
И дьявольским вздохом согрет.

[3; VI: 210]

Никто в этом царстве не совершил столь великих деяний, как князь Георгий, и все же он унижен, подчинен своей жене, так как она обладает экономической и политической властью, которой у него нет. Он совершает дурные поступки, предает ее, а потом просит прощения, для того чтобы испытать новое унижение. В конце концов он терпит поражение, но силы судьбы играют свою вечную игру, и на этот раз в его пользу. Любовь делает князя

повелителем своей любимой супруги, царицы Тамары.

Когда Гамсун творил, он не переставал верить в силу любви. У самого же Гамсуна на душе было мрачно, как он поведал Бьёрнсону, и потому отказался от его предложения пожить летом вместе с Берлиот у него в Аулестаде. Ведь в таком щепетильном деле даже Бьёрнсон был бессилен.

На пути к разрыву унии и краху супружества

Ничто не изменилось в отношениях между двумя супругами после того, как Гамсун компенсировал растраченные деньги и сумма на счету Берлиот была вновь восстановлена. Гамсун по-прежнему весело проводил время, совсем мало писал и редко ночевал дома с женой и ребенком.

Незадолго до Пасхи 1903 года Гамсун получил стипендию и покинул Норвегию. Он вновь направился в Копенгаген. В городе было полно его знакомых, сам он был полон отвращения к самому себе. Да, неподходящее умонастроение для нервов и кошелька.

Когда три месяца спустя он подумал о том, что ему следует все же посетить жену и ребенка, то обнаружил, что уже спустил всю стипендию. Ему пришлось опять, как и прежде, закладывать свои вещи.

Когда он вернулся на родину, то попал в накаленную политическую атмосферу.

Угрожая военной силой, шведы в 1895 году поставили норвежских политиков на колени. В народе нарастала неприязнь по отношению к шведам, которая подпитывалась событиями, происходившими во многих европейских странах. Отказ стортинга использовать флаг унии стал важным шагом на пути завоевания независимости от Швеции, наряду с установкой памятников норвежским национальным героям, спусканием на воду броненосцев, открытием оружейных фабрик и строительством новых крепостей.

Гамсун с ухмылкой встречал те компромиссные предложения, которые выставляли друг другу представители и норвежской, и шведской сторон. Бьёрнсон по-иному смотрел на сложившуюся ситуацию. Он бросился в борьбу на стороне унии.

И тут почти одновременно с этими событиями грянула сенсация: шведы дали Бьёрнсону Нобелевскую премию. А тому и в голову не пришло вежливо отказаться, так что в декабре он отправился в Стокгольм и получил ее, к негодованию Гамсуна и

многих других, которые сочли его предателем. «Это просто свинство — продаться шведам за 140 тысяч крон, ему, человеку, которому уже семьдесят один год. Я мог бы пойти на такое, все его дети могли бы пойти на такое, они ведь всего-навсего малыши, а вот он не мог, ему не позволительно, он гигант, связанный своим прошлым, славным прошлым»[162]. Худшим норвежским кандидатом на Нобелевскую премию, по мнению Гамсуна, мог быть только Ибсен.

В конце 1903 года Гамсуну удалось издать третью книгу, после того как в марте были изданы его путевые заметки и в сентябре — пьеса «Царица Тамара». «Подлесок» вышел в свет перед Рождеством. Это был старый материал, отчасти дополненный.

Рецензии на его произведения становились все более и более благожелательными. Но более всего он был заинтересован в благосклонности театральных деятелей — ради постановки своих пьес, что могло бы принести ему те доходы, о которых он мечтал. Только через семь лет после предварительной премьеры в Кристиании оказалось, что его пьеса «У врат царства» была принята к постановке в Бергене, а также на второстепенных театральных площадках Стокгольма, Мюнхена и Берлина. Интерес публики был соответствующим. В январе 1905 года состоялась премьера «Царицы Тамары» в Национальном театре. Наконец он пробился на главную норвежскую сцену. Мнения критиков разделились, некоторые сочли постановку очень поверхностной. Сам драматург счел, что в спектакле было чересчур много мишурного блеска, внешних эффектов, барабанного боя, какой-то пустой суеты.

Супруги занялись переговорами, напоминающими торговлю. Она согласна, чтобы он уехал за границу еще на год, если он разрешит ей заниматься тем, что она считала для себя все более важным. На этот раз Берлиот не даст себя провести. Она решила начать заниматься на годичных акушерских курсах в столице. Это означало, что ей надо жить в Кристиании. На выходные дни она будет приезжать в соседний город Лиллестрём к своей тете, вдове аптекаря, у которой и будет жить все это время маленькая Виктория.

Гамсун с отвращением говорил об акушерских курсах как о некой причуде со стороны Берлиот. Не может быть и речи о том, чтобы когда-либо использовать полученные там знания и навыки. Он не допустит кривотолков о том, что не в состоянии обеспечивать свою семью.

Под ее давлением он согласился с ее планами, но предложил для начала переехать за город, чтобы пожить там до того, как она начнет заниматься в акушерской школе, а он отправится в Данию. Он обещал, что у них будет свой дом. Они выбрали местечко Дрёбак, приблизительно в тридцати километрах южнее Кристиании, там, где они первый раз снимали квартиру. Именно тогда, в самом начале своего романа, они осматривали множество домиков в разных местах вокруг столицы.

После того как Гамсун проиграл состояние жены, они уже не могли мечтать о домике в лесу. А могли лишь рассчитывать на квартиру с полугодовым контрактом аренды. И только после заключения договора с «Гюльдендалем», когда на счету у Берлиот была восстановлена прежняя сумма, они снова стали это обсуждать.

Он постоянно страдал от безденежья и пытался занять денег в связи с выходом в свет нового поэтического сборника «Дикий хор». Рецензии были вполне одобрительные, но это не было триумфом.

Ему исполнилось сорок пять, он собирал вещи, ожидая новой поездки в Копенгаген. В течение года он лгал себе.

Он попробовал жить в Хорнбеке, на северном побережье Зеландии, с тем чтобы избежать соблазнов, которые предлагала датская столица. Но осенью 1904-го ему это удалось лишь частично. Ведь до Копенгагена было всего два часа езды на местном поезде.

Его выходки становились все более экстравагантными. Он все время попадал в какие-то истории. Некоторые ядовито шептали, что Гамсун искушает Всевышнего, находились и те, кто утверждал, что он стал жертвой собственной фантазии и пошел по пути своего персонажа, неврастеника Нагеля, героя «Мистерий».

Однажды во время веселой вечеринки он буквально навязал свои золотые часы в подарок жене своего любимого датского поэта Хольгера Драхмана. Через день он пожалел об этом, и ему пришлось через одну свою знакомую просить эти часы обратно, пообещав, что одна из дочерей норвежского государственного прокурора, получит взамен другие, вместе с брошкой.

Как-то поздним вечером в кафе «Бернина» он заливал свою горечь по поводу порочности своего времени, а потом вдруг замолчал, пристально наблюдая за немолодой изможденной женщиной, работающей за буфетной стойкой. Когда он заговорил вновь, тон его стал совсем иным. Вот они сидят здесь и беззаботно поглощают еду и напитки, и наверное, уже просадили,

по крайней мере, в десять раз больше, чем зарабатывает эта буфетчица, и разве не удивительно, что она выглядит такой унылой и подавленной? Она заслужила цветы! Надо засыпать ее буфетную стойку розами[163].

Собутыльники Гамсуна возразили, что все равно все цветочные магазины закрыты. Хотя кто-то напомнил, что в «Тиволи» цветы продают и теперь. Гамсун вышел, позвал извозчика и дал ему денег на цветы. Не прошло и четверти часа, как извозчик постучал в окно, Гамсун выглянул, и в его руках оказалась огромная охапка роз. Гамсун подошел к буфетной стойке, протянул женщине цветы и сказал, что это ей. После этого, отвесив глубокий поклон, удалился.

А однажды вечером Гамсуну вдруг захотелось нанести визит Йоханнесу Йенсену{40}. Как известно, этот датчанин на редкость молчалив, пугающе немногословен, никогда не смеется. И тем не менее они с Гамсуном испытывают друг к другу удивительную симпатию. И вот Гамсун появляется в квартирке Йенсена и начинает произносить монолог в честь своего уважаемого коллеги[164]. Через некоторое время он замолкает и начинает оглядываться по сторонам. Его взгляд останавливается на изразцовой печке. Он бросается к ней. Оценив ее прочность, Гамсун замахивается правой рукой и наносит сильный прицельный удар, печка с грохотом раскалывается надвое, и из нее с шумом высыпаются угли и зола. Гамсун начинает смущенно собирать все это совком. Тут наконец Йенсен перехватывает его взгляд и говорит, что с пожаром или без пожара он всегда рад Гамсуну.

У Йенсена было много возможностей наблюдать поведение своего непредсказуемого собрата по перу. Вскоре его впечатления превращаются в стихи, где он описывает фантастическую причудливость характера кутилы Гамсуна, его безудержность, искренность, жажду жизни, юмор и теплоту и глубокую неприкаянность[165].

Нечто подобное отметил и Хольгер Драхман в стихотворении, посвященном Кнуту Гамсуну: «В лесной чащобе рыдало дитя».

В то время как Гамсун и другие норвежцы бражничали в Копенгагене, в Кристиании произошло землетрясение. В воскресенье 1904 года был толчок, который по шкале Рихтера оценивался в 5,5 балла. Некоторые сочли это предзнаменованием тех потрясений, которые ожидают норвежско-шведскую унию. Весной норвежское правительство представило подробно разработанное предложение, касающееся учреждения собственного независимого консульства. С начала лета и до осени политики и рядовые норвежцы находились в состоянии

напряженного ожидания шведской реакции. Доходили слухи, что правящие круги Швеции не могут прийти к единому мнению, не было согласия ни в правительстве, ни в рикстаге. Сообщалось, что шведский кронпринц Густав заставил больного Оскара II проявить большую твердость в отношении норвежцев.

Зимой, незадолго до Рождества, Гамсун выступил с резкими нападками в адрес самого известного ярого сторонника союза со Швецией — Бьёрнсона: «Вы состарились, мастер, вот в чем все дело. Но Вы не признаетесь себе в этом! <…> Когда-то Вы зажгли свет, а теперь гасите его. Вы совершили великие деяния, но теперь Вы разрушаете их. В течение 70 лет Вы были на одной стороне, а теперь, на семьдесят первом году, вдруг обнаружили, что должны быть на другой. Старикам всегда кажется, что с возрастом они становятся все мудрее, на самом же деле они становятся все глупее. Старость — это глупость, воображающая себя мудростью». Так глумился он над Бьёрнсоном в газетной статье[166].

Эти слова цитировались целым рядом газет, большинство было на стороне Гамсуна, в том числе его поддержал известный норвежский композитор Эдвард Григ.

При этом сам Гамсун продолжал пьянствовать, едва ли не каждый день намереваясь взять себя в руки. В одну из таких минут он написал письмо товарищу, в котором признался, что кутил в течение семи недель, мотаясь как маятник между Хорнбеком и столицей. Но теперь пора с этим покончить! Он залез в долги, ощущает внутреннюю фальшь, натворил много безрассудств. «Все это просто-таки свинство», — заключает он[167].

Это было 12 декабря 1904 года.

Во время адвента{41} в одном из ресторанов Копенгагена у Гамсуна было назначено свидание с писательницей Рагнхильд Йольсен{42}, с которой он раньше флиртовал в письмах. В его воображении она предстает высокой и стройной, с волосами как у Клеопатры и тонкими руками. «Я уверен, что в Ваших глазах, губах, походке есть что-то колдовское», — писал он ей[168]. Ему нужно успеть сесть на поезд из столицы, чтобы доехать до Хорнбека, объясняет он ей. «Но, право, если же я буду сидеть в кафе рядом с Вами, в освещенном зале, где звучит музыка, то я, вероятно, потеряю голову. Не знаю. Спокойной ночи, дитя. По возрасту я бы мог быть Вашим отцом», — кокетничает сорокапятилетний мужчина.

У писательницы Рагнхильд Йольсен был жених, который мог бы составить конкуренцию Гамсуну. Но в этот

предрождественский вечер у него конкурентов не было. Были только Рагнхильд Йольсен и он.

Ей было двадцать восемь, и она издала уже свой второй роман, «Рикка Ганн», о необыкновенной женщине, готовой пожертвовать всем ради своей семьи. Рагнхильд была дочерью норвежского землевладельца, вынужденного продать свое имение, которым владел их род в течение трехсот лет.

Они сидели в ресторане, и в сознании Гамсуна она предстала как самая настоящая Виктория, дочь владельца замка. Но только Гамсун уже не неуклюжий Юханнес, герой «Виктории», который выбирает творчество, вместо того чтобы взять то, что ему предлагает жизнь. Нет, он уже совсем не тот. И писатель он уже не тот.

А на следующее утро он уже был не тот супруг Берлиот, что прежде[169].

По мере того как он отдалялся от той женщины, которой он добивался и которую получил, он стал отдаляться от своих персонажей. Если раньше он стремился вложить в их уста свои слова и свою боль, то теперь он обратился к самоиронии. Он начинает использовать новые художественные средства и обнаруживает, что таким образом он может занять более удобную позицию по отношению к своим персонажам. Ведь чем больше отстраненность автора от своих героев, тем меньше необходимость прослеживать каждый их шаг, подробно разрабатывать причудливые варианты их поведения, процесс их создания оказывается все менее болезненным. Лукавство и ирония становятся все более ощутимыми в творчестве Гамсуна.

Он поражен, насколько быстро можно сочинять книги, стоит только взять на вооружение всепроникающую ироническую дистанцию. Свой новый роман «Мечтатели» он написал всего за два месяца, и он вышел в свет к Рождеству 1904 года. Правда, он на треть короче «Пана» и на одну пятую короче «Виктории».

Процесс творчества не был легким для Гамсуна. А вот ирония обеспечивала определенную дистанцию, перспективу общего обозрения, она давала ему возможность видеть своих героев как на ладони. В «Мечтателях» их было достаточно много. Экономка Мария фон Лоос. Телеграфист, удалой парень, изобретатель и сердцеед Уве Роландсен. Дочь звонаря Ольга с глазами «как звездочки-близнецы», Смиренный Енок, голова которого почти всегда обвязана полотенцем, и его вечный недруг Левион, который и отвертел ему ухо, Рагна, девушки с фабрики рыбьего клея, принадлежащей купцу Маку из Розенгорда, брату Мака из

Сирилунда из «Пана». Его дочь Элиза высокая, красивая и загорелая.

Гамсун описывает весну в Нурланне, весну, которая пробуждает все живое и сводит всех с ума… Сюда приезжает молодая бездетная жена священника, непостижимо легкомысленная по своей природе, она смущает своим взглядом Роландсена, а ночью он поет под ее окном так, что ее бросает в жар.

Уве Роландсен также отпускает разные двусмысленные шуточки в разговорах и с дочерью звонаря, и с самой недоступной Элизой Мак, заставляя краснеть и ту, и другую. Роландсен берет на себя кражу у Мака, для того чтобы получить денежное вознаграждение. Эти деньги давали ему возможность закончить эксперименты, связанные с его великим изобретением — изобретением нового состава рыбьего клея. Уже к осени потерявший работу Роландсен тем самым получает в руки такой козырь, что может предъявить местному царьку ультиматум. Все выходит, как хочет главный герой: дочь Мака достается ему. В «Пане» все складывается плохо для Глана в Сирилунде, а в «Мечтателях» все заканчивается хорошо для Роландсена в Розенгорде.

Даже самые малозначащие поступки героя, обусловленные неразделенным чувством, описываются очень осторожно, бережно, с безопасного расстояния.

В романе одерживает победу земное, прагматическое.

Телеграфист Роландсен целиком и полностью кузнец своего счастья. Гамсун щедро награждает его изобретательность, бесстрашие, дерзость и неизменное жизнелюбие.

Идея написания романа «Мечтатели» принадлежит литературному директору «Гюльдендаля» Петеру Нансену. Издатель был обеспокоен явным творческим кризисом писателя, ведь свой последний роман «Виктория» он написал шесть лет назад. Пьесы, а также наспех составленные сборники стихов принесли не так уж много популярности и денег. И вот Нансен предложил Гамсуну написать историю для популярной серии «Скандинавская библиотека», и тогда тот отложил в сторону свои наброски к комедии, которой занимался. Издатель соблазнял Гамсуна многочисленными читателями, гонораром в двести крон и небольшим объемом ожидаемой книги, максимум сто страниц. Всего лишь вдвое длиннее новеллы. Книга должна быть такой, чтобы ее можно было использовать для домашнего чтения, она не должна никого задевать или обижать, то есть его будущее детище должно относиться к тому типу литературы, о котором Гамсун

ранее высказался с таким отвращением.

Петер Нансен не зря обещал ему широкое читательское признание — так оно и получилось, хотя некоторые рецензенты придерживались иного мнения. Свен Ланге из «Политикен» строго заключил: «И персонажи, и события в книге — это перепевы, хотя искрящаяся ирония, остроумие и особое очарование самого повествования трогают сердца читателей». Сам автор сожалел о том, что очерченные издательством рамки семейного чтения не дали ему возможность развить тему соблазнения Роландсеном пасторской жены[170].

В феврале 1905 года Гамсун вернулся на родину. После возвращения он пьянствовал целую неделю в Кристиании, а потом поселился в отеле в Дрёбаке. Прошло уже почти полгода, а супруги, у которых уже был ребенок, все еще только пытались наладить подобающую совместную семейную жизнь. Его не оставляла мысль, что это возможно, хотя ситуация была неподходящая как никогда. Ведь он изменил своей жене.

«…Я был в депрессии в течение четырех лет. Потом я получил государственную стипендию и должен был ехать за границу, она же захотела быть самостоятельной и начала заниматься своими делами, вместо того чтобы заниматься нашими общими. И вот это случилось. Я не обманывал никого — кроме самого себя. И это самое ужасное. Не было уже любви, нежности, только крушение всего. Хотелось просто наплевать на все. Но, собственно говоря, так происходит во многих семьях, где состоят в законном браке, в котором нет любви, только пустота. И мне так хотелось бежать прочь от всего этого, даже без каких-то хороших слов и прощального поцелуя», — признавался он позднее своей второй жене Марии[171].

Держать дистанцию в творчестве оказалось весьма продуктивным. В супружестве такой подход привел к краху.

Мечта о домике в лесу

Подобно Нагелю, мечтавшему спрятаться вместе с Мартой в домике среди леса, Кнут Гамсун начал думать о своем доме на краю леса, чуть поодаль от густонаселенного района Дрёбака. В начале лета 1905 года он приступает к разработке подробных чертежей для строителей. Дом будет в имперском стиле с наклонной крышей и эркерами. Вход с лестницей по собственному эскизу, которой он так гордился, кухня, столовая и гостиная с окнами на фьорд. На втором этаже — комнаты

Берлиот и Виктории, его собственная комната, а также помещение для горничных[172].

Флигель с дровяным сараем, дорожный каток, пивоварня, туалет и мастерская. Участок земли в семь молов{43} первоначально стоил 2500 крон, а торговаться Гамсун не любил[173].

Гамсун строил свой дом. Норвегия в это время готовилась к войне, надеясь при этом на мирный разрыв унии со Швецией, унии, которая длилась в течение девяносто одного года. Переговоры были прерваны. Гамсун встал в связи с этим на крайне радикальную позицию. Он написал воинственные стихи в столичную газету и записался в стрелковую секцию.

Седьмого июня 1905 года стортинг принял однозначное решение о разрыве унии со Швецией. В августе восемьдесят пять процентов всех имеющих право голоса норвежцев направились к избирательным урнам. Из них 368 392 желали разорвать норвежско-шведский союз. Против — только 184 голоса. Кроме того, женщины, у которых еще не было избирательного права, собрали более 250 тысяч подписей в поддержку расторжения. Стремление молодой нации к независимости нашло понимание в Европе.

Вскоре шведы и норвежцы сели за стол переговоров. Противоречия были серьезные по многим пунктам. Через неделю переговоры зашли в тупик. В сентябре они возобновились, а норвежское правительство провело частичную мобилизацию.

По другую сторону границы шли военные приготовления, а некоторые представители шведской прессы вовсю разжигали великодержавные амбиции. Но Англия не была заинтересована в этой войне и обещала помочь Швеции в переговорах. Статьи Фритьофа Нансена в английской «Таймс» способствовали пониманию норвежской позиции, хотя в той же самой газете известный исследователь Свен Хедин{44} выступил с резкими возражениями.

И все же поздней осенью стороны пришли наконец к соглашению.

Теперь норвежцам предстояло выбрать форму государственного устройства своей страны. Все имеющие право голоса уже во второй раз за три месяца отправились к избирательным урнам. На этот раз такого полного единства в народе не было. В некоторых частях страны были сильны позиции республиканцев, но они были в явном меньшинстве, их оказалось 70 тысяч против 260 тысяч сторонников монархии. Многие проголосовали за кандидатуру датского принца Карла, в надежде, что его родственные связи с другими королевскими домами

помогут гарантировать Норвегии безопасность в трудные времена. Особую симпатию вызвало требование датского принца провести референдум, прежде чем он даст свое согласие на предложение стортинга. Кроме того, у него уже был наследник.

В ноябре 1905 года в столицу Норвегии прибыл единственный в Европе король, избранный народным голосованием. Ему было присвоено имя Хокона VII, у него был двухлетний сын Александр, который получил имя Улафа, в то время как супруга Карла, английская принцесса Мод, сохранила свое имя.

В это время Гамсун готовился к переезду в новый дом. Все оказалось дороже, нежели он предполагал. Окончательная сумма составила ровно 9931 крону 70 эре. Достать деньги было страшно трудно, хотя предыдущий год отнюдь не был плох в финансовом отношении. Книга «В сказочной стране» вышла на немецком, вместе с «Мункеном Вендом» и «Вечерней зарей», в то время как «Пан» и «Виктория» были изданы в России, а «Мечтатели» — в Швеции. Но при этом он промотал значительную часть денег, предназначавшихся на строительство дома.

По возвращении домой, с конца февраля 1905 года, он написал несколько новых новелл и переработал старые, написал также несколько стихотворений, которые были опубликованы в газетах и журналах ряда стран. В мае он передал издателям новый сборник новелл, названных им «Борющаяся жизнь». Кое-что из этого было переведено на немецкий язык и опубликовано. В Мюнхене Альберт Ланген, в соответствии со своей фамилией — «длинный», предоставил Гамсуну сумму, которая записывалась длинным рядом цифр, — несколько тысяч марок. Но основную часть денег на строительство дома он получил в долг от копенгагенского «Гюльдендаль».

Гарантией для издателей послужил тот факт, что Гамсун в то время работал одновременно над двумя романами. В одном из них он намеревался продолжить описание народной жизни в том же ключе, что и в «Мечтателях». Другой роман — повествование от первого лица, но тоже как бы с некой долей отстраненности, ведь в последнее время он именно в такой манере и писал.

Он назвал их дом Маурбаккен — Муравьиный холм. Подходящее место, чтобы набираться жизненной мудрости и стареть.

За пару недель до Рождества 1905 года они туда въехали. А незадолго до переезда Гамсун признался своему шаферу, что переживает сильный душевный разлад. Жениться вообще не

следует![174]

Желанием вести хозяйство Берлиот отнюдь не отличалась. В «Мечтателях» он изобразил тщетные попытки священника сделать свою жену домовитой, научить ее порядку и рачительности, опираясь на опыт собственной жизни. В тех квартирах, которые они до этого снимали, Гамсун так или иначе чувствовал себя гостем. А этот дом он задумал и спроектировал сам. И вот в него вселяются двое людей. Они не чужие друг другу, но отношения между ними непростые, оба разочарованы. Берлиот все больше боится в чем-то провиниться перед супругом, ведь он то и дело впадает в ярость. Это просто невыносимо для нее, и вот она берет на себя всякую вину, постоянно раскаивается, просит прощения, обещает исправиться. Ведь он, видите ли, сам все эти годы был всегда так беспощаден к себе, и это помогало ему. Он желает добра Берлиот и Виктории, надо просто научиться умеренности в жизни. Терзаемый угрызениями совести, он вновь вернулся к жене и попытался наладить семейную жизнь.

Но это было совсем не то, о чем он мечтал.

В одной из своих рукописей, он пишет о том, как мечтает о жизни в лесу, о том, с какой радостью он мог бы жить в саамской землянке так, как это было на Хамарёе пять лет назад. Разве это жизнь, говорит он воображаемому собеседнику в книге «Последняя радость»: «Теперь ты сказал глупость. Это такая жизнь, о какой ты не имеешь и понятия. Ты живешь в городе, у тебя есть квартира, хорошо меблированная, у тебя много безделушек, картин и книг, но у тебя есть жена и служанка, и у тебя есть множество всевозможных расходов. Ни днем, ни ночью ты не имеешь покоя, потому что ты должен участвовать в общей гонке. А я наслаждаюсь покоем. Что ж, наслаждайся твоей интеллектуальной жизнью, книгами, искусством и газетами! Охотно уступаю также тебе твой кофе и твой виски, от которого я каждый раз чувствую себя нехорошо»[175].

Другой его замысел был связан с созданием образа простодушного парня, рыбака и почтальона Бенони Хартвигсена, живущего в Сирилунде, там, где лейтенант Глан тщетно пытался завоевать Эдварду, дочь могущественного Мака. После удачной сделки с купцом Маком, связанной с продажей сельди, Бенони купил на окна своей квартиры шторы и для себя — прекрасные белые брюки, в которых ходит теперь в церковь.

Таким образом, один из персонажей теперешнего Гамсуна — это писатель, отринувший все то, что было в жизни самого Гамсуна в течение многих лет. В то время как другой его герой живет жизнью, которая очень напоминает его прежнее

существование в Нурланне, около двадцати лет назад.

Перед Рождеством нервы Гамсуна были на пределе. В семье все складывалось отнюдь не лучшим образом. Он активно посещает столичные рестораны. Нещадно сорит деньгами. В это время ему удалось пристроить в журнал фрагмент романа, написанного от первого лица, герой которого отказывается от городской жизни и находит себе пристанище в лесу, а в газету — три первые главы романа о нурланнском парне.

Периоды трезвости становились все короче и короче, он почти не бывал в том «домике в лесу». Он появлялся там только для того, чтобы увидеть дочку. Иногда, боясь встречаться с ней взглядом, он бросает ей резкие слова. А потом, наедине с самим собой, плачет от отчаяния и раскаяния. Однажды его знакомый застал его в таком состоянии, лежащего скрючившись в позе эмбриона на гостиничной кровати. Пришедшему никогда не доводилось видеть, чтобы кто-то так рыдал, будь то взрослый или ребенок.

Он тут же позаботился о том, чтобы Гамсуна поместили в клинику.

Первого марта 1906 года описание этого эпизода в жизни Гамсуна заняло почти целую полосу столичной газеты — то был очерк «В клинике»[176].

> Я лежу один, разглядывая крючки, вбитые в стену, слушаю колокольный звон за оградой, нервы мои напряжены до предела, словом, я лег в клинику. Я беспомощен, и это продлится еще много дней, слава Богу.
>
> Какое блаженство — лишиться воли, но постоянно ощущать где-то рядом присутствие доктора и сестер и еще каких-то добрых людей, все за меня решающих. Так сладостно и уютно мне никогда не было, и я намерен не раз еще вернуться в эту клинику.
>
> В последний понедельник что-то во мне сломалось. Перед этим я много и напряженно работал, до дрожи внутри, а несколько ночей накануне я не спал. Вместе с друзьями я рухнул в кабаки, залитые светом, музыкой и вином, а еще через несколько дней все мое человеческое существо сказало «стоп».
>
> — Что вас беспокоит? — спросил доктор.
>
> — Меня беспокоит то, что в этой гостинице мне не подают топленое молоко. Я хочу на волю, мне здесь не по себе.

— У вас дрожат руки.

— И внутри тоже все дрожит. И мне бы очень хотелось, чтобы эта комната была вдвое меньше, желательно без дверей, и чтобы ни один звук не проникал сюда.

— У вас нервы не в порядке, — сказал доктор.

И я помог ему уложить меня в клинику.

[4: 293–294]

Газета была мгновенно раскуплена, и тут же поползли разные слухи.

Через три дня он послал очерк своему издателю Альберту Лангену, которому доверительно написал: «Мне удалось построить чудесный дом. Строительство только что завершилось. Но тут оказалось, что мой семейный очаг больше не существует Как всё грустно в этом мире. Как Вы считаете, хорошо ли будет для меня пожить в Мюнхене?»[177]

Но в Мюнхен Гамсун не поехал.

Он поселился в пансионе, приблизительно в миле к юго-востоку от столицы. Круг замкнулся. Кажется, именно в таком месте он познакомился с Берлиот около десяти лет назад. Весной 1906 года она подписала бумаги, свидетельствующие о том, что она во второй раз оказалась разведенной женщиной. Формально это не было судебным решением, лишь взаимное соглашение о разводе, но у Берлиот не было иллюзий, что когда-нибудь они снова сойдутся.

Он взял себе Муравьиный холм и все долги. Деньги, вырученные за продажу дома, должны были пойти на покрытие долгов. Та часть имущества, которую она принесла с собой, оставалась за ней.

А как делить ребенка? До восьми лет Виктория должна была оставаться с матерью. Потом дочь должна будет жить с отцом. Если в этот период кто-то из родителей вступит в брак, другой мог немедленно претендовать на то, чтобы ребенок жил с ним. Гамсун должен был выплачивать ежемесячное содержание бывшей жене и дочке[178].

В мае скончался Хенрик Ибсен.

В августе Гамсуну исполнилось сорок семь, хотя для других он был на год моложе. В сентябре и октябре он день и ночь трудился над рукописью того самого романа, который задумал еще в Копенгагене. И вот в конце ноября роман «Под осенней звездой» был опубликован. Гамсун отказался от первоначального названия «Невроз». Замысел во многом трансформировался и в

конце концов реализовался в виде тонкой книжечки, лишь на десять страниц толще «Виктории», сочиненной им во время медового месяца в Вальдресе в 1898 году. Поскольку, как оказалось, Гамсун лгал, когда обещал перед алтарем любить свою жену и в горе и в радости, то ему уже ничего не оставалось как описывать любовь такой, какой она должна быть и какой она была для него около двадцати лет тому назад. И вот Гамсун вновь повествует о любви.

Он пишет об этом не так, как в «Виктории», где любовь сделала из Юханнеса поэта, нет, речь теперь идет о писателе Кнуте Педерсене из Нурланна, мужчине среднего возраста, который лечит свои расшатавшиеся нервы в деревне и успокаивает их, заигрывая с высокогрудой дочерью пастора Элизабет, ее матерью, другими девушками. Но самое важное для него покорить ту, которая «само совершенство вся с головы до ног», Луизу Фалькенберг, жену капитана и хозяйку усадьбы, в которую он нанялся на работу.

Гамсун теперь не боится писать от первого лица. Экзистенциальные аутсайдеры и неуравновешенные личности 1890-х годов уходят в прошлое. Им на смену приходит соблазнитель, уже немолодой человек с усталостью в уголках глаз. Он отнюдь ничем не уступает своим предшественникам из предыдущих произведений Гамсуна.

Он размышляет более, нежели действует сам, часто беседует сам с собой, порой раскаивается в своих поступках. Вот Кнут Педерсен едет вслед за женой капитана в город и там в очередной раз пускается в загул: «Сначала я пил пиво, потом виски. Я выпил целое море виски. Три недели подряд я пьянствовал и топил свою тоску в бесчувствии» [3: 177–178]. Любовь уже не опасна, ею не живут, от нее не умирают. В лучшем случае она способна едва питать творчество.

«Верденс Ганг» восторженно приветствовала выход в свет романа Гамсуна «Под осенней звездой». Автору рецензии не хватало слов, чтобы выразить свое мнение относительно того, насколько бледными и невыразительными выглядели большинство других героев-скитальцев у Гамсуна по сравнению с этим полнокровным — одновременно интеллектуальным и сноровистым — персонажем. В то время как «Моргенбладет» вновь заклеймила его. По мнению газеты, Гамсун уже исписался, а его роман не более чем исповедь пропойцы. Несмотря на такую убийственную критику, еще до Рождества книга была издана тройным тиражом, что было впервые.

Гамсун пожаловался на «Моргенбладет» председателю Союза

писателей. Эта жалоба, собственно говоря, явилась частью плана, который он вынашивал. «Гюльдендаль» наконец решил выпустить собрание сочинений Кнута Гамсуна «Романы, новеллы и очерки». Чтобы обезопасить себя от нападок, которые он получал в свой адрес от консервативных критиков и «Афтенпостен», он решил заранее заручиться поддержкой других рецензентов, тех, кто мог бы выступить с положительной оценкой его творчества в связи с рекламным анонсом выхода в свет его собрания сочинений. Таким образом Гамсун рассчитывал повлиять на общественное мнение.

Ставки в его игре были велики как никогда.

Он был буквально одержим желанием затмить Ибсена. Он требовал для себя лучших условий издания своих произведений, чем были у Ибсена и Бьёрнсона. «Дело в том, что собрания сочинений последних знаменуют завершение их творческого пути, и разница между ними и мной состоит в том, что я нахожусь в расцвете творческих сил и многое у меня еще впереди <…>. Я не дебютант, я работаю как профессиональный писатель уже в течение девятнадцати лет и выпустил девятнадцать книг, которые переведены на шестнадцать языков, меня постоянно переиздают, особенно в Германии и России (правда, от русских издателей я до сей поры не получил ни единого эре). Я постоянно получаю восхищенные письма от почитателей со всего света, включая Латинскую Америку и Австралию, хотя больше всего, конечно же, из европейских стран. А здесь, на родине, меня все еще продолжают издавать теми же тиражами, что и тогда, когда я дебютировал девятнадцать лет назад. Хочется надеяться, что теперь что-то переменится»[179].

В тот же день, когда он подписал новый контракт, он получил сообщение, что в возрасте 82 лет умер его отец.

Прочь из города

Когда весной 1907 года скончался его отец, Гамсун не поехал в свой родной Нурланн, чтобы принять участие в похоронах. При том что он то и дело пускался в рассуждения о том, что мечтает побродить тропами своего детства. И вот повод. У него есть деньги. Добраться от столицы до Нурланна не так уж и трудно: пять суток поездом и пароходом. Такое путешествие могло быть важным для его творчества, ведь он работал над рукописью книги, где действие происходит в Нурланне. Поездка могла бы оживить давние впечатления. Он мог бы увидеться с родней, с

братом, которого не видел уже около тридцати лет. И для его семидесятисемилетней матери стало бы подлинным утешением, если бы ее знаменитый сын принял участие в похоронах.

Вместо этого он принялся готовить текст своего выступления, которое должно было состояться через неделю в норвежском Студенческом обществе. В нем он обрушился на четвертую заповедь о почитании отца и матери. Он заявил, что безоблачное детство — это миф. «Взрослый никогда не может страдать так безгранично и беспредельно, как ребенок. „Счастливое детство“ — насквозь лживая старая выдумка, ни один взрослый не страдает так отчаянно и безнадежно, как дети, на которых любая мелочь производит впечатление. Счастье лишь в том, что дети быстрее забывают, быстрее выходят из страдания, чтобы, едва чему-то порадовавшись, вновь погрузиться в боль. Детство — самая трудная пора в жизни»{45}[180]. Четвертая заповедь, по мнению Гамсуна, это пережиток каменного века, она перевернута с ног на голову: это родители должны чтить своих детей и вообще молодых, а не наоборот.

Потомство нужно родителям для того, чтобы было кому передать наследство, а ребенок не несет за это ответственности. И воспитание — это не то, за что ребенок должен быть благодарен.

На газетных страницах разразилась целая буря.

В июле он покинул столицу вместе с Викторией, которая согласно договоренности должна была провести с ним несколько летних недель. Он очень хотел пожить за городом, но на таком расстоянии, чтобы, сев на поезд, можно было с легкостью оказаться в столице. Они поселились в отеле в Конгсберге, в городе, основанном добытчиками серебра.

Здесь он и прожил всю осень, вплоть до зимы 1908 года. Его комната была расположена на втором этаже и окнами выходила на тихий дворик с садом. Вдоль двух стен комнаты и отчасти вдоль третьей, он повесил книжные полки, которые сплошь заставил книгами. На обеденном столе возвышались горы газет и журналов. Из всего этого он никогда ничего не выбрасывал и даже не позволял горничным вытирать пыль.

В комнате у него находилась большая поленница, целый метровый штабель, дрова были сложены крест-накрест. Он сам колол дрова, носил их наверх и складывал так, как его в детстве научил дядя. Таким образом, когда он читал, писал или спал, постоянно ощущал запах сосновых поленьев. Над кроватью у него висела фотография Виктории, украшенная веткой сирени, которую она подарила ему перед своим отъездом.

В столице Гамсун почти не бывал. Теперь ему было совсем ни

к чему сбегать из отеля, так как его брак с Берлиот развалился. Казалось, он обрел покой. Только и делал, что подбрасывал сосновые дрова в печку, гулял, играл со знакомыми в карты, но просто так, не на деньги.

Постепенно у него созрело решение отказаться от продолжения романа «Под осенней звездой», этой истории стареющего Кнута Педерсена. Этот персонаж был ему нужен, когда он хотел скрыться от городской жизни и Берлиот. Теперь, когда разрыв уже произошел, его героем стал более молодой и более жизнеспособный Бенони Хартвигсен, о котором он начал писать еще три года назад. И вот зимой 1908 года — творческий подъем.

Один за другим в его сознании возникают персонажи, он наделяет их чертами тех людей, которых он знал в юности или о которых ему рассказывали. Наконец, кое-что он почерпнул и у Марка Твена, в Америке он читал много его произведений. Он попытался сделать это уже в «Мечтателях», но тогда это были лишь первые шаги. Теперь же он развернулся вовсю, его художественное мастерство стало многообразным: преувеличения и юмористические эффекты, потешные словечки и выражения из того диалекта, который он забыл, после того как двадцатилетним юношей покинул Нурланн, чтобы стать писателем.

Он создает искрящуюся комедию народной жизни, его персонажи гротескны, он их высмеивает, подтрунивает над ними, но с огромным чувством такта и теплотой. Из массы людей в поле его зрения попадает тот или иной персонаж, с присущими ему характерными чертами и манерой говорить. Они употребляют порой какие-то странные, неправильные слова, совершенно не к месту, как Бенони, который говорит, что Мак «вытащил его из грязи», а порой способны на блестящие сравнения. Бенони шутит, что количество сельди во фьорде «дано знать лишь тому, кто сосчитал звезды на небе».

И среди всех этих персонажей находится сам Гамсун как вдумчивый повествователь. Изображая своих героев, он в чем-то скрывает их суть, встает на их защиту и объясняет их. Таким образом, он меняет свою функцию рассказчика. В своей предыдущей книге он много разговаривал с самим собой.

В этой книге, которую он назвал «Бенони», по имени главного героя, Гамсун полностью царит над текстом.

В возрасте сорока восьми лет Гамсуну удается усовершенствовать ту эстетику, которая у него начала складываться во время написания романа «Мечтатели», —

стремление дистанцироваться от своих персонажей.

Такого рода дистанция была ему необходима, потому что он не хотел больше проникать в душевные глубины своих героев, он не хотел больше быть ни субъективным, ни объективным.

Готовя свои произведения для собрания сочинений, он намеренно приглушал в своих первых романах «экстатическое» и всячески углублял отстраненность от своих героев, что позволяло увеличить обзор и усилить иронию.

Привычные жалобы на муки творчества прекратились. Общение с Бенони излечило его. Молодой парень, рыбак и крестьянин, человек, умеющий добиваться своей цели. Трогательно простодушный, но, когда нужно, твердый как сталь, подобострастный перед высокопоставленными, но дерзкий в любви. Бенони хочет завоевать дочь пастора Розу, высокогрудую с прекрасными светло-русыми волосами, которая «так красиво улыбается сочными губами». Его соперник, сын звонаря, студент Арнтсен, изучающий юриспруденцию, постепенно становится все более злобным и беспорядочным — «городская жизнь вконец погубила деревенского паренька». А над всеми этими персонажами царит торговец Мак, совратитель девушек, любовные игры которого происходят на знаменитой кровати с четырьмя серебряными ангелочками и в банном корыте, устланном пуховой периной. Он средь белого дня развлекается с южанкой, смуглой узкоглазой Якобиной, у которой такие курчавые волосы, что ее прозвали Брамапутрой, и со смазливой и расторопной горничной Элен, у которой ревнивый возлюбленный. А в центре всех событий — вездесущий и готовый на все Бенони.

Закончив «Бенони», Гамсун сделал некую паузу, прежде чем продолжил эту историю в следующей книге. Что-то предвещало появление на сцене жизни и в творчестве новой женщины. Нет, это будет не Роза, которой добивался Бенони. Нет, у нее будет другое имя. Это будет более роковая женщина, нежели та, которой добивался Бенони или он сам.

Кажется, Гамсун снова через свое творчество предчувствовал события собственной жизни.

Восьмого апреля 1908 года он закончил свой новый роман «Бенони».

Через неделю он поселился в столичном отеле, для того чтобы основательно расслабиться перед новой встречей с женщиной, о которой он собрался писать в продолжении романа, — с Эдвардой, главной женщиной в жизни лейтенанта Глана. «Пришла весна, и Эдварда, дочь Мака, сошла с почтового

парохода на берег», — написал он в конце романа. Обычно и у самого Гамсуна очередной роман начинался весной. Теперь это должно было произойти в Норвегии, весной, которая пробуждает все живое и сводит всех с ума.

Уже на следующий вечер позвонил один из приятелей Гамсуна, директор Национального театра Вильгельм Краг, и предложил вместе прогуляться. Дело в том, что Краг хотел кое о чем поговорить с ним. Беседа была не такой уж долгой, и Гамсуну пришлось сделать своими длинными ногами не так уж много шагов.

Но эта прогулка изменила его жизнь.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

«Моя единственная возлюбленная на этой земле»

На лестнице у входа в Национальный театр стоит двадцатишестилетняя женщина, она ждет Гамсуна. Действие происходит 17 апреля 1908 года. Женщину зовут Мария Лавик. Она называет себя так, чтобы успокоить свою мать, недовольную тем, что ее дочь сожительствует с мужчиной во грехе. Мария только что вышла из кабинета директора театра. Она находилась там как раз в то время, когда директор звонил Гам суну. Она стоит у входа рядом с привратницкой.

Она служит здесь, в театре, меньше года, и эту возможность получила благодаря Гамсуну, хотя он об этом не знает. И вот сейчас, если она произведет на него впечатление, то ей достанется самая главная роль в ее жизни. И он, как никто, сможет помочь ей стать в этой роли непревзойденной.

Вообще выбрать роль ей помог другой мужчина, с которым она жила в течение пяти лет. Вместе с Доре Лавиком они изучили множество пьес, и она сыграла их героинь в большинстве норвежских городов и кое-где в Швеции и Дании. Она так замечательно играла во время этих гастролей Элину в пьесе «У врат царства», что ее взяли на стажировку в Национальный театр. И теперь ей, возможно, удастся выступить в этой роли на главной сцене страны. Вот почему директор театра решил, что ей следует познакомиться с Гамсуном, прославленным автором, о котором говорили много не только хорошего, но и неприятного.

Когда он поднимался по лестнице, некоторые актрисы вышли ему навстречу. Одна из них, довольно зрелая женщина, склоняет голову набок и произносит:

— Помните ли вы, господин Гамсун, как вы сказали однажды, что у меня такое выразительное лицо?

Гамсун улыбается:

— Нет, что-то не припомню, вероятно, это было очень давно[181].

Кнут Гамсун прокладывает себе путь ко входу в театр. Он спрашивает Марию Лавик.

Шум смолкает, и наконец появляется Мария.

— О Боже, как вы прекрасны, дитя мое!

Все не могут не слышать, что великий писатель приглашает ее в театральное кафе. Им нужно спуститься вниз, они входят в кафе. Это близко, они делают вместе несколько десятков шагов,

но эти шаги оказываются судьбоносными.

Она внимательно наблюдала за ним, в то время как он старательно снимал галоши и ставил свою тяжелую трость в угол кафе рядом со столиком, который он облюбовал для них. Она заметила, что он слегка косолап, и это особенно бросалось в глаза, когда он переставлял ноги. Она видела его фотографии, он совсем не походил на них, так же как и на тот образ, который у нее сложился, когда она читала «Пана» или «Викторию»… Она пыталась найти в его облике нечто утонченное, эстетское, но видела лишь силу.

Взгляд его вовсе не был мечтательным, его глаза оказались светлыми с красными прожилками, что могло свидетельствовать о бессонных ночах, муках творчества, кутежах… Его светло-каштановые волосы уже были тронуты сединой, а строгое выражение лица, которое подчеркивали усы, почти не смягчалось, даже когда он улыбался.

Официант принес портвейн, они выпили, он стал веселее, она — смелее.

Она заметила в его глазах насмешливую искорку, когда поведала ему, что считает своим жизненным предназначением театр.

Они просидели в кафе довольно долго, потом он проводил ее через улицу до служебного входа и стоял, не надевая шляпу, пока она не зашла внутрь.

На следующее утро в Национальный театр принесли высокую вазу с красными розами. Эта ваза находилась у привратника, пока не пришла та, которой это все предназначалось. Трепеща от волнения, она стала считать эти розы. Их было двадцать шесть! По числу ее лет!

И никакой карточки!

Позднее в тот же самый день она получила приглашение. Он назначил ей свидание в отеле. Он встретил ее в вестибюле и повел в ресторан, где швейцар распахнул перед ней дверь. Здесь, внутри, было его царство, за одним столом он собрал самых известных критиков страны.

— Царица Савская! — провозгласил он и хлопнул в ладоши.

На ней было платье цвета лесного мха. Самое красивое ее платье. Она была единственной женщиной среди всех мужчин в тот вечер и в последующие. Она не успела опомниться, как ей пришлось осваивать новое амплуа.

В какой-то из тех вечеров она стала принадлежать ему.

После этого мысль о театре отошла у нее на второй план. Она стала задумываться о роли, которую ей предстоит сыграть в

жизни.

Ближе к вечеру пришел посыльный из отеля с конвертом для нее. Внутри был листок бумаги, исписанный карандашом. Она начала читать первые слова, написанные им только для нее, теперь, когда после двух безумных недель им предстояло расстаться: «Дорогая моя, Мария, я всецело твой, я люблю тебя всей душой. Слава Богу, что я встретил тебя в своей жизни. Не драматизируй происходящее, наверное, мы найдем способ, чтобы все разрешилось. Мария, моя Мария! Ты такая красивая, ты сама не догадываешься о том, что ты самая прекрасная в мире. Ты — моя принцесса. Я постоянно думаю о тебе, я даже поведал официанту о своей любви, правда, не назвал твоего имени. Как это ужасно — быть дома, где все однообразно. Как было бы хорошо нам убежать куда-нибудь вместе. Ни о чем не тревожься. Как бы то ни было, я — твой»[182].

На следующий день он делился со знакомым: «По моему „прекрасному“ почерку ты можешь видеть, что я вернулся домой пьяный, изрядно нагулявшийся и — обрати внимание — влюбленный. Никогда, черт побери, я не попадал в подобную передрягу»[183].

Она уверяла его: «Я люблю тебя всем сердцем, и не из-за роли, поверь мне»[184].

Он просил ее быть гордой. Он писал ей о грязи, которая окружает ее в театральном мире, этом балагане, где ее могут унизить и использовать. Она в своем письме рассказала ему, что прочла его новую книгу, а когда читала, то он все время стоял перед ее глазами со своей шутливой снисходительной улыбкой. Она с такой гордостью читала прекрасные рецензии на «Бенони».

Он, готовый встать перед ней на колени, писал: «Не покидай меня, Мария, если ты только захочешь, ты можешь сделать для меня самое невероятное, ты можешь сделать из меня короля поэтов. Если ты будешь вдохновлять меня, во мне забьет неукротимый источник творчества»[185].

Доре Лавик вернулся в столицу. Мария скрыла от мужчины, с которым жила в течение пяти лет, что у нее появился новый любовник, готовый похитить ее из прежней жизни.

Гамсун неустанно расспрашивал Марию о ее жизни. О том переезде, который пришлось пережить их семье, когда ей было семь лет, переезде из большого дома с магазином на первом этаже, в Эльверуме, городке во внутренней части Норвегии, в другой, гораздо более скромный, в нескольких километрах от Эльверума. О том, как другие дети кричали ей вслед: «Банкроты,

голодранцы несчастные!» Новый аукцион, принудительный. И опять переезд, на этот раз в заброшенную усадьбу. В шестнадцать лет ей снова пришлось покинуть дом, к которому она так привыкла… Отец и мать вместе с семью детьми покинули насиженное место и отправились в столицу, ради Марии, ведь она так хорошо училась, в столице у нее будут лучшие учителя, и она сможет чего-то добиться в жизни. В городе они тоже постоянно переезжали. Отец все меньше занимался страхованием, а все больше торговлей недвижимостью. Он записал ее в частную среднюю школу. Только три из выпускниц этой школы перешли в старшие классы гимназии. Одной из этих учениц была Мария, ей было предоставлено бесплатное место. Восемнадцатилетняя Мария смогла порадовать своих родителей тем, что блестяще сдала выпускной экзамен, который давал право на поступление в университет.

Гамсун требовал, чтобы Мария рассказала ему о своем романе с Доре Лавиком. События развивались так. Она работала учительницей, пытаясь заработать на учебу в университете. Лавик остановился у владельцев усадьбы, в которой она жила. Они познакомились и всю зиму переписывались. Весной он вернулся, она показала ему, на что способна как актриса, и сыграла перед ним маленькую театральную сценку. Лавик был лысым, старше нее на восемнадцать лет, разведен. Но ведь он был готов помочь ей осуществить ее тайную мечту: стать актрисой. Она порвала отношения с родителями, и в двадцать три года состоялся ее театральный дебют.

Господи, зачем ему, который знает столько знаменитостей, нужны подробности ее непримечательной жизни?

На это он ей ответил: разве она еще не поняла, что она, Мария, единственная его возлюбленная на этой земле?[186]

«В любви так называемой „гармонии“ не существует…»

Летом 1908 года Гамсун начинает устраивать Марии ужасные сцены ревности. Он требует от нее все новых и новых жертв: она не должна здороваться при встрече с некоторыми знакомыми. Не должна дружить с определенными персонами. Обязана объявить Лавику о своем разрыве с ним, Гамсуном. Навсегда оставить театр. Уехать из города вместе с ним. Все должно быть тщательно взвешено и продумано. Не стоит начинать жизнь с опрометчивых поступков, увещевал он ее.

Ведь подобный опыт у него уже был. В портмоне он носил крохотную вставную стельку от башмачка дочери Виктории и ее

фотографию. Вернее, часть фотографии, от которой он отрезал кусок с изображением бывшей жены.

Днем Мария репетировала какую-нибудь небольшую роль, вечером играла в театре, при этом ее круглые сутки преследовали двое мужчин, которые требовали, чтобы она играла главную роль в их жизни. Тот мужчина, с которым она была вместе на протяжении пяти лет, непрерывно шлет ей письма и телеграммы из Бергена и его окрестностей, где он находится на гастролях. Новый возлюбленный Марии никак не оставляет ее в покое, звонит ей в перерывах между репетициями, претендует на все ее свободное время и, кроме того, также шлет ей письма и телеграммы.

Мария заболевает, и вскоре ее кладут в больницу. Диагноз — воспаление почек.

В то же время в Бергене в больницу помещают и Доре Лавика. Мария хочет поехать к нему. Гамсун запрещает ей.

Лавику делают операцию, вряд ли он выживет. И Мария доверительно пишет своему любовнику, единственному человеку, с которым, как она считает, она может быть откровенной: «Мне кажется, если он умрет, вся вина за это будет лежать на мне. Он много раз говорил мне, что умрет, если почувствует, что я не люблю его. И вот теперь я постоянно вижу его искаженное болью лицо и слышу его слова: „Я умираю, потому что ты не любишь меня“».

В тот же день ближе к вечеру она получает телеграмму о его смерти. Она телеграфирует об этом своему возлюбленному Гамсуну.

Вместо сочувствия она получила грубый ответ, ответ от того, кто так много писал в своих книгах о любви. Он злобно шипит, что она могла бы избавить его от подробностей своей личной жизни с Лавиком, ему надоели эти «откровенные воспоминания о нем, его „душевности“: что он говорил и как поступал. И тут он заявляет, что не может жить без твоей любви, и поэтому умирает. А на меня, его преемника, обрушились телеграммы, и письма, и слезы о твоей великой утрате, потому что он не мог без тебя жить — и скончался от заворота кишок» [5: 179][187].

Он внушал Марии, что это промысел Божий, внушал не без чувства самодовольства. Ей не так-то легко было воспринимать смерть Лавика как что-то хорошее. Было ли это наказание свыше за неверность, за то, что она не рассказала всю правду человеку, с которым была вместе пять лет, и даже не пришла навестить его перед смертью?

Теперь она раскаивалась, но в то же время была уверена в том, что пошла бы даже на большее ради любви к Гам суну, признавалась она в книге воспоминаний «Радуга».

Марии пришлось обещать Гамсуну, что она не будет участвовать в похоронах, посещать могилу Лавика и даже упоминать имя покойного.

Гамсун объяснил ей, что это необходимо для того, чтобы не волновать его и тем самым не давать ему повода к ревности. Она спросила его, что тогда говорить о гармонии в их отношениях, и хотела еще кое-что добавить. Но он оборвал ее:

— Никакой так называемой «гармонии» в любви не существует!

— Неужели? — испуганно спросила она.

— Да, именно так[188].

Мать Марии, женщина строгих религиозных взглядов, пыталась всеми силами убедить дочь не оставлять театральную карьеру и свое место в Национальном театре ради еще одного разведенного мужчины. При этом она употребила такие слова, которые дочь никогда от нее не слышала.

— Ты должна послать его к черту! — кричала ей мать[189].

Мария сделала отчаянную попытку избавиться от своего поклонника. Она стала искать и нашла себе место гувернантки. Он легко разгадал ее намерения избавиться от него. И тогда во второй раз в своей жизни Гамсун предложил женщине брак. В договоре, заключенном при разводе с первой женой, говорилось, что их общий ребенок Виктория будет постоянно жить с ним после того, как ей исполнится восемь лет, в том случае, если он не вступит до этого в новый брак. Таким образом, Гамсун принимал вдвойне сложное решение. Он отваживался на новую женитьбу, которая должна была состояться уже к весне, и одновременно в каком-то смысле отказывался от дочери.

Гамсун строил планы на будущее. Они с Марией будут жить в маленькой усадьбе, среди простых людей, она будет заниматься домашним хозяйством, ухаживать за скотиной, растить детей, а он будет писать свои книги. Но сначала он должен испытать ее — в столице.

В центре города он снял для Марии комнату, она была угловой. Для себя он нашел мансарду неподалеку. Таким образом, он мог навещать женщину, к которой испытывал страсть, в удобное для себя время. Он запретил ей встречаться с друзьями и знакомыми, так или иначе связанными с ее театральным прошлым. Если ей нужно было отлучиться, она

должна была писать ему записку, а потом отчитываться о том, что она делала. Обычно он приходил в определенное время, но не всегда. В таких случаях он как-то по-особенному стучал в дверь кончиками пальцев.

Она говорила, что это похоже на стук капель дождя по оконному стеклу.

В ее комнате было много принадлежащих ему книг, в основном переводных. Среди них наверняка были и те, которые могли бы пролить свет на внутренний мир того человека, за которого она собралась замуж. Она спросила, что бы он ей посоветовал почитать.

— Артура Шопенгауэра, — не задумываясь произнес он[190].

Именно этот немецкий философ научил его жизненной воле и пониманию основной движущей силы человеческого существования. Человек никогда не может достичь полноты бытия, он чувствует полное удовлетворение лишь в короткие периоды. Таким образом, жизнь — это погоня за чувством удовлетворения. Человек отличается от всех других живых существ тем, что он обладает интеллектом, который позволяет ему осознавать эту фатальную ситуацию. Именно в осознании этого — единственная возможность вынести существующий порядок вещей. Мы должны знать: нам суждено жить и умереть неудовлетворенными.

Мария была подавлена. Почему ее жених хочет, чтобы она читала такие удручающие рассуждения о человеческой жизни, любви и счастье?

Лучше ожидать от брака малого, нежели слишком многого[191].

Как-то утром он потерял пилюлю (ему было прописано железо). Начались отчаянные поиски. Разъяренный Гамсун направился к хозяйке. Он хотел разобрать печку. Когда он вернулся вместе с хозяйкой, Мария держала пилюлю в руках. Она солгала, что нашла ее за печкой, именно там, куда, по его предположению, она могла закатиться[192].

Вскоре они перестали обедать в городе, Гамсун арендовал кухню на том же этаже, где была комната Марии. Хозяйка одолжила Марии поваренную книгу, и он со всей строгостью обучал Марию, как варить картошку и вообще готовить и накрывать на стол. Она вела книгу расходов и вскоре научилась вносить такие поправки в расчеты, чтобы в итоге все сходилось. Однажды он вложил ей в руки ножницы. Она должна была уметь все, чтобы самостоятельно выходить из разных ситуаций. В небольшой прачечной он учил ее, как крахмалить и гладить

рубашки.

Планы, касающиеся приобретения небольшой усадьбы, становились все более и более конкретными. Жизнь Марии становилась все более тяжелой: одна целыми днями в квартире, одна по большей части и ночью, в постоянном ожидании тех звуков, которые возвещали о его приходе, и — никакой связи с прежней театральной жизнью.

Накануне Рождества 1908 года вышел его роман «Роза», книга, которую он написал уже в то время, когда они были вместе. Марию постигло разочарование[193]. В главной героине она надеялась найти собственные черты, ей казалось, что этот образ не может не измениться после того, как его создатель пережил весну с ней, Марией. Ведь она была связана с театром, а там взаимоотношения актеров, как на самой сцене так и за кулисами, всегда так или иначе влияли на спектакль. В новом романе Гамсуна она искала следы своих взаимоотношений с автором. Но не могла их найти, и это после его слов о том, что мысли о ней не покидали его ни днем, ни ночью, в том числе когда он писал.

Мария вчитывалась в текст романа, пытаясь обнаружить свои черты у Розы. Тогда как в романе «Роза» была и другая героиня, другая женщина, у которой было немало общего с ней. Это была Эдварда.

Через четырнадцать лет после того, как в романе «Пан» Гамсун отослал Эдварду вместе с бароном в Финляндию, он вновь вернул ее на страницы своего романа. И это произошло одновременно с тем, как возникли его отношения с Марией. Таким образом, его жизнь и творчество переплелись, да так, что он не мог и вообразить. В то время как в «Бенони» повествователем является всевидящий автор, в «Розе» рассказ ведется от лица студента Парелиуса. Неуклюжий студент, влюбленный в Розу на расстоянии, талантливый, способный к рисованию, но не способный завоевать женщину.

В Эдварде сохранилось то опасное, провоцирующее, что в свое время покорило Глана. Гамсун вложил следующие слова в уста Розы: «Я верю в безумство, в его собственную, уравновешивающую разумность».

Но теперь автор следит за игрой Эдварды как бы со стороны. Между ним и Эдвардой находится малохольный студент Парелиус.

Такое впечатление, что Гамсун отомстил Эдварде за то, что она в свое время отвергла Глана. Он наказал ее тем, что

продемонстрировал ее страдания. Время от времени Гамсун вызывал к жизни также и образ из своего более раннего произведения, одноименной драматической поэмы, суперлюбовника Мункена Венда. Он унизил Эдварду тем, что тот полностью ее проигнорировал как женщину.

Гамсун заставляет Эдварду осознать, что она не взяла верх над Гланом. И вот теперь он дает ей возможность также узнать кое-что о его смерти. В конце концов он отсылает ее в Англию вместе со спившимся, но отнюдь не лишенным обаяния сэром Хью. Оказаться в Великобритании, в семье с закоснелыми традициями и ритуалами — для Эдварды скорее наказание, нежели награда. Она должна оставить все то, что было ей так дорого. При этом Гамсун дает ей неожиданную возможность обрести полноту материнского счастья. В самую последнюю минуту, когда корабль уже должен отплыть, он дает возможность ее дочкам взойти на борт: она забирает детей с собой в новую жизнь. Гамсун сделал свой выбор и в жизни, и в литературе. Он уже больше не будет иметь дела с женщинами, подобным Эдварде, отчаянными, непредсказуемыми, требовательными. Правда, в женщинах, заслуживающих интереса, должно быть нечто, присущее Марии. Но прежде всего женщины должны исполнять свое высокое предназначение. Смысл жизни женщины — в материнстве. Самое страшное несчастье для супружеской пары — это бездетный, бесплодный брак.

Он хотел описать подобную ситуацию в своем следующем романе, но идея создания новой драмы пришла к нему раньше.

В начале 1909 года он стал делать наброски к новой пьесе. Мария пыталась отговорить его от этого. Она-то думала, что это связано с его стремлением выполнить данное ей обещание в обмен на ее обязательство навсегда покончить со сценической карьерой. Она был готова освободить его от этого обещания. Но тут ее вновь ждали обида и разочарование. Человек, ненавидящий театр, поведал ей, что работает над новой драмой не из-за данного ей обещания, а потому, что считал, что новая драма может принести ему победу — как в творческом, так и в материальном плане. Наконец-то он затмит Ибсена. В драме фигурирует бывшая актриса, обманывающая мужа, который намного старше ее. Неделями он работал над своими набросками, которые все больше и больше раздражали его.

В рождественские дни в своем письме Генриху Гебелю, который должен был перевести «Дикий хор» на немецкий язык, Гамсун приоткрыл свою творческую лабораторию. «Большая часть моих произведений была написана ночью, когда, заснув на пару

часов, я иногда внезапно пробуждаюсь. Сознание ясное, и чувства мои обострены, карандаш и бумага всегда лежат наготове у кровати. Света я не зажигаю. Стоит мне ощутить этот хлынувший поток образов, как я тут же начинаю записывать в темноте. Это стало для меня столь привычным, что мне не составляет никакого труда расшифровать утром свои записи»[194].

Он не рассказал Гебелю о том, что большая часть написанного им оказывается в мусорной корзине. Он мог бы спросить немецкого переводчика, представляет ли тот, как это больно, когда нарывает палец, а у него часто бывают воспалены все нервы, и как тяжело бывает, оторвавшись от творчества, окунаться в обыденную жизнь. Все начинает причинять боль. Даже такой пустяк, как горошина.

Так, однажды Мария подобрала с кухонного пола оброненную горошину и выбросила ее в помойное ведро, но Гамсун обнаружил ее там. Он заставил Марию достать ее оттуда и положить в специальную коробку, на которой им собственноручно было написано «Горох».

Он уверял ее, что она способна сделать его подлинным королем литературы, благодаря ей его творчество заструится мощным потоком. Таким образом, она не могла не видеть себя саму в роли королевы. Но это было в мечтах, а в реальности ее чаще всего посещало горькое чувство, что она всего-навсего прислуга при нем, хотя получила роль с большим количеством реплик, нежели «Кушать подано». Видимо, тот, за кого она должна была выйти замуж, предпочитал быть единственным, кто правил в этом королевстве, не допускал никого, кто бы мог разделить с ним власть. Неужели она была лишь средством, одним из инструментов, необходимых ему для творчества?

В пятницу 25 июня 1909 года они зарегистрировали свой брак в ратуше Кристиании. Таким образом, брак был гражданским, не освященным церковью, хотя на этот раз Гамсун обратился к свободомыслящему пастору, который был готов венчать разведенных, но получил отказ. После этого Гамсун написал письмо епископу, что отказывается признавать себя официальным членом норвежской лютеранской церкви{46}.

Свидетелями были отец Марии и врач больницы, где она лечилась.

После медового месяца, продлившегося шесть дней, который они провели в крестьянской усадьбе километрах в тридцати от столицы, Гамсун покинул свою молодую супругу. Он отвез ее к сестре, которая жила в срединной части Норвегии. Сам же он отправился в долину Эстердаль, неподалеку от границы со

Швецией, где нанял жилье в крестьянской усадьбе. Он собирался провести несколько недель со своей дочерью Викторией.

Мария не пыталась скрывать свое огорчение и ревность.

В Кристиании он был вынужден просить издателя о денежной помощи. Кроме того, он занял сумму, равную годовому жалованью горничной.

На его день рождения, 4 августа 1909 года Мария послала супругу свои новые фотографии, которые она сделала в Драммене. Вместе с поздравлением Мария написала, что она думает об их отношениях: «Никто не делал меня такой несчастной и никто не умел приносить мне такую радость, как ты»[195].

Поскольку Гамсун с 1888 года, сойдя на берег с американского парохода, стал говорить всем, что родился в 1860 году, то теперь он вполне имел возможность отметить свое пятидесятилетие тихо, без всяких фанфар. Он прислал ей ответ в тот же день, день своего рождения, который он называл «обманное 4 августа». Помнила ли она, как в детстве они надкусывали печенье или кусочки сахара, чтобы они не попали в чужой рот? Она так молода и красива, что его порой посещают злые мысли: «надеть на нее намордник или плеснуть в лицо кислотой, чтобы другие не могли польститься на нее».

> «А потом я хотел бы быть с тобой каждую ночь, любить тебя и ощущать, что умираю от раскаяния и ужаса, потому что обезобразил тебя. И все же тогда у меня было бы больше душевного покоя, нежели сейчас, когда я обречен все время ревновать тебя и думать, что ты будешь улыбаться, краснея от радостного смущения, какому-нибудь агроному»[196].

Они обменивались тремя-четырьмя письмами в неделю, и нередко один из них писал другому такие слова, которые огорчали или повергали другого в ярость. Ее прошлое было зарослями цепкого терновника.

«Верь мне», — молила она его, до конца не понимая, какая роль отводилась ей в его самодержавном королевстве.

Подальше от грязи городской жизни

Осенью 1909 года Гамсун с головой погрузился в написание нового романа.

В этом произведении тот же герой, что и в романе «Под осенней звездой». Он сбегает из города и появляется в усадьбе

Эвребю, чтобы увидеть фру Луизу Фалькенберг. Здесь Гамсун позволяет герою стать еще более пристальным наблюдателем супружеских отношений Фалькенбергов. Безделье, безразличие и бездетность принесли свои плоды, а супружеская неверность довершает дело. Соблазнитель — дитя нового времени, это молодой человек, инженер, у которого есть велосипед с багажником. Кнут Педерсен едет в город вслед за супругами. Городская жизнь быстро приводит Луизу Фалькенберг к деградации. Город убивает ее очарование, нежный взгляд. Теперь глаза Луизы становятся похожи на лукаво подмигивающие огоньки при входе в варьете, и описание этой коллизии — главное в новом романе Гамсуна «Странник играет под сурдинку».

В своем письме Гамсун внушает жене: «Пусть уйдет из нас вся распущенность, суета, тщеславие, грязь городской жизни. Давай поселимся в деревне. Я хотел бы устроить нашу жизнь в сельской местности еще и для того, чтобы у тебя не было возможности вернуться к своему прежнему существованию, если я тебе совсем осточертею. В городе стоит тебе только лишь на минутку остановиться на улице, как сразу какой-нибудь мужчина обратит на тебя внимание. В деревне это не так»[197].

В романе Гамсун предоставляет своему герою Педерсену возможность высказаться по поводу одной парочки. Он и она стоят на мосту и смотрят в разные стороны.

«Господи, Боже мой, ведь любовь такое летучее вещество <… >. Ах, как они были обходительны друг с другом! Но мало-помалу они пресытились счастьем, они перестарались. Они превратили любовь в товар, который продается на метры, вот какие они были неблагоразумные» [3; III: 64]. В собственном супружестве Гамсун строго следил за тем, чтобы не пресытиться счастьем, не создать тепличных условий для любви.

Его дочь Виктория не подозревала, что в связи с женитьбой отец отказывается от права совместного проживания с ней. Побыв вместе с дочерью неделю, он писал Марии: «Ты для меня в этой жизни — все. Я уже начал привыкать жить без Виктории»[198]. Итак, эти слова были произнесены, хотя отец и дочь все еще вместе гуляли и катались на лодке по морю. Он таскал ее на спине, брал ее с собой на сетер{47}, чтобы она могла наблюдать вблизи разных домашних животных. Она приносила в его комнату целые охапки цветов. Однажды она спросила, правда ли то, о чем пишут в газетах, что он собирается жениться. Он постоянно забывался и называл свою дочь Марией. Виктория то и дело спрашивала, кому он писал письма, не той ли самой Марии,

и однажды он это подтвердил, и тогда девочка собрала его галстуки и рассортировала их на две кучки: в одну красивые, а в другую — противные[199]. Этот эпизод он описал в письме Марии, правда, без всяких комментариев.

В начале сентября 1909 года Мария собрала все их вещи — как на квартире, так и в его писательской мансарде в Кристиании. Теперь они навсегда покинут столицу. В первый раз он приехал сюда почти тридцать лет назад.

Они решили арендовать помещение в крестьянской усадьбе в горах, недалеко от шведской границы. У каждого из них была своя комната на втором этаже главного здания усадьбы. Ее комната оказалась длинной и узкой, с голыми деревянными стенами. На задворках усадьбы он устроил для себя деревянный домик, «хижину писателя». Он сам сколотил столешницу и укрепил ее на двух коротких столбиках. Кроме того, здесь были деревянный стул и небольшая кровать. Из окна были видны водопад и речка. Шум воды заглушал все другие звуки, которые могли помешать работе.

Вот теперь-то наконец он мог писать. Он вставал рано утром, и они не виделись с женой вплоть до обеда. Бывало, что по вечерам они с другими гостями играли вместе в крокет, и Мария обнаружила, что супруг не умеет проигрывать с улыбкой. Если они играли пара на пару с кем-то еще, он всегда возлагал вину за проигрыш на нее. В целом у них было мало общего с другими. Он требовал от нее не сближаться ни с кем. Она получила также указание ограничить общение со вдовой, которой принадлежала усадьба. Он заявил ей, что постояльцы не должны чересчур уж сближаться с хозяевами[200].

Для Марии дни казались долгими. Со швейной машинкой ей пришлось распрощаться. Сын портного теперь стал мастером, сам кроил, давал указания, ей было тяжело.

В ноябре 1909-го он отослал в издательство последнюю часть рукописи. В своем романе «Странник играет под сурдинку» он решил утопить уже известную нам героиню Луизу Фалькенберг. То есть она сделала это сама. Она не любила своего мужа, не хотела заниматься хозяйством, не хотела иметь детей, то есть была пропащей — таков смысл романа.

Мария очень просила его дать ей почитать корректуру. А прочтя, почувствовала негодование и обиду за всех женщин. Неужели он считал, что все они, все до единой, безответственные, пустые и легкомысленные, неужели на его пути не встречались другие женщины? Она просила его больше не писать от первого

лица[201].

Он признавался многим, что страшно доволен «заключением книги», главный герой убежден, что, когда человеку полста, то он «играет под сурдинку». К тому же для постоянного довольства самим собой и всем окружающим необходима известная доля скудоумия. А светлые минуты бывают у каждого. «Осужденный сидит на телеге, которая везет его к эшафоту, гвоздь мешает ему сидеть. Он отодвигается в сторону и испытывает облегчение. <…> Надо подпирать судьбу плечом, вернее, подставлять ей спину. От этого ноют мышцы и кости, от этого до срока седеют волосы, но странник благодарит Бога за дарованную ему жизнь, жить было интересно. <…> Право жить есть такой щедрый, такой незаслуженный дар, что он с лихвой окупает все горести жизни, все до единой» [3: 128] — так философствует герой Гамсуна в книге «Странник играет под сурдинку».

«Я не спешу. Мне все равно, где не быть», — этими словами заканчивается книга.

Мария, которой в ноябре 1909 года исполнилось двадцать восемь лет, была иного мнения.

Он нарушил обещание найти для них усадьбу. Вероятно, он это сделает к весне, успокаивал он ее, а пока он вернулся к работе над пьесой, которую начал в Кристиании. Чтобы целиком сосредоточиться на этом, он решил быть подальше от жены и отправился в свою «хижину писателя».

Дело не шло, но все же он не хотел отказаться от замысла драмы, главной героиней которой должна была стать актриса.

Он был недоволен собой, но зло срывал на ком попало.

Он возложил вину на русского переводчика за плохое почтовое сообщение между медвежьим углом в норвежской долине и Санкт-Петербургом, а также обрушился на русское издательство «Знание», которое не желало выплачивать ему большой аванс. Между делом он даже пытается обратиться к норвежскому королю, чтобы Его Величество попытался найти способ влияния на русские издательства и журналы, которые печатают его произведения, не выплачивая гонорара[202].

Россия постепенно становилась экономически все более важной для него, после того как в 1907 году он заключил договор с издательством в Санкт-Петербурге. Чтобы помешать «пиратским» изданиям, Гамсун взял на себя обязательство передавать в «Знание» рукописи своих произведений за два месяца до того, как они попадут в руки норвежско-датских, немецких и других издателей. В связи с этим ему была обещана ежемесячная значительная сумма в рублях. В русских театрах

также начали ставить его драмы. В знаменитом Московском художественном театре известная актриса Мария Николаевна Германова играла Элину в трилогии об Иваре Карено.

Незадолго до свадьбы с Марией в одном столичном ресторане Гамсун встретился с другой Марией, с красивой русской женщиной Марией Николаевной Германовой, отчего у первой чуть не произошел нервный срыв. Впрочем, еще одной Марии, другой русской даме, повезло гораздо меньше.

С ним жаждала встретиться Мария Благовещенская, которая писала ему, что готова умереть, если Гамсун не согласится на встречу с ней. Она забросала его письмами, в которых соблазняла его портретом Достоевского, куклой для дочери Виктории, конфетами, трубкой и прекрасным табаком. Он отказался от встречи с ней и подарков. Тогда она написала ему письмо с обвинениями. Благовещенская требовала извинений. Она напомнила ему, что талант, которым он обладает, — это природный дар, а не его собственная заслуга. «Конечно же, известно, что писатели — народ капризный. Но я лично отнюдь не намерена мириться с Вашими капризами, я не буду склоняться с любезной улыбкой под ударом, который Вы мне нанесли»[203]. Теперь-то она наконец излечилась от своего увлечения Гамсуном.

Рецензии на «Странник играет под сурдинку» были в основном позитивными. «Франкфуртер Цайтунг» купила права на то, чтобы печатать роман частями. И тем не менее роман не так уж хорошо продавался, Гамсун винил в этом издательство, он считал, что оно недостаточно рекламировало книгу.

Ему были нужны деньги. После всех городских мытарств он хотел вернуться к спокойной деревенской жизни. Мысль о том, чтобы поселиться в Нурланне, все более укреплялась. Он написал статью, в которой прославлял этот край, который назвал «сказочной страной» на севере. «Нурланнцы — добродушные и терпеливые люди. Их легко сбить с пути. У них сильная поэтическая традиция. Их память хранит множество разных историй и легенд о местных крупных торговых домах, об их расцвете и закате. В душах этих людей живут сказания и предания, они отнюдь не прозябают в убогом существовании, как здесь, на юге. Жители севера связаны с кипучей рыболовной деятельностью, естественно, у них куда более широкий кругозор, нежели у южан» [5: 147][204].

В то же время у него возникла идея приобрести большую усадьбу в центральной части Норвегии. Мария этого не хотела. Она постоянно убеждала его, что стремится к тихой, исполненной труда жизни: «Столько лет я скиталась по разным съемным

квартирам. И с тобой разве не так было, мой любимый? Жизнь человеческая не так уж длинна. Мне бы уже хотелось иметь свой дом, мужа и детей, ведь мне скоро будет двадцать девять лет. Кажется, и ты хочешь того же самого, неужели нет? Однажды зимой ты нарисовал наш будущий дом, и я так радовалась этому. Но в своих немых молитвах, обращенных к Богу, я просила, чтобы наш домик становился все меньше и меньше. Я прошу тебя, нам не нужен дворец. От всего сердца прошу тебя, пусть у нас будет скромный дом и хозяйство с двумя коровами»[205].

Троны Ибсена и Бьёрнсона освободились

В течение двух лет Гамсун упорно трудился над рукописью пьесы, за право постановки которой, как он надеялся, будут бороться лучшие европейские театры, ведь именно так бывало с пьесами Ибсена, хотя, по мнению Гамсуна, тот этого не заслуживал. В начале лета 1910 года пьеса была закончена. Он был доволен придуманным названием «У жизни в лапах».

Директор Московского художественного театра Владимир Немирович-Данченко получил текст пьесы. Ответ был невнятный. Королевский копенгагенский театр также не проявил явного интереса. В конце концов пришел ответ от Немировича-Данченко, что пьеса будет поставлена, но, скорее всего, перед новым 1911 годом.

Гамсун приложил усилия, чтобы выяснить у директора театра и через издательство «Знание» причину задержки. Как оказалось, ни театральному директору, ни издательству «Знание» не нравился перевод на русский язык, выполненный Петром и Анной Ганзенами. Уже в 1908 году Максим Горький, связанный с издательством «Знание», характеризовал стиль их перевода «Бенони» как вульгарный. И когда супруги надумали посетить Гамсуна в Норвегии, он решительно отказался от встречи с ними. По этой причине они прекратили переводить его книги. Тогда Гамсун обратился к журналисту русского происхождения, жившему в Кристиании, Менарту Левину, с которым переписывался в течение двух лет. Левин связался со своей соотечественницей, также жившей в Норвегии, Раисой Тираспольской. Она сделала перевод, и тогда из Санкт-Петербурга последовали более обнадеживающие сигналы.

Было получено сообщение из театра в Дюссельдорфе о подписании контракта на постановку этой драмы. В Кристиании директор Национального театра Вильгельм Краг обещал поставить «У жизни в лапах» в течение осеннего сезона.

Первоначальный замысел Гамсуна состоял в том, чтобы написать пьесу специально для Марии. После двух лет кипящей страстями жизни с бывшей актрисой, которую он неустанно оберегал от соблазна вернуться в театр, к этой, как он считал, балаганной и порочной жизни, смыслом его драмы стал протест против городской среды как таковой и театра вместе с ней.

Юлиана Гиле замужем за человеком намного старше себя. Бывшая певица из кабаре постоянно лжет и обманывает его. Каждый ее очередной любовник — представитель все более низкого сословия.

«Понимаешь ли ты, какова моя судьба? Участь подобных мне — опускаться все ниже и ниже. Помнишь, как я твердила: все закончится негром? Так и случилось. И мой негр отнюдь не стар и не безобразен», — говорит она в первом действии пьесы[{48}].

И все происходит именно так, как она говорит. В финальной сцене она раскрывает объятия восемнадцатилетнему негру — слуге, которого искатель приключений Пер Баст привез с собой из Африки. Тот самый Баст, которого она убивает из-за того, что он предпочел ей более юную Фанни.

В городе подвергаются разложению и старые, и молодые, представители всех сословий, но никакая среда не является столь губительной, как театральная, — такова главная тема пьесы Гамсуна.

Весной 1910 года умер Бьёрнсон. После того как Гамсун заклеймил его в 1903 году как предателя за то, что тот согласился принять Нобелевскую премию из рук шведов, теперь он вновь предпринял попытку сблизиться — показать свою общность с ним.

Он посвятил Бьёрнсону стихотворение, в котором тот предстает масштабной личностью: писатель и политик — духовный лидер нации.

На такую же роль в качестве преемника Бьёрнсона претендовал и сам Гамсун. Это ощутимо в романе «Под осенней звездой» и еще более — в его продолжении «Странник играет под сурдинку».

В это же время он разразился негодующей статьей, которая была напечатана в «Верденс Ганг» в Кристиании и в «Политикен» в Копенгагене. Вся страна стала прибежищем иностранных туристов, негодовал он, иностранцы повсюду, на горных дорогах, на берегах рек, в усадьбах, на сетерах… И стар и млад спешат отворить калитку в межевой ограде, стоят, держа в кулаке картуз, чтобы поймать брошенную из автомобиля монетку. А в доме мать

и дочь готовы из кожи вон вылезти, лишь бы угодить иноземным господам. Когда-то гордые и благородные норвежские крестьяне превратили всю страну в некий отель, а британцы низвели их до уровня обезьян. У нас нет времени возделывать землю, мы должны лишь услужливо открывать калитки для гостей: «Теперь мы можем купить кофе и сразу расплатиться, мы можем повесить гардины на окна новенькой дачки, мы можем „спикать“ с шофером. Но мы утратили нашу неприхотливость, наш душевный покой, наши милые добрые привычки. <…> Англосакс ввел современный дикарский взгляд на существование, англосакс сбил жизнь с колеи» [5: 139–140][206].

Да, сильно сказано.

Ощущая себя наследником Бьёрнсона, он ввязался также и в полемику вокруг Свальбарда Шпицбергена{49}. Когда Фритьоф Нансен, в противоположность многим норвежцам, поддержал решение правительства пригласить Россию и Швецию на переговоры по поводу статуса островов, Гамсун обвинил героя-полярника в непатриотичном поведении.

Летом 1910 года он получил правительственное уведомление, что его хотят наградить орденом Святого Улафа. По всеобщему мнению, был как раз подходящий повод — пятидесятилетний юбилей, который приходился, как все считали, на 4 августа 1910 года. Многие коллеги уговаривали его принять награду хотя бы ради поддержания престижа профессии писателя. Но он поблагодарил и отказался.

Было ли это проявлением обиды в связи с отказом ему в государственной стипендии в 1899 году? Или он боялся, что кто-то мог ехидно припомнить ему все высказанные им ранее устно и запечатленные на бумаге слова о том, что почести приходят вместе с наступлением старости? Не думал ли он о том, что, становясь кавалером ордена, он как бы взваливает на себя дополнительную ношу как король писателей, хёвдинг среди собратьев. Все эти соображения могли играть определенную роль, но, видимо, дело было и в другом. Гамсун просто боялся быть разоблаченным в связи с подлинным годом своего рождения.

Он поведал об этом в письме датскому библиотекарю, писателю и библиографу Карлу Дюмрейхеру. Кое-что он доверительно рассказал и о других вещах. Он считал, что это могло быть интересно для газетчиков. Единственное, что он по-настоящему любил сочинять, — это стихи. Но поскольку основная часть его доходов поступает из-за границы, а там стихи продаются плохо, так же как и нелегко поддаются переводу, он продолжает писать романы. Художественную литературу он не

читает, ему больше нравятся описания исторических событий, а также жизнь выдающихся личностей. А хуже всего для него писать пьесы[207].

При этом он, несомненно, гордился тем, что Национальный театр осуществил постановку его драмы «У жизни в лапах». Да и гонорар более 1200 крон был весьма кстати. В Дюссельдорфе спектакль шел девятнадцать вечеров и имел, судя по всему, успех. В Москве должны были поставить пьесу к Рождеству, но руководитель МХАТа уволил режиссера-постановщика и взялся за дело сам{50}, так что премьера отложилась на весну. В Германии в издательстве «Ланген» наконец вышла в свет вторая часть трилогии об Иваре Карено, «Игра жизни». На немецком языке вышел также и роман «Странник играет под сурдинку».

Источниками большей части доходов Гамсуна в последние несколько лет были публикации в России и Германии.

Гамсуны арендовали маленький домик в Эльверуме, в маленьком городке в центральной части Норвегии, где прошло детство и отрочество Марии.

Гамсун потерял значительную часть волос, несмотря на обращение ко все новым и новым дорогостоящим методам лечения, сулившим замечательные результаты. Его ужасно мучил ишиас, даже постоянный массаж не помогал. То и дело он простужался и был вынужден соблюдать постельный режим. Однажды он заказал себе чудодейственный электрический пояс. И вдруг на самом деле почувствовал себя лучше. По этому случаю Гамсун послал его изобретателю шутливое благодарственное послание.

Как раз в это время пришло письмо из Хамарёя, от друга детства Гамсуна Георга Ульсена. В письме были важные новости: там продавалась прекрасная усадьба.

Гамсун прекрасно знал усадьбу Скугхейм. Она принадлежала самому ленсману.

Более тридцати лет назад он посетил Бьёрнсона в Аулестаде. Именно так он хотел теперь жить и сам, прочно стоять обеими ногами на собственной земле и пристально и чутко наблюдать за природой, готовясь встретить очередную смену времен года.

Попытка вернуться к своим корням

Весной 1911 года Гамсун вернулся домой, в Нурланн. Теперь уже навсегда — так внушал он себе. Он давно начал убеждать

Марию в том, что крестьянская жизнь излечит ее, испорченную городской жизнью, и сотворит чудеса с ним.

Мария хотела переехать в Скугхейм немедленно. Они осмотрели усадьбу, приехав туда рано утром, в марте, ей все понравилось. Дом в хорошем состоянии, перед ним несколько старых берез. Совсем рядом проходила дорога, на другой стороне которой находился магазин. Местность слегка холмистая, и пахотные земли обращены к солнцу. Другие смотрят на море, к берегу подступает лиственный лес. Гамсун показал ей Глимму, морское течение с опасными водоворотами. Внутри дома была приятная крестьянская обстановка.

Но Гамсуна далеко не все устраивало. По его мнению, дом требовал значительной перестройки, поскольку они собирались жить здесь постоянно. Большую часть суток Гамсун проводил, наблюдая за работами в непосредственной близости от усадьбы, и постоянно строил новые планы.

В начале лета они наконец переехали. На полу во всех комнатах были расстелены ковры. В гостиной — красного цвета, в столовой — зеленого. Мебель в стиле ампир. На втором этаже находились спальня и большая комната, которая должна была стать его кабинетом. Гамсун придавал огромное значение общему стилю дома.

Даже когда он просто интересовался ценами на оконное стекло и черепицу, то особенно подчеркивал, что нуждается в красной черепице: «чтобы в целом облик дома соответствовал стилю дома сельского судьи»[208].

Шли недели и месяцы, а Гамсун все еще не спешил знакомить жену со свекровью. Прошло уже полгода их жизни в Нурланне, а этого все еще не произошло.

Во время обустройства дома им не раз случалось проходить мимо дома его матери. Когда они приехали в Хамарёй, то журналисты из «Верденс Ганг» взяли интервью у матери прославленного писателя, возвратившегося в родные места, у его брата и друга детства. Последний рассказал о том, что брат матери жестоко избивал Гамсуна в детстве. Это интервью возбудило любопытство Марии к тому, в каких условиях жил ее муж в юные годы. Она спросила его, как так случилось, что он оказался в доме у дяди, и супруг ответил ей:

— Он был почтмейстером, а у меня был такой красивый почерк[209].

Когда она принялась расспрашивать подробно, то он пробормотал что-то вроде того, что все они были в руках у дяди. Тогда Мария не удержалась и спросила, а как же мать могла

снова отослать его к дяде, после того как он прибежал от него зверски избитый. Он попытался прекратить дальнейшие расспросы, заявив, что она должна понимать, что они были бедны, а родители жертвовали ради детей всем, особенно мать.

Мария давно хотела познакомиться со свекровью. Сам Гамсун посетил свою мать только однажды, сразу после приезда. Он неохотно рассказывал о своей встрече с матерью. Кажется, Гамсун не мог смириться с тем, что она состарилась, он лишь поведал Марии, что мать стала тенью самой себя и страшно изменилась с тех пор, как он видел ее последний раз одиннадцать лет назад.

Смерть отца четыре года назад впервые натолкнула его на мысль об отрицании четвертой заповеди, той, где говорится о необходимости почитать родителей. Возвращение в Хамарёй и встреча с заметно постаревшей матерью явились важным стимулом к написанию сомнительной статьи, которую он озаглавил «Чти детей своих». Видимо, в облике своей матери он в чем-то увидел самого себя через двадцать-тридцать лет. Статья во многом дополнила и углубила материал одной из его лекций.

Ему была отвратительна старость: «…старое животное, например старая лошадь, никогда не выглядит так безобразно, как старый человек. Пожилые некрасиво ходят, сутулятся, лысеют, их взгляд тускнеет. Старики некрасиво едят… Почтенная старость — это состояние разложения, но мы сделали старость хорошим общественным положением. Старики — уже мертвецы, просто их еще не похоронили» [10: 370–379][210].

Однажды, уже будучи беременной на четвертом месяце, Мария поехала на бричке в Гамсунд к своей свекрови. Ее супруг был в отъезде. Тора жила в маленьком домике в соответствии с договором пожизненного содержания, вместе с теми, кто ей помогал. Ей шел восемьдесят первый год, и, по мнению невестки, она походила на мумию. Она была почти глухой, один глаз ослеп уже давно, другой еще немного видел. Тора была невероятно худа. Голос у нее был пронзительный и чересчур громкий, причем говорила она на диалекте своего детства, так, как говорили у них там, в Гудбрандсдалене, в тех местах, которые она покинула уже около пятидесяти лет назад. Хотя один из сыновей Торы был сапожником и она носила обувь, изготовленную им, по случаю приезда невестки она принарядилась, надела остроносые покупные туфли[211].

Наконец Гамсун вернулся домой и сообщил жене, что закончил книгу, над которой работал. Но потом стал вдруг требовать у издательства вернуть корректуру. Дело в том, что он

решил отказаться от издания книги. Для такого шага у него были свои причины.

Он получал авансы и гонорары из разных стран — таким образом, теперь его финансовое положение решительно улучшилось. Он вел переговоры с русским издательством, где он должен был получить за свою рукопись пять тысяч рублей. Это позволило бы ему выплачивать ежемесячную заработную плату нескольким рабочим в течение года. Россия становилась для него все более важным рынком. И посему он попытался убедить норвежские власти повлиять на Россию с тем, чтобы она подписала договор о взаимных обязательствах, связанных с авторскими правами. Такой договор не позволил бы русским издательствам и периодическим изданиям публиковать произведения Гамсуна, не выплачивая ему гонорар. Он также установил контакт с норвежской миссией в Москве и консульством в Санкт-Петербурге, рассчитывая на их помощь в получении гонорара. Главной же причиной для отказа от издания книги явилось просто собственное недовольство Гамсуна результатами своего труда.

Перед тем как Марии предстояло родить первенца, в начале марта 1912 года, ее супруг решил уехать.

Через два дня он получил телеграмму от Марии о том, что у него родился сын. Он тут же заказал ящик ярко-красных апельсинов, который посыльный должен был доставить Марии и ребенку. У заезжего торговца он приобрел для Марии шляпу и огромное страусиное перо: «Ну вот, ты теперь со мной не расплатишься, даже если мы с тобой пролежим в постели всю Троицу»[212], — озорно шутил он.

Мария думала о крещении младенца. Отец решил, что его должны назвать Туре. Следует проявить уважение к старшему поколению из Гамсунда. Но при этом отец ребенка и не думал возвращаться домой. Мария описывала ему, как красив малыш, как она лежала рядом с ним по ночам и не смыкала глаз, потому что не могла оторвать от него взгляда. Он писал ей, что она должна проявлять как можно больше нежности к их сыну.

Он вернулся домой только через два месяца. Мария долго размышляла о том, какие слова ее муж, писатель, произнесет, впервые увидев своего сына. Это был самый конец апреля 1912 года. Он долго вглядывался в личико Туре, а потом произнес:

— У него удивительно красивые ноздри[213].

После рождения сына началась еще более активная деятельность, связанная с благоустройством усадьбы и ведением

крестьянского хозяйства. Старший сын Гамсуна, наследник, должен иметь право гордиться своей усадьбой. Скугхейм должен стать усадьбой, о которой будут с уважением говорить в окрестных приходах. Писать для него было важным как никогда, его слова обрели невиданную значимость. Писатель должен воспевать труд на земле. В статье «Слово к нам» он ставит диагноз больному обществу и предлагает средство исцеления: «Надо вынуть руки из карманов и приняться работу. Тогда наш народ не станет нацией содержателей гостиниц и обслуги. Мы должны осушить наши болота, насадить леса, освоить огромную провинцию Нурланн»[214].

Как раз этим-то он и занимался в то время.

Ранее ради денег он предпринимал попытки сочинять пьесы. Но пришло время, когда это стало невыносимым. Он предпочел продолжать писать романы. Как-то раз Мария пришла в большую комнату и застала его стоящим у печки — он бросал в огонь целые страницы и небольшие листочки, заполненные его изящным почерком. Четыре года назад он убедил ее написать заявление об уходе из Национального театра. Теперь он сам, бросая в пламя листок за листком, сжигал мосты, связывающие его с театром. Мария должна была воспринимать это как победу.

Первоначально он намеревался закончить в течение года и пьесу, и роман. Теперь он вовсю торопился с романом. Летом 1912 года он засел за работу в своей большой комнате. Женщины в доме едва дышали и ходили на цыпочках, боялись смеяться и громко разговаривать, греметь кастрюлями или обращаться к нему, если он только сам не проявит желание вступить в разговор.

Наследник тоже оказался смышленым парнишкой. Он быстро усвоил, что стоит ему издать малейший звук, как отец тут же подходит к нему, берет на руки и начинает с ним играть или призовет к этому маму.

Этим летом в Скугхейм приехала его дочь Виктория. Отцу показалось, что его дочь слишком любит играть и что у нее нет чувства ответственности. Когда она уехала, он написал Берлиот письмо с жалобами. Та пыталась защитить дочь[215].

Гамсун отправился в местечко Юнкердал — это во внутренней части страны, всего в трех милях от шведской границы. Со времени своего пребывания в Вальдресе в 80-х годах, когда он чудесным образом излечился после возвращения из Америки, он проникся убеждением в целебности континентального климата. Но при этом его тревожили мысли о

том, что Скугхейм остается без его хозяйского глаза. Он посылал Марии длинные письма, в которых напоминал ей, что листья турнепса и картофеля боятся заморозков, что пахоту надо продолжать, что агроному нужно напомнить, откуда брать торф для пашни — из того же места, где и в прошлом году. Он подсчитал, что в этом году его, наверное, наберется сорок возов. Он спрашивал также, починили ли телефон, заказали ли кузнецу дымоуловители. С кузнецом ей следует быть любезной. Может быть, кузнец смог бы что-то наладить и в печке в гостиной так, чтобы она перестала гудеть, это гудение действует ему на нервы. Привыкла ли она сама и горничные ходить за водой по аллее? Проветривала ли она подвал? Сад нужно глубоко перекопать и внести удобрение. Он сам бы с удовольствием сел на трактор и перепахал бы тот неплодородный участок, что рядом с домом, где живут работники. Мария должна проследить, чтобы земля была распределена ровным и не слишком тонким слоем повсюду, для этого можно брать землю и на пустыре, там, где раньше была конюшня. Что касается запаса дров, то их вполне достаточно, так что не нужно рубить деревья, из-за этого только расширяются болота[216].

Гамсун не только тревожится, но и радуется хорошим результатам, полученным от ведения хозяйства: был выращен хороший урожай картофеля — 60 центнеров. А чувство радости тут же вновь вытеснялось новыми заботами. Хорошо ли себя чувствует свинья в хлеву? Сделан ли проем в стойле у коровы Розмарин так, чтобы телочке Квите было удобно сосать? Убрали ли с поля валуны, из-за которых была повреждена жатка? Необходимо поменять упряжь у Буланки…

В этом рыбацком сообществе, в котором они теперь жили, оказалось немало семей, где всем заправляли женщины, все обязанности по хозяйству оказались возложенными на их плечи, но это не были такие большие хозяйства, как Скугхейм. А вот Мария вынуждена была вставать в шесть утра, и работа ее продолжалась до самого позднего вечера. Утром и вечером она работала в хлеву, постоянно надо было готовить и подавать еду, порой каждая трапеза продолжалась в две смены, ведь у них было так много работников. Были и другие дела, в которых она должна была принимать участие, ведь хозяйство постоянно расширялось, Гамсун затевал все новые постройки, осушение болот, прокладку новых дорог. Ей приходилось присматривать за уборкой камней, вникать в севооборот, следить за распашкой целины.

Она была против его отъездов ради творчества. Она воспринимала это как предательство. Ведь они обещали друг

другу жить именно такой жизнью, работать на земле, трудиться на литературной ниве и рожать детей, в священном триединстве. Но так не получалось.

Его творчеству подчинялось все, и теперь тоже. Он говорил, что должен писать много как никогда, для того чтобы быть в состоянии оплачивать все расходы. Она попыталась убедить его в том, что постройки в Скугхейме не должны быть столь грандиозными и многочисленными, что не следует расширять дальше пашни, что лично ей вполне хватило бы ухода за тремя коровами, свиньей и несколькими курами.

О себе Мария говорила, что она уже привыкла к этой земле. А он? В нем постоянно боролись между собой писатель и крестьянин. Как их примирить? Мысль о том, что будет, если писатель одолеет крестьянина, не давала ей покоя по ночам[217].

Просто истерия и сплошной комок нервов

Уже осенью 1912 года, спустя всего полтора года, как они стали жить на Хамарёе, Мария получила письмо от мужа, в котором были написаны как раз те слова, которых она опасалась больше всего на свете: «Боюсь, мы не сможем содержать эту усадьбу, она высасывает из меня все силы, я становлюсь как бесформенное желе. Я вынужден постоянно думать о ней. Мне надо каким-то образом отойти от всего этого, чтобы я ощутил себя здоровым и мог снова писать. О Господи, что же нам делать?»[218]

Гамсун написал это в то время, когда у него уже была близка к завершению новая книга. Он назвал ее «Последняя радость». Он начал работу над ней еще перед окончательным разрывом с Берлиот в 1906 году. Главный герой покинул город и поселился в чаще лесов. «Я удалился в леса ради уединения, а также ради того железа, которое я храню в себе и которое раскаливается. Моя первоначальная цель была раскалить мое железо, но, конечно же, было бы смехотворным утверждать, что это легкое дело. И я даже не знаю, есть ли у меня это железо и способен ли я раскалять его дальше, даже если оно у меня есть».

Кнут Гамсун отнюдь не кокетничал, когда употреблял эту метафору, говоря о своем страхе больше не иметь в себе той повышенной творческой температуры, которая необходима писателю, чтобы он мог сгибать и поворачивать чувства, мысли и слова, подобно кузнецу, работающему с раскаленным железом. В течение долгих лет в своих устных выступлениях, статьях и письмах он говорил о том, что писательское мастерство

деградирует вместе со старостью творца. В прошлом году ему не удалось завершить книгу, как он предполагал. И вот теперь эту книгу надо было закончить, чтобы вовремя отдать в издательство. Тогда она успеет выйти к рождественским продажам. Ведь ему так нужны деньги.

И здесь, в этой книге, он вновь возвращается к теме морального падения женщины в норвежском обществе. Действие происходит в крестьянской усадьбе высоко в горах, куда имеют обыкновение приезжать иностранные туристы. Паразитический извращенный образ жизни туристов угрожает чувству собственного достоинства владельца усадьбы и нарушает обычный ритм его жизни. Критические стрелы, направленные Гамсуном против туризма в его статье «Слово к нам» от 1910 года, в этом романе разят еще сильнее. Написанное в статье было проникнуто горечью, здесь — ненавистью. В горный пансион приезжают два пожилых, праздных, нелюбезных англичанина.

Главный герой застает их ночью в хлеву за непристойным занятием и вот таким образом размышляет о них: «Пороки идут своим чередом, как и добродетель, ничто не ново, все возвращается и повторяется. Римляне владычествовали над всем миром — прекрасно. О, римляне были могущественны, они были непобедимы, они позволяли себе жить безоглядно, и вот в один прекрасный день на них стали сыпаться кары, их внуки стали проигрывать одно сражение за другим, и эти внуки в недоумении оглядывались назад. Колесо фортуны повернулось, и римляне больше не царили над всем миром.

Какое мне дело до двух англичан, ведь я местный житель, норвежец, мне оставалось только помалкивать, глядя на все проделки могущественных туристов. Сами же они принадлежали к нации всесветных бродяг и спортсменов, полной пороков, которую покарает когда-нибудь гибелью справедливая судьба в лице Германии».

Гамсун способен теперь на более резкие суждения.

Впрочем, одну из героинь романа ждет спасение, несмотря на то что она связалась сначала с неким пришлым соблазнителем, современным молодым человеком, позднее — с деревенскими парнями, ставшими наглыми и циничными, а потом с актером. Ее спасает Николай, столяр и земледелец. «Она так и светилась счастьем, особой материнской красотой. Ее глаза были полны мистической доброты, которой я не замечал прежде».

Она наконец обрела смысл своего существования. Этим смыслом стал ребенок. Ведь это просто настоящее чудо. Она бы хотела, чтобы у нее было много детей, чтобы они становились в

ряд, один за другим, как органные трубы.

Она — это тот пример, который писателю важно нам продемонстрировать: пример сбившейся с пути женщины, которая возвращается в нормальную жизненную колею. И опять мы видим эту поразительную связь между творчеством Гамсуна и его собственной жизнью, его семейной историей.

Также в этом романе он проявляет себя вдумчивым наблюдателем любовных перипетий. Он расстается со своими прежними героями — главным действующим лицом «Голода», Нагелем, Гланом, Вендом — этими экзистенциальными аутсайдерами, их место занимает пожилой человек. Авторская позиция меняется. Он больше не разоблачается перед читателем, он становится наблюдающим.

Гамсун расстался с идеей, что высокое предназначение женщины заключается в том, чтобы вдохновлять мужчину на творческую деятельность, сначала погружая его в опьянение любовью, потом в опасную эротическую игру, и при этом оставаться недоступной. Как Дагни в «Мистериях», Эдварда в «Пане», Терезита в «Игре жизни». Постепенно изменяя свою манеру письма, он уходит от доминирующего самовыражения к интерпретации поведения своих персонажей. На передний план он теперь выдвигает материнскую суть женщины.

Расставшись в 1906 году с Берлиот, он тем не менее не расстался с мечтой о женщине, которая вдохновляла бы его.

Встретив через два года Марию, он безудержно культивировал эту идею. Ведь она была призвана превратить его в короля поэтов. Завоевав Марию, он начинает переделывать ее характер. И вскоре она становится хозяйкой в крестьянской усадьбе.

Скорее всего, для Гамсуна было в этот период важнее описывать «чуму», которую несет с собой дух нового времени, нежели любовь. Таким образом, роман «Последняя радость» он заканчивает словами, прямо обращенными к читателю: «Тебе пишу я, новый дух Норвегии. Я написал это во время чумы, ради чумы. Я не могу остановить чуму, нет, ее уже не побороть больше, она придет под защитой нации, среди тарамбумбии. Но когда-нибудь она прекратится. А пока я делаю то, что могу, восставая против нее. Ты делаешь противоположное». Он не решается на этом закончить. В последней фразе он предвещает, что будет делать упор на общественно значимую тему: «Но я все-таки заставлю тебя понять, что я близок к истине. В таком случае, так и быть, я не буду называть тебя идиотом».

Уже перед началом рождественских продаж, в декабре 1912

года, ему сообщили, что «Последняя радость» выйдет тиражом в пять тысяч экземпляров. К тому времени он отнюдь не был избалован большими тиражами: «Тираж так огромен, что мне прямо-таки трудно осознать это, я считаю, что „Под сурдинку“ гораздо лучшая книга, ведь я писал ее, будучи моложе на три-четыре года», — не без доли кокетства писал Гамсун своему копенгагенскому издателю[219].

Рецензии были разные, те, что позитивные, — превозносили Гамсуна до небес. Свен Ланге задал тон в «Политикен»: «Здесь целиком раскрылось дарование Гамсуна. Это он — пантеист со времен своей молодости, человек, страстно любящий природу и поклоняющийся ей, умеющий изобразить тончайшие оттенки чувств, каким он был в „Пане“, это он — острый и своенравный полемист в „Нови“, яркий описатель бурных любовных сцен в „Игре жизни“. Здесь же проявилось и изощренное стилистическое мастерство романа „Мистерии“»[220].

А самое главное, на что оказался способен Гамсун, так это опровергнуть свой собственный тезис о том, что к старости у человека ослабевают все способности.

Успех имел разнообразные последствия. Перед самым Рождеством Гамсун бахвалился перед своим старым знакомым в Бергене: «Хо-хо. У меня в крови весна, сплю с женой, черт бы меня побрал, на полную катушку, да так, как давно у меня уже не было»[221].

Но потом он снова захандрил. И Марии с трудом удавалось делать вид, что она не читала тех пугающих слов в его письме, где он говорит о желании продать усадьбу. И тем не менее это Рождество для их небольшого семейства оказалось более приятным, нежели предыдущее, их первое Рождество в Скугхейме, когда его неврастения испортила им праздник.

Сразу же после наступления 1913 года Гамсун вновь сбежал из дома, на этот раз в местечко на шведской границе. Мария не скрывала своей грусти, ей было горько, что она так и не удержала его дома, он сбежал, несмотря на все ее усилия уберечь его от малейшего беспокойства. Он продолжал свое творчество, невзирая на обилие корреспонденции, которая отнимала у него все больше времени. Однажды он получил целых 17 писем, и это уже была третья порция за неделю.

Комната на почтовой станции у шведской границы, где он остановился, была холодной, с четырьмя окошками со ставнями, он сидел тепло одетый, спиной к печке, воздух был сухой. Однажды уличный термометр показал минус тридцать девять градусов. Уже к концу февраля он перестал сомневаться, что

книга, над которой он начал работать, должна получиться. Через месяц он констатировал: «Книга должна получиться отменной, хотя работы много и не продохнуть. Кажется, все идет так хорошо, что я бы мог продолжить и дома, — размышлял он. — Только бы мне не слышать голос Туре. Это не значит, что он меня беспокоит, бедняжка, но я до истерики боюсь, что мне что-то помешает. Дома у меня нет покоя, я сижу и прислушиваюсь к разным звукам. Либо смотрю на часы: сейчас малыш должен спать, вот-вот его вывезут на прогулку, сейчас его купают, а теперь укладывают в кроватку. И все такое. <…> Это просто ужасно, но я больше не человек, я инструмент творчества, просто истерия и сплошной комок нервов»[222].

Совсем ненужное объяснение. Мария и так понимала все, что с ним происходит. Но тем не менее она почувствовала некоторое облегчение, когда он сам поставил себе диагноз.

Через два месяца он снова приехал в Скугхейм. Усадьба требовала значительных вложений. Его долг «Гюльдендалю» на рубеже 1912–1913 годов составил 18 255,99 кроны, при этом ежемесячная выплата Гамсуну от издательства составляла 300 крон. Сумма, равная на Хамарёе годовому жалованью наемного рабочего. Так что долг Гамсуна рос. Из России он уже получал меньше денег. После смерти Альберта Лангена в 1909 году отношения Гамсуна с этим издательством стали прохладными. По мнению Гамсуна, оно не приложило необходимых усилий для продвижения его пьес в Германии. Когда издательство замешкалось с выпуском его собрания сочинений, он тут же подписал контракт с другим издательством в Мюнхене — издательским домом «Георг Мюллер». Преемник Альберта Лангена Корфитц Хольм выразил Гамсуну свое негодование и потребовал с него неустойку в 100 000 немецких марок за право публиковать в других издательствах все те книги, которые вышли у Альберта Лангена с момента судьбоносной встречи в Париже двадцать лет тому назад. Отношения между двумя издательствами становились все более напряженными. Гамсун рассчитывал, что сможет иметь дело с обоими, но вскоре понял, что это невозможно. Когда издательство Георга Мюллера чуть задержалось с ежемесячными выплатами, он счел это поводом, чтобы вернуться к сотрудничеству с прежним издательством. Он обвинил новое издательство в невыполнении контракта. Последовал незамедлительный ответ — угроза требования возмещения ущерба за нарушение контракта. В начале лета писатель должен был отправиться в Кристианию для консультации со своим адвокатом.

Мария хотела показать сына своим родителям в Кристиании и напомнила супругу его слова о том, что ей не хватает в Скугхейме подобающего общества. В начале июня 1913 года все семейство взошло на борт парохода, который должен был их доставить в Будё, а оттуда им предстояло добраться до Тронхейма, чтобы там пересесть на поезд и ехать дальше. Но он вдруг передумал, он не поедет дальше с женой и ребенком. Вскоре он сел на поезд один, предоставив жене с ребенком дожидаться его в Тронхейме, куда он собирался вернуться за ними.

Когда поезд приближался к Лиллестрёму, станции в двадцати километрах от столицы, он увидел на перроне одиннадцатилетнюю Викторию, которая пришла на вокзал для того, чтобы увидеть отца и обменяться с ним несколькими словами через окошко поезда. Через несколько дней она пишет из Лиллестрёма отцу, который остановился в отеле в Кристиании. Он обещал написать ей, а она до сих пор никаких писем не получала, может быть, она послала письмо не на тот адрес? Она очень хотела бы прийти к нему в гости в тот отель, в котором он остановился, она должна сообщить ему, что тетина горничная готова сопровождать ее. «Дорогой папа, поскорей выздоравливай, и если мне не удастся увидеть тебя в Кристиании, ты должен мне точно сообщить, когда будешь уезжать, чтобы я могла прийти на вокзал и помахать. Тысяча приветов от Виктории»[223].

Он разрешает Виктории прийти на вокзал в Лиллестрёме и встретить его поезд. Он снова не выходит на перрон во время остановки. Через окошко купе он протягивает ей конверт с деньгами, который настоятельно советует беречь. Она сжимает конверт правой рукой.

Приехав домой, он пишет письмо, в котором упрекает ее, что она подала ему в окошко поезда левую, а не правую руку. Одиннадцатилетняя девочка пытается объяснить, как все было: «Как жаль, что для тебя было так важно, чтобы я протянула тебе именно правую руку, сама я этого не помню и обычно пользуюсь правой рукой, когда это полагается. Но, может быть, в тот раз так не было, так как правой рукой я сжимала тот самый конверт с деньгами, который получила от тебя. Или, может быть, за правую руку меня держала наша горничная Ингрид, ведь я обещала быть очень осторожной на станции. Там столько поездов, а твой был на самом последнем пути. Кроме того, я редко бываю на станции, и твой поезд стоял такое короткое время, а я так волновалась. Когда ты был в Кристиании, я все надеялась, что ты напишешь

мне письмо и я смогу прийти в гости к тебе в отель, Ингрид уже заранее обещала сопровождать меня. Как жалко, что вместо этого я могла повидаться с тобой всего-навсего в течение двух минут, через окошко вагона»[224].

Она также извиняется за то, что папа не понял назначения подарка, который она ему подарила на день рождения, — вышитого ею мешочка-футляра для часов.

Из комнаты в башне

Летом 1913 года Гамсун опять уехал из усадьбы от Марии и сына, которому было чуть более года, уехал ради своего творчества.

В одном из писем к столичному знакомому, которое переписывала для него Мария, он вновь повторяет те же самые пугающие слова: он признается, что ему тяжело, что он очень скучает по своим городским друзьям, общаться с которыми было для него радостью.

В свое время Мария доверчиво протянула ему обе руки, в надежде, что он устроит достойную жизнь для них обоих. Теперь ей стало казаться, что он отступился от этого, что он сдался[225].

Гамсун был раздираем противоречиями. Написав деловое письмо своему копенгагенскому издателю, он добавил к нему следующие откровения: «Я живу в состоянии настолько глубокой депрессии, что временами просто мечтаю о быстрой смерти, кроме того, я постоянно не успеваю справляться с делами. Да, не надо было обременять себя усадьбой, нерадивость рабочих настолько выводит меня из себя, что порой я думаю: лучше бы мне иметь не такое большое хозяйство, а лишь маленькую избушку.

Как хорошо бы стать буддистом, лежать под пальмой и держать в руках блокнот. А так я постоянно отвлекаюсь от своей работы, чтобы вникать в какие-то хозяйственные дела. Пусть у меня не будет никакой усадьбы»[226]. Летом 1913 года он вел переговоры о возможной покупке городской усадьбы в Драммене и деревенской усадьбы в горной долине.

Гамсун вернулся домой к своим близким, но при этом стремился держаться подальше даже от них. Здесь, на Хамарёе, его осаждали разнообразные личности. А он их знать не хотел. Он не терпел, чтобы кто бы то ни было незваным вторгался на ту территорию, которую он очертил вокруг себя.

Жители Нурланна оказались отнюдь не такими, какими он их воображал. Они были похожи на тех людей, которых он встречал повсюду: склонные проявлять все меньше уважения к тем, кто занимает более высокое положение, нежели они, отнюдь не столь неутомимые в работе, какими им следовало быть в соответствии с его воспоминаниями детства, помешанные на деньгах и покупках каких-то ненужных товаров. Люди постепенно отворачивались от работы на земле и в море и старались устроиться в городе. Также и жители Нурланна, увы, оказались детьми своего времени и все больше и больше сбивались с пути. Гамсуна, ставшего к тому времени важным господином, коробило желание многих быть с ним на равных. Он уже не принадлежал к их миру. Жизнь постоянно уводила его в сторону от общей массы. Ему представлялось, что общественная иерархическая пирамида оказалась опрокинутой, и влияние богатых купцов и землевладельцев все ослабевало, он, как владелец усадьбы, таким образом оказывался все более одиноким, изолированным от всех в своем великом прошлом. При этом простолюдины постепенно проникались сознанием своей значимости, и их требования о повышении жалованья, выходных днях и прочем становились все более наглыми. Они внушали друг другу идею о том, что они ничем не хуже доктора, ленсмана и самого Гамсуна…

Именно об этом он и писал в своем новом романе, который назвал «Дети века».

Здесь сошлись старое и новое время: Виллатс Холмсен, лейтенант и владелец Сегельфосса в третьем поколении, которого все в округе встречали как генерала до той поры, пока простонародье не начало много воображать о себе. Пока сюда не явился некий новомодный царек Хольменгро, собственно говоря, всем известный Тобиас, уроженец одного из крохотных островков среди океанской пучины, который уехал в Южную Америку и там разбогател.

Он — один из тех, кто строит фабрики и переманивает к себе людей, отвлекая их от плуга и рыбацкой лодки.

Пробыв всего несколько дней в Скугхейме, Гамсун едет дальше в Будё, где он продолжает писать «Детей века» в комнате отеля, расположенной наверху здания, в башне. Ни одна живая душа на всем белом свете, даже Мария, не способна понять, какие нечеловеческие усилия требуются для того, чтобы удержать в сознании тот мир, который он создает. Мир, которому постоянно что-то угрожает извне. Это могут быть и звуки, и какой-то предмет, на котором задерживается взгляд, и человек, который ненароком проходит мимо, встречается по дороге или спускается

по лестнице, слишком пристально вглядываясь в него. А может быть письмо, телеграмма, телефонный звонок, которые могут отвлечь, и тогда он упустит какой-то очень важный момент работы. Все это способно настолько сильно разрушить созданное, что многое придется воссоздавать снова. Он должен, как Атлант, постоянно держать весь этот мир на своих плечах.

Самое плохое, что приносит с собой старость, — это потеря способности к глубокому сну, и потому он ходит целый день как в полудреме. От этого он быстрей устает и медленней приходит в себя, жаловался он.

Процесс творчества начинается у него с того, что он раскладывает вокруг себя листки с заметками. Своеобразный пасьянс. Какие-то куски он потом соединяет между собой, какие-то соединяются сами, а некоторые из них действительно становятся элементами художественной реальности. Той реальности, условия для возникновения которой он создает, в которой позднее он берет на себя роль Всевышнего.

Вообще Гамсун мастерски использует все свои черновики, клочки с записями, листки календаря или что-то иное, что попадет под руку, но случается, что он не успевает, не находит, на чем запечатлеть поток причудливых фантазий, эмоций и идей. Когда же утром наконец он приходит в себя, пережив тревожащие звуки, незажженную лампу, отсутствие бумаги, то порой бывает просто поражен результатом. Описание судеб, обмен репликами, новый поворот событий, меткие характеристики… Это благословенные мгновения, и он охотится за ними, неистово как никогда. Именно они и могут компенсировать тот упадок духа, который несет ему старость. С написанием каждой новой книги он становится все более неврастеничным и одновременно ненасытным хищником, неустанно рыщущим в поисках вдохновения, добычи, всегда готовый к охоте и опьянению победой.

Таким образом, творить — это значит сутки напролет добиваться этих благословенных мгновений. «Да будет жизнь», — заклинает он и рассыпает листочки по столу. И жизнь возникает, подлинная жизнь, в его персонажах так много жизненной энергии, что они спорят со своим создателем, пытаются ускользнуть от его замысла, а он возвращает их обратно с помощью изящно наброшенного литературного лассо.

Он все чаще старался поставить своих героев в ситуацию, достойную иронии, а то и громогласного хохота. В таких случаях работа у него шла легче. Настроение также улучшалось, если он, успокаивая свою совесть, посылал домой подарки.

Атмосфера в семье была напряженной. Однажды во время телефонного разговора ему показалась, что Мария говорит голосом умирающей[227]. Мария вновь была беременна и так же, как и перед рождением первенца, ощущала головокружение и тошноту.

Приближался декабрь 1913 года, предрождественское время, когда все покупали книги. К какому сроку ему необходимо сдать рукопись, чтобы успеть? Ответ от руководства «Гюльдендаля» в Копенгагене невероятно польстил его самолюбию: как будет угодно господину Гамсуну. По получении рукописи ее отправят в типографию, она будет напечатана немедленно, в течение нескольких часов[228].

25 декабря он отослал первые 150 страниц рукописи. Ощущение кратковременного облегчения и одновременно тяжесть осознания того, что намеченная им самим дата сдачи рукописи неумолимо приближается, уже на следующий день пробудили в нем мощную волну вдохновения, и он с гордостью писал Марии: «Не спал до пяти утра и поэтому немного не в себе, но при этом, Господь тебя сохрани, Мария, я чувствую себя героем, ведь сегодня ночью я написал больше, чем за все эти последние месяцы. Работал в общей сложности десять часов. Меня буквально трясет. Я близок к завершению книги, но у меня так много персонажей и сюжетных линий, которые я должен связать воедино, что на это уйдет больше времени, нежели я рассчитывал. Сегодня писать больше не могу. Если ты чувствуешь себя хорошо, то и мне легче работается»[229].

В рождественский сочельник 1913 года Гамсун понял, что уходящий год принес ему подарок, которого он жаждал многие годы, — успех продаж! «Гюльдендаль» намеревался выпустить дополнительный тираж «Детей века» в 14 тысяч экземпляров, в соответствии с запросами книготорговцев из Норвегии и Дании. Увеличилась и ставка гонорара. Предыдущая книга, «Последняя радость», вышла теперь тиражом в шесть тысяч экземпляров. Ее собирались переводить в Германии и России, экземпляр должен был быть выслан той самой переводчице Марии Благовещенской, которая клялась, что не будет иметь с Гамсуном ничего общего. В 1913 году ожидался новый тираж «Бенони», тираж «Пана» в одной из выпускаемых «Гюльдендалем» серий составил 20 тысяч экземпляров.

Гамсун стал свидетелем эпохального переворота в крестьянском образе жизни, когда огромные массы населения двинулись в чужую страну за океаном и в свою сказочную страну

на севере.

В течение жизни Гамсун приходил ко все большему разочарованию и неприятию таких явлений, как индустриализация, урбанизация, демократия, классовая борьба.

В новые времена людей отчуждали от моря и земли. «…Ведь всегда можно пойти к королю Тобиасу и попросить у него муки в долг, а пока что наняться к нему на работу и жить на его хлебах. Поразительно, до чего светлее стала жизнь; поденщики теперь жевали табак сколько душе угодно, а крестьяне, владельцы лошадей, нанимались возчиками, зарабатывая деньги на уплату податей и на покупку товаров в лавке», — писал он в «Детях века» [3; III: 236].

Виллатс Хольмсен — владелец замка в третьем поколении, а его жена Адельхайд происходит из старинного ганноверского рода. Они живут вместе, не любя друг друга, в поместье Сегельфосс где-то на севере, люди знатные, но лишенные капитала. Сюда приезжает человек новых времен Тобиас, уроженец дальних островов, разбогатевший в Южной Америке, который покупает землю Хольмсена, мукомольни для строительной и торговой деятельности. В результате этого простые люди бросают плуг и сети и становятся недобросовестными и одновременно требовательными работниками, некоторые преодолевают шутовскую псевдоученость или становятся служащими. Простой народ и аристократы связаны давними, традиционными узами, которым грозит разрушение. Тобиас Хольменгро сам из семьи рыбака, обладает способностью карабкаться вверх по социальной лестнице. Хольмсен не может не осознавать, каковы могут быть последствия продажи земли этому пришельцу. Постепенно, как говорится в романе, у него появляется даже вкус к саморазрушению. В течение двадцати пяти лет Гамсун изображал личностей, которые в своих поступках руководствовались собственными иррациональными импульсами, порой с катастрофическим результатом. При этом Гамсун обвинял Ибсена в том, что в его изображении аристократ Росмер такой слабый, что его вот-вот сдует ветром. Не таков его персонаж Виллатс Хольмсен. Гамсун делает его человеком с сильным характером. Его жизнь состоит из того, что он подавляет свои эмоции и порывы. Усилиями воли он постоянно формирует и совершенствует свой характер.

Последствия велики как для его собственной семьи, так и для жителей прихода Сегельфосс, которые теперь становятся горожанами. Упрямая заносчивость ведет всех их к общественной деградации. Хольмсен несгибаем, в процессе разорения он

проявляет неизменное упрямство. Стремление аристократа любой ценой сохранить свою честь приводит к тому, что он теряет в жизни все: жену, сына, имущество. Никто не отваживается прямо бросить вызов могущественному Хольмсену. Постепенно он лишается своего былого могущества и влияния. Полноправным властителем имения становится плебей Тобиас Хольменгро. А Виллатсу Хольмсену остается лишь довольствоваться мыслью, что человек должен быть сильнее своей судьбы.

«Дети века» — это роман, который описывает процесс ломки общественного уклада, происходящий потому, что черты старого и нового оказываются несовместимы друг с другом. Роман повествует и о крахе супружества, который происходит оттого, что супруги не способны сблизиться друг с другом. Виллатс Хольмсен пытается покорить жену силой. Но его чувство самоконтроля, умение сдерживать себя мешает осуществлению его замысла, иначе он должен был бы изменить самому себе. Он мечтает о горничных. Но его стремление к самоконтролю побеждает и здесь.

Смысл произведения Гамсуна в том, что борьба нового со старым пронизывает все сферы жизни.

В «Детях века» Гамсун рассказывает нам о супружеской паре среднего возраста. Симпатии автора главным образом на стороне супруга, но при этом он проявляет и глубокое сочувствие к Адельхайд. Его героиня тонет во время купания — совершает самоубийство, так же как и жена капитана Луиза Фалькенберг в «Странник играет под сурдинку». Обе эти женщины переживают крушение супружества, но есть принципиальное различие между двумя романами. Жизнь Адельхайд не прошла даром: она мать, у нее есть сын, Виллатс Хольмсен-четвертый…

Когда Гамсун закончил работу над «Детьми века», его жена была беременна. Гамсун создал роман, в котором присутствовали и социальные мотивы, в то же время это почти хроника семейной жизни. В изображении общества он становился все более публицистичен, в описании супружеской жизни — все более многообразен в деталях.

Роман заканчивается тем, что представитель четвертого поколения Хольмсенов возвращается к себе домой в родовое имение. Виллатс — композитор, учился за границей. Его отец умер, и он заходит в дом, чтобы попрощаться с отцом. А на улице его ожидает Марианна, дочь Тобиаса Хольменгро, в которую он влюблен с детства.

В предрождественские дни 1913 года Гамсун стал намекать Марии, что ему необходимо уехать и что у романа будет

продолжение. Мария, на четвертом месяце беременности, стояла на крыльце и вместе с Туре махала ему вслед, когда в конце января — начале февраля он снова покинул их.

Мария знала, что всякий раз, когда в муже писатель побеждал крестьянина, возрастала угроза потери Скугхейма[230].

Он поселился в отеле в Будё. Он снял для себя три комнаты в башне, одну в качестве спальни, вторую исключительно для того, чтобы никто не жил рядом и таким образом не мог бы помешать ему в работе, а третью, с окнами на задний двор — непосредственно для работы.

Его благосостояние неуклонно росло. Четыре тиража «Детей века» принесли ему 9000 крон, новое издание старых книг — 3000 крон. Кроме того, в 1913 году он получил суммы в 3000 и 4000 крон из Германии и других стран. В целом этого было достаточно, чтобы покрыть долг издательству; у него было более 8000 крон на банковском счету. Для сравнения: старший помощник капитана дальнего плавания зарабатывал в то время до 2000 крон в год.

В начале марта 1914 года Гамсун получил более 5000 крон от Московского художественного театра, всего же он получил от него около 30 000 крон. Ожидались деньги из Мюнхена, а директор немецкого театра Макс Рейнхарт{51} собрался поставить «У жизни в лапах»[231].

Но не обошлось и без горького разочарования. Более десяти лет он считал, что картина, висящая на стене одной из комнат его дома, обладает невероятно высокой стоимостью. Многие и раньше говорили ему, что картина, приобретенная им в Бельгии в тот период жизни, когда он увлекался азартными играми, — отнюдь не полотно Гойи, а лишь жалкая копия Рубенса. Теперь же он получил достоверное подтверждение этому от человека, на чье мнение он безоговорочно полагался. Картина оказалась дешевкой!

В конце марта 1914 года Гамсун снова вернулся на Хамарёй. Еще сидя в отеле в Будё, он перекладывал и перекладывал свои черновики, но они никак не состыковывались, не складывались в единую мозаику.

Не получилось их сложить и дома, в Скугхейме, в его большой рабочей комнате. Третьего мая 1914 года Кнут Гамсун стал отцом в третий раз, мальчика назвали Арилдом. Он вытеснил собой двухлетнего Туре, который безоговорочно царил в материнских объятиях. В таком же возрасте подобная перемена произошла и в жизни их отца. Последующие несколько месяцев

Гамсун старался как можно больше времени уделять Туре, чем Мария была растрогана.

А вот Виктории, которая очень хотела навестить папу, он сообщил, что время неподходящее.

Война и убийства

Летом 1914 года Гамсун обзавелся новой картой Европы. В начале осени началась Первая мировая война. Кнут Гамсун счел необходимым тут же сообщить своему немецкому издателю, на чьей он стороне: «Вам известны мои давние симпатии к Вашей стране, в противоположность Англии. Если Германия станет господствовать в Европе, это будет благом также и для Норвегии и Швеции»[232].

Позднее в немецком журнале «Симплициссимус» он высказался еще более резко: «Я уверен, что придет тот день, когда Германия одержит победу над Англией. Это — неизбежность, продиктованная законами природы. Англия — это страна, которая постоянно отстает в развитии. Она все еще обладает длинными и разветвленными корнями, но это дерево, которое уже не цветет, тогда как Германия — нация молодая, в ней кипит энергия». Он абсолютно убежден, что Германия будет господствовать над Англией: «Я надеюсь на победу Германии. Эта надежда основана на моей многолетней приверженности Германии, а также на любви к моей собственной стране, которая только выиграет от этой победы»[233].

«Война продлится до марта», — пророчествовал он.

В это время им был написан целый ряд пронемецких и, соответственно, антибританских статей и писем. В связи с этим Георг Брандес в «Политикен» обвинил его в том, что он пытается использовать войну в своих интересах. В своей статье он отметил некорректную связь между пронемецкой позицией Гамсуна и продвижением его книг на немецком рынке. Ведь в том же самом номере «Симплициссимуса», где Гамсун высказывал свои пронемецкие настроения, издательство «Ланген» рекламировало его роман «Последняя радость». Таким образом, всякий мог заметить перекличку публицистики Гамсуна с текстом романа, где Гамсун говорит, пытаясь взять на себя миссию пророка, о «нации всесветных бродяг и спортсменов, полной пороков, которую покарает когда-нибудь гибелью справедливая судьба в лице Германии».

«Да, тут уж не трудно заметить связь между деяниями и их оценкой», — язвительно комментировал Брандес.

Эту статью Гамсун послал своему немецкому издателю с тем, чтобы тот объявил бойкот Брандесу. «Он смотрит на меня потемневшим от зависти взглядом», — объяснял ему Гамсун. Якобы датчанин не может простить Гамсуну того, что тот посоветовал ему обращаться к аудитории, средний возраст которой около 75 лет[234].

Одновременно Гамсун взял в оборот одного столичного профессора, специалиста по европейским литературам. Он выставил на посмешище ученого, который считал, что Англия — могущественная страна: «Почему, спросите Вы, я считаю победу Германии над Англией природной необходимостью? Я готов объяснить: у Германии, этой нации, находящейся на подъеме своего развития, огромный потенциал прибавления населения. Германии нужны колонии, у Англии и Франции колоний больше, нежели они в них нуждаются».

Он напомнил профессору, что население Германии за сорок лет увеличилось на тридцать миллионов: «Разве мы с Вами не говорим о непреложности законов природы? Разве способна Англия противостоять им? Вот представьте себе, как все будет! Вся английская непобедимая армада не может остановить демографический взрыв в Германии. Возможно, это будет не теперь. Полмира помогает Англии против Германии. Возможно, это случится не скоро, но ясно одно: придет время, и Германия уничтожит Англию, в соответствии с естественными законами бытия»[235].

Выход другой статьи Гамсуна, под названием «Дитя», вызвал в обществе горячие споры, продолжавшиеся в течение нескольких последующих лет. Его возмутило, что молодая женщина, убившая своего новорожденного ребенка, была осуждена всего на восемь месяцев тюрьмы. Писатель вновь заявлял, что естественный ход вещей опрокинут с ног на голову, особенно это касается принципа взаимоотношений родителей и детей — эту тему он уже затрагивал, когда выступил с отрицанием четвертой заповеди.

В то время как детские приюты вынуждены стоять с протянутой рукой, общество воздвигает дворцы для стариков, слепых и инвалидов, кипел яростью Гамсун. Он требовал смертельного приговора: «Следует повесить обоих родителей, избавьте общество от них! Надо вздернуть на виселицу сотню из них, такие личности безнадежны»[236].

В ходе дискуссии многие его оппоненты пытались объяснить, что такие трагедии являются следствием определенных общественных условий. Одним из таких оппонентов Гамсуна стала молодая писательница, в будущем нобелевский лауреат

Сигрид Унсет. Сразу же после своего дебюта в 1907 году она стала заметной фигурой и в дальнейшем прославилась своими романами о женских судьбах.

Унсет, как и другие оппоненты Гамсуна, утверждала, что осужденные за детоубийство женщины, отбыв заключение, как правило, становятся хорошими людьми. На что Гамсун возразил, что предназначение женщины состоит прежде всего в том, чтобы быть матерью, а не хорошим человеком. «Женщина приходит в этот мир ради материнства»[237].

Гамсун написал эти слова как раз тогда, когда Мария сообщила ему, что ждет третьего ребенка.

Передо мной мельтешит такое множество персонажей

Гамсун упорно трудился над продолжением «Детей века», которое получило название «Местечко Сегельфосс». В конце января 1915 года Гамсун сбежал от семьи в маленький городок Харстад. Прошло чуть более недели, и он уже жалуется Марии: «Я еще никогда ранее не был в столь удрученном состоянии. Нельзя сказать, что мне не о чем писать, но я никак не могу начать. В моем сознании мельтешит такое множество персонажей из предыдущей книги, и у меня целые горы заготовок, разных заметок, разговоров и диалогов».

Ситуация была такова, что начинать новую книгу вроде было ни к чему, но и с продолжением старой были сложности: «Материала так невероятно много, что он буквально переполняет меня, и я никак не могу начать. Я каждый день мучаюсь с этим. Но я надеюсь, Всевышний так или иначе поможет мне разрешиться от бремени»[238].

Он размышлял о том, что, вероятно, следует выделить нескольких персонажей из прочих и заняться именно ими, тогда он должен будет держать в поле зрения не столь большое их число.

Через месяц он рассказывал Марии, что работа идет настолько из рук вон плохо, что он дошел прямо-таки до отчаянного состояния. Он работал и днем и ночью, но решительного прорыва не наступало. «Впредь никогда не буду писать продолжение однажды написанной книги. Это убивает. Ведь в „Детях века“ у меня 29 крупных и мелких персонажей, и с ними мне предстоит снова иметь дело. При этом у меня много заготовок, которые меня тянет уничтожить»[239].

Как-то в марте он сообщил ей, что хочет работать дома.

Мария тут же предупредила его: она очень боится, что не сможет обеспечить ему полный покой: «Твой переезд сюда будет большой переменой для всех, и я боюсь, что твоя работа может застопориться»[240].

В августе книга была закончена почти наполовину, но он не был уверен, что сумеет завершить ее к Рождеству, одному Богу известно, как это будет, сетовал он датчанину Кристиану Кёнигу, который стал директором филиала «Гюльдендаля» в Кристиании, что он хотел бы избавиться от усадьбы, если бы только издательство согласилось взять ее в счет его долга. На этот вопрос издатель ничего не ответил[241].

В сентябре он отослал половину рукописи в Кристианию. А в октябре уже был виден конец работы. Гамсун превратился в «комок нервов», но был страшно доволен собой: ему оставалось написать еще страниц пятнадцать. В конце месяца он послал телеграмму с названием романа.

В первой неделе ноября он дописал наконец последнюю страницу, на обратной стороне которой с негодованием высказал некоторые претензии издательству. Они были связаны с тем, что на полученном им конверте стояло «Господину писателю».

Он ядовито спросил, неужели письма Ибсену и Бьёрнсону они тоже оснащали таким безликим обращением. «Я, конечно, не сравниваю себя с Ибсеном и Бьёрнсоном, хотя, как мне кажется, мне удалось сделать кое-что такое, что этим господам и не снилось»[242].

Состояние здоровья в это время у него было весьма плачевное. Столичному редактору он рассказывал, что одной рукой он пишет, а другой придерживает электрод на голове. Он лечился статическим электричеством, прошел путь от электрических поясов до некоторых специальных аппаратов, создающих статическое электричество.

«Я уже два года так работаю, настолько плохо у меня с нервами»[243].

А правда заключалась в том, что его работоспособность была невероятной.

Он написал целый ряд статей в норвежские и датские газеты и инициировал две дискуссии.

Количество написанных им писем уже приближалось к двум сотням, некоторые из них были весьма длинные. В своих письмах он настойчиво проводил идею о сверхдержавах и о том, что Англия представляет опасность для Норвегии и других маленьких государств, что Германия должна победить и поставить Англию

на колени.

Эстет Гамсун долго ходил в разных городах по книжным магазинам в поисках красивого календаря, красивого настолько, чтобы он был достоин украсить гостиную в Скугхейме. Не найдя такового, вернувшись домой, он сделал его сам и даже изготовил обрамление к нему. Теперь у него были средства, и он мог позволить себе покупать у друзей-художников созданные ими произведения: картины и скульптуры.

Порой он развлекался тем, что делал им немыслимые заказы. Так, например, в одном из писем Гамсун попросил своего друга, шведского художника Акселя Эббе, изобразить глас вопиющего в пустыне[244].

Его матери было в то время восемьдесят пять лет, и он вел оживленную переписку с другом детства, который помогал ей. Постоянной темой их переписки было недоумение сына, на что мать может тратить столько денег.

По инициативе земледельца Гамсуна в этих краях планировалось строительство мельницы и молокозавода. Под лозунгом «Мелочей в крестьянском хозяйстве не бывает» осуществлял он свою многостороннюю деятельность.

Во время своих поездок отец семейства любил что-нибудь покупать для семьи. Он часто отсылал в Скугхейм целые ящики с продуктами. Своим мальчикам, наряду с игрушками, он приобрел даже педальные автомобили. Кроме того, Гамсун изощрялся со все новыми подарками и для дочери Эллинор, которая появилась на свет в октябре 1915 года. В это время у него прекрасно шла работа над новой книгой, такой объемной, что она должна была выйти в двух томах. Он работал, чтобы содержать три дома «с общим количеством домочадцев — восемь», как он говорил. А деньги на все это поступали с продажи его книг. «Я пишу так, что в чернильницу капает кровь моего сердца, а по моим жилам бежит кровь вместе с чернилами», — стенал он[245].

Ему удалось убедить сопротивляющегося издателя не повышать цену на «Местечко Сегельфосс» в связи с возросшими расходами — это был двухтомник, а напротив, снизить, и тогда можно продать гораздо больше книг. Гамсун оказался прав. Первоначальный тираж был 8000 экземпляров, но сразу же потребовалось заказать в типографии еще несколько тысяч и еще один тираж к Рождеству, чтобы удовлетворить потребности книготорговцев в Норвегии и Дании. Редактор датского журнала «Политикен» послал Гамсуну телеграмму о том, что его книгу «Местечко Сегельфосс» буквально сметают с магазинных полок, на что Гамсун ответил: «Да, в этом году я сознательно продаю свои книги по низкой цене, так что это вполне понятно»[246].

Все рецензии на двухтомник, за незначительным исключением, были восторженные. Критики не могли сдержать восхищения перед тем, как автору удалось продолжить историю «Детей века». Да, Тобиас Хольменгро и Пер-лавочник — местные царьки в «Местечке Сегельфосс», но оба они отнюдь не аристократы: «Все свои познания он приобрел, прислушиваясь к другим, сделал своей личной собственностью все то ценное, что витает в воздухе вокруг образованных людей, включая их язык, — прекрасно сработано, господин Хольменгро, блестяще! Но он на двести лет моложе коренных владельцев Сегельфосса, он научился снимать шляпу, отвешивая поклон, но то была шляпа раба» [3; III: 307–308].

Ныне их могущество не является незыблемым, страх перед наказанием уже почти полностью улетучился в современном демократическом обществе. Дух нового времени порождает куда более опасные факторы, влияющие на формирование человеческих характеров. Писатель смеется над теми бедными людьми, которые позволяют соблазнить себя роскошью и потребительством — соблазн, который они не способны преодолеть. Рыбаки и земледельцы превращаются в наемных рабочих: «Ибо они наделены инстинктами пролетариев, в отличие от животных, им сколько ни дай — все мало, они широко разевают пасти, требуя все больше и больше», — пишет Гамсун в «Местечке Сегельфосс» [3; III: 629].

Небольшой слой людей среднего класса, среди которых врач, адвокат, редактор и другие, постоянно мечутся и оказываются то выше, то ниже на социальной лестнице. Они-то и вызывают наибольшее негодование писателя, он не удостаивает их положительными человеческими чертами, которыми щедро наделяет других. Основным мотивом повествования у Гамсуна является описание того, как коммерсант стремится осуществить свои планы и мечты. Хольменгро жаждет завоевать уважение окружающих и постоянно измышляет новые способы выглядеть загадочным. Теодор, представитель нового поколения торговцев, тайно испытывает нежные чувства к Марианне, дочери Хольменгро, но держится на расстоянии. Оба эти героя представляют собой жалкие фигурки по сравнению с колоритными персонажами предыдущих книг Гамсуна, такими как купец Мак в «Бенони» и «Розе» или аристократ Виллатс Хольмсен в «Детях века».

У Хольменгро нет ни безудержной жажды покорять женщин, как у Мака, ни умения властвовать над своими чувствами, как у Хольмсена.

И тем не менее представляется, что Гамсун как будто все больше и больше восхищается деятельностью Хольменгро, который появляется, овеянный легендами, в Сегельфоссе, высоко возносится, но его звезда необъяснимо закатывается: он «иссяк блистать в толпе». Теодор описан с большой симпатией. Он — сын Пера-лавочника, самого неприятного из всех персонажей, созданных Гамсуном. Демоническая фигура, имеющая сходные черты с дядей Гамсуна, калека, который в своей неукротимой ярости пытается использовать парализованную правую руку и ревет как бык. Но сын Пера, Теодор, формируется под влиянием своей несчастной любви к Марианне, этой великой созидающей силы, — совсем другой человек.

Рецензия в «Афтенпостен» ничем не отличалась от других оценок: «Это лучший роман на норвежском языке, никто иной, кроме Гамсуна, не мог бы создать нечто подобное. <…> Эта книга не отпускает тебя, ты возвращаешься к ней снова и снова. Эпизоды могут то и дело всплывать в сознании человека, как всплывает снова и снова нечто важное в твоей жизни»[247].

Рецензенты ждали книг Гамсуна, некоторые были особенно нетерпеливы. Одним из них был датчанин Свен Ланге, который часто, рассматривая какую-то отдельную книгу Гамсуна, стремился анализировать творчество писателя в целом. Его статья в «Политикен» дошла до Гамсуна в предрождественские дни.

Это было как нельзя кстати.

Полный контроль — но какой ценой?

На рубеже 1915–1916 годов Кнуту Гамсуну пришлось читать сочиненное им очень давно, осенью 1888 года. Сразу же после того, как в ноябре он отослал в издательство рукопись «Местечка Сегельфосс», он начал внимательно перечитывать все свои книги. «Гюльдендаль» наконец согласился на его предложение издать собрание сочинений. И вот теперь Гамсун принялся составлять его, оценивая собственные тексты. Он решил переделать стихотворную драму «Мункен Венд» и сборник стихов «Дикий хор», а также отшлифовать и доработать некоторые другие тексты. Дойдя до середины «Голода», он посетовал своему столичному издателю Кёнигу: «Нет, Господи Боже мой, делайте что хотите. Дело в том, что мне так стыдно, мне хочется все это уничтожить и написать все снова»[248].

И вот теперь перед ним лежала рецензия Свена Ланге, который сравнивал «Местечко Сегельфосс» с «Мистериями»: оба произведения повествуют о людях, живущих в маленьких

городках. В романе «Мистерии», написанном в 1892-м, все было представлено в весьма причудливом свете, кажется, что все крушится под влиянием холодных порывов ветра, которые исходят от Нагеля, то есть самого автора. В соответствии с мнением Ланге, Гамсун достиг своей вершины как художник в «Пане», потом он резко пошел вниз и создал достаточно слабую, сценически малоубедительную драму «Царица Тамара»; какое-то время он шел неверным путем, пытаясь обновить мир своих юношеских фантазий, и уже опустился до предельного уровня в мертворожденной пьесе «У жизни в лапах». И вдруг, по мнению Ланге, случилось чудо. К пятидесяти годам, когда, согласно теории самого Гамсуна, ему полагалось замолчать или умереть, он взял да и стал просто зрелым мастером. «Последняя радость» являет собой поразительный самоанализ. Я — старый человек, гожусь ли еще на что-нибудь? Как старика он осыпает самого себя насмешками, но при этом поразительным образом способен вслушаться в хор голосов тех персонажей, которые настойчиво требуют его внимания. В поле зрения художника находятся рыбаки, ремесленники, торговцы, рабочие и небольшой слой представителей высшего класса, все они обитают на берегу моря в северном краю.

Ланге с восхищением пишет о том, что Гамсуну блестяще удается создать в сознании читателя картину жизни с невероятным множеством персонажей, и писатель, как кукольник, надевает их себе на пальцы, и они оживают[249].

Обремененный славой, Гамсун сидит в своей процветающей усадьбе и перечитывает собственные книги. Встреча с прошлым повергла пятидесятишестилетнего писателя в смятение.

Впервые это произошло в Копенгагене в 1888 году, когда он наконец понял, что у него получается сочинять и творческий процесс идет именно так, как он мечтал в течение более десяти лет. Тогда он сделал свое великое открытие — «зеркальную комнату», в которой он как бы постоянно находился, его собственный взгляд со стороны неотрывно следил за ним как писательской индивидуальностью. И чем больше таким образом он познавал свое «я», тем больше пользовался этим знанием в своем творчестве.

Нагрузки оказались ужасными. Именно тогда он и подорвал свою нервную систему, что имело долговременные негативные последствия.

После «Мистерий» он понял, что так дальше продолжаться не может. Он стал совмещать метод «зеркальной комнаты» с другими творческими технологиями. В «Мечтателях», «Бенони» и

«Розе» он использовал нурланнский колорит. Теперь его искусство заключалось в том, чтобы как бы пропитывать духом Нурланна и персонажей, и окружающую их среду, опираясь на воспоминания детства, использовать местный диалект, разные забавные словечки, воспроизводить черты местного пейзажа.

А в последующих произведениях метод «зеркальной комнаты» стал уже использоваться по-другому. Пространство его кабинета стало более объемным, и отражающие его поверхности не были столь угрожающим образом направлены на него.

У него теперь не было необходимости находиться внутри этой воображаемой зеркальной комнаты, он мог располагаться вблизи широкого входа в нее и относительно беспристрастно наблюдать за происходящим и действующими лицами. При этом самым важным для него были не отражения в зеркалах, а сами эти фигуры. Они были теперь между ним и зеркалом, и это было как освобождение.

Отныне с каждой книгой он все больше и больше дистанцировался от своих героев.

Наконец он вообще отказался от идеи пребывания в «зеркальной комнате» и обнаружил, что самое важное теперь — не запутаться в многочисленных персонажах последующих книг «Дети века» и «Местечко Сегельфосс». Как автор-повествователь он уже не находился больше внутри «зеркальной комнаты».

Теперь у него уже был полный контроль над своими персонажами.

Да, но какой ценой?

Среди персонажей романа «Местечко Сегельфосс» есть две личности, причастные к искусству. Это Бордсен, несостоявшийся драматург, который зарабатывает на жизнь как телеграфист, а потом умирает от голода. В Виллатсе Хольмсене борются два начала. Его мать была музыкантшей, певицей, постоянно вела дневник. Сын тоже стал музыкантом и композитором. Но при этом он остался вполне сыном своего отца, владельца усадьбы. И поэтому его характер очень противоречив.

В «Местечке Сегельфосс» Гамсун изображает охоту молодого Хольмсена за порывами вдохновения, за теми мгновениями, когда благодатная волна настигает его. «Из переполненной души хлещет и хлещет неиссякающий поток; он, точно слепец, внимает льющимся снаружи звукам и записывает их, словно обретя свет. Пишет, пишет, пишет. Время от времени он ударяет рукой по клавишам, снова пишет, всхлипывает, сплевывает подступившую тошноту, пишет. Это длится бесконечно, идут часы — о эти блаженные часы качания на волне!» [3; IV: 586].

Впервые подобное описание мы встречаем в «Бьёргере», написанном Гамсуном, когда он был почти еще подросток, позднее в «Голоде», когда ему было под тридцать, и вот, когда уже прошла почти половина его жизни, он вновь обращается к этому.

Дело в том, что он испытывал огромную потребность в осмыслении этого явления.

Его герой, молодой Хольмсен, оказывается не в состоянии прижиться в родных северных краях. Так же как и он сам, автор, в свое время уехал в южную сторону, он отправляет туда же своего персонажа, композитора. Ни искатель приключений, герой Гамсуна, ни сам его создатель не смогли жить в суровом морском краю.

А как все же обстояло тут дело с самим Гамсуном?

В своих книгах Гамсун раз за разом показывал, как несчастливы те, кто обрывал свои связи с землей, пускаясь в странствия. В статье «Слово к нам» он предостерегает: «Наши корни в нашей земле, их вырвать нельзя, благодаря им мы стоим»[250].

А сам Гамсун?

Он пахал землю своего детства и бросал в нее семена, но прочны ли были его связи с этой землей?

Избавьте меня от владения усадьбой

В течение четырех лет Гамсун жил как бы в напряженном магнитном поле между двумя полюсами — крестьянским и писательским. Он вернулся в места своего детства с намерением распахать собственный участок целинной земли и прижиться на ней. Но получилось иначе: всякий раз рядом с крестьянином, везущим тачку с навозом, всегда шел бродяга и духовный скиталец. Тот, кто возделывал художественную ниву, шептал слова обольщения земледельцу. У писателя всегда находился благовидный предлог, чтобы покинуть усадьбу на месяц и более. Ведь надо было сочинять очередную книгу. И с каждым разом крепла неприязнь Гамсуна-земледельца к писателю Кнуту Гамсуну.

В новогодний период 1916 года Гамсун попытался ослабить напряженность этих отношений, приступив к работе над заготовками к задуманному им роману о крестьянской жизни. Одновременно он поместил объявление в местных газетах о продаже Скугхейма, не сообщив об этом даже Марии.

В качестве переговорщиков по этому вопросу он привлек

ленсмана, священника и доктора. На какое-то время им удалось уговорить его подождать с продажей. Была поздняя страда. Он делал многочисленные детальные заметки в рукописи той книги, которая впоследствии будет известна всему миру под названием «Плоды земли». Многие сотни лет его предки сеяли ячмень; это было таинство, с благоговением совершаемое в тихий теплый безветренный вечер, лучше всего под мелким дождичком и сразу же после весеннего пролета диких гусей [3; IV: 27].

В усадьбе Гамсуна шел весенний сев, писатель-Гамсун создавал образ нового героя, сеятеля, при этом сам он доверительно говорил многим, что сеять больше не будет. Он стремился прочь из усадьбы, но Марии решил об этом заранее не сообщать.

А ведь Мария, в противоположность ему, сумела найти себя в деревенской жизни. Она напоминала ему, и при этом все более и более гневными словами, о тех обещаниях, которые он давал ей, об их общих мечтах, о том, что многое уже осуществилось. Ей было к этому времени уже тридцать четыре года, у нее было трое маленьких детей, и в противоположность ему она полностью рассталась со своей прошлой жизнью[251]. А он и в новой жизни сохранял свою прежнюю суть.

Мария была рассержена и испугана. Теперь она боролась за свою новую жизненную роль, ту роль, которую она приняла не без колебаний, но в которую входила все больше и больше. Эту роль, которую она с присущей ей энергией и сообразительностью постоянно старалась сделать более значительной, собственно говоря, которая была и не такой уж маленькой: деятельная жена великого писателя.

Но Гамсун решил покончить с Нурланном. «Пора разделаться с усадьбой», — так откровенно заявил он одному своему знакомому. В новогоднюю ночь, когда все уже улеглись, в том числе и Мария, он сел за стол и написал одному из своих друзей: «Вот что я хочу сказать тебе. Мне надо расстаться с усадьбой, я не могу больше совмещать свою работу с ней, мое здоровье не позволяет этого». Он написал эти слова 1 января 1917 года[252].

Кнут Гамсун принял абсолютно недвусмысленное решение. Мария, дети и все прочее должны отступить в сторону. Он пришел к выводу, что для того, чтобы заниматься творчеством дальше, он должен отринуть крестьянскую жизнь. Вскоре с целью продажи Скугхейма он связался с человеком, у которого были максимально хорошие связи среди коммерсантов. Один из кругов его жизни был завершен. В 1881 году редактор «Афтенпостен» выпустил на страницы своей газеты нурланнского юношу. Теперь,

35 лет спустя, его преемник незамедлительно отреагировал на мольбу писателя избавить его от усадьбы, ставшей для него обременительной. Этот редактор и еще четырнадцать хорошо владеющих ситуацией господ согласились помочь Гамсуну. Они пришли к общему согласию, что готовы принять на себя финансовые риски. В любом случае они явятся спасителями духовного лидера нации.

В самом начале 1917 года было помещено официальное уведомление, что торги состоятся в кратчайший срок. Писатель не сможет вынести еще одну посевную кампанию. *«Я* хотел бы жить один в большом лесу, где ничто не потревожит меня. Передо мной большая работа, только бы условия работы чуть-чуть улучшились», — заклинал он[253].

В это время Гамсун создает роман «Плоды земли», пишет об Исааке и Ингер, об их прекрасных натруженных руках. А также о Гейслере, который появляется всякий раз, когда землевладелец нуждается в его помощи, который служит связующим звеном между правами частного владения и законами государства. И об Олине, этой искусительнице в райском саду, которая постаралась, чтобы Ингер попала на каторгу, после того как убила своего новорожденного ребенка, девочку, унаследовавшую ее физический изъян — заячью губу.

В своей новой книге он вновь вступает в дискуссию о матерях — убийцах своих детей, здесь юная Барбру убивает своего новорожденного ребенка, прижитого от хозяина. Так же поступает жена Исаака Ингер, но никакого негодования по поводу последней Гамсун не выказывает. Его авторская позиция состоит в том, что Ингер убивает из милосердия, ведь ее дитя появилось на свет с уродством.

Находясь рядом с Исааком, Ингер развивается как личность, работа облагораживает ее. Но, может быть, и убиенное дитя могло найти свое место в жизни? Этот вопрос в романе не поднимается.

У Исаака и Ингер рождаются еще двое детей: Элисей и Сиверт. Однажды Элисей крадет у заезжего инженера огрызок карандаша, и это определяет его судьбу: он уезжает в город. Ингер тоже заражается бациллой городской жизни. Когда она возвращается домой в Селанро, то понимает, что то одинокое существование, которое устроил ей Исаак, — это отнюдь не весь мир, и ей начинает казаться, что она могла бы жить по-другому, найти себе жениха в деревне, общаться с людьми. Она понимает сына Элисея, она единственная в Селанро, кто может оценить красивые буквы и фразы в его письмах. Мать считает, что там, в городе, он должен хорошо одеваться, и посылает ему деньги.

Тогда Исаак, вдоволь наслушавшись жалоб Ингер на свою неотесанность, бросает ее на пол — небольшая трепка для того, чтобы направить ее на путь истинный.

В начале апреля 1917 года, невзирая на протесты Марии, Гамсун решил увезти свою семью с Хамарёя. Они должны были отправиться на юг. Создатель «Плодов земли», где прославляется крестьянская жизнь как единственно подлинная, сам решил сделаться безземельным. Он продал усадьбу, скот и инвентарь.

И вот он снова сделал попытку обрести себя на новом месте, на этот раз в маленьком городке. Он выбрал виллу аптекаря в Ларвике, городке на берегу фьорда, в четырех часах плавания на пароходе от столицы.

У крестьянина Гамсуна в течение этих шести лет было много счастливых часов. Он описал их в «Плодах земли»: «Все дни уходили на крестьянскую работу, все без остатка; он расчистил новые небольшие участки от корней и камней, вспахал, унавозил, заборонил, взмотыжил их, растирая комья руками и ногами, ухаживая за землей всевозможными способами, чтобы превратить поля в бархатный ковер. Он подождал еще день-другой, опасаясь дождя, — и посеял ячмень» [3; IV: 27].

И там же, в «Плодах земли», он описал самый священный процесс из всех, связанных с возделыванием земли: «Ячмень же — это хлеб, есть ячмень или нет ячменя — это жизнь или смерть. Исаак шагал с непокрытой головой, призывая имя Иисуса, и сеял; он был похож на чурбан с руками, но душой был словно младенец. Старательно и нежно кидал он в землю пригоршню, был кроток и смиренен. Ведь прорастут эти ячменные глазки и превратятся в колосья с множеством зерен, и это происходит повсюду на земле, где сеют ячмень. В Иудее, в Америке, в долине Гудбрандсдален — как же огромен мир, а крошечный кусочек земли, который засевает Исаак, — в центре всего сущего» [3; IV: 27–28].

Неприютно мне в городе

Когда семейство Гамсун переехало в Ларвик в апреле 1917 года, Мария Гамсун была на восьмом месяце беременности. Вилла, которая должна была стать их новым домом, показалась ей какой-то безликой. Муж принудил ее переехать в центральную часть фешенебельного района городка, в каменный двухэтажный дом с высокой лестницей, который походил на замок. Марии пришлось покинуть свое владение в Нурланне, где она была полновластной хозяйкой. Какую роль она могла играть здесь, на новом месте — лишь роль матери? Да к тому же здесь было такое множество других людей, которые поглощали внимание Гамсуна.

В ночь с 12 на 13 мая 1917 года Гамсун стал отцом в пятый раз. И вновь Марии удалось произвести на свет ребенка, не потревожив ночной сон его отца. Наставления матери и горничных по поводу того, что утренний покой Гамсуна не может быть никоим образом потревожен, что бы ни случилось, были настолько прочно усвоены детьми с самого рождения, что и в то самое утро их не было слышно, пока отец не покинул дом. И как всегда, горничная подавала ему завтрак в столовой, отдельно от всех и не произнося ни единого слова, если только он сам не обращался к ней с вопросом.

И тем не менее в тот день его обычный ритм был нарушен: он увидел, как их дом покидала незнакомая дама — это была акушерка.

Он не смог избежать искушения взглянуть на ребенка. Он решил назвать девочку Сесилией. Это имя нравилось ему своим благозвучием, что-то в звучании этого имени напоминало ему шуршание шелка.

А между прочим, одну красивую даму, шведку, которую часто видели в городе и у моря, звали Сесилией.

В начале ноября роман «Плоды земли» был завершен. В течение шести лет Гамсун жил так, как того требовал от других. А на седьмой — оказался сидящим во дворике городской виллы в Ларвике и сочиняющим историю об Исааке и Ингер, которая приобретала все более и более утопические черты. Ему необходимо было каким-то образом оставаться верным своим прежним идеалам и идеям, в которых он убеждал других. Отсюда то большое значение, которое он придает словам Гейслера, становящегося почти сказочным персонажем, когда он благословляет обитателей Селанро: Исаака, Ингер и весь их

род, — и начинает играть в романе все большую и большую роль.

Гамсун делает Гейслера связующим звеном между возможным и невозможным, природой и цивилизацией, между натуральным хозяйством и современным обществом. Он не позволяет Исааку погибнуть из-за несоответствия требованиям современного общества в оформлении юридических прав. Так же как он не позволяет Ингер погибнуть из-за современных законов, требующих от нее понести наказание за смерть увечного младенца. И таким образом Гамсун доказывает то, что участники современных ему общественных дискуссий не хотели признавать: путь в сторону от современного товарного производства и общества потребления возможен. Общественные законы столь же важны, как и законы природы, и глашатаем этой истины является Гейслер.

Таким образом, роман «Плоды земли» представляется неким компромиссом со стороны писателя: природа и культура должны объединиться. Быть может, Гамсун видел свою художественную задачу в создании персонажей, которые убедили бы читателя, что в человеческой жизни есть смысл? Гамсун на примере Гейслера показывает, что возможно делать добро другим, в то время как собственная жизнь движется к катастрофе. Во многих местах романа подчеркивается, что поступки Гейслера целиком и полностью зависят от вдохновения, порыва, также как у многих других персонажей Гамсуна, его многочисленных бродяг и странников.

Они в чем-то сродни Эспену Аскеладду{52} и его помощникам в достижении жизненного успеха, но при этом по своей сути прямо противоположны им. Потому что отнюдь не мечта о завоевании принцесс и половине королевства движет персонажами Гамсуна. По-своему они лишены иллюзий в отношении самих себя. Все они оторвались от чего-то, порвали со своим происхождением и приносят больше несчастья себе, нежели другим. После того как писатель изобразил крах старого патриархального крестьянского сообщества и последствия этого в романах «Дети века» и «Местечко Сегельфосс», он должен предложить какой-то выход. Создание крестьянского хозяйства на нетронутых землях — такой выход он видел для молодых.

Таким образом, его герои несли в себе те противоречия, которые были в нем самом. Но теперь как никогда ему была нужна гармоничная целостная фигура, которая через священный акт возделывания земли вступает в органическую связь со всей вселенной. Такой фигурой стал Исаак.

В середине ноября 1917 года он написал на последней

странице «Плодов земли»: «Прощай, прощай… Исаак идет по полю и сеет, как есть мельничный жернов, чурбан чурбаном. На нем домотканое платье из шерсти, настриженной из его собственных овец, сапоги из кож его собственных телят и коров. Он идет по полю, благочестиво обнажив голову, и сеет. <…> Он знает все, что ему нужно. Душой и телом он деревенский житель, землепашец, не ждущий чьих-то милостей. Выходец из прошлого, провозвестник будущего» [3; IV: 329].

Через месяц с небольшим он доверительно писал нурланнскому знакомому: «Просто поразительно — с усадьбой я теперь разделался, но здоровье лучше не стало. И я теперь как дурак переживаю, что у меня уже нет усадьбы <…>. У меня неодолимая тяга к земле…»[254]

Десятью днями позднее он вновь вспомнил, что у него гены земледельца: «Я вновь тоскую по земле. Что здесь странного? В этом — моя судьба. Мои корни в земле, всякий день первыми из газетных новостей я читаю сельскохозяйственные»[255].

А в первый же день наступившего нового 1918 года он признавался: «Неприютно мне в городе. В этом саду с чересчур унавоженной почвой мои дети не могут резвиться, как им заблагорассудится. Будь у меня чуть больше здоровья, я бы вновь взял себе участок нетронутой земли и принялся бы превращать его в пашню, луга, насадил бы лес и развел скотину»[256].

Он утверждал, что написал «Плоды земли» ради заработка. При этом он снабдил свое произведение подзаголовком «Книга о современной норвежской действительности». Эта книга была нужна и ему самому, для того чтобы можно было окончательно расквитаться со Скугхеймом. Книга была уже написана, но не оставляла его в покое. Он интересовался выставленными на продажу усадьбами. Как бы то ни было, ему не очень-то нравилось жить на аптекарской вилле в маленьком городке.

С выходом в свет романа «Плоды земли» на Гамсуна обрушился настоящий денежный поток. Перед Рождеством должны были напечатать 18 000 экземпляров, только датско-норвежское издательство должно было принести ему 27 000 крон, книги собирались издавать и во многих странах за рубежом. Теперь его произведения были уже переведены на двадцать три языка.

Первый тираж собрания сочинений в 8000 экземпляров был уже почти продан. Новый тираж обеспечивал ему денежное поступление в 76 800 крон, что соответствовало годовому жалованью двадцати пяти — тридцати учителей народной школы. Он отослал Берлиот 25 000 крон, так что наконец возместил ей

все те безумные траты, которые были сделаны им в игорном азарте в 1901 году. Он расплатился и со всеми другими кредиторами. В Германии его книги издавались все новыми и новыми тиражами. Кроме того, издательство «Ланген» начало издавать собрание сочинений Гамсуна.

Вскоре он ответил на письмо Германа Гессе, который с такой похвалой отозвался о его творчестве[257].

Кнуту Гамсуну исполнилось пятьдесят девять лет. Когда ему было под сорок, он прочитал лекцию об Ибсене, в которой с отвращением говорил о писателях, которые, состарившись, в состоянии прострации кропают свои произведения трясущимися руками. В возрасте под пятьдесят он вновь выступил с лекцией, основная мысль которой сводилась к тому, что последствия старения ужасны: в определенном возрасте у человека останавливается процесс развития. Уже нет никакого прогресса. Потом наступает следующая стадия — застой. После чего человек оказывается в конечной стадии — деградации. Ранее он говорил, что пятьдесят лет — это именно тот рубеж, после которого наступает стагнация, но теперь он стал утверждать, что данный рубеж может варьироваться в течении десятилетия. «В пятьдесят лет человек пересекает экватор своей жизни, после чего для него начинается период отступления, который тянется до самой смерти. У него появляются привычки и ритуалы, в определенное время он гуляет по определенному маршруту, никакой неожиданности после десяти вечера в его жизни не происходит. Он оказался в непривычной обстановке, он сократил поездки, отказал себе во многих прежних удовольствиях, чтобы поберечь здоровье или за недостатком сил, а свой драгоценный покой он посвящает тому, чтобы высмеять идеалы юности и зрелости, и если ему за это не выражают благодарность, он чувствует себя глубоко уязвленным. Вот что такое стариковская жизнь» [10: 362][258]. Всякий, кто был хоть чуть-чуть осведомлен о непрекращающемся крестовом походе Гамсуна против Ибсена, ни в малейшей степени не сомневался, кому адресовано все сказанное выше.

В следующем году Гамсуну исполнится шестьдесят, если он доживет.

В течение двадцати восьми лет со времени выхода в свет «Голода» в 1890 году Гамсун написал двадцать шесть книг. Сейчас он делал первые наброски к двадцать седьмой. И тут он получил известие от государственного антиквара Гарри Фета, который обладал соответствующими полномочиями Шведской

академии, что он выдвинул Гамсуна кандидатом на получение Нобелевской премии.

Гамсуну уже стукнуло пятьдесят девять, но он надеялся создать еще множество книг. И для этого ему было необходимо опереться на что-то прочное, исконное, ведь источником творческой энергии для него служило, несмотря ни на что, ведение крестьянского хозяйства, возделывание земли. «Плоды земли» — это самая «здоровая» книга, которую он написал. И таким образом, это, конечно же, книга и о нем самом.

В начале лета 1918 года на одном из поворотов Сёрланнского шоссе на юге Норвегии его внимание привлекла усадьба.

Рай земной

Кнут Гамсун приобрел небольшую запущенную усадьбу, расположенную между двумя городами — Гримстадом и Лиллесанном на южном побережье Норвегии. Продал ему ее ушлый спекулянт и при этом грандиозно обманул. Этот человек всю жизнь только и занимался что всевозможными перепродажами. Что касается покупателя, то он был движим характерным для недавно разбогатевших противоречивым отношением к деньгам, которое характеризовалось сочетанием безудержной щедрости, напускного безразличия и порой нерешительности или, лучше сказать, скаредности. Продавец убеждал покупателя, что цены на недвижимость растут, а война скоро закончится, и в связи с этим не вычел из общей суммы стоимости усадьбы свою прибыль за проданный на корню лес, а также за инструменты и скот, который тоже уже успел продать, всего — 130 000 крон. А когда продавец заметил в глазах покупателя азарт собственника, то он еще набавил цену. Итак, 220 000 крон! Цена Нёрхольма оказалась равной годовому жалованью 58 учителей народных школ из пяти окрестных городов. Ну вот теперь он покажет всем владельцам усадеб, богатых традициями, как именно надлежит действовать в современных условиях.

Художник слова описал, как люди, не имеющие земли, Исаак и Ингер, своим тяжким трудом способны создать рай земной в своем хозяйстве. А как обстояло дело в его собственной семье, что можно сказать о Марии? На кого она походила: на трудолюбивую и жизнеспособную Ингер или на несчастную Адельхайд в серии книг о Сегельфоссе?

От Марии Гамсун требовал восхищения, а она не могла его выразить. Когда она впервые приехала в Нёрхольм, перед ней

открылся следующий вид: осенний пожар листвы на фоне серых скал, вдали — море, встречающееся с небом. Прекрасные линии пейзажа и строений. Она взобралась на холм, поросший кустарником. Отсюда было хорошо видно море, но это не тронуло ее, как он ни надеялся. Она выросла во внутренней части страны, и здесь ничто не напоминало ей бесконечных лесных массивов, к которым она привыкла с детства. Она оказалась в краю великанов, повсюду была гористая местность и такие огромные камни, которые человеку не по плечу сдвинуть с места. Когда в один прекрасный ноябрьский день они приехали сюда со своей поклажей, то обнаружили, как катастрофически плохо они подготовились к переезду. Оказалось, что в доме нет ни электричества, ни водопровода, и никто не хотел брать вину за этот просчет на себя. Они не привезли с собой ни единой керосиновой лампы. Пришлось зажечь множество свечей. Но, очевидно, во всей южной Норвегии не нашлось бы достаточно свечей, чтобы осветить это воронье гнездо[259].

Вскоре у Гамсуна оказалось одиннадцать человек прислуги и работников. Выплаты за усадьбу, долги, счета — за все это надо платить из денег, которые еще не были заработаны. Гамсун начал производить переустройство усадьбы, которое впоследствии будет беспрерывно продолжаться в течение двадцати двух лет: перепланировка всех существующих строений и строительство новых, многократное обновление стада, экспериментальные посадки, широкомасштабное освоение новых земель и лесопосадки, строительство ограждений, благоустройство сада, строительство дорог длиной в несколько километров, пристани и нескольких мостов.

Фру Гамсун как среди соседей, так и среди работающих в усадьбе сразу же приобрела репутацию хозяйки демократичной, лишенной жеманства, державшей себя со всеми на равных. А когда спрашивали о хозяине, всякий задумывался. Тот бывал порой любезен, а то вдруг вспылит из-за сущего пустяка. Гамсун тщательно следил за тем, чтобы каждый отрабатывал положенное время.

Доставалось тому, кто пытался приписать себе лишний час работы или скрывал прогул. И в то же время многие могли рассказать, что, когда приходило время расчета за неделю, хозяин порой мог проявить большую щедрость.

Все быстро усвоили, что никогда не стоит обращаться непосредственно к хозяину, гораздо лучше обратиться к нему через хозяйку или домашнюю прислугу. Он не скрывал, что кто-то из работников нравится ему гораздо больше, чем другой. Хотя его

симпатии и антипатии понять было не так-то просто. В чем-то он бывал наивен, а порой в самых неожиданных вещах оказывался пугающе проницателен. Он был горазд на обещания, но не всегда спешил с их исполнением. Те, кто осмеливался задать робкий вопрос, дескать, когда же и как — получали уклончивый ответ. Многим доводилось видеть, как хозяин доставал из кармана карандаш и бумагу и, отойдя в сторону, начинал что-то записывать. Одни считали, что он плохо слышит, другие — что он просто делает вид. Все были едины в том, что он говорит, как пишет, а те, кому доводилось слышать речи датского принца, который стал королем Норвегии, утверждали, что манера Гамсуна напоминала манеру Его Величества.

«У Гамсуна такие красивые дети», — вздыхали женщины.

Старший из детей, Туре, которому было шесть лет, быстро нашел себе друзей в соседних усадьбах, куда он часто ходил, стараясь под любым предлогом не брать с собой младшего братишку. Туре очень смачно говорил и на северном диалекте, диалекте тех мест, откуда они только что приехали, и на эстландском, в связи с происхождением родителей, в то время как братишка оказался горазд схватывать местные крепкие словечки. И стоило Туре потерять братишку из поля зрения, как тот тут же с удовольствием начинал активно общаться с рабочими, вполне находя с ними общий язык.

Трехлетняя Эллинор и полугодовалая Сесилия пока оставались всегда с мамой и нянями. Уже через месяц оказалось, что расходы на преобразования в усадьбе составили 10 346 крон и 56 эре[260]. Эта сумма соответствовала годовому жалованью рабочего в течение пяти лет. Никогда еще связь между чековыми книжками Гамсуна и его книгами не была столь тесной, как этой ранней зимой 1918 года.

Если бы он продолжал жить в Нурланне или захотел осесть в Ларвике, то семье вполне хватало бы доходов с предыдущих книг. Теперь же это было невозможно. Пятидесятидевятилетнему писателю теперь уже никак нельзя было расслабиться.

Кнут Гамсун взялся обихаживать свой «рай земной» на рубеже 1918–1919 годов, как раз в то время, когда Великобритания и Франция начали переделывать Европу на свой лад.

Прежняя симпатия Норвегии к Германии постепенно была разбита в пух и прах в связи с беспрецедентным случаем нападения немецкой подводной лодки на норвежское торговое судно, которое шло под флагом нейтральной страны. Новый владелец Нёрхольма рассказывал всем, что он плакал из-за глупого поведения своих соотечественников, которые радовались тому, что Англия снова стала владычицей всех морей. «Как

неразумные дети», — саркастически ухмылялся он[261].

Гамсун проиграл свою первую войну.

На седьмой день наступившего нового года — известие о смерти. Умерла его восьмидесятидевятилетняя мать.

Это она произвела на свет своего прославленного сына и в значительной степени сформировала его личность. Но его собственная жизнь, несмотря весь блеск и величие, почти никак не повлияла на жизнь его родителей. Он им помогал, но не стремился изменить их жизнь. Впрочем, они и сами к этому не очень стремились. Он помогал им так, как богатые помогают бедным, так, чтобы те могли чуть-чуть улучшить свое существование, позволить себе пить более дорогой кофе, имели возможность чаще есть покупной хлеб, приобретать новую скатерть, шелковую шаль и брошь на выход… Далее их фантазия не простиралась, у них не было никакой склонности к расточительности, даже в мечтах. Самое главное, что дал им сын, — это уверенность, что им никогда не придется жить на содержании прихода.

В связи с сообщением о смерти из Нёрхольма был послан ответ, что никто не сможет принять участие в похоронах. В тот день, когда он получил сообщение о смерти матери, он вдруг обнаружил у себя дома деревянную игрушку, знакомую ему со времени жизни на Хамарёе. Это была вырезанная из дерева фигурка крестьянина, восседавшего на возу и управлявшего лошадью с помощью вожжей. Благодаря веревочной системе крестьянин шевелил руками, а лошадка перебирала ногами, как будто она бежала. Игрушка оказалась поломанной. Гамсун взял ее, тщательно упаковал и с приложением нескольких банкнот и письма отправил мастеру, изготовившему эту игрушку, на Хамарёй. В письме он настоятельно просил мастера восстановить ее и отослать назад. А здесь он сам выкрасит ее так, что игрушка станет совсем как новая.

Да, игрушку можно починить[262].

А в Версале в это время открывалась конференция, целью которой было восстановление мира в Европе. Вожжи в своих руках держали Великобритания и Франция, которые хотели превратить побежденную Германию в свою ломовую лошадь. В тот самый день, когда началась конференция, Гамсун получил письмо от своего мюнхенского издателя. Немцы не изменили Гамсуну, несмотря на поражение в войне, нужду и враждебное поведение по отношению к «нейтральной» Норвегии. Интерес немцев к собранию сочинений Гамсуна был огромен.

Не желает ли он получить деньги сразу? Гамсун написал в ответ письмо, в котором с восхищением говорил о несокрушимой мощи Германии и заверял в своей неизменной вере в ее будущее процветание. Вскоре он получил и другие приятные известия из Германии. Многие театры проявили интерес к его пьесам. А кинематографисты изъявили желание договориться о правах на экранизацию «Виктории»[263].

Гамсун тщательно следил за всеми материалами, посвященными Германии, которые появлялись в норвежских газетах и в датской «Политикен». На выборах там, как оказалось, победила леволиберальная и народная католическая партия. Во Франкфурте произошла встреча политиков, на которой речь шла о послевоенном устройстве Германии.

В Норвегии хрупкая национальная консолидация, достигнутая в связи с разрывом унии со Швецией, давно уже разбилась вдребезги. Рабочая партия получала все больше голосов на выборах, и, таким образом, ее политическое влияние росло. Другие партии разрабатывали многоходовую стратегию для того, чтобы держать «красных» подальше от правительственных учреждений. А тут еще правительство получило поддержку Рабочей партии в своем решении резко сократить военные расходы.

Склоняясь над газетными заголовками, Кнут Гамсун все чаще восклицал: «Мир гибнет, и Норвегия тоже!»

Но сам-то он был уверен, что сумел создать для себя рай на земле.

Властелин Нёрхольма

В то время как страны-победительницы в новогодние дни 1919 года раскладывали карты, перекраивая границы государств, Гамсун занимался перекладыванием листочков с собственными записями и заметками к будущим книгам, раскладывая их наподобие пасьянса, а некоторые вообще уничтожая. В конце января он поселился в отеле в Лиллесанне, а через несколько дней в подавленном состоянии возвратился домой. Мария, в течение десяти лет прекрасно изучившая болезненные состояния мужа, предположила, что это была его реакция на известие о смерти матери, а также на факт поражения Германии. Чаще всего его желание улечься в постель не имело никакого отношения ни к простуде, ни к гриппу. Когда нужно было пережить что-то неприятное, как правило, у него наступал упадок сил.

После тщательной заботы в течение недели он начинал ковылять по дому, а потом преодолевал на такси расстояние в десять километров до Лиллесанна. Он просил, чтобы его постоянно держали в курсе всего происходящего в усадьбе, он хотел быть причастным ко всему, что связано со строительными проектами и с тем, что касается детей.

При этом он требовал, чтобы любые сообщения ни в коем случае не мешали его работе.

Перед Марией стояла сложная задача давать ему картину отретушированной действительности. Когда они познакомились, он клялся, что сделает ее королевой, если только она пообещает любить его. Но вскоре она поняла, что любовь для него, кто столь много писал о ней, — отнюдь не главное в жизни. Она была ему нужна как помощница в том, чтобы еще больше возвыситься, стать королем среди своих собратьев — писателей.

И он был ей нужен, но в каком качестве?

Гамсун время от времени прогуливается по городку, сидит за столом в номере отеля и раскладывает свои листки с записями, иногда стоит у окна и смотрит на рыночную площадь и набережную. Но он пишет отнюдь не о том, что наблюдает, — он не журналист. Он писатель, и художественная реальность, которую он создает, вбирает в себя впечатления, полученные во многих местах, где он побывал.

Почти всегда требуется время, чтобы погрузиться в тему. Обычно его пребывание в отеле длится около четырех недель. И вот он уже снова появляется в Нёрхольме с подарками для Туре, которому 6 марта 1919 года исполнилось семь лет. Другие малыши тоже получают подарки. Именинника отец уводит в гостиную и, прислонив его к дверному, косяку просит стоять смирно. Он делает отметку на косяке, обозначая рост Туре. Он говорит своему старшему сыну, что в семилетнем возрасте уже можно предугадать рост человека во взрослом состоянии.

А Туре будет, судя по всему, даже выше своего отца! Отец говорит об этом с гордостью.

Выше отца! И как такое только возможно! Ведь сейчас, стоя рядом с отцом, Туре вынужден почти запрокидывать голову, чтобы увидеть его во весь рост[264].

Случалось, что по вечерам он читал детям вслух. Обычно это происходило за большим столом в зале на втором этаже. Отец и мать не всегда были едины в том, что именно подходит для чтения детям, ведь если старшему семь, то самой младшей, Сесилии, всего полтора года. Иногда Гамсун брался читать книгу,

которую Мария приготовила для старших, а иногда приносил совершенно новые книги, которых до сих пор в детской не было. Он играл и шутил с детьми, но периодически начинал сердиться, когда дети перебивали его, шалили и ссорились.

Нередко он стонал и ахал по поводу стиля писателя, книгу которого читал. Тогда он отбрасывал ее в сторону и начинал рассказывать детям истории из собственного детства.

Перед тем как уйти, он любил напомнить им, что когда они вырастут, то смогут гордиться тем, каким был их отчий дом.

Дверь в залу можно было прикрыть, но невозможно было запереть на замок. Взрослые говорили, что ключ исчез. Однажды мать семейства принесла большую петлю и укрепила ее на двери, а к дверному косяку прибила большой крючок.

Гамсун вполне осознавал, что он стал владельцем старой, богатой традициями усадьбы. И он все время стремился ее улучшить, теперь у него на очереди были новые преобразования — строение, объединявшее хлев, амбар и ригу. Он хотел построить огромный хлев. Когда-нибудь, рано или поздно, скотину увезут, и каждой животине по дороге на скотобойню, вероятно, приятно будет подумать о том, из какого хорошего дома она происходит.

Работа с хлевом была уже почти завершена, когда в начале лета 1919 года хозяин вдруг задумался о том, соответствуют ли размеры подвала для навоза тому объему, который, как он предполагал, будет производить его первоклассный скот. Подвальное помещение надо непременно расширить, но непонятно, как это сделать, сам хлев уже почти отстроен.

Архитектор и строители качали головами. Существовало две возможности: либо снести верх уже построенного сооружения, либо просто углубить подвал, устроив там взрыв. Было решено пойти по второму пути — использовать динамит. Для этого были выработаны три условия, следуя которым, можно было успешно осуществить задуманное: выверенное количество динамита, точная направленность взрыва и строгие меры по предотвращению отрицательных последствий взрыва.

Правда, двое специалистов по взрывам никак не могли прийти к единому мнению, как именно эти условия могут быть применены на деле. Мощный залп не дал ожидаемого эффекта. Подвал не увеличился в объеме. Однако, несмотря на добротность постройки, новый хлев не устоял против силы взрыва. Все строение взлетело на воздух, так что взрыватели оказались с ног до головы обсыпанными всякими щепками, кусками досок, камнями, пылью и навозом.

И потом в течение многих лет соседи хохотали до упаду, вспоминая это событие. Но Гамсун от своего проекта не отступил.

Что же касается писательской деятельности, то тут дела обстояли хуже: прошли все сроки для завершения нового романа. А ведь он обещал Кристиану Кёнигу представить полностью законченную книгу к Рождеству.

Чтение газет также никоим образом не способствовало поднятию духа. 28 июня 1919 года Германия была вынуждена подписать Версальский мирный договор. Победители и их соседи алчно удовлетворяли свои аппетиты. Германия должна была отказаться от 13 % своей территории, отказаться от всех своих колоний, признать законной оккупацию Францией западного берега Рейна, согласиться с конфискацией всех золотых запасов и ценностей за рубежом, с ликвидацией всего военно-морского флота, а также части торгового и с сокращением промышленного производства. И это было еще не все. На переговорах в Лондоне был поставлен вопрос о выплате денежных репараций. По всей Германии предприниматели старались теперь как можно скорее забрать свои активы из банков, пока галопирующая инфляция не съела их прибыль. Правда, у Гамсуна были другие денежные поступления, не связанные с этими неблагоприятными факторами. Так, например, выплаты процентных отчислений только через норвежское отделение «Гюльдендаля» составили в 1918 году более 90 000 крон, что соответствовало годовому жалованью 12–14 окружных судей. Но расходы у него были масштабными. Он занял у издательства большую сумму под новую книгу, к написанию которой только приступил.

Раньше, когда слова не приходили на ум, он уезжал куда-нибудь. Теперь он решил, что ему не следует уезжать. Он нашел два небольших домика, принадлежавших хусманам{53}. Он решил приобрести один из них, носивший красивое название Хассельдален — Долина орешника. Это было в пятнадцати минутах ходьбы от Нёрхольма.

Он так глубоко погрузился в жизнь персонажей своей новой книги, что она казалась ему важнее всего происходящего в собственной усадьбе.

Все мы изо всех сил карабкаемся и барахтаемся

Во время весны, ближе к лету и в начале лета 1919 года Гамсуну все чаще напоминали о том, что 4 августа у него

шестидесятилетний юбилей. «Гюльдендаль» уже запланировал к этой дате выпуск роскошного иллюстрированного издания «Пана», к тому же юбилей писателя в данном случае совпадал и с 25-летним юбилеем первого выпуска книги в свет. Но в тот ли год должен был наступить юбилей писателя Гамсуна, спрашивали друг друга сотрудники норвежского отделения «Гюльдендаля». Они опасались скандала. Боялись язвительных комментариев на тему того, что датское издательство в лице своего директора не может уследить за юбилеями своих норвежских авторов!

Издателю Кристиану Кёнигу не оставалось ничего иного, как предоставить решение этого деликатного вопроса самому Гамсуну. Обращение по этому поводу к Гамсуну вызвало в Нёрхольме настоящую панику. Потому что в 1888 году, когда ему было 29 лет, писатель уменьшил свой возраст на год. А что, если это просочится в прессу?

Гамсун нашел подобающий выход из этого положения. Мария должна пожертвовать собой. На каком-то старом конверте он написал слова, которые следовало телеграфировать: «„Гюльдендаль“, Осло, Гамсуну исполняется шестьдесят, 4 августа этого года. Фру Гамсун».

Издательские круги в Осло и Копенгагене вздохнули с облегчением. А для журналистов было не так-то просто примириться с фактом, что между 50-летним и 60-летним юбилеем самого известного норвежского писателя прошло не десять, а девять лет. И никому не приходило в голову, что в путанице виноват сам писатель. Все винили кого-то другого[265].

Юбиляр скрылся в маленьком городке неподалеку от усадьбы, а Мария осталась, чтобы отражать атаку неприятеля. Самые крупные центральные норвежские газеты в течение нескольких дней отводили страницы под пространные материалы, связанные с юбилеем, другие, менее крупные, публиковали развернутые редакционные и научные статьи. Юбилей писателя явился несомненным событием для Дании, Швеции и Германии.

Тон задала датская «Берлинске Тиденде» статьей Хельге Роде, который написал следующее о Гамсуне: «Он самый большой литературный кудесник. <…> Он играет со своим читателем в кошки-мышки, и так сладко быть этой мышью». В статье было также отмечено, что в свое время в литературном марафоне в Копенгагене Гамсун оказался той темной лошадкой, которая неожиданно пришла первой. В «Свенска Дагбладет» Андерс Эстерлинг заявил, что благодаря своим последним книгам Гамсун стал для норвежского сознания почти пророком, истолкователем

происходящего и советчиком, будучи и близким народу, и духовным аристократом. Юбиляру было известно, что Эстерлинг был членом Шведской академии.

Хотя при этом большинство леворадикальных газет с сожалением воспринимали многие реакционные высказывания Гамсуна и говорили, что он идет наперекор прогрессу[266].

Теперь он много размышлял о смерти. Мария пыталась его приободрить, рассказывая в одном из своих писем о детях. Ответ на ее письмо не мог порадовать Марию: «Да, все мы изо всех сил карабкаемся и барахтаемся, а все ради чего, ведь через несколько лет все равно мы все умрем. Единственное, что остается после нас, — это дети. Боже мой, наши малыши. <…> Вот какова наша жизнь со всем ее дерьмом. Но ведь мы вернемся. Нет, со смертью все не кончается. Но, к сожалению, я не верю, что мы снова встретимся и узнаем друг друга. Как отрадно было бы узнать, что они стали прекрасными людьми»[267].

О подобных вещах пишет он и в новом романе. Его герой, почтмейстер, проповедует свою веру в реинкарнацию: «Первоначально мы все равны, шансы у нас всех одинаковые, только один умеет ими пользоваться, а другой употребляет во зло <…>. Но важно, что мы не возвращаемся сюда всякий раз в одном и том же состоянии, в нашей власти улучшить свои условия в следующем существовании» [3; IV: 453–454].

Гамсун был в высшей степени озабочен улучшением своего теперешнего земного существования.

Он постоянно находился в тесном контакте со своим шведским другом, художником и писателем Альбертом Энгстрёмом{54}, который прикладывал усилия к тому, чтобы Гамсуну присудили Нобелевскую премию. Эти надежды подкреплялись сообщениями одной из стокгольмских, а потом и норвежской газет, что многие прочат эту высокую награду именно ему.

Энгстрём, так же как и другие влиятельные в скандинавском культурном сообществе персоны, написал о Гамсуне прочувствованную статью. Поддержала его кандидатуру и Сельма Лагерлёф{55}, которая ранее, правда, высказывала восторженное мнение лишь о «Плодах земли». Как шведский нобелевский лауреат она была также членом Шведской академии и, таким образом, имела большое влияние на выбор того, кто удостоится столь же высокой чести, как и она сама.

В 1919 году Гамсун был включен в список тех, кто будет выдвинут на Нобелевскую премию в следующем году. Его

писательская репутация была абсолютно бесспорной в Кристиании, Копенгагене, России, Германии, Польше, Нидерландах, Италии… В Стокгольме этот факт казался не столь очевидным.

Норвежцам, собственно говоря, всегда было трудно найти признание в Швеции.

А может быть, был и еще один фактор, который мешал некоторым членам Шведской академии считать кандидатуру Гамсуна подходящей в этот первый мирный год после окончания Первой мировой войны? Ведь данный претендент был из страны, которая не участвовала в войне, но явно не благодаря этому человеку. Напротив, раз за разом он заявлял о своей уверенности в необходимости того, чтобы Германия полностью уничтожила Англию.

Таким образом, Гамсун проповедовал не только «евангелие земледелия», но и «евангелие войны». Могли ли члены академии, позиция которых заключалась в том, что они четко и недвусмысленно выразили свое сожаление в связи с тем, что часть шведских политиков поддерживала войну, не учитывать политические взгляды Гамсуна и полностью отделить творчество Гамсуна от них? А какие, собственно говоря, ценности утверждал он своим творчеством? Члену Шведской академии Перу Хальстрёму{56} было поручено изучить это творчество.

Пер Хальстрём написал 28 страниц большого формата, где было сказано, что Гамсун является самым выдающимся норвежским писателем, но это не означает, что он достоин стать соискателем Нобелевской премии. Роман «Мистерии» он назвал некой мешаниной, отличающейся «редкостной грубостью». Романтику странствий и бродяжничества Хальстрём охарактеризовал как «просто дикость». Последний роман Гамсуна «Плоды земли» он назвал выдающимся. Но Нобелевская премия не дается за одну-единственную книгу. Кроме того, как заключил Хальстрём, «в целом на произведениях Гамсуна лежит печать анархизма, и в них нельзя усмотреть того благородного идеализма, который является условием для присуждения Нобелевской премии»[268].

Аргументы Хальстрёма послужили основой для серьезной дискуссии. Как же все-таки теперь, двадцать лет спустя после учреждения Нобелевской премии, следует трактовать формулировку «благородный идеализм»? В течение лета то и дело просачивались кое-какие слухи об этой неофициальной дискуссии. 13 августа шведская газета «Стокгольм-тиднин» объявила, что следующим лауреатом Нобелевской премии в

области литературы станет Кнут Гамсун, хотя и не обязательно в текущем году.

Газета указывала на то, что и Шведская академия, и Королевская научная академия, и Каролингский научный институт{57}, и Нобелевский комитет решили, что будущей осенью Нобелевская премия в области литературы никому присуждена не будет. Отчасти газета была права. Должны были присудить только три из пяти премий. Не было претендента на премию в области химических исследований и в области литературы.

Когда все это стало известно, Гамсун поспешил заверить своих сторонников, что он ничуть не разочарован. Хотя, конечно, жаль детей, они получат наследство, в значительной степени обремененное долговыми обязательствами. Самому-то ему не нужно ничего такого. Разве что новое пальто, он свое носит уже двенадцать лет. Когда-то у этого пальто была шелковая подкладка[269].

Гамсуну, конечно, очень бы пригодились нобелевские деньги. Как долго деньги за переиздание его старых книг смогут служить вложением в Нёрхольм, чтобы обеспечить там ведение хозяйства, финансировать строительство, посадку деревьев и распашку новых пашен? Вопрос становился все более и более актуальным поздней осенью 1919 года. Сначала работа над новым романом продвигалась хорошо, а потом застопорилась. Он давал понять Кёнигу, что, вероятно, роман будет готов к Новому году и тот сможет выпустить его к весне. Через две недели он подтвердил, что так и будет. У него всегда на написание новой книги не уходило более двух лет. Теперь, когда ему уже исполнилось шестьдесят, следовало бы сбавить темп.

Сообщения о том, что в ближайшее время он все же не получит Нобелевскую премию, различного рода домыслы в прессе, а также присланные заранее поздравительные письма из разных, порой отдаленных, мест приходили тогда, когда он собрал свой первый урожай. Прекрасный урожай картофеля и турнепса, хорошо шла молотьба, новый амбар заполнен сеном, а в хлеву первоклассные коровы, в сентябре из Нёрхольма доставили на молокозавод 519 литров молока.

И при этом все проводившиеся расчеты указывали на то, что хозяйство тем не менее убыточно, несмотря на рекордный урожай и учет расходов на инвестиции. Делясь своими соображениями на этот счет, он указывал на то, что ему дорого обходятся работники и что у него нет подлинной крестьянской хитрости и изворотливости при реализации плодов земли. У него на тот

момент было семь постоянных работников.

В Германии по-прежнему активно закупали права на издание собрания сочинений и на отдельные книги, но страны-победительницы ввели большие экономические ограничения для Германии, и они мешали ему получить свои гонорары. Кёниг советовал Гамсуну срочно перевести в Норвегию деньги, вложенные в немецкие промышленные акции. Но нет, на это он не пойдет, отвечал он. Пусть уж он лучше потеряет сколько-то марок, это его не разорит. «По-моему, Германия сейчас борется со всем миром, борется в интересах этого самого мира с безграничной английской подлостью, и в будущем не только я, но и многие другие это поймут»[270].

Все больше и больше немцев восхищалось Гамсуном. Кристиан Лассен, норвежский вице-консул в Гамбурге, был озабочен обеспечением немецкой элиты книгами, которые могли бы оказать ей моральную поддержку. И потому он закупал тысячи экземпляров книг Томаса Манна, Эрнста Бертрама{58} и Мартина Хавенштайна{59}, чтобы распространять в немецких университетах. В дни юбилея Гамсуна он собрался рассылать «Детей века» и «Местечко Сегельфосс». Вот что он писал в связи с этим Гамсуну: «Я уверен, что студенты поймут самое главное в Ваших книгах, то, что Ницше называл врожденной гениальностью, и печать ее лежит на всем созданном Вами, господин Гамсун! Огромная проблема, связанная с возвышением и падением личности, описанная на примере нескольких поколений без ненужного морализаторства, а лишь с любовью, — все это в высшей степени живо предстает в Ваших книгах»[271].

Польщенный писатель отправил свою фотографию, на которой написал большими буквами: «Да здравствует Германия! Кнут Гамсун. 20 ноября 1919».

В новогодние дни 1920 года он сумел полностью вернуть долг «Гюльдендалю», когда получил 24 000 крон за 10 000 экземпляров дополнительного тиража «Плодов земли». Сумма этого гонорара была сопоставима с годовым жалованьем брата Гамсуна Турвальда, работавшего на таможне, с которым они были в постоянном конфликте, так как Гамсун хотел, чтобы тот отказался от использования фамилии Гамсун.

Из Стокгольма он получил 10 000 крон в качестве первой выплаты за право издания его сочинений. Его книги собирались издавать в Венгрии после читательского успеха «Голода», а также в Нидерландах, а одно французское издательство заявило о намерении издать «Бенони», «Розу» и «Мистерии».

Ближе к весне перед ним уже была пачка готовых листков рукописи, гораздо более толстая, нежели он рассчитывал вначале. Но до конца он еще не дошел и жаловался Марии: «Господи, легче умереть, чем закончить этот роман, проклятый роман, он отнимает у меня все силы и желания, здоровье и покой! Наверное, это будет последняя книга. Только бы Господь дал закончить эту книгу, тогда я уже не буду столь ужасно ранимым». Вот каким удрученным, постаревшим ощущал он себя и вновь повторял: «Это будет последняя порция моего дерьма»[272].

Мария слишком долго жила с ним, чтобы поверить в искренность его слов. Она была матерью его четырех детей, хозяйкой уже второго в их жизни имения и его личным секретарем. Ее основная проклятая миссия и в 1920 году была той же, какую он определил ей в 1908-м, — она заключалась в том, чтобы помогать ему писать. Он напомнил ей об этом, после того как она посетила его в отеле: «Ты выглядела такой радостной. И мне от этого хорошо»[273].

Кое-какие впечатления Марии были отрадными. Как никто иной, она видела, как с каждой новой книгой ее супруг уходил все дальше от описания самого себя.

Этот путь занял у него более четверти столетия.

Он становился все более отстоящим от своих персонажей и более всемогущим. Он стал повелителем своих героев. Он не мешал теперь самому себе. Ему уже не надо было постоянно снимать и надевать маски персонажей, играть в эту игру, сидеть за письменным столом, описывая самого себя и испытывая отвращение к себе.

Книги «Дети века» и «Местечко Сегельфосс» повествуют об истории падения землевладельцев, о Виллатсе Хольмсене и его поколении. О тех, кто пошел ко дну при соприкосновении с новым временем и новыми хозяевами жизни, теми, кто связан с промышленностью. Их падение, их крах связан более всего с тем, что они были слишком горды, задирали нос и потому не сумели бороться с духом времени. Это и подвигло Гамсуна создать образ безземельного Исаака, который освоил пустошь и превратил ее в плодородные пашни и луга. Исаак решительно повернулся спиной к духу времени и отказался от всех предложений по продаже земли. Но вот его первенец и наследник Элесеус заразился духом нового времени и уехал в город.

А ведь именно в городе зарождается эта «губительная бацилла» и распространяется дальше.

Город — это ад

Гам суну довелось жить на изломе времени, когда самостоятельные, независимые, обеспечивающие себя усадьбы оказались частью мировой экономики. Когда Гамсун создавал свой роман «Голод», в городах проживала лишь четверть населения Норвегии. И вот теперь Гамсун решил основательно и подробно описать городской ад, образ жизни города. Именно об этом и говорит его роман «Женщины у колодца».

Как только он отдал корректуру «Плодов земли» издателям, то сразу же направился в один из городков на берегу Кристиания-фьорда. Здесь он принялся обдумывать свои впечатления о жизни в подобных маленьких городках и поселках, и здесь у него сформировался замысел создания некой «драмы» о мухах на оконном стекле. Навозные мухи из хлева пожирают домашних мух, а когда те съедены, то они начинают пожирать друг друга. Сопоставление жизни людей и мух. Люди далеко отошли от исконных ценностей, связанных с жизнью на земле и у моря, и теперь начинают пожирать друг друга. Для того чтобы особо подчеркнуть типичность этого явления, факт всеобщей деградации, он назвал свои заметки «Соседний поселок» [10: 390–406] и опубликовал их в виде очерка[274]. Несомненно, очерк явился предшественником романа «Женщины у колодца».

Здесь одним из его героев является отвратительнейший тип из когда-либо созданных писателем. Оливер Андерсен был «одноногий — даже к животным, к четвероногим такого не отнесешь: насквозь прогнивший изнутри и снаружи, пустая никчемная развалина — одним словом, урод. И тем не менее когда-то это был человек» [3; IV: 696].

Гамсун называет Оливера подобием человека, ведь он доволен своей жизнью пресмыкающегося и ему неведомо чувство отвращения к себе. Это создание, лишенное половых органов, тем менее не перестает обманывать себя, что он якобы является отцом четверых детей, а также и еще одного ребенка, рожденного женщиной, которую он видел лишь мельком. По мнению Гамсуна, самообман составляет суть городской жизни.

В течение лета 1920 года у Гамсуна было три всплеска творческой активности. И вскоре роман уже был близок к завершению. Начало и конец всегда давались Гамсуну с трудом. Его отец, портной, внушил сыну, как важны в работе самые первые стежки и как плохо для общего впечатления от готовой вещи, когда портной медлит с окончанием, понапрасну крутит и мнет материю.

В июле он уже прочитал корректуру тех страниц романа,

которые ранее сдал в издательство. Он не доверял наборщикам, которые игнорировали его требование набирать в некоторых местах текст вразрядку, а продолжали использовать курсив, о котором писатель говорил: «Курсив — это убожество, какая-то современная короста»[275].

Гамсун пригласил издателя Кёнига в Нёрхольм. С гордостью он обошел с ним свои владения, демонстрируя свой рай земной, после того как приветливый датчанин одарил детей подарками из Дании и их отправили играть, чтобы они не мешали взрослым. У посетителя были весьма важные темы для разговора с их отцом.

Это касалось, в частности, ситуации с изданием книг Гамсуна в Англии, которой они оба были недовольны. Так же как и другим иностранным авторам, Гамсуну было довольно трудно пробиться к читателю. Они считали, что надо начать с «Пана». Разные издательства пытались продвинуть книги Гамсуна в Англию, но безуспешно. Хегель и другие члены правления «Гюльдендаля» намеревались открыть свои филиалы в Лондоне и Чикаго.

Шли переговоры о передаче прав на некоторые романы Гамсуна крупному американскому издательству «Альфред Кнопф». Кёниг не мог не признать, что Кнопф предоставил Гамсуну хорошие условия. Посредником при переговорах было агентство «Куртис Браун», которое попросило писателя Герберта Уэллса высказать свое мнение о «Плодах земли». Тот заявил, что это поистине величайший роман из когда-либо созданных, книга, наполненная мудростью, юмором и теплотой[276].

Кёниг обещал довести до сведения сотрудников «Гюльдендаля» в Копенгагене желание Гамсуна ускорить переговоры с американцами и его раздражение по поводу медленного продвижения его книг в Великобритании.

Внезапно разговор с Кёнигом прервался. Гамсун был решительно не согласен с предложением издательства не включать в состав собрания сочинений его пьесы и стихи в связи с ростом цен на бумагу и типографские услуги.

Осенью 1920 года Гамсун закончил одну из своих самых мрачных книг. Отвращение Гамсуна к современному либеральному городскому сообществу, которое порождает процессы демократизации, индустриализации и психологию общества потребления, делает атмосферу в книге порой просто беспросветной.

Выражение игривой насмешки на лице автора сменяется здесь мрачной гримасой.

В книгах о Сегельфоссе он показывает, как никому не удается избежать влияния современного общественного развития. В

«Плодах земли» он утверждает, что идеальной жизни могут добиться те, кто способен полностью отказаться от городской цивилизации. Около тридцати лет назад Гамсун изобразил гибель своего героя Нагеля, задохнувшегося в тяжелой, обжигающей атмосфере маленького городка. А убогий Минутка, способный лишь на фантазии, выжил. В «Женщинах у колодца» подобного рода калека становится главным героем.

Психология калеки занимала воображение Гамсуна с тех пор, как он с сестрой Софией Марией жил в течение нескольких лет в доме увечного брата матери, дяди Ханса. Теперь в его новом романе ущербное существо становится символом современной цивилизации и ее порождения — городского человека, который выживает всегда, выживает из-за своей паразитической психологии. Сильные мужчины и женщины могут погибнуть, а слабые и нетрудоспособные выживают. Об этом писал он в «Женщинах у колодца»: «Оливер же был сделан из более прочного материала; бесшабашный, но не такой ранимый и чувствительный, как они, он гораздо легче сносил все горести и печали, уготованные ему судьбой. Уж на его долю их выпало предостаточно! Но, то пользуясь счастливым случаем, то удачливо воруя по мелочам, то провернув ловкое мошенничество, он неизменно вновь поднимался на ноги, вполне довольный собой и счастливый» [3; IV: 706].

Зловещий дух времени многих лишает корней. Он уже много писал об этом. В «Женщинах у колодца» он писал об этом с таким возмущением, как никогда. Герой нового времени, хозяин жизни, фабрикант «сманивал молодежь с места, определенного ей природой, и использовал ее силы для своего обогащения. Вот что он делал. Он создал четвертое сословие в мире, где и раньше сословий было больше, чем нужно, создал целый класс индустриальных рабочих, людей, чей труд наименее необходим в жизни. И вот мы видим, в какое искаженное подобие человека превращается такой индустриальный рабочий, после того как обучится искусствам высшего сословия: он бросает лодку, бросает землю, бросает дом, родителей, братьев и сестер, бросает домашнюю скотину, деревья, цветы, море, высокое небо Господне, а взамен получает парк с аттракционами, зал для собраний, кабак, готовый хлеб и цирк. Ради этих благ он выбирает жизнь пролетария. После чего он начинает роптать и провозглашает: мы рабочие» [3; IV: 503].

В «Женщинах у колодца» Гамсун выступает провозвестником Судного дня, пытаясь спасти людей от соблазняющих их

лжепророков. Гамсун в этом не был одинок. После войны повсюду в Европе возникали сообщества, которые отчаянно пытались противостоять новому времени. Члены этих сообществ, как и сам Гамсун, пытались совместить несовместимое. Так, присущая крестьянину подчиненность своей судьбе противостояла желанию людей самостоятельно строить свою жизнь. Мистика против науки. Биология против интеллекта. Привязанность к дому и традициям в противоположность свободному образу жизни. Крестьянин в противовес индустриальному рабочему и буржуа. Индивидуальная ответственность отдельной личности в противовес ответственности, разделенной между многими. Свой дом и свой род против безликого общества. Патриархальный порядок в противовес эмансипации и демократии. Хозяйственная необходимость в противовес промышленному производству и культу потребления. Эти люди отдали свои голоса реакции, надеясь вернуть из прошлого лучшее.

Отвращение Гамсуна к общенародным выборам росло из года в год, после того как в его стране ввели всеобщее избирательное право и люди все больше начали им пользоваться. Печатные органы разных партий превратились в трибуны, где самоутверждались ничтожные личности, разного рода карьеристы и политические спекулянты. Гамсун возмущался всем этим, он считал, что всеобщее избирательное право не дает индивиду реальной возможности проявить себя. Подлинные индивидуальности проявляют себя в предпринимательстве, науке, искусстве. Он видел это в Америке. Он считает, что то же самое относится и к Норвегии.

Его недовольство распространяется также и на людей среднего достатка. По его мнению, многие из них под влиянием духа времени стали одержимы жаждой обогащения, усвоили потребительскую психологию, занялись погоней за удовольствиями. Жизнь должна вернуться в нормальное русло. Он надеялся, что придет кто-то сильный и поставит весь мир на место, как сорвавшуюся с петель дверь.

Большие надежды Гамсун связывал с новой войной. После четырех лет войны англичане вновь были победителями на полях сражений и в светских салонах, где формировалось будущее Европы. Нигде еще его англофобия не была выражена столь отчетливо и недвусмысленно, как в «Женщинах у колодца». «Вероятно, эти англичане думают, что бог у них какой-то свой, особый, как, например, собственная денежная единица. Иначе как объяснить, что они непрерывно ведут захватнические войны в самых разных уголках земного шара и, побеждая в них, считают,

что совершают полезное, благородное дело?» — вот какие слова вкладывает он в уста одного из своих персонажей.

Все больше и больше появлялось в Европе людей, которые указывали на евреев как на агентов разрушительного духа времени. А Гамсун в этой роли видел британцев.

При этом политики все больше говорили о гуманизме. Идеи демократии и равенства завоевывали страну за страной. Но один из современников этих тенденций, самый прославленный норвежский писатель, оказывался все дальше от ритма жизни своего народа.

Гамсун в значительной степени связывал себя с авторитарными и антидемократическими тенденциями, которые набирали силу в разных странах.

Друзья и недруги в Стокгольме

В конце лета 1920 года члены Шведской академии обсуждали кандидатуру нобелевского лауреата в области литературы.

Кандидатуру Гамсуна предложили уже в третий раз. Ее активно поддерживали многие. Одним из них был Эрик Аксель Карлфельдт{60}, один из самых больших авторитетов в Шведской академии в области литературы. В 1918 году многие члены академии выступили за присуждение Нобелевской премии ему, но он, будучи секретарем Шведской академии, отказался.

Когда в 1919 году Пер Хальстрём пришел к выводу, что книги Гамсуна лишены идеалистической направленности и что писатель не собирается меняться, то именно Карлфельдт предложил глубже изучить сущность требования, предъявляемого к писателям. Дело в том, что обязательной была идеалистическая направленность того или иного произведения, и с самого начала это требование использовалось не как аргумент в оценке его литературных достоинств, а в значительной степени в политических целях. В написанном Карлфельдтом заключении по поводу прозы Гамсуна он сам, будучи лирическим поэтом, выразил чувство восхищения его прозой.

При этом у Карлфельдта была и сверхзадача.

Карлфельдт не мог не видеть, что этот принцип используется как предлог для разных спекуляций, из-за которых многие выдающиеся писатели и критики не смогли стать членами Шведской академии, а кандидатуры таких писателей, как Ибсен, Стриндберг, Золя, Толстой, Марк Твен, Джозеф Конрад и Горький, выдвигавшиеся на Нобелевскую премию, были отклонены по политическим мотивам.

Будучи секретарем академии, Карлфельдт ощущал потребность оценивать эстетические качества произведений соискателей, вместо того чтобы заниматься обсуждением этической составляющей их произведений, часто с весьма субъективных и политически конъюнктурных позиций. С учетом этих факторов он выдвинул в качестве нобелевского лауреата на 1920 год Кнута Гамсуна.

Согласно правилам основные кандидаты, выдвигаемые на ежегодную премию, расставляются в списке по степени значимости для последующего окончательного голосования в академии. На этот раз три голоса из пяти было подано за Гамсуна. Сельма Лагерлёф и Хенрик Шюк{61} не хотели «признавать норвежца». Было даже высказано замечание относительно «норвежской грубости Гамсуна». Эти двое были за то, чтобы присудить Нобелевскую премию Георгу Брандесу.

В то время как Карлфельдт продолжал доказывать всем литературную значимость произведений Гамсуна, его коллега, председатель Нобелевского комитета Харальд Йерне{62}, сделал обходной маневр. Нобелевская премия, как правило, присуждается писателю за творчество, но были прецеденты, когда ее присуждали за какие-то отдельные творческие достижения. Профессор истории Йерне указал на одно из положений в завещании Нобеля, на которое ранее мало обращали внимание. А именно: премия может присуждаться тому, кто своей творческой деятельностью сделал в текущем году что-то общезначимое. Заключение главы академии было таково: правила присуждения были скорее в пользу кандидатуры Гамсуна, нежели против. Правда, надо отметить, конечно, что роман «Плоды земли» вышел три года назад, но справедливо и то, что он отвечает требованиям, предъявляемым к произведениям нобелевских соискателей, — таков был ход мысли Йерне[277].

Неужели случилось так, что писатель, который столь часто с презрением отзывался о близоруких кабинетных ученых и об ограниченности книжного знания, получит Нобелевскую премию именно благодаря тому, что подобный «близорукий ученый» сумел вдумчиво истолковать завещание Нобеля?

В середине сентября 1920 года Гамсун так еще и не закончил «Женщин у колодца». Он жаловался, что этот «чертов роман никак не идет»[278].

Он пытался решить проблему двумя способами. Договорился о продлении срока сдачи рукописи более чем на неделю. Кроме того, решил тот материал, который ему никак не удалось

включить в эту книгу, включить в следующую.

Он настоял также на том, чтобы была организована утечка информации в газеты, кто-то должен был ненароком сообщить публике название нового романа.

Гамсун много раз насмехался над Ибсеном, который любил всегда выглядеть загадочным и путем разных хитроумных слухов и публикаций в газетах умел вызвать интерес к своим еще не вышедшим произведениям. А теперь он делал то же самое.

И уже вскоре в шведской «Дагенс Нюхетер», так же как и в норвежской «Афтенпостен», датской «Политикен» и других скандинавских газетах, появилась статья «Нобелевским лауреатом в этом году станет Кнут Гамсун!». При этом «Дагенс Нюхетер» сообщала, что информация получена из хорошо информированного источника[279].

Наконец совершенно измученный Гамсун закончил свой роман. Он наверстал упущенное. Роман «Женщины у колодца» должен был выйти одновременно в Кристиании, Копенгагене и Стокгольме к 10 ноября. Цена экземпляра — 19 крон, что почти равняется недельному жалованью горничной.

Издатель Гамсуна Кёниг говорил всем, что не удивлен тем, что Гамсун чувствует себя таким утомленным, ведь за последние семь лет он написал 109 авторских листов, что соответствует написанию в среднем одной привычной для всех по объему книги в год. Творческие достижения Гамсуна и ритм творческой работы достойны восхищения, в таком ключе высказался Кёниг.

Его издательство только что сдало в печать первый тираж книги «Женщины у колодца», 14 тысяч экземпляров, в то время как от книготорговцев поступил сигнал о том, что спрос на книгу поистине велик.

Рецензенты проявляли не меньший интерес к новому роману Гамсуна, написанному после «Плодов земли». Первые рецензии должны были появиться в печати 11 ноября.

И вот они появились. «Жизнелюбивая и одновременно язвительная и горькая книга», — написал автор в целом хвалебной рецензии в «Афтенпостен». Швед Йон Ландквист, который за три года до этого написал книгу о Гамсуне, высказался весьма недвусмысленно. Психолог и литературовед, он увидел совершенно отчетливую связь между стремлением писателя наделить некими садомазохистскими чертами своих прежних героев — странников и бродяг — и его теперешним интересом к психологии инвалида. Некоторые критики морщили нос по поводу темы и идеи романа, другие шептали о том, что «железо» писателя, как он писал в романе «Странник играет под сурдинку», когда-то было раскаленным докрасна, а теперь почти

остыло[280].

На следующий день на страницах всех скандинавских и немецких газет появились материалы о Гамсуне — нобелевском лауреате.

Первым позвонил в Нёрхольм (тогда туда еще не доставлялись газеты) редактор местной газеты, выходившей в Гримстаде. Он поздравил Марию и спросил о реакции самого лауреата на известие о присуждении ему премии.

Разве им не сообщили непосредственно из Швеции?

— Нет.

Оба — и редактор, и жена Гамсуна — были согласны в том, что Гамсуна официально известят позднее.

Как и во всякий другой день, Гамсун сидел за завтраком в полном одиночестве за красиво накрытым столом в столовой.

Мария множество раз играла ту самую роль, которая фигурирует в пьесах Ибсена и других драматургов, — когда старая или молодая горничная входит в комнату на сцене иногда справа, а иногда слева, объявляет о каком-то событии и тут же покидает сценическую площадку.

В этот раз Мария забыла все то, чему ее обучали Ибсен и другие драматурги. Ведь она была так счастлива.

— Эта премия ничего не меняет в нашей жизни, — произнес Гамсун, не прекращая жевать.

Мария не сдавалась:

— Но ведь это почетно, Кнут!

И тут лицо его потемнело, и он рявкнул:

— Так ты что, считаешь, что мне и без этого не оказывают достаточно чести?![281]

На столе в Нёрхольме росла пачка телеграмм и писем. То же самое можно сказать и о пачках банкнот. Кёниг тут же начал заниматься подготовкой нового издания собрания сочинений в 12 томах, гонорар за которое составил 140 000 крон. Эта сумма соответствовала годовому жалованью двенадцати высокооплачиваемых сотрудников государственных административных органов. Приблизительно такую же сумму Гамсун должен был получить в Стокгольме 10 декабря. Таким образом, еще до наступления нового года он мог избавиться от всех долгов. При этом в некоторых панегирических статьях замечали, что читатели всего цивилизованного мира навсегда останутся в долгу у писателя.

На этот раз мнение Шведской академии было вполне

единодушным. Правда, в таких странах, как Франция и Англия, кое-кто высокомерно кривил губы и вопрошал: «А кто такой, собственно говоря, этот Кнут Гамсун?» Но в Германии и скандинавских странах шум аплодисментов был поистине оглушительным.

В Стокгольм в новом платье

У Гамсуна все больше и больше нарастал внутренний протест против поездки в Стокгольм.

Разве это не он называл возвеличивание всякого творчества и самого писателя откровенным обманом? И что же, теперь самому выступить живым подтверждением собственного тезиса о том, как отвратительна старость, насколько немощные, находящиеся на краю могилы старики не заслуживают почестей? Продемонстрировать собственным примером, какими жалкими и смехотворными выглядят польстившиеся на высокие почести старцы, даже самые сильные и здоровые из них?

Ведь не кто иной, как он, в своей лекции «О преувеличении роли писателя и художественного творчества» утверждал: «… книги, написанные стариками — это книги, которые накорябаны трясущимися руками, сочиненные в состоянии прострации»[282].

И что же такое, Господи помилуй, он скажет там всем? Он, который доказывал, что творческие натуры — это мятежные души, шарманщики, беспаспортные бродяги, а отнюдь не те, кто имеет постоянное местожительство, платит налоги или пытается своим талантом заработать.

Это что же, он наденет на себя фрак и будет раскланиваться направо и налево?! Он, который говорил, что подобное восхищение стариками являет собой приторное помпезное зрелище, которое губит здоровый скептицизм молодежи!..

Годы давно забрали его молодость. Но подождите… Годы также принесли ему новую молодость. А что, если ему привезти с собой в Стокгольм свою восемнадцатилетнюю дочь?

Виктория поблагодарила, но отказалась.

Церемония происходит в зале Музыкальной академии. Принц Карл, который вручает медали, восседает перед трибуной рядом с принцессами Ингеборг и Мартой.

Нобелевские лауреаты рассажены непосредственно на подиуме за трибуной. Мария, как и жены других лауреатов, сидит в первом ряду, специально поставленном для них. Когда один из членов академии, Харальд Йерне, занимает свое место за

трибуной, Мария так волнуется, что академик чувствует, что его сопровождает какой-то особенно обеспокоенный, нервный взгляд одной из дам со страдальческим выражением лица.

Но все заканчивается благополучно. Гамсун спускается с подиума, получает медаль и чек, раскланивается и под аплодисменты возвращается на свое место. Теперь Мария начинает переживать по поводу предстоящего банкета и благодарственной речи, которую должен произнести Гамсун.

Когда она узнала, кто будет его дамой за торжественным столом, ее волнение усилилось.

Марии было прекрасно известно его скептическое отношение к незамужней и бездетной Сельме Лагерлёф. Неизвестно, как все обернется, особенно теперь, когда он будет волноваться перед произнесением благодарственной речи, да еще после алкогольных напитков. Она очень опасалась, как бы искра от какого-то слова, неосторожно брошенного нобелевскому лауреату, не вызвала с его стороны взрывную реакцию. Но, к счастью, между ними все обошлось без малейших трений. Кажется, ему было совершенно неведомо, что его соседка по столу голосовала против него.

Произносились тосты и речи, велись оживленные беседы. И вот слово предоставляется нобелевскому лауреату в области литературы. Гамсун встает под громкие аплодисменты окружающих. Ничто в облике этого человека, жаловавшегося на расшатанные нервы, не указывает на какое-либо волнение. Он достает из внутреннего кармана пиджака листок с текстом. Но в него он редко заглядывает, особенно вначале.

Уже при первых его словах Мария понимает, что с ним происходит то, что в последнее время происходит с ним все реже и реже и в жизни, и в творчестве: он обнаруживает свою подлинную суть. Голос, вся его фигура, жесты, слова таковы, что вскоре она видит, как люди достают носовые платки, утирает слезы и шведский дипломат, сидящий рядом с ней. Теперь Мария может спокойно откинуться на спинку кресла, она убедилась в том, в чем внутренне никогда не сомневалась: Кнут Гамсун победит, Кнут Гамсун еще раз сумеет преодолеть себя. А он продолжает свою речь.

Он вопрошает сидящих, что же именно он может сделать, как же еще он может отблагодарить всех за такую сердечность, которая заставляет его, «оторвавшись от земли, парить в воздухе вместе со всем великолепным залом»[283].

Все, что ни делается, — к лучшему, и когда-то в молодые годы он тоже был на гребне волны. Да, все, что ни делается в жизни, — все к лучшему. Но он поостерегся изрекать банальные

сентенции в столь высоком собрании, где веское слово уже было произнесено учеными мужами. Он выражает благодарность Швеции и Шведской академии от лица своей родины. Его голова склоняется под бременем высокого отличия, и он гордится тем, что академия поверила в крепость его шеи, в ее способность нести это почетное бремя. Свои книги он пишет, опираясь на крупицы мудрости, дарованные ему свыше, при этом он учился у многих, в том числе и у современных шведских лириков. Вероятно, от него ждут, что он пообещает идти своим путем дальше, чтобы соответствовать высоким словам, сказанным в его адрес. Но это может обернуться бахвальством и пустословием. «Я уже не молод и не могу отважиться обещать что-либо подобное. Самое мое большое желание в этом сияющем огнями зале, среди этой блистательной публики, — это подойти к каждому из вас с цветами, стихами и подарками, снова стать молодым и быть на гребне волны. Ради этого великого события мне хотелось бы еще раз, в последний раз, побыть молодым. Но я не осмеливаюсь на это, чтобы не показаться карикатурно смешным».

Но у него нет теперь главного, нет молодости. И закончил он тем, что поднял бокал за шведскую молодежь, за молодежь повсюду, за все молодое в жизни!

На мгновение он представил себе, как было бы эффектно, если бы рядом с ним стояла его дочь Виктория.

Потом был слышен звон бокалов. Все устремились чокнуться с ним: придворные, статские советники, духовные лица, промышленники и ученые, а также несколько «духовных скитальцев», каковые были здесь в явном меньшинстве. На этом нобелевском торжестве Гамсун снова оказался в центре внимания, как это уже было в Копенгагене на рубеже веков. Красивые женщины роились вокруг него. Официанты едва успевали наполнять бокалы и рюмки, стоящие рядом с ним.

Мария пыталась каким-то образом ограничить его, она призывала его подумать о насыщенной программе на завтрашний день, напоминала, насколько изможденным и больным он почувствует себя после таких ночей, уговаривала его пойти отдохнуть в гостиничный номер.

Он только отмахивался.

Все более и более обеспокоенная, она пыталась обратиться за помощью к Альберту Энгстрёму и Эрику Карлфельдту, сначала устно, а потом даже написала Карлфельдту записку: «Я ушла в свою комнату, № 317. Не могли бы Вы вместе с Энгстрёмом каким-то образом заманить туда и моего мужа? Ради завтрашнего дня, ради всего этого события!»[284]

Ее просьба была блестяще сформулирована, но почти невыполнима. Ничто не могло остановить пьянеющего лауреата. Он не хотел упустить ничего и никого.

Беспокойство Марии по поводу происходящего было совершенно оправданно. Поздно ночью Гамсун дружески похлопал по плечу члена академии Хенрика Шюка и сообщил ему, что тот — весьма симпатичный еврей.

Его первая реплика на следующее утро была гораздо более удачной — когда ему, проснувшемуся в состоянии похмелья и проспавшему всю ночь в парадной одежде, удалось обезоружить воинственно настроенную жену. Она упрекала его за то, что он не стал раздеваться, когда Энгстрём вместе с кельнером буквально притащили его в номер.

— О Боже, я всю ночь проспал без бабочки!

Итак, официальное торжество закончилось.

«Свенска Дагбладет» медлила со статьей по поводу выхода «Женщин у колодца». В пятницу 11 декабря 1920 года те, кто ранее резко критиковал Гамсуна, могли только сквозь зубы приветствовать нобелевского лауреата. Но теперь всякая критика была уже бесполезной. Гамсун продолжал праздновать. Они провели в Стокгольме три дня. И тут наконец Мария смогла покрасоваться рядом с ним, в своем новом платье в стиле рококо, лиф которого был расшит бисером и которое она потом, не без чувства горечи, упаковывала в чемодан.

Это платье она приглядела себе в Кристиании, в Доме шелка. Возвратившись в Нёрхольм, она с радостью и гордостью показала мужу образец материала, из которого было сшито платье. Сын портного кивнул с пониманием, совершенно не интересуясь ценой. Не каждый день у него бывает возможность продемонстрировать шведской знати, какая у него красивая жена.

С восторгом она приобрела приглянувшееся ей платье[285].

Самое красивое платье, которое ей довелось надевать в течение всех своих 39 лет. По правде сказать, самое лучшее платье, которое она видела в своей жизни. Подол был из тафты в сборку. Сияющая Мария поворачивалась перед Гамсуном до тех пор, пока не заметила страшную ярость на его лице.

Как будто бы он сам не участвовал в покупке этого платья!

Неужели она в самом деле намерена появиться в таком глубоком декольте в Стокгольме? Ведь, по правде говоря, и демонстрировать-то нечего, разве если только что-то может выпасть…

Она пыталась объяснить ему, что это просто модный фасон. И вырез, может быть, лишь чуточку излишне глубок.

А почему она считает допустимым, чтобы вырез был таким глубоким, то есть непристойным?

И вот теперь в роскошном номере стокгольмского отеля «Гранд Рояль», после состоявшегося празднования, Мария спрятала подальше свое модное платье, которое стоило больше, чем месячное жалованье рабочего. Платье, которое переделал по своему усмотрению сын портного, после того как она привезла дополнительно купленную в Гримстаде материю — темный тюль. В нем она стала похожа на глупышку, после того как Гамсун трясущейся правой рукой подшил кусок тюля, подобрав пальцами материал, и, уменьшив вырез, приколол внизу большую алую розу.

Но она надела это платье, скорее из-за гордого самоуничижения, нежели из-за послушания.

Перед Новым годом Мария получила привет и рисунок на память о последней встрече от Альберта Энгстрёма: на нем мужчина, который с тоской смотрит на рюмку со спиртным, а рядом с ним — мощная фигура домашнего тирана, Марии.

Отодвинуть старость

Кнут Гамсун вернулся в Нёрхольм к своему письменному столу только перед самым Рождеством 1920 года. Возможно, на какое-то мгновение он и в самом деле вообразил, что сможет сдержать обещание, данное им в письме Марии, что «Женщины у колодца» будут его последней книгой. Теперь это было уже невозможно. Если бы он закончил писать после получения Нобелевской премии, то это стало бы подтверждением его собственного тезиса, что воздаяние почестей старикам — это преклонение перед смертью. И посему у него не оставалось иного выхода, кроме как продолжать писать.

В начале своего творчества он высмеивал старость. Потом кокетничал по поводу того, что состарился сам. В «Местечке Сегельфосс» он изобразил старость безобразной как никогда ранее. А все для того, чтобы отогнать собственную мысль о смерти.

И вот теперь писатель, которому уже шел шестьдесят первый год, задумал новую книгу, где намеревался защитить право смерти на свою жатву. А сам он рассчитывал на долгую жизнь.

С нарастающим интересом следил Кнут Гамсун за деятельностью врача Эжена Стейнаха{63}. Этот австрийский врач

проводил весьма масштабные исследования влияния половых гормонов на процесс старения. Он утверждал, что нашел метод, благодаря которому процесс старения можно замедлить, а в некоторых случаях даже обратить вспять. Из статей, которые Гамсун получил, в том числе и от Кристиана Кёнига, работавшего в норвежском филиале «Гюльдендаля», ему стало известно, что врач предлагает своим пациентам для борьбы со старостью несложную и почти безболезненную операцию. После такого оперативного вмешательства, согласно мнению врача, пациент становится стерильным, бесплодным, однако половые гормоны будут продолжать вырабатываться и поступать в кровь.

Для Гамсуна стать бесплодным было положительным фактором, так как у него было уже вполне достаточно детей, и тем более облегчением для Марии: она родила четверых детей менее чем за шесть лет.

Дрожание правой руки у него усилилось. Могла ли операция помочь и в этом отношении? Со времен юности он привык считать, что эта дрожь связана с перенапряжением. Ведь он так много писал, а в порыве вдохновения — зверски много, и при этом он слишком сильно давил на карандаш, почти всю свою жизнь он писал исключительно карандашом. Постепенно он выработал особую технологию письма, поддерживая правую руку левой. Он приспособился также удерживать лист бумаги на месте, когда обе руки заняты. Он надевал на карандаш некое подобие металлического набалдашника, чтобы сделать его тяжелее, и все равно ему приходилось поддерживать правую руку левой. Таким образом он выводил строчку за строчкой, передвигая обе руки одну за другой вниз.

В конце 1921 года Гамсун под вымышленным именем поселился в одном из столичных отелей. Тех, с кем он в это время переписывался, он настоятельно просил сжигать все полученные от него письма и хранить молчание относительно факта его пребывания в городе. Он объяснял это тем, что болен и ему не нужна никакая шумиха вокруг его имени.

Правда заключалась в том, что никто не должен был знать о том, что он решился на весьма своеобразную операцию.

Перед самым Новым годом он приехал в Кристианию, а потом направился далее в Данию. Первоначально он намеревался лечь в клинику Стейнаха в Вене, но убоялся слишком долгого путешествия и остановился в Копенгагене. Здесь практиковал один из учеников Стейнаха. Врачу предстояло, в соответствии с методикой своего учителя, зашить семенной канатик пациента.

18 января Гамсуна положили в Муниципальный госпиталь

Копенгагена. На другой день его прооперировали[286].

Через несколько дней он на пароходе приплыл в Кристианию и потом какое-то время жил в отеле, окончательно приходя в себя.

Все это было предпринято, чтобы отдалить старость.

На рубеже 1920–1921 годов Гамсун произвел самые приятные подсчеты в своей жизни.

Прохладное отношение некоторых рецензентов никак не повлияло на объем продаж романа «Женщины у колодца». Менее чем за две недели после его выхода было продано 24 000 экземпляров. Доходы от продаж только в Норвегии превысили сумму в 110 000 крон. Это соответствовало годовому жалованью двух десятков высокооплачиваемых чиновников.

Находящееся в Нью-Йорке издательство «Альфред Кнопф» сообщило, что «Плоды земли» вызвали такой интерес в Америке, что теперь здесь готовы издать большинство его произведений. Со всего мира в Нёрхольм поступали экземпляры книг Гамсуна, переведенные на разные языки. Из Стокгольма пришло известие, что его Нобелевская премия составила 179 023,86 кроны.

Из Мюнхена пришло сообщение, что немцы буквально не могут насытиться его книгами. Они так чествовали, так поздравляли Гамсуна, как будто он был их соотечественник. Из Дармштадта и Брюннена пришли сообщения об успехе «Царицы Тамары». Ожидались и новые проекты. Издательство «Ланген» планировало новое издание собрания сочинений в 14 томах. Уже весной должна была начаться рекламная кампания. «Просто невероятно, совершенно непостижимо, — благодарил он и добавлял: — и это в то время, когда Антанта пытается уничтожить всю жизнь, все существующие ценности в Вашей стране»[287].

Вскоре он узнал, какой именно счет предъявили Германии страны-победительницы: 132 миллиарда золотых марок плюс ежегодные проценты, равные 2 миллиардам. Германия обязана выплатить эту сумму до 1960 года. Весь немецкий экспорт облагался штрафной пошлиной в 26 % от стоимости товара. Но наибольшую горечь у немцев вызвала статья 231 мирного договора. Выходило, что вся ответственность за развязывание Первой мировой войны лежит исключительно на Германии.

Возмущение Кнута Гамсуна не знало границ. Гамсун был обижен за немецкий народ.

Такой чувствительный и такой властный

В конце весны — начале лета 1921 года Гамсун пытался настроиться на создание нового романа, что было весьма важно для него после получения Нобелевской премии. Он ходил по комнате между стопками заметок и ворохом бумаг для новой книги, обдумывал ее в своей писательской хижине, то прогуливаясь по лесу, то сидя в номерах отелей близлежащих городков. Управлять своими героями становилось все труднее. И тем не менее легче, нежели управлять собственной жизнью.

Он, например, расстраивался из-за того, что накричал на младшего сына Арилда, который не закрыл за собой дверь в столовую как раз в тот момент, когда отец собрался уйти из дома. «Нельзя мне быть таким уж чересчур ранимым по отношению ко всем вам», — сетовал он в письме к Марии[288].

Правда, его раскаяние было не очень уж глубоким: оно не пошло далее совета Марии следить за тем, чтобы подобные коллизии не возникали. Она должна приучить семилетнего Арилда тихо вести себя, когда отец дома.

Этой осенью Арилд стал школьником. После того как Туре в течение двух лет ходил в школу, скептическое отношение Гамсуна к книжному знанию усилилось. Свои размышления он высказал в новой книге «Последняя глава». Вот какие слова произносит самоубийца Леонард Магнус: «Жизнь так коротка, что нельзя ее растрачивать на попугайский труд <…>. Что такое настоящая школа? Это ежедневное воспитание матери, ежедневное обучение отца. А школа, опирающаяся на книги, — это некое учреждение, специально созданное, чтобы усложнять жизнь, чтобы сделать ее тяжелой для человека, начиная с детства, с шести лет и до самой смерти» [3; V: 151–152].

У Гамсуна возник с конфликт крестьянами по поводу того, сколько он должен платить за доставку молока на молокозавод ближайшего городка Гримстада. Ему не хотелось больше иметь с ними дело, и он решил, что сам, на своем автомобиле, будет отвозить молоко. Идея купить автомобиль давно увлекала его. И вот теперь у него будет повод сделать это. Он рассылает письма в различные фирмы, торгующие автомобилями, начинает изучать рекламные проспекты, оценивая достоинства и недостатки машин различных марок, техническую оснащенность, цены. «Конечно же, автомобиль мне просто необходим, в наше время он есть у многих, кто живет в сельской местности и кому до ближайшего городка добираться целую милю»[289]. При этом Гамсун сравнивал себя отнюдь не с кем попало. В стране было тогда всего пять тысяч автомобилей. Автомобиль вдохновил его на совершенно новый строительный проект, который он стал

осуществлять. Ведь автомобили, как и лошади, не должны простаивать без дела на дворе усадьбы.

Средства на покупку автомобиля у Гамсуна были. Советоваться по этому поводу ему ни с кем не хотелось. Включая американского издателя Альфреда Кнопфа, который совершал путешествие по Европе и был в высшей степени заинтересован во встрече с писателем, в издание произведений которого он вложил немало средств. Гамсун отказался, сославшись на расстроенные нервы. После этого сон его улучшился. Ничто не успокаивает нервы так, как решительное «нет», сказанное могущественным людям, которые отнюдь не привыкли к отказам.

Дети росли и все больше спотыкались о натянутые, как струна, нервы своего отца. Весной 1922 года Туре исполнилось десять, Арилду — восемь, а Сесилии — пять лет, в то время как Эллинор осенью должно было исполниться семь.

Своего первого ребенка, Викторию, он оставил, когда она еще неуверенно ступала по жизни, ей шел третий год. В прошлом году он отправил ее учиться во Францию — такое образование ему в свое время было недоступно. Он возлагал на нее большие надежды. Виктория выросла и превратилась в красивую молодую девушку. Она унаследовала материнскую наивность и мягкость, а также невероятную отцовскую стойкость и выдержку, которую уже тогда она весьма умело использовала.

В течение всего детства и отрочества Виктория была чрезмерно опекаема острожной и мнительной матерью, а с другой стороны — отцом, который пичкал ее советами на расстоянии, при этом очень редко бывал доволен ею. Нетрудно было бы предположить, что, оказавшись во Франции, Виктория либо пустится во все тяжкие, либо найдет себе человека, к которому крепко привяжется. С ней произошло последнее.

Поначалу отец, несмотря на весь свой опыт, на то, что был знатоком любовных коллизий, не догадывался о происходящем. Она не отваживалась сообщить ему правду. Сначала она просто находила все новые и новые предлоги, чтобы не уезжать из Онфлёра{64} и не переезжать в Париж, но постепенно он начал догадываться. Он пытался ей объяснить: у него большие связи, он вполне обеспечит ей протекцию в Париже, а потом и в Нью-Йорке, многие влиятельные люди с радостью окажут ему подобную услугу, бахвалился он. Его дочь всегда будет занимать высокое положение. Она никогда не испытает тех унижений, которые выпали на его долю. Взамен он требовал только одного — безграничного послушания. В разгар лета Гамсун получил от нее письмо, которое он расценил как акт капитуляции. Виктория обещала поехать в Париж. Он наградил ее за послушание двумя

тысячами франков, еще не зная, что вслед за этим она уже послала ему другое письмо.

И вот он получил его: она помолвлена.

Она даже не соизволила спросить своего могущественного отца.

И вот он узнал, какого замечательного зятя должен обрести. Дочь в полной мере обнаружила, что ей совершенно неведомы антибританские взгляды и настроения Гамсуна. Ее женихом оказался Дидрик Чарльссон, сын британского консула во Франции. Во время Первой мировой войны он был офицером английской армии. Ему 27 лет, и кроме стажировки в качестве управляющего в одной английской усадьбе, у него не было ни опыта работы, ни образования, он по большей части занимался охотой и рыбалкой. Виктория полушутя-полусерьезно предложила отцу сделать их управляющими Нёрхольма, послав при этом фото своего жениха в военной форме. Она надеялась, что он понравится и отец даст согласие на их помолвку.

Через несколько дней она узнала о его реакции. Она даже не могла себе представить, каким бессердечным может быть ее отец.

Он полностью разрывал отношения со своей дочерью. В очень холодном тоне он написал ей, что ее неискренность и притворство сделали абсолютно невозможным продолжение их отношений, что он вынужден порвать с ней, так как она предпочла семью свекра.

В свое оправдание Виктория написала отцу множество писем в течение последующих недель, месяцев, лет.

Он не ответил ни на одно из них[290].

В качестве демонстрации своего творческого потенциала Гамсун поставил себе целью написать новую книгу не более чем через два года после получения Нобелевской премии и выхода в свет «Женщин у колодца».

У него было о чем поведать читателю.

Летом 1922 года он оставил эти планы. Операция, которая должна была усилить поступление половых гормонов в кровь, не имела того эффекта, на который он рассчитывал.

Мария была моложе мужа на 23 года. В один прекрасный день и она выступила на литературном поприще. Стихи, сочиненные ею в процессе общения с собственными детьми, она записала и выпустила в виде сборника «Стишки». Один из самых видных норвежских критиков выступил с весьма одобрительной рецензией. «Ее дебют достоин ее великого имени», — таков был

его вывод[291].

Супруг всячески ободрял ее и помог в окончательной редакции перед сдачей рукописи в издательство. Он убедил Кристиана Кёнига, работавшего в филиале «Гюльдендаля» в Осло, немедленно объявить о выходе сборника в газетах, установить низкую цену и в избытке снабдить этим сборником книжные магазины по всей стране. Следовало также направить экземпляры в датские газеты, сопроводив их соответствующими рекламными объявлениями[292].

Все эти меры принесли свои плоды: ситуация с выходом книги была благоприятной, как ни для какого иного дебютанта. И уже вскоре и издательство, и автор, и супруг автора могли с радостью констатировать, что книга с самым неприметным названием, какое только можно себе представить, должна выйти новым тиражом.

Писательская чета отметила это событие с подлинным размахом. Они отправились на пароходе в Кристианию и вернулись обратно с подарком для самих себя. Небольшой «кадиллак», слегка подержанный, ценой в 12 000 крон (годовое жалованье двух профессоров). Конечно же, этот автомобиль совершенно не отвечал заявленному вначале назначению покупки — перевозить бидоны с молоком на молокозавод. Когда местные представители власти хотели воспользоваться этим автомобилем для военных маневров, Гамсун просто выставил их за дверь. Нет уж, это не тот автомобиль, который он готов доверить какому-то шалопаю-новобранцу, это ведь не просто машина — это целый дом на колесах.

Всегда прилежная и сообразительная, Мария поступает на курсы вождения. Что касается основного владельца, то он только видел, как управляет автомобилем шофер такси, как он жмет на педали, использует ручной тормоз, жмет на газ и гудит в клаксон. Однако, слегка ознакомившись с соответствующими брошюрами, он решает сесть за руль. Один-единственный раз. На дворе собственной усадьбы. Лишь находчивость и быстрая реакция Марии позволили предотвратить несчастье.

«Кадиллак» получил номерной знак «1–465».

Весной 1922 года Гамсун, сидя в своем «кадиллаке», с гордостью встречал на пристани старинного друга Эрика Фрюделунда, роль шофера играла фру Гамсун. Ее муж решил, что пришло время обновить старые дружеские связи. «Таково свойство обыденной жизни, постепенно на ней оседает пыль, и в конце концов все обрастает грязью и убожеством, но разве такими потускневшими мы должны быть в сознании старых друзей?»[293]

Они не виделись с Фрюделундом с той поры, когда Гамсун писал свой роман «Виктория», живя в горной долине Вальдрес летом 1898 года. Их встреча была поистине грандиозной.

И все же было невозможно не писать даже в такой великий день. После завтрака он отправился в свою писательскую хижину, избушку, которая находилась в непосредственной близости от Нёрхольма. Здесь он работал ровно до четырех. Обед ему принесла одна из горничных. В своем новом романе он создал образы двух мальчиков в возрасте Туре и Арилда и высмеял их отца, директора школы, который воспитывал их методом муштры и дрессировки. В романе «Последняя глава» он пытается доказать, почему мальчики должны иметь свою собственную, свободную от вмешательства взрослых жизнь. Но в реальной жизни это не очень-то удавалось Гамсуну, особенно в отношении Арилда.

Дети росли, и с каждым месяцем им требовалось все больше пространства. Мальчикам скоро исполнится столько лет, сколько было ему самому, когда его отправили к дяде.

В разгар лета 1922 года он отправился в Арендал, где пытался совместить лечение зубов с написанием книги. Он страдал от постоянного ощущения тревоги, порой он проводил целый день за закрытой дверью, испытывая страх перед всем и перед всеми. Он признался Марии, что, пожалуй, ему нужна нянька или сиделка. Он жаловался, что ощущает себя идиотом, и говорил о плохой перспективе для Марии, которая моложе его на целую женскую жизнь. «Я, конечно, могу сдаться, но мне кажется, что и ты хочешь, чтобы я закончил новую книгу, а это займет время, и одному Богу известно, сколько именно времени это займет»[294].

Работа над рукописью постоянно заставляла его бежать из дома. В очередном гостиничном номере, исполненный тревожных ожиданий, он таким образом охарактеризовал сложившуюся ситуацию: «Вот теперь-то мы увидим, на что я гожусь: жизнь, или смерть, или же медленное разложение». Через пять дней он уже с восторгом сообщал Марии: «Господь Всемогущий знает, что я еще не совсем идиот, Мария»[295].

Даже десятилетний Туре получил от отца предостережение о том, какая трудная и неспокойная жизнь у писателя: «Поверь, Туре, вот теперь, в шестьдесят три, мне совсем не легко написать новую книгу, многие в этом возрасте уже умирают»[296].

Этим он хотел утешить сына, который мог остаться сиротой, и самого себя, хотя, конечно, если повезет, он доживет и до девяноста. Он заверил Туре, что постоянно думает о нем, его

брате и сестрах, но такой уж у него характер, он скучает по ним и беспокоится о них вдали, но не может быть вместе с ними постоянно.

Искусство сохранять равновесие в семье

В пятницу вечером, в начале февраля 1923 года, он начал письмо к Марии в необычайно оптимистичном тоне: все идет хорошо, каждый день работа понемногу продвигается, экзема на носу стала намного лучше, после того как он прекратил ее смазывать. Кроме того, он шутливо высказался по поводу зубных протезов, сделанных по его заказу в Арендале: он думал, что, может быть, не стоит ими пользоваться, так как ему кажется, что его собственные зубы могут снова вырасти.

Но даже и хорошее настроение давало ему повод для беспокойства: «Много раз мне казалось, что нам предстоит пережить какую-то катастрофу, нам сейчас уж чересчур хорошо», — предрекал он[297].

Учитывая, что Мария не претендовала на интимные отношения с ним и не докучала ему сообщениями о домашних заботах и неурядицах, у него крепла надежда на то, что он сумеет написать еще одну книгу. Он признавался Марии, что после получения Нобелевской премии очень в этом сомневался.

А Мария и не думала сомневаться.

Она досконально знала все фазы его психологических состояний, связанных с творчеством, знала, что стоит за его требованием, чтобы она и дети никоим образом не беспокоили его. В такие периоды ничто не должно раздражать его, беспокоить, утомлять, пугать или, напротив, вызывать бурную радость. Перед ней стояла невыполнимая задача. К тому же он хотел, чтобы она регулярно посещала его в номере отеля, который он снимал в одном из близлежащих городов. Ведь для того, чтобы операция в области брюшной полости была эффективной, его организму необходимо было вырабатывать половые гормоны.

Весной 1923 года он сделал попытку заниматься творчеством дома, в Нёрхольме. Чтобы подчеркнуть серьезность предстоящей творческой работы, Гамсун предупредил Марию, что обращаться с ним надо будет так же осторожно, как с тухлым яйцом. Подобное предупреждение, конечно же, было совершенно излишним.

Почти сразу после возвращения домой его нервная система пережила страшный стресс и потребовала от семьи кровавой

жертвы. Утро всегда было самым опасным временем. Отнюдь не всегда удавалось ему спокойно проследовать в свою творческую избушку после завтрака, который он вкушал в величественном одиночестве. Для этого Мария каждое утро специально выходила из дома, чтобы тщательно обследовать тот путь, по которому должен был проследовать ее прославленный супруг, и удалить все то, что каким-то образом могло помешать ему. Опасный участок, неконтролируемая реальность, который ему предстояло преодолеть, прежде чем он засядет за письменный стол и станет богом в той создаваемой реальности, которую он мог полностью контролировать.

Однажды произошло следующее: не успела входная дверь захлопнуться за Гамсуном, как Мария была вынуждена броситься к окну из-за внезапно донесшегося до нее шума со двора. И тут она увидела, что явилось причиной громких воплей супруга и испуганного кудахтанья. Молодая белая курочка итальянской породы отчаянно убегала, пытаясь спасти свою жизнь, от человека, ее мужа, который гонялся за ней с палкой. Он предугадал, что она вернется на то же место, откуда убегала, заманил ее в открытую калитку изгороди, затаился, а потом прикончил одним точным ударом[298].

Поработав таким образом в своей творческой избушке пару месяцев, Гамсун осенью 1923 года сбежал в очередной отель. Однако начало пребывания в этом отеле не предвещало ничего хорошего. Он никак не мог дождаться утра, чтобы написать письмо Марии и пожаловаться на то, как ужасно он провел ночь.

В два часа ночи он проснулся со страшным сердцебиением из-за того кошмара, который привиделся ему во сне. А приснилось ему, что к ним в дом пришел молодой цыган и похитил одно из колец Марии. Потом пришелец разбил дорогую хрустальную вазу. А Мария, несмотря ни на что, была с ним приветлива, даже посадила его с ними за стол, Мария и цыган были совершенно поглощены друг другом. Он был поражен происходящим, решил уйти, пошел в хлев и увидел, что коровы разбежались. Он вернулся и сообщил им об этом. Ни Мария, ни цыган не обратили внимание на его слова. Он вышел из дома, зашел в курятник и увидел, что там нет кур, все они также разбежались. Войдя в дом, он увидел, что Мария и цыган сближаются все больше и больше. Потом все трое оказались на дворе усадьбы. Он решил вернуться в дом. Из окна он увидел, как цыган обнял Марию и как они оба убегают со двора усадьбы. «Ты ничего не говорила, ты не кричала, ты позволяла ему увлекать тебя. И я тоже ничего не предпринимал, просто стоял и смотрел. Но я думал о том, что неизбежно произойдет, когда ты

вернешься»[299].

В письме он также рассказывал, что один из его новых зубов развалился на кусочки, когда он стискивал зубы перед тем, как заснуть. По поводу всего этого у хозяйки Нёрхольма были свои соображения. Честно говоря, она, мать четырех детей, даже в самой глубине души не была польщена его ревностью, его тайными опасениями, что для нее могут оказаться привлекательными молодые игривые мужчины, хотя бы даже и во снах супруга. Собственно, это у нее были основания для ревности, ведь это он месяцами жил по отелям и пансионам. Любой женщине казалось лестным пофлиртовать с самим Кнутом Гамсуном!

Всякий раз, когда она пыталась поговорить с ним на эту тему, она слышала одно и то же: она ведь прекрасно знает его характер и образ жизни, где бы он ни находился, дома или в ином месте. Он — человек чувствительный, человек «без кожи», который не переносит, чтобы кто бы то ни было слишком близко соприкасался с ним. Он всегда был застенчив с посторонними, а в последнее время это переросло в фобию. Вплоть до того, что в отелях он часто ел не в то время, что остальные гости, чтобы не встречаться с ними взглядами во время общих трапез. Он отдает всю свою энергию и время исключительно своим листочкам и заметкам и работе над рукописями.

Мария как будто бы с этим соглашается. Но ей известно и нечто другое. Порой в нем как будто прорывалась плотина, он вдруг становился необычайно общительным, мог перегнуться через стол и искоса посмотреть на какую-то женщину «опасным взглядом». Мог говорить ей такие слова, которые заставляли ее воображать себя героиней нескончаемого гамсуновского романа…

Мария огорчалась, когда он собирал вещи к отъезду, огорчалась, когда получала известие, что он собирается вернуться. Когда он был дома, то заполнял собой все пространство Нёрхольма, все комнаты в доме, все строения и территорию вокруг. Когда он уезжал, приходило чувство облегчения, как после грозы. Но потом в голову Марии начинали лезть разные мысли о том, как супруг может себя вести, когда ее нет рядом. Ее ревность постоянно угрожала нарушить существующее семейное равновесие.

Что касается самого Гамсуна, то ему отнюдь не было присуще стремление к равновесию. Он обрек дочь Викторию на пожизненное изгнание, потому что она связала свою жизнь с англичанином. Он подал в суд на брата и племянника.

Летом 1923 года он пытался оказать на них жесткое

давление, чтобы они не использовали больше фамилию Гамсун. Вот уже два года длился судебный процесс. По мнению Гамсуна, они порочили его имя. Прочитав сообщение о съемках фильма «Плоды земли», которые происходили в Нурланне, Гамсун пришел в ярость. Речь шла не только об экранизации его романа: оказалось, что фамилия одного из актеров тоже была Гамсун. Это был его легкомысленный племянник, пройдоха Альмар, сын одного из его братьев, и он должен был исполнять роль одного из двух сыновей Исаака — Элисеуса. Гамсун пытался заставить брата и племянника отказаться от фамилии Гамсун, грозя разоблачением, поскольку в его распоряжении были компрометирующие сведения о некоторых поступках Альмара — тех поступках, которые можно было рассматривать как полукриминальные. Племянник требовал 8000 крон — в четыре раза больше того, что предлагал Гамсун.

Зачастую, даже будучи не прав, он готов был идти на все. Он попробовал даже привлечь на свою сторону премьер-министра. Эта попытка закончилась столь же неудачно, как и та, что он предпринял на рубеже столетий, обратившись к премьер-министру и президенту стортинга, когда ему докучали анонимные письма и сплетни, которые роились вокруг него. Ему пришел запрос о том, каким образом он сам получил право использовать фамилию Гамсун. «Неужели я, имя которого прекрасно известно в 25 странах и написано на языках этих стран, в своей собственной стране, принадлежа ее народу, должен буду обращаться в высшие инстанции за разрешением называться Кнут Гамсун?» — с язвительной насмешкой парировал он[300].

Министерство юстиции терпеливо старалось склонить Гамсуна к полюбовному улаживанию конфликта с родственниками, но Гамсун все же подал на младшего брата в суд.

Слух у Гамсуна постоянно ухудшался. Та рука, которой он писал, дрожала все больше и больше. Мария предложила, что она будет переписывать начисто. Но они оба понимали, что какую-то часть работы он все равно должен делать сам, ведь перед окончательной сдачей рукописи он часто вносил большие изменения. Конечно же, творчество — это все-таки что-то исключительное. Вот почему она стала все больше помогать ему с корреспонденцией. Он давал ей ключевые слова, а со всем остальным она справлялась сама, как секретарь. Вскоре она даже научилась подделывать его подпись.

Теперь Мария смогла глубже окунуться в его мир. Она стала

лучше понимать его. Это давало ей пищу для утешений, надежд и разочарований.

Ее искусство поддерживать равновесие оказалось в высшей степени востребованным.

Холодные завораживающие звуки

В романе «Последняя глава», работу над которым он закончил осенью 1923 года, описывается, как человека то и дело преследуют удары судьбы. Главная героиня имеет смешанные норвежско-французские корни. Французская кровь не приносит ничего хорошего Жюли д'Эспар: «Особых знаний у нее нет, по-норвежски она говорит без изыска, как те, кто принадлежит к среднему классу, поет не лучше других, домоводству не училась, домашнюю работу делать не умеет, даже блузки сшить себе не может, зато умеет печатать на пишущей машинке. Бедная Жюли д'Эспар!» [3; V: 25].

Этот вздох разочарования касался и его собственной дочери, которая, по его мнению, «потерпела кораблекрушение» во Франции.

В начале двадцатого века во многих частях Европы продолжалось переселение сельских жителей в города. Возникла также мода на пребывание горожан в сельской местности, в разного рода санаториях и лечебницах, где можно было, так сказать, испытать опыт загородной жизни, приехав на выходные дни или пожив какое-то время. Это явление Гамсун и отобразил в романе «Последняя глава», показав с резко отрицательной стороны. Смысл произведения не оставляет сомнений: пребывание горожан в подобных заведениях не добавляет им ни физического, ни психического здоровья. Выход из этого только один: для оздоровления повернуться к городу спиной и начать заниматься возделыванием земли.

Так, как поступил он сам.

Для того чтобы подчеркнуть, как короток путь от нездорового человека к здоровому и обратно, он описал два места, где происходят события его романа, санаторий и усадьбу в горах в непосредственной близости друг от друга. Двое героев: Жюли д'Эспар и господин Флеминг. Она родилась в городе, он — наследник усадьбы, которого испортила городская жизнь.

Господин Флеминг приезжает в санаторий, где ни в коей мере человек не может получить все то, что обещано в рекламе, ему здесь становится только хуже. Тут же неподалеку живет Даниэль, подлинный продолжатель дела Исаака Селанро. В «Последней

главе» есть эпизод, когда Флеминг, у которого больные легкие, начинает чувствовать себя лучше, потому что ест простую деревенскую пищу: сливки, плоский хлеб, солонину. «…Он вспоминает забытый с детства вкус, в этом есть что-то вечное <… >. О Боже, до чего же он слаб и беззащитен! Но сам воздух хижины сулит выздоровление. Благостные бактерии сидят, быть может, в ее старых стенах, одному Богу известно, что это: снотворное ли, дрожжевой грибок или красные кровяные тельца, но это здоровье и жизнь» [3; V: 42–43].

Излечившись физически, Флеминг не может исцелиться духовно, его сознание настолько отравлено цивилизацией, что назад пути уже нет, и его ждет плохой конец. А вот за судьбу фрекен д'Эспар Гамсун борется до конца. Эту плутоватую городскую девицу он награждает всеми отрицательными качествами, которыми он награждал своих женских персонажей ранее, а также и совсем новыми, столь же неприятными. И тем не менее она оказывается спасенной, хотя в его романе многие персонажи погибают. К концу романа погибает семь действующих лиц — автор совершает прямо-таки массовое убийство.

Должна ли была история о городской девушке и крестьянском парне получить счастливое завершение таким образом, чтобы это свидетельствовало о продолжении веры Гамсуна в свою утопию? То, что Жюли д'Эспар находит спасение, несмотря ни на что, среди множества смертей вокруг, внушает некую надежду на будущее.

Едва ли в европейской литературе можно найти более убедительную крестьянскую романтику. И смысл романа совершенно очевиден: городская жизнь — свидетельство упадка, спасением может быть лишь здоровая деревенская жизнь.

Роман «Последняя глава» вышел в свет одновременно в Кристиании, Копенгагене, Стокгольме.

Проходит немногим более двух недель, и уже заказывается новый тираж. Критики резко разделились. Одни назвали Гамсуна отъявленным реакционером, хотя, несмотря на свое раздражение, не могли не признать его высокий художественный уровень. Другие были настроены резко отрицательно, как, например, «Моргенбладет»: «В этой книге нет ничего, кроме описаний случайных смертей, она лишена смысла и художественных достоинств».

Ведущий норвежский критик Сигурд Хёль{65} назвал одного из героев, самоубийцу, а вместе с ним и Гамсуна, обломками романтизма: «Гамсун-чародей завораживает. Он играет, а люди танцуют. Но в его звуках нет тепла. Они нас больше не

греют»[301].

Литературный гигант выкупает себя

Культурное и экономическое влияние Гамсуна возросло до невероятных масштабов. И в начале нового 1924 года он не мог не ввязаться в дискуссию на национально-патриотическую тему. В Норвегии в это время часто употребляли выражения «датское владычество» или «долгая 500-летняя ночь», имея в виду период 1380–1814 годов, когда у Норвегии была уния с Данией и они составляли единое государство.

И вот оказалось так, что филиал издательства «Гюльдендаль» в Кристиании являет собой последний оплот датского владычества в Норвегии.

Уже более столетия норвежские издатели вели культурно-политическую и экономическую борьбу за то, чтобы самим издавать норвежских авторов. Когда в 1904 году «Гюльдендаль» открыл свой филиал в Кристиании, Кнут Гамсун, так же как и многие другие писатели, вкупе с книготорговцами сочли это своего рода провокацией.

И все это не переросло в открытый конфликт в значительной степени благодаря исключительной осторожности Кристиана Кёнига, который руководил филиалом. Но весной 1921 года 26-летний Харальд Григ занял должность содиректора, потеснив при этом Кёнига, в Главном книготорговом представительстве скандинавского издательства «Гюльдендаль» в Кристиании, как тогда называлась организация. Этот уроженец Бергена с филологическим образованием, до этого сотрудник журналист в «Тиденс Тейн», вскоре нарушил хрупкое равновесие, царившее здесь.

Вскоре пошли в ход и антидатские настроения, когда бойкий изворотливый Григ и гораздо более сдержанный Кёниг решили реализовывать книги издательства «Гюльдендаль» не только через специализированные книжные, но и через другие магазины. Публика привыкла покупать книги в больших книжных магазинах, к тому же отдельные книготорговцы объявили «Гюльдендалю» бойкот. И, таким образом, экономическое положение датского издательства в Норвегии резко ухудшилось.

За всеми этими событиями пристально наблюдал ведущий норвежский издатель Вильям Нюгор. Перед самым Рождеством 1923 года он попытался прозондировать почву на тему возможного объединения с норвежским филиалом «Гюльдендаля».

Директора «Гюльдендаля» реагировали на это по-разному.

Кёниг проявил интерес к возможной покупке акций филиала Нюгором как к закономерному завершению совместного датско-норвежского сотрудничества. Продажа акций или слияние двух издательств были для него желательны, так как это был прекрасный повод покинуть норвежскую столицу и навсегда вернуться в Данию. У его содиректора был иной, более изощренный план. Он надеялся найти такого норвежского инвестора, который выкупит акции «Гюльдендаля» прямо перед носом конкурента-Нюгора.

Неудивительно, что Гамсун, как самый главный писатель, издаваемый «Гюльдендалем», был посвящен во все эти обстоятельства во время посещения Кристиании в феврале 1924 года. Вернувшись в Нёрхольм, он начал основательно готовиться к участию в книжной схватке.

Углубившись в финансовые дела, он стал подсчитывать свои активы. Он всегда имел обыкновение записывать своим изящным почерком суммы всех поступлений. Стоимость принадлежавших ему к этому моменту акций равнялась 167 000 крон, что было эквивалентно сумме чистого дохода, которую он получил от издательства в 1922 году. Кроме того, у него были акции еще на 53 000 крон в копенгагенском «Гюльдендале», не считая имевшихся ранее на 19 000 крон. Несколько тысяч крон было у него в различных банках. Итого — 311 000 крон. В апреле в связи с выходом собрания сочинений он должен был получить от издательства еще сотню тысяч крон[302].

Директор «Гюльдендаля» в Копенгагене Фредерик Хегель и все руководство издательства стояли перед выбором: продолжать переговоры о слиянии или поддержать позицию Харальда Грига, предлагавшего сделать деятельность издательства в Норвегии совершенно самостоятельной. Однако, узнав о намерениях Гамсуна, Хегель решил, что даст норвежцам шанс выкупить их долю акций. В конце концов была подсчитана сумма капитала, задействованного в Норвегии. Она составила 2 350 000 крон — сюда входила стоимость авторских прав, стоимость имущества на складах и прочей собственности в Кристиании.

Да, дьявольски трудная задача для того, кто решил все это выкупить.

Время для подобного шага никак нельзя было назвать удачным. Экономический бум, связанный с войной, был давно позади. Стало очевидно, что собрать такую сумму просто невозможно, слишком велик риск. Необходим заем, по крайней мере половину требуемой суммы надо взять в долг. И тут выяснилось, что, к сожалению, ни один норвежский банк не готов

дать требуемую сумму для того, чтобы выкупить норвежское культурное достояние. Тогда возник план, состоящий из трех пунктов.

Прежде всего надо было найти значимую в национальном масштабе фигуру, которая возглавила бы список акционеров. Во-вторых, необходимо мобилизовать высокопоставленных администраторов и деловых людей на поиск потенциальных покупателей акций. И в-третьих, необходимо было убедить «Гюльдендаль» в Копенгагене согласиться на то, что часть суммы будет выплачиваться в рассрочку, в течение достаточно долгого времени.

И вот начались поиски будущих первых лиц в списке акционеров: на роль одного из них, конечно же, подходил Кристиан Микельсен{66}, отец нации, прославившийся своей политической деятельностью, связанной с разрывом унии со Швецией в 1905 году, крупный судовладелец. На роль другого претендовал преемник Вергеланна и Бьёрнсона, национальный скальд Кнут Гамсун.

Григ немедленно направляется в Берген для переговоров с Микельсеном. Но тот решительно отказывается, он не намерен жертвовать ни единым эре ради интересов писателей.

В начале июня 1924 года Гамсуна в Нёрхольме посетил Кристиан Кёниг. Датчанин сообщил Гамсуну: вполне возможно устроить так, чтобы он имел прибыль со вложенного капитала, приблизительно равную банковской процентной ставке. Кёниг выразил свое разочарование в связи с тем, что финансовые деятели не осознают, что стоимость его авторских прав сама по себе весьма велика. Зато это прекрасно понимал Гамсун. Ничто не могло доставить ему большего удовольствия, чем возможность посадить в лужу профессионалов.

У Гамсуна не было ни малейшего желания, чтобы Вильям Нюгор стал его издателем в новом издательстве, которое могло бы возникнуть путем слияния. Ведь в течение многих лет тот отказывался печатать произведения Гамсуна.

Прежде всего Гамсун потребовал у «Гюльдендаля» большего денежного займа. Ему не хотелось, чтобы его средства находились в ценных бумагах. Мысль о том, что скоро его детям понадобится стартовый капитал, не давала ему покоя. Кёниг попросил Гамсуна взять на себя максимально большие творческие обязательства. Ведь раз тот собирается «выкупить себя», он должен осознавать, что это будет стоить недешево.

Гамсун рассуждал приблизительно так: он заплатил за Нёрхольм четыре года назад 220 000 крон. 20 000 он перевел в акции издательства. А что, если теперь говорить о сумме, в 10 раз

превышающей данную? Тогда, значит, он истратил именно столько, сколько стоил Нёрхольм. Давайте это и считать его долгом издательству. Тут изумленному Кёнигу оставалось только кланяться да благодарить, но когда он услышал, чего требует Гамсун взамен, радость его несколько поутихла.

Гамсун требовал, чтобы Кёниг оставался работать в издательстве, которое теперь будет целиком норвежским. Датчанин понял, что выбора у него нет. Он должен будет пожертвовать собой. Самое страшное, что его ожидало, — это сообщить об этом жене и сыну. Нет, нельзя было утверждать, что хозяин Нёрхольма был уж совсем уж несговорчивым человеком, особенно в тех ситуациях, когда ему удавалось добиться своего. Было решено, что Кёниг будет продолжать управлять издательством, совместно с Григом, до того момента, когда ему исполнится 60 лет, то есть до 1927 года.

Перед отъездом Кёнига Гамсун посвятил его также в свои планы относительно нового романа. Он уже начал понемногу возвращаться к работе над рукописью «Последней главы», которую отложил осенью 1923 года — тогда он чувствовал невероятную усталость, нервы были совсем измотаны. Вплотную он займется романом в конце лета. Он также намекнул, что книга может быть готова к Рождеству 1925 года[303].

Таким образом, издатель увез с собой две потрясающие новости.

Интенсивная кампания по уговариванию целого ряда персон дала весьма слабый эффект. Тот факт, что Гамсун со всем своим литературным и экономическим могуществом выступает гарантом подобного грандиозного проекта, не произвел особого впечатления на потенциальных инвесторов.

В то же время новость о том, что Гамсун так основательно ввязался в дело выкупа издательства, произвела впечатление в Копенгагене. Сумма в миллион крон была обращена в форму займа со сроком выплаты в течение десяти лет. А стоимость издательства была уменьшена до 150 000 крон.

Осенью 1924 года редакторы норвежских газет наперебой старались помещать в своих изданиях передовые статьи национально-патриотического характера. Атмосфера в Дании была прямо противоположной. Хегель всячески старался создать впечатление, что ничего особенного не произошло и для Норвегии все останется по-прежнему. Однако ему было известно, что Гамсун каждый день читает датские газеты, и посему он поспешил в письме детально обрисовать Гамсуну всю ситуацию[304] и заверить, что сделка все-таки состоится.

Несмотря на всю газетную шумиху, подписка на акции шла туго. К концу октября 1924 года было куплено акций на 1,2 миллиона крон. В начале ноября новые акционеры выступили с публичным обращением через центральные газеты, призывая сограждан последовать их примеру. Среди 40 акционеров, подписавших обращение, было девять редакторов, председатель Норвежского союза писателей Арнульф Эверланн{67}, несколько ведущих политиков и, конечно же, самый знаменитый из живущих норвежских писателей, Кнут Гамсун. Но даже такой барабанный бой не возымел должного эффекта.

«К сожалению, норвежцы только и умеют, что болтать о национальных интересах, патриотизм норвежцев только на языке, а не в сердце». Так заявил Гамсун в своем гневном обращении к книготорговцам[305]. Впадающий во все большее отчаяние Григ выпустил буклет под девизом «Домой в Норвегию», в котором был составлен список великих норвежских писателей, которых акционеры смогут «вернуть» в Норвегию, если издательство станет норвежским. Список норвежских писателей, которые таким образом должны были вернуться домой, возглавлял Гамсун, далее парами шли Бьёрнсон и Ибсен, Хьелланн и Ли и в самом низу — Амалия Скрам{68} и Ивар Осен{69}.

Благодаря этому буклету, изданному огромным тиражом, было куплено акций еще на 150 000 крон.

Перед Рождеством все еще оставалось невыкупленных акций на общую сумму в четверть миллиона. Харальд Григ отправился в Копенгаген в надежде убедить Хегеля и других в «Гюльдендале» снизить цену. 30 декабря он вернулся домой ни с чем. Но тут, как говорится, чертик выпрыгнул из табакерки. До того как бой часов в полночь провозгласил наступление Нового года, Григ телеграфировал Хегелю: полный капитал собран, куплено акций на сумму в 1 200 000 крон.

Шестая часть акций принадлежала Кнуту Гамсуну.

Журналист и поэт Нурдаль Григ с восторгом писал своему брату Харальду: «С этой покупкой акций произошло очень значимое для нашей культуры событие: у нас появился норвежский „Гюльдендаль“. Теперь наши книги, выставляемые в витринах книжных магазинов всего мира, включая те места, куда уже дошла цивилизация в Азии и Африке, — приплывают туда под норвежским флагом — исключительно под норвежским флагом»[306].

Нурдаль Григ знал многие важные детали этой истории, но

никому не рассказывал.

Его брат в те новогодние дни находился в отчаянном положении человека, плывущего в лодке, днище которой дало течь, и он старался не только ради норвежского «Гюльдендаля», но и ради собственной карьеры. И в дальнейшем его плавание было удачным, так как Гамсун вложил в издательство свое состояние и умело использовал свое влияние на находившегося в Копенгагене Хегеля. Конечно же, без Кнута Гамсуна и Харальд Григ, и другие акционеры пошли бы на дно.

Харальд Григ любил покрасоваться. И теперь, после блистательной сделки, он уговорил Кёнига торжественно представить его человеку, которому он, как никому другому, был обязан тем, что сделал свою стремительную карьеру: из журналиста превратился в директора издательства, которое сумело вернуть из Копенгагена на родину норвежское литературное достояние.

Вечная борьба

Гамсун теперь был силен экономически как никогда.

В начале 1925 года местный комитет по налогам оценил имущество Гамсуна в 419 000 крон. Осторожная оценка, надо сказать.

Ежегодно Гамсун вкладывал огромные суммы в сельскохозяйственные работы Нёрхольма. Кроме того, в усадьбе постоянно осуществлялись очередные проекты, связанные со строительством новых дорог, расширением старых, осушением болот и новыми посадками. Получаемые им счета и разного рода официальные извещения он складывал в большие конверты, на каждый год отдельный конверт. Интересно то, что хотя Гамсун любил все тщательно просчитывать, он тем не менее никогда не писал на конвертах общие суммы. Пожалуй, это был способ отгородиться от действительности.

В его романах сельское хозяйство никогда не было убыточным.

Доходы Гамсуна стали в это время почти неисчислимыми.

Факт присуждения Нобелевской премии открывал перед ним двери издательств во всех странах. Резко возросли продажи в Америке, «Плоды земли» вышли тиражом 18 010 экземпляров, «Голод» — 14 693, «Пан» — 8966, «Мечтатели» — 4696 и «Новь» — 3086 экземпляров, все это в течение лишь одного полугодия. Общая сумма гонораров Гамсуна, за вычетом налогов и

жалованья литературным агентам, составила 84 000 крон. Что равнялось годовому жалованью восьми полковников. В следующее полугодие книги Гамсуна продолжали так же хорошо продаваться, «Плоды земли» все время выпускались дополнительными тиражами, пользовались успехом и «Мечтатели». Почти полсотни тысяч крон в качестве гонорара за второе полугодие.

В то же время, судя по всему, ни мировая известность, ни факт получения Нобелевской премии не произвели ни малейшего впечатления на британцев. За один и тот же период, когда из Америки Гамсун получил гонорар в 130 000 крон, из Англии пришли жалкие 2000 крон. В то время как почти 30 000 американцев приобрели «Плоды земли», за которые Гамсун получил Нобелевскую премию, в Великобритании роман купили менее 2000 человек. Романом «Пан» заинтересовались всего лишь несколько сот британцев. И когда до Гамсуна доходили эти жалкие фунты, шиллинги и пенсы, он особенно тщательно пересчитывал их и раскладывал по отдельным конвертам. Видимо, эти суммы он рассматривал как пощечины. Он видел из поступавших отчетов, что даже в маленькой Голландии его книг продавалось больше, нежели во всей Британской империи! В сентябре 1934 года он получил чек на 108 933,3 кроны, доходы от проданных за рубежом книг. И среди них лишь 2–3 тысячи крон — процентные отчисления от британцев[307].

У британцев, как видно, не было особого интереса к его произведениям. Что же касается немцев, то наоборот, они никак не могли насытиться его книгами. Из Германии постоянно поступали сообщения о все новых и новых тиражах, очень хорошо продавалось его полное собрание сочинений. В немецких театрах ставились его пьесы. Это были явные и нескончаемые свидетельства того, что немцы нуждаются в его книгах. Каждый месяц на счета Гамсуна поступало 12 000 золотых марок — явное свидетельство нормализации жизни в Германии.

Это уже был не нищий, униженный народ, это был народ, хотя и разобщенный, но уже готовый снова встать на ноги. При этом политики экстремистского толка были гораздо менее популярны, нежели несколько лет назад. Осенью 1924 года при выборах в рейхстаг ультранационалистические партии набрали всего 3 % голосов. Политика министра иностранных дел Густава Штреземана{70}, основанная на признании вины перед странами-победительницами, а также план Дауэса{71} по «впрыскиванию долларов» в экономику Германии начали приносить свои плоды. Страх властей как перед правыми, так и перед и левыми

радикалами ослабел.

20 декабря 1924 года было вынесено судебное решение в отношении самого известного в тогдашней Германии политического заключенного — Адольфа Гитлера. Он должен был быть выпущен на свободу. Бывший ефрейтор в возрасте 29 лет в самом конце войны получил серьезное ранение. Врачи вылечили его и избавили от страха стать слепым, а от юношеских мечтаний быть художником или архитектором он избавился сам.

Тюремную больницу он покинул, глубоко убежденный в том, что он избранник высших сил и ему предстоит великая миссия. В Мюнхене он нашел единомышленников, стал своим в среде людей, крайне враждебно настроенных по отношению к республиканской форме правления, к демократии, евреям и левым радикалам. В конце зимы 1924 года он, вместе с другими организаторами путча, предстал перед мюнхенским судом по обвинению в предательстве нации. Его приговорили к пяти годам тюремного заключения в крепости. Вдохновленный впечатлением от лаврового венка, украшавшего холл «Ландсберг фестнингер» в Мюнхене, он начал сочинять свой политический манифест «Майн кампф».

Просидев в крепости менее года, Гитлер вышел из заключения. Министр внутренних дел Баварии предсказал, что этот зверь загонит себя до смерти. Другой представитель власти выразил мнение, что зверь укрощен. Сам путчист заявил, что устроит революцию, но вполне законным путем. Гитлер был убежден, что демократию надо уничтожить, а для этого следует проникнуть в самую ее сердцевину с помощью троянского коня, а затем взорвать с использованием гремучей смеси, в состав которой входят террор, обещания, страх и надежда.

Он объявил, что не собирается восстанавливать прежние границы: «Мы начнем оттуда, где мы остановились шесть столетий тому назад, откуда лежит вечный германский путь — на юг на Западную Европу. Но сейчас наш взгляд устремлен на восток. Мы поставим точку на предвоенной колониальной политике, на торговой политике и пойдем вперед к земельной политике», — так писал он в «Майн кампф»[308].

Именно эти цели, поставленные перед немецким народом, и находили понимание у Гамсуна во время Второй мировой войны.

Священный зов земли, как он ощущал его, как ощущали его родители, зов, которому следуют и ради которого идут на любые жертвы.

В Швейцарии, в Локарно было подписан пакт между Германией, Англией, Францией, Бельгией и Италией, согласно

которому подписавшиеся стороны брали на себя обязательства уважать новые границы Германии на востоке. Германия же при этом брала на себя обязательства по демилитаризации рейнских земель и отказывалась от применения силы в целях изменения своих восточных границ.

В то же время из своей штаб-квартиры в Мюнхене Гитлер постоянно заражал все большее и большее число жителей Германии броскими зажигательными лозунгами и призывами: «Из-за демократии Германия умирает с голоду!», «Мы не позволим распять Германию на кресте!»[309].

Техническое и экономическое преобразование страны и изменение жизни отдельного человека происходили в Германии стремительнее, нежели в любой другой европейской стране. Во многих немцах зрело чувство протеста против современного мира, в котором оставалось так мало места для романтики. Нарастало это ощущение недовольства современным миром и в романах Гамсуна, чувство тоски по прошлому. Из издательства в Мюнхене книги Гамсуна распространялись по всей Германии, Австрии, немецкоязычной части Швейцарии…

Все больше и больше немцев смотрели на норвежского писателя как на пророка, так как в его книгах они видели протест против духа нового времени, против современных тенденций общественного развития.

А в Нёрхольме крестьянин и писатель с помощью динамита завоевывал новые пространства. Из-за гигантских камней, которые то и дело прямо из-под земли появлялись на пути земледельца, приходилось часто использовать динамит.

В пределах своего королевства он руководил прокладкой дорог, повсюду осуществлял строительство мостов. Прямые и широкие, они предназначались для того, чтобы с помощью лошадей, тракторов, грузовиков перевозить тяжелое оборудование и разные грузы. Было посажено десять тысяч деревьев. Был построен флигель. Вокруг освоенных земель были сложены каменные изгороди и протянута колючая проволока. Внутренний двор был обнесен двухметровым железным забором. Изгородь усадьбы имела четыре калитки, ключи от трех он всегда носил с собой. Ключ от четвертой висел при входе на кухню, и его использовали от случая к случаю.

Гамсун осваивал землю и строил свое хозяйство, откликаясь на зов земли. Судьба Виллатса Хольмсена не была неизбежной, и современные, индустриальные хозяева жизни не обязательно всегда должны брать верх над землевладельцами, как это происходило в «Детях века» и «Местечке Сегельфосс».

Своей деятельностью земледельца Гамсун побеждал собственные писательские пророчества. Но он не мог преодолеть скованность, которая овладела им и не давала ему творить дальше.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Новая весна?

В начале своего творчества Гамсун верил, что его талант и вдохновение никогда не иссякнут.

С гордостью рассказывал он о том, что в юности, невзирая на тяжелые обстоятельства, он мог неустанно и плодотворно работать, как в течение шести недель вынужден был обматывать левую руку полотенцем, потому что ему было неприятно ощущать на коже собственное дыхание, и не мог зажечь спичку из-за пронизывающего сквозняка[310].

Он неустанно изобретал все новые способы, чтобы приблизить волну вдохновения. Он описал это в «Голоде» — с гордостью и самоиронией. Хотя в последующих книгах, «Мистериях» и «Пане», видны издержки этой творческой лихорадки.

«Моя неврастеничность ушла», — убеждал он окружающих и себя самого.

Чтобы стимулировать процесс творчества, Гамсун пытался использовать различные средства: алкоголь, электричество, массаж, пилюли, микстуры, кремы, всевозможные чудодейственные курсы лечения.

Он надеялся, что ему поможет работа на земле, среди природы своего детства. Но это не помогало, и ему пришлось уехать. Он вообразил, что обретет стальные нервы Виллатса Хольмсена, если станет владельцем усадьбы. Он согласился лечь на операционный стол для хирургического вмешательства, которое должно было привести к дополнительной выработке половых гормонов — как он надеялся, это должно было задержать старение организма.

Но все было тщетно.

Мария, которая была на двадцать три года моложе супруга, выпустила в том году свою вторую книгу. Она написала о детях в мире взрослых. Ее персонажи походили в чем-то на нее тридцать лет назад, на ее братьев и сестер и на ее собственных детей. В образах взрослых она запечатлела черты своих родителей и свои собственные, но черт отца своих четырех детей она для своих персонажей не использовала.

Как никто другой, Мария знала, что ее муж не мог иметь отношения к описанию счастливых детей в гармоничном мире

взрослых, в котором живут герои ее книги. Книгу она назвала «Деревенские дети у себя дома и на сетере». Таким образом и Мария, можно сказать, приняла участие в проекте «новая крестьянская романтика», который разрабатывал ее муж начиная с 1912 года. Книга была очень хорошо принята и критикой, и читателями.

В новогодние дни 1925 года Мария объявила, что вовсю работает над продолжением. Ведь ей не надо было ждать, что ее накроет волна вдохновения, ей нужно было всего лишь несколько свободных часов, после того как дети лягут спать.

Гамсун уже перестал ждать этой волны, вместо этого он заставлял себя целенаправленно, методично работать, записывая слово за словом. И дело пошло. Именно так были написаны «Женщины у колодца» и «Последняя глава». Это потребовало огромной концентрации внимания, которая придавала словам внутреннюю силу. Его тело все еще оставалось удивительно упругим и гибким, он был в хорошей физической форме, но это, к сожалению, не могло помочь ему в работе. Для творчества Гамсуну требовалось огромное напряжение, но его все больше охватывала ужасная внутренняя скованность, которую он проклинал и которая заставляла его баррикадироваться за закрытыми дверьми.

Год 1925-й начался для него плохо. Гамсун считал, что городской суд лишил его имени. Признать, что младший брат и племянник имеют право так же, как и он, называться Гамсунами, было для него то же самое, что вообще лишиться собственной фамилии.

Он возложил вину за проигрыш дела на своих адвокатов, которые не разрешили ему выступать в суде, как он того требовал. Если бы они согласились, он разбил бы пункт за пунктом претензии родни[311].

Обращение в Верховный суд — вот что следовало ему предпринять.

Такие слова легко говорить, но не так-то легко претворить в действие.

Что касается других слов, то они совсем ускользали. Он был не в состоянии сочинять. Записанные слова уже никуда не вели его. Он пытался увидеть признаки того, что операция укрепила и оздоровила его организм, ведь ему обещали, что благодаря игре половых гормонов будут возникать волны вдохновения, которые унесут его в мир творческой фантазии. Конечно же, не так, как в юности, но все же волна должна была быть достаточно высокой, чтобы выплеснуться в книгу.

В ожидании творческого порыва он регулярно просматривал газеты, надеясь прочитать о каких-то достижениях и успехах Германии. Он никогда не расставался с верой, что немцы, успешно выполняя предназначенную им самой природой миссию, в качестве молодой нации должны уничтожить одряхлевших англичан. Но прежде всего Германия должна встать на ноги, а это лишь вопрос времени.

Однажды в Нёрхольме появился гость, и от этого стало еще хуже.

Гамсун давно приглашал к себе в гости датского собрата, писателя Йоханнеса Йенсена, и тот наконец согласился посетить Нёрхольм поздней осенью 1925 года. Встреча двух писателей оказалась неудачной. «Его совершенно не интересовало, как тут у меня происходит осушение болот, видно, ему было это скучно, и он все больше молчал», — сетовал хозяин[312].

В то время как писатель Гамсун стал земледельцем, писатель Йенсен постепенно превратился в философа-моралиста. Оба боялись, что не смогут больше писать.

Но оба так и не решились заговорить об этом друг с другом.

В течение уже двух лет Гамсун пытался создать на материале, ранее записанном на маленьких листочках, новую главу романа.

Но он уже больше не управлял словами и не придавал им прежнего значения. 28 сентября 1925 года он написал в письме, что ему безразлично, что будут говорить о нем после смерти, и он не нуждается в каких-то надгробных эпитафиях: «…пусть меня сожгут живьем, когда я буду умирать, мне не нужно, чтобы воздавали почести моему праху»; 11 октября: «…не очень-то у меня получается с творчеством»; 4 ноября: «Написание книг все больше отдаляется от меня»[313].

Станет ли «Последняя глава» последней его книгой? Способен ли он представить свою жизнь без творчества? Мария Гамсун могла — Мария, которая издала осенью новую книгу стихов «Картинки». Она с интересом наблюдала — сдастся ли он. Тогда она освободилась бы от своей непосильной задачи, которая независимо от ее поступков всегда делала его победителем, а ее и детей — побежденными.

Если он перестанет писать, все пойдет по-другому.

Но разве Гамсун уже исчерпал все средства? Он всегда был способен совершить в своей жизни несколько неожиданных кульбитов ради создания каких-то персонажей, если это, по его мнению, стоило того. И разве, в сущности, не было таким кульбитом его неожиданное решение подвергнуться операции, связанной с усилением продуцирования половых гормонов?

В ноябре 1925 года он прочитал статью в «Афтенпостен», где говорилось о новой книге. Называлась она «Невроз». Он эту книгу достал, прочитал и написал автору. Доктор Юхан Иргенс Стрёмме ответил. Обменявшись еще парой писем, они договорились о встрече.

Вечером 3 января 1926 года Гамсун взошел на борт парохода и отправился в Осло{72}. Что двигало им? И почему он ощущал те же грусть и отчаяние, как и тогда, сорок три года назад, когда садился на большой пароход, отправлявшийся в Америку? Когда же придет конец этим чувствам?

Именно по этому поводу они повздорили перед его отъездом. Заняв свое место в каюте, он начал писать письмо Марии: «Ты забыла пожелать ни пуха ни пера на прощание, Мария»[314]. Утром в воскресенье он был уже в Осло. Во второй половине дня он направился в юго-восточную сторону от дворцового парка Осло. Нашел нужный дом по адресу Оскарсгате, 12 и стал подниматься по лестнице, читая на дверях таблички с именами жильцов. Остановившись у одной из квартир на втором этаже, он позвонил.

Доктор Юхан Иргенс Стрёмме имел диплом Университета Осло, и кроме этого стажировался в клинике Бургхольцли{73} в Цюрихе. Он работал в двух центральных больницах столицы в отделениях для психически больных, а также вел частную практику. Но репутация у него была весьма неоднозначная, если не сказать сомнительная. Коллеги порой публично называли его шарлатаном, потому что он применял методы, которые еще не были признаны здесь, на окраине Европы.

Когда Гамсун читал введение к книге Стрёмме, то ему казалось, что он читает свои собственные слова и мысли, сформулированные после написания «Голода» и «Мистерий». Стрёмме полагал, что неврастеничные люди являют собой лучших представителей современного общества. Доктор постоянно говорил о значительной роли жены в жизни мужчины. Его пятнадцатилетний опыт врача-невропатолога свидетельствовал о том, что многие болезни и психологические проблемы мужчин связаны исключительно с этим фактором. Если между мужчиной и его женой возникают какие-то коллизии, то определенные коллизии возникают и в его профессиональной деятельности, и он начинает страдать нервными расстройствами. В поразительном большинстве случаев нервные заболевания у мужчин возникают тогда, когда его жена проявляет себя как фригидная женщина. Такова была точка зрения Стрёмме. Если же

со стороны женщины что-то меняется в ее отношении к мужу и она начинает лучше удовлетворять его как мужчину, то он излечивается[315].

Холодность между ним и Марией, расшатанные нервы, творческое бесплодие — все одно к одному. Наконец для Гамсуна как будто бы сошелся сложный пасьянс. И он сразу же решил, что Мария тоже должна пройти курс лечения у доктора Юхана Иргенса Стрёмме.

После короткой предварительной беседы доктор попросил Гамсуна удобно устроиться в кресле и расслабиться. Вскоре был задан вопрос: видел ли пришедший какие-то сны в последнее время.

— Видел этой ночью.

Гамсун начал рассказывать свой сон, и с самой первой фразы слушатель был поражен, сколь близка устная речь Гамсуна его писательской манере: «Появляется какой-то человек, несущий младенца, но несет его как-то не так, согласно моему разумению. Ребенок настолько плотно спеленут, что не может пошевелиться. А ведь для младенцев важно, чтобы они могли двигаться, шевелиться, но этот малыш был спеленут так плотно, как какой-то сверток, и несли его под мышкой. Необходимо было освободить ребенка так, чтобы он мог производить какие-то движения. У меня было ощущение тревожности. По моему разумению, я сам связан какими-то путами. Я сейчас слишком зажатый, окостеневший. И теперь, начиная курс у доктора, я хотел бы как можно скорее избавиться от пут, чтобы ничто не мешало моим движениям, чтобы я стал более пластичным, сгибаемым»[316].

Стать сгибаемым? Разве такое возможно для избранника Божьего, который в течение последних сорока лет никогда не сгибался?

Доктор Стрёмме обещал ему «новую весну». Именно это выражение употребил доктор. Начиная с этого момента Гамсун должен посещать доктора ежедневно, иногда и два раза в день.

Гамсун — один из самых знаменитых людей Норвегии. Он регулярно проделывал путь от отеля в центре до конца Оскарсгате, неподалеку от стадиона Бишлет, на котором норвежские конькобежцы побеждали соперников из других стран. Именно здесь и жил Стрёмме в доме, напоминающем охотничий замок.

Гамсун не ездил на трамвае, люди там стоят, тесно

соприкасаясь друг с другом. Он избегал посещения кафе и ресторанов. Некоторые знакомые, узнав, что он в городе, приглашали его к себе. Но он благодарил и отказывался. А Марию он уговорил приехать к себе, в столицу.

И вот ранним утром, в середине января, Гамсун стоял на пристани вблизи крепости Акерсхюс в ожидании парохода. Он тут же подробнейшим образом рассказал Марии о лечении, которое заключалось среди прочего и в том, чтобы активизировать подсознание. Доктор уверен, что сможет вернуть ему работоспособность. Он хотел бы, чтобы и Мария посетила доктора Стрёмме.

Но ведь она совершенно не нуждается в этом!

Но это поможет ему. Доктор абсолютно убежден в этом[317].

Он купил две большие катушки суровых ниток, чтобы пришивать пуговицы. Он надеялся, что она растрогается, увидев, как он своей трясущейся правой рукой пытается вдеть нитку в иголку, пытается найти отверстия в пуговице, делать узелки на нитке… «Ну вот, теперь мы с тобой будем неразлучны, как нитка с иголкой. Скоро мы переселимся в наш маленький лесной домик — всегда вместе, — а по ночам будем смотреть на небо»[318].

На некотором расстоянии от Нёрхольма было расположено лесное озеро Лангтьерн. Мария любила приходить сюда. Однажды, когда-то давно, он сказал ей, что построит здесь маленький домик, если она того захочет. И вот теперь он осмотрел это место, выбрал участок для постройки, нашел небольшое возвышение у самой воды и обмерил его шагами. Вот сюда они и переедут, когда он передаст усадьбу младшему поколению. И это он обещал ей теперь, если только их отношения будут такими, что он снова сможет писать[319].

Доктор был исключительно доволен им, он рассказывал Марии, что подсознание Гамсуна работало вовсю, он видел удивительные сны и его фантазия порождала причудливые образы. Однажды ему приснилась девушка, которая ждала ребенка. При этом у нее стал расти не живот, а поразительным образом расширилась душа[320]. Может быть, это он сам «забеременел» новой книгой и это его душа начинает раскрываться, рассуждал Гамсун во время беседы с доктором. Однажды, когда он вечером возвращался от доктора, его поразила мысль: «А почему, собственно говоря, он должен сторониться людей?» И он решил измениться[321].

В тот вечер он попросил метрдотеля сопроводить его на

киносеанс. Они посмотрели фильм «Обретение рая», историю блистательного карманного вора. На следующий день он поведал о своих впечатлениях доктору Стрёмме. Доктор же в свою очередь рассказал ему о другом своем пациенте, который начал лечение в тот же день, что и Гамсун. Это была тридцатилетняя женщина, которая боялась старости, психической болезни и смерти. У них с мужем двое детей, но она фригидна.

— Сегодня она была у меня в последний раз.

— Лечение не имело успеха?

— Она здорова.

— Она совсем выздоровела?

— За 14–16 лет моей практики у моих пациентов рецидивов не было[322].

В тот же вечер Гамсун сообщил об этом Марии. Он настоятельно советовал ей прочитать книгу доктора Стрёмме «Невроз».

Я снова буду писать как в юности

Теперь Гамсун стал больше времени проводить на людях, стал дольше задерживаться в кафе отеля, чаще ездить на трамвае, обошел те улицы, с которыми его связывали воспоминания двадцати-тридцати-сорокалетней и даже почти пятидесятилетней давности. Он вспомнил то время, те чувства и ощущения, которые испытывал, когда писал «Голод». Однажды ночью во сне он увидел редактора, который так помог ему в самое первое, такое тяжелое время в Кристиании[323].

Прошло уже два месяца с тех пор, как он начал лечение у доктора. И результаты были налицо. «Доктор совершенно уверен, что скоро во мне забьет источник творческой энергии и я снова буду писать как в юности <…>. В предчувствии этого я хожу как бы распрямившись, я хорошо ощущаю это, когда еду в заполненном людьми трамвае, теперь я уже не так съеживаюсь, как раньше», — доверительно делится он своими мыслями с Марией[324].

В течение нескольких последующих вечеров он играет со знакомыми в покер.

Доктор Стрёмме призвал Гамсуна активизировать свои детские воспоминания. Самое раннее воспоминание относилось к тому времени, когда ему еще не было трех лет. Это был запах каких-то цветущих фруктовых деревьев и еще какого-то горного цветка в их саду. Другое, тоже очень давнее воспоминание — это

долгое плавание на пароходе и как он громко плакал. Мать взяла его за руку и показала ему машинное отделение. Увидев огромные, сверкающие части двигателя, которые двигались взад и вперед, он успокоился[325].

Спокойная привычная жизнь и отъезд. Природа и техника. Именно этим полюсам во многом принадлежало его творчество.

Доктор просил его рассказать о своем детстве. Во сне он увидел отца, потом он упал в пропасть — вскрикнул три раза и проснулся. Он часто падал куда-то во сне. Стрёмме спросил Гамсуна, какие у него самого возникали мысли в связи с этим.

Гамсун ответил, что думает о выздоровлении, чтобы все было совсем хорошо, и что теперь у него появился новый страх — сорваться[326].

И вот однажды ночью, на третьем месяце лечения у доктора, его внутренние ощущения прорываются наружу, это заставляет его схватить карандаш и бумагу. Не зажигая света, он начинает складывать слова. Он очень возбужден. Он вновь прикоснулся к впечатлениям пятидесятилетней давности, когда он сам скитался, был бродягой.

Он начинает вспоминать и одновременно работать со своими листочками, что-то добавляет, что-то убирает, соединяет и разъединяет, крутит, вертит туда-сюда свои бумажки с записями. Он вспоминает и усадьбу Гамсунд, и пасторскую усадьбу на Хамарёе, и магазин купца Вальсё на Транёе, годы, когда ему довелось быть учителем и помощником ленсмана, и то, как он приходил на Хьеррингёй. Вспоминает и о привольной жизни коробейника и рыночного торговца на нурланнском побережье. И перед ним отчетливо возникает образ его товарища, десятью годами старше его самого, того, который к тому времени так многое успел уже повидать в жизни и горазд был обо всем рассказывать, не моргнув глазом мешая правду и вымысел.

Может быть, так и назвать книгу, для которой он делает все эти заметки, — «Бродяги»? Во всяком случае, ему было ясно, что основными действующими лицами станут Август и Эдварт, при этом возник и третий персонаж — Ловисе-Маргерете[327].

Чем суше становились улицы города весной, тем сильнее бил поэтический источник его творчества. Появлялись все новые и новые листочки с записями, которые он раскладывал на столе. Конечно же, шестидесятилетний Гамсун писал уже не так, как в дни своей молодости, когда он работал над «Голодом», «Мистериями» и «Паном». Но все же он писал о молодых.

За несколько дней до Иванова дня Гамсун стоял посреди гостиной своего дома в Нёрхольме. Ничто не могло для него

сравниться с той радостью, которую он ощущал, когда возвращался домой в роли долгожданного отца семейства. Несусветный шум и гвалт вокруг, когда он вынимает подарки детям. Целых пять месяцев провел он в Осло, так долго он не отсутствовал никогда. Но это принесло свои плоды. Большой карман в чемодане был битком набит творческими заметками. Но прежде крестьянин должен заняться своими делами.

Во всей округе вокруг усадьбы больше было разговоров о Гамсуне — хозяине Нёрхольма, нежели о его творчестве. Многие опытные крестьяне весьма неодобрительно качали головами, когда речь заходила о «владельце усадьбы». Все соглашались с тем, что размах у Гамсуна был велик. Большинство при этом считало, что ему недостает здравого смысла. Те, кто читал его книги, поражались и не могли не заметить с изумлением: писатель, который прославлял простую скромную жизнь земледельца и высмеивал всех, кто стремился к потребительству, в то же время, покинув писательскую хижину и обходя свое ультрасовременное хозяйство, казалось, совершенно забывал о том, к чему призывал своего читателя.

Обычно у него было около десяти наемных рабочих, не считая двух-трех девушек, которых нанимали для работы в хлеву и как горничных.

Создатель образа Исаака Селанро лелеял свою собственную мечту о том, каким должен быть Нёрхольм, а он должен был стать подлинным земледельческим раем.

Гамсун не отступал, хотя соседи настойчиво отговаривали его от идеи осушения болот и превращения их в пашню.

Земляки считали, что и лесное хозяйство он ведет весьма непривычными методами. Он был против того, чтобы прореживать молодой лес, в противоположность общепринятому взгляду, что новым деревцам нужен свет и что поросль вокруг заглушает их. Он возражал: лес должен расти, а не уничтожаться.

Удивлялись другие хозяева и животноводству в Нёрхольме. Когда в 1918 году Гамсун купил усадьбу, в хлеву было восемь стойл. Приблизительно на столько голов и была рассчитана усадьба. Но он решил держать в Нёрхольме сорок коров[328].

Что касается маленького домика на берегу озера Лангтьерн, в котором они собирались жить вдвоем с Марией, то об этом он как-то не очень вспоминал летом и осенью 1926 года. Когда крестьянин Гамсун убеждался, что расширение хозяйства идет по плану, то он снова исчезал в своей писательской хижине.

Теперь он снова творил. Он писал о молодом человеке Эдварте, который после многих приключений со своим старшим

товарищем постепенно становится все более опасной личностью и снова пытается завоевать Ловисе-Маргерете.

«Вечером она приготовила ему постель на сеновале, и он сам отнес туда тяжелые покрывала. Они вместе устроили ему на сене удобное ложе. Ловисе-Маргерете держалась немного по-матерински, ведь она лучше знала, как надо стелить постель. Они даже смеялись, она была не из тех, кто унывает.

Когда она ушла, он пошел следом за ней, ему не хотелось расставаться — так велика была его любовь. Он давал ей это понять и ласковыми словами, и смущенным прикосновением руки, конечно, это было дерзостью с его стороны. Ловисе-Маргерете не обижалась, она только качала головой и улыбалась — Эдварт был такой молодой, красивый и сильный, с детства приучен к тяжелой работе, и она не отвергала его нежность», — написал он в «Бродягах» [6: 82].

Четвертого августа Гамсуну исполнилось 67 лет. В конце июля у него выросла уверенность, что новый роман окончательно вырисовывается, и он сообщил об этом в немецкое издательство «Мюллер-Ланген». Предупредив, правда, что книга будет небольшой по объему. Приблизительно через пять месяцев он уведомил о противоположном. Книга будет толстой. Рукопись он сможет представить лишь следующим летом. «Это будет хороший роман», — заявил он. Издательство должно приготовиться выпустить его большим тиражом[329].

Как и всегда, Гамсун внимательно следил по газетам за происходящим в Германии. Две новости несказанно обрадовали его в 1926 году. Германия стала полноправным членом Лиги Наций. И перед самым Рождеством немецкий министр иностранных дел Густав Штреземан был награжден в Осло Нобелевской премией мира. И его усилия должны были быть вознаграждены, наряду с усилиями тех, кто вел переговоры в Локарно. Наконец-то Германия поднялась с колен и в международном плане. Страны-победительницы вывели свои войска из долины Рейна.

Ну что же, он мог только благодарить доктора за проведенное лечение, и он стал уговаривать Марию, чтобы зимой они оба прошли курс лечения у доктора Стрёмме.

А она думала о своем. Неужели источник творчества начинает бить только после долгого ожидания, сдерживания, когда вода как бы переполняет запруду и тогда она готова хлынуть через край? Видимо, творчество вообще подчиняется законам природы как при беременности, когда ребенка нужно выносить. Гамсун не умел ждать.

И сейчас, кажется, ему было труднее, чем когда бы то ни было. Мария знала, что на этот раз он создаст нечто особенное и масштабное[330].

В ноябре он снова отправился в Осло, и опять Мария не пожелала ему ни пуха ни пера. Мария изо всех сил сопротивлялась возможному прохождению курса психоанализа у доктора Стрёмме. Муж все время использовал ее в качестве некоего средства. Она, видите ли, должна пройти курс лечения, чтобы он обрел целостность. Он рассказал ей, о чем его новая книга: она была о тех, кто покинул свой дом и не смог найти себя в новой жизни. А у них, в его собственной семье? Разве он не отсылает детей из дома, как только они подрастают, чтобы они, видите ли, не мешали ему и его творчеству!

Неужели он никогда не остановится, не закончит писать? Почти всего его современники отложили перо в сторону или ушли из жизни, а ее шестидесятисемилетний муж все еще мечтает писать как в молодые годы.

Было решено ехать в Осло всей семьей. И потому вначале он поехал один, чтобы устроить все с домом, в котором кроме него будут жить еще семь человек. Мария, дети, кроме того, горничная — следует подыскать трудолюбивую девушку. Надо было разузнать насчет школ, он не собирался отдавать детей в какую попало, никто не знал, как долго они пробудут в Осло. Предполагалось также в качестве альтернативы пригласить и гувернантку.

В самом конце ноября — начале декабря они переехали и поселились рядом с фольклорным музеем, старинной королевской усадьбой на полуострове Бюгдёй, в непосредственной близости от Осло. Рядом с домом он обеспечил себе «писательскую хижину» и помещение для прислуги.

В начале декабря 1926 года Мария поднялась по той же лестнице, что и ее супруг впервые одиннадцать месяцев тому назад. Первое, что она заметила, — доктор Юхан Иргенс Стрёмме говорит очень тихо. И когда его вкрадчивая манера возымела действие, она ощутила, как ее бросило в жар. Ведь кое-что касающееся интимных подробностей ее совместной жизни с мужем могло выйти за пределы кабинета доктора, так как она знала привычку своего мужа невольно повышать голос, когда он говорил с людьми, речь которых ему было трудно расслышать[331].

Мария просмотрела книгу Стрёмме «Невроз» и была поражена его идеей, что существует такая тесная связь между

сексуальностью и нервными расстройствами, и его убийственным мнением о женщинах, недостаточно любящих своих мужей: «Такие женщины — это просто покойницы, они как неживые. Фригидные, они не хотят секса и культивируют это нежелание, собственно, эти бедняжки достойны сожаления. Находясь с мужем в постели, вместо того чтобы громко кричать от радости и сосредоточиться на происходящем удовольствии, они находятся в рассеянном состоянии, их мысли витают вокруг какой-то ерунды. Муж такой женщины, надеясь, что перед ним создание, полное жизни, оказывается перед ситуацией, когда на своем супружеском ложе он держит в объятиях не женщину, а ледяную глыбу».

Во время их первого разговора Стрёмме заметил, что, наверное, это замечательно — жить вместе с самим Кнутом Гамсуном. Мария сказала, что отнюдь не всегда так. В общем-то весьма часто это просто ужасно.

— Неужели?

— Да, это как когда ведешь автомобиль и не знаешь, что будет за следующим поворотом.

— Хм. Вы говорите «автомобиль» — это весьма интересно.

— Почему, господин доктор?

— Автомобиль — сексуальный символ[332].

Это подтвердило ее догадки, что доктор Стрёмме интересуется интимными подробностями жизни своих пациентов. У Марии сложилось мнение, что вряд ли психоанализ можно считать наукой, и она не очень-то слушалась советов доктора, проходила лечение принудительно. Бывало, что супруги встречались, когда один из них направлялся к доктору, а другой уже возвращался от него. Доктор запретил им обмениваться мнениями о том, что происходит с каждым из них в его кабинете. Но как можно было избежать этого?

Когда Гамсун не был у доктора, он сидел в «писательской хижине» и сочинял книгу. В начале апреля первая часть рукописи была готова, и он смог уже передать ее в «Гюльдендаль» Кристиану Кёнигу. И теперь Мария была избавлена от необходимости посещать доктора. Она, дети, горничная и гувернантка, все сразу же немедленно выехали в Нёрхольм. Как никогда ей хотелось показать ему, где был дом их всех. Они поплыли туда на пароходе. Их «кадиллак» оставался во дворе усадьбы. Мария решила, что это опасное транспортное средство для такой поездки.

Гамсун же еще в течение месяца оставался в Осло до окончания курса лечения, завершая книгу «Бродяги», которая дала ему ощущение, что он снова пишет как в дни молодости.

Пока они жили на вилле на Бюгдёе, дети ужасно действовали ему на нервы. Он не выносил слишком долгого тесного контакта с ними. В Нёрхольме было больше места для всех, и для больших, и для маленьких. И тем не менее небольшое напряжение между отцом и детьми ощущалось, когда в конце весны 1927 года он вернулся домой.

В этот период пятнадцатилетний Туре и тринадцатилетний Арилд постоянно ссорились, соперничая друг с другом. В то время как двенадцатилетняя Эллинор и Сесилия, младше ее на полтора года, жаловались, что братья постоянно задирают их. Гамсун слышал все хуже и хуже, при этом его способность улавливать раздражающие его, нежелательные звуки со стороны детей, казалось, напротив, обострялась.

Мария пыталась объяснить мужу, что дети способны ходить на цыпочках только очень короткое время. И если они шумят, то не по злому умыслу. Он полностью отметал ее соображения: все зависит от воспитания. Мария вновь услышала в голосе те же нотки, которые слышала и раньше, когда дети были совсем маленькие, еще почти не научились ходить и много плакали. И тогда было гораздо легче сделать так, чтобы они не мешали ему. Теперь это было практически невозможно.

После конфирмации старшего сына и наследника отправили в долину Вальдрес, о которой у отца сохранились такие хорошие воспоминания. Туре учился там в средней школе, учеба давалась ему не совсем легко. В своих письмах отец поддерживал и ободрял его: «Я понимаю, что тебе больше нравится просто гулять одному, думать о чем-то, мечтать, нежели участвовать в играх сверстников. Это не лень и апатия, просто у тебя такая натура. И может случиться так, что эта твоя задумчивость и углубленность в себя сослужат тебе добрую службу. Если бы я не был таким же, как ты, то не смог бы заниматься тем, чем занимаюсь теперь. Все дело в том, что кроме этого нам всем необходимо работать»[333].

Через несколько дней Гамсун поделился мыслями с братом на Вестеролене о том, что он собирается лишить Туре права главного наследника усадьбы в пользу Арилда{74}, так как Туре «не проявляет ни малейшего интереса к усадьбе, занят только чтением, рисованием и прочей чепухой <…>. Арилд же, напротив, прекрасный парень, любит управлять лошадью, работать на земле, рыбачить, любит все делать своими руками, так что, когда придет время, я передам усадьбу ему. Сам я не очень хороший хозяин, как я вижу из своего восьмилетнего опыта, и только жду момента, пока Арилд достигнет возраста, когда усадьбу можно будет передать ему»[334].

Гамсун сейчас писал снова как в юности и при этом все же отослал из родного дома старшего сына, точно так же, как отослали его самого почти пятьдесят лет тому назад.

Скучная и надоедливая старческая болтовня?

Осенью 1927 года Гамсун наконец смог выпустить свою первую за четыре года книгу. Никогда раньше у него не уходило на создание книги столь много времени. При этом он доверительно посетовал Кёнигу: как бы его книга не оказалась просто нескончаемо скучной и надоедливой старческой болтовней[335].

Холодный прием предыдущей книги, очевидно, и привел к тому кризису, который потребовал лечения у доктора. Приговор ведущих рецензентов «Последней главы» был таков, что волшебные звуки его флейты больше не греют.

Гамсун с нетерпением ожидал, что предыдущий рецензент Сигурд Хёль напишет про «Бродяг». И Хёль сделал это незамедлительно. По его мнению, в этой книге такое же множество персонажей, как и в «Местечке Сегельфосс», такой же спокойный эпический стиль, как в «Плодах земли», но персонажи здесь гораздо более живые во всех своих проявлениях и в малом, и в большом — таково было мнение Хёля. «Они излучают то же сияние, что и персонажи лучших книг Гамсуна, книг, написанных подлинным, безупречным мастером», — писалось в «Верденс Ганг». А датский писатель Том Кристенсен{75} заявил, что Гамсун — единственный в Скандинавии писатель, которого можно считать пророком. Он имеет право на свои категорические суждения, потому что он подлинно великий художник[336].

Никому из рецензентов не пришло в голову обвинять писателя в том, что его острая общественная критика схематична и что его персонажи стали менее убедительными. Может, это как раз благодаря психоаналитическому лечению, которое он прошел?

Гамсун и Стрёмме обсуждали вопрос о том, что Гамсуну следует стремиться стать более гибким и раскованным. Такой вывод сделал доктор, проанализировав тот самый сон, который Гамсун рассказал ему. Тот сон, в котором был туго спеленутый младенец, который не мог пошевелиться. Психоаналитик разъяснил ему, что здесь речь идет отчасти о самом Гамсуне. При этом он обратил особое внимание и на другой сон пациента: он находится в каком-то доме. Вдруг приходят цыгане. Один из них

стучится в окно, чтобы его впустили, ведь он пришел отнюдь не за подаянием, он хочет сообщить им нечто очень важное. Войдя в дом, цыган вонзает ему в горло булавку, причем только для того, чтобы посмотреть, как долго он сможет выдержать боль. При этом цыган сохраняет невозмутимое выражение лица. Один человек, к которому Гамсун относился с уважением и доверием, вызвался помочь выгнать цыгана из дома. Они нашли большие железные палки, и тут, к большому его удивлению, его помощник вступил в какие-то переговоры с цыганом. А дальше, как вспоминает Гамсун, он сам начал царапать свою ногу булавкой, и вдруг она входит в ногу. Он пытается ее вытащить, но это ему не удается. А потом она как-то сама собой выходит из ноги[337].

Такой сон просто клад, истинная находка для психоаналитика. И откровение для пациента.

Ведь здесь, в этом сне встречаются и сталкиваются противоборствующие силы. Вечный странник — и собственник, живущий на принадлежащей ему земле. Беспорядочное и упорядоченное. Поэт против крестьянина. Фантазия против здравого смысла. Творчество против дипломатии.

Встреча с доктором, специалистом по нервным болезням, стала для Гамсуна столь же судьбоносной, как в дни его молодости соприкосновение с литературной средой, настроенной на изучение психологии. Без знакомства с научными изысканиями в области психологии во второй половине XIX века Гамсун вряд ли сумел бы внести свой неоспоримый вклад в мировую литературу, создав шедевры — «Голод», «Мистерии» и «Пана». Без дальнейшего знакомства с последними достижениями науки о человеческом сознании, как это произошло после его встречи с психоаналитиком доктором Стрёмме, возможно, «Последняя глава» могла стать его последней книгой.

Доктор сумел убедил Гамсуна в том, что он должен прежде всего примириться с самим собой. Он разъяснил пациенту сущность его сновидений. Вот он не хочет пустить в дом цыгана, пытающегося сказать ему что-то важное, цыган причиняет ему вред, а потом он обращается к помощи другого человека — это все события его внутренней жизни, его душевные коллизии. Туго спеленутый младенец, цыган, которого не пускают в дом, булавка, которая постепенно сама собой выходит из ноги, — все это образы его самого, разные грани его личности.

Благодаря помощи доктора Стрёмме, который помог ему сосредоточиться на своем детстве и на взаимоотношениях с собственными детьми, Гамсун активизировал психологические ресурсы творческой личности, свою природную чувствительность и хранящиеся в памяти воспоминания о Нурланне. Анализируя

сны Гамсуна, доктор открыл для пациента-писателя главное: самое ценное в его творчестве состоит в том, что оно несет в себе мощный заряд напряженности его внутренних противоречий, что и претворяется в противоречивость созданных им персонажей.

Попытки Гамсуна все более и более отгородиться от этого привели к тому, что напряжение ослабло, а вместе с этим понизился и его творческий потенциал. Жизнь, существование — это борьба, а жизнь писателя заключается в том, чтобы вести ближний бой с отдельными сторонами своей личности.

Когда пришли первые порывы вдохновения и более отчетливо стали проступать черты романа «Бродяги», он, вероятно, не мог не вспомнить то, что сказал однажды в одной из своих лекций:

> «Писатели — не проповедники, они не реформируют общество. Для писателей важна не мораль, а чувства, движения души. Они не мыслители, не судьи, выносящие приговор, они рассказчики, фантазеры, певцы, духовные бродяги, сродни шарманщикам»[338].

Именно со сцены с шарманкой и начинается роман «Бродяги». Двое мужчин вразвалку бредут на север, оба смуглолицые, с жидкими седыми бородками, один из них несет на спине шарманку. В маленькой рыбацкой деревушке они обманывают всех кого не лень, порой в этом участвует и Анна Мария, бойкая молодая женщина, жена рыбака. Весь этот обман раскрывает подросток Эдварт, который хорошо учится в школе, но при этом не может избежать соблазна любви к взрослой, замужней женщине. От тоски по Ловисе-Маргерете он начинает бродяжничать. Опять звучит важная гамсуновская тема, известная по многим его предыдущим книгам: любовь как несчастье.

Перед нами — два персонажа, два героя романа — Эдварт и Август.

Август — сирота и, как и создатель этого образа, рано начал скитаться. «Он утешал себя небылицами, в которые верил сам», — говорит о своем герое Гамсун в «Бродягах».

У Августа множество талантов, ему хочется отличиться, выделиться из толпы. Вот почему он то и дело сломя голову пускается в разные авантюры, то достигает успеха, то терпит фиаско, так же как и его предшественники и собратья в предыдущих произведениях Гамсуна. У него есть практическая жилка, он готов помочь другим. Своей щедростью он часто действует во вред себе, но заслужить признание других важнее. Как и другие многие его предшественники, он безнадежно влюблен, но, кажется, это не задевает его глубоко.

Это было уже что-то новое в творчестве Гамсуна.

Кто такой Август? Повествователь в «Голоде» является воплощением творческой энергии художника. Нагель в «Мистериях» — символ бескомпромиссности художника. Герой «Виктории» — творческая личность, встретившая любовную страсть. Кнут Педерсен в романе «Под осенней звездой» и в «Странник играет под сурдинку» — это художник, который анализирует жизнь общества.

Август представляет идею, фантазию в своем удивительном и ужасном развитии, когда добро и зло абсолютно перемешано. В конце «Бродяг» рупор идей Гамсуна крестьянин Иоаким делает такой вывод: «С того дня, как этот скиталец откуда-то вынырнул, он будоражил и увлекал за собой все души селения, явился причиной всех перемен» [6; 387–388].

Крестьянин Иоаким является противоположностью брату Эдварту и Августу. Во время курса терапии у доктора Стрёмме Гамсун понял, что его герои воплощают противоречия в его собственном характере. В личности самого Гамсуна уживаются противоположные жизненные устремления: он — безудержный фантазер и странник, который не может удержаться на одном месте, и — стремящийся к оседлости, вросший корнями в землю крестьянин. На протяжении всего романа Гамсун стремится держаться на расстоянии от Августа как носителя духа нового времени, отвергает его безалаберность, бессовестность, распущенность. Но при этом кажется, что в то же время он все больше и больше очаровывается Августом и своей писательской волей позволяет ему выбраться из различных переделок.

Как раз перед тем, как рукопись направили в типографию, Гамсуну исполнилось шестьдесят восемь лет. Директора в «Гюльдендале» не сомневались, что многим норвежцам эта «старческая болтовня» придется по душе. Для начала они издали роман стартовым тиражом 15 000 экземпляров. Раньше они никогда ни с одним писателем не отваживались на такое. За пять дней до Рождества восьмой тираж был разослан по книготорговцам. Тем самым общий тираж «Бродяг» составил 30 000 экземпляров. Такого в Норвегии, да и в других скандинавских странах еще никогда не было.

Ответственным лицам из «Гюльдендаля» удалось уговорить его ответить на анкету для рождественского календаря 1927 года. Последний вопрос был самый каверзный: что самое худшее на свете? На него Гамсун, которому было уже 68 лет, ответил так: «Самое худшее — это умереть. Впрочем, я бы это сделал

добровольно, если бы это и так не было фатальной неизбежностью».

А как долго еще он сможет писать? Работая над «Бродягами», он полагал, что это будет самая тонкая его книга, а она оказалась самой толстой — 626 страниц. И помимо этого у него осталось множество не вошедших в роман материалов, даже целых написанных страниц, которые он намеревался использовать уже в новой книге. Продолжение истории об Августе и Эдварте и других обитателях Поллена. Конец «Бродяг» предполагает продолжение, обещание читателю. И как обязательство, которое автор берет на себя: «Он не вернулся… он вернулся еще очень не скоро».

Так восприняли эти слова и все критики и рецензенты. Восторженные читатели Гамсуна во многих странах затаили дыхание в ожидании. Но был один человек, который был не в восторге от намерения Гамсуна написать еще одну книгу.

Все эти годы Мария ощущала горькое чувство по отношению к творчеству своего мужа. Оно дорого обходилось и ей, и детям. При этом невозможно было заставить его осознать это. Правда, как-то однажды, когда в течение полутора лет он был не в состоянии писать, он признался ей: «Я так нуждаюсь в тебе, Мария».

Она поняла, что в глубине этого высказывания заключена мольба о помощи. Ей удалось это — уже в который раз. И она со все возрастающим нетерпением ждала благодарности. Сначала со стороны его самого, потом со стороны читателей. Одно было ясно: пока Гамсун продолжает писать, никакой благодарности ждать не приходится. Когда это случится и он перестанет сочинять, многое плохое в жизни закончится и наступит пора пожинать плоды. В качестве жены писателя, а потом и вдовы.

Итак, между супругами все больше и больше вставало его творчество. Эта мысль в конце двадцатых годов все больше и больше овладевала Марией.

Но именно тогда ее муж перестал кокетничать со смертью.

Он начал заниматься экономическими расчетами, связанными с наследством Виктории, и переписываться по этому поводу со своей первой женой. Когда дочь поблагодарила и отказалась получить заранее свою долю наследства, он вскипел от ярости. Опять она шла против отца.

Сколько ему еще оставалось? Вот что он поведал Кристиану Кёнигу: «Я лежу в постели пластом, весь в поту, как обычно, заработался. До чего отвратительно быть стариком»[339].

Корифей

Перед Рождеством 1927 года Гамсун распрощался с человеком, которого невероятно высоко ценил. Кристиан Кёниг уехал домой в Копенгаген. Кнут и Мария приехали в Осло на его чествование. Датчанина по предложению Гамсуна наградили норвежским орденом Святого Улафа и датским орденом Даннеброга{76}. Присутствие нобелевского лауреата на прощальном банкете по случаю отъезда Кёнига воспринималось как присуждение еще одного ордена. То обстоятельство, что Гамсун заснул, уже сидя за столом и положив голову рядом с суповой тарелкой, после того как продемонстрировал присутствующим представителям младшего поколения, как следует пить виски, в отличие от дамского питья легких напитков перед едой, — рассматривалось как еще одно свидетельство доверия[340].

Харальд Григ стал теперь правой рукой Гамсуна. Он проявил себя как человек деятельный, инициативный в установлении контактов с зарубежными издателями.

Вскоре Гамсун стал постоянно обращаться к Харальду Григу в Осло, а не в Копенгаген к Якобу Хегелю, который в течение долгих лет занимался его правами за рубежом.

И вот теперь непростые переговоры со Швецией. Издания в России. Договор о переводе на украинский язык. Предложения зарубежных режиссеров об экранизации того или иного произведения. Переговоры по поводу разрешения автора на включение отрывка из романа «Новь» в один американский учебник, так как тамошнему редактору понравилось описание торговых отношений и ментальности торговцев в этом романе. Во Франции вышел в свет роман «Под осенней звездой» и планировалось издание «Бенони», «Розы» и «Пана». При продаже авторских прав Григ добивался больших авансов, заключил множество договоров на перевод, начал выслеживать «пиратские» издания, в том числе в Южной Америке. Поистине правая рука Гамсуна доставала повсюду.

Вскоре Гамсун был в таком восторге от своего издателя, что объявил ему, что впредь уже не потребует от него никаких подробных отчетов о своей деятельности. По прошествии двух месяцев 1928 года Гамсун королевским жестом уполномочил его вести все переговоры по собственному усмотрению, Григ фактически получил карт-бланш. Отныне он мог совершенно самостоятельно вести переговоры и заключать всевозможные договоры с зарубежными издательствами. «Я приложу все усилия, чтобы достойно выполнять свои обязанности», — заверил тот[341].

И это обещание Григ неукоснительно выполнял в течение долгого времени.

В 1928 году Гамсун готовил материалы для написания продолжения «Бродяг», но бывал в своей писательской хижине редко. Он никак не может закончить «Августа», признался он профессору, специалисту в области русского языка, поскольку, как и в предыдущей книге, намеревался вложить в уста Августа несколько русских выражений.

Расширение его земельных владений не терпело отлагательства, ведь дни его уже сочтены. Все должно быть устроено так, чтобы Арилд получил в наследство образцовое хозяйство. Ему хотелось, чтобы его потомки были ему благодарны. Его собственные потомки. При том что его литературное наследие будет принадлежать его народу, всему миру.

Этому он получал многочисленные свидетельства.

Гамсуну предложили написать приветствие в честь шестидесятилетия Максима Горького. Гамсун написал, что ни один из современных писателей не поразил его так силой своих описаний, как Горький. Он, очевидно, запамятовал, что на обложке одной из книг писателя выразил свое мнение следующим образом: она показалась ему скучной, а человеческие характеры — однообразными. В то время как русский писатель характеризовал книги Гамсуна «Плоды земли», «Женщины у колодца» и «Последняя глава» как «гениальные творения». «Гамсун — величайший европейский художник слова, равного которому нет ни в одной стране»[342].

Потомки Марка Твена решили издать посвященный ему сборник, в котором известные люди со всего света отдали бы долг его памяти. Гамсун объяснил свое восхищение: «При упоминании имени Марка Твена мой рот растягивается в улыбке. Сразу же вспоминается его потрясающее чувство юмора. Но он был не просто юморист. За его юмором стоит многое, он был учитель, воспитатель. В остроумной форме он умел внушить людям очень глубокие и значимые истины»[343].

Комитет, образованный в связи с празднованием столетнего юбилея Льва Толстого, обратился к Гамсуну. Тот ответил телеграммой: «Я глубоко чту память Толстого»[344].

На книжных полках Гамсуна стояло восемь книг, написанных им, о которых он при каждом удобном случае говорил, вероятно, все же кривя душой, что никогда не перечитывает их. К своему семидесятилетию осенью 1929 года он закончил еще две книги.

Немецкое издательство «Ланген-Мюллер» заказало Вальтеру Берендсону, немецко-шведскому литературоведу, профессору

Гамбургского университета, книгу о Кнуте Гамсуне. Профессор попросил Гамсуна уточнить некоторые биографические сведения, а также сделать обзор своих статей.

В ответ на просьбу Берендсона Гамсун написал, что ничего не помнит и никаких старых материалов не хранит.

В то же время в своем ответе Берендсону он счел необходимым, обсуждая задуманную книгу, заявить, что данная ситуация — прекрасный повод для того, чтобы напомнить немецким издателям о следующем: «Сейчас я вспомнил, что во время войны написал несколько статей, но было ли это в 1917 году или в какое-то другое время, не могу сказать, это были политические статьи; здесь, у себя на родине, я был единственным, кто поддерживал немецкую сторону, так будет и впредь, даже если я останусь один такой во всей Норвегии»[345].

Через три дня он написал директору своего основного немецкого издательства Альберту Лангену, что он не хочет иметь ничего общего с Берендсоном и его книгой. Ему не нравится, когда приезжают и глазеют на него как на экзотическое животное, поэтому он терпеть не может прессу. Подробно описав свой образ жизни в Нёрхольме, который совсем не располагает к посещениям, он тем не менее согласился сделать исключение для Берендсона, ради немецкого издательства и самой Германии. Профессор может посетить Нёрхольм, и Мария любезно примет его[346].

Почти сразу же после этого он получил новое подтверждение того, как глубоко его ценят в Германии. Общий тираж романа «Последняя глава», которым так были разочарованы маститые норвежские критики, теперь должен был составить 105 000 экземпляров! При этом он предостерег издателей от продажи книг по смехотворно низкой цене, как будто бы распродают наследство покойного. «Ведь я еще не умер»[347]. Это ворчливое напоминание, сделанное в день своего шестидесятидевятилетия, кажется, во многом было напоминанием самому себе.

Берендсон начал копаться в прошлом Гамсуна. Гамсун энергично отрицал, что история с плагиатом, произошедшая в 1890-е, когда немецкий писатель и театральный режиссер Феликс Холлендер обвинил его в прямом подражании Достоевскому, причинила Гамсуну боль. Кроме того, с годами он стал отрицать, что пережил тяжелые дни в Париже, он стал утверждать, что страдал только от незнания французского языка. Он также решительно отвергал факт знакомства с Томасом Манном и его литературное влияние. Он говорил, что ранее не был знаком с творчеством Манна и лишь в последнее время прочел

«Будденброков», впрочем, «одно из самых грандиозных произведений в мировой литературе»[348]. Он назвал имена трех писателей, в наибольшей степени оказавших и влияние на его творчество: Достоевский, Ницше и Стриндберг.

Впрочем, он держался на расстоянии и от своего норвежского биографа Скавлана, бывшего редактором «Дагбладет» и одно время директором Национального театра.

В октябре 1928 года стало достоверно известно, что усилия Гамсуна, вкупе с усилиями других людей, убедить шведов дать Нобелевскую премию лирическому поэту Улафу Буллу{77} оказались совершенно бесполезными и бесперспективными. Шведская академия намеревалась присудить премию другому норвежскому автору — писательнице Сигрид Унсет, главным образом «за яркое и убедительное изображение жизни средневековой Скандинавии».

Гамсун утешался тем, что, с другой стороны, не мог не радоваться собственным успехам. Если последние переговоры Харальда Грига по поводу издания «Виктории» на эсперанто увенчаются успехом, то тогда его произведения будут существовать уже на двадцати семи языках. Ободряющие знаки постоянно получал он и из США. Автор рецензии, посвященной роману «Женщины у колодца», опубликованной в «Нью-Йорк Таймс», заявил: художественные достоинства книги свидетельствуют о том, что Нобелевская премия была получена вполне заслуженно[349].

А перед самым Рождеством в норвежской печати была опубликована новая статья Гамсуна, посвященная духу современности и Америке, — «Festina lente», вскоре ее перепечатали и американские газеты.

Она явилась не только очередным свидетельством прочного положения Гамсуна на литературном Олимпе, но и напоминанием о том, что Гамсун считал себя духовным лидером нации, который должен указывать ей путь.

На первый взгляд невероятно, но и Мария продолжала подтверждать свою писательскую репутацию, продолжали выходить в свет ее новые книги. В октябре 1928 года ей исполнилось сорок семь. И вот теперь на книжных полках их дома в Нёрхольме появилась ее пятая книга: «Сельские ребятишки. Ула в городе». В конце ноября 1928-го она получила письмо, в котором супруг выражал бурную радость: «Я видел рекламное объявление о том, что твоя книга вышла тиражом в 5000 экземпляров, для такого рода книжки, написанной для детей или

подростков, это дьявольски много. Ведь и меня самого в течение 22 лет издавали первоначальным тиражом в 3000 экземпляров, как было с „Последней радостью“ в Нурланне, и только потом уже дело доходило до 6000…»[350].

Рецензенты высоко оценили книгу Марии. Правда, для нее это был также повод и для грусти. Ряд книг о детстве ребятишек, который она называла «Лангерюдской серией», был завершен. И что теперь? Гамсун был против того, чтобы она писала романы. Вместо этого она стала записывать стихотворные строчки, которые приходили ей на ум. Теперь они приходили часто. Она все больше чувствовала себя одинокой.

Осенью 1928 года и младшего брата Туре, Арилда, отправили в Вальдрес, а девочки учились в Гримстаде и жили на съемной квартире.

У Марии теперь стало больше свободного времени, которое она не знала чем наполнить. Она говорила, что для нее дни длятся бесконечно долго.

Величие — что это такое?

С нарастающим чувством горечи наблюдала Мария, как ее супруг старался привлечь внимание всех и вся к своему семидесятилетнему юбилею 4 августа 1929 года. Казалось, что для него это самое главное в жизни. И, вероятно, юбилей продлится долго, если только он сам не захочет этому воспрепятствовать. Хенрик Лунд{78} в десятый раз написал его портрет. В Нёрхольм приезжал на машине, переполненной различным специальным оборудованием, известный фотограф, который запечатлел все: расширенный хлев, штакетник вокруг гусиного пруда, сад, дорогу, проложенную через лес в сторону болот, и главное здание усадьбы как снаружи, так и внутри.

В начале июня все строения в усадьбе были вновь покрашены. В белый цвет были покрашены помещения для работников и прислуги, так же как и основное здание усадьбы, контора и «хижина писателя». Все остальные хозяйственные постройки: хлев, амбар, кладовая на сваях, сарай для инструментов и оборудования, дровяник — были выкрашены в красный цвет. Главное здание усадьбы, построенное уже более сотни лет назад, было во многом перепланировано и расширено. Над входом появилась открытая веранда, опиравшаяся на колонны, что придавало дому, в соответствии с замыслом хозяина, роскошный вид, как и подобает настоящей господской усадьбе. Была произведена грандиозная реконструкция: необходимо было

переместить лестницы и раздвинуть стены, с тем чтобы сбылась мечта Гамсуна — устроить танцевальный зал, жемчужину своего дома.

Ведь он хотел «чтить молодых», как писал в своей статье, и потому он хотел построить для молодых этот зал, чтобы они могли устраивать танцы у себя дома. Такой зал, чтобы там можно было танцевать полонез, не налетая на стулья. Интересно, что в своих книгах он никогда не описывал интерьер. А если и встречалась какая-то пара фраз на эту тему, то они были ироничными, лишь с целью показать дурацкое поведение какого-то персонажа.

Теперь у него уж никак не находилось времени, чтобы поговорить с Марией о той избушке на берегу лесного озера, которую он обещал построить для них двоих.

Мария все больше и больше ощущала душевный дискомфорт. Правда, если бы она поинтересовалась содержимым посылки, полученной Гамсуном незадолго до юбилея, то многое в отношении поведения ее мужа стало бы ей понятнее. И она, возможно, изменила бы свое скептическое мнение о докторах-невропатологах.

Молодой доктор Трюгве Бротёй проштудировал в свое время учение о деятельности подсознания и на основании прочитанных им произведений Гамсуна составил его психологический портрет, с подробной характеристикой отдельных черт его характера. Эту рукопись Трюгве Бротёй решил послать Гамсуну после того, как она была отвергнута «Гюльдендалем», в интересах, как они справедливо считали, самого Гамсуна. Марию вполне мог бы заинтересовать тот факт, что психоаналитик прежде всего обращается к эпизоду, связанному с первой встречей главного героя «Голода» с той женщиной, которую он назвал Илаяли: «Мысли мои приняли причудливый ход, я почувствовал, как мною овладевает странное желание напугать эту даму, погнаться за ней и причинить ей какую-нибудь неприятность» [1; I: 50].

Стремление героя господствовать над теми, кто встречается на его пути, является главным мотивом романа и задает ритм всей книге — так считает Бротёй. Главный герой постоянно ощущает себя духовно отверженным, изгоем, его душа превращается в одну незаживающую рану, сплошную боль. И для таких личностей в реальной жизни очень важно постоянное и явное подтверждение их побед, их низкий уровень самооценки и уверенности в себе требует унижения других. Ибо только это и дает им возможность поверить в свои силы. Этот специалист по нервным болезням считал, что Гамсун обладает невероятным даром изображать комплекс неполноценности.

Он был поражен, сколь многие мужские персонажи Гамсуна следуют одному и тому же стереотипу поведения. Они могут увлечься только той женщиной, которая несвободна. Им обязательно нужен поверженный, обманутый муж или возлюбленный. При этом едва ли Бротёю было известно, что сам Гамсун увел своих первую и вторую жен от других мужчин.

Во многом этот психоаналитик опирался на собственные детские и отроческие впечатления. В самые важные подростковые годы, когда мальчик формируется как мужчина и происходит нормальное взросление в тесном контакте с матерью, Гамсун оказался лишенным этого, так как был вынужден покинуть родной дом и жить у дяди.

Таким образом, он начал идеализировать свою мать, одновременно считая, что она могла участвовать в семейном решении отослать его к дяде. Вот так и возникла в его сознании двойственность представлений о женщине, которая должна будет занять место матери в его жизни.

В своих ранних произведениях он разрешал этот конфликт, сочиняя смерть матери. Но, по мнению Бротёя, чем более зрелым становилось творчество писателя, тем более сложные, причудливые очертания приобретала эта двойственность в произведениях Гамсуна. Постепенно Гамсун все меньше идентифицирует себя со своими персонажами. Вместо этого он «разоблачает» их. По мнению доктора, тем самым он разоблачает и самого себя. Так, герой «Мистерий» Нагель выдвигает едкие обвинения против великих людей: «И все это множество великих людей разгуливает по земному шару, который по сравнению с Сириусом не больше обыкновенной вши» [1; I: 50].

Почти через четверть столетия он вложит в уста героя «Местечка Сегельфосс», телеграфиста Бордсена, следующие слова: «Наша жизнь сошла с рельсов, лошади остались без кучера, а поскольку лошади знают, что тащить воз под гору легче, чем тащить его в гору, они и тащат его под гору <…>. В старину бытовали огромные различия, был замок и была пустыня, нынче же все одно; в старину была судьба, нынче же жалованье. Величие — что это такое?» [3; IV: 453–454].

В юности общение с важными персонами для него было недоступно, теперь же его стали раздражать простые люди, как пишет Бротёй, указывая на сходство между Гамсуном и Горьким. У обоих была трудная жизнь и потребовались огромные усилия, чтобы «выбиться в люди». Может быть, их объединяло некое чувство солидарности, ведь они оба прошли нелегкий путь. Но Гамсун никогда не был пролетарием, пытаясь осознать происходящие общественные процессы, он оставался романтиком.

Его взгляд был обращен в прошлое. Трюгве Бротёй, молодой и дотошный исследователь, дал своей книге название «Жизненный цикл».

Через некоторое время Гамсун вернул ему рукопись со следующей припиской: «Напрасно Вы трудились, посылая мне эту рукопись, я никогда не читаю того, что пишут обо мне».

Прочтя это, Бротёй расхохотался: он заметил, что рукопись была распакована[351].

«Жизненный цикл» был опубликован в другом издательстве, одновременно с вышедшей в «Гюльдендале» биографией Гамсуна, написанной Эйнаром Скавланом специально к юбилею. Скавлан уделил значительное внимание творчеству писателя, но не стремился выявить какие-то связи между жизнью и творчеством Гамсуна. Самая последняя фраза в этой книге звучит следующим образом: «Вот старость пришла и к Гамсуну».

Впоследствии, во время войны, Эйнар Скавлан сожалел об этих словах, как ни о каких других. Но это сожаление, как и сама война, было еще впереди.

Задолго до юбилея супружеская чета начала планировать игру в кошки-мышки с журналистами. Как раз в это время Гамсун приобрел новую машину — «бьюик», на котором они разъезжали. И все же он настолько боялся встреч с журналистами и разного рода навязчивыми зеваками, что даже подумывал о том, чтобы расстаться со своими характерными усами, на что Туре заметил, что, видимо, отец чересчур начитался детективных романов[352].

Во время их недолгого отсутствия перед юбилеем в Нёрхольме скопилось огромное количество писем, телеграмм и открыток — 657. Писали со всего мира, отовсюду: Союз писателей и журналистов из Мюнхена, почитатели его таланта из Финляндии, Индии, Греции, Польши, Венгрии, Румынии, Нью-Йорка, Нидерландов, Ленинграда, Йоханнесбурга… Поздравляли учащиеся одной гимназии из Чехословакии. Два немецких университета предлагали присвоить ему звание почетного доктора, многие другие просили его поддержки в различных акциях и начинаниях, к нему обратилась одна международная организация, находящаяся во Франции, в которую входили интеллектуалы разных стран, выступавшие против войны. Какой-то немец предлагал Гамсуну купить у него идею романа. Один швед прислал ему свое изобретение — пожарный рукав «Сальватор». Пражанин Оскар Поллак благодарил за то удивительное событие в своей жизни, которое произошло тридцать лет назад, когда Гамсун послал ему роман «Виктория» с дарственной надписью. Генеральный консул Дании в Тунисе

напоминал ему о встречах в Париже в дни их молодости. Дальние родственники из Иллинойса сообщали ему о том, что видели его фото в американских газетах и страшно гордились этим. Какой-то знакомый писал из Кальвадоса, что в одном периодическом французском издании Гамсуна назвали величайшим романистом современности.

В поздравительном издании разные мировые знаменитости наперебой отмечали уникальные качества, присущие Гамсуну-писателю. Свое восхищение выражал испанец Хасинто Бенавенте[79]. Джон Голсуорси желал Гамсуну, чтобы пламя его таланта пылало как можно дольше. Для того чтобы высказать все свои задушевные слова в адрес Гамсуна, Андре Жиду понадобилось две страницы, а Горькому — шесть. Герхарт Гауптман назвал Гамсуна величайшим описателем человеческой души. Александра Коллонтай, посол СССР в Норвегии, послала ему приветствие от имени своего народа и предложила стать почетным членом Государственной академии художественных наук в Москве[80]. Том Кристенсен выразил восхищение от имени своего поколения датских писателей, назвав Гамсуна «опасным» кумиром. Опасным, потому что Гамсун обращался в своих произведениях к их подсознанию. Братья Томас и Генрих Манн сказали о нем прекрасные слова, так же как и Масарик[81], Людмила Питоева[82], Яльмар Сёдерберг[83], Якоб Вассерманн[84], Герберт Уэллс и Стефан Цвейг.

Никогда ранее ни один норвежец не удостаивался подобных хвалебных откликов из-за рубежа. Трое из вышеназванных писателей уже были нобелевскими лауреатами, двое других вскоре удостоятся этой главной литературной премии мира.

Во время чествования Гамсуна немецкие газеты почти превзошли норвежские в объеме отведенных газетных полос и градусе восхищения. В Берлине, Ганновере, Дрездене, Штутгарте, Магдебурге, Щецине, Гейдельберге, Аугсбурге, Нюрнберге, Веймаре, Гамбурге, Франкфурте, Дормунте, Фленсбурге, Кёнигсберге, Ростоке, Бреслау, Кёльне, Вюртембурге, Лейпциге, Мюнхене — повсюду соревновались редакторы в выражении своего восторга по случаю семидесятилетнего юбилея норвежского нобелевского лауреата.

В ворохе поздравлений, конечно же, тоже преобладали немецкие. В самом поздравительном сборнике было целых пять поздравлений из немецкоязычных регионов. Конечно же, его положение в Германии было уникальным.

Немцы читали его уже в течение сорока лет. Впервые он был переведен именно на немецкий язык. Вот и теперь «Голод»

напечатали тиражом 50 000 экземпляров, больше, чем в Норвегии и и во всех других странах, вместе взятых. Тот же успех сопутствовал и другим его книгам. «Пан» издали в Германии тиражом 100 000 экземпляров! И популярность его только росла. Более 70 000 немцев приобрели «Бродяг».

Видимо, они нуждались в нем, в том евангелии витальности, которое он проповедовал: никогда не сдавайся, несмотря ни на что. После юбилея популярность Гамсуна и интерес к нему еще более возросли.

В ноябре был поднят занавес на спектакле «У жизни в лапах» в Берлине. Спектакль шел в постановке одного из самых выдающихся тогдашних режиссеров, Макса Рейнхардта. Интерес публики был столь велик, что пьеса шла каждый вечер всю весну 1930 года. Всего 74 вечера.

В октябре 1929 года умер Густав Штреземан, министр иностранных дел Германии, который с 1923 года внес большой вклад в усилия немецких властей в деле смягчения сокрушительных для Германии последствий действия Версальского договора. За эту свою деятельность он был удостоен Нобелевской премии мира. Свою миссию он видел в том, чтобы уменьшить напряженность между Германией и странами, с которыми она воевала, что должно было бы создать благоприятный климат для внешней торговли. Благодаря этому экономическое положение могло бы резко улучшиться как для отдельного гражданина, так и для государства в целом. Таким образом, экстремисты как от крайне левых, так и от крайне правых потерпели бы фиаско.

План Штреземана действовал. Безумная инфляция, когда один доллар стоил 4 200 000 000 000 марок, была успешно преодолена с помощью мер по санации. Зарубежные инвесторы стали проявлять интерес к немецкой промышленности, так как многие ограничения, установленные странами-победителями, были ослаблены. Благодаря активным усилиям неутомимого министра иностранных дел, удалось смягчить бремя репараций.

Таким образом, были созданы все предпосылки для стабильного развития Германии.

Но в том же месяце, когда скончался знаменитый приверженец политики примирения, произошел крах Нью-Йоркской биржи — он был столь сокрушительным, что это вызвало цепную реакцию на всех мировых биржах. Мировой экономический кризис болезненно ударил по Германии. Иностранные инвесторы отступили. Катастрофически упал уровень промышленного производства. Закрылось около десяти тысяч предприятий. В течение нескольких месяцев объем

торговли с другими странами сократился вдвое. Массовая безработица и экономическая депрессия поставили немцев на грань обнищания. Немецкий народ оказался в петле, которая затягивалась все больше и больше.

Переезжая с места на место, Гамсун постоянно следил за освещением в газетах всего происходящего в Германии. Там часто появлялись статьи о выступлениях Гитлера, который бросал обвинения в адрес Густава Штреземана, Германа Мюллера{85} и других ведущих немецких политиков, называя их отъявленными предателями родины. И вот в 1928 году избиратели «отблагодарили» за экономические успехи социал-демократов и центристские силы. Партия Гитлера НСДАП заняла в рейхстаге двенадцать мест. Одним из представителей этой партии в высшем органе страны стал Йозеф Геббельс, филолог, мечтавший стать писателем, который относился с восхищением к творчеству Кнута Гамсуна. Другим был летчик Герман Геринг, он только что вернулся из Швеции, где вступил в брак с дамой из высшего общества. Неделю спустя Геринг так откровенно высказывался по поводу своего отношения к демократии: «Что касается рейхстага, то для нас <…> это просто куча дерьма, по-иному это государственное учреждение не назовешь»[353].

Из газет Гамсун мог узнать, как осенью 1929 года Гитлер и НСДАП пытались остановить действие договора, который заключил Штреземан перед смертью. Благодаря противодействию этому договору, фюреру удалось установить весьма важные связи в предпринимательской среде. Большая часть немецких промышленников поддерживала политику примирения, но была настроена отрицательно к тем пунктам мирного договора, согласно которым Германия должна была выплачивать контрибуцию вплоть до 1988 года. Адольф Гитлер призывал разорвать рабские путы Версальского договора, для чего решил организовать народный референдум. С помощью денег промышленников, а также используя свой талант организатора и пропагандиста, он сумел организовать такую кампанию по идеологической обработке населения, какой Германия еще не знала. И все же во время референдума большинство населения проголосовало за прежний режим. Только 14 % проголосовали против соблюдения Версальского договора.

Но вот наступил мировой кризис, каждой четвертой немецкой семьи коснулась безработица. Еще большее число людей до смерти устали от призывов к разуму, рассудительности, осмотрительности. Эти люди пережили войну, поражение, стыд,

годы нужды. Был короткий всплеск оптимизма — и вот этот новый удар, который должен был свалить их всех в пропасть. А может, правда и была на стороне этих новых политиков, которые называли старых, своих предшественников, предателями?

Второго февраля 1930 года Гитлер заверил своих сторонников, что «через два, самое позднее — два с половиной — три года <…> его движение одержит победу»[354].

Кровоточащий шрам

Сразу же после Нового 1930 года Гамсун решил воссоединиться с сыновьями Арилдом и Туре, которые ходили в школу в Вальдресе. Они поселились в одном доме, и вот теперь, сидя в угловой комнате с верандой, откуда открывался вид на маленький городок с железнодорожной станцией Аурдал, он обдумывал окончание своего романа.

Прежде чем взойти на борт каботажного судна, чтобы потом продолжить свой путь на поезде в Вальдрес, он накупил различных канцелярских принадлежностей. Всего на 12 крон 74 эре. Литературная деятельность Гамсуна была в полном разгаре. В то время никакая другая предпринимательская деятельность в Норвегии, крупная или мелкая, не была столь рентабельной, не приносила столь огромного процента дохода в расчете на каждую инвестированную крону.

Что касается сферы душевных затрат, то тут уж главным инвестором была Мария.

Несмотря на всю шумиху, связанную с юбилеем, поздней осенью и зимой, перед Рождеством, когда в «писательской хижине» было холодно, Гамсун продолжал работать в своей комнате. Эта комната была рядом с комнатой Марии, и она могла слышать его долгие беседы с Августом и другими персонажами. Чем хуже он слышал, тем громче разговаривал.

Одетый в меховую одежду, похожий на эскимоса, целыми часами сидел он на веранде, повернувшись спиной к дороге и соседям в горной долине. Так он сочетал работу с пребыванием на свежем воздухе.

Гамсун бродил по Вальдресу, с которым у него были связаны счастливые воспоминания юности, в надежде, что что-нибудь встреченное им сможет вновь поднять волну вдохновения, как он описывает это в «Голоде»: «Вдруг мне пришло на ум несколько хороших фраз <…> прекрасная словесная находка, какой мне еще никогда не удавалось сделать. Я лежу, повторяю эти слова

про себя и нахожу, что они превосходны. Вскоре за ними следуют другие, я вдруг совершенно просыпаюсь, встаю, хватаю бумагу и карандаш со стола у моей кровати. Во мне как будто родник забил…» [1; I: 65, 74].

На третий день Пасхи он послал половину рукописи Григу. Издательства Германии, США, Швеции, Советского Союза, Нидерландов, Чехословакии, Польши и Финляндии с нетерпением ждали окончания романа, чтобы начать работать над его переводом.

Наступил июнь 1930 года, а Гамсун все еще был в Вальдресе с сыновьями.

Братья сильно отличались друг от друга. Младшего отец описывал как грязнулю: «этот поросенок не любит как следует умываться, на шее у него простой желтый платок, хотя у него полно красивых рубашек с соответствующими воротничками, но нет, он ходит в каком-то рванье, но что касается характера — он просто чудесный, золотой парень, совсем взрослый, очень доброжелательный ко всем. А Туре высокий и стройный, всегда хорошо одет, красивые ботинки, воротнички и галстуки, все изысканное, настоящий джентльмен»[355].

В этот период, в начале лета, Гамсуну было необходимо как можно скорее дописать «Август», продолжение «Бродяг», которое должно, как он надеялся, получиться столь замечательным, что он сможет с удовлетворением отложить последние законченные страницы, осознавая, что сделано все возможное и более того.

17 мая, вдень национального праздника, Григ уведомил самого крупного акционера «Гюльдендаля», что доход издательства увеличился с пяти до семи процентов. Выплата миллионного долга копенгагенскому «Гюльдендалю» шла с опережением. При этом Григ предложил увеличить свое собственное жалованье, с 25 000 до 30 000 крон. Таким образом, оно несколько превысило жалованье премьер-министра страны, не говоря уже о жалованье начальника полиции Осло, которое было вдвое меньшим.

И при этом Гамсун считал себя вправе обременять столь высокооплачиваемого человека разного рода поручениями. Получив однажды телеграмму от директора одного отеля в связи с наметившейся продажей редкого сервиза на аукционе, устраиваемом антикварным салоном, он отдал Григу следующее распоряжение: «Полжизни мечтал об этом сервизе. <…> Если даже это потребует огромной суммы, его следует приобрести»[356].

Григ любил устраивать торжества, а теперь было три причины

для этого: хорошее экономическое положение издательства, уверенность, что новый 1930 год обещает быть ознаменованным выходом нового романа Гамсуна, и, наконец, удачное антикварное приобретение. Гамсун позволил уговорить себя принять участие в празднике. Открывались бутылки с шампанским, Гамсун давал оркестрантам крупные банкноты, чтобы они играли для него «La Paloma»{86}.

Дама, которую он вел к столу, вскружила ему голову — это была шведская писательница Марика Стьернстедт{87}: «Все было так замечательно, и Марика Стьернстедт, будь я лет на сорок моложе, я пошел бы за ней на край света», — доверительно писал он Григу[357].

Красавица прислала ему письмо и подарок. Прошла неделя с того дня, когда он вернулся домой в Нёрхольм. Он убедил Марию отправиться вместе с Сесилией в Вальдрес, где учились их сыновья, чтобы принять участие в празднике в связи с выпускными экзаменами в конце учебного года. И вот на следующий день после их отъезда он пишет письмо такого содержания:

«Дорогая Марика!

Пусть Господь благословит Вас, прекрасную даму, которая разбила мое сердце. Я почувствовал это в поезде, по дороге из Вальдреса в Осло, и весь сжался от унижения. От осознания своего убожества, из-за того что я старик. Что могу я предложить Вам? Медаль нобелевского лауреата? Но наверняка Вы отошлете мне ее назад. Я мог бы поехать в Стокгольм, чтобы поблагодарить Вас за радость встречи, а потом вернуться домой. Но я старше Вас на сорок лет. Я могу демонстрировать Вам не свои резервы, а свои останки. Я теперь развалина. Но, конечно же, у меня есть сыновья, которые ближе Вам по возрасту. О Боже, какие прекрасные воспоминания связывают теперь меня с Вами, какое счастье, что я испытал то, что испытал. <… > Говорят, что старость приносит свои радости, но это не так. Да, конечно, можно радоваться своим детям, но испытывать собственные радости? Нет, все это становится уже недоступным. Вы нанесли мне глубокую рану, от нее в моем сердце остался красный кровоточащий шрам. Такого со мной не было целую

вечность. Это была сладкая боль, которую Вы причинили мне. Кровоточащий шрам — это память о том вечере». [358]

Когда он писал подобным образом?

Когда сочинял историю о Юханнесе и Виктории? Теперь женщина, на которой он был женат, не могла уже ранить его сердце, ввергнуть его в любовное безумие, оставив там кровавый шрам, нанеся ту рану, которую нанесла Марика одним своим прикосновением.

Благодаря этим страданиям ему удалось создать еще один роман, «Август», и его уже начали переводить на шведский, финский, немецкий и английский языки. Три с половиной года назад доктор Стрёмме обещал Гамсуну новую весну. Специалист по нервным болезням выполнил свое обещание. Несмотря на всю горечь происходящего, это лето все-таки не стало последним в его жизни… Разве он не думал о новой книге об Августе? Ведь старик превратился в юношу, потому что молодая женщина оставила кровоточащую рану в его сердце.

Была середина лета 1930 года, и Гамсун, которому должен был исполниться 71 год, задумал третью книгу об Августе, которая в конечном итоге получит название «А жизнь продолжается».

Выздоравливающий ищет примирения

В течение многих лет у Гамсуна были проблемы с мочеиспусканием. В конце лета он был помещен в арендальскую больницу, и там ему был поставлен диагноз — гипертрофия простаты. Была необходима операция. Вопрос о том, не злокачественная ли это опухоль, должен был быть решен во время операции. Гамсун написал письмо живущей в Гамбурге сестре своей первой жены Алетте Гросс, в котором попросил сообщить жене о предстоящей операции и о том, что на случай смерти он намеревается устроить все свои финансовые дела. Когда его дочь Виктория узнала через мать и тетю о предстоящей операции, она решила отправить отцу письмо, написанное три недели назад.

> «Я много лет не писала тебе, но это лишь потому, что таково, к сожалению, было твое желание, то наказание, которому ты подверг меня, слишком сурово. Папа, я пытаюсь обратиться к тебе еще раз. Я молю Бога о том, чтобы ты понял мои поступки и простил меня за

причиненное тебе зло. Я люблю тебя всем сердцем, и если ты, в свою очередь, чувствуешь хотя бы крошечную симпатию ко мне, то не проклинай меня, потому что это так ужасно. Ты не представляешь, какая тяжесть лежала на моей душе все эти годы»[359].

Виктория пыталась понять, что явилось причиной того, что между ними образовалась пропасть: «Мы так мало знаем друг друга, и, вероятно, именно в этом во многом кроется причина происходящего». Она писала ему о том, как дороги ей воспоминания детства, когда летом она, будучи маленькой девочкой, приезжала к нему в гости. «Я помню, как в Нурстранде мы с тобой заходили в сельскую лавку и ты покупал мне маленькие колечки, которые мгновенно тускнели, и бывало, что сверкающий „драгоценный“ камешек выпадал и я просила новое. Я помню, как ты играл со мной в карты и называл меня Милой Малышкой, когда я выигрывала, и еще я помню, как мы гуляли, и собирали блестящие камешки, и рвали разные былинки на заброшенных железнодорожных путях у Конгсберга».

Но при этом у нее были и другие воспоминания: «Но потом пришли другие времена, и в период между моими 10 и 16 годами ты никогда не приглашал меня к себе, хотя мы жили совсем рядом. Пойми меня правильно, конечно же, у меня нет никакого права упрекать тебя. Наверняка у тебя были свои, неизвестные мне причины. Я просто хочу, чтобы ты знал, что волею обстоятельств мы стали друг другу чужими, и у меня было так мало возможностей показать тебе свою преданность. И если ты думаешь, что я не испытывала к тебе горячей привязанности в течение всех этих лет, то ты очень ошибаешься».

Она заверяла его, что никогда не ревновала к нему других его четверых детей. «Напротив, ко всем ним я отношусь с восхищением. Особенно я никогда не забуду, как трогательно Туре от всего сердца пытался утешить меня, когда однажды мне пришлось уезжать из Нёрхольма, не попрощавшись с тобой».

Кроме того, она напомнила ему и о лете 1923 года, когда она приехала в Нёрхольм, а он, встретив ее у входа в дом, не сказал ни единого слова, повернулся и ушел куда-то.

Виктория много лет не была в Норвегии, и сейчас она делилась с отцом своими мечтами: «Как было бы замечательно, если бы Эрик и Дидрик Кнут смогли бы увидеть своего дедушку, о котором они будут постоянно слышать всю свою дальнейшую жизнь и книги которого когда-нибудь прочтут. Как-то однажды ты сказал, что только слабые натуры способны прощать, но у меня другое мнение. Я знаю, что это было бы проявлением сильного

характера, если бы ты протянул мне руку, я отнеслась бы к этому с безмерной благодарностью».

В течение семи лет Виктория писала отцу, не получая от него ответа. И вот он наконец прервал молчание, ему было необходимо сказать ей нечто важное, учитывая, что он мог умереть во время предстоящей операции. «Если ты и была в чем-то виновата передо мной, то я давно тебя простил. В моей жизни много всякого, чтобы я придавал такое уж значение этим старым событиям <…>. И ты, со своей стороны, должна простить меня за то, что я сказал и сделал, будучи в ярости, потому что многое произошло не в соответствии с моими планами»[360].

На полях он также самокритично написал о своем поведении, когда Виктория приехала в Нёрхольм семь лет назад: «То, что я не мог принять тебя тогда, связано с тем, что я заканчивал последние строчки новой книги».

Но он не хотел и в дальнейшем видеть ее в Нёрхольме. Он предложил ей произвести все расчеты, связанные с наследством, сейчас, тем более что ценность наследуемого имущества с годами будет уменьшаться. Хотя, кажется, уже поздно, через девять дней он ляжет под нож хирурга, «и если я умру, то доктор сказал, что это произойдет быстро. Лично меня не так уж это и беспокоит, ведь такая участь ждет нас всех, и лично я, во всяком случае, умру в возрасте 71 года».

Виктория заверила отца, что ее больше всего на свете волнует примирение с ним, а не деньги.

Это было не совсем так. В то время, когда Гамсун находился в больнице в Арендале, Виктория вместе со своим адвокатом начали подсчитывать стоимость его имущества. А Мария — готовиться к войне за наследство для своих детей.

В понедельник 15 сентября 1930 года Мария отвезла Гамсуна на «бьюике» в больницу Арендала. После того как его положили в палату, врач Петер Николайсен вышел вместе с Марией, чтобы проводить ее. Он хотел поговорить с ней наедине.

— Должен обратить ваше внимание на то, что операция серьезная, возможно, у него рак.

— А моему мужу это известно? — была ее первая реакция[361].

И только тогда она узнала, что ее муж, склонный порой хныкать по весьма незначительным поводам, в течение месяца скрывал от нее, что существует реальная опасность смерти. На следующий день врач сообщил пациенту ободряющую новость. Та полостная операция, которой он подвергся в Копенгагене десять

лет назад в целях оздоровления организма, оказалась очень кстати для теперешней ситуации. Теперь он нуждается в менее значительном хирургическом вмешательстве.

Лежа в больнице, он читал детективные романы Эдгара Уоллеса, тут было из чего выбирать: за двадцать восемь лет своей творческой деятельности англичанин сочинил сто семьдесят книг. Под рукой у Гамсуна были и описания жизни разных исторических личностей. Кроме того, он писал письма.

Второго октября была проведена операция. Через какое-то время в Нёрхольме раздался телефонный звонок. Главный врач хотел поговорить с Марией.

Операция прошла хорошо. Без каких-либо серьезных осложнений.

После этого она задала тот вопрос, ответ на который волновал многих: что могло быть причиной того, что ей звонил не кто-нибудь, а сам главный врач?

— Опухоль оказалась злокачественной?

— Нет. Ваш муж такой здоровый и сильный, что никаких причин для беспокойства нет.

Врачи оставили его в покое[362].

Но не адвокаты.

Адвокат Гамсуна, проделав некоторые расчеты, счел, что предложенное им дочери состояние в 50 000 крон было бы слишком щедрым подарком. Оптимальной должна была быть сумма в 38 000 крон. Посовещавшись с клиентом, который в это время еще находился в больнице, он договорился о сумме в 45 000. Когда и адвокат Виктории счел эту сумму щедрой, Гамсун с удовлетворением написал на конверте полученного письма: «Щедрый»[363].

Таким образом, это душераздирающее дело шло к концу, и его отношения с дочерью решительным образом улучшаются. Так ему казалось.

Но тут Виктория и ее советчики пошли ва-банк. Они заявили, что предложенная сумма должна касаться только теперешнего состояния Гамсуна. Что до будущих доходов семьи с авторских прав, то Виктория должна их унаследовать наряду с другими детьми Гамсуна. Гамсун решительно отмел подобные претензии.

Последний разговор Гамсуна с дочерью состоялся в рождественские дни 1917 года. И вот теперь, перед Рождеством 1930 года, Виктория решила отправиться в Норвегию. На рубеже ноября-декабря через своего адвоката она пригласила отца на

встречу. И он поехал в Осло вместе с Марией, она должна была служить ему опорой при встрече с Викторией. Кроме того, он надеялся каким-то образом сгладить давние противоречия, существующие между этими двумя женщинами.

Виктория требовала 100 000 крон, отец предлагал ей половину. Вскоре между сорокадевятилетней Марией и Викторией, которая была на 21 год моложе, возникла словесная перепалка. Адвокат Виктории предложил, чтобы дальнейшие переговоры велись только между отцом и дочерью, с глазу на глаз.

Когда они продолжили, отец расчувствовался, а Виктория стала жесткой. Он напомнил дочери, что они простили друг друга. Он стар и скоро умрет. Неужели они не могут помириться? Она должна понимать, что он желает ей только добра, но он не может выплатить ей ту сумму, которую она требует, это будет[364] несправедливо по отношению к другим его детям.

Пожалуй, именно этого Виктория и добивалась: находиться в привилегированном положении, чтобы хоть раз в жизни он ее предпочел другим своим детям.

Они расстались далекими друг от друга, и расстояние это было гораздо более значительным, нежели различие между кронами и эре.

Гамсун письменно уведомил дочь, что после его смерти ей уже не придется рассчитывать на его благоволение.

Через полгода Виктория принесла извинения, что не приняла предложение отца о досрочной выплате ей всего наследства. Может быть, это можно сделать теперь? Дело в том, что она прочла в газетах, что его угроза уменьшения наследства после продажи авторских прав и перечисления денег на благотворительные цели не была пустой. 200 000 крон он направил на благотворительность. Эта сумма равнялась годовому жалованью 25 высокопоставленных государственных служащих.

После некоторых дипломатических переговоров Виктории выплатили ее долю наследства, которая оказалась меньше той, которую отец первоначально предложил ей. Наконец-то настырная дочь уйдет из жизни Марии, сводных братьев и сестер, а также и из жизни своего отца — так им казалось.

Суровый романтик

Интерес к продолжению «Бродяг», имевшему успех, был велик. Уже через два дня после поступления книги в продажу «Гюльдендаль» должен был заказать допечатку еще пяти тысяч

экземпляров. Книготорговцы заказали так много экземпляров, что даже 12 000 не хватило на всех.

Лишь несколько рецензий было неблагожелательных. Одна из них была напечатана в «Афтенпостен». Рецензент отметил некоторые блестящие пассажи в книге, но в целом счел «Августа» бледной копией «Бродяг». А «Моргенбладет», которая буквально изничтожила многие из гамсуновских книг, напротив, выразила бурный восторг. Рецензент употребил такие выражения, как «стилистическое совершенство», «неподражаемый стиль», «отточенность каждой детали».

Датский писатель Том Кристенсен, роман которого произвел такое впечатление на Гамсуна, высказался столь же категорично: «Гамсун заслуживает еще одной Нобелевской премии»[365].

Сигурду Хёлю также было что сказать о Гамсуне. Он категорически возражал этому пророку: «Гамсун является реакционером в буквальном, изначальном значении этого слова, он отрицательно относится к тенденциям современного развития, он считает их роковой ошибкой, полагая, что правильный путь ведет в противоположную сторону, назад <…> к патриархальным, идиллическим, романтическим временам, когда еще не было индустрии, профсоюзов, коллективизма и суета не заполонила мир»[366].

Романтик Гамсун был не в состоянии увидеть, что это нереально, — таков был вывод Хёля.

В «Августе» события происходят спустя двадцать лет. Эдварт и Ловисе-Маргерете уехали в Америку, Август ушел в плавание, оставив после себя настоящее кипение страстей, породив в людях стремление к благам цивилизации.

Только двое из персонажей Гамсуна избежали этой заразы. Паулина претворила в жизнь первоначальные устремления своего брата Эдварта, она весьма разумно управляет лавкой, кафе, постоялым двором, почтой. В то время как Иоаким, младший брат Паулины и Эдварта, превратил усадьбу в самую богатую в округе. Он также занимает административную должность, он — председатель местной коммуны.

Те трое, покинувшие свою родину, отнюдь не преуспели, что стало очевидным для всех, когда они вдруг появились в Поллене. Способность к нежности и материнской любви, а также то чувство вкуса, присущее ей как искусной рукодельнице, покорившие когда-то Эдварта в Ловисе-Маргерете, трансформировались в вульгарный цинизм и жажду приобретательства. В Эдварте погас огонь жизни. С ним произошло самое худшее, что может произойти с человеком. Он потерял самого себя, свою суть.

Август лишился своих золотых зубов и страдает от неведомой болезни. Он по-прежнему одержим разными идеями и жаждой деятельности, но теперь все не так безобидно. Побывав во многих странах, он увлекся благами современной цивилизации. Теперь он уже соблазняет обитателей Поллена не телефоном, электрическим светом, перспективами строительства фабрики селедочной муки, банком, отелем, белыми гардинами или садом с декоративными кустами. Он уговаривает местных жителей срыть холмы и устроить различные плантации, например табака или рождественских елок, и тем самым расстаться с рыбной ловлей, которая издавна кормила их. В Поллене наступают тяжелые времена: нет средств, фабрика простаивает, наступивший голод пробуждает в людях самые худшие черты. Август скрывается.

Гамсун называл Августа воплощением духа нового времени. В этом романе он проклинает все начинания Августа. И тем не менее у него рука не поднимается погубить своего героя, обречь его на смерть. Раз за разом автор спасает Августа от поражения или гибели, этот авантюрист всегда получает последний шанс. В процессе работы автор хотел дать название книге «Паулина», но потом отказался. Роман не был назван в честь рассудительного персонажа, он назван в честь Августа, фантазера и бродяги.

Может быть, Гамсун питал к Августу то чувство любви и ненависти, которое он обнаружил в себе с помощью доктора Стрёмме? Во время работы над «Бродягами» и «Августом» он осознал, что и сам мог бы кончить жизнь как Эдварт и Август. В противоположность Августу он сумел претворить свою жажду фантазии в художественное творчество, в то время как крестьянская жизнь помогла ему сохранить себя. Это придало жизни Гамсуна гораздо более значимый смысл, нежели одно только творчество, он обрел также и любовь, что в романе является стезей Эдварта.

«Willkommen Knut Hamsun!»{88}

Долгие годы Гамсун мечтал поехать в Германию. За исключением поездки в Стокгольм для получения Нобелевской премии, Кнут и Мария Гамсун никогда не были за границей вместе. И вот в середине января 1930 года началось их путешествие на поезде, который должен был провезти их через шесть стран. Сначала Берлин — это была главная цель, а потом — Ницца. Так они смогут обмануть зиму и снова попасть в весну.

С ними поехал и Туре, который в это время еще

выздоравливал после перенесенной операции на горле, а также его молодой учитель, в обязанности которого входило позаботиться о том, чтобы Туре не отстал в учебе во время тех месяцев, что будет продолжаться путешествие.

Сам Гамсун еще не решил, сколько времени они пробудут за границей.

По приезде в Германию сразу стало ясно, что здесь Гамсуна уже ждали. Газеты сообщали о том, что его первое посещение Германии состоялось в 1896 году — это был Мюнхен. Многие берлинские газеты на своих первых страницах приветствовали норвежского отшельника, который наконец-то выбрался из своей холодной берлоги в Германию. «Willkommen Knut Hamsun!» Журналисты, фотографы, почитатели таланта, все в Берлине жаждали воочию увидеть своего кумира. Когда Гамсун в сопровождении домочадцев приехал в отель «Централь» на Фридрих-штрассе, навстречу им устремились новые толпы почитателей его таланта, жаждущие получить автограф и поговорить с писателем, произведения которого они читали и о котором так много писала пресса.

В Берлине всем хотелось на него посмотреть, но Кнут Гамсун почти не выходил из отеля.

Вскоре его номер заполнился цветами, письмами и подарками от нагрянувших неистовых поклонников и репортеров. Охотники за новостями оказались столь бесцеремонными, что Гамсун поручил Туре и его учителю по очереди дежурить у входа в отель. Потом стали помогать и сотрудники отеля. И тем не менее одному американскому корреспонденту удалось проникнуть в номер Гамсуна и спрятаться там, он был обнаружен и выведен прочь.

Через два дня они покинули Берлин, чтобы ехать дальше.

Туре послали взять такси и проследить за тем, чтобы во время отъезда никаких журналистов ни в вестибюле отеля, ни на улице не было. По сигналу сына, означавшему, что путь свободен, Гамсун спустился последним из всех, благополучно миновал холл и направился в сторону автомобиля. Он уже намеревался захлопнуть дверцу, как вдруг около автомобиля возникла девушка с букетом роз.

Задыхаясь, она произнесла:

— Ich danke Ihnen für Victoria.

— Что она говорит? — спросил он у Марии, выступавшей в роли переводчика. «Благодарю вас за Викторию», — перевела она. Гамсун взял руку молодой девушки и долго держал ее, не произнося ни слова[367].

Туре с изумлением заметил, как под внимательным взглядом девушки лицо отца покрылось краской смущения.

На следующий день они ехали на поезде по южной Германии. Гамсун был в приподнятом настроении, он смотрел в окно поезда, напевал и время от времени принимался читать книгу Шервуда Андерсона «Черный смех». Позднее Туре тоже получил возможность прочитать эту книгу, на последней странице был следующий комментарий: «Любая фраза из этой книги может быть перенесена в какое угодно место книги, и от этого ничего не изменится в ее содержании»[368].

Букет роз он прикрепил на стену купе. Когда цветы завяли, Гамсун отметил это с большим огорчением, что вызвало раздражение Марии.

Через сутки, ближе к вечеру, поезд прибыл в Милан. Они решили обедать в железнодорожном ресторане. Когда они вошли туда, Гамсун находился отнюдь не в лучшем расположении духа. Прежде всего, надев очки, он начал сгибать зубья у выложенных перед ним вилок и вилочек. Ко все более нарастающему смущению Марии и Туре, он затем принялся за ножи и ложки, и после их инспекции последовал громкий комментарий. Затем глава семейства заинтересовался гравировкой на столовых приборах. Ему удалось разобрать только одно слово Solingen, и его раздражало, что у него никак не получалось прочесть продолжение. Наконец он попросил других помочь ему, но никто не смог разобрать микроскопические буквы.

«Никто не может ничего объяснить», — воскликнул он с негодованием и опрокинул тарелку[369].

К несказанному огорчению своих близких, он вознамерился разгадать загадку. Из-за этого еду им принесли гораздо позже, чем они ожидали. При этом он и не подумал поторопиться, он был намерен есть в своем обычном ритме, не спеша. К счастью, поезд опоздал. На следующее утро они должны были пересекать итало-французскую границу вблизи Вентимильи. Французский таможенник начал проверять все их чемоданы. У Гамсуна росло возмущение происходящим, он попросил жену выразить свое негодование столь унизительным для них досмотром. Однако таможенник продолжал. На него не произвело впечатление сообщение о том, какой прославленный писатель едет во Францию. Не произвело на него впечатление и само возмущение норвежского старикашки.

Это воспламенило всю антипатию Гамсуна по отношению к французам. Таможенник спросил Гамсуна, везет ли он с собой табак. Гамсун, который в этот момент попыхивал трубкой, ничего

не ответил. Вопрос был повторен, и тогда Гамсун грохнул о стол двумя баночками с микстурой. И тут Туре осмелился сказать отцу, что тот должен заплатить за табак пошлину.

Гамсун усмехнулся: еще чего! Он провез эти коробки через Швецию, Данию, Германию, Швейцарию и Италию и нигде не платил пошлин — с какой это стати он будет платить здесь?

Таможенник вернулся с клочком бумаги, на котором было проставлено «20 франков», при этом он поднял обе руки, растопырил пальцы и два раза выразительно помахал руками в воздухе.

— Какого черта! Вот еще, буду я платить 20 франков за такую малость, я лучше его просто выброшу! — закричал Гамсун, открыл окно и попытался выхватить табак из рук таможенника[370].

Правда, он не учел, что у последнего уже был опыт общения с «трудными пассажирами». Крепко прижав к себе коробки, тот исчез в коридоре, чтобы вернуться с подкреплением. Три новых таможенника весьма решительно объявили Гамсуну, что если он не заплатит 20 франков, то будет немедленно арестован. Учитель Туре с нарастающим изумлением наблюдал, как Гамсун своим поведением накалял обстановку. Мария и Туре прекрасно понимали, что отец семейства не отступит. Они боялись, что дело может закончиться тем, что их задержат в этом французском пограничном городке, разъяренный Гамсун окажется в тюрьме, и вызволять его оттуда придется с помощью послов и министров. А потом всю остальную часть поездки он будет занят местью.

Будучи старшим ребенком, Туре рано научился сглаживать напряженность между родителями. Вот и сейчас он нашел выход. Таможенник проявил явный интерес к некоторым норвежским маркам, наклеенным на чемодане. Завидев людей в униформе, Туре помахал им рукой и отдал им эти марки. Они тут же отблагодарили симпатичного юношу улыбкой и рукопожатием и направились в следующее купе.

Когда не без некоторого чувства гордости Туре явился в купе к родителям, держа в руках две коробки с табаком, отец прорычал, что лучше бы он не вмешивался. Зато во взгляде матери Туре увидел благодарность.

Пейзаж за окнами становился все более и более южным. Они ехали все дальше, и природа радовала главу путешествующего семейства, его расположение духа улучшилось. Через несколько часов они уже были в Ницце. Гамсун заранее заказал один из лучших отелей города на бульваре Карабасель. Но начало пребывания в нем оказалось неудачным. Мальчики из отеля так

быстро похватали все чемоданы, чтобы доставить их куда следует, что Гамсун не заметил этого, а спохватившись, подумал, что багаж забыли в поезде. Когда Туре объяснил, в чем дело, отец семейства просто рассвирепел. Они прежде должны были спросить его!

В номере мальчики выстроились в ряд с протянутыми руками, ожидая чаевых. Он тут же выгнал их, сообщив по-норвежски, что те получат свои чаевые при их отъезде. Во время пребывания в отеле он не давал на чай ни единого су. Вследствие чего наши путешественники не так уж хорошо обслуживались, хотя порой Туре и Мария все же давали какие-то чаевые.

Через два дня вся компания села в такси и направилась к конечной цели своего путешествия — в маленький городок Больё-сюр-Мер, расположенный по дороге из Ниццы в Монте-Карло. Теперь настроение у всех было прекрасное, на прощание им воздали почести, как королевской семье. Ведь Гамсун с истинно королевской щедростью оплатил счет.

Они решили остановиться в маленьком городке, в пансионе Марселин. Супруги совершали длительные прогулки вдоль моря и по холмам. «Вот это ведение хозяйства!» — отметил он, когда увидел, как крестьяне натягивали сетчатые покрытия над полями гвоздики, чтобы уберечь цветы от ночного холода. Он говорил, что хотел бы оказаться здесь во время сбора гвоздик. Потом этот пряный запах гвоздичных полей они будут вспоминать всю свою жизнь. Наблюдая первые признаки весны в этом средиземноморском городке, Гамсун начал фантазировать, что весна придет и на север Норвегии. Уже через две недели после того, как они покинули Осло, супруги начали упаковывать свои вещи, чтобы отправиться в обратный путь. Туре и его молодой учитель решили остаться. По дороге Гамсун и Мария заехали в Гамбург и остановились в фешенебельном отеле «У Кронпринца». В этом ганзейском городе Марии предстояли важные встречи.

Три года тому назад Мария представляла творчество своего мужа на театральном фестивале в Гейдельберге. Во время той поездки она познакомилась с людьми, связанными с Северным обществом, Скандинавским союзом, деятельность которого была направлена на укрепление общности Германии и Скандинавии.

В этом плане Гамсуна можно было рассматривать как самостоятельное связующее звено в общей цепочке многообразных связей между двумя народами. Но, к сожалению, было просто немыслимо заставить этого нелюдимого старца действовать в соответствии с правилами этого общества. А что, если этим займется супруга пророка? Ведь она знает его

творчество, как никто другой, сама пишет книги для детей, которые постепенно становятся популярными в Германии. И потом, ведь до брака с Гамсуном она была актрисой. Кроме всего прочего, она хорошо владела немецким.

Несомненно, что Мария была именно той личностью, с которой контакт был просто необходим. Так в конце января — начале февраля 1931 года появилась новая связующая нить между семьей Гамсуна и Германией.

Как и многие, кто приезжает в другую страну, они сравнивали разные вещи у себя на родине и там. В Норвегии правительство резко сокращало военные расходы. Политика, направленная на разоружение, стала одним из пунктов программы правящей Рабочей партии. Кнут Гамсун неоднократно предостерегал от пацифизма. По его мнению, война не является чем-то неестественным, война ради жизненных потребностей является частью самой жизни. Как раз перед отъездом из Норвегии он горячо поблагодарил одного норвежского офицера, который с восхищением отозвался о героизме немецких солдат на западном фронте во время Первой мировой войны[371].

Гамсун с удовлетворением отмечал успехи Германии в деле наращивания вооружения. Одним из тех, кто активно способствовал осуществлению этих задач, был Адольф Гитлер. Его партия со штаб-квартирой в Мюнхене была в стране самой крупной после социал-демократической. Во время выборов в рейхстаг полгода назад 6,4 миллиона немцев проголосовали за возглавляемую им национал-социалистическую партию. Он настойчиво выступал против Версальского мирного договора. Он считал, что противники затыкают рот Германии. Национал-социалисты были готовы изо всех сил, используя все средства, бороться за интересы Германии, ради будущих поколений. Они заявляли, что в настоящее время Германия отравлена пацифистским духом.

Кнут Гамсун считал, что для Германии разоружаться — это все равно что лишиться права на собственный дом. Так же думал и Гитлер. Немцам одновременно нужны и плуг, и винтовка. Постоянная жесткая критика Гитлером условий мирного договора, который немилосердно связал Германию по рукам и ногам, что произошло при попустительстве гнусных политиков, предавших интересы родины, и по вине большевиков, этих разрушителей жизни общества, этих губительных представителей духа нового времени, находила отклик у многих.

В том числе у Марии и Кнута Гамсун.

Художник раскрывает себя

В первой половине 1931 года Гамсун приступил к работе над третьей книгой об Августе. Материала у него было много: многое не вошло в предыдущие книги, и кроме того, еще целая стопка листков с записями.

Ради того, чтобы он продолжал писать, Марии пришлось отказаться от собственного творчества.

Он пытался всячески загладить ту вину, которую из-за этого испытывал перед ней. Он ходатайствовал перед Григом, чтобы тот переиздал два ее сборника стихов и три детские книжки. Вряд ли в Норвегии есть еще другой столь же талантливый лирик и детский писатель. Он также вступил в борьбу за право Марии стать членом Союза писателей. Когда ее не захотели туда принять, он пригрозил, что выйдет из него сам, и Мария немедленно была принята[372].

Постоянным поводом для раздоров служили дети. Мария считала, что по его настоянию всех их слишком рано отсылали из дома, можно сказать, изгоняли. Одного за другим. Туре и Арилда, теперь вот Эллинор отправили в монастырскую школу, а вскоре, как он уже решил, вслед за ней отправится и Сесилия. Осенью 1931 года он вновь пытался связаться с Юханом Иргенсом Стрёмме. Этот доктор, специалист по нервным болезням, помог ему продолжить свое творчество. А вот отношения с Марией разладились. Через несколько дней ему будет семьдесят два года. А Марии в октябре будет пятьдесят. Он все еще никак не мог восстановиться после операции, которой подвергся около полутора лет назад. Доктор объяснил, что на это потребуется еще несколько лет. И кое в чем он уже никогда не будет прежним. Большинство переживших подобную операцию навсегда теряют мужскую силу{89}.

И на эту весьма деликатную тему он хотел поначалу посоветоваться с доктором Стрёмме, но потом все же встретился с другим врачом. Прогноз не был ободряющим. После этого он пишет Туре: «…скоро я окажусь никому не нужным ни в семье, ни в жизни вообще»[373].

И тогда Гамсун поступил так, как поступал и ранее. То, что волновало, глубоко затрагивало его, он решил описать в своей новой книге.

Когда летом 1932 года в Нёрхольм на каникулы вернулись

дети, привезя также погостить и своих друзей, Гамсун решил сбежать из дома. Он попросил Марию сесть за руль их «бьюика» и отвезти его куда-нибудь. В машину погрузили чемодан, в боковом кармане которого находились его заметки. Они ездили и искали место, где бы он мог поселиться, чтобы спокойно писать. В течение двух дней они объехали значительную часть южной части Вестланна, на обратном пути переночевали в отеле города Эгерсунн, в нескольких милях от Ставангера. На следующий день Мария уехала домой одна.

Гамсун жил в пансионе у тихой супружеской пары, которая совершенно не беспокоила постояльца, живущего в дальней комнате их дома, и здесь у него дело пошло на лад. Уже менее чем через две недели им были написаны первые 20 страниц всегда такого трудного начала. Август сходит на берег в Сегельфоссе. Это позволяет Гамсуну продолжить повествование об Августе и тем самым также предостеречь от разрыва с родными стихиями — землей или морем.

Сегельфосс разросся с того времени, как Гамсун описывал его в 1915 году. В его новой книге, получившей название «А жизнь продолжается», в нем теперь есть почта, телеграф, отель, газета, банк и кинотеатр. Здесь живут местный врач, аптекарь, окружной судья, ленсман и адвокат. Сегельфосс превратился в маленький городок, каким в мечтах Августа должен был бы стать Поллен. А жители Поллена, как сложилась их судьба? Они изменили замыслам великого прожектера Августа или, напротив, претворили их в жизнь? Что произошло потом?

Теперь на передний план в романе выступает сын лавочника Теодора — Гордон Тидеман. Он получил за рубежом торговое образование. По указанию отца, всякий раз бывая за границей, он привозит оттуда мебель для двух гостиных и двадцати комнат в доме, представляющем собой настоящий дворец, который до этого был уныло-пустым. Теперь там появились зеркало, стол, стулья, диваны, ковры на полу и на стенах, картины, вазы, люстры, кровати с различными украшениями, в том числе и золотыми ангелочками. С гримасой презрения описывает Гамсун попытки этого представителя младшего поколения недавно разбогатевшего рода превзойти своим богатством старинную роскошь в доме местного крупного землевладельца. Но ведь и сам Гамсун занимался этим в Нёрхольме.

Подобно Гамсуну, и Август состарился. Несколько других главных персонажей — люди среднего возраста. Впервые Гамсун изображает старых людей с более глубоким проникновением в их психологию, а не так, как это было в «Розе» — с неприязнью и

отвращением. В романах «Пан» и «Мистерии», которые он создал в соответствии со своей литературной программой — изображать психологические состояния, он показал душевные метания влюбленного человека. И вот теперь цикл завершился, он пытается заглянуть в мир немолодого уже человека Августа в связи с его любовной тоской.

Прекрасная Марика Стьернстедт, шведская писательница, нанесла ему сердечную рану, последнюю в его жизни. Теперь то же самое происходит с Августом.

Весь стол Гамсуна был завален листками, из которых должен был получиться новый роман. И вот теперь он перебирал их, снова и снова складывая рядом те, в которых есть нечто соединяющее их между собой. Он внимательно изучает свои записи, все они могут пригодиться. Их неожиданные соединения могут открыть ему новые смыслы. Он перекладывает их с места на место. Вот аптекарь и жена доктора. Аптекарь и старая мать Гордона Тидемана. А при чем здесь цыган? А молодая девушка Корнелия, которая разбила сердце Августа? Появляется все больше записей, испещренные словами листочки словно взаимно проникают друг в друга и постепенно превращаются в страницы рукописи.

Гамсун снова увлеченно творит.

Часто случается, что его персонажи ведут себя отнюдь не так, как он предполагал. Август порой не подчиняется Гамсуну. Создатель Августа считает, что так и должно быть. Господствуя сразу над многими героями, он оставлял за собой право утратить контроль над тем или иным персонажем, чего не допускал в реальной жизни. Он способен оказаться среди них, стать одним из них, разговаривать с ними, а потом вдруг удалиться и создавать свое произведение как бы со стороны, рассказывая, комментируя, оценивая. Часто Гамсун сидел и разговаривал вслух со своими персонажами, вкладывая в их уста определенные реплики. Таким образом, в процессе создания своих произведений он постоянно находился в диалоге с самим собой. При этом он глубоко раскрывал свою внутреннюю суть, чего никогда не делал в отношениях с живыми людьми. Гамсун, творческая личность, прикладывал колоссальные усилия, для того чтобы держать в поле своего зрения созданный им мир и следить, не распался ли он.

В то время как в Норвегии известный писатель тасовал листки, создавая новое художественное целое, известный политик в Германии раскладывал политический пасьянс из карт, которые волею судеб попали в его руки. Демократия или диктатура?..

В конце 20-х — начале 30-х годов почти во всех европейских странах резко обостряется борьба между различными политическими группировками и партиями. Самыми крайними полюсами этой борьбы являются сталинский коммунистический режим в Советском Союзе и фашистский режим Муссолини в Италии. После победы на выборах 1930 года в Норвегии консервативных сил Гамсун обратился с воззванием к стортингу и правительству с требованием запретить предательскую деятельность коммунистов и социалистов — если это окажется необходимым, то с помощью полиции. Летом 1932-го он повторно выступил с этим требованием, предварив его описанием тех пугающих целей, которые ставят перед собой Рабочая и Коммунистическая партии: «Что происходит сейчас? Насилие, нарушение закона, революционные действия. И происходит это не спонтанно, под влиянием минуты, а в соответствии с той или иной партийной программой, где содержатся четко поставленные задачи: создать хаос, посеять среди людей страх, а в конечном итоге уничтожить законность и порядок, саму человеческую жизнь. Бездействует полиция, которая должна обеспечивать порядок. Орудуют банды. Кое-где поножовщина, а где-то стрельба. Насилие, нарушение закона, революция. Прочитав обо всем этом в газетах, я откладываю их в сторону, ожидая бесчинств и на другой день. Неужели я живу в Норвегии?»[374]

На примете у Гамсуна был человек, который, по его мнению, мог бы спасти Норвегию, — это Видкун Квислинг. Бывший военный в звании капитана, а теперь ближайший сотрудник Фритьофа Нансена, осуществляющего гуманитарные миссии в Советском Союзе, какое-то время был министром обороны. Однако это продолжалось недолго, он быстро поссорился со многими из своего окружения и сосредоточился на создании собственной партии «Национальное единство», взяв за образец подобные партии, образованные фашистами в Италии и нацистами в Германии. Для Гамсуна он представлялся спасителем, он даже назвал его Иоанном Крестителем.

А в Германии все большее и большее число людей верило в то, что их спасет Гитлер. Он обещал немцам избавить Германию от большевистских путчей, непрофессиональных политиков, а также попыток стран-победительниц разрушить Германию. Весной 1932 года во время президентских выборов в двух турах голосования Гитлер обошел отца нации Пауля фон Гиндербурга{90} и получил весьма внушительные 36,7 % голосов. Число его сторонников росло с невероятной скоростью, и в этом

ему не было равных. Он использовал все новейшие технические средства: самолет, радио, граммофонные пластинки. За неделю он успел принять участие в 50 митингах.

Во время выборов в июле 1932 года 37,4 % немцев проголосовали за нацистов. Социал-демократы получили 21,5 % голосов, а коммунисты — 14,3 %. Правда, в ноябре во время новых выборов количество представителей нацистской партии в рейхстаге уменьшилось с 230 до 196. Через десять дней консервативное правительство Франца фон Папена пало. Новым канцлером стал генерал Курт фон Шлейхер. Он пытался разложить нацистов изнутри, но фюрер имел очень жесткий контроль над своей партией. И вскоре фон Папен и бывший ефрейтор объединились против нового канцлера.

Им потребовалось менее трех месяцев на то, чтобы вытеснить Шлейхера.

30 января 1933 года Адольф Гитлер принял присягу канцлера Германии в правительстве фон Папена, где большинство состояло из членов его партии. Сотни тысяч людей, членов НСДАП, их избирателей и сторонников, приняли участие в факельном шествии, пройдя через Бранденбургские ворота в честь Гинденбурга и Гитлера.

Этот и последующие дни в Германии стали великим временем перебежчиков. Государственные деятели, политики отдельных земель и разного рода политическая мелюзга ощутили колоссальную волю к власти, которую излучал новый канцлер. Президент Гинденбург проигнорировал предостережение одного из бывших соратников Гитлера еще по Мюнхену, генерала Эриха фон Людендорфа: «Согласившись с назначением Гитлера рейхсканцлером, вы отдали власть в нашей священной Германии величайшему из демагогов всех времен. Я торжественно предрекаю вам, что эта пагубная личность приведет нашу страну к катастрофе и принесет нашему народу неисчислимые страдания. За это потомки проклянут вас и память о вас»[375].

Первого февраля 1933 года Гинденбург после консультаций с Гитлером и фон Папеном распустил рейхстаг и назначил новые выборы.

Гитлеру удалось захватить половину власти в стране. Теперь он собирался захватить остальную часть.

В Норвегии, как и в остальной Европе, усилилась поляризация в обществе. Левые газеты кричали о надвигающемся фашизме, который победоносно шествовал по Европе: Италия, Турция, Польша, Австрия, Португалия и теперь Германия.

Консервативная пресса приветствовала приход Гитлера как сильного политика, который сможет покончить с болтливым демократическим хаосом и отмести большевистскую угрозу. Почти каждый день сообщалось о новых важных событиях в Германии.

Четвертого февраля новый рейхсканцлер опубликовал постановление, которое давало правительству право запрещать деятельность неугодных партий. 27 февраля загорелось здание рейхстага. Нацисты тут же обвинили в поджоге большевиков и заявили, что они провоцируют революцию. Той же ночью нацистами были арестованы тысячи политических противников. На следующий день Гитлер издал новое распоряжение, в соответствии с которым остатки гражданских свобод были окончательно уничтожены. Кто угодно без суда и следствия мог быть арестован, заключен в тюрьму на неопределенно долгое время.

В течение четырех недель новый рейхсканцлер сумел уничтожить Германию как правовое государство. Все партии, кроме нацистской, были запрещены. Теперь на всех общественных зданиях развевался флаг с изображением свастики.

21 марта открылось заседание нового рейхстага. В течение следующих нескольких дней родился Третий рейх, который отныне и должен был ассоциироваться с понятием Германии как в сознании собственного народа, так и за рубежом. Газеты наперебой помещали на своих страницах репортажи о впечатляющих, насыщенных нацистской символикой церемониалах. Весь мир обошла фотография: Гинденбург и Гитлер обмениваются рукопожатием на ступеньках гарнизонной церкви в Потсдаме. Старое примирилось с новым.

24 марта Гамсун имел возможность прочитать сенсационные новости. Накануне состоялось очередное заседание рейхстага. Адольф Гитлер взошел на трибуну и в произнесенной речи обратился с требованием новых полномочий, законов, которые фактически передадут всю власть от рейхстага к правительству, то есть рейхсканцлеру. Гитлер предусмотрительно обеспечил себе перевес голосов, и две трети членов рейхстага поддержали его. Он не скрывал своих революционных задач: «Мы не имеем никаких целей. В нас нет никакой буржуазной осмотрительности! Они считают меня необразованным, варваром. Да! И для меня это почетный титул. Это мы обновим мир. Старый мир обречен»[376].

Кнут Гамсун всей душой стремился принять участие в событиях, происходящих в Германии. Совсем недавно он с

похвалой отозвался о другой сильной личности в Европе, о человеке, который тоже обеспечил себе диктаторскую власть: «Не могу не выразить свое глубочайшее уважение и огромное восхищение Муссолини. Хвала Всевышнему, что Он послал нам такого человека в наше безумное, сбившееся с пути время»[377].

Гамсун не стал приверженцем демократии. Поэту был нужен диктатор{91}. Он сам все больше тяготел к диктату. Натура мечтателя подавлялась натурой завоевателя.

В самом его имени тоже должна быть сосредоточена определенная энергия и сила. Поэтому он не хотел, чтобы его брат и племянник носили ту же фамилию, разделяли с ним его уникальное имя. Проиграв дело в городском суде, он обратился в Верховный суд. Когда ему намекнули, что он проиграет дело, для того чтобы этого избежать, он с помощью денег заставил родственников отказаться от фамилии Гамсун.

Теперь он решил затеять новый процесс, на этот раз с семьей, более ста лет до Гамсуна владевшей усадьбой Нёрхольм, с целью лишить их права носить фамилию, соответствующую названию усадьбы. Поразительно, но это дело Гамсун выиграл. Шестьдесят лет спустя, также решением суда, потомки прежних владельцев Нёрхольма вновь обрели право носить эту фамилию[378].

Скрытый романтик

10 июня 1933 года Кнут Гамсун послал своему издателю Григу первую часть рукописи нового романа. Сопроводительное письмо к рукописи свидетельствовало, что он, как всегда, полон тревоги и мрачных мыслей: «Никаких черновиков и копий у меня нет, так что я боюсь, как бы плоды моего труда, мои золотые зернышки, не пропали из-за пожара или кражи»[379]. Ко дню 74-летия у него появилась новая стопка исписанных листков. 18 августа очень довольный Григ получил остальную часть рукописи, в приложенной к ней записке писатель так оценил свое произведение: «что-то в нем хорошо, а что-то скверно, как во всех моих книгах»[380].

Пятого октября вышел в свет первый тираж романа «А жизнь продолжается» — 15 000 экземпляров. И вновь рецензенты выражают восхищение волшебным даром писателя увлекать читателей, заставляя их с замиранием сердца следить за судьбой его героев. Рецензенты не останавливались на пересказе содержания. Но все же несколько слов на эту тему было сказано.

Эдварт и Ловисе-Маргерете уехали. Писатель перенес действие в места, описанные в «Детях века», «Местечке Сегельфосс», и тем не менее прежних обитателей Поллена среди его персонажей нет. Часть повествования посвящена Августу, который сошел здесь на берег и остался навсегда, став для всех посмешищем — «лысой образиной».

При этом Август — человек прогресса, и его колоссальная жажда деятельности теперь находит практический выход. Его смышленая голова и умелые руки делают его незаменимым человеком для консула Тидемана.

Давно уже Гамсун не сочинял ничего такого, где было бы так мало общественной критики и, собственно говоря, значимых событий. Действие происходит в Сегельфоссе и в рыбацких деревушках вокруг города. В романе перед нами предстает целая галерея разнообразнейших персонажей. Это вдова Теодора, которую называют Старой Хозяйкой. Ее любовник — цыган Отто Александер, он же отец Гордона Тидемана. Почтмейстер и доктор со своими неудовлетворенными женами. Жизнерадостный холостяк аптекарь. Хозяин гостиницы — мужчина, у которого много женских черт. Рабочие, которыми руководит Август при строительстве дороги. Лопарка Осе с ее опасным колдовством. Несколько молодых людей, среди них — крестьянин Карел из Рутена, очаровательная девушка Корнелия, в которую влюблен Август.

Главные мотивы произведения — старость и эротика, тесно связанные между собой. Само название книги выражает двойственный характер мировоззрения Гамсуна. Его пессимистическая сторона состоит в том, что человеческая жизнь не так уж и значима, а ее оптимистическая часть сводится к тому, что вплоть до самой смерти жизненные ресурсы и надежды человека нельзя считать исчерпанными. Жизнь продолжается, несмотря ни на что. Счастливые мгновения не знают возрастных границ. Когда книга была опубликована, самому Гамсуну исполнилось семьдесят четыре. Прежде в своих книгах и статьях он показывал, насколько ужасно быть старым, как отвратительно ведут себя старики за обеденным столом или лежа в постели. Здесь же на протяжении всего повествования активно действует старик, главный герой романа — бродяга и авантюрист Август.

Как и его многочисленные предшественники, странники и скитальцы, Август также безнадежно влюблен и ввязывается в разные безнадежные любовные авантюры. Август совершает те же безумства, что и герои «Голода», что и Нагель и Глан. Но есть

существенное различие: в его отношении к женщине нет присущего им садизма.

В который раз Гамсун дает нам представление о том, как подло бывает связана эротика с экономической силой и физическим бессилием. Описание смехотворной влюбленности старика носит почти онанистический характер. Подобно Маку в «Пане», «Бенони» и «Розе» его герой пытается овладевать женщинами, покупая их. Но при этом он лишен его воли и возможности проявления власти. Август — это мечтатель, а не повелитель. Вот как говорит о нем Гамсун: «Август не питал никаких иллюзий, его время миновало, уже с полвека как миновало, он мог потратить на Корнелию свою старость, не имея при этом никаких намерений, не преследуя никакой цели. Но в груди его шевелилось нелепое чувство» [7: 101]. Быть может, эти слова во многом можно было бы отнести и к самому Гамсуну, быть может, именно таким и стал он после операции?

В этом романе, пожалуй, только Старая Хозяйка и отвечает всем требованиям идеальной жены: она излучает любовь, нежность, заботу и желание. Именно такой и описывал доктор Стрёмме здоровую женщину в своей книге «Невроз».

Что касается хозяйки Нёрхольма, то она лишилась теперь и своего последнего ребенка — Сесилии, теперь и самая младшая дочка должна была ехать учиться в Германию. В течение последних лет дети один за другим покидали Нёрхольм. Пять лет назад отец семейства настоял на том, чтобы Туре учился в школе в Вальдресе. Мария проиграла свое самое важное сражение и по настоянию мужа отправилась в Данию, консультироваться у доктора по нервным болезням. После этого она поехала в Германию, для того чтобы какое-то время побыть вместе со своими девочками. Мария в который раз мысленно подводила итоги своего супружества, и опять выходило, что Гамсун был в большом долгу перед ней и детьми. А когда же он захочет вернуть свой долг?

Когда Мария приехала обратно, то оказалось, что супруг принял решение уехать, чтобы вернуть домой сына Арилда и дочь Эллинор. Последняя жила в Каннах. Оба, несмотря на предостережения отца, тратили чересчур много денег.

Младшая дочь Сесилия тоже доставляла отцу беспокойство. Она критиковала новую Германию! В своих письмах подружкам и горничным в Нёрхольме она писала о том, как ужасно ведут себя нацисты и что она сама наблюдала это. А это ее отцу было совсем не интересно: «Сесилия, ты находишься в великой стране, поверь

мне, это великая и благословенная страна. Не пиши девушкам из усадьбы, что в Германии кто-то то и дело кончает жизнь самоубийством и что все там так ужасно. Лучше расскажи им о том, как Гитлер и его правительство пытаются улучшить положение вещей, причем в атмосфере всеобщей ненависти и враждебности. Ты, я и все остальные должны благодарить и благословлять Германию, это страна будущего»[381]. Шестнадцатилетняя Сесилия, естественно, не могла не возмущаться проявлениями нацистского террора по отношению к инакомыслящим, евреям и другим группам населения. А отец дал ей фактически строгую установку закрывать глаза на жестокость и несправедливость. Она должна была создавать для себя только положительный образ Германии. Мать объясняла ей то же самое.

Никогда еще у супругов в Нёрхольме не было такого важного связующего их звена, как новая Германия и происходящие в ней события. Теперь они узнали, что такое стоять вместе плечом к плечу, у них была тема, которую они могли бесконечно обсуждать вместе, не боясь, что между ними может вспыхнуть ссора. Чтобы быть в курсе событий, он постоянно читал газеты, журналы, книги. А она часто посещала Германию.

«Вы пресмыкаетесь перед правительством нацистов,

перед этим воплощением абсолютной власти и грубой силы»

Летом 1934 года Адольф Гитлер казнил 76 видных членов своей партии, которые пытались организовать заговор. Фюрер лично принимал участие в некоторых арестах, имевших место в Мюнхене. Одним из казненных был прежний канцлер Германии генерал Курт фон Шлейхер. По этому поводу перед поездкой Туре в Мюнхен Гамсун произнес с возмущением: «Генералов не принято расстреливать!»[382]

Через несколько дней после этой массовой расправы Гитлер просветил свой народ, а заодно и весь мир относительно того, как именно осуществляется правосудие в Третьем рейхе: «Я приказал расстрелять тех, на ком лежит основная вина за это предательство! Нация может быть уверена, что всякие попытки подорвать основы ее существования, гарантированного нашим внутренним порядком, не останутся безнаказанными. И пусть всякий, осмелившийся поднять руку на государство, знает, что его ждет неминуемая смерть»[383].

Военизированные отряды СС, которые ранее несли чисто

охранные функции, стали стражами национал-социалистических идей. Гитлер снабдил эту организацию, которую возглавил Генрих Гиммлер, всеми необходимыми возможностями и средствами, для того чтобы реализовать свой замысел создания эсэсовского государства. Теперь уже речь шла не об уличных драках, мускулах и физической силе. Нет, современный революционер становился теперь администратором, который управлял каждым гражданином, где бы тот ни находился, в государственном учреждении, в собственном офисе, на предприятии, в спортивной или другой организации, связанной с проведением досуга. Всякий обязан был быть лояльным государству, беспрекословно подчиняться, выполнять задания и не задавать вопросов.

Гамсун выступил в печати, а именно в «Афтенпостен», в защиту основанного на терроре режима, на создание которого Адольфу Гитлеру потребовалось чуть более года. Поводом для этого послужила вызвавшая негодование Гамсуна статья профессора, специалиста по европейским литературам, Юхана Фредрика Поше. Поше настоятельно советовал тем, кто симпатизировал Квислингу и вообще национал-социализму, пристально вглядеться в происходящее в Германии и извлечь из этого урок. Диктатура уничтожила свободу личности, предостерегал профессор. Уже около сотни тысяч немецких граждан, несогласных с идеологией нацизма, заключены в концлагеря. Дело дошло до того, что детей призывают предавать своих родителей, нацизм проникает и в частную жизнь.

Гамсун возражал Поше, что перечисленные явления — та цена, которую необходимо заплатить за построение нового общества. Неужели и сам профессор, и те другие, кто критикует нацистов, не понимают, что «речь идет о том, чтобы поднять из пропасти страну, население которой составляет 66 миллионов человек. Германия борется за это уже 15 месяцев, пытается подняться с колен, падает и снова поднимается, и все это происходит в обстановке экономической, политической и моральной враждебности…» Что же касается предчувствий господина Поше относительно возможности того, что дело идет к страшной кровавой драме в Германии, то Гамсун саркастически восклицал: «Ну уж нет! Долой старую Германию, эту республику с коммунистами, евреями и господином Брюнингом{92} у власти в этой нордической стране!»[384]

Эта статья Гамсуна свидетельствовала о том, что уже летом 1934 года, гораздо раньше других, Гамсун осознал, какой потенциал, огромная сила заключена в сжатой пружине —

нацистской Германии. И вот теперь он заявил о своей вере в нацистскую Германию публично. И чем больше в последующие годы его будут за это критиковать, тем с большей убежденностью он будет считать это своим общественным долгом.

После посещения Германии Мария также опубликовала в норвежской газете весьма положительный отклик об этой поездке. Супружеская чета Гамсунов поддерживала весьма теплые, сердечные отношения с недавно образованным пронацистским Обществом дружбы Норвегии и Германии. Произнося речь в поддержку общества, Гамсун рассказал, что все его дети учатся в Германии, так как он считает, что норвежскому народу есть чему поучиться у этой выдающейся нации. Такую возможность следует предоставить большому числу представителей норвежской молодежи[385].

При этом постоянно возникали все новые и новые свидетельства того, что эта любовь между Гамсуном и Германией взаимна. Новые нацистские власти во Франкфурте решили наградить Гамсуна почетной премией Гёте. Он отказался взять премию в ее денежном выражении, так как теперь Германии самой нужна была каждая марка.

В тот же день благодаря этому письму он внес свой материальный вклад в жизнь многострадальной Германии, где царили бедность и безработица, вновь продемонстрировав полное отсутствие малейшего сочувствия по отношению к представителям оппозиционных сил, томившихся в заключении.

Международная организация «Отказники от войны» связалась с Гамсуном и другими известными писателями, для того чтобы заручиться их поддержкой и попытаться оказать давление на нацистский режим, чтобы заставить его следовать элементарным правовым нормам и выпустить на свободу политических заключенных. Лица, подписавшие данную петицию и пославшие ее на подпись Гамсуну, получили в ответ недвусмысленную отповедь, в которой было заключено его политическое кредо: «Если немецкое правительство учреждает концентрационные лагеря, стало быть, на то есть веская причина». Гамсун получил ответ: «Уважаемый господин Кнут Гамсун, мы поражены, что Вы пресмыкаетесь перед правительством нацистов, перед этим воплощением абсолютной власти и грубой силы»[386].

Такая реакция на слова Гамсуна выражала разочарование многих направленностью его политических воззрений. Ведь Гамсун был не только всемирно известным, прославленным писателем, он был своего рода наставником, идеалом для

молодых художников. Благодаря написанным ранее статьям и общественно значимой критике, прозвучавшей в его романах, он воплощал в себе национальные чаяния о духовном лидере, которым мог бы стать только подлинно выдающийся писатель.

А теперь все больше людей становилось свидетелями того, как разваливался тот фундамент, на который могла опереться их надежда. Гамсун же неизменно утверждал, что все жестокие действия диктаторского режима могут быть оправданы его благой целью. Великие преобразования, связанные с изменением жизни всего народа, конечно же, требуют больших жертв. «Кто имеет право критиковать гитлеровскую Германию? Концентрационные лагеря — это изобретение англичан, они появились еще во время войны в Южной Африке и стоят в одном ряду с теми чудовищными средствами, которые те использовали, когда их империя пыталась навязать миру свое военное, политическое и экономическое господство. И как можно в таком случае критиковать новую Германию, которая, быть может, слишком жестко обошлась с теми, кто саботировал процесс преобразований? Всем известно, в каких железных тисках держат свой народ лидеры Советского Союза. Та или иная форма фашизма придет и в Норвегию. Только совсем слепые не могут видеть разницы между теперешним временем и его политиками и тем, что было до войны», — еще полгода назад писал Гамсун в газетной статье[387].

Летом 1934 года Гамсун серьезно задумывался над тем, как добиться аудиенции у единственного в Европе короля, пришедшего к власти в результате выборов, — Хокона VII[388]. Мотив, безусловно, был политический. В качестве духовного лидера норвежской нации Гамсун намеревался прямо изложить его величеству те аргументы, в соответствии с которыми Норвегии крайне необходимо укреплять связи с Третьим рейхом. Запальчивость, с которой он озвучивал свое политическое кредо во время Первой мировой войны, никоим образом не ослабела. Только сильная Германия была бы способна в дальнейшем спасти Норвегию от новых поползновений Британской империи. Нейтральная Норвегия не должна вновь отворачиваться от Германии, иначе она не успеет и оглянуться, как угодит прямо в кровожадные лапы англичан.

Аудиенция так и не состоялась. Вместо этого Гамсун стал искать новые возможности для публичного выражения своего мнения о гитлеровской Германии.

Отец и сын в объятиях Геббельса

Высказывания Гамсуна вскоре были подхвачены в Берлине министром пропаганды Йозефом Геббельсом. К этому времени нацисты уже целиком подчинили себе всю немецкую прессу, радио, театр, книгоиздание, музыкальную жизнь, киноиндустрию и университеты. Все творческие личности, ученые и интеллектуалы находились под контролем Государственной культурной палаты, специального ведомства, занимающегося вопросами культуры. Те, кто не соответствовал ее требованиям, попадали в тюрьму, подвергались запрету на профессию или оттеснялись из профессиональной сферы деятельности. Несколько тысяч творческих личностей были вынуждены бежать из страны. Вскоре их лишили немецкого гражданства, как, например, братьев Генриха и Томаса Маннов, а также Альберта Эйнштейна.

Но подавляющее большинство художников более или менее активно служили Третьему рейху. И не только от страха и склонности к соглашательству. Нацистский антиинтеллектуализм импонировал многим.

Так, например, поэт Готфрид Бенн{93} следующим образом разъяснил свою позицию коллеге, покинувшему Германию, сыну Томаса Манна, Клаусу: «Так как я вырос в деревне, рядом с домашней скотиной, я прекрасно осознаю, что такое подлинный домашний очаг. Все современные явления: большие города, промышленность, интеллектуализм, — все эти черные тени, проникшие в мое сознание, — в своих книгах я всегда восставал против этих пагубных сил, и вот сейчас наступил момент, когда вся эта мучительная жизнь уходит, уступая дорогу исконному и естественному, как земля, смена времен года, простые слова…»[389]

И Гамсун в течение многих лет в своих статьях и книгах выражал абсолютно те же идеи. Он получил Нобелевскую премию за роман «Плоды земли», роман-протест против духа времени с его культом разума. Гамсун стал пророком для тех, кто решил порвать с современной цивилизацией и стремился вернуться к первоначальным основам человеческой жизни — занятию земледелием. То, что его творчество так полюбилось немцам, связано с тем, что оно в огромной степени продолжало традицию немецкого неоромантизма. Весь современный так называемый прогресс, в сущности, ведет к деградации человеческой души, нарушению естественного хода вещей. Уже несколько поколений немецких писателей предостерегали против подобного направления развития. Но мало кому удалось изобразить это с такой пронзительной художественной силой, как Гамсуну.

Пророк из северной европейской страны, почти еще не тронутой цивилизацией, глубоко проник в душу братского народа. Норвежский Рихард Вагнер, который, как никто другой, пробуждал в сердцах немцев протест против современной жизни и одновременно тоску по земле и жизни в неразрывной связи с природой. Мечту о золотом веке, о рае.

Оба этих великих человека оказались как нельзя кстати для нацистского руководства, для подтверждения правомерности целей и задач, которые оно ставило перед собой. Композитор умер и не мог высказаться, нравится ли ему происходящее в Германии. В то время как перо Гамсуна сознательно с самого первого мгновенья служило диктатору. Адольф Гитлер, Йозеф Геббельс, Альфред Розенберг и другие видные идеологи Третьего рейха виртуозно играли на чувстве страха перед будущим и ностальгии по прошлому. Они обещали согражданам излечить общество. Кроме всего прочего, они стремились дать обществу сознание собственной значимости: теперь каждый немец, работая или отдыхая, всегда будет служить народу, партии и государству, которые отныне становились единым организмом.

Когда в начале лета 1934 года Туре направился в Мюнхен для изучения изобразительного искусства, нацисты, естественно, сразу же решили установить со старшим сыном Гамсуна контакт. Уже через несколько недель после своего приезда в Германию Туре Гамсун решил вступить в СС.

Его отец в это время брал все новые и новые рубежи в преодолении принципов морали и международного права ради защиты экспансии, осуществляемой гитлеровской Германией. Согласно Версальскому мирному договору Саарский угольный бассейн был отделен от Германии и передан под международную юрисдикцию. В январе 1935 года референдум показал единодушное желание населения воссоединиться с Германией. Гитлер использовал этот референдум, чтобы продемонстрировать, как несправедливо поступили с Германией. Саарский угольный бассейн явился первым пробным шаром, который Гитлер бросил странам-победительницам. Альянс, который оформился как единство этих стран, не сумел выработать общую позицию, чтобы заставить Германию полностью выполнять условия Версальского договора.

В марте 1935 года Гитлер заявил о намерении Германии возродить свой воздушный флот — это шло вразрез с Версальским договором. Через неделю был обнародован указ о возобновлении всеобщей воинской повинности. Через день на улицах Берлина был устроен большой военный парад, который должен был продемонстрировать всему миру потенциальную

мощь Германии. Ходили слухи о тайном воссоздании военно-морского флота Германии.

В апреле Лига Наций собралась на заседание в связи с тем, что Германия нарушала условия Версальского договора. Резолюция, принятая в связи с этим, оказалась абсолютно бесполезной. Уже в июне между Германией и Великобританией было заключено соглашение, которое позволяло Третьему рейху построить довольно значительный морской флот. «Это самый счастливый день в моей жизни», — заявил Гитлер. А в это время в связи с этим самоубийственным решением английского правительства Уинстон Черчилль трясся от ярости.

В Норвегии Кнут Гамсун торжествовал. На следующий же день после референдума о передаче Саарского угольного бассейна Германии он поздравил одного знакомого немца: «Примите поздравления и самые добрые пожелания в связи с Сааром».

В печатном органе Общества дружбы с Германией «Скандинавский союз» он предостерегал всех, кто осмелится остановить немецкую экспансию: «Теперь, когда исконно немецкая земля Саар вновь вернулась в родные пределы, у кого-то это может вызвать раздражение, но еще большее раздражение возникнет, если Франция, с одобрения Англии, будет пытаться вновь заковать Германию в кандалы унижения»[390].

Страны-победительницы, которые пытались установить послевоенный порядок в Европе и заложить новые принципы международных отношений, как оказалось, были не в состоянии эти принципы отстоять. Рубикон был перейден. Они мечтали о вечном мире, а он продлился всего лишь пятнадцать лет. В Германии началась гонка вооружений.

С лета 1935 года Гамсун становится безоговорочным апологетом «Новой Германии», он не хочет мыслить критически. Он уже не способен воспринимать какие бы то ни было аргументы, которые могли бы поколебать те его идеи, на основании которых он соорудил свою великую политическую веру.

Для него соперничество между Англией и Германией непосредственно вытекало из законов природы, в соответствии с этими законами у Германии есть право завоевывать новые земли. Всякий добрый норвежец может считать себя германцем, их роднят древние узы крови, а также культурные и торговые связи. Таким образом, всякий норвежец, любящий свою родину, должен повернуться к Германии, для того чтобы найти защиту от Англии.

Таков был ход рассуждений Гамсуна.

Вот те причины, по которым норвежцы должны были быть на стороне Германии! А теперь появилась еще одна: Адольф Гитлер.

Гамсун в большей степени, нежели многие другие, инстинктивно ощущал натуру Гитлера как завоевателя, его гигантские возможности. Для него Гитлер не только фюрер Германии, он вождь всей Европы, великий реформатор. Борец за человечество[391].

В ноябре 1935 года Гамсун написал статью, в которой разразился острой критикой в адрес немецкого пацифиста Карла фон Осецкого — впоследствии его высказывания цитировала вся мировая пресса. Гамсун пытался не допустить присуждения Осецкому Нобелевской премии мира. Осецкому было 46 лет, он ровесник Гитлера. Их судьбы были удивительным образом связаны между собой. Оба вернулись с войны в звании ефрейтора, оба лишились иллюзий. Оба хотели создать новую Германию. Только один из них занимался активной борьбой за мир, и это привело к тому, что в 1931 году он был обвинен в шпионаже и осужден. Осецкий объявил на всю Европу, что Германия в нарушение условий Версальского договора тайно вооружается. В то время как Гитлер еще в «Майн кампф» сформулировал железный принцип — закон войны: «земля — это как переходящий кубок, она всегда достается тому, у кого более сильная рука. Так было в течение тысячелетий»[392].

Когда партия Гитлера получила в рейхстаге большинство голосов и вся власть в Германии оказалась в руках у нацистов, Осецкий писал: «Национал-социалистическая партия для 15 миллионов немцев стала именно той партией, о которой они всегда мечтали. Немецкая буржуазия за сто лет не проявила той доли откровенности, которую она проявила в течение нескольких лет со дня образования партии. Теперь уже в ее облике нет никакого налета интеллектуальности, духовных амбиций, того академического фасада, который можно было наблюдать еще несколько десятилетий тому назад. Экономический кризис выявил в полной мере всю ее внутреннюю вульгарность, ее враждебность культуре, дикую жажду власти, все те качества, которые ранее внешне не проявлялись или были оттеснены в сферу частной жизни. До сих пор только однажды обнажилась подлинная суть немецкой буржуазии, ее жажда крови, ее полная неспособность решать вопросы политическими методами. Это было, когда началась война»[393].

Естественно, что Осецкий одним из первых был арестован нацистами и заключен в концлагерь. В это время для многих

людей в разных странах он стал символом сопротивления нацистскому режиму. Выдающийся ученый Альберт Эйнштейн, нобелевский лауреат в области литературы Томас Манн и выдающийся теолог Карл Барт боролись за присуждение Осецкому Нобелевской премии мира.

Когда представители международной комиссии получили возможность посетить один из концлагерей, то они выбрали тот, где находился Осецкий. Под строгим контролем охраны его спросили, не нуждается ли он в чем-либо, нет ли у него какой-то просьбы. Осецкий ответил: «Пришлите мне книги о методах наказания узников в Средние века». Тем самым он дал понять всему миру, какие методы применяет к заключенным Третий рейх.

Пятеро норвежцев, которые должны были выбрать наиболее достойного кандидата на Нобелевскую премию мира, объявили о своем решении только перед Рождеством 1935 года. Дело в том, что они долго не могли прийти к единому мнению в связи с тем, что личность Осецкого оказалась слишком спорной для Нобелевского комитета, который традиционно привык осторожно маневрировать в международном фарватере.

Кнут Гамсун приложил все усилия, чтобы дискредитировать Осецкого как кандидата на Нобелевскую премию: «Не понимаю, что позитивного можно увидеть в действиях господина Осецкого в этот переходный для его страны период, когда весь мир точит зубы на лидеров того великого народа, к которому он принадлежит? Чего он добивается, этот миролюбец, выступая против перевооружения немецкой армии? Неужели этот немец стремится к тому, чтобы его страна была поверженной и униженной и могла рассчитывать лишь на милость Англии и Франции?»[394]

Гнев Гамсуна был связан с тем, что Осецкий и его соратники разрушали его великую иллюзию, созданную им в воображении картину мира, где Норвегия и Германия все больше и больше сближаются. Осецкого и его сторонников он считал пешками в шахматной игре, затеянной Москвой. А от этой игры могла зависеть судьба Норвегии.

Реакция на это выступление была бурной. Тридцать три норвежских писателя опубликовали официальное заявление, в котором публично выразили сожаление, что их коллега использовал свое литературное влияние для того, чтобы растоптать беззащитного узника, который страдает только за то, что осмелился высказать мнение, идущее вразрез с официальным,

и готов ради этого пожертвовать собственной жизнью. Возмущение по поводу неблаговидного поведения Гамсуна выразили через прессу деятели культуры многих стран, в том числе и Генрих Манн. Другой немецкий писатель, Эрих Куттнер, находящийся в изгнании, прислал Гамсуну письмо, в котором заявил, что «цинизм Гамсуна обнаруживает слабость его характера»[395].

При этом консервативные круги как внутри Норвегии, так и за ее пределами поддержали Гамсуна.

У врат Царства

Первого августа 1936 года Адольф Гитлер открыл в Берлине одиннадцатые летние Олимпийские игры. «Я обращаюсь к молодежи всего мира», — выкрикивал Адольф Гитлер, пытаясь представить себя этаким символом любви и мира, который протягивает другим народам оливковую ветвь. Под неусыпным оком министра пропаганды Йозефа Геббельса во время Олимпиады Германия хотела продемонстрировать всему миру, что все утверждения о царящем в Третьем рейхе терроре, нарушениях прав граждан, а также целенаправленном преследовании евреев являются чистой воды вымыслом, распространяемым врагами Третьего рейха.

Когда гигантское олимпийское шоу было позади, Гитлер тут же объявил населению об увеличении срока всеобщей воинской повинности до двух лет. На восьмом съезде нацистской партии, состоявшемся через две недели после закрытия Игр, серьезно обсуждался вопрос о вооружении, хотя это широко не афишировалось. Брошенный Германом Герингом лозунг «Пушки вместо масла» отныне станет жестко навязанным всему немецкому народу девизом жизни.

Одновременно с этими событиями Гамсун получил письмо от мюнхенского издательства «Ланген-Мюллер», в котором говорилось, что его роман «Бродяги» издан тиражом в 73 000 экземпляров.

Поздней осенью вышел в свет новый роман 74-летнего Гамсуна, роман с символическим названием «Круг замкнулся».

В течение трех лет, когда Гамсун писал эту книгу, он, как никто другой, в своей публицистике старался следовать призыву к творческим личностям Йозефа Геббельса, который в 1933 году сказал: «У художника есть право объявлять себя вне политики, когда содержание политики сводится к громкой грызне между

несколькими парламентскими партиями. Но в то самое время, когда политика становится народной драмой, когда решается судьба народа, когда мир катится в пропасть, когда старые ценности уходят в прошлое и формируются новые ценности, в такое время художник не может сказать: это меня не касается. Нет, это его очень даже касается»[396].

Не только в Норвегии, но и во всем мире многие видели, как Гамсун рьяно защищает гитлеровскую Германию. Все задавались вопросом: неужели и творчество Гамсуна пропитано тем колдовским зельем, от которого теперь опьянел Гамсун-политик?

Выдающийся датский критик, писатель и знаток творчества Гамсуна Йорген Букдал следующим образом ответил на этот вопрос в разделе «Хроника» датской газеты «Политикен»: «Гамсун является поклонником нацизма с его идеей земли и крови, культом потомства, всей этой кондовой культурой родного очага. И Германия отвечает ему любовью, восхищаясь им как родным, светловолосым германцем, ярким представителем своей расы. Именно так рассуждают некоторые, увлеченные расовыми теориями. А ведь атмосфера его произведений, тот дух, которым они проникнуты, совершенно противоположен духу нацизма. В них есть революционный индивидуализм и анархизм, но в них есть также и протест против всеобщего соглашательства и принуждения, которые составляют основу коммунизма или нацизма»[397]. Тот Гамсун, который поддерживает Гитлера и нацистов не имеет ничего общего с тем Гамсуном, который написал «Круг замкнулся». По мнению Букдала, эти два Гамсуна находятся в глубоком конфликте друг с другом.

Налицо полное оправдание. Многие рецензенты в Норвегии и других странах придерживались примерно того же мнения. Единственным, кто однозначно заклеймил Гамсуна, был антропософ Альф Ларсен: «Кнут Гамсун мог бы создавать произведения, которые побуждали бы нас смотреть ввысь, делали бы наше сознание более возвышенным, но он заставляет нас смотреть вниз, изображая смехотворное, ничтожное, извращенное. Человек у него стал животным. И он прав. Человек действительно почти превратился в животное, но не потому, что люди таковы по своей природе, а потому что наши властители дум, такие как господин Кнут Гамсун, увидели людей такими и научили их так смотреть на себя»[398].

И вот Гамсун снова возвращает читателей в тот самый маленький городок на юге, который изобразил в «Женщинах у колодца» тридцать лет назад. Его герой Абель — сын скаредного смотрителя маяка и пьющей матери. Уже с детских лет он

влюблен в дочь аптекаря Ольгу. Она подбивает его украсть из церкви надетый кем-то из прихожан на статую Христа браслет, он делает то, что просит Ольга, но та отвергает юношу. Он уходит в море, а когда возвращается, узнает, что она помолвлена. В следующий раз, сойдя на берег, он узнает, что она замужем. И вот теперь, в зрелом возрасте, наконец-то он добивается ее, после того как посвятил в свою тайну: он убийца!

Будучи в Америке, Абель застрелил свою возлюбленную, Анжелу, но обставил дело так, что виновным был признан его друг, с которым она ему изменяла. Абель пытался завоевать Ольгу с помощью воровства, а когда он потерял Анжелу, дело закончилось убийством. Нагель в «Мистериях» убил себя, Август в романе «А жизнь продолжается» лишь хвастался, что совершил убийство, но только Абель отнял жизнь у другого человека.

Мысль о содеянном Абелем возбуждает Ольгу, и наконец она соглашается принадлежать ему. В финале повествования Абель уезжает в Америку, для того чтобы отдаться в руки правосудия, искупить свою вину. Между делом Абель встречается еще и с Лили, которая замужем за Акселем, пьяницей и забиякой, истинным представителем рабочего класса. Местный адвокат женится на Ольге, а потом разводится с ней, после чего женится на Лолле, которая встречалась с отцом Абеля, когда тот овдовел.

Она играет Абелем, порой отталкивая его, но никто не интересует ее так, как Абель. При этом сам Абель безынициативен до болезненности.

Абель не надеется, как персонажи предыдущих произведений Гамсуна, на какой-то счастливый поворот судьбы. Он стремится лишь поддержать свое существование, удовлетворяя минимум жизненных потребностей. Он живет в сарае, питается отбросами и одевается в обноски. В своем дебютном романе «Голод» Гамсун описывает человека, который как бы изучает на себе самом воздействие голода и нужды. В романе «Круг замкнулся» Абель отринул все свои потребности. Он намеренно довольствуется малым, все возможности жить другой жизнью утрачены им: он мог сдать экзамен на звание капитана, но не приложил к этому усилий — упущено наследство, у него нет работы, нет постоянных любовных отношений… Абель — это своего рода неоромантическая фигура, отнюдь не человек действия, типаж, который любой нацист мог бы только проклинать.

Как в «Бродягах» и «Августе», Гамсун указывает на подобные причины паралича воли. Человек оторвался от корней, его любовные мечты были разрушены. В сексуальном смысле Абель состоятелен, но его можно назвать «экзистенциальным импотентом». Он не хочет прилагать усилий, чтобы

удовлетворить свои жизненные потребности, поэтому он отказывается от них и пренебрегает потребностями других людей.

В романе процветающей изображена только одна женщина, которая вполне соответствует своему жизненному предназначению. В «Круг замкнулся» Гамсун представляет нам новый блистательный тип женщины, которую буквально переполняет эротика: «Нежная Лили после многих лет добропорядочного супружества лишь теперь пробудилась для эротических услад. Все, что до этого было терпеливым исполнением обязанностей, — лишь тупой долг и покорность, зато теперь она просто не знает удержу. Она предается любви часто и отнюдь не скрывает, что с ума сходит по этому занятию» [8: 181]. Пребывая в своей «писательской хижине», вдали от собственного семейного очага, Гамсун мог создавать образ женщины своей мечты. «Моя единственная возлюбленная на этой земле» — так он однажды назвал Марию. С годами они все глубже вовлекались в водоворот сложных взаимоотношений. Влюбленный когда-то в Марию Гамсун осознавал, что любовная мечта все больше и больше оборачивается кошмаром. Но как писателя и как политика его ожидали все новые и новые триумфы.

Второго октября 1936 года занавес поднялся на сцене Государственного театра в Берлине. Луиза Ульрих, сыгравшая главную роль в фильме «Виктория», играла Элину. Спектакль долго шел с большим успехом. Берлинцы и жители других городов Германии с восторгом снова и снова вслушивались в слова главного героя пьесы Гамсуна, несгибаемого Ивара Карено, который жаждал прихода войны и прославлял «прирожденного господина, естественного тирана, повелителя, которого не выбирают, но сам он, своей волей, делается предводителем земных орд» [3; VI: 201]. Главный герой Гамсуна проклинает демократию, англичан, пацифистов. Эти слова приобретают почти мистическое звучание, будучи произнесенными в столице Третьего рейха, где все идет к тому, что войска фюрера пойдут завоевывать новые земли.

25 октября 1936 года Германия и Италия заключили между собой военный союз, известный как ось Берлин — Рим. В ноябре Германия подписала соглашение с Японией, антикоминтерновский пакт, направленный против Советского Союза. К нему присоединилась и Италия, и тут впервые Муссолини употребил выражение «державы оси».

Ноябрьским вечером 1936 года берлинцы, как обычно, устремились в Государственный театр, еще не зная, что накануне

их соотечественник получил самую почетную из существующих премий. Немецкие власти еще не обнародовали новость: маленькая Норвегия оскорбила могущественную Германию, присудив премию мира Карлу фон Осецкому.

Нельзя сказать, что произошедшее поразило всех. Нацисты давно опасались, что Осецкий все же получит эту премию. Если бы Осецкий умер, находясь в концентрационном лагере, перед Геббельсом встала бы невыполнимая задача доказать мировому сообществу, что Осецкий не был убит. Если же он получит премию, то это явится еще большим вызовом нацистскому руководству.

Геринг приказал, чтобы узника привезли в штаб-квартиру гестапо на Принц-Альбрехт-штрассе в Берлине. Геринг предложил Осецкому, ослабленному пытками и плохими условиями жизни, сделку. Его выпустят из тюрьмы, и он получит от государства особую пожизненную пенсию размером в 6000 марок. Взамен он должен отказаться от любых контактов с пацифистскими организациями за пределами Третьего рейха, а также заявить Нобелевскому комитету, что он не хотел своего выдвижения на эту премию.

Осецкий отказался…

День 23 ноября 1936 года, когда Осецкому была присуждена Нобелевская премия мира, явился черным днем в трехгодичной истории Третьего рейха. На другой день после этого события руководимое Геббельсом министерство пропаганды выпустило следующее коммюнике: «Присуждение Нобелевской премии мира известному предателю является наглым вызовом и оскорблением для Новой Германии, и на это будет дан четкий и адекватный ответ»[399].

Фюрер тоже подготовил указ, который вскоре был обнародован. Теперь любому немцу было раз и навсегда запрещено получать «какие-то нобелевские премии». Германия учреждает собственную премию за достижения в области литературы и искусства — 100 000 рейхсмарок.

Гамсун был отнюдь не единственным, кто, стоя на пронемецких позициях, осуждал факт присуждения Нобелевской премии мира Осецкому и был озабочен реакцией Германии. 23 ноября

1936 года редакция ведущей норвежской газеты «Афтенпостен» поспешила заверить всех в Германии, что «норвежский народ не имеет никакого отношения к присуждению Нобелевской премии. В данном случае премия была использована

как выпад в сторону Германии. Ведь эта премия по праву принадлежит всей великой немецкой нации. Великая нация отнеслась к этой акции с подобающей ей снисходительной улыбкой».

Генрих Манн, напротив, отнесся к известию о присуждении Нобелевской премии мира как к очень хорошей новости, одной из немногих подобного рода новостей, которые ему довелось слышать в последние годы. Парижская газета «Ле Нувелль» высказала мнение, что «факт присуждения Нобелевской премии Осецкому несомненно займет свое место среди значимых событий XX века»[400].

Новый лауреат Нобелевской премии мира, глава Лиги Наций, аргентинец Карлос Сааведра Ламас{94}, приехал в Осло, для того чтобы получить премию 12 декабря. В то время как Карл фон Осецкий, лауреат премии за предыдущий, 1935 год не смог приехать — власти Германии не выпустили его за границу.

Печальное отражение сложившейся в мире ситуации. Глава мощной международной организации, призванной отстаивать нормы международного права, вместе со своей свитой приезжает получать премию мира, но ее не дают получить своему гражданину нацистские власти Германии, страны, которая вышла из Лиги Наций, нарушает все мирные договоры и соглашения. Лауреат Нобелевской премии заперт в берлинской больнице.

В актовом зале Университета Осло одно из мест многозначительно пустовало. Король Хокон VII, вопреки всем правилам и традициям, не присутствовал на присуждении премии мира. Никаких официальных заявлений в связи с этим сделано не было.

В том же году мир получил новое свидетельство экспансионистских устремлений Германии. В марте 1936 года немецкие войска оккупировали часть долины Рейна, которая находилась под юрисдикцией Франции. Тем самым Гитлер сделал шаг к осуществлению одной из своих важнейших политических целей: захватить пространство на западе, чтобы спокойно повернуться к нему спиной и сосредоточить свои усилия на завоевании земель на востоке, как он уже неоднократно обещал своему народу. В ноябре Гитлер сделал еще один шаг в этом направлении. Германия подписала с Японией договор о военно-политическом сотрудничестве.

30 января 1937 года рейхстаг продлил действие антинародных законов еще на четыре года. Геббельс разрекламировал первые четыре года существования Третьего

рейха как самое большое политическое чудо двадцатого столетия. Со всего мира в Берлин и другие немецкие города устремились различные делегации, которым нацисты демонстрировали свои успехи: строительство дорог, парков, детских садов, спортивных сооружений. Было введено субсидирование строительства жилья, рабочие получали государственные дотации… Все видели заметный спад безработицы в той стране, где еще несколько лет назад было более четырех миллионов безработных.

Что касается Норвегии, то здесь был политик по имени Видкун Квислинг, который был одним из тех (а их число быстро росло), кто смотрел на происходящее в Германии весьма позитивно. Гамсун призвал всех, кто одобряет деятельность Квислинга, поддержать его материально.

Финансовые возможности и литературное влияние самого Гамсуна были на тот момент велики.

Пожалев о продаже авторских прав, Гамсун выкупил их обратно. На счет Гамсуна потекли сотни тысяч марок. В январе 1937 года в Государственном театре в Гёттингене состоялась премьера «Мункена Венда». По немецкому радио звучала радиопьеса «Виктория». В марте в Государственном театре состоялась премьера «Царицы Тамары», скоро пришла и очередь Данцига. В мае Гамсун получил сообщение, что роман «Круг замкнулся» напечатан в Германии тиражом в 40 000 экземпляров. В Люцерне шла «Игра жизни». Летом началась работа над экранизацией «Пана». Тираж «Плодов земли» уже в июне достиг 126 000 экземпляров, «Виктории» — 115 000, а сборника «Пан» вместе с новеллами — 50 000 экземпляров.

Контраст по сравнению с продажами в Великобритании был просто оскорбительным. За три года — 1934,1935 и 1936-й — число приобретенных британцами произведений Гамсуна было таково, что сумма процентных отчислений с продаж составила всего 400 норвежских крон.

А в Германии продолжался рост вооружений. Когда же наконец бросивший перчатку англичанам Адольф Гитлер откроет врата Британской империи?

«И еврея тоже жалко»

Перед Рождеством 1937 года Гамсун решил съездить за границу. Мария должна была остаться дома. Их отношения все более ухудшались. Ему хотелось уехать подальше от Нёрхольма и

Марии.

Во время работы над романом «Круг замкнулся» Гамсуну грезились контуры возможного продолжения. В кармашке одного из чемоданов лежали листочки с его заметками. В финале романа он посылал Абеля в Америку. Пятьдесят лет спустя, после того как Гамсун был там в последний раз, он стал серьезно задумываться о том, чтобы поехать туда и написать новую книгу. Многие приглашали его. Возможность такого путешествия он обсуждал с Туре. Говорил он и о Палестине. Когда Туре его спросил, почему Палестина, то Гамсун ответил: земледелие[401].

Гамсун читал в статьях и книгах о том, как евреи, эмигрировавшие из Европы, Советского Союза и Америки, возделывают землю, которая веками оставалась необработанной. Теперь, когда в Палестину устремились потоки еврейских беженцев, отношения между евреями и палестинцами обострились. Во многих частях Европы ужесточились законы, касающиеся иностранцев, что сделало практически невозможным для евреев и цыган постоянное пребывание где бы то ни было. Естественно, что это тут же ловко было использовано Гитлером, Геббельсом и другими нацистскими лидерами в целях своей пропаганды. Ведь за рубежом критиковали новую Германию за то, что она хочет избавиться от своих евреев. А почему, собственно говоря, Чемберлену и другим главам иных государств не поднять шлагбаумы на своих границах, если уж их так волнует судьба евреев, которые не желают жить в Германии?

Уже 1 апреля 1933 года Гитлер призвал всех «подлинных» немцев бойкотировать еврейские предприятия. Через неделю вышел закон, запрещающий евреям занимать государственные должности. Той же осенью был принят закон, согласно которому евреи не могли быть членами каких бы то ни было профессиональных организаций и объединений. В 1935 году были запрещены браки между евреями и представителями арийской расы. Такая политика обрекала на бегство десятки тысяч евреев. Гитлер разъяснил конечную цель подобных мер: «национальное возрождение <…> посредством формирования нового человека <…>. Те, кто считает, что национал-социализм — это просто политическое движение, ничего о нем не знают. Это больше, чем религия, это воля к созданию нового человека»[402].

Некоторые еврейские беженцы надеялись найти пристанище в Норвегии. Когда один из них в 1933 году обосновался вблизи Нёрхольма, Гамсун обратился за помощью к Григу. Тот вызвал полицию. Так как у еврея не было разрешения, то он был заключен под стражу. Григ сообщил Гамсуну о том, как выполнил

его поручение, и получил ответ. Гамсун писал: «…еврея тоже жалко, наверняка он не в себе, человек без родины, которому негде приклонить голову»[403]. Если бы тот письменно обратился к Гамсуну, то наверняка он помог бы ему деньгами.

В течение жизни у Гамсуна были многочисленные контакты с евреями. С одним из них, очень умным человеком, он встретился в юности в Нурланне. Тот был похож на Папста в «Бродягах». Он знал многих евреев из сферы искусства и в Дании, и в Норвегии. Братья Георг и Эдвард Брандесы были евреями. Так же как и его любимый издатель, до появления Грига, Кристиан Кёниг. В 1926 году Гамсун написал статью, в которой подробно изложил свою точку зрения на евреев. По его мнению, евреи очень талантливый народ. Исключение составляют «некоторые несимпатичные экземпляры, те, кто смешался с местным населением, или карьеристы на ниве литературы, искусства, политики, эти наглые зазнайки, часто с раздутыми представлениями о собственных талантах, которые на поверку оказываются просто хорошо усвоенными навыками»[404].

Если эту тираду вынуть из контекста, то она могла бы стать элементом нацистской пропаганды. Но далее Гамсун продолжал: «…в целом интеллектуальный уровень еврейского народа очень высок. У какого другого народа мы найдем такую прекрасную древнюю поэзию, а их древние пророки, а их пение? Подумайте о том, насколько музыкален этот народ, может быть, самый музыкальный народ, способный воспринимать и чувствовать музыку, как никакой другой народ на земле. Евреям нужна собственная страна». Этот вывод он сделал под влиянием общих царивших тогда умонастроений: «Тогда белая раса избежит смешения крови, в то время как евреи со своими лучшими качествами смогут служить на благо всего человечества». После таких высказываний Гамсун мог позволить себе разразиться бранью в адрес двух ненавистных ему стран и защищать свою любимую Германию: «В наше время две большие, почти самые большие в Европе нации — Англия и Франция пытаются подмять под себя колонии, в которых они не нуждаются, и вряд ли есть надежда, что они согласятся выделить хоть какой-то кусочек нашей планеты, где евреи могли бы построить свое государство. А пока этого не произойдет, евреи будут вынуждены жить и работать в чужом для них обществе, к несчастью для обеих сторон».

Через два года он поверг в шок всех, кого занимал еврейский вопрос, тем, что связал свое имя со шведской антисемитской книгой «Возвращение Крюгера». «Ваша книга просто потрясла

меня», — телеграфировал он писателю Густафу Эрикссону и дал ему разрешение поместить свой отклик на обложке[405].

В начале февраля у Гамсуна появилась возможность непосредственно познакомиться с последствиями антиеврейской политики нацистов. Он прибыл в Германию, где его встретили Туре и Эллинор. Сначала они поехали на квартиру к Эллинор. Вполне непринужденно она поведала отцу, что является членом привилегированного Товарищества немецких художников, которое время от времени посещает Гитлер. Она разговаривала с ним. Отцу не было известно, что именно об этой встрече она рассказала брату. Эллинор, жаждущая стать кинозвездой, сидела за столиком с сигаретой в рту, когда к ней подошел фюрер. Сопровождающие Гитлера тщетно делали ей знаки, давая понять, насколько фанатичным противником курения был фюрер. Но, вероятно, он был в тот момент в невероятно хорошем расположении духа или хотел произвести хорошее впечатление на дочь Кнута Гамсуна. Все стояли, затаив дыхание, в то время как он галантно взял ее за обе руки и сказал: «Конечно же, фрёкен Гамсун может курить свою сигарету»[406].

Но, боже мой, что бы он сказал, если бы узнал, что дочь Гамсуна снимает квартиру у евреев. Во дворе дома, где находилась ее двухкомнатная квартирка, располагались две скамейки. Надписи, сделанные крупными желтыми буквами, предупреждали, что эти две скамейки предназначены исключительно для евреев. «Что за чушь!», — воскликнул Гамсун.

У его сына, художника, которому скоро должно было исполниться двадцать шесть лет, было много друзей среди евреев. Одним из них был издатель Макс Тау. Пределом мечтаний для него было получить разрешение на пребывание в Норвегии. Вместе с Туре они решили, что лучше всего им может помочь в этом Кнут Гамсун. В благодарность Макс помог ему в получении заказов на иллюстрирование книг.

Туре тщательно спланировал встречу отца и Тау. Он повел сестру и отца в ресторан «Траубе» на Курфюрстендамм, представлявший собой тот тип ресторана, который должен был импонировать Гамсуну: большой и светлый зал, белые скатерти, парадно одетые официанты. Это место было выбрано и еще по одной причине: сюда все еще пускали евреев. Вскоре появился и Тау.

Во время обеда произошло одно событие. Неожиданно все гости поднялись со своих мест и зааплодировали, взоры устремились в строну веранды. Там стоял пожилой человек, выбросив руку в нацистском приветствии навстречу тем, кто

выразил восторг при его появлении. Кельнер объяснил им, что это один из героев войны фельдмаршал фон Макензен{95}. Тау напряженно уперся взглядом в стол, представляя себе, какие страдания способны принести такие герои, прежде всего его народу и всем остальным тоже. Туре никогда не рассказывал, как его отец отреагировал на происходящее.

Потом Туре начал подготавливать своего отца. Гамсун получил детальную информацию о том, какие страшные методы использовала гитлеровская Германия в своей стране, начав преследования евреев. Однако нельзя сказать, что Гамсун сразу же изъявил готовность помочь. Конечно же, он сочувствует евреям. Кажется, Тау производит хорошее впечатление. Кроме того, он друг его детей, сына и дочери. Но дело в том, что из-за его имени к нему многие обращаются, и евреи, и не евреи. Если он поможет одному, то на него обрушится целый поток подобных просьб, а помочь всем невозможно.

Во время пребывания Гамсуна в Берлине Гитлер разделался с теми военачальниками, которые скептически относились к его завоевательным планам. За три месяца до этого он начал чистку и кардинальную реорганизацию дипломатического и военного ведомств Германии. В одной из своих речей, длившейся четыре часа, он рассказал о планах завоевания новых земель. Последнее заседание правительства Третьего рейха состоялось 4 февраля 1938 года. Отныне Адольф Гитлер сосредоточил всю полноту власти в своих руках. Диктатор был готов продолжить войну, которая, как он считал, была лишь временно приостановлена из-за предательского договора 1919 года.

11 марта 1938 года немецкая военная машина двинулась через австрийскую границу. За войсками шли части СС. Они устанавливали режим террора против оппозиционных сил и евреев. Таким выдающимся деятелям, евреям по национальности, как Зигмунд Фрейд и Стефан Цвейг удалось бежать. Многие были убиты или арестованы. Люди кончали с собой. Одним из таких был Эгон Фриделль{96}. Шестидесятилетний писатель выпрыгнул из окна своей квартиры на Гентштрассе, 7 в Вене, когда солдаты СС начали штурмом брать его дом.

В своей книге «Культурная история нашего времени» он сравнивал Гамсуна с Гомером. Когда этому писателю стало известно, что его другая книга, «Культурная история прошлых времен», будет опубликована в Норвегии, он обратился к Гамсуну с просьбой посвятить этот труд ему. Гамсун согласился.

Когда немецкие войска входили в Австрию, ни Гамсуна, ни

его сына Туре в Германии уже не было. Они в это время находились в Дубровнике, в Югославии, после того как уже побывали в Бари в Италии. Они отказались от первоначального плана добраться до Средиземного моря через Италию. Вместо этого они остановились в отеле хорватского городка, который, подобно Ницце, был одним из любимых мест отдыха скандинавов.

Слушая радио и читая газеты, отец и сын следили за происходящим в Германии и Австрии, за вторжением Гитлера в Вену. Гамсун был очень доволен. И тут вдруг в одной словенской немецкоязычной газете Туре прочитал о самоубийстве Эгона Фриделля. Он рассказал об этом отцу, и тот воскликнул: «Но ведь ему следовало бы обратиться ко мне»[407].

Вскоре Гамсун стал получать письма, где его просили, от него настоятельно требовали, чтобы он выразил протест против действий Германии. Но он не собирался этого делать — и тогда стали приходить письма, полные негодования и проклятий. В течение весны и лета он стал читать многотомный труд Эгона Фриделля по мере выхода его томов. Ему присылали их прямо из издательства «Аскехауг». Вскоре он решил поделиться своими мыслями о судьбе Фриделля с переводчиком его книг: «И все же я не могу отделаться от мысли, что в самоубийстве Фриделля присутствует и некий личный мотив. Это должно быть расследовано»[408]. В данном случае его всегдашнее стремление к самооправданию оказалось связано с желанием заступиться за гитлеровскую Германию.

В этой ситуации Туре удалось попросить за Макса Тау. И тот получил разрешение выехать в Норвегию.

«Я уже никогда больше ничего не напишу»

Весной 1938 года, находясь в Дубровнике, Гамсун был не в состоянии писать, складывалось впечатление, что после создания романа «Круг замкнулся» карты его творческого пасьянса окончательно смешались. В ворохе заметок невозможно было найти неиспользованные материалы, которые подходили бы друг к другу, состыковывались бы между собой. В конце апреля — начале мая он оставался в Дубровнике один. Туре решил отправиться в Норвегию после короткой остановки в Берлине.

А там в это время на смертном одре лежал знаменитый немец Карл фон Осецкий. Убежденный пацифист не испытывал никакого гнева по отношению к норвежскому писателю, который так жестоко выступил против него в печати. На Пасху молодая супружеская пара из Норвегии навестила его в одном из бедных

кварталов города. Они были первыми посетителями за долгое время. Норвежцы были поражены тем, с каким интересом следил он за политическими событиями в Германии и Европе. Он был убежден, что Германия вооружается с целью развязывания войны. Когда норвежцы посетовали на пронацистские взгляды Гамсуна и его нападки на Осецкого, тот их остановил: «Я совсем не знаю Гамсуна как человека. Я знаю его лишь как замечательного писателя»[409].

Осецкий с восхищением писал о Гамсуне в своем журнале и прочел все его книги, за исключением «Круг замкнулся». Сейчас эта книга вышла на немецком языке. Пришедшие навестить его норвежцы должны были обещать, что при первой возможности пришлют ему экземпляр нового романа. А если встретят самого Гамсуна, то пусть передадут ему привет. Четвертого мая 1938 года одновременно с возвращением Туре в Берлин телеграфное бюро Германии сообщило о смерти Карла фон Осецкого. Да, очевидно, приход весны оказал неблагоприятное воздействие на состояние больного.

Как и многие жители севера, Гамсун разделял преувеличенное представление о том, какими теплыми могут быть весна и начало лета в южных краях. В середине мая измученный долгой зимой Гамсун снял с себя зимнее пальто, но оказалось, что рано. «Надо же, я так сильно промерз внутренне, кажется, теперь уже никогда не оттаю. Не работаю, даже не делаю попыток начать, не выхожу никуда из дома, просто полный нуль», — со вздохом жалуется он Туре. Гамсун сидит и бормочет себе под нос, вспоминая о том времени, когда мог, охваченный вдохновением, сидеть и писать не отрываясь. «Я помню, как когда-то в Париже я сидел и писал не отрываясь, подхваченный волнами вдохновения, писал на одном дыхании, не ел и не пил, к собственному изумлению, я мог работать по 16 часов без перерыва. Да, когда-то так было, но теперь у меня ничего не получается, хотя надеюсь, что, когда потеплеет, улучшится и состояние моих мозгов». В начале июня он не без гордости сообщает своим близким, что сочинил стихотворение и сделал кое-какие заметки для новой книги.

Одному своему знакомому он хвастался, что пару раз так напился, что его привозили из ресторана на такси[410].

Дети его тоже жили на широкую ногу, расточительство не прекращалось. Дочь Эллинор получила от него за последний год 12 000 крон, четыре годовых жалованья конторского служащего. И все же когда нужно было оплатить услуги зубного врача, она дала ему адрес своего отца, так что берлинский дантист посылал счета в Дубровник. К концу июня у Гамсуна собралось небольшое

количество листков, заполненных его записями. Он отказался от продолжения романа «Круг замкнулся». Путь из Дубровника до Берлина он преодолел на поезде.

Во второй раз в 1938 году Гамсун получил возможность воочию наблюдать жизнь в столице Третьего рейха. Туре в Берлине не было. Он был занят личными делами, у него в тот момент был роман с норвежской пианисткой. А Эллинор все еще находилась в столице Третьего рейха.

Мария тоже была здесь. В начале июня Мария в ответ на приглашение от правления германо-скандинавского Общества дружбы дала свое согласие на участие в Норвежских днях в Любеке. В списке гостей рядом с именем каждого был указан город, из которого тот приехал, рядом с именем Марии в качестве адреса стояло лишь название усадьбы Нёрхольм — теперь это место было так же хорошо известно, как и Осло.

В качестве жены Гамсуна, а также благодаря собственному творчеству и хорошему знанию немецкого языка она была здесь настоящей звездой. В списке приглашенных Мария подчеркнула имена тех, кого знала, кому ее представляли или кто представлял для нее особый интерес. А таких было немало, и они были важные персоны в Третьем рейхе: рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, известный деятель Третьего рейха Альфред Розенберг, несколько сотрудников министерства иностранных дел, глава германо-скандинавского Общества дружбы, несколько региональных лидеров, высокопоставленные полицейские чины, главный бургомистр Любека, начальник летной военной школы в Дрездене, начальник штаба GA[411]. Германа Геринга здесь не было, но она встречалась с ним в Берлине, в его доме, в 1936 году. Тогда Мария, Эллинор и Туре были удостоены чести быть приглашенными в дом к одному из самых заметных и влиятельных людей в нацистской Германии.

Во время деловых встреч в Любеке была достигнута договоренность, что в будущем году Мария совершит лекционное турне по Германии.

По прибытии домой в Нёрхольм Гамсун решил сжечь многие из своих записей, которые, как он рассчитывал, могли стать текстом новой книги. Перед Рождеством 1938 года он вынес себе приговор: «Я чувствую себя совершенно разбитым и нетрудоспособным. Я уже никогда больше ничего не напишу»[412]. И это признание Гамсуна, принципиально отличалось от обычного хныканья на тему, как тяжело дается процесс творчества.

Через несколько месяцев ему должно было исполниться 80 лет.

В Германии, Норвегии и во многих других странах готовились юбилейные издания книг Гамсуна. Выступая перед журналистами в Осло, Харальд Григ сообщил, что в Норвегии общее число проданных экземпляров достигло полутора миллионов. А теперь, кажется, гамсуновский бум в самом разгаре, заявил Григ. Надо сказать, что здесь Григ покривил душой, он выдавал желаемое за действительное. Ведь наряду с этим Григ принимал меры с целью смягчить впечатление о Гамсуне, который в своих политических пристрастиях был предельно упрям. В одном из новых изданий произведений Гамсуна он поместил целый ряд его старых статей, чтобы показать: Гамсуна всегда отличали крайне противоречивые мнения. Он надеялся, что таким образом будет легче продать написанное этим политизированным писателем во времена роста политического радикализма и поляризации взглядов.

Харальд Григ мог предпринимать какие угодно шаги, чтобы увеличить продажи произведений Гамсуна, но дело в том, что повсюду, за исключением Германии, интерес к его книгам продолжал падать. Едва ли половина норвежцев, купивших «А жизнь продолжается», проявила интерес к приобретению романа «Круг замкнулся», который вышел три года спустя.

Результаты продаж за рубежом становились все более и более удручающими.

Теперь уже Харальд Григ не оценивал стоимость авторских прав Гамсуна столь высоко, как прежде. Издатель мог бы прочесть целую лекцию специалистам по реализации, как этот нобелевский лауреат из-за своих высказываний фактически сам уменьшил объем продаж своих произведений. Это стало совершенно очевидным, когда Гамсун сначала продал свои права «Гюльдендалю», потом выкупил, а теперь снова хотел бы их продать. Григ уклонился от обсуждения данного предложения, сославшись на неспокойные времена.

Теперь он уже не с таким энтузиазмом относился к писателю, после стольких лет знакомства и переписки с ним.

Конечно же, в первых рядах тех, кто 4 августа 1939 года жаждал поздравить Гамсуна, были представители Германии.

Он получил поздравительную телеграмму от Адольфа Гитлера, а также от Германа Геринга, Йозефа Геббельса, Бальдура фон Шираха{97}, Иохима фон Риббентропа и Альфреда Розенберга. Последний назвал Гамсуна «величайшим из создателей художественных образов в скандинавском мире, подлинным другом новой Германии» и далее продолжал:

«Благодаря своей непреклонной воле Вы создали ряд персонажей и сумели найти отклик в немецком народе, явились вдохновляющим примером для немецкой литературы»[413].

В том же духе высказывались и немецкие газеты, громко отмечавшие юбилей Гамсуна. Стопка поздравительных писем и телеграмм из Германии была даже выше норвежской, тоже немалой. Двадцать три немецких деятеля культуры вкупе с представителями верхушки немецкого общества прислали Гамсуну свое особое поздравление. В нем говорилось о вкладе Гамсуна в дело единства германского и скандинавских народов и его огромной духовной роли для Германии в целом и особенно для немецких деятелей культуры. Среди подписавшихся не было имен великих немецких писателей. Братья Томас и Генрих Манны, так же как и многие другие выдающиеся писатели, в свое время отмечавшие семидясителетие Гамсуна покинули Германию и жили в изгнании.

Победить или погибнуть

Через три недели после того, как Гамсун отпраздновал свое восьмидесятилетие, началась война, которой он ждал. Все это время он поддерживал агрессивную политику гитлеровской Германии.

Шаг за шагом у Англии и Франции обнаруживалось отсутствие твердой воли защищать границы Европы, определенные Версальским мирным договором и Лигой Наций. С помощью длительного дипломатического давления Гитлер сумел убедить этих двух гарантов мира в Европе предать интересы Чехословакии, вынудив ее уступить Германии значительные части своей территории.

Не прошло и полугода со дня подписания этого «закрепляющего навечно» границы соглашения, как Германия вонзила свои когти в два других принадлежащих Чехословакии региона — Богемию и Моравию. Через неделю после этого немецкие войска оккупировали Мемель, область на Балтике. Риторика Гитлера оставалась неизменной: «Германское население в Литве подвергалось гонениям, и его необходимо защитить».

Наряду с этим Германия заявила о своих претензиях на Данциг, а также выдвинула требование о создании коридора через Польшу, внутри которого должны были находиться железные дороги и шоссе. Фюрер решил воссоединить старые прусские владения с новой Германией. Он хотел создать широкий плацдарм для будущей войны. Западные границы Советского

Союза должны быть отодвинуты назад. Жизненное пространство Германии будет огромным, включая плодородные степи, который находятся к востоку от Германии и простираются далеко в глубь Советского Союза.

Всю весну и лето 1939-го поляки упорно отказывались вести переговоры по поводу Данцига. Они опасались, что в связи с этим возникнет реальная угроза польскому суверенитету.

Представители немецких властей воспользовались юбилеем Гамсуна и попросили его написать предисловие к документу, в котором содержалось историческое обоснование территориальных притязаний Германии. Вернувшись в Нёрхольм, он тут же исполнил просьбу: «Поляки должны понимать, что не могут удерживать немецкий город в своих руках». По мнению Гамсуна, «они уже начали понимать это. Но тут Англия, верная своим привычкам, начала трезвонить во все колокола, понося Германию, и поляки живо превратили свою страну в одно из звеньев английской цепи <…>. Они доверяют тому клочку бумаги, который остался от Версальского договора», — издевался Гамсун. Он предрекал: «Данциг несомненно будет отнят у поляков. Никакая сила на земле не может воспрепятствовать этому, они все равно лишатся Данцига»[414].

Так и случилось. И уже через две недели, когда Германия вступила в войну с Польшей, Гамсун выступил с обращением к части населения Данцига, имеющей немецкие корни, держаться, «потому что вы пруссаки и являетесь частью великой нации».

Гитлер рассчитывал, что англичане из-за пораженческих настроений французских политиков ради сохранения мира откажутся от своих гарантий другим странам.

В Лондоне и Париже царило ощущение, что их предали. Западные державы вели переговоры с Советским Союзом о военных перспективах. Но и в Берлине не дремали. В результате рекордно коротких переговоров министр иностранных дел Германии Иохим фон Риббентроп подписал вечером 23 августа в Москве пакт о ненападении. Существовали и секретные протоколы, подписанные в качестве дополнения к пакту. Германия и Советский Союз разделяли между собой Восточную Европу от северных границ Литвы до бассейнов рек Нарев, Висла и Сан. Основная причина, почему западные державы позволяли Германии проводить свою экспансионистскую политику, заключалась в том, что она была им выгодна. Расчет был на то, что сильная Германия, алчно смотрящая на восток, втянет в войну Советский Союз и тем самым уменьшится угроза большевизма. Гитлер и Сталин вступили в альянс. У них, конечно

же, была договоренность о разделе Польши — кто следующий?

Уже более двадцати лет Гамсун провозглашал, что час отмщения со стороны молодой Германии одряхлевшим нациям, таким как Великобритания и Франция, фатально неизбежен. И вновь он оказался прав. Когда стало известно о советско-германском пакте о ненападении, Невилл Чемберлен и Эдуар Даладье{98} по своим дипломатическим каналам стали пытаться убедить польские власти начать переговоры с Германией. Они уже не раз действовали таким образом, пытаясь избежать войны для своих стран за счет других наций. Но польский премьер-министр Юзеф Бек{99} не шел ни на какие компромиссы.

В ночь на 1 сентября 1939 года броненосец «Шлезвиг-Гольштейн» открыл огонь по польским целям. Одновременно колонны немецких танков при поддержке авиации пересекли польскую границу. В течение шести лет Адольф Гитлер с помощью силы и за счет территорий других народов расширял жизненное пространство Германии. И вот теперь впервые была сделана попытка дать ему отпор.

У министерства обороны Польши были слишком небольшие ресурсы, чтобы противостоять мощной немецкой армии с самым современным в Европе вооружением. Польская конница была раздавлена танками. 17 сентября в Польшу вошла также и Красная армия. Позднее оккупанты встретились в Брест-Литовске. Мир еще никогда не видел таких стремительных военных действий. Стало ясно, какой кровавый смысл несет слово «блицкриг». При этом понятие «обещание» полностью дискредитировалось. Несмотря на все обещания, поляки не получили никакой военной помощи ни от Англии, ни от Франции. Вместо помощи эти страны начали укреплять свои западные границы.

Норвегия заявила о своем нейтралитете.

Но уже 5 сентября англичане начали оказывать давление на норвежское правительство.

Англия потребовала, чтобы Норвегия прекратила поставки ряда товаров в Германию. От Норвегии также потребовали предоставить часть своего флота западным державам, что нарушало ее нейтралитет. Это условие было отвергнуто, но сам факт переговоров лишил маленькую Норвегию возможности оставаться в стороне. Норвегия снова участвовала в игре.

Таким образом, до сей поры политические прогнозы Гамсуна оправдывались.

Через две недели после начала войны Эллинор Гамсун вышла замуж за человека на двадцать лет старше ее, Рихарда Шнайдер-Эденкобена. В связи с этим ему был предоставлен краткосрочный отпуск во время военных действий в Польше. Они познакомились в Берлине, он написал сценарий и был режиссером того фильма, в котором Эллинор получила роль.

Мария отправилась в Берлин на свадьбу дочери. Вместе с ней поехали Туре, Арилд и Сесилия. Также были приглашены некоторые из подруг Эллинор из Сёрланна, окрестностей Нёрхольма. До и после свадьбы многие в Германии перешептывались, что супруг Эллинор ввел и ее саму, и ее родственников в высшие нацистские круги. Многие из членов семьи Шнайдер-Эденкобен занимали важные посты в нацистской Германии, двоюродный брат ее мужа Карл Герман Франк{100} был назначен министром. Очень немногие из норвежцев догадывались, какие прочные связи к тому времени уже установились между представителями высокопоставленной верхушки и семьей Гамсун. В 1936 году Мария дважды посещала Геббельса в его рабочем кабинете. Эллинор однажды сопровождала ее. Она также была у него в гостях, в то время как Мария присутствовала на аналогичной вечеринке у Геринга.

Именно во время тогдашнего пребывания в Берлине Мария впервые увидела Адольфа Гитлера. Фюрер произносил речь в новом Дойчландхалле{101}. Уже за несколько недель до этого купить входной билет на выступление Гитлера было невозможно, хотя зал вмещал 20 000 человек. Связи Марии помогли ей получить персональный билет.

Ранее, осенью 1938 года, в Любеке Мария была приглашена выступить перед представителями немецкого народа, с тем чтобы донести до них слова, идущие из глубины сердца писателя и большого друга Германии — пророка Кнута Гамсуна.

Марию никогда не покидало желание стоять на сцене. Так же как и желание поделиться чем-то заветным с другими, желание реализовать себя как-то по иному, нежели в своей горестной семейной жизни. Таким образом она оказывалась и в большей степени причастной к творчеству Гамсуна, она могла засвидетельствовать связь между их жизнью и его книгами, закрепить за собой то место, которое она обрела, когда он наконец прекратил писать.

Она вернулась домой со свадьбы дочери 6 октября, когда капитулировала Польша. Через пять недель Мария вернется в

Германию и начнет свое турне, если только этому плану не помешают военные действия. Она почти не отходила от радиоприемника, часами вслушиваясь в сообщения о большой игре, которая шла в Европе. Но мало кому вокруг было известно, насколько глубоко вовлечены в эту игру супруги, живущие в Нёрхольме.

С началом войны Гитлер выдвинул девиз: «Победить или погибнуть». За этим стояла страшная мощь немецкой военной машины. И уверенные в грядущей победе, эти двое его приверженцев в далекой норвежской усадьбе слушали радио и заговорщически кивали друг другу: да, путь Германии — это и наш путь.

Ровно в 20:15 в понедельник, 13 ноября 1939 года, под аплодисменты присутствующих, Мария Гамсун взошла на сцену в здании старинной ратуши в Ганновере. Она долго выбирала наряд, в котором будет выступать, пока не остановилась на темном шелковом платье с пестрой отделкой и одноцветной накидкой, а на шее у нее была внушительная золотая цепочка, подаренная супругом.

Зал был украшен нацистскими знаменами, норвежскими флагами и цветами. Несколько стульев было не занято. Среди публики было много людей в военной форме — Германия вела войну.

Мария, которой через несколько дней должно было исполниться 58, тщательно подготовила свою роль.

— Я привезла вам привет из Норвегии, от Кнута Гамсуна[415].

Это были ее первые слова. Те же самые слова она будет произносить и в других городах. В одном городе за другим они звучали как заклинание.

Вот таким образом с первой секунды она играла свою роль посланницы, принесшей священную весть. Ею были прочитаны приветствия Кнуту Гамсуну, написанные Альфредом Розенбергом и другими представителями нацистской верхушки по случаю его восьмидесятилетнего юбилея, где они особо подчеркивали: творчество Гамсуна является частью духовной жизни немецкого народа.

— Я привезла вам привет из Норвегии, от Кнута Гамсуна.

После этого текст ее выступления мог варьироваться как угодно. Она могла сосредоточить внимание на его творчестве или же подчеркнуть значение самого факта его приветствия, связать с актуальными политическими событиями, например рассказать, как нетерпеливо ждет Кнут Гамсун почтальона, который привозит в Нёрхольм газеты. Она могла рассказать о его гневном восклицании по поводу недостойного поведения западных держав

или в связи с трусливым поведением норвежских властей, готовых упасть на колени перед британцами, или рассказать о той радости, которую испытывает Гамсун по поводу военных побед Германии, и его восхищении непреклонной волей фюрера к победе.

В семь часов утра на следующий день она села в поезд. В 15:00 она уже стояла на сцене в Дормунте:

— Я привезла вам привет из Норвегии, от Кнута Гамсуна.

Бонн, Кёльн, Аахен, Рейнхаузен, Дюссельдорф, Кайзерслаутен, Вюрцбург, Штутгарт.

У нее оставалось совсем мало времени, но она находила возможность для того, чтобы писать репортажи в норвежские газеты, а также письма супругу: «Здесь господствует высокая мораль, и те, кто рассчитывал на хаос, будут очень разочарованы. <…> У меня впечатление полного единства, самопожертвования и доверия к Гитлеру», — заверяла Мария. У нее была новость, которая, несомненно, могла очень порадовать Гамсуна: «Вскоре весь мир будет поражен. У немцев появится новое оружие. Англия скоро выдохнется, у них давно не было войны на своей земле, но она грядет. <…> Ни один немец не сомневается, что Англия должна быть побеждена и что она будет побеждена! Я была на фронте и разговаривала с солдатами, они счастливы, как дети, и уверены, что фюрер знает и может все»[416].

На другой день она записала фрагменты своих выступлений на радио. А вечером она снова уже стояла на сцене, в Нюрнберге. О ней все больше писали газеты, залы ее выступлений не могли вместить всех желающих. На следующий день она уже была в Эрлангене… А потом в Мюнхене, Вене, Филлахе, Бреслау, Габлонце, Апольде, Хемнице, Арнштадте, Дрездене…

В воскресенье 10 сентября у нее должен был быть свободный день, но ее попросили выступить в Потсдаме. Это такая честь для нее — выступать здесь. Ее не надо было уговаривать.

Турне закончилось в Берлине, где ей был заказан номер в отеле «Кайзерхоф». Ей предстояло также обсудить свое новое турне.

«Это начало великого для меня времени» — так, возможно, думала Мария во время почти пятинедельного турне по Германии в ноябре — декабре 1939 года.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

От волшебной флейты к боевой трубе

В начале зимы 1938–1939 года, в то время как Мария Гамсун вплоть до Рождества находилась в Германии, Кнут Гамсун у себя в Нёрхольме расположился в большой комнате на втором этаже. Он устроился за огромным столом, за которым его дети обычно делали уроки, таким образом, чтобы дневной свет освещал всю столешницу. За этим столом он проводил много времени: он читал, кое-что писал, по большей части письма. На стену он повесил огромную карту Европы, к которой постоянно обращался во время чтения газет. Специальными значками он отмечал все географические пункты, о которых сообщали военные корреспонденты.

Чудесная страна его творческой фантазии, которую он так усердно культивировал в течение своей жизни, стала для него недоступна. Первый раз случилось так, что он должен был иметь дело только с реальностью. Может быть, продолжение романа «Круг замкнулся» не состоялось по внутренним творческим причинам, но не исключено, что это произошло еще и потому, что он сам оказался активно втянутым в драматические события своего времени?

В своем памфлете «О духовной жизни современной Америки», написанном сорок лет назад, он признал: вглядевшись в облик американской демократии, он пришел к выводу, что ей «необходимы решительные шаги, революционные действия отдельных индивидов, которые разом могут перенести человечество на несколько поколений вперед».

И вот он наконец нашел такого «отдельного индивида» — Адольфа Гитлера. Хотя сам писатель еще был в состоянии играть на своей волшебной флейте, он, вероятно, уже и не хотел делать этого. Военная труба оказалась для Гамсуна гораздо более подходящим инструментом.

Между тем в Норвегии подавляющее большинство считало, что следует, как и во время Первой мировой войны, держаться в стороне от военных событий. На состоявшейся перед самым Рождеством 1939 года в Стокгольме встрече видные государственные деятели Скандинавии вместе с министрами иностранных дел приняли решение о нейтралитете. Но для Кнута и Марии Гамсун, а также и для других ретивых сторонников

гитлеровской Германии подобные заявления воспринимались как чистой воды надувательство. Они ни минуты не сомневались, что норвежские власти питают дружеские чувства к Великобритании и потому пытаются вести ту же двойную игру, что и во время Первой мировой войны — на словах заявляя о нейтралитете, в то же время поставлять в западные страны необходимые товары и материалы, оказывая тем самым давление на Германию.

Первые четыре месяца войны показали, как трудно маневрировать подобным образом и не быть втянутым в войну. В декабре три корабля союзников были потоплены немецкими подводными лодками в норвежских территориальных водах. На северо-востоке Норвегия граничит с Советским Союзом. Другие ближайшие соседи — на западе — Англия, на юге — Дания и Германия. У Норвегии самая протяженная в Европе береговая линия. Поэтому если бы какой-то великой державе удалось контролировать Норвегию, то ее флот имел бы возможность продвигаться вдоль норвежских берегов на расстояние 35 793 км и доминировать в Северном Ледовитом океане, Норвежском море, Северном море, проливе Скагеррак, а также в северной части Атлантического океана.

Ни Чемберлен, ни Гитлер, ни Сталин не сомневались в том, что норвежцы не откажутся от своей хитрой привычки где-то проявлять свою силу, а где-то ссылаться на нейтралитет. Но не только географическое положение Норвегии и длина ее береговой линии могли интересовать великие державы, в чьих руках была военная мощь. Почти все 11 миллионов тонн железной руды, которые ежегодно потребляла Германия в 30-е годы, закупались и вывозились из северной Швеции. Но дело в том, что почти в течение полугода порт Лулео был скован льдом. И потому через города Елливаре и Кируну были проложены железнодорожные пути до норвежского порта Нарвик.

С первого же дня, как только Уинстон Черчилль вошел в правительство Великобритании, он сразу же поставил на повестку дня вопрос о мерах по предотвращению транспортировки железной руды из Швеции в Германию. Неоднократно также рассматривались предложения о минировании порта и военном вторжении на норвежскую территорию, но такие идеи всегда отвергались в высших инстанциях. В это же время в Берлине бывший министр обороны Норвегии встречался с Гитлером. Видкун Квислинг возглавлял «Национальное единство», самую малочисленную партию Норвегии, но в своих амбициях он превосходил большинство политиков. Он давал понять, что намеревается организовать переворот и захватить власть в Норвегии. Квислинг утверждал, что знает о существующем

секретном договоре между норвежскими и английскими властями, и что нейтральная политика Норвегии является, в сущности, пробританской политикой. Когда Квислинг покинул рейхсканцелярию, фюрер тут же отдал распоряжение: «Необходимо продумать вопрос об оккупации Норвегии».

В тот же день, когда состоялась встреча Гитлера и Квислинга, Кнут Гамсун написал гневное письмо одному бывшему норвежскому политику, который стал недружелюбно относиться к Германии. Причиной этого послужили альянс Гитлера со Сталиным, раздел Польши, а теперь и нападение Советского Союза на Финляндию.

Гамсун предостерегал своего адресата, что не следует критиковать Германию: «Зачем сыпать соль на раны несчастной Германии <…>. Вы думаете, что сама Германия не сокрушается по поводу происходящего? Разве Вы не понимаете, что Германия была вынуждена пойти на это для того, чтобы не погибнуть от навязанных ей всевозможных ограничений?» По мнению Гамсуна, британцы в настоящее время являются марионетками Советского Союза, а цель всего происходящего состоит в том, «чтобы задушить связанную по рукам и ногам Германию. Германия ни в чем не виновата. Как только немецкие войска получат передышку на западном фронте, они немедленно повернутся в противоположную сторону, чтобы выгнать русских с берегов Балтийского моря и из Скандинавии. Германия выжидает. Мы тоже должны ждать»[417].

Нападение англичан в норвежских водах на немецкое судно «Альтмарк», на борту которого находилось несколько сотен британских военнопленных, явилось непосредственным стимулом для разработки в Берлине плана вторжения в Норвегию. 20 марта Николаус фон Фалькенхорст{102} доложил, что план готов. Теперь фюреру оставалось лишь отдать приказ.

Неделю спустя военный совет в Лондоне приступил к подготовке операции, которая должна была пресечь доставку шведской железной руды через норвежскую территорию. Минирование Нарвика предполагалось осуществить 8 апреля. Весьма довольный Чемберлен изрек: «Гитлер опоздал на автобус!»[418] Эти слова стали одной из причин его отставки. Ему оставалось пробыть премьер-министром всего несколько дней.

Первого апреля в одной из своих статей Кнут Гамсун обратился к Германии с мольбой защитить Норвегию от англичан: «Обстоятельства в настоящее время складываются для нашей страны таким образом, что мы не знаем, что нас ожидает завтра, наше сознание просто парализовано надвигающейся

опасностью. Своих возможностей у нас нет, медведь с востока и бульдог с запада пристально следят за нами, мы являемся разыгрываемой картой. Мы не знаем, что делать, люди собираются на улицах, разговаривают между собой; мы надеемся, что Германия защитит нас, хотя понимаем, что не сегодня, а когда придет время. Мы хотим жить, как мы всегда жили, быть теми, кто мы есть, мы не хотим быть под чужой властью. Многие из нас надеются на Германию»[419].

Мольбы Гамсуна были услышаны. Ночью 9 апреля немецкие корабли, самолеты и сухопутные войска напали на Норвегию и Данию. Норвежские солдаты воевали гораздо упорнее, нежели немцы могли предположить. На пятый день войны Гамсун выступил с призывом к норвежскому народу. Он назвал его «Слово к нам».

Круг удивительным образом замкнулся. Когда он в первый раз приехал в Нёрхольм, в ноябре 1918 года, его первая война была проиграна. Он плакал по поводу глупости и безумия своих соотечественников, которые позволили себя одурачить норвежским политикам, настроенным пробритански, и обслуживающей их прессе. Теперь все вновь повторялось. Сбежавшие из страны правительство и король вели пропаганду, которая внушала его согражданам, что подлинной защитницей Норвегии якобы является Англия, а Германия — ее враг и агрессор. Повсюду в южной Норвегии Гамсун видел плохо вооруженных норвежских солдат, которые безрассудно жертвовали своими жизнями, пытаясь остановить самую современную в мире военную машину. И тем не менее это не мешало ему язвить по поводу норвежского нейтралитета. Геббельс не мог бы лучше сформулировать его точку зрения:

> — А разве мы не воюем с Германией, нет?
>
> — Германия взяла на себя нашу защиту. Мы нейтральная страна.
>
> — Мы постоянно слышим о том, что Германия встречает сопротивление норвежцев, говорят, что Норвегия ждет помощи от Англии.
>
> — Как будто бы мы еще не сыты по горло обещаниями Англии и ее гарантиями о предоставлении помощи.
>
> — Норвежскому народу хорошо бы осмыслить происходящее, пока еще есть время, пока Англия не начнет вести войну на нашей территории[420].

В первые недели оккупации Норвегии, когда Гамсун вовсю

трубил в военную трубу, он получал множество писем. Многие хвалили и поддерживали его высказывания, но гораздо большее число людей выражало свое негодование. Поразительно, но один из подобных откликов он сохранил: «Вот ты и показал норвежскому народу, какой ты есть на самом деле норвежец, мы сжигаем твои книги, да и сам ты за свои слова 2 мая заслуживаешь той же участи»[421].

В этом письме речь идет о статье, которая была опубликована во многих норвежских газетах и которую Гамсун зачитал по радио. В ней он призывает сражающихся норвежцев сложить оружие: «Что толку, что вы взялись за винтовки и теперь пуляете в немцев, не сегодня завтра вас разбомбят. Англия не в состоянии помочь вам, когда вы разрозненными группками бродите по родным горам и долинам и клянчите еду. Норвежцы! Бросайте оружие и идите по домам. Германия сражается за всех нас. Она сломит английскую тиранию, которая угрожает нашему нейтралитету»[422].

Как это ни странно, но для некоторых норвежцев оккупация вдруг открыла новые возможности, для решения общественно значимых вопросов они искали помощи у Гамсуна. Одним из обратившихся к нему людей стал юрист, который никак не мог смириться с тем, что Норвегия была вынуждена передать Гренландию Дании по решению международного суда в Гааге в 1933 году. Этот юрист очень надеялся на Гамсуна: «Гамсун — это как раз тот норвежец, влияние которого в Германии огромно. Если он вмешается в это дело и выступит на стороне Норвегии, то немцам будет трудно отказать ему»[423]. Юрист приложил все усилия, чтобы уговорить Гамсуна связаться с правой рукой Гитлера в Норвегии рейхскомиссаром Йозефом Тербовеном.

Сильное сопротивление норвежцев весьма удивило немецких военных стратегов, заседающих в штабах Берлина. Внутри ближайшего окружения фюрера развернулась серия интриг, они коснулись профессиональных военных и нацистских партийных функционеров, у которых были различные интересы, и каждый тянул Гитлера в свою сторону. В результате этого сложного пасьянса наместником Гитлера в Норвегии стал нацистский лидер из Эссена Йозеф Тербовен. Он был назначен 24 апреля, и уже через два дня 42-летний рейхскомиссар прибыл в Осло для того, чтобы обеспечивать порядок, покой и безопасность во вверенной ему стране для этой цели он был наделен поистине диктаторскими полномочиями. Первого июня он произнес официальную речь: «Немецкий народ прямо и честно протягивает руку норвежскому народу для общих действий на основе

товарищества и дружбы»[424].

В своем письменном обращении к Тербовену Гамсун «поймал» новоиспеченного норвежского правителя на слове «товарищество». Он прекрасно понимал, что у Германии множество забот помимо Гренландии — большого острова в Северном Ледовитом океане, впервые отнятого у норвежцев датчанами после переговоров в Киле в 1814 году, который мог бы вновь перейти к норвежцам. Известно ли господину Тербовену, что Дания пытается продать Гренландию? «Позвольте мне, господин рейхскомиссар, передать Вам мою сердечную просьбу, ту мольбу, которая звучит из уст всей Норвегии: продажа Гренландии недопустима. Это мольба всей Норвегии»[425].

К письму прилагался документ, переданный упомянутым выше юристом. К нему Гамсун добавил еще несколько собственных соображений, а именно: он считает данный вопрос весьма важным, его имя известно всем, существуют тесные связи непосредственно между Нёрхольмом и Берлином на очень высоком уровне. «Если Вы полагаете, что я должен обратиться непосредственно к господину Риббентропу и по-немецки, то я готов сделать это. Он очень благожелательно относится ко мне»[426].

Министр иностранных дел Германии являлся высоким покровителем пронацистского Общества дружбы со Скандинавией. Возвратившись из Германии, Мария привезла от Риббентропа привет и самые лучшие пожелания и Гамсуну, и Тербовену.

Когда датский писатель Том Кристенсен узнал о той неизменной моральной поддержке, которую Гамсун оказывает Германии, несмотря на то что Гитлер оккупировал Норвегию и Данию, он заплакал. «Подумать только — в руках у нацистов оказалась флейта, которая издает такие волшебные звуки, и у нас не хватает духу отбросить ее от себя»[427].

«Да или нет, господин рейхскомиссар!»

Ставленник Гитлера в Норвегии рейхскомиссар Йозеф Тербовен был прекрасно осведомлен о связях Гамсуна и его семьи с новой Германией. Тербовен, как никто другой, вполне мог просчитать значимость этих отношений, а также и использовать этот фактор в свою пользу.

Он заверил Гамсуна, что его обращение будет с особой тщательностью рассмотрено в первоочередном порядке и в его

ведомстве, и в самом Берлине. Он тут же направил в Нёрхольм трех своих подчиненных. Этот визит еще больше укрепил у Гамсуна позитивное мнение о Германии и немцах: государственная машина функционирует без задержек, несмотря на то что Германия ведет войну. Основательность всегда и во всем. И глубоко доброжелательное отношение немцев к норвежскому народу. В основном они говорили о Гренландии, но они говорили также и о будущем правительстве Норвегии. Гамсун выразил пожелание, чтобы правительство в качестве премьер-министра возглавил Видкун Квислинг: «Квислинг — это значимая фигура <…>, он больше, чем политик, он — мыслитель, он — конструктивное начало»[428].

В течение лета и осени 1940 года Квислинг неоднократно бывал у Гитлера, посещал фюрера и Тербовен. Они пытались вытеснить друг друга. 25 октября Тербовен объявил, что отныне и навсегда в Норвегии ликвидируются стортинг, правительство и королевский дом. Учреждается совет при рейхскомиссариате, в котором из 13 назначенных в него членов 10 состоят в нацистской партии. Предполагалось, что и действовать он будет в соответствии с указаниями оккупационных властей. По прошествии трех дней после этого события Гамсун написал еще одну статью, в которой вновь заявил, что Квислинг — самая подходящая кандидатура на роль правителя Норвегии.

А в это время другой норвежский лауреат Нобелевской премии, Сигрид Унсет, уже два месяца находившаяся в Нью-Йорке, приняла участие в пропагандистской кампании, развернутой норвежским правительством в изгнании, по разъяснению событий, происходящих в оккупированной Норвегии. Приехав в США, Сигрид Унсет дала пресс-конференцию. Она предостерегала американцев и другие страны от заигрывания с предателями: «Мы, норвежцы, сделали большую ошибку, рассматривая этих отъявленных предателей просто как дурачков, этаких несмышленышей», — заявила она. Нетрудно было догадаться, что она имеет в виду Кнута Гамсуна и Видкуна Квислинга.

В декабре состоялось выступление еще одного нобелевского лауреата, Томаса Манна, который отметил плачевную ситуацию в Норвегии. В специальном выпуске передачи Би-би-си для Норвегии Манн сокрушался, что теперь Сигрид Унсет и многие другие обречены на молчание, говорит только Кнут Гамсун, «автор великих произведений, которыми я так восхищаюсь. Его несчастье больше нашего»[429].

С начала оккупации и в значительной степени в начале лета

1940 года область политики была той сферой, в которой мнения супругов сходились и не было конфронтации. Но вскоре противоречия возникли и здесь. В целом они были несущественными, если только речь не заходила о властях.

Вскоре Мария снова отправилась в Германию через Данию. У нее было много дел: навестить живущую в Копенгагене Сесилию, которая училась там в Художественной академии, увидеться с Эллинор в Германии, а также договориться о новом лекционном турне…

Кнут Гамсун и сам собирался в Берлин, только здесь речь уже шла об участии в большой политике. Предполагалось, что шведский путешественник и исследователь Свен Хедин и бывший президент Финляндии Пер Эвинд Свинхувуд{103} одновременно с Гамсуном будут просить аудиенции у Гитлера. Вся эта весьма дружественно настроенная к Германии и немцам троица ставила перед собой задачу сильнее привязать Финляндию к Германии, с тем чтобы уменьшить давление на нее Сталина. У Гамсуна в Берлине было еще одно дело: получить возможность обсудить проблему Гренландии с самим Риббентропом. Во время поездки ему должен был помогать сын Арилд.

Надежды на встречу с Гитлером не оправдались. Также и весьма занятый министр иностранных дел не нашел возможности принять норвежского писателя. Вместо этого Гамсуну довелось столкнуться с ужасами войны. К этому времени уже начались бомбардировки Великобритании. В ответ на это 10 августа и 7 октября англичане бомбили Берлин. К находящимся в Берлине Кнуту Гамсуну с сыном Арилдом присоединилась и Мария. Дочь Эллинор и ее супруг Рихард Шнайдер-Эденкобен проживали в Берлине, у них была также усадьба в Вефельсфете в Гольштейне. Теперь они все вместе поехали туда. И позднее уже оттуда Кнут и Мария вместе с Арилдом отправились в Норвегию. В Нёрхольме их ждало приглашение.

В ноябре 1940 года Норвегию собирался посетить Геббельс, и конечно же, великий норвежский писатель числился среди приглашенных на большой прием, устроенный по случаю его приезда в Скаугуме, бывшей резиденции кронпринца, где теперь поселился рейхскомиссар Йозеф Тербовен. Гамсун поблагодарил и отказался глубоко оскорбленный, так как был заинтересован в эксклюзивной встрече с Геббельсом.

Вскоре пришло еще одно приглашение: Гамсун мог все же рассчитывать на личную встречу с министром пропаганды в середине января. Перед самым Рождеством была в Германии и Мария, во время своего первого турне она посетила около 30 городов. Теперь ее маршрут был значительно расширен. В

течение трех месяцев она должна была побывать во всех землях Германии.

Где бы она ни выступала, ее ждали переполненные залы. Сочетание Мария и Кнут Гамсун — перед этим невозможно было устоять. Тиражи написанных ею детских книг в Германии уже превысили несколько сотен тысяч экземпляров. Общий объем тиражей романа Гамсуна «Плоды земли», изданного в различных сериях, составил полмиллиона экземпляров. «Виктория» как одна из книг серии вышла тиражом в 270 000 экземпляров, как отдельное издание — 11 000 экземпляров.

10 января Гамсун получил письмо от Харальда Грига, который просил его о помощи в деле освобождения председателя Союза норвежских писателей — Рональда Фангена{104}.

Уже девятый месяц немцы находились в оккупированной ими Норвегии. Несколько тысяч норвежцев были арестованы, и у Гамсуна было двойственное отношение к этому. Он считал, что эти люди сами виноваты в том, что попали в такое положение, они вели себя глупо и бессмысленно из-за своих политических заблуждений и безрассудного сопротивления оккупационным властям. Он сказал об этом в радиоинтервью на второй день нового, 1941 года: «Мы должны осознавать ситуацию такой, какая она есть сегодня. Это будет не просто разумно, это тот путь, которым мы идем»[430]. И все же он не мог полностью отбросить мысли о том, что происходит трагедия. Он решил помочь Фангену. Григ предложил Гамсуну связаться с немецкой тайной полицией — гестапо, но восьмидесятиоднолетний Гамсун не стал этого делать. Как уже бывало и ранее, он решил обратиться к самым высокопоставленным людям рейха. Тербовен сразу же проявил готовность принять норвежского писателя, столь дружески расположенного к Германии, который, как он уже знал, вскоре будет принят Геббельсом в Берлине.

Новые хозяева Норвегии приняли Гамсуна и его сына Туре, который сопровождал его в качестве переводчика, в бывшей резиденции норвежского кронпринца и его супруги, ставшей резиденцией Тербовена. Тербовен в молодости был банковским служащим, потом сделал карьеру в нацистской партии. Гитлер был свидетелем на его свадьбе. Тербовен был прагматичен, а главное — он обладал искусством маневрировать среди влиятельных партийных деятелей и был силен в интригах. Кроме того, он обладал одним весьма важным в его кругах качеством — полным отсутствием совести.

И потому был способен на сто процентов выполнить любую поставленную перед ним задачу. А Гитлер поставил перед ним задачу — добиться полной покорности Норвегии оккупационным

властям, и только это было для него важным.

Проработав к этому моменту долгие годы с Гитлером и Геббельсом, Тербовен прекрасно понимал огромную роль пропаганды. Вот почему он и придавал такое значение своей встрече с Гамсуном в Скаугуме. У него был свой план, в который гость не был посвящен. Через своих сотрудников он пригласил корреспондента из «Афтенпостен», который должен был запечатлеть это событие. Когда Гамсун расположился в кресле и закурил сигару, в комнату ворвался фотограф и сделал фото со вспышкой. Когда вспышка сверкнула еще раз, Гамсуна передернуло. Он показал свое явное раздражение Тербовену. Тот махнул рукой, и фотограф мгновенно исчез. Этот человек с фотоаппаратом сумел выполнить данное ему задание: он успел сделать снимок Кнута Гамсуна, мило беседующего с рейхскомиссаром.

Но беседа оказалась отнюдь не милой.

Раздражение Гамсуна быстро перешло в едва подавляемый гнев, который, как прекрасно понимал его сын, должен был вскоре излиться[431]. Тербовен, по слухам, отличался закостенелостью своих взглядов, природным упрямством и несговорчивостью, и с первой минуты стало ясно, что слухи были справедливы. Прося о помощи Рональду Фангену, Гамсун ссылался и на слабое здоровье последнего, и на то, что его арест вызвал сильный отрицательный резонанс. При этом он заявлял, что освобождение Фангена, несомненно, произвело бы на всех благоприятное впечатление. Во время этой тирады Тербовен стал рыться в бумагах. Он зачитал Гамсуну небольшой фрагмент из протокола допроса, но, правда, опустил то место, где приводилась характеристика, данная заключенным самому рейхскомиссару, — по мнению Фангена, тот является «откровенным воплощением цинизма, манипулирующим нравственными принципами по своему усмотрению». Тербовен продолжал перекладывать документы, цитировать протоколы допросов, где были зафиксированы антинемецкие выступления Фангена, все это в конце концов взорвало Гамсуна. В гневе и отчаянии он закричал, требуя ясного ответа: «Так да или нет?» Услуги Туре как переводчика здесь не потребовалось. «Нет», — ответил Тербовен.

На этом встреча закончилась.

«Даже если бы сам Гитлер пригласил меня»

Первая встреча писателя Гамсуна и рейхскомиссара Тербовена, которая состоялась в середине января 1941 года, разочаровала их обоих.

Судя по статьям самого Гамсуна, которые читал Тербовен, а также по донесениям, полученным от министра пропаганды, Гамсун представлялся ему прямой, сильной, бескомпромиссной личностью, человеком непреклонным по отношению ко всем врагам Германии, будь то англичане или какие-нибудь горлопаны из норвежцев. А перед ним оказался чувствительный, сентиментальный и неуравновешенный старик.

Гамсун, в свою очередь, надеялся увидеть вежливого, внимательного, с уважением относящегося к другим рейхскомиссара. Мудрого немецкого рыцаря, который вполне осознает, что к нему обращаются не с какими-то пустяками, а по важному делу, от которого зависит общее благополучие Норвегии и Германии.

Вместо этого перед ним предстал человек, заранее спланировавший в связи с его приходом пропагандистскую акцию.

На следующий же день «Афтенпостен» поместила материал о визите Гамсуна к Тербовену и их сердечной встрече с рейхскомиссаром в его резиденции. Тербовен пригласил Гамсуна посетить Германию и отправится туда вместе с ним на его самолете. И писатель, оказывается, с радостью это приглашение принял. В газете не было ни слова о том, что целью визита Гамсуна к рейхскомиссару была просьба об освобождении первого из арестованных норвежских писателей.

Гамсун, вероятно, ужаснулся идее совместного с Тербовеном полета в Берлин. Но тем не менее он согласился, ведь впереди была важная миссия — он полагал, что возможные беседы с Геббельсом об общих норвежско-германских отношениях вполне могли бы происходить в иной обстановке, в атмосфере взаимного уважения и доверия.

Полет был коротким. Шасси самолета, едва оторвавшись от земли, вновь ее коснулись. Придя в себя, пассажиры обнаружили, что самолет, покачиваясь, стоит прямо на каменном склоне, спускающемся к морю.

Рассерженный Тербовен распорядился, чтобы Гамсуну и его сыну подали в зале ожидания шнапс, а сам уехал. Отец и сын должны были ждать нового самолета, который в течение ближайших дней будет им предоставлен. День за днем Гамсуну и его сыну сообщали, что полет отменяется по причине нелетной погоды. Наконец, на одиннадцатый день ожидания, погода

оказалась подходящей, но тут выяснилось, что вся семья Геббельса заболела гриппом. Таким образом, визит Гамсуна к министру пропаганды был отложен на неопределенный срок.

30 января 1941 года Гамсун вернулся в Нёрхольм. Игра вокруг Норвегии продолжалась. Гамсун не сдавался. Он написал статью в газету, в которой сформулировал основы, на которых должно строиться германско-норвежское сотрудничество: «Поскольку наши страны с давних времен сотрудничали между собой в сфере науки, торговли и транспорта, у нас всегда были сходные условия и образ жизни, и таким образом сложилось общегерманское мировоззрение, затрагивающее и Норвегию, и Скандинавию. Вот где предпосылки нашей совместной работы. Это не пророчество. Это голое знание и историческая интуиция. Все основано на хорошо осознаваемом тайном родстве и тайной общности нашей крови. Мы все германцы»[432].

Весной 1941 года сотрудники рейхскомиссариата вновь связались с Гамсуном через его сына Туре. Видимо, они надеялись, что сын сумеет убедить отца посетить выздоровевшего Геббельса. Отец поспешно ответил сыну: «Я не поеду в Германию, по-немецки я не говорю, я почти ничего не слышу, мне 82 года, и я не какая-то достопримечательность, чтобы меня возить по свету и показывать всем <…>. Все это в целом говорит само за себя, и посему я не поеду в Германию, даже если бы сам Гитлер пригласил меня»[433].

Это был сигнал. Гамсун не желал разговаривать с этим высокопоставленным лицом рейха. Писатель хотел говорить с самим фюрером. Он выступил с новой статьей, которая была опубликована в ряде газет: «Германия дала нам обещание, что будет безраздельно уважать нашу свободу и национальную независимость и эти слова надежны как клятва. И мы со своей стороны хотим заверить, что заслужили подобные гарантии: вся Норвегия единодушно готова стать членом союза европейских государств, объединенных под знаменами немецкого национал-социализма. Это — наша цель». Он не собирался быть милостивым к инакомыслящим. «Всякое сопротивление будет сломлено. Гитлер не скрывает от нас своих целей: Германия поведет нас в Европу! С Англией будет покончено, мы видим, что вскоре придет наше спасение и Норвегия будет защищена и перестанет быть разменной монетой в политических интригах этих бульдогов-англичан. Мы сменили колею и находимся на пути в новое время и обновленный мир». В конце статьи он дает клятву верности: «Многие, очень многие говорили о нашем будущем. Но только слова Гитлера запали мне в душу»[434].

Он знал, что это признание будет замечено теми, у кого есть прямой контакт с фюрером Третьего рейха. В 1941 году он написал свою самую длинную за период войны пропагандистскую статью, которая была опубликована в ежемесячном журнале «Берлин — Рим — Токио». В ней он, словно ветхозаветный пророк, клеймил неправедных Черчилля, Сталина и Рузвельта, указывая на праведника — Гитлера.

Там же он подробно изложил свою точку зрения на большевизм, который, по его мнению, разрушил русских, лишил их души. «У русских было своеобразие, что-то подлинное, первичное, и все это за 24 года большевизма исчезло, в этой их теперешней повседневной жизни, состоящей из железа, крови, цемента <…>. Сегодня в России повсюду льется кровь, и нет ни добросердечия, ни милосердия»[435].

Англичане, по мнению Гамсуна, самый трусливый, самый ничтожный народ в Европе, нация мясников, способная, если им это потребуется, вступить в союз с самим дьяволом, что уже продемонстрировал Черчилль, вступив в тайный союз со Сталиным. Таким образом несколько лет назад возник всемирный заговор, цель которого — навсегда уничтожить Германию. «Когда англичане спелись с большевиками, то за их спиной уже стоял и третий заговорщик — Америка. Они стали договариваться о войсках и оружии, так как впереди им предстояла большая война, русские готовы воевать за свою мировую революцию, а англичане — за свое мировое господство. Они стремятся уничтожить Германию, но при этом скатится в пропасть вся Европа. И цена победы не важна для этих двух заговорщиков, как и для третьего. Хотя им придется пожертвовать жизнями миллионов солдат, они готовы уничтожить всю культурную жизнь Европы и довести ее до состояния варварства».

Эти люди собрались для того, чтобы обдумать свои планы «разделаться с гитлеризмом и тем самым сломать хребет Германии. Но сейчас подобный триумф им недоступен, потому что в настоящее время большая часть Европы поддерживает Германию <…>. Президент Рузвельт — конечно же, энергичный парень. Он способен замедлить ход событий, но изменить судьбу Англии он не может. Он может направлять денежные суммы в Китай, а оружие — в Советский Союз, но не в силах лишить нас радостной уверенности в том, что время большевиков в Европе подходит к концу. Он может затянуть войну, но новый порядок в Европе стремительно прокладывает себе путь, так как все народы политически, экономически и в культурном плане работают вместе со странами оси».

В статье, написанной накануне Рождества 1941 года, он говорит о том, что за святое дело не жалко отдать свою жизнь. Хотя в 1940 году он призывал норвежских юношей бросать оружие, так как они молоды, чтобы умирать, сопротивляясь немецким солдатам. Через полгода он уже будет призывать их записываться добровольцами на восточный фронт.

Осенью 1941 года внутри СС было создано специальное подразделение из норвежских добровольцев, которые вместе со своими немецкими братьями должны были сражаться против советских солдат. Подобные национальные легионы создавались и в других оккупированных странах. Из-за страшной зимы, огромных расстояний, а главное, стойкого сопротивления советских войск немцы вынуждены были приостановить наступление на Москву и другие крупные города Советского Союза.

Вскоре и 29-летний сын Гамсуна Арилд добровольно вступил в норвежский легион. Но большинство норвежской молодежи не откликнулось на пламенный призыв старого писателя. Молодые норвежцы всеми способами старались сопротивляться, бороться с оккупационным режимом и его приспешниками в Норвегии. В течение четырех лет оккупации около 20 000 норвежцев стали узниками «Грини», наиболее крупного в Норвегии концлагеря для оппозиционеров оккупационного режима. Среди заключенных было много молодежи.

И в юности, и в зрелые годы Гамсун писал о том, как плохо, когда старик не может идти в ногу с молодыми.

Он не допускал мысли, что это может коснуться и его самого.

В ночь на 26 ноября 1942 года началась депортация норвежских евреев. В ходе этой акции, запланированной и осуществленной норвежской полицией, 582 арестованных еврея были доставлены на борт судна «Данау». Тогда еще немногие понимали, какой чудовищный механизм уничтожения запустил Гитлер.

Из 762 человек, отправленных в немецкие концентрационные лагеря, выжило не более двадцати.

После нападения Германии на Советский Союз ярлык врага рейха получал не только каждый еврей, но и всякий, кто оказывал сопротивление нацистам и квислинговцам. Значение Норвегии для господ из берлинского штаба многократно возросло, когда она стала плацдармом для военного похода против большевиков. Из хорошо защищенных гаваней вдоль всего норвежского побережья немецкие военные корабли и подводные лодки

совершали атаки на конвои союзников, которые доставляли в Советский Союз, в Мурманск, оружие и военное снаряжение. Гитлер все более и более склонялся к мысли, что противники будут стремиться отбить Норвегию. Вот почему норвежская обороноспособность постоянно укреплялась. Немецкое военное присутствие все больше определяло жизнь норвежцев. Любое сопротивление властям расценивалось как нападение на немецкую армию или саботаж в интересах англичан.

В течение первых лет оккупации некоторым норвежцам был вынесен смертный приговор, но, к счастью, почти все приговоры были заменены на тюремное заключение. Только двоих приговоренных к смерти казнили, в 1941 году число казненных достигло 35 человек, а в следующем году — 121 человека. Расстояние между жизнью и смертью сокращалось. Все больше и больше отчаявшихся родственников обращались в Нёрхольм, слезно умоляя спасти приговоренных к смерти или вызволить из тюрьмы арестованных. Супруги Гамсун изо всех сил старались использовать свое влияние, чтобы помочь осужденным. Но их просьбы весьма редко приводили к положительному результату. У Гамсуна зрело убеждение, что Тербовен своим террором уничтожает саму идею процветающей Норвегии в составе Великой Германии, он погружает Норвегию в море бедствий. Таким образом, все новые и новые нити вели Гамсуна к Гитлеру.

Паутина судьбы

Йозефу Тербовену не удалось вытеснить Видкуна Квислинга из норвежской политики. Возглавляя партию «Национальное единство», он оказывал большое влияние на правительство, сформированное в октябре 1940 года, хотя формально не занимал в нем никакого поста. В феврале 1942 года он был назначен премьер-министром, с полномочиями, как это было официально указано, которыми до него обладали только король и стортинг.

Во время всего периода оккупации в письменных обращениях к Гитлеру и во время встреч с ним Квислинг тщетно пытался убедить последнего пойти на три важных шага: официально заключить мирный договор с Норвегией, ввести конституцию, которая бы гарантировала право норвежцев быть хозяевами своей страны, и, наконец, издать указ, который обеспечивал бы Норвегии особое место в Великом германском союзе.

Перед Рождеством 1942 года Квислинг осознал, что только один из тысячи норвежцев поддерживает политику немецких оккупационных властей во главе с Тербовеном. После Рождества

он занялся серьезным изучением этого вопроса. Этот фактор и явился главной причиной того, что зимой 1943 года Квислинг попросил аудиенции у Гитлера.

19 апреля 1943 года Квислинг встретился с Гитлером в замке Клесхайм, неподалеку от летней резиденции Гитлера, Бергхофа. Гитлер усердно потчевал посетителя своими длинными монологами, при которых присутствовал и с удовольствием наблюдал за происходящим Йозеф Тербовен. Квислинг уже имел возможность лицезреть и слушать фюрера 14 месяцев назад. В данный момент фюрер никак не мог дать каких-либо гарантий насчет будущего Норвегии, сроков окончания войны, общей государственной системы управления и чего-либо другого в этом роде.

Вопросы, касающиеся нового порядка и Великого германского союза, следует отложить до окончания войны.

Тем не менее, Квислинг не сдавался. Были сделаны последние приготовления для того, чтобы включить в игру, касающуюся будущего Норвегии, несомненно, самого уважаемого в Германии норвежца.

И вот Гамсун, который в течение многих лет старательно избегал появляться в больших собраниях, независимо от того, кто его приглашал, решил отправиться на конгресс в Вену, где собрались около пятисот писателей из сорока стран. Организаторам удалось уговорить присутствовать на нем и самого главного представителя германской культуры.

Немецкий писатель Эдвин Двингер{105} произнес речь о значении творчества почетного гостя конгресса, 84-летнего Кнута Гамсуна: «Большое число писателей, которых Германия дала миру, покинули ее, оставили нас навсегда. Многие из них не только забыли, что Германия прославила их среди всего остального мира, но дошли до того, что позволили в своих сердцах поселиться ничтожному чувству — ненависти. Гамсун — единственный, кто стоит на нашей стороне, один, хотя вокруг него бушуют бури. И потому мы благодарим его не только за его искусство, несказанно обогатившее наш народ, но также и за несокрушимость его позиции, которая придает нам не меньше силы, чем произведения, которые он написал за свою жизнь. И потому не может быть ничего более ободряющего и внушающего оптимизм, нежели сознание того, что самый крупный из ныне живущих писателей на нашей стороне»[436].

Гамсуна нельзя было прельстить ни деньгами, ни почестями, но была еще и третья страсть — стремление обладать властью, а в данном случае возможность использовать свое влияние на благо

собственной страны. Позднее, во время судебного процесса, он будет утверждать, что долгие годы был предан идее, что Норвегия будет играть выдающуюся роль в Великом германском союзе. Поэтому весной 1943 года он и решил участвовать в писательском конгрессе в Вене, поскольку это давало ему надежду на то, что исполнится самое большое его желание: получить аудиенцию у фюрера.

Позднее Мария следующим образом описывала его приготовления к встрече с Гитлером: «Как удар молнии его поразила мысль, что ехать просто необходимо, хотя любой политик наверняка предостерег бы его от напрасных надежд, ведь это была лишь мечта, иллюзия художника, не более того. Целую неделю он сидел за столом, перебирая и взвешивая свои аргументы, раскладывая свои листки. Его голос доносился до меня отовсюду, где бы я ни находилась, он проникал через стены и пол, это было похоже на то, как он разговаривал и спорил со своими персонажами, когда писал „Август“. Каждый день он представлял себе, как будет находиться лицом к лицу с Гитлером, и все твердил и твердил те самые лучшие, убедительные слова, которые только мог придумать. Потом пытался предположить, что скажет Гитлер и что на это возразит он, Гамсун. День за днем сидел он за столом, заполнял буквами свои листки, сочиняя текст, что-то вычеркивал, что-то рвал. Порой он вскакивал и начинал беспокойно ходить по комнате, той нервной, крадущейся походкой, которая была ему присуща, когда он колдовал над очередной рукописью. В такое время он относился к своему письменному столу с разложенными на нем листками, как относится к своему гнезду птица, высиживающая птенцов. Если кто-то хотел у него что-то спросить, он разговаривал с пришедшим через небольшую щель слегка отворенной двери»[437].

Есть все основания верить тому, что написала Мария. Наверняка все так и было.

Хотя, конечно же, идея поездки к Гитлеру возникла у него отнюдь не спонтанно. Уже сразу после своей первой встречи с Тербовеном в январе 1941 года он начал подумывать о возможности говорить с Адольфом Гитлером напрямую. Неоднократные приглашения со стороны Геббельса вполне могли укрепить его в мысли, что это возможно. Кроме того, произошло и еще одно событие, которое усилило представление Гамсуна о том, что он избран.

Дочь Гамсунов Эллинор все больше страдала от анорексии, алкоголизма и нервных болезней, поэтому было решено забрать

ее из клиники в Баден-Бадене домой. Сначала предполагалось, что за ней отправится одна Мария, но все же и Гамсун поехал вместе с ней. Он так хотел увидеть министра пропаганды и самого фюрера, что готов был дважды в течение месяца посетить Германию.

19 мая 1943 года Магда и Йозеф Геббельс приняли супружескую чету из Норвегии в своем доме на Герман-Геринг-штрассе. Многочисленные таланты министра позволили занять ему место третьего человека в нацистской иерархии. В тот момент Гитлер поставил перед ним задачу нагнетания в самой Германии и на оккупированных территориях военного психоза, чтобы население находилось в постоянной готовности к новым страданиям и жертвам. Более двадцати лет Геббельсу удавалось проделывать различные политические трюки, он довел до совершенства свое искусство выдавать ложь за правду.

Теперь Геббельс выступил с призывом к тотальной войне.

Гамсуны пробыли у Геббельсов более двух часов[438].

С гостями вышли поздороваться и шестеро детей Геббельса. Марии уже доводилось встречаться с министром пропаганды. Министр и писатель произвели друг на друга неизгладимое впечатление. Первый записал в своем дневнике, что когда они стояли рядом лицом к лицу, то у Гамсуна навернулись слезы на глаза и ему надо было их смахнуть, так сильно он был растроган встречей с Геббельсом. Разговаривать им было трудно, так как Гамсун плохо слышал и Марии приходилось кричать ему в ухо, чтобы передавать сказанное Геббельсом. Геббельс считал его одним из самых выдающихся писателей всего мира. Во время беседы был затронут вопрос о том, что интерес к книгам Гамсуна в скандинавских странах стремительно падает. «Какое безобразие», — возмутился министр пропаганды. И заявил: собрание сочинений Гамсуна в Германии выйдет тиражом в 100 000 экземпляров. Писатель пытался вежливо протестовать, ссылаясь на нехватку бумаги в военное время.

Говорили они и о политике. В своем дневнике Геббельс записал, что Гамсун выказывал неизменное отвращение к англичанам и что его вера в победу Германии была несокрушимой.

Вернувшись домой, Гамсун продолжил работу над той речью, которую ему предстояло произнести на венском конгрессе писателей, над доводами, с которыми он обратится к Гитлеру по поводу жестокой оккупационной политики Тербовена, а также по другим вопросам, касающимся будущего Норвегии. Одновременно он размышлял о том, как отблагодарить Йозефа

Геббельса. Несколько лет тому назад Сельма Лагерлёф выступила с призывом к нобелевским лауреатам продать на аукционе свои нобелевские медали, чтобы вырученные средства направить на помощь Финляндии, на которую напал Советский Союз. И вот какое решение принял Кнут Гамсун 17 июня 1943 года, вот с какими задушевными словами он обратился к Геббельсу: «Нобель учредил свою премию как награду за деятельность идеалистической направленности. Я не знаю никого в мире, кто бы с большей идеалистической направленностью неустанно и писал, и выступал с речами о судьбах Европы и всего человечества, чем Вы, господин рейхскомиссар. Я прошу Вас простить меня, что посылаю Вам свою нобелевскую медаль. Конечно же, она для Вас совершенно бесполезна, но мне нечего больше послать Вам»[439].

Шла война и в Европе, и по всему миру, но почта работала. Уже через неделю после того, как Гамсун отправил свою медаль в Берлин, он получил в ответ слова благодарности от Геббельса. Тот писал, что смущен и не может принять этот знак уважения. Но все же обратился к Гамсуну со следующей тирадой: «Если Вы имеете в виду лично меня и мою общественную деятельность, то я принимаю ее как выражение Вашей причастности к борьбе за новую Европу и счастливое общество»[440].

Однако в письме Геббельса ничего не было сказано о возможной встрече фюрера и литературного корифея, который пожертвовал свою нобелевскую медаль в знак веры в Германию.

Дело в том, что в отношении фюрера действовала целая система беспрецедентных мер безопасности. Все его встречи должны были проходить в обстановке строжайшей секретности, время и место сообщалось участникам непосредственно перед встречей, было строжайше запрещено каким-то образом обсуждать это публично или в частных контактах.

В тот самый день, когда Геббельс подписал свое письмо Гамсуну и проставил на нем дату, Гамсун уже снова находился в Берлине, второй раз за этот месяц.

Политические откровения на конгрессе в Вене

В первой половине дня 22 июня 1943 года из аэропорта Форнебю, в предместье Осло, курсом на Берлин вылетел самолет, на борту которого находился Кнут Гамсун. Через какое-то время самолет приземлился в Темпельхофе. Отсюда Гамсуна привезли в находящийся неподалеку отель «Адлон», где он переночевал. Здесь же ему пришлось срочно отвечать на письмо, которое он

получил перед самым отъездом из Нёрхольма. Письмо было от дочери Виктории, в котором она сообщала, что умерла ее мама, первая жена Гамсуна, — ей было всего шестьдесят. В связи с этим он прервал свое двенадцатилетнее молчание по отношению к дочери: «Я думаю о твоей матери, я ее благословляю, ее невинную душу, которая вознеслась на небеса»[441].

В письме было несколько ошибок. Немногим более года назад он перенес кровоизлияние в мозг, и близкие обнаружили его лежащим на полу в столовой, после чего он провел несколько недель в больнице.

После выздоровления его работоспособность восстановилась достаточно быстро, но в результате болезни ему трудно было подбирать нужные слова, как в устной, так и в письменной речи. Ему пришлось долго тренироваться, чтобы вернуться в прежнее состояние, и в целом ему это удалось. И все же последствия случившегося давали о себе знать. Ему теперь приходилось по несколько раз переписывать черновики, чтобы исправить неправильные выражения и ошибки в словах. Но сейчас ему не удалось этого сделать, так как в Берлин он приехал на короткое время, а ответить дочери нужно было срочно.

В Вене его встречали официальные лица, среди которых были представители немецкого министерства пропаганды, рейхскомиссариата в Норвегии и «Национального единства». После короткого отдыха в отеле «Империал» Гамсуна привезли в Хофбургский замок. Пресс-атташе Гитлера Отто Дитрих провел Гамсуна на почетное место в первом ряду, в то время как все присутствующие в зале стоя приветствовали короля писателей долгой овацией. Потом воцарилась тишина, и Дитрих представил всем высокого гостя. Когда Гамсун поднялся со своего места, овация разразилась вновь, но как только он обратился к собравшимся по-норвежски: «Уважаемое собрание…», — наступила мертвая тишина[442]. Он повторил в сокращенном виде свою нобелевскую речь, произнесенную в Стокгольме двадцать три года назад.

Не без демонстрации некоего самоуничижения он выразил надежду, что представители разных народов Европы не откажутся принять приветствие поэта Севера. Он писал свои книги, пока еще были силы, а произносить речи он не умеет и может рассчитывать лишь на благожелательность публики. Когда слова Гамсуна были переведены, грянул новый несмолкающий шквал аплодисментов. Потом на трибуну взошел редактор центрального органа «Национального единства», газеты «Фритт Фолк», Арнт Рисховд и зачитал ошеломляюще жесткое политическое заявление человека,

который только что кокетничал со своим возрастом и усталостью.

Вот каковы были эти политические откровения Гамсуна: «Я прибыл на конгресс свидетельствовать, что я являюсь глубоким и последовательным антибританцем, англофобом и не могу припомнить, что когда-либо мои взгляды были иными». В течение всей своей долгой жизни Гамсун неоднократно убеждался в том, что источником всех несчастий, притеснений, угнетения других народов, нарушений международных обязательств является именно Англия. И виновницей теперешней войны, приносящей бедствия всему миру, является Англия. «Англию следует поставить на колени!»

При этом мало кто умел так сильно любить, как Кнут Гамсун, и он дал выход своей безграничной любви: «Страна, противостоящая яду английской политики, — это великая и могущественная Германия». Германия против своей воли была втянута в Первую мировую войну и была вынуждена сражаться с четырьмя державами, но поражение Германии пришло изнутри: «Год за годом немецкое население подвергалось пагубному влиянию со стороны чуждых элементов, которые разлагали нацию и ослабляли германский дух в народе, а это очень устраивало Англию: пусть Германия ослабнет. Огромное число представителей негерманской расы заменило часть населения истощенной войной нации».

Далее он описал последовавшие за окончанием войны мрачные годы, за которыми наступила эра национал-социализма, «в Германию пришло озарение и чудо, связанное с проявлением воли и германской силы, олицетворением которых и является наш фюрер Адольф Гитлер».

В первый же день работы конгресса великий писатель убедительно продемонстрировал, что заслужил право доступа к диктатору. Уже на следующий день его заявления были опубликованы во всех немецких и в ряде зарубежных газет под заголовком, которым он сам снабдил журналистов: «Англию на колени!» Все комментаторы отмечали несокрушимую веру Гамсуна в то, что справедливая борьба Гитлера увенчается победой. В четверг одному из своих посетителей Гитлер уделил особенно много времени. Этим посетителем был Йозеф Геббельс. С огромным чувством гордости министр пропаганды пересказал, а возможно, и процитировал самое главное откровение короля норвежских писателей: «Адольф Гитлер — удивительный человек, который перевернул набок весь мир, а теперь переворачивает его на другой. И с этим он справится»[443].

Мария на этот раз не поехала в Германию. Ее кандидатура как переводчика не обсуждалась, так как встреча ее мужа с Гитлером касалась крайне деликатных политических дел. То же самое относилось и к Туре Гамсуну. Гамсуна из Осло в Вену сопровождали Герман Харрис Олл, имеющий ученую степень в области юриспруденции и философии, и Эгиль Хольмбю, заведующий пресс-центром, оба специалисты по международному праву. Последний из названных должен был непосредственно сопровождать Гамсуна на встречу с Гитлером. О возможности встречи Гамсуну впервые сообщили, когда он находился в самолете, направляясь из Вены в сторону главной штаб-квартиры фюрера. Еще в первый вечер пребывания в Вене Гамсун доверительно поведал одному знакомому, что целью его поездки в Германию является встреча с Гитлером, а результатом, как он надеется, отставка Тербовена. Этим человеком был семидесятивосьмилетний Леон Люнглюнд, бывший член шведского риксдага. Хотя абсолютной уверенности у Гамсуна не могло быть ни в чем, даже в том, что встреча состоится[444].

Никто, даже сам Геббельс, не мог обещать Гамсуну и его посредникам, что сумеет уговорить фюрера принять Гамсуна. При этом Геббельс давал понять, что это дело решенное. Иначе, вероятно, Гамсун просто не поехал бы второй раз в Германию и избежал бы всего того, что ему пришлось пережить во время конгресса.

24 июня, в четверг, Геббельс завел разговор с Гитлером о возможном визите Гамсуна. То же самое сделал и Бальдур фон Ширах, который также был восторженным поклонником творчества Гамсуна и одним из тех, кто посылал телеграмму в Нёрхольм по случаю восьмидесятилетия Гамсуна. Правда, согласно дневниковым записям личного секретаря Гитлера, когда фон Ширах осторожно намекнул на встречу с Гамсуном, реакция Гитлера не была безоговорочно позитивной[445].

Писатель и диктатор

В субботу, 26 июня 1943 года, Кнут Гамсун, вместе с сопровождающими его лицами, с Отто Дитрихом и Эгилем Хольмбю, поехали на машине в Асперн, где их уже ждал личный самолет Гитлера «Фокке-вульф 200 Кондор». Самолет летел со скоростью 345 километров в час, они находились в полете три

четверти часа, во время которых Дитрих кричал в ухо Гамсуна, сообщая ему названия красивых горных вершин, над которыми они летели. Потом пришло время освежиться, и Гамсун выпил большую рюмку коньяка.

После приземления они на «мерседесе» отправились в Бергхоф. Гамсун сидел на переднем сиденье. Герман Харрис Олл был исключен из числа приглашенных. Вероятно, организаторы встречи посчитали, что без этого друга Квислинга и специалиста по международному праву аудиенцию у Гитлера с большим успехом можно будет свести к визиту вежливости.

Встреча с Гамсуном, на которую согласился Гитлер, пришлась на не лучший период в жизни фюрера. Два года назад в разгаре лета Гитлер отдал приказ о нападении на Советский Союз. К лету 1942 года Третий рейх достиг своих максимальных размеров, знамена со свастикой развевались уже на трех континентах, а немецкие оккупационные войска стояли во многих европейских странах. Но в конце января 1943 года Рузвельт и Черчилль встретились в Касабланке, для того чтобы выработать общую точку зрения на условия капитуляции Германии.

Восьмидесятитрехлетний Гамсун, ехавший на встречу с Гитлером, все еще ощущал последствия кровоизлияния в мозг, которое случилось с ним четырнадцать месяцев назад, он был туг на ухо, а правая рука сильно дрожала. Пятидесятитрехлетний мужчина, который должен был встретить старика, находился в еще худшей физической форме. Гитлер держался на очень сильных антидепрессантах и принимал множество других медикаментов, которыми его пичкал врач. «Вместе с чередой военных поражений он утратил свою харизму и энергию, необходимые, чтобы постоянно поддерживать образ несгибаемого вождя; он выглядел усталым, с опущенными плечами, хромал на одну ногу, у него был поблекший взгляд, одутловатое лицо, левая рука дергалась. Человек явно деградировавший, в скверном расположении духа и, по его собственным словам, страдающий от меланхолии», — так описывал Гитлера в этот период один из его биографов[446].

Когда Гамсун вошел в зал Бергхофа, его встретили два человека, одетые в военную форму. Гамсуну не пришлось долго ждать хозяина, но, вероятно, он успел прочитать надпись на двери комнаты, в которую его пригласили, — «Meine Ehre heisst Treue». «Честь и верность», девиз СС. Вот куда привел Кнута Гамсуна его путь мечтателя и завоевателя.

Они протянули друг другу руки.

«Я чувствую прочные нити, связывающие меня с вами, ведь моя жизнь во многом очень похожа на вашу», — так приветствовал Гитлер своего гостя, предварительно спросив у него, как происходит процесс творчества. Сам он в основном пишет по вечерам, поделился он с писателем[447].

Гитлер провел писателя в свой рабочий кабинет. Перед огромным окном, шириной в десять метров, стоял шестиметровый письменный стол. Стены комнаты были обиты массивными панелями из лиственницы и, начиная с полуметровой высоты, выкрашены в белый цвет, потолок — темный, из мореного дуба. Он повел Гамсуна и Хольмбю в одну из комнат, представляющих собой салон, они расположились у окна. Им подали чай.

Конечно же, Гитлер откликнулся на вежливую просьбу Гамсуна, чтобы Хольмбю, как дипломатический представитель, переводил их беседу. Переводчик Эрнст Цюхнер демонстративно покинул комнату, но ушел недалеко — он расположился за ширмой вместе со стенографисткой Гитлера Кристой Шрёдер, чтобы зафиксировать все, что будет сказано. Отто Дитрих и Вальтер Хевель, один из представителей министерства иностранных дел, разместились за маленьким столиком неподалеку.

Политик хотел говорить о творчестве. А писатель, как раз наоборот, жаждал говорить о политике. Гитлер сразу понял это, когда Гамсун, прочувственно выразив свою веру в Германию, начал обсуждать оккупационную политику:

— Председатель норвежского Союза судовладельцев обращался к рейхскомиссару Тербовену с просьбой предоставить больше свободы норвежскому флоту и судостроению. Но рейхскомиссар не желает вникать в эти проблемы и просто насмехается над норвежцами, советуя им плавать по Балтийскому морю и по своим озерам.

Тут Гитлер вынужден был объяснить своему гостю, что в связи с военным временем о дальних плаваниях не может быть и речи.

— Но дело в том, что рейхскомиссар относит то же самое и к послевоенному времени, — возразил собеседник.

Гитлер привык получать от своих посетителей психологическую поддержку, заряжаться от них энергией. Он искренне надеялся, что встреча с великим писателем вдохновит его на длинную речь, возможно, на речь о гениальности, эта тема весьма интересовала его. Но этот норвежец, который, как

представил его Геббельс, является одним из величайших современных прозаиков, судя по всему, отнюдь не собирался говорить о творчестве, искусстве и гениальности.

И тогда Гитлер попытался закрыть тему флота и оккупационной политики, заметив, что в данный момент преждевременно говорить что-либо определенное о будущем. Но этот упрямый старик не давал сбить себя с толку.

— Но ведь эти слова рейхскомиссар произнес в адрес Норвегии, страны, у которой третий по величине флот в мире. Кроме того, рейхскомиссар не раз утверждал, что в будущем вообще не будет ничего такого, что называлось бы Норвегией!

Опять нападки на Тербовена. В планы Гитлера никоим образом не входило выводить войска из Норвегии. Многочисленные предложения Квислинга, суть которых сводилась к тому, что Норвегия может взять на себя собственную оборону, была той самой идеей фикс, которую он никак не мог удалить из головы министра-президента. Уже в начале 1941 года фюрер отдал распоряжение Альберту Шпееру, главе министерства морского флота, приступить к масштабному строительству в Тронхейме, чтобы там можно было разместить до четверти миллиона человек. Этот город должен был стать главным опорным пунктом в борьбе Третьего рейха за обеспечение контроля над морскими путями вдоль атлантического побережья.

Гитлер решил остановить поток красноречия Гамсуна тем же самым способом, каким он в свое время заставил замолчать и Квислинга.

— Но ведь в Норвегии, не в пример другим занятым нами территориям, есть свое собственное правительство.

— В Норвегии все решает рейхскомиссар! — Гамсун продолжал рассказывать о том, какие препятствия создавал рейхскомиссар Тербовен Герману Харрису Оллу, который старался предостеречь своих сограждан от дружеских чувств к Британии.

Хозяин уже начал терять остатки своего терпения, когда вдруг переводчик Гамсуна Хольмбю сам подключился к их беседе. Он сетовал на то, что норвежцы смотрят на членов «Национального единства» как на предателей. Хольмбю напомнил о старом предложении Харриса Олла учредить комиссию, которая могла бы доказать всем, что это король и норвежское правительство предали свой народ в начале войны и в первый период оккупации. Это направило бы общественное мнение в другую сторону. Он также попросил Гитлера дать Тербовену указание разрешить Харрису Оллу и его соратникам доступ к некоторым документам, в чем тот им отказывает.

Гитлер выразил свое неудовольствие тем, что переводчик действует самостоятельно. За этим последовал окрик в сторону Цюхнера, сидящего за драпировкой, за то, что он записывает это. Тем не менее вся эта ситуация дала Гитлеру желанную возможность перейти в наступление.

Он тут же начал комментировать предложение переводчика о комиссии, которая должна была расследовать действия норвежского короля и правительства весной 1940 года.

И тут случилось немыслимое. Писатель снова прервал диктатора: «Методы рейхскомиссара совершенно не подходят нам, его прусские замашки просто невыносимы. Все эти казни! Мы не можем более терпеть этого!»

Цюхнер отметил, что Гамсун был очень взволнован. В своих записях он зафиксировал и нечто более важное: последнюю реплику Гамсуна Хольмбю переводить не стал, ведь от нее веяло бунтом и предательством. Двое находящихся за ширмой и прекрасно понимавших норвежский язык немцев мысленно поблагодарили Хольмбю, ведь этот старик-писатель едва не спровоцировал приступ страшной, опасной для всех ярости фюрера. Дитрих и другие знавшие фюрера в течение многих лет заметили, как он с помощью длительного потока речи пытается успокоиться сам и одновременно нейтрализовать старика. Тема его тирады была одной из его самых любимых: различие между политической и военной властью. Он привел множество примеров того, каких многочисленных жертв может потребовать выполнение военных задач как в Норвегии, так и в других странах.

Как только в голосе Гитлера появились теплые нотки, его речь снова была прервана.

— Тербовену не нужна свободная Норвегия, ему нужен протекторат, вот что он видит в перспективе.

После этого фюреру был задан прямой вопрос:

— Будет ли когда-нибудь Тербовен отозван из Норвегии?

Здесь уж Гитлер решил закончить обсуждение темы Тербовена.

— Рейхскомиссар — человек военный, он находится в Норвегии исключительно для выполнения военных задач. Когда необходимость в этом отпадет, он вернется в Эссен, где занимает пост гауляйтера.

Далее случилось нечто такое, чего никто из присутствовавших никогда в жизни не забудет. По мере того как Хольмбю переводил Гамсуну слова Гитлера, тот чувствовал себя все более удрученным и, когда ему самому надо было отвечать,

он неожиданно расплакался.

— Конечно же, мы не против оккупации. Она должна еще какое-то время сохраняться. Но этот человек способен разрушить больше, нежели Гитлер может построить!

И вновь Хольмбю не стал переводить самые опасные слова Гамсуна. Он повернулся к Гамсуну и решительно предостерег его: «Не нужно больше говорить об этом, ведь у нас есть обещание фюрера».

Гитлер снова начал рассуждать о судьбоносной битве, в которую вступил мир, о необходимости наращивания производства оружия, об увеличении числа танковых дивизий, которые должны сыграть решающую роль, и о новом секретном оружии. При этом Гамсун несколько раз пытался прервать его.

Его встреча с фюрером была задумана им не для того, чтобы потом всю жизнь гордиться оказанной ему честью, почерпнуть что-то из разговора с фюрером или укрепить свою веру в победу. Он плыл на каботажном судне из Арендала до Осло, летел на самолете из Осло до Берлина, а потом дальше до Вены, на этот конгресс, где он проделал самое отвратительное из того, что только можно было представить, — выступление перед собравшимися, эдакий эстрадно-цирковой номер. После этого он полетел на самолете в Альпы и наконец в Бергхоф — и все только потому, что он связал свое имя и свое перо с утопией всемирно-исторического масштаба: речь шла о новом порядке в Европе, во всем мире и о создании нового человека. Вот почему ему было необходимо открыть Гитлеру глаза на жестокую оккупационную политику Тербовена, которая могла уничтожить великую мечту. Гамсун отнюдь не был, как полагал Гитлер, посланником оккупированной страны, который просил об особом отношении к ней. Человек, представший перед Гитлером в субботу 26 июня 1943 года, сам был истовым пангерманистом, считающим своим священным долгом избавиться от нечестивого наместника. Тербовен опорочил истинное учение. Именно это писатель и пытался донести до диктатора.

Гитлер еще раз повторил: добрая воля Германии проявилась в том факте, что у Норвегии есть собственное правительство.

— Мы разговариваем как будто бы через стену, — произнес Гамсун решительно и скорбно.

Хольмбю не стал переводить. Но невольные жесты Гамсуна говорили сами за себя.

За четыре месяца до этого Геббельс выступал во дворце спорта и под гром аплодисментов получил одобрение масс на ведение «тотальной войны», которая потребует от немецкого

народа новых кровавых жертв. Нацисты открыто провозглашали свои приоритеты: воля, стойкость и безжалостность. А писатель, пришедший к Гитлеру, просил о мягкости, клянчил послаблений для своего народа, который, между прочим, боролся против немецкой военной машины. Старик, то и дело готовый расплакаться, просил Гитлера снять железную перчатку. Неужели писатель воображал, что вести войну — это то же, что произносить речи? Что значили испытания норвежцев по сравнению с тяготами и кровавыми жертвами со стороны немецкого народа? Фюрер стал объяснять, каких усилий потребовала война от немецкого народа.

Наконец гостю удалось сформулировать именно то, что все время вертелось у него на языке и было самой сутью: «Мы верим в фюрера, но его волю искажают».

В течение тех недель, когда Гамсун сидел за столом в одной из комнат Нёрхольма и готовился к встрече с Гитлером, он считал себя своего рода инструментом Провидения. Гитлер его примет. Гитлер поймет его. Гитлер сделает то, на что ему укажет Гамсун, после того как он убедительно объяснит, что Тербовен своим чрезмерным применением силы дискредитирует великое нацистское учение.

Один из участников беседы почти ничего не слышал, другой не желал слышать. Талант суггестивного воздействия диктатора не производил впечатления на писателя. А слова писателя ничуть не затронули диктатора.

И все же… Как часто в романах Гамсуна несчастливое положение персонажа вдруг сменялось на счастливое. Быть может, во время всей этой беседы с Гитлером он до последнего цеплялся за надежду на счастливый поворот. Когда же в конце концов стало очевидно, что он потерпел фиаско, его уже ничто не могло сдержать, и он заявил:

— Управление Норвегией осуществляется неправильно. Это приведет к новой войне.

Хольмбю не осмелился перевести фразу целиком, но сказанного было достаточно для того, чтобы Гитлер рявкнул:

— Замолчите, что вы в этом понимаете!

После этого он поднялся, резко взмахнул руками и вышел на террасу.

Проигравший

Оказывается, что никакой он не посланец Провидения. Он плакал и был так расстроен, что ему не удалось непосредственно

проститься с Гитлером. Наконец он собрался с силами и произнес, обращаясь к Хольмбю:

— Скажите же Адольфу Гитлеру на прощанье: «Мы верим вам!»

После того как аудиенция была прервана, за кулисами развернулась лихорадочная деятельность. Хевель распорядился, чтобы гостя проводили на автомобиле. Когда подали «мерседес», немцы устроились на заднем сиденье, а норвежцы впереди. Дитрих остался.

— Чтобы здесь больше не было подобных личностей! — орал разъяренный Гитлер. Он уже знал либо от Дитриха, либо от кого-то другого, что на следующий день Гамсуна должен был принять Геббельс. Во всяком случае, Дитрих должен был устроить так, чтобы встреча не состоялась. Гитлер хотел наказать министра, который навязал ему этого ужасного норвежца. Его настроение было испорчено надолго. Дитрих находился рядом с Гитлером с первых дней путча. Но никогда ему не приходилось сталкиваться с тем, чтобы иностранный гость осмелился прерывать монологи фюрера. И ни разу ему не доводилось видеть, чтобы кто-то перечил фюреру[448].

По дороге в аэропорт в автомобиле Гамсун живо и откровенно беседовал с Хольмбю. Ему было невдомек, что один из сидящих сзади немцев знает норвежский язык. Прежде всего Гамсуна волновало то, насколько вразумительно он сумел объяснить Гитлеру, в каком тяжелом положении находится Норвегия. Кроме того, он спросил Хольмбю, точно ли тот переводил все сказанное им. Тот торжественно заверил, что переводил все слово в слово. Гамсун выразил свое сомнение в этом и упрекнул его за то, что он самостоятельно повернул беседу в иное русло. Хольмбю объяснил свое поведение тем, что, по его мнению, совершенно не нужно было многократно возвращаться к Тербовену, так как Гитлер уже гарантировал, что после войны тот будет отозван в Германию.

— Вы идиот! Разве вы не понимаете, что все это пустая болтовня! Война будет продолжаться еще долго, очень долго! Невозможно терпеть методы рейхскомиссара. И об этом необходимо было сказать без обиняков.

Находящийся на заднем сиденье Цюхнер продолжал вести записи и в них отметил, что крайне возмущенный Гамсун с трудом пытался подобрать нужное слово, которое могло бы наиболее полно охарактеризовать Тербовена, и наконец произнес:

— Этот человек никоим образом нас не устраивает. Он — невежда!

Когда на это Хольмбю возразил, что Гамсун не может так резко критиковать высокопоставленного чиновника, назначенного на свою должность самим фюрером, Гамсун пробормотал в слезах:

— И чем все это закончится?

Хольмбю ответил ему сакраментальной фразой, которую он уже слышал от самого Гитлера, а именно, что у норвежцев есть собственное правительство.

— Вы выступаете как адвокат другой стороны. У Дании тоже есть собственное правительство.

Хольмбю пытался объяснить Гамсуну, что норвежское правительство гораздо сильнее датского, и это при том, что норвежцы в отличие от другого братского скандинавского народа оказали сильное сопротивление немецкой армии. Ответная реплика Гамсуна была полна горечи, как свидетельствует Цюхнер:

— Да, собственное правительство, но при этом Тербовен совершенно не прислушивается к словам Квислинга. Только Тербовен все решает в Норвегии.

На что Хольмбю, как было зафиксировано тем же немцем, произнес со смесью боли и презрения:

— Квислинг — это человек, на языке которого вертится всего несколько слов. Он совершенно не умеет говорить.

После короткой паузы Гамсун снова воскликнул:

— И как это все закончится?

Вечером в субботу он прибыл в Берлин и вновь разместился в отеле «Адлон». Здесь его уже ждало сообщение, что, к сожалению, на следующий день Геббельс занят и не сможет принять Гамсуна, как это было условлено ранее. При этом Гамсуну, в связи с его отъездом, было прислано множество подарков. Их было столько, что он сказал оказавшемуся рядом норвежскому журналисту:

— С каждым днем у меня прибывает имущества[449].

Несмотря ни на что, чувство юмора не изменило ему. В воскресенье Гамсуна отвезли в Потсдам, где он осмотрел дворец Фридриха Великого Сан-Суси. Утром в понедельник Гамсун покинул Берлин и Германию.

Оставался ли Гамсун верным нацизму после пережитого им в южной Германии во время встречи с Гитлером? Все указывает на то, что да. Свою клятву верности он высказал фюреру: «Мы вам верим», — и это не было просто жестом вежливости. Он продолжал искренне верить в Гитлера и великую миссию Третьего рейха: создать новый лучший мир. Гамсун верил, хотя и был рассержен, чего не могла не заметить его дочь Виктория,

когда он встретился с нею во время пересадки в Копенгагене. Он сказал ей, что из него сделали идиота. Верил, несмотря на то что в аэропорту Форнебю его встречал рейхскомиссар Йозеф Тербовен, и это было еще раз использовано в качестве пропагандистского трюка. Гамсун оставался верным нацизму, даже несмотря на то, что мог читать в газетах о том, какую пышную встречу устроил ему Гитлер, какое исключительное внимание якобы уделил ему Геббельс и как сердечно встретил его по возвращении на родину Тербовен. Даже несмотря на свое признание сыну Туре, что Гитлер не произвел на него приятного впечатления, слишком часто повторял «я», много ораторствовал, да и выглядел как какой-то подмастерье[450].

Расположившись в одном из отелей Осло, он начал сочинять письмо с извинениями, которое он хотел послать Гитлеру через Дитриха: «Я придаю большое значение этому письму. Дело в том, что пресс-атташе рейхсканцелярии разъяснил мне, что я недослышал первый ответ Гитлера. Я спросил о том, будет ли Норвегия занимать в будущем то высокое положение в Великом германском союзе, которое было ей обещано? Я не услышал, как Гитлер ответил: „natürlich“. Если бы я расслышал сразу, фюреру не пришлось бы произносить столь длинную речь»[451].

Редкие трещины в его вере если и возникли, то тут же исчезли. Хотя никогда еще в своей жизни он не был так глубоко унижен. Но эти унижения воспринимались им как неизбежные личные жертвы на алтарь пангерманизма, сама идея которого оставалась святой. И сам Гамсун, и Квислинг со своими соратниками шли в ногу с нацистами, шатаясь и прогибаясь под бременем кровавой оккупационной политики.

При том что постепенно все большее и большее число людей по всей Европе начинали осознавать саму суть нацизма: его жестокость и бесчеловечность, готовность нацистов уничтожить на своем пути любые препятствия, мешающие осуществлению их преступных целей.

Крах

А сейчас между супругами в Нёрхольме шла своя война — война, которая в 1944 году приобрела особенно изнурительный характер для обоих. Ни один из супругов не желал покидать Нёрхольм. Когда Мария была дома, то она безраздельно царила на первом этаже, во внутреннем дворе и над воротами. В распоряжении Гамсуна находилась большая комната на втором

этаже, где на стене висела огромная карта мира, на которой он отмечал ход военных действий, а большая столешница из красного дерева была завалена всевозможными газетными вырезками и бумажками с записями. Несколько раз Гамсун обращался к адвокату Сигрид Стрей по поводу возможности развода.

Из своей окруженной враждебной реальностью штаб-квартиры он наблюдал за приближением плачевного исхода войны. Пропаганда Третьего рейха была лживой, как никогда прежде. «Большие территориальные приобретения за два последних военных года позволяют германской армии вести войну таким образом, что никакие военные неожиданности не могут представлять для нее сколь бы то ни было серьезной опасности»[452].

Но лжец даже такого гигантского масштаба, как Геббельс, уже был не в состоянии скрыть всю правду.

Первого февраля 1944 года, когда прошел уже почти год со дня знаменательной встречи с Гитлером, Гамсун вновь начал выступать с политическими заявлениями. Он стал активно выступать в поддержку финнов, которые вместе с Германией воевали против Советского Союза. В марте Гамсун обратился к норвежским морякам, тем, кто воевал на стороне антигитлеровской коалиции. Он призвал их разорвать рабские путы, которыми они связаны с конвоями союзников. Тех, кто не хочет сделать этого, он заклеймил как изменников родины[453].

На своей большой карте Гамсун отмечал продвижение советских войск на запад. 6 января Красная армия пересекла предвоенную границу Польши. Комментарий Гамсуна в связи с этим содержался в письме к Туре: «немцы знают, что делают, хотя они не всегда ранее были такими разумными»[454]. В мае немцы покинули Крым.

Весной столь неколебимая ранее вера Гамсуна в победу Германии пошатнулась. Это настроение нашло свое отражение в письме от 3 июня к дочери Виктории: «Здесь у нас сейчас состояние краха, если только Германии не удастся спасти всех нас. Слава Богу, она обладает огромной силой, но, к сожалению, она вынуждена сражаться со всей Европой»[455]. В своем письме он несколько раз говорит о своем страхе, что Германия будет побеждена еще раз. Он молит Бога о том, чтобы этого не случилось, и просит Викторию научить своих сыновей молиться о том же.

Пока эти написанные Гамсуном слова были на пути к дочери,

живущей в городке на северном побережье Франции, войска антигитлеровской коалиции заканчивали последние приготовления к высадке войск в Нормандии. Через три дня после того, как Гамсун высказал свое сомнение об исходе войны, этот печальный для нацистской Германии конец стал решительно приближаться: началась крупнейшая военная операция союзников. Более 5000 кораблей, 155 000 человек десанта, при поддержке 11 000 самолетов, сплошной тридцатикилометровой стеной подошли к французскому берегу в области, называемой «Крепость Европы», как раз неподалеку от тех мест, где жила Виктория Чарльссон.

Внезапно на газетных полосах вновь возник Гамсун:

> «Подобно тому, как незыблемо стоит фронт на востоке, также незыблемо будет стоять и фронт на западе, и это не пустые мечтания, сейчас решается судьба Европы, происходит выбор между жизнью и смертью, и Европа выбирает жизнь. В эти дни, когда англосаксы своими действиями несут всем нам смерть, разрушение и гибель, хранители Европы, германцы, держат в своих руках надежду на ее спасение»[456].

Два года назад Йозеф Геббельс был в полном восторге от длинной пропагандистской статьи, написанной Гамсуном, в которой тот писал о бездушных большевиках, о нации мясников — англичанах и о предводителе евреев — Рузвельте. «Гамсун пишет очень умно, и эта статья необычайно острая <…>. Гамсун, несомненно, является одним из выдающихся интеллектуалов Европы, который всегда оставался верен знамени нового порядка» — так, захлебываясь от радости, расхваливал его Геббельс[457].

И теперь Геббельс мог быть вполне доволен Гамсуном.

Через несколько недель в «Гюльдендале» вышло двадцатитомное собрание романов Кнута Гамсуна. В предисловии к нему автор писал: «В своих произведениях я стремился выразить нечто большее, нежели позволяют мои способности, но я никогда не выражал меньшего. Мое творчество всегда шло по восходящей линии»[458].

Прекрасная формулировка уверенного в себе человека, но было ли ему самому легче от этого? Творчество Гамсуна обсуждалось в течение всей его жизни. В 30-е годы настойчиво звучал вопрос о соотношении эстетического и этического в его произведениях. При этом большинство отдавало предпочтение

первому и скептически относилось ко второму.

Как до, так и после 9 апреля 1940 года Гамсун старался прочно утвердиться в общественной жизни страны.

Но между этими периодами в истории его родины существовало фундаментальное различие. Когда Гамсун взял в руки перо после начала оккупации Норвегии, то с точки зрения юриспруденции он вступил на минное поле. Его соотечественники, оказавшиеся во время оккупации в изгнании в Лондоне или томившиеся в концентрационных лагерях, давно размышляли о том, какого именно наказания заслуживает Гамсун, который будет осужден после окончания войны. В том, что Гамсун будет осужден, ни у кого сомнений не было. Вопрос был лишь в том, каким будет это наказание.

Если, конечно, тот доживет до окончания войны.

В конце июля 1944 года Гамсун отправился в Осло. У него была договоренность с оккупационными властями. Он согласился на важный пропагандистский шаг, а в благодарность за это власти согласились подыскать ему спокойное место, где он был бы избавлен от визитов как представителей нацистов, так и вообще всех, кто захотел бы посетить его в связи с 85-летним юбилеем. Журналисты на этот раз были не в счет, так как они полностью находились под контролем властей. Проблема была в том, что никто на этот раз не хотел ставить свою подпись под статьями о Гамсуне. К 80-летию писателя в норвежской прессе появилось 85 авторских статей, а теперь лишь 17. При этом они были такие же помпезные, неуклюже написанные, как и культивируемое нацистами искусство в целом.

Гамсуна поселили в летнем домике Тербовена, расположенном на берегу моря. Шеф немецкой секретной полиции Генрих Фэлис взял на себя ответственность за охрану Гамсуна, кроме того, юбиляру был обеспечен норвежский повар. Гамсун получил поздравления от представителей нацистской верхушки. Гитлер, на которого две недели назад было совершено покушение, прислал поздравительную телеграмму. Конечно же, поздравительную телеграмму прислал и Геббельс, а также другие важные немецкие чины, находившиеся в Норвегии, — Николаус фон Фалькенхорст и Тербовен[459].

А чем их отблагодарил Гамсун? Вскоре все могли видеть кинокадры того, как 85-летний норвежский писатель рассматривает немецкий танк и подводную лодку.

25 августа был освобожден Париж. 11 сентября войска антигитлеровской коалиции пересекли немецкую границу с

запада. В конце сентября Гамсун пытался успокоить своего нервничающего сына, члена нацистской партии, который к тому же занимал в это время идеологическую должность в «Гюльдендале»: «Дорогой Туре, не принимай близко к сердцу то, что тебе приходится слышать. Никто не знает, что будет. <…> То, что у немцев есть кое-какой сюрприз для стран коалиции, это известно и самому Черчиллю, а нам остается только верить и надеяться»[460].

Гамсун все еще надеялся на внезапный счастливый поворот в войне, но эта надежда заметно убывала.

Как часто бывало и ранее, Гамсун сидел в большой комнате на втором этаже, в своей усадьбе в Нёрхольме, и страдал от отсутствия человеческого тепла. Первому ребенку Туре, девочке, дали имя в честь бабушки, полное имя которой было — Анна Мария. После того как внучку привозили в Нёрхольм, а потом увозили, Гамсун писал ей письма и тем самым удовлетворял свою тоску.

Теперь внуки заменяли Гамсуну собственных детей, когда они были маленькими и невинными. Виктория жила во Франции, теперь они с ней переписывались. Сесилия жила в Дании, из ее художественного образования, которое оплачивал отец, мало что получилось, она жила в основном богемной жизнью. Эллинор привезли домой, в Нёрхольм, но она постоянно нуждалась в уходе и лечении, страдала от алкоголизма и нервных расстройств. Арилд вернулся с восточного фронта, где был военным репортером, целым и невредимым. Он прекрасно справлялся с хозяйством в усадьбе, но нельзя сказать, чтобы в это время между отцом и сыном сложились особо теплые отношения. Арилд хотел управлять усадьбой самостоятельно, отец сопротивлялся. У Туре в это время были проблемы как в профессиональной деятельности, так и в семейной жизни, не говоря уже о больших материальных затруднениях. А Мария находилась в состоянии войны с супругом.

Всем стало вполне очевидно, что мировая война идет к концу. Арилд, Туре, Мария и сам Гамсун, непосредственно поддерживавшие нацистскую партию, понимали, что, когда в Европу и Норвегию придет мир, им придется отвечать за свои поступки.

В начале ноября 1944 года немцы, применяя тактику выжженной земли, начали сжигать все постройки, включая дома местных жителей Финмарка и Нур-Тромсё{106}. Неужели они уничтожат и его любимый Нурланн, среднюю Норвегию и южную Норвегию?

Когда 31 декабря 1944 года Гамсун менял в Нёрхольме все календари, он, несомненно, уже видел впереди крушение Третьего рейха.

«…У Норвегии уже нет никакого будущего»

В начале января 1945 года Гамсун рубил дрова в сарае. Внезапно он упал и остался лежать среди поленьев. Через какое-то время ему удалось ползком добраться до кухни. Новое кровоизлияние.

Но он не умер. Многие, узнав об этом, пожалели, что на этот раз он не умер. Тогда и сам Гамсун, и норвежский народ сумели бы многого избежать в дальнейшем. Он так ослаб, что не мог больше носить дрова в свою комнату. Но газеты и журналы вполне мог читать.

Он уже не получал свою любимую датскую газету «Политикен», но и в других газетах было достаточно материала, чтобы следить за смертельной схваткой Третьего рейха со своими врагами.

Второго мая «Афтенпостен» в возвышенных тонах обнародовала сообщение о героической смерти Гитлера, до последнего вздоха сражавшегося с большевиками, при этом не было ни малейшего намека на то, что он покончил с собой. О смерти Гитлера сообщили и по радио. Помощница по хозяйству в Нёрхольме следующим образом описывает тот день: «Хозяина как будто поразил удар молнии. Он был в шоке и никак не мог осознать происходящего. Позвонили врачу, тот приехал и дал Гамсуну успокоительные таблетки. Мария сохраняла спокойствие. Через некоторое время она сказала, что им следует послать соболезнование немецким властям. Так и сделали. Мария позвонила на телеграф и продиктовала текст телеграммы. Супруги Гамсун выражали соболезнование народу Германии в связи с кончиной фюрера»[461].

Однако Гамсун решил, что этого недостаточно, и задумал написать некролог. Мария искренне пыталась отговорить его от этого и других подобных шагов. И рейхскомиссариат, и Норвежское телеграфное бюро звонили в Нёрхольм, пытаясь уговорить его выступить с речью. «Тут кое-кто пытался сделать так, чтобы я не мог сам откликнуться на это предложение. Звонившим было сказано, что я якобы „упал с лестницы“, но это не так», — жаловался он редактору «Афтенпостен», когда уже сформулировал слова прощания и скорби для некролога[462].

Написанию некролога Гамсун придавал такое важное

значение, что даже позаботился о том, чтобы написать второй экземпляр текста и послать его рейхскомиссару.

Это было одним из самых последних действий, предпринятых редактором «Афтенпостен» перед его неизбежным смещением. 7 мая 1945 года им было послано в набор 88 слов Кнута Гамсуна, полученных по почте утром. Война закончилась. Но в Норвегии никто об этом не знал. В тот же день некролог был напечатан в «Афтенпостен» и размещен в самом верху, на правой стороне первой страницы.

Писатель склонялся перед смертным одром диктатора и заявлял: «Я недостоин произносить громкие слова о Гитлере, а его жизнь и деятельность пробуждают отнюдь не сентиментальные чувства. Он был воин, борец, сражавшийся за все человечество, глашатай всеобщей справедливости. Гитлер был реформатор огромного масштаба, но его историческая судьба была такова, что он жил во время беспрецедентной грубости и варварства, и это сразило его. Именно таким видят Адольфа Гитлера рядовые граждане Западной Европы. А мы, его ближайшие соратники, склоняем свои головы перед его смертью»[463].

«Я хотел сделать рыцарский жест по отношению к павшему, который был крупной фигурой», — объяснил он Туре[464].

В более поздних изданиях книги «Кнут Гамсун — мой отец» сын свел эту реплику к следующему: «Это был лишь рыцарский жест, не более того». Эта редакция на совести сына Гамсуна. Конечно же, подлинные слова Гамсуна — это те, которые сын привел в первом издании своей книги. Гамсун всегда умел очень точно подбирать нужные слова. Акт написания некролога не был со стороны Гамсуна каким-то иррациональным поступком в духе его персонажа Нагеля, то есть неким мазохистским жестом во вред себе. Это был благородный жест. Логика этого благородного жеста была двойная: во-первых, Гамсун хотел показать свою верность идее, и во-вторых — выразить благодарность Гитлеру, который почти достиг своей цели.

Гамсун стал исповедовать героический индивидуализм. Он считал себя исключительной личностью, и верность идеалам была для него таким же долгом перед самим собой, как и чувство собственного достоинства. Называя себя близким соратником Гитлера, он хотел показать другим, что он не из тех, кто бежит с тонущего корабля. Крушение Третьего рейха не привело к крушению идеалов Гамсуна. Он продолжал верить в естественный ход событий, как он его понимал: в соответствии с законами

природы старая Англия рано или поздно погибнет, а молодая, новая Германия так или иначе станет ведущей нацией в Европе. Кайзеровская армия потерпела поражение в 1918 году, германская армия Третьего рейха капитулировала в 1945 году. И вот Гамсун вновь прославлял Гитлера, которому почти что удалось перевернуть мир.

Политические представления Гамсуна в течение многих лет оставались незыблемыми, и эти несокрушимость и несгибаемость были опасны для самого Гамсуна, поскольку постепенно разрушали его личность.

И сейчас он более всего опасался не возмездия, а того, что в Европе победит такое политическое направление, которое не оставит камня на камне от того периода великих испытаний, который прокладывал путь к неизбежной победе тысячелетнего рейха. 5 мая 1945 года он писал своему знакомому: «Между прочим, теперь у Норвегии нет уже никакого будущего. О Боже, что нас теперь ждет! Лично для меня это безразлично, ведь я стар. Но наши дети, наши внуки, весь наш род <…>»[465].

8 мая покончил с собой Тербовен, находясь в бункере в районе Скаугума. 9 мая Квислинг сдался в руки норвежской полиции. В тот же день был арестован Арилд, когда он ехал на поезде в Нёрхольм. 12 мая был арестован и Туре в своем новом доме в предместье Осло.

24 мая впервые официально был задан вопрос, на который очень многие давно надеялись получить ответ: «А что будет с Гамсуном, какова будет ответственность этого литературного корифея, который склонял голову перед Йозефом Тербовеном и можно сказать, вставал на колени перед Адольфом Гитлером?»[466].

Через два дня в Нёрхольм явился полицмейстер из Арендала и объявил об аресте Кнута и Марии Гамсун. На четвертый день домашнего ареста Гамсун обратился за помощью к своему адвокату Сигрид Стрей, а потом вдруг отменил свою просьбу. Мария также обратилась к ней, так как ей должна была понадобиться защита на предстоящем процессе по делу о ее предательстве во время войны. В этой связи она говорила о своем вкладе в дело освобождения заключенных в тюрьмы норвежцев. А также и о вкладе Гамсуна. Это вызвало неприкрытую ярость Гамсуна, и он написал адвокату: «Из нашей усадьбы Нёрхольм к Вам обратились за помощью, но дело в том, что я единственный, кто имеет право говорить с Вами обо всех этих делах и событиях. Без моего согласия была затронута тема моих безуспешных попыток добиться снисхождения для приговоренных к смертной

казни. Меня удручает это бесстыдство. Это не в первый и, видимо, не в последний раз»[467].

Вероятно, Гамсун был слишком гордой личностью, чтобы афишировать свои добрые дела, когда он почти становился на колени перед победителями. Возможно, он считал, что ему удалось столь малого добиться от оккупационных властей, что свои попытки он считал поражениями, о которых ему неприятно было вспоминать. Не исключено, что само отклонение его просьб он рассматривал как удар по своим политическим убеждениям. Одно совершенно очевидно — что своими словами он пытался показать своему адвокату, сколь незначительное положение в Нёрхольме занимает его жена.

Позднее, правда, он будет утверждать, что просил помилования для более чем сотни человек, осужденных на смерть. Горничные и другие помощницы по хозяйству свидетельствовали, что и сам Гамсун, и Мария всегда проявляли горячее участие в подобных делах.

10 июня, когда Мария работала в саду, за ней пришли. С ее всегдашней любовью к театральности, кое в чем погрешив против истины, она следующим образом описывает произошедшую сцену: «„Нет, Кнут, они не могут забрать из Нёрхольма тебя!“ На что он ответил, как всегда спокойно: „Они могут сделать с нами все что угодно“»[468].

Через пять дней Гамсун был помещен в инфекционное отделение Гримстадской больницы — многим казалось, что это наиболее подходящее для него место. Он сам, Мария и их сыновья оказались среди 16 000 норвежцев, которые были арестованы в течение последних пяти недель по подозрению в предательстве по отношению к своей стране в период немецкой оккупации.

«Я не признаю себя виновным»

23 июня 1945 года Гамсун предстал перед окружным судьей в Гримстаде.

Ему было зачитано серьезное обвинение, первый пункт которого, в соответствии со статьей 86 уголовного кодекса, был направлен «против всякого, поднявшего оружие против Норвегии или во время войны, в которой та принимает участие, содействует врагу своими делами или материальными средствами или ослабляет Норвегию или ее союзника, связанного с ней государственными обязательствами о военном

сотрудничестве». Срок за совершение подобных преступлений назначается в пределах от трех лет до пожизненного заключения. Кроме того, в соответствии с параграфом 140 Гамсуну было предъявлено обвинение в вовлечении и других лиц в преступную деятельность, связанную с покушением на суверенитет страны и ее безопасность.

В довоенное время окружной судья Петер Лоренц Стабель бывал в Нёрхольме в гостях. И вот теперь именно он задавал Кнуту Гамсуну вопросы, ответы на которые, изнывая от любопытства, жаждали получить все жители Норвегии, а также многие за рубежом.

Кнут Гамсун отрицал, что был членом нацистской партии, «Национального единства»[469].

— Да, я оказался в этой среде, мне кажется, что к этой среде принадлежало много хороших людей.

— Вы действительно полагаете, что многие хорошие люди были членами нацистской партии?

— Да, я так считаю. Ведь постоянно читаешь то о том, то о другом сторонниках этой партии как о хорошем человеке, это признают даже судьи.

— К сожалению, это так. Но давайте обратимся конкретно к району Гримстада — вам действительно импонирует вся эта местная компания нацистов?

— Нет, но ведь дело в том, что мой дом находится неподалеку от автострады, и потому многие имели обыкновение заезжать ко мне, останавливаться у меня. Я оказался вовлеченным во все это. А первоначальным толчком послужило то, что король и правительство покинули свою страну. Ведь я всего-навсего земледелец. Мои корни в норвежской земле. Я не из тех, кто пришел сюда неведомо откуда. Я за монархию, это органически присуще моему сознанию. Не следует забывать, что Норвегия всегда была монархией. А тут, в связи с этой войной, что-то пошло не так. Я, между прочим, до последнего времени ничего не знал об убийствах и пытках. Об этом вплоть до настоящего момента я не имел ни малейшего представления.

— Это действительно так?

— Да, Бог свидетель!

— Могли ли вы состоять в этой партии, если бы вам было доподлинно известно, как немцы поступают с вашими соотечественниками, стали бы вы сотрудничать с нацистским печатным органом «Фритт Фолк»?

— Это непростой вопрос. По своему мировоззрению и в соответствии со своей совестью я принадлежал «Национальному единству», но формально я в него не вступал, и это было не столь

важно. Но за последние три недели обстоятельства переменились. Теперь я не хочу преуменьшать своей связи с немцами и нацистской партией, отнюдь нет. Я продолжаю придерживаться своей прежней позиции, я не намерен преуменьшать свою роль, как это делают многие сейчас.

— Вы не считаете, что немцы поработили Норвегию?

— Я считаю, что их действия были на пользу нашей стране.

— Неужели вы, такой умный человек, полагали, что в дальнейшем немцы могли вернуть нам свободу?

— Люди даже большего интеллекта, чем мой, придерживались такого же мнения.

— Разве вы не читали прессу, не следили за происходящим?

— Нет, так же как и моя жена. Это так же верно, как и то, что мы не занимались никакой тайной деятельностью.

— Вы считали себя членом нацистской партии?

— Да, должен признать это, хотя и не участвовал в каких-то важных встречах в Гримстаде.

— Вам будет предъявлено обвинение в соответствии со статьей 86 уголовного кодекса, где говорится об ответственности за содействие врагу с помощью газетных статей и иными средствами.

— Я ничего в этом не понимаю. Да, я действительно кое-что писал, но повторяю, я думал, что Норвегия сохраняет нейтралитет, ведь война прекращена. Я действительно писал кое-какие заметки, статьи и однажды написал письмо — обращение, в котором призывал не сопротивляться оккупационным властям. Ведь сопротивление могло привести к смертному приговору и гибели. Все считали, что я писал правильные вещи, и я получал множество благодарственных писем, в том числе и из противоположного лагеря. Бывало, что меня настойчиво просили из рейхскомиссариата написать что-либо для норвежских газет.

— Значит, вы писали для норвежских газет?

— Я писал для «Фритт Фолк», и бывало, что из рейхскомиссариата мне звонили даже ночью, иногда даже три раза за ночь.

— То есть немцы использовали ваше прославленное имя?

— Ну да, мое имя. Они хотели, чтобы я поддержал немецкий народ, и когда союзники вторглись во Францию, я написал небольшую заметку, которую напечатали в разных газетах.

— Значит, вы оказывали поддержку стране, с которой мы находились в состоянии войны?

— Я считал, что имею на это право.

— Раскаиваетесь ли вы в этом теперь, после того как вы узнали о том, что творили немцы?

— Я постараюсь объяснить свою позицию, но никак не хочу преуменьшать роль своего участия. Мне кажется, что нехорошо было бы сейчас раскаиваться. Я хотел написанным мной поддержать немецкий народ. Ясное дело, что я хотел также помочь и Норвегии, но мы в Норвегии не нуждались в утешении.

— Разве вы не знаете, как норвежский народ страдал от своих мучителей, немецких оккупационных властей? Пять лет у нас был террор, неужели вы не понимаете этого?

— Я действительно не понимал этого.

— Этот террор осуществлял наместник Гитлера Йозеф Тербовен, труп которого валяется сейчас где-то в окрестностях Осло. Около трех миллионов норвежцев находились под властью этого поработителя, который получал непосредственные приказы от Адольфа Гитлера, руководившего всем террором. Весьма прискорбно, что вы, прославленный писатель, заслужили своим поведением обвинение в предательстве. Правоохранительные органы требуют заключения вас в тюрьму, но мы решили, что вы будете содержаться в больнице.

— Мне что же, придется жить в больнице? Тогда все разладится у меня в усадьбе, я ведь земледелец. Дела идут плохо, мы постоянно получаем субсидии. Разве мне не следует заниматься своим делом? <…>

— Вы были настроены пронемецки?

— Да, я хотел служить Германии и таким образом служить норвежскому народу.

— Было ли вам известно заранее, что немцы готовили вторжение своего военно-морского флота в Норвегию?

— Нет, мы все были поражены, когда это случилось.

— В полицейском протоколе допроса написано, что вы с восторгом служили Германии.

— Конечно, это неправильное выражение, но когда полиция меня допрашивала, я боялся, что кто-то может подумать, что я пытаюсь как-то преуменьшить значимость своих поступков. Как мужчина, я не желаю давать задний ход. Это недостойно мужчины. Невозможно так вдруг менять свои душевные и сердечные привязанности.

— Можете ли вы признать свою вину после того, что вы узнали о бесчеловечности немцев? Согласны ли вы теперь с тем, что поддерживали нацию, которая не заслуживала такой поддержки с вашей стороны?

— Я должен подумать над этим.

— Вам доводилось выдавать кого-либо немцам?

— А кого я мог выдать? Никогда не делал ничего подобного. Хотя получал массу писем и от известных людей, и даже из

кругов, близких судебным органам, но никогда никого не выдавал. Я привык получать большое количество писем. Я считаю, что всегда действовал максимально в интересах Норвегии.

— Помните, как-то однажды, когда вы писали о русских, вы употребили выражение «немцы бьют их и скоро сравняют с землей»?

— Сейчас я не могу вспомнить выражение, но оно не противоречит в целом тому, что я писал.

— Есть ли у вас какие-то соображения по поводу того, когда вы совершили ошибку?

— Я не разбираюсь в военной тактике. Видно, немцам не удалось победить русских, по крайней мере, в Киркенесе.

— Вы не раскаиваетесь в своем поведении во время войны?

— Не знаю. Я должен подумать, прежде чем ответить. Я считаю, господин судья, что вас не обрадует, если я буду колебаться из стороны в сторону. Мои симпатии были и остаются на стороне Германии.

— Полиция наложила арест на все ваше имущество, и я должен объявить вам об этом. Вы это понимаете?

— Не вижу в этой акции никакого смысла.

— Вам известно выражение «Vae victis»?{107}

— Но эта давняя история не может иметь повторения, это просто невозможно. Подобное наказание — это просто проявление мести.

— Наказание в данном случае направлено на возмещение ущерба, то есть восстановление справедливости.

— Я не знал, что мои поступки наказуемы.

— Неужели нацисты и все, кто принадлежал к их среде, не знали, что совершают преступления? Разве они не видели, как все это воспринимает норвежский народ?

— Но ведь англичане минировали… нет, нет, не буду беспокоить господина судью своим ответом, думаю, это совершенно ни к чему.

Подобно многим другим арестованным в те дни, как в Норвегии, так и в других странах, ранее оккупированных немцами, Кнут Гамсун не признал своей вины. Он лгал Петеру Лоренцу Стабелю по главному пункту обвинения что якобы не знал о режиме террора. А ведь Гитлер фактически выставил его за дверь, за то, что он просил отстранить Тербовена. Даже когда судья стал рассказывать Гамсуну о деятельности Тербовена, Гамсун не подумал хоть как-то скорректировать свое мнение. О своем визите к Гитлеру он не упоминал, так как это был самый

большой провал в его жизни.

Игры вокруг «дела Гамсуна»

В Норвегии в середине лета 1945 года, за день до того, как состоялось предварительное слушание по делу Гамсуна, было сформировано новое коалиционное правительство. Как премьер-министр, представитель норвежской рабочей партии Эйнар Герхардсен, так и большинство новых министров знали, что было сказано в Москве в ноябре 1944 года.

Министры в изгнании — министр иностранных дел Трюгве Ли и министр юстиции Терье Волд встретились с советским министром иностранных дел Молотовым. Молотов ненавидел нацистов и их приспешников и поинтересовался, как именно после окончания войны Норвегия будет судить своих военных преступников. Волд дал соответствующие разъяснения. Молотов при этом настаивал на том, чтобы упомянутых судили по всей строгости закона. Но, когда во время дальнейшей беседы речь зашла о Кнуте Гамсуне, этот суровый русский точно преобразился.

Позднее сам Ли так рассказывал об этой встрече: «Когда Волд сообщил Молотову, что Гамсуна в Норвегии рассматривают как нациста и предателя и поэтому намереваются судить, то Молотов выдержал длинную паузу. Он был явно взволнован. Он заявил, что надо сохранить Гамсуну жизнь. Писатель, который создал „Викторию“, „Пана“ — это великий художник, и его нельзя судить как обычных нацистов. К тому же он уже так стар и пусть уж умрет естественной смертью. Волд заметил, что совсем не обязательно, что Гамсуна ждет смертный приговор. Молотов стоял на своем: великий художник должен спокойно дожить свой век»[470].

Тут в разговор вмешался министр юстиции, произнесший свою знаменитую реплику: «You are too soft, Mr. Molotov!»{108}[471]

Перед известными норвежскими политиками, несомненно, стояла серьезная проблема. Весь мир с интересом будет следить за тем, как Норвегия судит своего нобелевского лауреата. Имя Гамсуна все еще обладало мощной притягательной силой, и это ставило норвежское правительство в трудное положение. Кроме того, никто из обвиняемых в связи с предательством во время войны не находился в столь преклонном возрасте: осенью 1945 года Гамсуну исполнилось восемьдесят шесть лет. Он был славой Норвегии, единственным из писателей, кто пользовался большей известностью за рубежом, был Ибсен. Но никто и не падал так

низко в глазах людей, как Гамсун. Он был духовным лидером, но из-за тех пронацистских статей, которые он написал во время войны, он стал предателем своего народа. Учитывая общественное мнение, требовавшее правосудия, было просто невозможно отказаться от возбуждения уголовного дела против Гамсуна.

Еще до роковой даты 9 апреля 1940 года, в тридцатые годы, многие считали, что все более и более настойчивые попытки Гамсуна защищать нацизм отчасти могут быть оправданы старческими изменениями в его организме. Во время войны это мнение стало устойчивым. Гамсуна ненавидели, но пытались также найти объяснение его предательству. В первую мирную весну многие ведущие газеты писали, что причиной всему преклонный возраст писателя и возможное старческое слабоумие. Нацисты просто его использовали, манипулировали им, поэтому его не следует сажать в тюрьму, надо просто интернировать.

Через два дня после того, как подобные соображения были высказаны в главном печатном органе правящей партии «Арбейдербладет», Гамсун был помещен в Гримстадскую больницу.

Таким образом, первый трудный шаг был сделан, вторым шагом должно было быть сформулированное обвинение. Вскоре было найдено несколько серьезных поводов для обвинения: членство в норвежской нацистской партии — «Национальное единство», активная пропагандистская деятельность в пользу нацистов и немецких оккупантов, направленная против законных норвежских властей, призывы к норвежским солдатам и матросам дезертировать из норвежской армии.

Тот факт, что Гамсун во время предварительного слушания не признал себя виновным, никого не удивил. Но когда стало известно о том, как он вел себя во время слушания и какое впечатление это произвело на присутствующих, тут уж многие наморщили лоб. Обвиняемый явно не был слабоумным. Это было подчеркнуто единственным присутствующим на слушании журналистом, и его сообщение об этом было напечатано во многих газетах.

«Дело Гамсуна» было совершенно особенное.

Он был любим соотечественниками, как никто другой. Его творчество не потеряло своей значимости, просто по политическим причинам оно было как бы заморожено, чтобы оттаять, когда придет время. Вот Квислинг извратил своей пропагандой все то, что было дорого норвежцам, в том числе и историческое прошлое страны. А благодаря Гамсуну три

поколения норвежцев стали гордиться тем, что они норвежцы.

Квислинг и Гамсун. Один в расцвете сил, другой — старик. Один пытался манипулировать норвежским народом, другой сам явился объектом манипуляции. Один заслужил казнь и то, чтобы быть вычеркнутым из норвежской истории, другой скоро уже должен был умереть сам, но многое из того, что он создал, должно было остаться жить после него.

Еще один современник Гамсуна, норвежский нобелевский лауреат в области литературы, писательница Сигрид Унсет, в ответ на вопрос о том, что заслужили эти два предателя, заявила, что Квислинг должен быть казнен.

А как следует поступить с ее коллегой?

— Конечно же, он не заслуживает смертного приговора, но заслуживает тюремного заключения и конфискации имущества. Он должен находиться в каком-то месте, где его свобода будет ограничена.

Журналист, задававший ей вопросы, спросил в конце: ожидала ли она чего-то подобного от Гамсуна?

— Да, именно этого я и ожидала. Все написанное им проникнуто его собственным комплексом неполноценности, он всю жизнь повторял одно и то же, что Англия — это нация торгашей, а в Германии живет героический народ[472].

20 августа 1945 года начался процесс против Видкуна Квислинга. Обвинение требовало смертного приговора. Многие психиатры требовали медицинского освидетельствования всех тех, кому грозил смертный приговор, на предмет их вменяемости. Решение не подвергать обследованию Видкуна Квислинга вызвало возмущение главного врача известной психиатрической клиники в Виндерне, в Осло, Габриеля Лангфельда. Однако весьма влиятельные фигуры в судебных инстанциях не хотели подвергать риску целую нацию в связи с тем, что Квислинг мог быть признан психически больным и тем самым избежать наказания. Это могло пошатнуть всю систему справедливого возмездия за предательство во время войны. Что же касается другой одиозной фигуры из тех, кто пережил крушение корабля национал-социализма, Кнута Гамсуна, то в этом случае было признано целесообразным подвергнуть его освидетельствованию. Посчитали, что в противоположность ситуации с Квислингом это будет благотворным для нации. И, конечно же, главный врач известной клиники профессор Лангфельд был самой подходящей кандидатурой для того, чтобы повесить на Кнута Гамсуна правильный психиатрический диагноз. Как раз этим летом во многих своих статьях он характеризовал нацистское движение как

заговор душевно неполноценных индивидов, считая, что процесс над сторонниками идей нацизма позволит в будущем предотвратить превращение Норвегии в «поле деятельности психически неполноценных личностей»[473].

В конце сентября районный врач Гримстада получил запрос прокурора области Вест-Агдер по делам обвиняемых в предательстве во время войны с просьбой предоставить отчет о состоянии здоровья Кнута Гамсуна. Отчет был предоставлен. Ознакомившись с документом, где говорилось, что состояние здоровья Гамсуна можно характеризовать как нормальное, учитывая возраст последнего и его жизненную ситуацию, государственный обвинитель вновь обратился к врачу. Он просил дать более подробные сведения относительно состояния душевного здоровья Гамсуна. Содержание своего разговора с врачом государственный обвинитель Свен Арнтсен передал в письменной форме своему начальнику, генеральному прокурору. Суть состояла в том, что Гамсун не страдал ослаблением умственных способностей, не был болен психически. И посему не нуждается ни в какой судебно-медицинской экспертизе[474].

Более основательный ответ трудно было бы получить от опытного районного врача. При этом было совершенно очевидно, что такое заключение не устраивает органы правосудия. Уже через четыре дня генеральный прокурор дал сигнал о необходимости проведения всестороннего медицинского освидетельствования Гамсуна. Ведь поставленный новый диагноз мог бы спасти то, что не должно было быть затронуто его политической деградацией, а именно — его творчество. Кроме того, оставалась надежда, что впавший в старческое слабоумие писатель вскоре сам умрет своей смертью.

Несгибаемый

Еще перед началом войны Гамсун стремился отойти от всего и замкнуться в Нёрхольме, но во время оккупации это было невозможно. Теперь жизнь сама отстранила его и от усадьбы, взятой под надзор полиции, и от Марии, которая была в тюрьме. И вот теперь, находясь в больнице, летом 1945 года, в большой палате инфекционного отделения, он начал вести тот пещерный образ жизни, который так проникновенно описывал во многих своих произведениях.

Во время путешествия по Кавказу на рубеже веков он пытался вообразить себе, что такое быть арестованным в качестве оппозиционера, как некоторые его русские собратья по перу, и как он сам будет отправлен в цепях в Санкт-Петербург, а затем препровожден в мрачный каземат, где будет заживо похоронен. «Уронив голову на руки, я буду размышлять, сидя за столом, и своими худыми локтями протру углубления в каменной столешнице, я испишу грязные стены камеры сентенциями, которые потом будут изучать и выпустят отдельной книгой».

Так фантазировал он в своей книге «В сказочной стране» на рубеже XIX и XX веков.

И вот в середине 1945 года круг замкнулся: сошлись вместе жизнь и творчество.

В десятилетнем возрасте Гамсун был отослан из дома, что навсегда наложило отпечаток на его жизнь, стало кровоточащей раной в его душе, но в то же время это способствовало формированию в нем тех черт, которые так помогли ему стать тем, чем он стал. Семьдесят лет спустя он оказался отринутым своим народом.

Он ворвался в литературу книгой о собственной жизненной трагедии, книгой о молодом человеке, который не склонился ни перед людьми, ни перед божественными силами, спасался бегством, но все же пошел ко дну. Более полувека спустя он задумал написать новую книгу, которая представляла бы собой историю другой его трагедии. Роман «Голод» явился не только литературным, но и экзистенциальным триумфом Гамсуна, и вот теперь, находясь фактически под арестом, он решил, что в самый последний раз покажет всему миру свою несгибаемость и непреклонность. Именно эта мысль доминировала на исписанных листочках, груда которых росла перед ним все лето и осень 1945 года. Его печали, как и его радости, становились достоянием

художественного творчества. Вот какими словами восьмидесятишестилетний Гамсун описывает визит одной из подруг своей дочери: «Это как глоток живой жизни»[475].

Вот наконец Гамсун снова стал писать о себе самом, а не о вымышленных персонажах, и чем больше он размышлял, тем больше укреплялось не только его желание, но и его способность писать. После создания «Последней радости» он обещал Марии, что больше не будет сочинять книг от первого лица. Опубликовав в течение тридцати двух лет двенадцать романов, он держал свое слово. Но теперь все его наброски были исключительно от первого лица, и из этого должна была получиться новая книга — «На заросших тропинках».

В начале сентября 1945 года его поместили в дом для престарелых, примерно в десяти километрах от Нёрхольма в глубь страны. Его часто посещала Сигрид Стрей. Она видела, что он живет в весьма убогой комнате: кровать, стол, пара стульев, несколько гвоздей, на которые можно вешать одежду. Он же клятвенно заверял своего адвоката, что ему здесь хорошо, что он прекрасно чувствует себя здесь. Она никак не могла понять этого. Время от времени навещавший его представитель полиции находил место пребывания Гамсуна не очень комфортным. «Все здесь устроено наихудшим образом. Повсюду грязь и неряшливость. Здесь наверняка множество клопов»[476].

Но сам Гамсун не жаловался. Ему было хорошо, потому что он мог снова работать.

Отчасти он снова начал использовать тот же художественный прием, что и в «Голоде», постоянно менял местами субъект и объект, писал о себе то в первом, то в третьем лице. Таким способом он находил независимую позицию по отношению к своим поступкам и их мотивам. Субъективность никогда не смущала его. Разве за все эти годы он не пробовал все на свете на вкус? Теперь он пытался таким же образом распробовать воспоминания о своих деяниях, и приходил к выводу, что их никак нельзя считать дурными или безвкусными. Он ощущал себя морально ответственным исключительно за собственные поступки, и почему тогда он должен чувствовать какую-то вину и раскаиваться? Разве мотивом его поступков не был тот же самый патриотизм, которым руководствовались и те, кто заставил тысячи его соотечественников покинуть родину? Мало у кого была столь высокая ставка, и мало кто оказался в таком проигрыше. Но он остался несгибаемым, хотя его и пытались сломить.

Вот о чем теперь писал Кнут Гамсун. Таким образом писатель

сможет еще раз защитить диктатора.

Но прошло чуть более месяца пребывания в доме престарелых, и Гамсуна лишили идеального пристанища для творчества. В сопровождении полицейского эскорта его отправили в Осло, в психиатрическую клинику. Дорога заняла почти целый день.

Недееспособен

В понедельник 15 октября 1945 года, между десятью и одиннадцатью часами, Гамсун встретился с теми, кого впоследствии он назвал «стайкой одетых в белое медсестер». Они потребовали, чтобы он выложил все, что у него было в карманах: ключи, часы, записную книжку, перочинный нож, карандаш, очки, две булавки. Они вскрыли также замок на чемодане и придирчиво осмотрели содержимое. Это была обычная практика в психиатрической клинике в Виндерне, в Осло.

Как только Гамсун оказался за тремя закрытыми дверями, за его поведением стал пристально следить персонал, все наблюдения фиксировались в письменной форме. Были заведены две медицинские карты, в одной делал записи профессор Габриель Лангфельд, в другой — одна из медсестер отделения. Заключения, сделанные на основе этих медицинских карт, и должны были послужить основанием для выработки рекомендаций генеральному прокурору, максимум в течение ближайших двух недель, и содержать ответ на вопрос: можно ли считать, что Гамсун страдает психическим заболеванием, или же его состояние можно охарактеризовать как прогрессирующее ослабление умственных способностей, тем самым поставив вопрос о возможности в соответствии с законом нести ответственность за свои действия? Если ответ будет положительный, то тогда будет необходимо провести полное медицинское освидетельствование.

Гамсун, несомненно, четко осознавал, какова ставка.

Согласно медицинским картам, при помещении в клинику пациент вел себя спокойно, нормально реагируя на происходящее. Ему явно хотелось как можно скорее пройти эту процедуру. Поэтому все необходимые действия он совершал с готовностью, несмотря на то что адаптация к порядкам в клинике требовала от восьмидесятишестилетнего Гамсуна неимоверных усилий. Ничто не указывает на то, что у пациента могли быть какие-то иные предположения относительно цели его помещения

в клинику, кроме как подтвердить его вменяемость и тем самым обеспечить возможность предстать перед судом. Но при этом он, конечно же, понимал, что ему нелегко будет выдержать в клинике эти две недели, которые были в распоряжении у Лангфельда.

Утром на другой день пребывания в клинике Гамсуна вызвали в кабинет Лангфельда для первого разговора. Гамсун должен был немедленно явиться в кабинет профессора, так что он даже не успел как следует одеться. Во время этого разговора он рассказал, что последние тридцать лет писал свои книги дрожащей правой рукой, которую он был вынужден поддерживать левой, рассказал немного о своем происхождении и родственниках. Лангфельд просил его проделать в уме некоторые математические действия, Гамсун вполне справился с умножением на 9, но не смог умножить 11 на 12. Кроме того, он рассказал об афазии после инсультов и о том, что его память с годами ослабела. После этого Лангфельд попросил Гамсуна изложить свои политические взгляды. Это изложение заняло, если судить по отчету, достаточно много времени.

В написанном позднее медицинском заключении Лангфельд приводит выдержки из записей в карте больного: «Пациент раздражен и сердит, хочет, чтобы все его требования выполнялись немедленно. Постоянно суетлив и раздражителен, часто делает язвительные замечания». О причинах для раздражения и о различных нюансах настроений Гамсуна Лангфельд далее пишет: «Пациент позавтракал с аппетитом и попросил газету. Газеты ему не дали, тогда он лег спать и проспал вплоть до очередного визита к профессору, потом состоялся разговор с профессором. После беседы с профессором он возмущался невозможностью прочесть газету. „Я должен знать о происходящем в мире“, — заявил он. Ему дали вчерашний номер „Арбейдербладет“, и он долго и с большим интересом читал его. Закончив, он в повелительном тоне потребовал самую свежую газету. Лег и лежа читал утренний выпуск „Афтенпостен“ до пяти часов вечера. Попросил вечерний выпуск газеты. Считает, что время идет медленно. „Здесь у вас можно только молчать и со всем соглашаться“, — сердито заявил он»[477].

Согласно наблюдениям Лангфельда, с самого первого дня Гамсун то и дело легко выходил из себя и часто разражался бранью. В своем отчете судебным органам Лангфельд умолчал о некоторых важных деталях, связанных с пребыванием Гамсуна в психиатрической клинике: «Говорит, что плохо слышит, и просит чтобы мы писали ему свои требования. Выходит из себя по поводу того, что ему не возвращают такие его вещи, как часы, булавку для галстука и т. д. Аппетит хороший. Считает, что в его комнате

холодно, утверждает, что мерзнет. Был взволнован, когда медсестра сказала, что свет необходимо потушить. Он спросил, как такое может быть в подобном заведении. Когда медсестра объяснила, что будет ночное освещение, он обрадовался. „Вот и хорошо“, — сказал он».

В отчете для генерального прокурора Лангфельд не счел необходимым также указать причины шока, пережитого Гамсуном, а следовательно, и его раздражительности. Дело в том, что его поместили в палату для буйных. Она была очень тесной, с глазком в двери. Путь в нее лежал через зал, в котором обычно находились около десяти пациентов с различной степенью нервных расстройств которые иногда здесь спали и именно здесь проводили большую часть своего времени.

В отчете Лангфельда цитируется следующая запись от 20 октября, сделанная одной из медсестер: «Пациент в хорошем настроении, вежлив и приветлив». Он при этом опустил целый абзац из записей в медицинской карте, где одна из сестер пишет прямо противоположное: «На предложение побрить пациента тот рассердился, начал возмущаться, заявляя, что привык бриться по воскресеньям и что так и должно быть. Медсестра обратила внимание пациента на то, что по воскресеньям здесь никого не бреют. „Может быть, и так“, — возразил пациент, отказался от бритья и продолжал читать».

26 октября состоялась очередная беседа Гамсуна с профессором Лангфельдом, в ходе которой Гамсун рассказал в том числе о своем детстве и о пребывании в доме дяди; в своем отчете профессор приводит цитату из рассказа Гамсуна о своей жизни: «На моем теле до сих пор есть отметины от его щипков». Потом Лангфельду удалось перевести разговор на политику. И вот что он услышал: «Гитлер — это просто хамовитый тип. Постоянно твердил „я“ да „я“. Геббельс, безусловно, яркая личность, очень приятный человек. А Гитлер производил впечатление подмастерья маляра».

29 октября Лангфельд записал, что Гамсун по-прежнему находится в хорошем расположении духа. При этом он проигнорировал записи, сделанные медсестрой отделения, которые свидетельствуют о том, в каких трудных условиях пришлось находиться Гамсуну и как прекрасно он справлялся с ними: «Пациент горячо поблагодарил за обед. Потом он получил передачу — баночку с мазью. Медсестра попросила отдать ей бечевку, которой был перевязан сверток, а пациент стал отказываться вернуть ее. Он сказал, что у него самого есть нечто, что он хотел бы перевязать этой бечевкой. Когда сестра указала

ему на то, что это противоречит внутреннему распорядку, он засмеялся и заметил, что вешаться отнюдь не собирается. Он попросил также разрешения ложиться спать чуть позднее, а то ночь кажется ему такой долгой, на что медсестра указала, что он должен отходить ко сну ровно в 19.00, и никак иначе. „Хорошо“, — сказал он».

31 октября состоялась последняя беседа Лангфельда с Гамсуном, перед тем как профессор должен был написать свое заключение. Если судить по его записям, речь шла исключительно о политике. Лангфельд отметил, что у Гамсуна стали возникать некоторые новые идеи, которые явно шли вразрез с прежними, он пишет: «Постепенно у него закралось подозрение, что у немцев были планы так же жестоко управлять Европой, как если бы это делали англичане. Гамсун пришел к выводу, что в конечном итоге хорошо, что немецкий режим прекратил свое существование <… >. „Хорошо, что я остался в стороне. Хотя, что толку в этом“».

Времени у Лангфельда не оставалось. Фактически он действовал уже противозаконно, когда на следующий день отправил письмо генеральному прокурору, в котором рекомендовал провести полное медицинское освидетельствование Гамсуна, для того чтобы наиболее точно установить, как далеко зашло к 1940 году ослабление его умственных способностей.

В подкрепление своей позиции профессор выдвинул два аргумента. Во-первых, неврологическое обследование показало, что Гамсун страдает склерозом. Во-вторых, он подавлен, не проявляет интереса ни к самому себе, ни к событиям вокруг, часто разговаривает сам с собой, засыпает посреди дня.

Следует подчеркнуть, что ни один журналист в это время не был допущен в клинику, некому было засвидетельствовать, что поведение Гамсуна было гораздо более многообразным.

В комнате у Гамсуна была книга «Манана», написанная вторым мужем Сесилии Хансом Андреасеном. Потом, через много лет, профессор Лангфельд, к своему изумлению, обнаружит, что его восьмидесятишестилетний подопечный страдал ослаблением умственных способностей не более, чем он сам и другие врачи и сестры. На последних пустых страницах книги своего зятя Гамсун вел тайный дневник.

Жизнь среди психически больных людей становилась невыносимой. 29 октября Гамсун записал в своем дневнике: «Сегодня закончились две недели, проведенные мною здесь. Пациент выписывается. Его состояние хуже прежнего, но он очень доволен». На следующий день он вывел каракулями выражение,

касающееся того, как здешний персонал будил пациентов: «Они шарили по мне руками».

6 ноября, узнав, что его задержат в клинике еще на какое-то время, он следующим образом описал свое существование: «Три закрытых двери, которые надо миновать, чтобы дойти до моей „комнаты“, три запертые двери, чтобы выйти обратно. Здесь находятся три камеры, одна из которых — моя. В каждой крохотное застекленное окошко на стене. Если им что-то нужно от пациента, в окошке на стене появляется голова».

10 ноября дрожащей рукой он записал то, что услышал от Лангфельда во время разговора с ним: «Не ранее Рождества». На следующий день записал свою реакцию на это: «Черное воскресенье, ужасно»[478].

Итак, на вопрос, кто приложил руку к тому, чтобы признать Гамсуна недееспособным, ответ может быть следующий: во-первых, органы правосудия, которые в течение нескольких суток незаконно держали его в больнице; во-вторых, присяжный адвокат представлял его однозначно в плохом свете; в-третьих, Лангфельд, нарушивший этические принципы врача, а возможно, и закон.

А тут на Гамсуна обрушилось и нечто более серьезное, чем то, что он воспринимал хуже грозившей ему тюрьмы, и из-за чего он даже заявил, что его подвергли пытке.

Что же произошло?

Борьба и предательство

Ему предстояло оставаться в психиатрической клинике по крайней мере до начала января. Именно это сообщил Гамсуну главный врач Габриель Лангфельд, между прочим, за два дня до того, как дал согласие на судебный процесс над Гамсуном.

Не будем забывать, что в клинику писатель был доставлен полицией, потому что норвежские власти с самого начала хотели, чтобы его политические взгляды стали сферой психиатрии.

В соответствии с требованиями закона были назначены два эксперта. Гамсуну легко было общаться с Эрнульфом Эдегордом, с которым у него состоялось несколько бесед. Эрнульф Эдегорд заведовал другой психиатрической клиникой в Осло, и он был отнюдь не такой суровой и авторитарной личностью, как доктор Лангфельд.

Верный своей натуре, Гамсун воспринимал этих двух людей

как антиподов.

Конечно же, как и на Лангфельде, так и на самом Гамсуне лежит ответственность за то, что их беседы превратились в серию конфликтов между двумя сильными личностями, между двумя мужчинами. Но при этом только у одного из них было право вводить правила игры и требовать их неукоснительного исполнения. Ситуация была вопиюще неравной. Лангфельд, облаченный в белый халат и окруженный подчиняющимися ему врачами и сестрами, обладал всей полнотой власти над Гамсуном и разными способами постоянно давал ему понять, что тот всего-навсего один из пациентов его клиники, а это была именно та роль, на которую Гамсун менее всего годился.

Первые два месяца Гамсун находился в палате, напоминавшей тюремную камеру и выходившей в общий зал. Потом он был переведен в несколько лучшее помещение, которое позднее описал в своей книге «На заросших тропинках»: «…меня перевели этажом выше и поместили не в камеру, а в боковую комнату с обыкновенной закрывающейся дверью, за что я и преисполнился благодарности. В отличие от камеры, где все было безумием, в комнате мне показалось светлей и уютней, мне позволили пользоваться ножом и вилкой и через какое-то время вернули часы». В дальнейшем все в большей степени общение между Лангфельдом и Гамсуном происходило таким образом: профессор формулировал свои вопросы в письменной форме, а Гамсун тоже в письменной форме отвечал на них. Причина того, что Гамсун получал заданные вопросы в письменной форме, понятна, она связана с глухотой Гамсуна, но что касается требования давать ответы в письменной форме, то это, безусловно, было совершенно ненужным и к тому же очень утомительным для человека, которому восемьдесят шесть лет. Зато облегчало работу Лангфельду. Впоследствии Гамсун с полным на то основанием жаловался, что из-за требования доктора Лангфельда он совершенно разрушил свое зрение, так как в клинике было очень плохое освещение.

Гамсун не питал ни малейшего уважения к Лангфельду как специалисту в области медицины, несмотря на то что у того была очень высокая репутация в профессиональных кругах. У Гамсуна сложилось впечатление, что профессор Лангфельд всеми силами стремится сделать из него некую плоскую, одномерную фигуру, то есть именно такую, какую он сам пытался изгнать из литературы полстолетия назад. И Гамсун справедливо считал, что это доктору не по зубам.

Однажды профессор попросил Гамсуна описать собственные

характерные черты.

«Характерные черты!» — сердито написал Гамсун и тут же стал просвещать специалиста по нервным болезням: «В период так называемого „натурализма“ Золя говорил о существовании каких-то доминирующих черт у человека. Золя и его современники ничего не знали о психологических нюансах и особенностях личности, по их мнению, у каждого имеются некие „преобладающие черты“, которые управляют его поступками. Достоевский и его современники открыли в человеке совсем иное. Среди созданных мною персонажей Вы не найдете ни одного, в характере которого преобладала бы какая-то одна-единственная черта. Все мои персонажи являются многообразными индивидами с раздробленным сознанием, они не „плохие“ и не „хорошие“, в них есть и то и другое, у них масса нюансов и оттенков и в сознании, и в поступках. И таковой личностью, несомненно, являюсь и я сам»[479].

Гамсуну пришлось держать оборону одновременно на нескольких фронтах. Он не желал быть освобожденным от юридической ответственности за содеянное. Он ставил перед собой задачу убедить Лангфельда в том, что его политические убеждения отнюдь не свидетельствуют о его умственной неполноценности. Он хотел доказать полноценность своей личности. Лангфельд мог объявить Гамсуна недееспособным. Таким образом, перед Гамсуном стояло сразу несколько задач, и ему необходимо было искусно балансировать между ними, при том что он отнюдь не был мастером в таких делах.

Отношения между Гамсуном и Лангфельдом складывались совсем по-иному, нежели отношения в 1926–1927 годах между Гамсуном и Юханом Иргенсом Стрёмме. Тогда ведущая роль во всем принадлежала Гамсуну, они с доктором, специалистом по нервным болезням, объединились в некий альянс против Марии. Теперь, напротив, случилось так, что Лангфельд объединился с Марией против него, после того как Гамсун отказался вдаваться в подробности своих отношений с женой.

По инициативе Лангфельда в доме Гамсуна в Нёрхольме был произведен обыск и на имущество семьи наложен арест. Полиция вскрыла комод в комнате Гамсуна, где были письма и бумаги.

Через два дня Марию увезли из тюрьмы в Арендале. В сопровождении женщины-полицейского она была доставлена в психиатрическую клинику, где содержался Гамсун.

Шестидесятичетырехлетняя арестантка и профессор, который был моложе ее на шестнадцать лет, вполне нашли общий язык:

«Он спрашивал, а я отвечала. В конце концов он задал мне вопрос, который поставил меня в тупик. Я должна отвечать на этот вопрос? Профессор объяснил, что для него очень важно тщательно изучить менталитет Гамсуна. Для того чтобы четко прояснить возможные последствия моих ответов на поставленные им вопросы, касающиеся весьма интимной сферы, я ответила: если мой муж каким-то образом узнает, что я рассказала Вам об этом, мы никогда не сможем больше жить под одной крышей! Профессор еще раз заверил меня, что мои откровения останутся конфиденциальными. Единственное, что свои записи он покажет генеральному прокурору», — так писала об этом Мария в книге воспоминаний «Под золотым дождем».

Лангфельд выдвигает совсем другую версию своих бесед с Марией: «Я просто спросил ее о взаимоотношениях с мужем, и она начала говорить не переставая, так что задавать вопросы не было необходимости»[480]. Сама Мария впоследствии утверждала, что доктор Лангфельд подробно выспрашивал ее об интимных подробностях ее отношений с мужем. Доктор называл это грубой и беспардонной ложью.

После разговора с Лангфельдом Мария попросила разрешения встретиться со своим мужем. Увидев Марию, Гамсун пришел в ярость. Многие в клинике слышали как, находясь в приемном отделении, они кричали друг на друга.

Основной причиной, по которой Мария согласилась на откровенный разговор с Лангфельдом, было, конечно же, то, что она думала, что действует в интересах своего мужа, что это, возможно, поможет смягчить ему наказание. Но была и другая: она обрадовалась возможности кому-то рассказать свою версию их совместной жизни.

«Когда разговор с Лангфельдом закончился, мне сразу же стало очень не по себе. Мне захотелось отказаться от всего сказанного. И зачем я все это рассказала?» — сожалела Мария в своих мемуарах «Под золотым дождем» много лет спустя.

Честно говоря, даже если бы Мария целиком отказалась от своих слов, вряд ли это могло принципиально изменить что-то в отношениях супругов. Гамсун только через несколько месяцев узнает, что, собственно говоря, она тогда рассказала профессору Лангфельду. Таким образом, видимо, отнюдь не откровения жены вызвали вспышку ярости у Гамсуна в приемной психиатрической больницы, когда он заявил Марии, что не хочет видеть ее больше никогда в жизни. Для него ее предательство заключалось уже в том, что она связалась с его главным недругом.

При этом Мария в тот момент не приняла его слова слишком серьезно. Ей и ранее доводилось слышать подобное.

Диагноз

В один из первых дней января 1946 года Гамсуну удалось передать записку старому знакомому литератору Кристиану Гирлёффу{109}, который навещал его перед Рождеством. Теперь Гамсун хотел бы снова поговорить с ним. Когда Гирлёфф пришел в клинику, его попросили подождать. Вскоре появился Лангфельд: нет, он не сможет увидеть Гамсуна. Гирлёфф сказал, что хочет обсудить с Гамсуном некоторые практические дела. Нет, об этом не может быть и речи. Гирлёфф попросил объяснений. По причине того, что у Гамсуна статус обвиняемого и сейчас проводится судебно-медицинское освидетельствование.

Гирлёфф не был в восторге от подобного объяснения и попытался повлиять на Лангфельда, апеллируя к его человеческим чувствам.

«Когда освидетельствование будет завершено, у вас будет к нему доступ», — заявил Лангфельд[481].

Через две недели Гирлёффу позвонили из клиники и попросили немедленно приехать. Когда Гирлёфф вошел в палату Гамсуна, то понял почему. Тот лежал на кровати полуодетый, руки свешивались вниз. Рядом с кроватью стояли медсестры и несколько мужчин-санитаров. Лицо у Гамсуна было бледное, рот приоткрыт, щеки мокрые от слез. Гирлёфф склонился над ним, пытаясь успокоить словами и прикосновениями. Гамсун не откликался. Гирлёфф тщетно пытался приподнять его, чтобы усадить на кровати. Казалось, силы оставили человека, который не так давно был полон неукротимой жизненной энергии, когда он посещал его пару месяцев тому назад.

В таком состоянии он уже видел его однажды, тогда у Кнута совсем разладились отношения с первой женой, Берлиот. Тогда тоже посылали за ним и Гамсун так же лежал на кровати, удрученный и неподвижный. В тот раз Гирлёфф отвез его в клинику, сейчас его задачей было забрать Гамсуна из клиники.

5 февраля 1946 года профессор Лангфельд и его ассистент Эрнульф Эдегорд составили следующее заключение о состоянии здоровья освидетельствованного ими Гамсуна: «1) Мы не считаем Гамсуна душевнобольным, не считаем, что он являлся таковым в период совершения действий, в связи с которыми ему предъявлены обвинения. 2) Мы считаем его личностью, которой

присуще устойчивое ослабление умственных способностей, но не предполагаем, что есть какая-то опасность повторения аналогичных противоправных действий»[482].

Таким образом, и политики, и государственный обвинитель получили желаемый диагноз. Но никто из них не мог себе представить дальнейший ход событий — а именно, что 86-летний старик с такой энергий начнет срывать с себя навешенный ярлык идиота, что не только психиатрическая наука, но и правительство страны и судебная система вполне могли попасть в весьма щекотливое положение.

В понедельник 12 февраля 1946 года неуверенной походкой Гамсун вышел из ворот психиатрической клиники, где находился в течение 119 дней. Его поддерживали Гирлёфф и сын Туре. Но каждый шаг, сделанный им от ворот, каждый вздох за пределами больницы вливали в него силы. Они сели в автомобиль, и как только он тронулся, Гамсун повернулся в сторону клиники, слегка приподнялся и заклеймил заведение, из которого он вышел, сказав так, словно произнес проклятие:

— Вот оно, солидное трехэтажное учреждение, а возглавляет его полное ничтожество.

Туре внес чемодан отца на борт каботажного судна, направляющегося в Гримстад, и распрощался с ним и его другом Гирлёффом. Самого Туре только недавно выпустили после пяти месяцев тюремного заключения, он был арестован поздней осенью. Туре всегда жил на средства своего отца, он не научился зарабатывать деньги, да и отказывать себе в чем-то тоже не умел, и вот теперь его семья, состоящая из четырех человек, должна была жить на деньги, вырученные от продажи его картин. Сколько он себя помнил, ему всегда было приятно носить фамилию Гамсун. Но теперь она вызывала всеобщую ненависть.

Так что у этого 34-летнего мужчины было множество забот.

При этом одна из печалей состояла в том, что он стал своего рода стеной плача для всей семьи. К нему обращались за утешением все: сестры, брат, отец, мать.

Последняя чувствовала себя особенно несчастной.

Быть отвергнутой мужем само по себе невыносимо. Но в случае с Марией Гамсун было кое-что похуже. Она понимала, что ей снова придется принести себя в жертву во имя своего великого супруга. Еще до войны Марии доводилось слышать разговоры о том, что она является более «заклятым другом» Германии, нежели ее муж. Во время войны многие норвежцы были убеждены, что

пронемецкие статьи были написаны Гамсуном под влиянием жены, которая использовала его преклонный возраст и глухоту. После ее освобождения об этом стали писать и газеты. И поэтому в глазах Марии он выглядел негодяем, который предал ее ради собственного благополучия. Она знала, что новое норвежское правительство хочет спасти творчество Гамсуна как национальное достояние, ради будущего нации и сохранения чувства собственного достоинства. Его хотели представить выжившим из ума стариком, которым манипулировала жена. И вот теперь, когда были выставлены на всеобщее обозрение преступные деяния Германии и оккупационных властей, его нежелание иметь с ней что-либо общее выглядело аргументом, подтверждающим эту точку зрения.

Разворачивается большая игра, в которой ей отведена роль козла отпущения, — такой вывод сделала для себя Мария.

Две идеи волновали Марию. Одна была новой: если супруг помирится с ней, то заговор с целью ее очернения просто рассыплется. Другую она вынашивала давно, с конца 1930-х годов: а что, если она расскажет всем правду о том, что значит быть женой Кнута Гамсуна? Напишет большую статью или несколько статей, первоначально опубликует их за рубежом? Ее, скорее всего, осудят в соответствии с существующим против нее всеобщим заговором, но что потом? Так стала размышлять Мария о том, что будет после суда, в послевоенной жизни. Ведь ей было только 64 года. Если у творчества Гамсуна есть будущее, то, несомненно, с ходом времени будет возрастать и ее роль.

Ей было доподлинно известно, что после смерти великих всегда через какое-то время начинают интересоваться свидетельствами их близких, пытаясь проследить связь между жизнью и творчеством. А кто был ближе Кнуту Гамсуну, нежели Мария?

Они оба вместе проиграли большую войну, и эта война была теперь закончена. Но до конца войны между супругами было еще далеко.

Проржавевший кран

С 22 февраля 1946 года в Норвегии началось широкое обсуждение «дела Гамсуна». В этот день в «Афтенпостен» было опубликовано официальное заявление генерального прокурора Свена Арнтсена. Суть заявления сводилась к следующим категорическим утверждениям: Гамсуну скоро исполнится 87 лет,

он страдает практически полной глухотой, а также страдает, в соответствии с выводами психиатрической экспертизы, устойчивым ослаблением умственных способностей. На основании вышеизложенного государственный обвинитель отказывается от уголовного преследования Гамсуна за те действия, в которых он обвиняется. Вместо этого государство, в лице Комитета по возмещению нанесенного ущерба, произведет расчеты и предъявит соответствующие требования по компенсации.

На следующий день разразился статьей главный редактор «Дагбладет» Эйнар Скавлан. Он настаивал на возбуждении уголовного дела против Гамсуна, он считал, что это необходимо для того, чтобы норвежский народ помнил о преступных деяниях, совершенных этим человеком, биографом которого он, между прочим, ранее был: «Предательские, направленные против своей страны действия Гамсун совершал, пользуясь своим исключительным положением выдающегося писателя, одной из самых значительных фигур в духовной жизни Норвегии. Этот человек, вызывавший, как никто другой, восхищение и уважение, является ужасающим отрицательным примером для других. На нем более, чем на ком-либо другом, лежит ответственность за то, что у немцев и норвежских предателей появлялись сторонники среди тех людей, кто не был в состоянии в полной мере судить о происходящих событиях. Он одобрял любые подлые действия немецких оккупантов, оставался сторонником Гитлера вплоть до самоубийства последнего. Только уголовное преследование способно сделать так, чтобы Гамсун навсегда воспринимался как человек, лишенный чести»[483].

В противоположность «Дагбладет» многие другие газеты склонялись к тому, чтобы согласиться с выводами психиатрической экспертизы и оценкой состояния его здоровья, содержащейся в заявлении государственного обвинителя: поступки Гамсуна в тот период могут быть объяснены старческим маразмом. Но при этом никто не поддерживал идею отказа от судебного преследования. Большинство соглашалось с мнением Скавлана в том, что Гамсун должен быть осужден и приговорен к тюремному заключению. Потом он вполне может быть помилован, каким-то образом прощен. Однако ради сохранения веры граждан Норвегии в справедливость и правосудие нельзя позволить Гамсуну откупиться за содеянное, просто заплатив штраф.

При этом и сам Гамсун был согласен с газетами, которые

требовали возбуждения против него уголовного дела: «Решение, принятое генеральным прокурором, огорчило меня и одновременно вызвало мое негодование. Уже на предварительном слушании я недвусмысленно заявил, что готов отвечать за все содеянное мной. И тут вдруг генеральный прокурор выбивает оружие из моих рук. Я в течение четырех месяцев давал утвердительные ответы на все вопросы, связанные с моим обвинением, и теперь узнаю что я, видите ли, освобождаюсь от общепринятого судебного процесса»[484].

Вскоре Гамсун получил предписание Комитета по возмещению нанесенного ущерба. В соответствии с законом о предателях он, как состоявший в нацистской партии «Национальное единство» несет ответственность за ущерб, причиненный правлением Квислинга Норвегии и ее народу. Государственные экономисты оценили общую сумму этого ущерба в 283 миллиона норвежских крон. Из этой суммы с Гамсуна надлежало взыскать 500 000 крон.

Поскольку генеральный прокурор освободил Гамсуна от судебного преследования, он автоматически освобождался и от тюремного заключения. Теперь уже не было никаких юридических препятствий для Гамсуна, чтобы уехать домой в Нёрхольм. Тем более что Мария все еще находилась в тюрьме в Арендале. И тем не менее он решил вернуться в дом престарелых. Это было именно то, что ему было нужно в данный момент. С упорством неврастеника в течение многих лет он культивировал свою неповторимую индивидуальность; когда он творил, у него была потребность быть одиноким, бедным и заброшенным.

Те немногие, кто навещал его весной 1946 года и видел, в каких убогих условиях он находится, не могли не ощущать глубокого сочувствия к писателю. Он же напрочь отметал подобные разговоры, начиная шутить по поводу того, что у него здесь есть товарищи, например вши, или показывал свое изобретение: поскольку в комнате был неровный пол, то он приноровился подкладывать под ножки стола, за которым писал, рукавицы. Посетители отмечали про себя лишь мужество старого человека, оказавшегося в трагической ситуации. Им было невдомек, что с течением времени он воспринимал такие условия жизни как все более подходящие для поставленной перед собой цели.

Когда он прибыл в дом престарелых, то привез в чемодане и свой тайный дневник. Те слова, которые ему удалось записать в психиатрической клинике и которые никто не смог обнаружить,

представляли для него огромную ценность.

Этот тайный дневник представлял из себя привычную для него систему листков, из которой у него обычно и складывалась будущая книга. А ведь была еще и совсем другая стопка листов, на которых записаны сформулированные им письменные ответы на вопросы профессора Лангфельда во время психиатрического освидетельствования. Проблема была в том, что те листы остались в клинике, руководимой человеком, с которым Гамсун не хотел иметь чего-либо общего. Он попросил своего адвоката Сигрид Стрей потребовать обратно листки с записями своих письменных ответов на вопросы. В конце концов ему удалось получить через нее только копии, а это дало Гамсуну основание подозревать, что Лангфельд возвратил не все.

Если сравнивать двух врачей, специалистов по нервным болезням, с которыми Гамсуну довелось иметь дело в своей жизни, то, образно говоря, один из них как бы открыл в нем несколько кранов, тогда как другой просто вывоpотил их.

Но это еще не все. Ведь в начале лета 1946 года и сам Гамсун ощущал себя подобно проржавевшему крану, и Лангфельд грубыми приемами пытался его открыть.

Это ощущение он описал в книге «На заросших тропинках»: «Вот так я сижу и делаю заметки, записываю какие-то мелочи для себя самого… Я как испорченный кран, откуда капают капли — раз, два, три, четыре…» [4:91].

Осознание того, что он снова в состоянии писать, заставило его испытать чувство счастья, которого он не испытывал уже в течение многих лет. «Я невероятно поглощен тем, что я пишу. Вовсе не из-за надежды, что из этого выйдет толк, нет, конечно же, никакого толстого тома я не напишу, но я сижу над этим день и ночь», — доверительно сообщает он Кристиану Гирлёффу. В конце июня он не без гордости сообщил, что приступил к 47-й странице своей рукописи[485].

Тогда же он поразмыслил и над письмом к государственному обвинителю. Теперь кроме Марии у него совершенно определенно были и два других врага. Надо было расквитаться с ними: с профессором Лангфельдом и генеральным прокурором Свеном Арнтсеном.

Гамсун отнюдь не страдал комплексом неполноценности, как это категорично утверждал Лангфельд, сочтя этот комплекс преобладающей чертой писателя в своем отчете о его психическом состоянии после первой недели пребывания Гамсуна в психиатрической клинике в июне 1946 года.

Прежде всего в своем письме Гамсун отметил, что пишет не для сиюминутных интересов сегодняшнего дня, «а для тех, кто придет после нас. Я пишу для наших внуков»[486]. Генеральный прокурор совершил преступление, которое невозможно простить: он передал великого писателя, божественного творца, в руки психиатру.

«Я допускаю, что мое имя незнакомо г-ну генеральному прокурору. Однако Вы могли обратиться за сведениями туда, где их можно получить. Вам наверняка рассказали бы, что я не совсем безвестен в мире психологии, что за свою долгую писательскую жизнь я создал многие сотни персонажей, причем и внутренне, и внешне по образу и подобию живых людей, из плоти и крови, они походят на них состоянием и движением души, в их мечтах и поступках. Вам не нужны были эти сведения обо мне. Вы сдали меня, так сказать, не глядя, в лечебницу профессору, у которого также не было этих сведений. Ведь он явился во всеоружии знаний, почерпнутых в учебниках и научных трудах, которые он вызубрил наизусть и по которым сдал экзамены. Но в моем случае знания ему не понадобились, поскольку за всем этим скрывалось нечто иное. Если генеральный прокурор оказался некомпетентен, то уж профессор должен был бы понимать, что меня следует немедленно отпустить домой. Он должен был бы воздержаться от демонстрации своих профессиональных знаний, ибо мой случай выходит за пределы его компетенции» [4: 81]. Он жаловался генеральному прокурору на то, что его оскорбили дважды. Первый раз, когда его передали Лангфельду для медицинского освидетельствования, и второй раз — когда было принято решение не возбуждать уголовного дела. «Вы предполагали, что тем самым окажете мне услугу, но это не так, и я думаю, многие со мной согласятся. Я до недавнего времени был не столь уж безызвестен в Норвегии, да и в остальном мире, и меня не устраивает перспектива оставаться до конца моих дней лицом, амнистированным Вами, и не иметь возможность ответить за свои действия. Но Вы, Вы, господин генеральный прокурор, выбили из моих рук оружие».

Вероятно, при чтении этого письма, написанного 87-летним стариком, ему, генеральному прокурору, Свену Арнтсену было слегка не по себе. Содержание письма не оставляло сомнений в том, что его автор вполне способен доставить неприятности, несмотря на утверждение, что он страдает устойчивым ослаблением умственных способностей.

«Мы все совершили столько грехов»

Гамсуну дали понять, что его дело будет рассматриваться в сентябре 1946 года. Это его устраивало. Он выступит на суде, все расскажет, его осудят, и таким образом со всем этим будет покончено, он сможет сосредоточиться на своей книге. «Вся эта грязная история невероятно мешает мне», — жаловался он сыну Туре в письме от 20 августа[487].

При этом Гамсун отказывался от адвоката. Это стало полной неожиданностью для властей, которые тут же стали прикидывать, как бы объявить его недееспособным[488].

Они не без оснований опасались следующего возможного сценария. Зал судебного заседания заполнен прессой. Государственный обвинитель, перед которым лежат кипы соответствующих документов, красноречиво излагает юридические и экономические основания, полностью доказывающие вину подсудимого. На скамье подсудимых — 87-летний старик, который, согласно заключению психиатрической экспертизы, страдает стойким ослаблением умственных способностей, почти глухой, возможно, демонстративно не имеющий в своем распоряжении ни единой бумажки, рядом с ним зияет пустотой место адвоката и нет ни единого свидетеля с его стороны. Такой подсудимый без юридического совета и контроля вполне способен произнести в зале суда нечто непредсказуемое.

Поэтому идея объявить Гамсуна недееспособным, несомненно, была соблазнительной. Для этого были все необходимые предпосылки. Его возраст, глухота и заключение психиатрической экспертизы. Правда, он может заявить, что его опять оскорбили. Существовала и еще одна возможность, которая, наверное, была бы более приемлемой с точки зрения и государства, и политики, и юриспруденции: сделать так, чтобы дело просто постепенно заглохло, ведь Гамсун старик и, скажем, сильная простуда, перешедшая в воспаление легких, вполне может поставить точку на всех проблемах. Если он не умрет в течение ближайших полутора лет, что является официально установленным сроком для взыскания экономического ущерба, нанесенного предательством во время войны, то тогда можно будет начинать процедуру признания его недееспособным. Время явно работало на правительство и систему правосудия. И вот слушание дела стали раз за разом переносить.

Гамсун почти не преувеличивал, когда заявлял, что слушание отменялось то ли пять, то ли десять раз. Он разгадал их игру: «Они хотят окончательно вывести меня из себя, они видят, что я никак не умираю, такой живучий оказался. Хотя, конечно же, у меня склероз, и зрение значительно ухудшилось, а ведь еще год

назад оно было просто прекрасное»[489]. Так писал он в письме человеку, которому доверял как самому себе, — своему семейному адвокату Сигрид Стрей. Еще более резко писал он о том же самом дочери Сесилии: «Совершенно очевидно, что они только и думают о том, что если я умру, то это избавит их от необходимости проведения судебного процесса. На их беду, я оказался живучим»[490].

А тут и журналисты начали задавать неудобные вопросы. Так давление на власть нарастало.

Как долго Гамсун сможет выдержать все это?

После 325 дней заключения Мария вышла на свободу, ее временно освободили. Гамсун, именно в это время, во второй половине мая 1946 года, получивший повестку от Комитета по возмещению нанесенного ущерба, испытывал как никогда сильное чувство горечи по отношению к женщине, которую он когда-то назвал «моя единственная возлюбленная на этой земле». К повестке было приложено заключение старшего врача психиатрической клиники, профессора Лангфельда. И опираясь на свой опыт общения с судебными органами, Гамсун не сомневался, что кое-кто из этой системы сейчас сидит и смакует интимные подробности его личной жизни, которыми Мария поделилась с Лангфельдом.

В свое время вокруг Нёрхольма был построен железный забор, для того чтобы избавиться от посторонних взглядов. Всю свою жизнь Гамсун избегал журналистов, избегал малейшей возможности выставлять свою частную жизнь на публичное обозрение. Сколько раз в связи с этим он регистрировался в различных отелях и пансионах под вымышленными именами, безжалостно изгонял всех, кто пытался вторгнуться в его личное пространство. И вот теперь он обнаруживает, что его собственная жена сделала вопиюще откровенные признания.

Гамсун имел возможность ознакомиться с откровениями своей жены, зафиксированными в официальном документе, где значилось: «Жена наблюдаемого в ходе судебно-психиатрической экспертизы фру Мария Гамсун 14 декабря 1945 года сообщила следующее: и она сама, и их дети считают, что с конца 1930-х годов он повредился в уме, в том числе стал проявлять непомерный интерес к молодым девушкам, для него была характерна агрессивность и убежденность в собственной непогрешимости. Человек он в высшей степени обидчивый и тщеславный, что, конечно, связано с его комплексом неполноценности, сосредоточен на мыслях о матери. Сама Мария неоднократно пыталась уехать от него, но он возвращал ее с

помощью обещаний и стихов»[491].

Мария увидела этот официальный документ в середине августа в конторе у адвокатов Кристиана и Сигрид Стрей в Арендале. Ознакомившись с ним, она едва не лишилась чувств. Она пришла домой такая расстроенная, что близким пришлось присматривать за ней, так как она заявила, что после предательства профессора Лангфельда не сможет больше жить.

Мария решила написать мужу письмо. Оно получилось длинным.

18 августа 1947 года она послала его человеку, замужем за которым была в течение 37 лет. А тот даже не стал вскрывать его. На обратной стороне конверта он написал своим характерным почерком: «Я не собираюсь это читать и прошу оставить меня в покое. Мне безразлично, что именно ты пишешь»[492].

С такой надписью на конверте он отослал письмо обратно.

Мария получила его 21 августа 1946 года, за два дня до того, как она должна была предстать перед судом по обвинению в том, что являлась членом нацистской партии «Национальное единство», присваивала себе имущество беженцев, а также вела многообразную пропагандистскую деятельность, направленную против интересов своей страны.

Государственное обвинение потребовало для нее три года принудительных работ, штраф размером в 75 000 крон и десять лет поражения в правах. Кроме того, Комитет по возмещению нанесенного ущерба потребовал от нее выплаты 150 000 крон в качестве компенсации материального ущерба, нанесенного стране нацистской партией. Мария не признала себя виновной.

Перед вынесением приговора Марию спросили, есть ли у нее что сказать. Несмотря на предостерегающий жест адвоката, она поднялась и произнесла:

— У меня нет оснований раскаиваться за свою жизнь и деятельность в период войны. Приговор мне уже вынесен благодаря прессе. Поэтому я не буду ничего говорить[493].

Документированные свидетельства того, как она пыталась помочь осужденным на смерть соотечественникам, не смягчили судей.

Марии Гамсун был вынесен приговор, на котором настаивало государственное обвинение.

В тот же самый день на первой странице «Дагбладет» было опубликовано сообщение: «Кнут Гамсун не желает возвращаться в Нёрхольм!» Эта новость поразила Марию гораздо сильнее, нежели приговор суда. Те слова, которые ее муж написал на конверте,

означали уведомление о разводе. Теперь он в полной мере сделал ее «козлом отпущения». Она должна была стать таковым в интересах всех — и тех, кто хотел спасти творчество Гамсуна, и тех, кто не хотел этого. Это она изолировала его от патриотических сил, она манипулировала им, для того чтобы его драгоценное перо служило Германии и нацистским властям.

Распространенное мнение — и распространенная ложь — так она впоследствии будет характеризовать этот заговор против нее[494].

И тогда Мария начала борьбу против Лангфельда. Она предъявила ему весьма серьезное обвинение: профессор нарушил свое обещание, которое дал ей в психиатрической клинике перед Рождеством, обещание, что все рассказанное ею представляет собой конфиденциальные сведения. На что Лангфельд возразил: «Я не давал обещаний фру Гамсун никак не использовать сообщенные ею сведения. Предоставленная ею информация использовалась лишь частично и, по моему мнению, в разумных пределах»[495].

Кто из них лгал? Да конечно же никто.

Ведь профессор мог так вести беседу, что ей захотелось полностью раскрыть перед ним душу. Она начала рассказывать, в ней словно прорвало плотину, а история оказалась весьма неприглядной.

И все же не это явилось причиной дальнейшего хода событий. Супруги в течение многих лет бросали в лицо друг другу слово «развод», но никто не слышал этого за пределами Нёрхольма. А теперь не прошло и двух недель после того, как Мария получила свой суровый приговор, и Гамсун впервые произнес это роковое слово перед посторонним человеком, более того, перед адвокатом. Он доверил свои планы по этому поводу и Кристиану Гирлёффу, которому признался в письме, что разводится в основном ради дочери от первого брака Виктории![496]

Естественно, снова возникли слухи и сплетни, ходившие много лет о тех трениях, которые существовали уже в течение 38 лет в треугольнике сложных взаимоотношений между Гамсуном, его дочерью и его второй женой. Как и раньше, одной из женщин удавалось в чем-то вытеснить другую. Сейчас Гамсун решил, что в будущем доходами с его произведений будет распоряжаться Виктория, а не Мария. А поскольку у них с Марией общее жилье, то ему следует с ней развестись.

Каждый день Гамсун совершал дальние прогулки. Часто с ним вместе прогуливался и Гирлёфф, который поражался и длительности прогулок, и тому, в каком темпе двигался Гамсун.

— Они надеются, что я умру. Но я их разочарую. Ничто не делает человека таким жизнеспособным, как осознание того, что кто-то желает ему смерти[497].

Гамсун держал себя стальной хваткой и старался всем продемонстрировать, что силы отнюдь не оставили его. Время от времени он совершал поездки в столицу. Он заканчивал книгу, старался ускорить свой судебный процесс и готовился выступить на процессе так убедительно, чтобы его оправдали.

Кроме того, он также заставлял себя читать Библию. Ведь эта прекрасная толстая книга перевешивает все остальные, так он объяснял это Туре. «Я отдаю свое спасение в руки Всевышнего»[498].

Покинув психиатрическую клинику, Гамсун умолял свою неизлечимо больную дочь положиться на милость Божью: «Сейчас тебе плохо, именно так, по-другому и не скажешь, и единственное, что тебе остается, так это обратить свой взор ко Всемогущему Небесному Отцу, который простирается и над тобой, и надо мной, обратись к Нему, моя горячо любимая Эллинор!»[499]

Она не должна была сомневаться в том, что ее отец делает то же самое, обращается к Богу: «Твой старый папа пишет тебе снова о том же самом. Обратись к Богу со своей нуждой. Признайся своему брату Иисусу Христу в том зле, которое ты совершала в своей жизни, попроси Святого Духа вразумить тебя. Поверь, я испытал это сам, иначе не стал бы убеждать тебя. Раньше это было чуждо мне, но послушай меня теперь, и ты обретешь облегчение и покой».

Эллинор много делала себе во вред в течение долгих лет, но она должна знать, что «Милосердный Господь помогал многим и очень многим, мы должны обратиться к Нему, и тогда Он поможет нам, мы должны настойчиво просить, молить Его о милосердии. Мы все совершили столько грехов, что должны молить о снисхождении и прощении»[500].

Смысл его слов сводился к тому, что теперь только Бог может помочь и Эллинор, и ему.

Но сам он при этом не прекратил борьбы.

Моя совесть чиста

Лето 1947 года было жарким, гораздо теплее предыдущих, как будто Всевышний хотел, чтобы у обитателей Севера совсем «расплавились мозги», — теперь, когда процессы над предателями шли уже третий год. Дискуссии о том, как долго

должны продолжаться эти процессы, происходили не только в Норвегии, но и в других европейских странах, которые были оккупированы немцами. Хотя, кажется, ни в одной другой стране, кроме Норвегии, не было осуждено такое большое, в процентном соотношении, количество сограждан.

Гамсун, которому 4 августа должно было исполниться 88 лет, уже третье лето напряженно ожидал, когда же у него наконец будет возможность предстать перед судом и объяснить свою позицию. Сквозь тонкие стены и ветхую дверь другие обитатели дома престарелых вполне могли слышать, как он громко разговаривает, хотя никого другого в комнате не было. Сотрудники дома престарелых считали, что он произносит какие-то речи.

Именно так оно и было.

Он готовил свою речь. Он репетировал свое выступление в суде. И пришло время произнести свою будущую речь публично. Во второй половине июля 1947 года Гамсун с трудом поднялся вверх по лестнице, ведущей в адвокатскую контору супругов Стрей в центре Арендала. Его адвокат Сигрид Стрей пригласила несколько людей, для того чтобы испытать, какой эффект будет иметь в суде речь ее клиента, который решил самостоятельно защищать себя. Одним из них был еврей Макс Тау — отец и сын Гамсуны в свое время вызволили его из Германии и устроили ему вид на жительство в Норвегии, позднее Тау удалось бежать в Швецию. Пришла и его жена, Туве, норвежка, которая помогала беженцам и участвовала в движении Сопротивления. Супруги были друзьями Сигрид Стрей и приехали погостить сюда, на прекрасное южное побережье Норвегии.

Вот уже более двух лет со дня капитуляции нацистской Германии в газетах, которые читал Гамсун, публиковались фотографии построенных немцами газовых камер, гор трупов, массовых захоронений, изможденных узников концлагерей на территории Германии, Норвегии и других стран, узников, которым чудом удалось уцелеть. Все газеты писали о Нюрнбергском процессе. Об обвинениях, предъявленных Герингу, Риббентропу, Шпееру и другим представителям правящей верхушки нацистской Германии, где раскрывалось, каким образом идея сверхчеловека и идея немецкой экспансии претворились в создание огромной военной машины и руководимого государством аппарата массового уничтожения людей, который поглотил 55 миллионов человеческих жизней.

Удивительно, но все эти страшные разоблачения, касающиеся той политической системы, которую Гамсун так истово

поддерживал, не оказывали на него практически никакого воздействия. Он проиграл свою вторую войну. И было поразительное сходство между его теперешней реакцией и той, которая была у него тогда, после окончания Первой мировой войны. Работая над рукописью своей книги, он сетовал: «Вот и у нас появился политический заключенный. До нынешних дней политический преступник был для нас сказочным персонажем из книг русских писателей. Мы сами таких никогда не видели, даже это понятие было нам незнакомо. <…> Но нынче он появился и за несколько лет заполонил страну Норвегию, расплодившись в сорока, пятидесяти, шестидесяти тысячах себе подобных, — так говорят. А может быть, и куда больше» [4: 25–26][501].

Сорок тысяч человек во время оккупации были арестованы за политическую деятельность. Очень многие из них подверглись пыткам, десять тысяч были отправлены в немецкие концлагеря, более двух тысяч норвежцев погибли в немецком плену. Разве все они не были политическими заключенными? Но Гамсун их не учитывал в той картине мира, которую рисовал.

«Я в высшей степени спокоен за себя, совесть моя предельно чиста. Тут все просто и ясно», — говорил он, обращаясь к собравшимся на репетицию его выступления в суде в упомянутой адвокатской конторе в Арендале.

А вот как он объяснял главную причину своей поддержки Германии: «Нас, норвежцев, увлекала идея о том, что Норвегия должна занять высокое, выдающееся место в мировом великогерманском сообществе. Идея, ростки которой тогда появились и в которую поверили. Кто в большей, кто в меньшей степени, но поверили все» [4: 189][502].

Но никто из находящихся в этой комнате слушателей его предварительной речи на суде не верил в нацистскую идею Великой Германии или в то, что Норвегия могла бы занимать там какое-то место. Туве Филсет Тау была замужем за Максом Тау. Она активно боролась против нацизма в Польше, Чехословакии, Норвегии и Швеции. Ее муж потерял почти всех своих родственников и друзей — евреев в результате холокоста, изуверски спланированного и осуществлявшегося с промышленным размахом страшного механизма истребления этого народа. Сигрид Стрей боролась против оккупационных властей в Норвегии и была арестована. Возможно, присутствующие надеялись, что Гамсун отринет свою веру в нацизм, выразит сожаление? Может быть, скажет о том, что после визита к Гитлеру его начали посещать сомнения? Ничего подобного. Вместо этого он начал создавать некий образ высокопоставленного двойного агента: «Честному и

непредубежденному человеку ясно, что примерно в таком же тоне мне приходилось писать об оккупационных властях. Не мог же я действовать так, чтобы навлечь на себя подозрения, но вот величайший парадокс! Подозрения все-таки на меня пали. <…> Довольно высокие немецкие инстанции дважды (если мне не изменяет память) напоминали мне, что от меня, в отличие от некоторых названных поименно шведских граждан, ждут гораздо больше. И при этом указывали, что нейтральной страной является Швеция, а не Норвегия. Я их во многом не устраивал. От меня ожидали больше, чем получили» [4:189].

Он жаловался, что никто не указал ему на то, что он пишет неправильные вещи, никто, ни единый человек во всей стране. «Я жил в одиночестве в своей комнате, предоставленный исключительно самому себе».

Неужели, выступая перед ними, он лгал? Разве он не получал анонимных писем, полных ненависти и презрения, разве друзья, знакомые, соседи и другие люди не пытались выразить ему несогласие с его взглядами?

И вот теперь он отчасти отвечал на эти вопросы: «Я ничего не слышал, я был так глух, что со мной никто не хотел иметь дела. Стуком в дымоход снизу мне подавали знак спуститься. Я спускался, принимал пищу и снова отправлялся к себе наверх. Так продолжалось месяцы, годы, все эти годы. И никто мне не подал знака» [4: 190].

Присутствующих поразили его слова. Годами изолированный в своей комнате? А разве не публиковались в различных газетах его фотографии — то путешествующего на пароходе, то в автомобиле, то у трапа самолета внутри страны или за ее пределами, даже осматривающего немецкую подводную лодку? И везде он живой, энергичный и резкий в своих высказываниях?

> «Да и домашние мои, мои родственники редко, если не сказать никогда, не заботились о том, чтобы поделиться со мной новостями, помочь. Ведь им приходилось писать, чтобы общаться со мной, а это так тяжело. Я был заперт в четырех стенах. В этих обстоятельствах мне оставалось только довольствоваться двумя газетами — „Афтенпостен“ и „Фритт Фолк“, но они никогда не подвергали сомнению правоту моих рассуждений. Наоборот. И в том, что я сидел и работал, не было ничего дурного. Не было ничего дурного и в том, что я тогда писал. Все было верно, и я писал

справедливые вещи.

Попытаюсь объяснить, о чем я писал. Я старался предостеречь норвежскую молодежь и взрослых людей от непродуманных действий, способных спровоцировать оккупационные власти. Подобные действия были бы бесполезны и привели бы тех, кто их совершает лишь к катастрофе и собственной гибели. Вот о чем я писал, проигрывая эту мысль на разные лады».

[4: 191]

Прошло уже почти полчаса с того момента, как он начал говорить. Голос его звучал все так же отчетливо.

«К тем победителям, что нынче торжествуют надо мной, хотя они победили лишь внешне, не обращались плачущие родственники наших сограждан, заключенных в лагерях за колючей проволокой и приговоренных к смерти. Я не обладал властью, но они шли ко мне».

Двое из присутствующих женщин, видимо, поняли, что он говорит о них. Речь шла о Сигрид Стрей и ее дочери Анне Лизе. Последняя как раз и приходила в Нёрхольм и с плачем умоляла Гамсуна помочь ее арестованной матери, и он помог:

«Я обращался к Гитлеру и Тербовену, искал окольные пути, чтобы обратиться к тем, кто обладал властью. Я постоянно посылал телеграммы. Наверняка в каком-то архиве их много. Я посылал их и днем и ночью. Не знаю, помогли ли кому бы то ни было мои телеграммы. Скорее всего, в той же малой степени, в какой мои газетные заметки послужили предостережением для моих соотечественников, как я задумал их».

[4: 192]

У него было еще кое-что припасено для них.

«Я, как и многие другие, мог бы перебраться в Швецию. Я мог бы перебраться и в Англию, как это сделали многие другие, а потом возвратились оттуда героями».

[4: 193]

Супруги Тау не могли не заметить насмешки в следующем пассаже его речи.

> «Ничего подобного я не предпринял, я думал, что лучше послужу своей стране, занимаясь своим хозяйством, в те трудные времена, когда нация испытывала недостаток во всем. И тогда я начал писать, посылать телеграммы и размышлять. Эта деятельность не пошла мне во благо, напротив, она привела к тому, что в глазах и сердцах всех я оказался предателем той Норвегии, которую собирался возвысить. Пусть это будет так, как того хотят обвиняющие меня глаза и сердца. Это моя потеря, и я несу ее в своей душе. Но через сотню лет все будет забыто. И даже этот уважаемый суд будет забыт. Имена всех присутствующих окажутся через сотню лет стертыми с земных скрижалей, никто больше их не вспомнит. Когда я писал с самыми благими намерениями, когда днем и ночью рассылал телеграммы, я, стало быть, изменял своей стране, как теперь утверждают. Я был изменником родины, как теперь говорят. Пусть будет так. Но я себя таковым не осознавал и не осознаю теперь. Я в высшей степени покоен за себя, совесть моя предельно чиста».
>
> *[4: 193,195]*

И как это он, собственно говоря, может быть в ладу с самим собой? На это у него был ответ.

> «Я достаточно высоко ценю общественное мнение. Еще выше я ставлю нашу отечественную судебную систему. Но всего дороже мне собственное понимание добра и зла. Я достаточно стар для того, чтобы иметь право руководствоваться своими собственными принципами. Всю свою долгую жизнь я всегда и везде хранил родину в своем сердце. Я и в дальнейшем намереваюсь хранить отечество в душе, находясь в ожидании самого окончательного приговора».
>
> *[4: 193,195]*

И тогда все слушатели окончательно поняли: Гамсун не собирается выражать сожаление в связи с чем бы то ни было. Проговорив более трех четвертей часа, он закончил свою речь. После этого он обошел комнату и поблагодарил каждого

отдельно за то, что тот выслушал его.

Он пожал руку адвокату Сигрид Стрей, ее взрослой дочери Анне Лизе. Он пожал также руку и Лауре Филсет, которая была замужем за редактором одной из газет в Лиллехаммере, и их дочери Туве, борцу за права человека. Стрей пригласила их сюда для того, чтобы они присутствовали на репетиции выступления Гамсуна в суде по двум причинам. Ну, прежде всего потому, что это были ее друзья, которые сейчас поблизости снимали летний домик, неподалеку от дома Стрей на острове Тромей, неподалеку от Арендала. Но конечно же, главной причиной был Макс Тау. Она знала, что тот выступал отчасти свидетелем по делу Туре Гамсуна. При этом Стрей знала и нечто большее, а именно — что не сын Гамсуна спас Макса Тау от фашистского лагеря смерти. Спасителем был Кнут Гамсун. И вот теперь они встретились в одном помещении — жертва и удивительно двойственная личность, палач и спаситель, политик и писатель. Эту двойственность в речи Гамсуна, в которой он делился тем, как будет на суде защищать свои действия во время войны, Макс Тау, конечно же, не мог не ощутить. И сама Сигрид Стрей, и все остальные в комнате с напряжением ждали, какова будет его реакция. Ответом было то, что Макс Тау пожал протянутую дрожащую руку человека, спасшего ему жизнь.

И вот теперь, сразу после памятного посещения конторы Стрей в Арендале, Гамсун занялся своими семейными и имущественными делами. В конце лета 1947 года он написал длинное письмо Виктории. Он обещал ей аннулировать заключенное ранее, в 1930 году, соглашение, по которому она получала фиксированную денежную сумму и уже не могла в дальнейшем претендовать на доходы с произведений своего отца.

Свое обещание он сдержал. Сигрид Стрей составила для него новое завещание. Теперь Виктория получала равные права с остальными четырьмя детьми Гамсуна. Ему надо было спешить, он боялся, что помешает смерть. В завещании не было сказано ни единого слова о Марии, о жене, с которой он прожил вместе 38 лет. Смысл нового завещания заключался в том, что после его смерти она целиком и полностью становилась зависимой от доброй воли детей.

Кристиан Гирлёфф и Сигрид Стрей оба предостерегали Гамсуна от развода. Процесс будет сложный и дорогостоящий. Это может привести к принудительной продаже Нёрхольма. Кроме того, власти могут признать его фиктивным, как уже бывало, когда органы правосудия подозревали, что обвиненные в предательстве затевали бракоразводный процесс с целью избежать выплат в порядке компенсации нанесенного стране ущерба.

Сразу после того как Гамсуну исполнилось 88 лет, он принял еще одно важное решение — на его процессе все же будет выступать адвокат. Сначала он хотел, чтобы суд над ним проходил без участия защитника. Он передает дело своей защиты в руки Всевышнего, так он заявил прошлым летом. Что же такое могло произойти, что Гамсун решил отказаться от этого грандиозно задуманного прощального спектакля, к которому он так тщательно и долгое время готовился? Ответ очевиден: Гамсун начал питать надежду, что исход процесса окончательно не предрешен. Сигрид Стрей разъяснила ему, что выдвинутое против него обвинение зиждется на двух основаниях. Первое — это статьи, написанные после 9 апреля 1940 года. Его пробная речь показала, что он в состоянии убедительно противостоять этому пункту обвинения. Второе — его членство в нацистской партии «Национальное единство». Если только возникнет аргументированное сомнение в том, что он действительно

вступал в эту партию, то позиция обвинения станет гораздо менее убедительной. И чтобы добиться этого, ему, конечно же, нужен весьма опытный адвокат.

У Сигрид Стрей было на подготовку к процессу всего три недели.

16 декабря 1947 года Гирлёфф очень рано заехал в дом престарелых за Гамсуном. Гамсун отнюдь не хотел предстать перед общественностью выбритым кое-как, с порезами на лице, которые часто у него оставались, когда он брился сам, сжимая опасную бритву трясущейся рукой. Посему он провел почти полчаса в кресле парикмахерской в центре Гримстада и только потом уже направился в здание местного банка, в одном из помещений которого, на втором этаже, и должно было состояться судебное заседание. Восьмидесятивосьмилетний Гамсун, одетый в темное пальто, вошел в здание, на нем была шляпа, шерстяные перчатки, темный костюм с белым носовым платком в верхнем кармане пиджака. Со времени процесса против Квислинга залы судебных заседаний не знали такого нашествия журналистов. Фотокорреспонденты поднимали высоко над головой свои камеры, чтобы успеть сделать снимки входящего Гамсуна, а потом дружно бросились вверх по лестнице, чтобы занять в зале удобные места для съемок.

Почти треть мест в зале была занята прессой. Когда судья Сверре Эйде, которому было чуть более 30 лет, попросил ввести подсудимого, то в зале начался невообразимый шум, и на какое-то время он даже потерял контроль над залом судебного заседания. Журналисты и фотографы устроили потасовку, чтобы пробиться поближе к Гамсуну и получить лучшую возможность запечатлеть этот исторический момент. Они так тесно скопились у двери зала, что полицейскому, сопровождающему подсудимого в зал, пришлось приложить усилия, чтобы открыть ее.

Едва Гамсун вошел в зал, как его ослепили вспышки фотокамер, он попытался уклониться, но корреспонденты бросились вслед за ним. Чтобы усмирить эту орду журналистов, судья несколько раз ударил по столу деревянным молотком.

У Гамсуна вырвался крик:

— Не снимайте! Не снимайте![503]

В течение нескольких минут продолжалось то, что потом журналисты назовут целой канонадой щелкающих фотокамер. Наконец ему помогли занять место рядом с Сигрид Стрей, хотя в том возбужденном состоянии, в котором он находился, сделать это было не так просто. Громким голосом он посетовал на то, что ничего не видит, очень плохое освещение. Вскоре появился сын

Арилд с керосиновой лампой. Два фотографа не вняли требованиям судьи прекратить съемку.

— Почему они продолжают все время фотографировать меня? — воскликнул Гамсун громким голосом. Но никто не ответил, тогда он продолжил тем же раскатистым голосом, ставшим характерным для него теперь, когда он стал почти глухим:

— И почему я еще не умер![504]

Снова вспышки фотокамер.

88-летний Кнут Гамсун явно находился в состоянии шока. Ухудшало ситуацию и то, что из-за магниевых вспышек ему трудно было видеть происходящее, ведь его зрение было ослабленным.

Неожиданно он прервал начало судебного заседания, громко спросив находящуюся рядом Сигрид Стрей:

— Где сидят судьи? Здесь?[505]

Когда судебный процесс считается неправомочным? Когда подсудимый не способен адекватно реагировать на происходящее в зале суда.

Более опытный судья отложил бы слушание дела хотя бы на час, пока, по крайней мере, не выяснилось бы, в каком состоянии находится Кнут Гамсун.

Но ударом своего молотка судья возвестил о начале судебного заседания.

Представитель государственного обвинения Одд Винье заявил о том, что в распоряжении суда имеется достаточно свидетельств того, что Гамсун был членом «Национального единства»: это и заполненная анкета, свидетельствующая о прохождении процедуры вступления, и статья Гамсуна «Почему я состою в „Национальном единстве“». Судьи имеют полную возможность ознакомиться со всеми 216 страницами ротапринтных копий различных документов. Далее он обратил внимание присутствующих на то, что даже на предварительное слушание Гамсун пришел с приколотым на лацкан пиджака значком нацистской партии.

Через некоторое время сидящие в зале судебного заседания поняли, что обвиняемый не в состоянии следить за ходом процесса. Иногда Гамсун неожиданно начинал говорить, думая, что ему задали вопрос.

Государственный обвинитель продолжал:

— Я настаиваю на том, что Гамсун сознательно оказывал содействие врагу, прекрасно зная, что Норвегия находится в состоянии войны с Германией. Также совершенно очевидно, что

он не мог не отдавать себе отчета в том, что подобные действия по отношению к своей стране, особенно в тяжелый для нее момент, являются противозаконными[506].

После этого начались прения сторон. В своем выступлении Сигрид Стрей выразила серьезное сомнение в том факте, что Гамсун официально состоял в «Национальном единстве». Она также обратила внимание присутствующих на тот важный факт, что во время своей встречи с Гитлером Гамсун пытался убедить его удалить из Норвегии своего наместника Тербовена.

Во время перерыва все присутствующие пошли перекусить в расположенное неподалеку на площади кафе. Здесь престарелый подсудимый просто преобразился. После того как он съел пончик и выпил безалкогольного пива, он принялся раздавать присутствующим сигары, и никто, ни судьи, ни обвинитель, не смог отказаться. Атмосфера разрядилась, восьмидесятивосьмилетний обвиняемый оказался душой компании. Ему опять удалось срежиссировать для себя блистательную роль: несмотря ни на что, он — независимая личность, в перерыве судебного заседания он одаривает своих обвинителей сигарами, изумляя всех своим поведением.

Блистательная интермедия перед финальной сценой спектакля.

Было уже почти половина второго, когда судьи и обвинитель заняли свои места.

— Слово предоставляется Кнуту Гамсуну, — объявил председатель.

Тут все снова увидели, что Гамсун абсолютно ничего не слышит и не в состоянии следить за происходящим. Стрей сказала ему, что теперь пришла его очередь выступать. Вряд ли он помнил, что ранее, до перерыва, говорил Винье, а также и его адвокат Сигрид Стрей. Он поднялся со своего места. На нем по-прежнему было пальто, при этом он не остался стоять за столом, а сделал несколько шагов вперед и остановился перед Эйде и другими членами суда. Небольшой зал, где происходило судебное заседание, всего-то размером в 50 квадратных метров, был так переполнен, что всем сидящим на своих местах в зале казалось, что Гамсун, встав во весь рост, как бы возвышается над всеми.

Двое из присутствующих в зале заранее знали, что он скажет. Они это слышали более пяти месяцев тому назад в Арендале. Гирлёфф позаботился о том, чтобы Гамсун не забыл взять свои бумаги. А Сигрид Стрей подготовила линию защиты так, чтобы она соответствовала тому, что он будет говорить.

Но как он с этим справится?

В начале своей речи он огласил список своих прегрешений, позволив себе иронию по поводу всех, кто причастен к правосудию, — правда, его слова звучали здесь менее связно, нежели на репетиции. Однако после некоторого спотыкания и пауз он наконец собрался с мыслями, отложил бумаги в сторону и начал уверенно говорить.

В присутствии прессы он усилил некоторые акценты, и его речь стала более эмоциональной. В целом же он произнес то, что и было задумано ранее, в той же последовательности и теми же словами. Говорил он долго.

Он не был членом партии «Национальное единство». Во время оккупации случилось так, что он все более и более отдалялся от людей, замкнувшись в собственном доме. Он работал над статьями, и никто не указал ему на то, что он пишет неправильные вещи, никто, ни один человек во всей стране, он пытался предостеречь соотечественников не делать ничего провоцирующего, того, за что они могут быть наказаны или даже убиты оккупационными властями. Он поведал окружающим о том, как жил, балансируя между поддержкой оккупационных властей и оказанием помощи норвежцам, попавшим в беду.

И вот уже вскоре перед всеми стоял не обвиняемый, 88-летний Кнут Гамсун, а некий пастор, который с воодушевлением старался донести до всех свою проповедь. Теперь он уже не старался быть дипломатичным или что-то скрывать, как планировал первоначально, как это было в той речи, которую он произносил в конторе своего адвоката. Теперь он открыто заявлял: «Я думал о Норвегии, которой было суждено занять высокое положение среди стран Европы. Эта идея привлекала меня с самого начала. И даже больше, она меня вдохновила, полностью завладела мной. Не знаю, в какой степени мне удалось полностью послужить ей за все это время, что я провел в одиночестве. Я полагал, что для Норвегии — это великая идея, и я по-прежнему считаю, что для Норвегии это была великая и прекрасная идея, достойная того, чтобы бороться за ее воплощение» [4: 193].

Таким образом, Кнут Гамсун ни в чем не раскаивался.

Он говорил уже двадцать минут, а потом еще пятнадцать. Бегство короля и правительства привело его в ярость. Он никогда не считал себя предателем и не был таковым. Те, кто обвиняет его в предательстве, через сто лет будут совершенно забыты. Сам-то он может подождать, у него впереди еще есть время, независимо

от того, будет ли он жив или мертв. Он спокоен за себя, совесть его чиста.

Хотя пафос его речи все нарастал, но апогей ее был уже давно позади. Это стало очевидно всем находящимся в зале, когда он заявил, что продолжает оставаться одержимым идеей, что Германия — ведущая нация в Европе.

Представитель государственного обвинения Одд Винье был человеком дотошным и сообразительным. Речь Гамсуна предоставила в его распоряжение сведения, которые он мог бы использовать по своему усмотрению. Но он не стал этого делать, так как ему вполне хватило тех фактов, которые у него уже были. Адвокат Стрей в своем выступлении приложила все усилия, чтобы полностью опровергнуть обвинение в том, что Гамсун был членом «Национального единства».

У обвинителя возник повод для реплики, и он вполне использовал эту возможность:

— Достаточно того, что Гамсун предоставил свое всемирно известное имя в распоряжение нацистов, — разве одно это не является актом сотрудничества с ними, актом пособничества деятельности той партии, которая стоит вне закона?

И немыслимо себе представить, что в такой ситуации факт невступления в эту партию может освободить обвиняемого от возмещения нанесенного стране ущерба.

Тут же Сигрид Стрей выступила с ответной репликой:

— Если мы придем к заключению, что Гамсун все-таки не был членом «Национального единства», но при этом будет принято решение, что он тем не менее все же должен выплачивать компенсацию нанесенного ущерба, то это будет чем-то совсем новым в судебной практике. — И она напомнила о том, что ни одна страна не требовала подобной компенсации с лиц, которые не состояли в партии, но поддерживали оккупационный режим.

Сверре Эйде объявил, что приговор будет вынесен через неделю. Однако пресса вынесла свой приговор уже на следующий день. «Верденс Ганг» задала тон, который подхватило большинство газет: «Вот какое впечатление оставляет суд над Гамсуном: старый и слепой великан пробирается по лесу, идет по одному ему известному пути, в то время как его тяжелой поступи мешает путающийся под ногами мелкий кустарник. Быть может, именно так он пробирался и во время войны, когда нанес нам этот невероятный ущерб? Мой ответ — однозначное „да“. Его собственная эффектная защитительная речь, кажется, свидетельствует против него, но я считаю, она подтверждает мое

мнение. Все его фразы, его паузы обладают той же драматической силой, что и его газетные статьи и сентенции, которыми так ловко пользовались нацисты в своей пропаганде <…>. Каков, собственно говоря, мой вывод из всего этого: Гамсун, этот слепой великан, так же продирался по лесной чаще и во время войны, и мы не можем считать его недееспособным и морально осуждать. Для самого Гамсуна сложившаяся ситуация — это трагедия, но для истории литературы — это драма, которая завершилась гораздо лучше, нежели мы ожидали»[507].

Имя журналиста, который рассказал в своей статье о процессе над Гамсуном, было Оскар Хасселькниппе. Этот человек был одним из руководителей движения Сопротивления в норвежской столице и стоял в течение двух последних лет в самых первых рядах тех, кто боролся с немецкими оккупантами и квислинговцами не на жизнь, а на смерть.

Таким образом, в деле Гамсуна наметился новый поворот.

Журналистам сообщили, что приговор Гамсуну будет вынесен в пятницу. Приговор был оглашен только в семь часов вечера. Председательствующий, судья Сверре Эйде, объяснил задержку следующим образом: дело в том, что у него ушло много времени на разъяснение присяжным некоторых юридических понятий. Двое из присяжных — сельский казначей и крестьянин — не согласились с его аргументами. Они были неколебимы. Эти двое, не имеющие юридического образования, твердо стояли на том, что Гамсуна после января 1942 года следует считать членом «Национального единства», это на его совести и поэтому он должен нести соответствующую ответственность. Участники процесса, имеющие юридическое образование, не нашли достоверных свидетельств того, что Гамсун все же дал свое согласие вступить в нацистскую партию[508].

То есть знающие закон оправдали Гамсуна, те же, кто не знал закона, осудили его. Не смотря на то, что приговор был вынесен на основании мнения преобладающего большинства, выявленного демократическим подсчетом голосов, мнение присяжных, не имеющих юридического образования, оказалось решающим. Гамсун был обязан компенсировать ущерб, нанесенный им Норвегии.

Сигрид Стрей тут же подсчитала, что в общей сложности супруги Гамсун должны были выплатить сумму, равную 575 000 крон, что неизбежно приведет их к банкротству, а это противоречит вступившему в силу закону о предателях.

Пресса же, напротив, считала, что Гамсуну был вынесен

слишком мягкий приговор. На страницах газет замелькало слово «скандал». На пятый день Рождества Гамсун и его адвокат подали апелляцию на решение гримстадского суда. Сигрид Стрей удалось разузнать, кто именно в Верховном суде будет участвовать в принятии решения по делу Гамсуна в связи с поданной апелляцией, и ее надежда на возможность благополучного исхода укрепилась. Она узнала, что это решение будет зависеть в том числе от одного из судей, который скептически относился к чрезмерно жесткой линии в отношении выплат компенсаций по этой статье.

В течение весны 1948 года Гамсун неоднократно торжественно заверял всех, что не состоял в «Национальном единстве», в то время как Сигрид Стрей вела собственное расследование. Ей удалось побеседовать со многими бывшими функционерами этой партии, как на местном, так и на центральном уровне, и полученные ею сведения полностью подтверждали версию Гамсуна. Стрей добилась письменного свидетельства от сотрудника центрального аппарата «Национального единства» о том, что Гамсун не прошел необходимые процедуры для того, чтобы стать полноправным членом этой партии[509].

Интересно, что как раз в это время в дар королю Хокону VII за его вклад в борьбу против немецких оккупантов от имени норвежского народа была преподнесена «Новая Норвегия». Незадолго до этого «Дагбладет» поместила две карикатуры с комментариями, демонстрировавшие возвышение короля Хокона VII, которого назвали народным, и свержение короля писателей Гамсуна. Норвегию посетил Уинстон Черчилль, который приехал поблагодарить короля за его неоценимый вклад в борьбу против фашизма.

Во время встречи с королем Черчилль спросил, оглядывая зал:

— А где же здесь сидят все ваши великие норвежские писатели?

— Они все уже умерли, за исключением Гамсуна, а тот сидит в тюрьме, — ответил король[510].

С юридической точки зрения действия Гамсуна не попадали в сферу уголовной ответственности. Так же как его нельзя было судить за пронемецкие статьи, существенным был вопрос о том, состоял ли он в единственной разрешенной в период оккупации партии. Сам он никогда не отрицал, что поддерживал правительство Квислинга. Но официально в его партию он

никогда не вступал, у него не было членского билета, он не платил взносы. Если бы была найдена собственноручно заполненная им анкета, это могло стать решающим аргументом.

За полтора дня до поездки Сигрид Стрей в Осло для выступления в Верховном суде она отправила Гамсуну текст своей речи. В ней пункт за пунктом она последовательно излагала свои аргументы в его защиту[511].

Ко всем прочим аргументам она добавила также и разъяснения ответственного сотрудника отдела учета «Национального единства», касающиеся процедуры приема в партию. Он однозначно утверждал, что Гамсун не был членом партии, так как для этого необходимо было пройти четыре определенных этапа. В случае же Гамсуна имелось только одно свидетельство — его анкета. Вывод Стрей был таков, что во время суда над Гамсуном были нарушены некоторые общепринятые юридические нормы. Это относилось и к толкованию законов, и к критериям установления факта членства подсудимого в «Национальном единстве». Гамсун, как установлено, не прошел требуемые по уставу четыре этапа необходимой процедуры.

В пятницу 18 июня 1948 года Сигрид Стрей выступила в Верховном суде. На следующий день речь держал представитель государственного обвинения, в данном случае это был глава Комитета по возмещению нанесенного ущерба. В противоположность Сигрид Стрей в его распоряжении не оказалось каких бы то ни было новых материалов по этому делу. И он предложил пересмотреть первоначально назначенную максимальную сумму возмещения ущерба.

В следующий вторник взволнованная Сигрид Стрей пришла в Верховный суд. Здесь один из судей сообщил ей об окончательно принятом решении. Верховный суд принял решение считать факт членства Гамсуна в «Национальном единстве» доказанным. На вопрос, каково ее мнение на этот счет, она ответила, что разочарована и что Гамсун сочтет такое решение юридическим убийством. Она также была крайне удивлена, что сумма возмещения ущерба, нанесенного семьей Гамсун государству, была уменьшена лишь на 100 000 крон. Когда она попросила уточнить, из чего складывается эта сумма, судья разъяснил ей, что в расчет берется стоимость всего имущества семьи Гамсун.

Когда Гамсуну стал известен приговор, то он телеграфировал Сигрид Стрей: «Не расстраивайтесь. От имени нашего будущего я благодарю Вас за блестящую защиту. Вы разобрались в сути дела и спасли правду. Все остальное вне Вашей власти!»[512]

В тот день, когда Гамсун получил извещение о том, что пять судей Верховного суда Норвегии окончательно признали его виновным, он написал две фразы как последний аккорд той книги, над которой работал в течение последних трех лет: «Иванов день, тысяча девятьсот сорок восьмого года. Сегодня Верховный суд вынес решение, и я заканчиваю свои записки».

Итак, в свои 89 лет он закончил еще одну книгу.

Но издавать ее никто не хотел. Даже Харальд Григ, директор «Гюльдендаля», издательства, где Кнут Гамсун был самым крупным акционером, был против публикации.

Перед Рождеством 1947 года Гамсун переехал в Нёрхольм. Для этого у него были определенные причины. Книга была почти закончена. Марии в Нёрхольме не было, она все еще продолжала отбывать свой тюремный срок. Он решил вступить в борьбу за Нёрхольм. В связи с тем, что название усадьбы непосредственно ассоциировалось с именами самого Гамсуна, Марии и их двух сыновей, оно стало одним из самых выразительных символов нацизма. Предполагалось, что колоссальная сумма, наложенная в качестве штрафа на обоих супругов, неминуемо будет грозить принудительным аукционом, и с усадьбой Нёрхольм как с символом нацизма будет покончено навсегда.

Вот этой-то радости Гамсун и не хотел доставить своим победителям.

В начале зимы 1946 года, выйдя из психиатрической клиники, Гамсун сразу же написал письмо Харальду Григу, в котором содержалась просьба о содействии в решении некоторых экономических вопросов. До войны Григ множество раз оказывал Гамсуну подобную помощь. Причем делал это всегда с готовностью, никогда не забывая заверить Гамсуна в том, что для него всегда огромная радость быть полезным самому выдающемуся автору «Гюльдендаля» и главному акционеру издательства.

Но на этот раз Григ даже не ответил ему сам, перепоручив это управляющему. Тогда Гамсун написал Григу еще одно письмо: «Дорогой Григ, я хотел бы знать, что произошло между нами? Если это не мое „предательство“, то, значит, есть что-то другое. Я не могу понять, что происходит, и был бы благодарен за разъяснение. Я понимаю, что для многих и в Норвегии, и в мире я уже мертв, но вряд ли ты хочешь продемонстрировать мне именно это. Что же это такое? Я с открытой душой спрашиваю, что же все-таки такого я сделал или не сделал?»[513]

Григу понадобилось несколько дней, чтобы сформулировать свой ответ.

В нем он написал о судьбе, вине и долге. Он признает, что без экономической и литературной мощи Гамсуна не было бы возможности двадцать два года назад выкупить «Гюльдендаль» у датчан. Он также признает, что неограниченное доверие, которое оказывал ему самый крупный акционер издательства, и позволило ему занять столь высокое положение, а также обрести другие блага. С другой стороны, было бы несправедливо не отметить, что он всегда был невероятно хорошим издателем для Гамсуна. Таким образом, они сослужили друг другу хорошую службу и никто не остался внакладе.

Судьба, вина и долг. Был ли Григ обязан Гамсуну своей жизнью? Пробыв в лагере немногим более года, он вышел на свободу осенью 1942 года. В то время как многие узники этого лагеря были отправлены в Германию, где их ждали голод, страшные страдания и смерть. Какую роль сыграл в его освобождении Гамсун? Григ знал, что Гамсуна просили вмешаться в его судьбу. И при этом существовало несколько версий того, как повел себя Гамсун. Некоторые утверждают, что он решительно отказался. Другие считают, что это он тщательно проинструктировал Марию и Туре перед их визитом к Йозефу Тербовену. Последняя встреча Гамсуна с Григом состоялась в 1941 году, и Гамсун просил Грига действовать осторожно. Это предостережение можно было истолковать двояко. Григ принял его как дружеское участие, но не было ли в нем также и угрозы? За свое освобождение Григ в письме поблагодарил Марию[514].

После того как в 1943 году самолет, управляемый братом Харальда, прославленным норвежским поэтом Нурдалем Григом, был сбит над Берлином, а Кнут Гамсун продолжал насмехаться над героями Сопротивления и желать Германии благополучия и военных побед, все было кончено между этими двумя людьми.

Они оказались по разные стороны баррикад, когда шла борьба не на жизнь, а на смерть.

Эти свои соображения и хотел высказать Харальд Григ Гамсуну, сочиняя вслух письмо, которое стенографировала его секретарша, чтобы потом отпечатать на машинке. Но в конце концов он все же решил написать письмо от руки такого содержания: «Дорогой Гамсун! Ты хочешь знать, „что произошло между нами“. Ответ очень простой. В той борьбе не на жизнь, а на смерть, которая шла, мы стояли по разные стороны баррикад — и продолжаем стоять сейчас. Мало кем я восхищался так, как тобой, и кого так любил. И никто не разочаровал меня так, как ты»[515].

Когда Григ сообщил Гамсуну, что по-прежнему считает его своим смертельным врагом, то он не знал, что этот старец пишет новую книгу. Григ думал, что в первые послевоенные годы спроса на книги Гамсуна не будет. Он полагал, что должно пройти какое-то время, прежде чем рынок будет готов к новым изданиям его книг. По его мнению, это станет возможным только в связи со столетним юбилеем писателя в 1959 году, когда, вероятно, удастся соединить читательские интересы отвернувшихся от него представителей двух теперешних поколений и людей более младшего возраста, которых его предательство во время войны будет задевать гораздо меньше. Кроме того, Григ был уверен, что время Гамсуна как основного владельца акций издательства уже прошло. Он не сможет долго владеть акциями, учитывая, что ему самому, его жене и двум сыновьям придется по решению суда выплачивать огромные штрафы.

Свое письмо Григ закончил следующими словами: «Я понимаю, что это письмо, касающееся наших с тобой отношений, причинит тебе боль. Я хочу, чтобы ты знал: мне так же больно, как и тебе».

В тот же день в ответ на письмо своего старого друга Гамсун написал прямо на конверте письма Грига следующие слова: «Дорогой Григ. Благодарю тебя за это письмо. Это как подарок. Больше мне нечего сказать. Твой Кнут Гамсун»[516].

Григ не стал долго размышлять над тем, за что, собственно говоря, его благодарил Гамсун. При этом он не мог не отметить, что Гамсун по-прежнему обладает удивительным даром находить нужные слова. Ведь он сумел напомнить издателю об их давних взаимоотношениях, когда один из них чем-то был обязан другому. Но слова Гамсуна в данном случае следовало понимать буквально. Ведь своим письмом Григ избавил Туре от подозрений Гамсуна в том, что именно он дал понять Григу, что отец в определенный момент не захотел быть вовлеченным в хлопоты, связанные с его освобождением[517].

В общем-то взаимоотношения Гамсуна с издателями часто подвергались суровым испытаниям, в результате чего нередко в конце концов наступал разрыв. Но эти конфликты имели лишь небольшие отрицательные последствия и в целом, они так или иначе оказывались выгодными Гамсуну. В начале лета 1947 года Гамсун в полной мере осознал последствия своего разрыва с Григом. «Что толку, что я продолжаю писать, — издателя у меня теперь нет. Как странно быть мертвым, хотя еще не умер», — так писал он Туре[518].

Писатель, владевший шестой частью всего имущества «Гюльдендаля», фактически лишился возможности здесь издаваться. Продолжая считать Гамсуна своим смертельным врагом, Григ попробует уничтожить его как писателя и в пределах Норвегии, и за рубежом. Тем самым он возьмет его за горло экономически и принудит продать акции издательства.

Но Гамсун в борьбе за владение акциями оказался дьявольским противником.

И вот он сделал для этого первый ход.

Он предоставил в распоряжение Туре свои авторские права, наделив его всеми необходимыми полномочиями, при этом показал себя и как неутомимый наставник. Интерес к переизданию произведений Гамсуна проявило итальянское издательство «Мондадори», а также издательство «Хосе Ханес» в Испании. В Германии прежние издательства были закрыты странами-победительницами. Гамсун посоветовал Туре обратиться к новым немецким издательствам. И вскоре некоторые из них заинтересовались изданием книг Гамсуна. Раньше у него были определенные суммы на счетах немецких издательств, но административные власти стран-победительниц изъяли все ценности, принадлежащие лицам, которые так или иначе, были связаны с врагом в период немецкой оккупации. И в список таких лиц был включен нобелевский лауреат, удостоенный этого звания за свое «идеалистическое» творчество, посвященное воспеванию труда земледельца.

В начале 1947 года Гамсун позволил просочиться в прессу информации о том, что он пишет новую книгу. Без удивления, но с чувством разочарования он был вынужден признать, что Григ и «Гюльдендаль» не проявили ни малейших признаков того, что готовы клюнуть на эту наживку. Поэтому он решил, что пришло время проявить свою писательскую мощь в полную силу.

В первые дни 1948 года он попросил Сигрид Стрей помочь ему полностью разорвать все отношения с «Гюльдендалем» и отозвать все права на переиздания своих книг. Григ дал понять, что если Гамсун хочет осуществить свой замысел, то тогда ему придется «выкупить себя». Гамсун пришел в ярость. Письмо, сочиненное Гамсуном и подписанное именем его адвоката, не произвело на Грига должного впечатления. Избранная Гамсуном стратегия конфронтации не продвинула дело ни на шаг вперед.

Вскоре Сигрид Стрей известила его о своем приезде в Нёрхольм. После решения Верховного суда перед ней стояла весьма нелегкая задача спасти усадьбу Гамсуна от банкротства и принудительной продажи. Но чтобы подобная надежда могла

осуществиться, ей было необходимо убедить Гамсуна в том, что ему следует достичь какого-то компромисса с Григом.

В Осло она узнала две шокировавшие ее новости. Первая — это решение Верховного суда. Вторая заключалась в том, что Григ давно предпринял действия, направленные на то, чтобы обеспечить себе покупку 200 акций издательства «Гюльдендаль», которыми владела семья Гамсун. Это стало известно Сигрид Стрей от представителей Комитета по возмещению нанесенного ущерба. Оказалось, что Григ обратился туда с прошением, еще до того как состоялось заседание Верховного суда, которого издатель с нетерпением ожидал. Таким образом, стало ясно, что заявление Грига о том, что его разногласия с Кнутом Гамсуном носят исключительно политический характер, — явная ложь.

Сигрид Стрей связалась с банком. Сколько могут стоить принадлежащие Гамсуну акции «Гюльдендаля»? «Тысяча крон за акцию» — таков был ответ. После этого она позаботилась о том, чтобы через некоего посредника четко довести до сведения Грига, что акции продаваться не будут. Реакция последовала быстрее, нежели она ожидала. Григ изъявил желание встретиться с ней.

Впервые за долгие годы Гамсун ощутил вкус победы. Григ мог только гадать, каким образом его бывший партнер по игре в покер может использовать три свои козырные карты: права на свои старые произведения, рукопись новой книги и принадлежащие ему акции издательства.

Гамсун передал адвокату фрагмент рукописи своей новой книги «На заросших тропинках». Стрей попросила разрешения показать ее компетентному человеку, Максу Тау, который это лето, как и предыдущие, проводил в окрестностях Арендала. «Я даже не мог себе представить, чтобы человек в его возрасте, прошедший через такое, был в состоянии так писать. Его страницы завораживают, в этой книге мастерство Гамсуна снова проявилось во всей полноте», — высказывался он о книге чуть позднее[519]. На следующий день он прибежал к Сигрид Стрей.

— Он вполне сохранил и свой творческий потенциал, и волю к жизни, его новая книга получит всемирную известность!

Высокая оценка, высказанная Тау, еще более укрепила Стрей в том, что в руках у Гамсуна действительно хорошие карты.

Львиные когти

20 июля 1948 года неутомимая Сигрид Стрей в который раз

предприняла действия в интересах своего клиента Кнута Гамсуна, которому служила уже в течение 18 лет. И на этот раз дело была связано с Гримстадом, но только сейчас ей предстояло не выступление в зале суда, а переговоры в гостиной отеля, где была назначена ее встреча с Григом.

Очень довольная их результатами, Стрей немедленно известила о них и Гамсуна. Если руководство «Гюльдендаля» получит гарантии, что акции Гамсуна не попадут в чужие руки, оно готово предоставить ему заем в 400 000 крон. При этом издательство готово выплачивать ему пожизненное содержание в размере 20 000 крон в год в качестве аванса в счет будущих процентных отчислений, связанных с дальнейшим выпуском его произведений.

Вместо того чтобы обрадоваться, Гамсун пришел в ярость. Он отверг предложение «Гюльдендаля» и уведомил Стрей о своих планах: он намерен заложить Нёрхольм и акции, все, что он имеет, ради того, чтобы откупиться от «Гюльдендаля» и Грига, откупиться любой ценой. Ведь Григ заявил о невозможности издания книги «На заросших тропинках» при жизни Гамсуна.

Сигрид Стрей оказалась в трудном положении.

Она знала, что, когда речь идет о том, чтобы истребовать деньги в качестве возмещения нанесенного ущерба, норвежское государство не будет считаться ни с чем. Гамсуну предстояло выплатить 325 000 крон, не считая суммы в 150 000 крон, которую должна была выплатить Мария. Теперь ее неугомонный клиент просил найти издательство, готовое выкупить у «Гюльдендаля» за сумму в полмиллиона крон склад с его книгами и одновременно дать ему взаймы несколько сот тысяч крон. Но ведь это же совершенно невозможно!

Сигрид Стрей была человеком рациональным. Она знала, только два реальных способа избавить Гамсуна от экономического краха, теперь, когда его главной целью стало издание новой книги: либо отговорить Гамсуна от этого предприятия, либо убедить Грига издать ее немедленно.

После того как Сигрид Стрей внимательно обдумала ситуацию, ультиматум Гамсуна уже перестал ее удивлять. Она знала Кнута Гамсуна очень давно. Годами супруги из Нёрхольма, каждый по отдельности, приезжали к ней, выдвигали друг против друга различные обвинения. Как часто Мария Гамсун пыталась рассказать ей как женщине, какую цену платили она и дети за то, что творчество занимало главное место в его жизни.

И вот теперь Стрей воочию увидела проявление той безжалостности и неумолимости Гамсуна, о которой говорила

Мария.

Несмотря ни на что, она все же попыталась убедить Гамсуна отказаться от ультиматума из-за опасности экономического краха. При этом она была готова в своей тактике сделать поворот на 180 градусов. Поэтому адвокат попросила Грига о новой встрече. Наряду с рукописью и заявкой на издание книги своего клиента она предоставила Григу письмо Гамсуна к ней, в нем говорилось: «Книга, несомненно, будет продаваться, доверьтесь моему мнению и замолвите за нее слово. Я больше никогда не попрошу Вас ни о чем в этой жизни. Эту зиму я не переживу, через несколько дней мне будет 90»[520].

Прочитав рукопись, Григ еще больше утвердился в мнении, что книгу «На заросших тропинках» издавать нельзя. Об этом он известил Сигрид Стрей. Дело в том, что эта новая книга Гамсуна не оставляла камня на камне от утверждения о стойком ослаблении умственных способностей автора. «Читая рукопись, все время замечаешь следы львиных когтей», — заключил Григ. По его мнению, рукопись еще раз показала, что «та позиция, которую Гамсун занимал во время войны, осталась неизменной. Это не только следует из его защитительной речи на суде, которая приводится здесь целиком, но проходит красной нитью через все повествование»[521].

Стрей пришлось использовать все свое терпение и изворотливость, чтобы Гамсун не предпринял какого-то рокового шага. Ей удалось уговорить Гамсуна сыграть с Григом еще одну игру. Зондирование почвы в другом крупнейшем норвежском издательстве, «Аскехауг», не дало никаких результатов.

Она также отвергла еще одну идею Гамсуна: издать книгу в маленьком, незаметном издательстве, быть может, даже образовать свое собственное. Стрей нашла неотразимый аргумент против: будут говорить, что писатель деградировал.

В середине августа издатель Григ и адвокат Стрей вновь встретились, на этот в Крагерё.

Что больше всего беспокоило Грига, так это судьба акций, принадлежащих семье Гамсун. Владение этими акциями, конечно же, означало власть над издательством. Григу были известны семейные тайны семьи Гамсун. Он знал, что Эллинор помещена в психиатрическую клинику Осло, при этом благодаря тому, что отец перевел многие акции на ее имя, является одним из крупнейших акционеров «Гюльдендаля». То же самое относится и к Сесилии, которая собиралась уже во второй раз разводиться. Акционер Туре тоже намеревался разводиться и при разводе

обязан был передать своей бывшей жене гораздо больше, чем он владел и зарабатывал. Воевавший на восточном фронте Арилд был четвертым акционером «Гюльдендаля». Вскоре он станет полноправным владельцем Нёрхольма, этой денежной кубышки. А какими правами на акции обладала Мария?

Григ и другие члены правления издательства считали крайне важным собрать все эти пушки вместе на палубе корабля под названием «Гюльдендаль». Когда Григ узнал, что Гамсун по-прежнему категорически против продажи акций «Гюльдендалю», то он попытался найти какой-то другой способ сохранения контроля над акциями. Григ сообщил, что под гарантию сохранения 100 акций за «Гюльдендалем» может обещать Гамсуну заем в 200 000 крон и еще 150 000 крон в качестве аванса в счет будущих доходов с его книг. За это Григ получал соответствующее право дополнительных голосов и преимущественного права покупки акций у его детей. Он также просил предоставить исключительное право «Гюльдендалю» на издание произведений Гамсуна.

Благодаря этому Гамсун сможет исполнить постановление суда, обязавшего его выплатить сумму в 325 000 крон в качестве возмещения ущерба, нанесенного им своей стране во время войны. Сейчас Гамсун достиг трех из поставленных им целей: сохранить за собой Нёрхольм и акции издательства и заставить «Гюльдендаль» заниматься продвижением и продажей своих изданных ранее книг.

Теперь ему оставалось выполнить самую последнюю задачу. Сделать так, чтобы его книга «На заросших тропинках» была издана в Норвегии.

Харальд Григ не случайно разглядел в рукописи «следы когтей льва». В своей борьбе за акции Гамсун проявил присущие ему с давних пор львиную отвагу и коварство. И его дела с Григом никак нельзя было считать законченными. Его новая книга должна быть издана в Норвегии и при его жизни. И тут началась завершающая стадия борьбы между Кнутом Гамсуном и Харальдом Григом.

Неожиданно появился человек, готовый укротить льва. Эта попытка стала роковой для Кристиана Гирлёффа.

Самоубийственное поручение

Маленькое шведское издательство «Льюис», которым частично владел гигант «Норстедт», летом 1948 года проявило интерес к изданию книги «На заросших тропинках». Когда

«Дагбладет» опубликовала новость, что «Гамсун издает в Швеции книгу о своих мыслях и чувствах во времена нацизма», то потенциальное издательство Гамсуна подверглось нападкам[522].

После этого интерес шведов к книге мгновенно остыл, и никакой переписки на этот счет не последовало. Другие шведские издательства также ответили вежливым отказом, а вслед за ними и датские. Обращения в финские издательства не дали никакого результата.

После этого Сигрид Стрей по поручению Гамсуна связалась с Григом, чтобы заключить договор, обязывающий его издать книгу в течение зимы 1949 года. Григ уклонился. Он заявил, что книга может быть издана только после смерти Гамсуна.

Гамсун продолжал давить на Грига.

В январе 1949 года он попросил Стрей вновь связаться с ним.

Разве 4 августа 1949 года, 90-летие Гамсуна, не является идеальным поводом для издания книги? Подобным вопросом Гамсун хотел напомнить Григу о том, что ранее тот всегда придавал юбилейным датам большое значение. Гамсун уведомлял также «Гюльдендаль», что в издании его книги заинтересовано швейцарское издательство, которое брало на себя издание этой книги во всех немецкоязычных странах, кроме того, издание готовилось и в Испании.

И тут впервые после обсуждения этой темы год назад отказ Грига не был безоговорочным. Он попросил, чтобы ему еще раз прислали рукопись, и хотел обсудить ее с Сигрид Стрей. Гамсун отнесся к этому недоверчиво: «Интересно, зачем это ему понадобилось вновь знакомиться с моей рукописью? Он что, собирается ее править? Он, видимо, считает, что старик пишет неряшливо, но я выправил все, что надлежит»[523].

В марте 1949 года Григ и Стрей встретились в Осло. Издатель капитулировал.

Он понял, что Гамсун будет стоять насмерть, пока книга не выйдет, пусть даже за рубежом. Кроме того, согласно предыдущим обязательствам по финансовым вопросам, Григ был бы вынужден дать разрешение на издание его книги «На заросших тропинках» в другом норвежском издательстве. А такое желание изъявили сразу несколько маленьких независимых издательств. Григ оказался в безвыходном положении. Он опасался, что, когда содержание книги станет известным, консервативная и умеренная пресса, настроенная дружелюбно по отношению к Гамсуну, может начать задавать весьма неприятные вопросы.

При этом несомненно упор будет сделан на тот факт, что человеку, оказавшемуся способным написать такую книгу, ранее,

после психиатрического обследования, поставили диагноз «стойкое ослабление умственных способностей».

Во время обсуждения этого вопроса с Сигрид Стрей Григ выдвинул одно непреклонное требование: учитывая общественное мнение, к юбилею Гамсуна издание книги невозможно. Но все же Стрей удалось добиться компромисса, и Григ дал обещание, что перед самым 4 августа выйдет пресс-релиз, в котором будет сообщаться, что этой осенью выйдет в свет новая книга Кнута Гамсуна.

Издатель и адвокат пришли также и еще к одному соглашению, о котором Гамсун не был извещен. Жесткие нападки на профессора Габриеля Лангфельда должны быть смягчены, а может быть, и удалены. С этим Сигрид Стрей не могла не согласиться. Она и раньше предупреждала Гамсуна о том, что юридически он находится на краю дозволенного. Такого же мнения был и его друг Кристиан Гирлёфф. Теперь и Григ, и Стрей пришли к единому мнению о том, что ближайший друг и помощник Гамсуна Кристиан Гирлёфф мог бы попытаться уговорить старика сделать кое-что в книге более умеренным.

Им следовало бы сразу понять, что это самоубийственное поручение.

В течение месяца Гамсун читал и комментировал поток писем своего друга тот в своих посланиях старался убедить его кое-что изменить в тексте рукописи, особенно в плане своих резких высказываний, касающихся Лангфельда и клиники. Вскоре Гамсун перестал даже распечатывать письма от Гирлёффа. Пачка этих писем все росла и росла в течение мая, июня и июля. Когда летом 1949 года он получил уже пятнадцатое письмо, он решил все же написать несколько строк в ответ, но эти слова были адресованы не Гирлёффу непосредственно, а членам его семьи: «Господину Гирлёффу прекрасно известно, что я не отвечаю на его послания. И тем не менее он продолжает беспокоить меня своими письмами и бандеролями, которые я не вскрываю. Подобная наглость со стороны взрослого человека кажется мне неслыханной. Прошу покорно его семейство оградить меня от господина Гирлёффа»[524].

Кнут Гамсун написал в своей жизни более 6000 писем. И это, безусловно, было самое отвратительное из них.

Не более милосердно отнесся он и к своей жене. Мария вышла из тюрьмы 19 августа 1948 года. У тюремных ворот ее ждал Туре. Они сели в автомобиль.

Мария не стала ни о чем спрашивать сына, по его молчаливому и заботливому поведению она поняла, что ей предстоит жить у него. В подвале дома Туре в Аскере была комнатка рядом с его мастерской керамики. Здесь ей и предстояло жить. Комната была тесной и сумрачной, ее маленькие внуки даже боялись одни заходить сюда. А в начале будущего года она вполне может поехать в Копенгаген и пожить у Сесилии, предложил Туре[525].

По совету Сигрид Стрей Гамсун отказался от бракоразводного процесса. Вместо этого он решил отделить свои штрафные выплаты от выплат жены. Очень многие сплетничали об их «треугольнике». Он и Виктория — против Марии.

После того, как с помощью аванса от «Гюльдендаля» и банковских гарантий ему удалось выплатить назначенные государством 325 000 крон, у него осталось всего 17 000. Не прошло и недели, как Мария вышла из тюрьмы, когда он отдал распоряжение своему адвокату организовать выплату третьей части этих денег Виктории. Совпадение этих событий было отнюдь не случайным: он боялся опоздать. Сигрид Стрей должна была действовать быстро. «Всю свою жизнь я поступал с ней несправедливо», — признавался он[526].

Более сильного обвинения в собственный адрес Гамсун никогда не выдвигал, по крайней мере письменно.

Последним из семьи Гамсун предстал перед судом Арилд. Это произошло в октябре 1948 года. Отец предсказывал ему мягкий приговор — «наказание не будет суровым, а процесс не будет шумным. Два года назад все могло бы быть гораздо хуже, сейчас правосудие уже не так задирает нос, как раньше»[527]. Суд состоялся, Арилд был осужден. Сражавшегося на восточном фронте солдата вермахта осудили к полутора годам принудительных работ, с вычетом из них девяти месяцев, проведенных в тюрьме, плюс выплата конфискации в размере 700 крон и штрафа в 10 000 крон.

На следующий же день после суда Гамсун отправился вместе с Арилдом в адвокатскую контору Стрей в Арендале, где Сигрид Стрей уже подготовила по просьбе Гамсуна соответствующий документ. Наконец уже почти 90-летний землевладелец нашел время оформить передачу усадьбы младшему поколению. Нёрхольм перейдет младшему сыну. Старшая из его детей, Виктория, наследует акции «Гюльдендаля», часть стоимости дома и авторские права на его книги, наряду с другими его детьми. Таким образом, Мария не получала абсолютно ничего, кроме права жить в Нёрхольме после его смерти!

Марию сделали «козлом отпущения», но и сама она нуждалась в таковом. Почти полтора года Мария Гамсун прикладывала усилия, чтобы заставить профессора Лангфельда признать свою вину в том, что, как писала она, «мой муж оставил меня без гроша в кармане и выставил из Нёрхольма, который был моим домом в течение 30 лет. Мне 67 лет, у меня стенокардия, язва желудка, и я так устала, все это вместе делает меня абсолютно нетрудоспособной»[528].

Мария теперь жила то у Туре в Арендале, то у Сесилии в Копенгагене. Она попросила дочь поговорить с отцом. Гамсун ответил с грубой прямотой: «Я сказал твоей маме, что больше никогда в жизни не проведу ни единого дня с ней под одной крышей! Разве я не выразился просто и ясно? <…> Я знаю, что это причиняет боль и тебе, и Эллинор, и мальчикам, это не доставляет радости и мне самому — ведь я еще не умер, я еще здесь, в этом мире, к сожалению»[529]. Ни его жене, ни детям не следует опасаться, что он будет жить вечно, но наверняка Мария будет продолжать плакать от злости, что он еще не околел, так закончил он.

Никакой он не мученик

Осенью 1949 года в издательстве «Аскехауг» вышел в свет справочник «Кто есть кто», в который были включены имена самых известных норвежцев. Единственный живой лауреат Нобелевской премии из Норвегии упомянут не был. Вмешательство норвежских писателей не помогло.

И «Дагбладет», и «Моргенбладет» встретили его 90-летний юбилей молчанием. В самой крупной норвежской газете, «Афтенпостен», появилась редакционная заметка, где было честно сказано о том, что прошло слишком мало времени с окончания периода оккупации, чтобы можно было бесстрастно говорить о личности Кнута Гамсуна и оценивать его значение как писателя.

Сигурд Хёль, напротив, не стремился уйти от этой проблемы в своей большой статье, посвященной юбилею Гамсуна, которая была помещена в шведской «Дагенс Нюхетер» и датской «Информашун». У него, несомненно, были трудности с публикацией этой статьи в Норвегии, она была напечатана только в маленькой местной газете «Тронхеймсавис».

Исходным моментом в статье Хёля явился 80-летний юбилей писателя. «Уже тогда Кнут Гамсун был нацистом, но в то время если вообще говорилось об этом, то говорилось вскользь, об этом

упоминалось как о крохотном родимом пятнышке на челе писателя. Теперь, десять лет спустя, многие считают это пятно главной определяющей чертой его облика. <…> Что спасает большую часть написанного Гамсуном, так это то, что его нацизм, несмотря ни на что, — это лишь небольшой изъян. Его творчество питали совсем иные источники, нежели жестокость, высокомерие, бесчеловечность, в нем всегда преобладало сочувствие к человеку. Принято считать, что Гамсун — только художник, художник до мозга костей. Это не так. В ряде его романов <…>, несомненно, присутствуют его политические взгляды и их пропаганда, но как некие инородные тела, подобно валунам, которые встречаешь вдруг на пашне. При этом в длинном ряду его книг нет никакой такой пропаганды в грубом значении этого слова. Они являются просто произведениями искусства, созданными гораздо более значительной личностью, нежели та, которая представала перед нами в последние годы»[530].

Через полтора месяца после 90-летнего юбилея вышла в свет его книга «На заросших тропинках».

Сигрид Стрей не могла скрыть торжествующих ноток в письме, которое она написала Харальду Григу после того, как прочитала рецензии в день выхода книги: «Вы должны склониться перед его гением. Никто не выразил неудовольствия в связи с выходом книги, напротив»[531].

Григ мог с удовлетворением отметить, что объем продаж превзошел все ожидания. Первая партия тиража — 5000 экземпляров была распродана в течение нескольких дней.

Молодой, радикально настроенный культурный обозреватель газеты «Дагбладет» выступил со статьей, в которой утверждал: Гамсун так же не способен был признать в 30-е годы чудовищность нацизма, как теперь, после войны, идеализирующие Москву не способны признать дьявольскую сущность коммунизма. При этом он рассматривал Гамсуна как особый случай в ряду художников и интеллектуалов, поддерживавших деспотические режимы, аналогичный которому вряд ли найдется в мировой истории[532].

При этом обозреватель «Дагбладет» не стал в своих рассуждениях вторгаться в опасные сферы, связанные с двумя как бы неразорвавшимися бомбами: постановлением генерального прокурора и диагнозом профессора Лангфельда. А вот автор рецензии в «Афтенпостен» пошел дальше: «Вполне возможно, что дело Гамсуна было рассмотрено неправильно. Снисходительность и мягкость по отношению к одним могут обернуться жестокостью по отношению к другим, как раз как в случае с Гамсуном»[533].

Автор считал, что, «конечно, Гамсуну нельзя простить материальный ущерб, нанесенный стране. Нет ему и морального прощения. Он предал не только свою страну <…>. Его поведение, поступки во время немецкой оккупации — это предательство человека, того простого человека, который тоже хотел жить».

Самые значительные газеты, за исключением «Афтенпостен», поместили положительные рецензии на книгу, в них главный упор делался на Гамсуна-писателя. Сущность отрицательных рецензий в некоторых газетах сводилась к тому, что книга «На заросших тропинках» это первая попытка одного из коллаборационистов оправдать себя, и ничего хорошего в этой тенденции нет. Среди многочисленных откликов лишь в двух-трех говорилось, что написанное Гамсуном подтверждает тот диагноз, который ему поставил Лангфельд.

Большинство рецензентов призывало проявить милосердие к Гамсуну-писателю. Из тридцати газет, в которых появились рецензии, лишь в четырех случаях содержались проклятия писателю и политику Гамсуну. Именно тогда громко прозвучала идея, что в случае с Гамсуном необходимо четко разделять великого писателя и политика. При этом никто не заявил, что помещение Гамсуна в психиатрическую клинику, по существу, противозаконно. В основном все ограничились мягкой иронией по поводу диагноза, поставленного Гамсуну доктором Лангфельдом.

Вскоре и сам доктор выступил в прессе с истолкованием термина «стойкое ослабление умственных способностей». Он разъяснил, что «стойкое» не означает «устойчивое», «стабильное» или «необратимое». И что этот диагноз затрагивает пациента лишь на какой-то период, не более года. Лангфельд заявил, что, в частности, инсульт, перенесенный Гамсуном, затрагивает только определенные области мозга и «меня не удивляет, что по прошествии лет его состоянии улучшилось и он снова взял в руки перо»[534].

Однако дело в том, что все рассуждения Лангфельда основываются на одной принципиальной ошибке: Гамсун начал писать свою книгу отнюдь не через несколько лет после выхода из психиатрической клиники, то есть когда якобы, по мнению Лангфельда, оправился после болезни. Свои первые заметки для книги «На заросших тропинках» он стал делать сразу же после окончания войны, в конце июня 1945 года, когда его поместили в гримстадскую больницу. Большая часть книги была написана в 1946 и в первой половине 1947 года.

Удивительно, но никто не поинтересовался у профессора Лангфельда, какой принцип был положен в оценку психического здоровья Гамсуна? Сравнивал ли профессор 86-летнего Гамсуна с его ровесниками? Или же доктор сопоставлял тогдашнее состояние здоровья Гамсуна с его прежним состоянием, а в таком случае какими именно сведениями располагал доктор, чтобы судить об этом состоянии?

Впоследствии Лангфельд утверждал, что сравнивал *«ego»* тогдашнего Гамсуна с тем, каким оно было в прежние годы[535]. Но тогда возникает вопрос, корректно ли было навешивать на Гамсуна этот ярлык недееспособности, когда он продолжал по всем статьям соответствовать характеристикам вполне здорового человека своего возраста?

Хотя в обществе не было никаких дискуссий по поводу действий генерального прокурора и доктора Лангфельда, Гамсун в своей книге «На заросших тропинках» сумел пролить на них свет. Но в то же время память о годах оккупации еще была слишком жива, чтобы кто-то осмелился защищать в суде предателя Кнута Гамсуна.

Теперь ситуация была иной: произошло возрождение писателя Кнута Гамсуна. Такого же мнения придерживались и шведские рецензенты, в Швеции и Норвегии книга вышла одновременно. Иван Паули в «Моргон Тиднинген» сформулировал это так: «Гамсуну не удалось представить себя как некую жертву, мученика».

Чего не могли предвидеть рецензенты, так это то, что книге суждено было пережить свое время. Постепенно эта книга стала восприниматься как злая насмешка над диагнозом «стойкое ослабление умственных способностей». Тот факт, что оба медицинских эксперта, Габриель Лангфельд и Эрнульф Эдегорд, опирались только на этот диагноз при подготовке процесса над Гамсуном, в сущности, уже никого не интересовал. Собственно говоря, в этой ситуации они могли поставить ему какой угодно диагноз, и тогда возникает вопрос, а не было ли какой-то предварительной договоренности между представителями норвежского правительства, с одной стороны, генеральным прокурором, с другой стороны, и доктором Лангфельдом с третьей, что и предопределило поставленный диагноз?

Чем более размышляешь над этим, тем больше находится свидетельств того, что подобная договоренность, нарушающая все политические, юридические и врачебные нормы, имела место[536].

Она пришла вместе с весной

Как только в конце сентября 1949 года вышла книга «На заросших тропинках», Туре тут же послал экземпляр Марии.

Она сразу принялась читать и не могла оторваться, пока не закончила. Прочитав, она вздохнула с облегчением. Он вполне извинял ее, Лангфельд ее обманул. Но вот конец книги Марии было горько читать. Он так красиво описывал несчастную, бесприютную Марен у себя на Хамарёе, которой негде было жить и она ходила от усадьбы к усадьбе, чтобы поддержать свое существование. При этом ни единым словом он не обмолвился о том, что сделал бесприютной свою собственную жену.

В осенние дни 1949 года Гамсун сидел и думал совсем не о ней. Восемнадцать лет назад он встретил женщину, которая оставила незаживающую рану в его душе, Марику Стьернстедт. Эта шведская писательница была на шесть лет старше Марии, но в приглушенном свете ресторана, тем июньским вечером 1930 года в Осло, у него создалась иллюзия, что она лет на 15–20 моложе. Он позаботился о том, чтобы шведское издательство прислало ей экземпляр «На заросших тропинках». В ответ она отправила ему книгу своих воспоминаний, где она в том числе описывает и их встречу в Осло. В свое время он раздумывал о том, чтобы подарить ей свою нобелевскую медаль, правда, вместо этого тринадцать лет спустя он одарил ею Геббельса. И вот теперь он писал Марике Стьернстедт: «Дорогая моя, спасибо большое за письмо и книгу. Я почти ослеп и не в состоянии читать, в том числе и Ваши письма, я могу читать только крупные заголовки газет. А Ваше письмо несказанно обрадовало меня. Я пишу эти слова почти вслепую, мне помогает привычка и небольшое освещение. У меня склероз, но в целом я здоровый человек, и аппетит у меня хороший только ничего не вижу. Я живу слишком долго, и я благодарю Бога за все то, что Он дал мне испытать в моей полной, насыщенной жизни. Это мой последний привет Вам — милая моя — милая»[537].

Через две недели он уже с трудом выводил почти в течение целого часа слова последнего привета своей дочери Виктории: «Я надеюсь, мы хорошо позаботились о тебе, дорогая Виктория. Фру Стрей постаралась как следует исполнить мои поручения в отношении тебя. Я ориентируюсь в пространстве, у меня, так сказать, зрячая походка, но я не вижу людей. Не беспокойся обо мне, мне хорошо. Моя дорогая Виктория, будь счастлива! Твой старый папа»[538].

12 декабря он попросил Туре приехать к нему на Рождество. «На это Рождество приезжай обязательно, очень прошу тебя». Через четыре дня он повторяет свою просьбу: «Не делай события

из моей просьбы. Приезжай ради себя самого и Лейфа»[539].

Кнут Гамсун теперь уже не мог требовать.

Это было его последнее письмо сыну, который в это время разводился. На Рождество Туре приехал к отцу со своими детьми Анной Марией и Лейфом, двухлетняя Ингеборг осталась в Осло со своей матерью. Туре сфотографировал дедушку с внуками. В то время как бабушка сидела в одиночестве в доме Туре в Аскере, так же как она сидела в день 90-летия своего мужа.

Зима в который раз претворилась в чудо, которое неизбежно происходит вместе с неизменной сменой времен года. Наступила весна 1950 года, весна, которая сводит с ума все живое.

Возможно, это произошло так: он бродил по комнатам Нёрхольма, заглядывая своим полуслепым взглядом в календари, и вдруг, в один прекрасный день, обнаружил, что сегодня — 17 апреля, ровно 42 года с того дня, когда он впервые встретил Марию. Как раз за несколько дней до этого Арилд кричал ему в ухо, что, наверное, он спятил, когда распорядился выкопать декоративные кусты, которые так любила Мария, потому что они, видите ли, мешают ему смотреть из окна на дорогу. Несмотря на то что в Нёрхольме было строго запрещено упоминать имя Марии, на этот раз отец ничего не сказал.

17 апреля 1950 года был понедельник. Невестка Гамсуна Брит уже легла спать, она слышала, как он ходит взад и вперед по коридору, потом остановился у двери их с Арилдом спальни, постучал в дверь и стремительно вошел в комнату.

— Ты должна привезти маму домой[540].

Брит тут же бросилась к Арилду, который сидел в гостиной внизу и слушал радио. Арилд поднялся к отцу и спросил его, хочет ли тот написать Марии. Нет, он хочет послать ей телеграмму. Арилд объяснил отцу, что телеграф закрылся в девять вечера, но утром ровно в восемь, как только телеграф откроется, он позвонит туда и пошлет матери телеграмму.

— Мама, позвони немедленно! — телеграфировал Арилд матери на другой день, до полусмерти напугав ее.

А уже через два дня Мария была на борту парохода, идущего в Арендал. Арилд и Брит встречали ее на пристани, с ними был и их старший сын, наследник усадьбы Эспен. Внук не видел бабушку с тех пор, как ее увезли в тюрьму накануне Рождества 1947 года. Семилетний мальчик заметил, что волосы у нее стали совсем белые.

В чемодане у Марии были листки с записями, те, что впоследствии, как она была уверена, станут книгой ее воспоминаний.

Гамсун тщательно продумал, как произойдет их встреча. Он сидел в плетеном кресле в своей комнате, которая находилась рядом с ее комнатой. Дверь была открыта. Он сел так, что не мог видеть ее. Поэтому ей неизбежно пришлось обойти вокруг кресла и встать перед ним. Никогда прежде она не видела его с бородой, теперь он выглядел как настоящий патриарх. Подготавливая их встречу, он сделал так, что ему не пришлось вставать, он приготовил стул и для нее. Она села. Он протянул ей руку.

— Тебя не было так долго, Мария. Все это время мне не с кем было поговорить, кроме Бога[541].

Впоследствии, в своих мемуарах, Мария утверждала, что это были первые слова, которые он сказал ей за прошедшие пять лет, которые они были не вместе. Едва ли это было действительно так[542].

Она поселилась в своей старой комнате, рядом с ним. В этой комнате, дверь которой была то открыта, то закрыта, Мария теперь сидела и писала свои воспоминания об их совместной жизни. Она работала над ними в течение лета, осени и зимы 1950-го, весь 1951 год, закончены они были только в 1952 году.

С самого первого мгновения, как она появилась в Нёрхольме, она могла видеть, что Гамсун постоянно сердился на Брит и Арилда, но был бесконечно мягок и доброжелателен по отношению к ней, как делилась она с сыном Туре[543]. При этом она выдвигала обвинения против невестки: «Никто не позаботился о больных глазах твоего отца, о том, чтобы он получал витамины, никто не заботился о его белье. Насколько я поняла, все это время он в основном сидел на каком-то ящике у входа в усадьбу и ждал смерти».

Их материальное положение было поистине ужасным. Мария взяла взаймы 20 000 крон. Адвокат Сигрид Стрей обратилась в министерство юстиции с ходатайством о возвращении части тех денег, которые были выплачены государству. Она аргументировала это тем, что сумма была слишком большой и входила в противоречие с духом закона, в соответствии с которым выплаты не должны лишать подсудимого всего его имущества. Ее требование было отвергнуто.

В то же время увенчалось успехом другое дело. Сигрид Стрей удалось убедить министерство юстиции аннулировать ту сумму компенсации, которая была присуждена Марии.

Зима 1951 года была очень снежной, и сугробы доставали до самой крыши сарая. Сигрид Стрей пригласили в Нёрхольм, для

того чтобы она помогла распутать вновь возникшие сложные клубки материальных проблем семьи Гамсун. Перед отъездом в Нёрхольм она получила письмо от Грига. Он сообщал, что новое собрание сочинений Гамсуна помещено на самом видном месте в последних каталогах «Гюльдендаля». Эти издательские каталоги адвокат Стрей захватила с собой к своему давнему клиенту. Она не видела его уже два года, и ей показалось, что перед ней совершенно другой человек, — корифей и гигант Гамсун куда-то исчез. Когда Сигрид Стрей рассказала ему, что каталоги будут разосланы книготорговцам по всей стране, он заплакал[544].

И в тот же день «Афтенпостен» сообщила, что Гамсун явился первым норвежцем, удостоенным ордена Марка Твена. При том что высшим покровителем ордена являлся президент США Гарри Б. Трумэн, а среди членов его правления был бывший премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль.

Адвокат мало могла помочь в улучшении материального положения обитателей Нёрхольма. По дороге домой Сигрид Стрей размышляла о том, как супруги Гамсун всячески старались продемонстрировать ей, что их отношения решительно улучшились. Было совершено юридическое действие, которое отчетливо на это указывало. 15 марта 1951 года Гамсун подписал документ, согласно которому он лишал Викторию права на имущественную долю в наследстве, которым он наделил ее два с половиной года тому назад. Она лишалась и права на акции. Ее доля в усадьбе Нёрхольм переходила Арилду, а доля в авторских правах должна была быть поделена между детьми Марии. Отношения в этом злосчастном треугольнике продолжали быть напряженными.

Вскоре Виктория начнет оспаривать эти изменения в завещании и в результате нескольких этапов судебных разбирательств отсудит их обратно[545].

В 1951 году Мария писала в своей рукописи, которая была опубликована в 1952 году под названием «Радуга»: «Та старая с седыми волосами, которую я вижу в зеркале, стоит мне немного повернуть голову, — это я сама. А рядом со мной в плетеном кресле, которое так неприятно скрипит, сидит мой муж, придавленный бременем своей судьбы и долгими годами. Я с горечью и болью думаю о том, что, быть может, не надо было тогда, в театральном кафе, нам сравнивать свои ладони, прикладывая одну к другой?» Она помнила, как он сказал, что у нее такие красивые ангельские ручки. Ведь говорила же ей Дада, девушка, которая служила в доме ее родителей и которую она так

любила, что это плохая примета.

Потом она рассказывает, как она плакала, стоя рядом с развалившимся сараем. Но, может быть, она плакала совсем из-за другого? И он утешал ее: «Это не стоит твоих слез. Скоро мы все умрем, ведь жизнь такая короткая. И при этом порой она бывает такой длинной. <…> И все же жизнь так коротка, до смешного коротка».

Марии было в это время семьдесят лет. И она надеялась еще пожить.

Весной 1951 года она написала очень горькую статью, в которой описывала, в какой бедности живет Гамсун вместе с ней. Статья была издана в Германии и перепечатана в нескольких норвежских газетах. В середине лета Мария попросила Туре обратиться к Григу с предложением переиздать ее детские книги в связи с ее 70-летним юбилеем в ноябре. Это могло бы принести немного денег, но главное — это возродило бы ее как писательницу, подобно тому, как это уже успешно произошло с ее мужем.

Григ с сожалением высказал Туре следующие соображения: «Действительно, это совершенно замечательные книжки и в настоящее время их невозможно достать. Но я считаю, что мы окажем автору плохую услугу, если переиздадим их сейчас. Как известно, существует весьма распространенное мнение, что Ваша мать была более активной во время войны и оккупации, нежели отец, и многие даже считают, что именно она вовлекла его во все это»[546].

Вот как Григ ее отблагодарил в конце концов.

И Мария ответила Григу: «Это весьма распространенное мнение — это весьма распространенная ложь <…>. Цель этой лжи — сохранение национального достояния Норвегии — Кнута Гамсуна. Но при этом естественно, что многие, пытавшиеся „спасти“ Гамсуна, делали это во многом и ради себя. В 1945 году мне отвели роль удобного и беззащитного „козла отпущения“. Я думаю, что Вы прекрасно осознаете, кто у нас в семье главный. Мой муж не тот человек, который позволит кому бы то ни было руководить собой»[547].

Но, увы, Мария не обладала энергией своего мужа и потому была неспособна в данном случае восстановить справедливость и заставить Грига пойти ей навстречу. А Гамсун уже был не в состоянии бороться за свою «единственную возлюбленную на этой земле».

Между тем проявлялись все новые и новые признаки того, что Гамсун совершенно не может обходиться без помощи других. Он почти оглох, был способен понимать лишь самые простые короткие предложения, которые Мария или кто-то другой из его близких терпеливо и многократно кричали ему в правое ухо. Он ослеп. Единственное, на что он реагировал, — это была нежная рука Марии, которой она поправляла ему подушку… Он снова стал как ребенок. И вот теперь ему опять, как в далеком детстве, приходилось бороться за свою долю материнской заботы.

Он стал своеобразным соперником самому себе, ведь Марии приходилось отрываться от работы над рукописью, где она описывала его жизнь, их совместную жизнь, в то время как он из своей комнаты настойчиво требовал ее к себе. Сначала все было наоборот: его творчество подчиняло и определяло всю их жизнь с того момента, когда они встретились и соединились.

В ночь на 19 февраля 1952 года, в начале второго, Кнут Гамсун скончался. В своем письме Сесилии Мария так описала последний аккорд жизни Гамсуна: «Повсюду в мире читают Гамсуна, идут его пьесы, его называют величайшим писателем современности, а у нас сейчас фактически нет денег, чтобы предать его земле. Он лежит на своем смертном одре в каких-то лохмотьях»[548].

Его смерть подтвердила то, что он сказал однажды:

> «Жизнь такая короткая. И при этом порой она бывает такой длинной».

Послесловие

Работая над этой книгой, я ставил задачу осмыслить, каким образом Гамсуну удалось стать великим писателем, чего стоило ему самому и его близким в течение десятилетий пестовать создаваемую им художественную вселенную. А также как сформировались его политические воззрения, в чем их сущность, какую реакцию они вызвали и к чему это привело самого Гамсуна.

Я руководствовался двумя основными подходами. Прежде всего, необходимо было получить в свое распоряжение максимальное количество сведений и проанализировать их. А затем на основании этого я попытался изложить более или менее достоверную историю жизни Кнута Гамсуна, писателя, политика и частного лица. При этом мне приходилось постоянно следить за тем, чтобы задачи, стоящие передо мною как повествователем, не вступали в противоречие с фактологической основой. Чтобы в написанной мной книге о жизни Кнута Гамсуна сохранялось равновесие между увлекательным повествованием и объективным исследованием.

В плане добывания биографических данных я обязан очень многим коллегам из Норвегии, Дании, Швеции, Германии, России, Франции, Хорватии, США и других стран, которые так или иначе помогли пролить свет на жизнь и творчество Гамсуна. Можно сказать, что существовала целая международная многопрофильная бригада, которая помогала мне в моих исследованиях. Я работал в течение пяти лет. Мои ближайшие коллеги также оказали мне неоценимую помощь.

Прежде всего это профессор скандинавских языков и литературы Харальд Несс, самый лучший в мире знаток эпистолярного наследия Гамсуна, который в течение 40 лет охотился за письмами Гамсуна и опубликовал их полное собрание с комментариями.

С самого начала помогал мне в работе и доктор наук Ларе Фроде Ларсен, осуществивший настоящий прорыв в изучении творчества Гамсуна, что нашло отражение в его трехтомном исследовании: «Молодой Гамсун», «Гамсун — радикал», «Сторонний взгляд на бытие». Профессор психиатрии Сигмунд Картерюд также с самого начала помогал мне. Он предоставил в мое распоряжение результаты психологического анализа личности Гамсуна. В связи с этим он передал эстафетную палочку своему американскому коллеге профессору Паулю Коста. Всемирно известный исследователь творчества Гамсуна, профессор в области теории литературы Атли Китанг, стал моим

неоценимым собеседником и советчиком. Таковым явился и профессор в области общественных наук Бернт Хагтведт. Своими знаниями со мной охотно делился историк, специалист в области истории Второй мировой войны и периода оккупации Норвегии, Одд Видар Аспхейм. Исключительно плодотворным оказалось и мое сотрудничество с редакторами из «Гюльдендаля» Хансом Петером Баккетейгом и Ирене Энгельстад. Члены семьи Гамсун, и прежде всего, конечно, правообладатель Лейф Гамсун, проявили ко мне исключительное доверие, благодаря чему для меня открылись многие двери.

Во время моей работы над биографией Гамсуна произошло событие огромной важности: был найден семейный архив писателя, включавший более 5000 документов, который, как считал он сам, был утрачен навсегда. Эти материалы относятся к периоду с 1890-х годов и вплоть до самой его кончины в 1952 году. Биографические изыскания привели и к другим ценным находкам.

Наряду с упомянутым архивом удалось также получить доступ к стенографическим записям психоаналитика, у которого Гамсун лечился в 1926–1927 годах.

Для меня было исключительно важно максимально опираться на документальные свидетельства. Я поставил перед собой цель осмыслить взаимосвязь между творчеством Гамсуна, его жизнью и его временем.

Текст данной книги, «Мечтатель и завоеватель. Кнут Гамсун и его время», представляет собой интернациональную версию переработанного биографического исследования в двух томах: «Гамсун — мечтатель» и «Гамсун — завоеватель». Источниками моего труда послужили около 20 000 документальных свидетельств. Это сведения из архивов, статьи, рецензии и заметки из периодической печати, письма, классные журналы, тексты интервью с матерью Гамсуна и его братом, материалы переписки с переводчиками, а также с норвежскими, датскими и немецкими издателями. Кроме того, я использовал бухгалтерские отчеты, связанные с выплатой процентных отчислений и прибылью от продаж, а также выписки из банковских счетов. В моем распоряжении оказались и самодельные детские книжечки, которые сохранила Виктория Гамсун (Чарльссон) как память о далеком детстве и встречах с отцом, отчет немецкого переводчика Эрнста Цюхнера о том, как проходил визит писателя к диктатору, а также материалы судебно-медицинской экспертизы, судебные протоколы и так далее.

Изначальный вариант моей книги наряду с библиографией включал в себя и две тысячи ссылок на источники. В данном издании сохранено около пятисот наиболее важных.

Биограф всегда вынужден делать тот или иной выбор.

Что касается конкретных произведений Кнута Гамсуна, то здесь я отдал приоритет своим попыткам осмыслить историю их создания. Я старался нащупать область соприкосновения Гамсуна-человека и Гамсуна-писателя. При этом я не забывал об опасности, постоянно подстерегающей биографа: свести сущность того или иного произведения к описанию процесса его создания.

Чем значительней художественное произведение, тем более непостижимым представляется этот процесс.

Гамсун создавал свои гениальные произведения, опираясь на свое многослойное подсознание, суть которого невозможно постичь. Что касается политики, то здесь он действовал довольно упрямо и прямолинейно, и это гораздо легче поддается анализу.

В целом работа над этой книгой привела меня к следующему выводу: в любом человеке содержится гораздо больше роковых противоречий, нежели мы можем представить себе.

Иллюстрации

Усадьба Гарму, где писатель прожил до трехлетнего возраста.

Кнут Гамсун после конфирмации. 1874 г.

Кнут Гамсун в двадцатичетырехлетнем возрасте.

Кнут Гамсун с Аслауг Юллум, десятилетней дочерью друзей. Кристиания, 1891 г.

Мария Лавик.

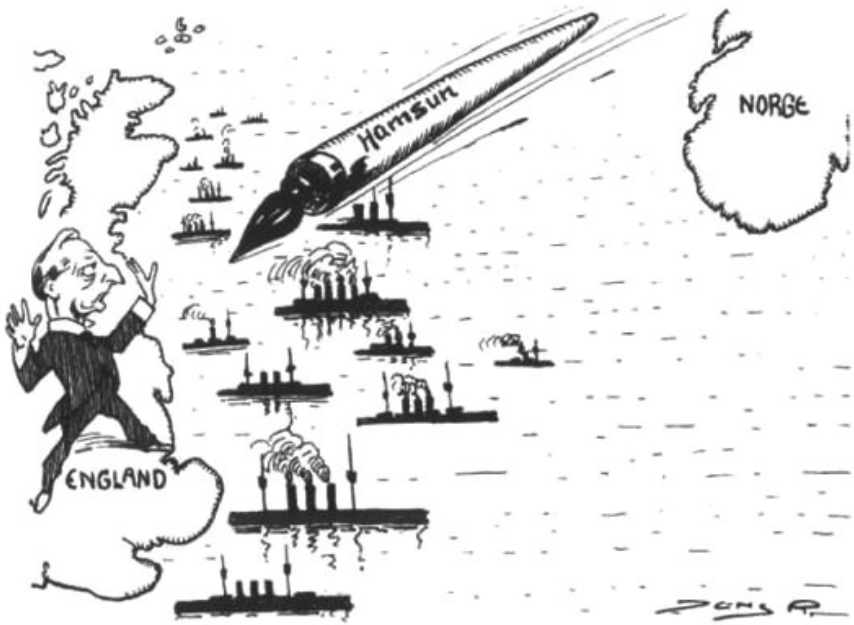
Кнуту Гамсуну 39 лет.

Кнут Гамсун в Гранд-Отеле в Будё, где он сочиняет роман «Дети века».

Кнут Гамсун. 1899 г.

Hamsun slagter vore Digtere.

Карикатура на Гамсуна, ниспровергавшего в своих лекциях собратьев по перу.



Карикатура художника Е. Р. Нильсена: перо Гамсуна, направленное против Англии во время Второй мировой войны.

Кнут Гамсун и Мария Андерсен в день гражданского бракосочетания. Кристиания, 19 июня 1909 г.

Усадьба Скугхейм.

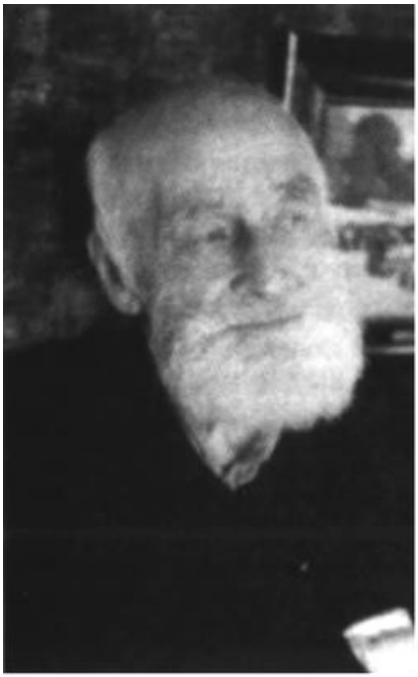
Усадьба Нёрхольм.

Кнут и Мария Гамсун. 1930 г.

Гамсун, вернувшийся в Норвегию после встречи с Гитлером, и рейхскомиссар Тербовен в аэропорту Форнебю.

Мария Гамсун и Вильгельм Хегерт, начальник литературного отдела в министерстве пропаганды, возглавляемого Геббельсом. 1942 г.

Суд над Гамсунгом. Гримстад, декабрь 1947 г.



Гамсун в последний год своей жизни.

Список сокращений

Сочинения на русском языке

1 — *Гамсун К.* Избранные произведения: В 2 т. М.: Худож. лит., 1970.

2 — *Гамсун К.* Полное собрание сочинений. СПб.: Т-во Маркс, 1910.

3 — *Гамсун К.* Собрание сочинений: В 6 т. М: Худож. лит., 1991.

4 — *Гамсун К.* На заросших тропинках. М.: Старт, 1993.

5 — Незнакомый Гамсун: Статьи и письма. Мурманск: Реклам, полиграфия, 2001.

6 — *Гамсун К.* Скитальцы. М.: Текст, 2001.

7 — *Гамсун К.* А жизнь продолжается. М.: Текст, 2003.

8 — *Гамсун К.* Круг замкнулся. М.: Текст, 1999.

9 — *Гамсун К.* О духовной жизни современной Америки. СПб: Владимир Даль, 2007.

10 — *Гамсун К.* В сказочном царстве: Путевые заметки, статьи, письма. М.: Радуга, 1993.

Архивы

AAA — Архив Агдера в Арендале.

GA — Архив «Гюльдендаля».

HPA-NBO — частный архив Гамсуна, находящийся в Национальной библиотеке Осло NBO.

КВК — Королевская библиотека Копенгагена.

NBO — Национальная библиотека Осло.

PAM — Психоаналитические материалы доктора Юхана Иргенса Стрёмме, записи, связанные с психоаналитическими сеансами, проведенными с пациентом Кнутом Гамсуном 1926–1927, находятся в GA (расшифрованные материалы) и в NBO (нерасшифрованные материалы).

RA — Государственный архив Осло.

Все цитаты из писем в тексте и примечаниях приводятся по собранию писем Харальда Несса: Knut Hamsuns brev I–VII Oslo 1994–2001. (Кнут Гамсун. Письма. Т. I–VII. Осло: Гюльдендаль, 1994–2001.).

Источники и библиография

Наиболее важные архивные собрания

Частный архив Кнута Гамсуна, ранее находившийся в Гримстаде, ныне хранящийся в Национальной библиотеке Осло.

Архив издательства «Гюльдендаль».

Архив Ауст Агдера в Арендале.

Национальная библиотека в Осло.

Государственный архив, Осло.

Королевская библиотека Копенгагена.

Архив психиатрической клиники в Осло.

Частный архив Виктории Чарльссон, Франция.

Частный архив Туре и Марианны Гамсун, Нёрхольм и Гран-Канария.

Архив газетных материалов Афтенпостен, Осло.

Государственный архив, Кристиансанн.

Архив коммуны Гримстад, Гримстад.

Архивы окружного судьи, Гримстад.

Художественные произведения Кнута Гамсуна

Samlede verker divers utgaver. Inneholder romanene *Suit, Mysterier, Redaktør Lynge, Ny jord, Pan, Victoria, Svermere, Under høststjernen, Benoni, Rosa, En vandrer spiller med sordin, Barn av tiden, Segelfoss by, Den siste glede, Markens grøde, Konene ved vannposten, Siste kapitel, Landstrykere, August, Men livet lever, Ringen sluttet,* novellesamlingene *Siesta, Kratskog, Stridende liv,* reiseskildringen *I eventyrland,* dramaene *Ved rikets port, Livets spill, Aftenrøde, Munken Vendt, Dronning Tamara, Livet ivold,* diktsamlingen *Det vilde kor* og erindringsboken *På gjengrodde stier.*

Knut Hamsuns noveller, Oslo 1959.

Livsfragmenter. Noveller, Oslo 1988.

Ord av Hamsun, Oslo 2000.

En Fløjte lød i mit Blod. Ukjente Hamsun-dikt, Oslo 2003.

Livets Røst. Noveller, Oslo 2003.

Ранние произведения Гамсуна

Den Gaadefulde. En Kjcerlighedshistorie fra Nordland, Bodo 1877.

Bjørger. FortæUing, Tromsø 1878.
Et gjensyn, Tromsø 1878.
Fra det moderne Amerikas Aandsliv, København 1889.
Lars Oftedal, Bergen 1889.
Lurtonen, 1878–79, Oslo 1995.
Romanen om Reban. Et fragment, Tromsø *1997.*

Публицистические произведения

Sproget i fare, Oslo 1918.
Artikler, Oslo 1939.
På Turné. Tre foredrag om litteratur, Oslo 1960.
Over havet. Artikler og reisebrev, Oslo 1990.
Hamsuns polemiske skrifter. Artikler og foredrag, Oslo 1998.

Письма

Knut Hamsuns brev. I–VII, Oslo 1994–2001.
Brev til Marie, Oslo 1970.
Knut Hamsun som han var. Et utvalg brev, Oslo 1956.

Мемуары членов семьи Гамсун

Hamsun, Arild: *Om Knut Hamsun og Nørholm,* Grimstad 1961.
Hamsun, Marianne: *Eine Bildbiographie,* München 1959.
Hamsun, Marie: *Regnbuen,* Oslo 1953.
Hamsun, Marie: *Under gullregnen,* Oslo 1959.
Hamsun, Tore: *Efter år og dag,* Oslo 1990.
Hamsun, Tore: *Knut Hamsun — min far,* Oslo 1952.
Hamsun, Tore: *Lebensbericht in Bildem,* München 1956.
Hamsun, Tore: *Mein Vater,* Berlin 1940.

Другая использованная литература

Andenæs, Johs: *Del vanskelige oppgjøret,* Oslo 1979.
Anderson, Rasmus B.: *Lifestory of Rasmus B. Anderson,* Madison, 1915.
Baumgartner, Walter: *Dm modernistiske Hamsun,* Oslo 1999.
Berendsohn, Walter A.: *Knut Hamsun. Das unbändige und die menschlische Gemeinschaft,* Berlin 1929.

Bjøl, Erling: *Vår tids kulturhistorie,* I–III, Oslo 1979.
Brandes, Georg: *Hovedstrømninger i det 19de århundredes litteratur* I–VI, København 1872–1890.
Braatøy, Trygve: *Livet sirkel,* Oslo 1929.
Dahl, Hans Fr.: *En fører blir til,* Oslo 1991.
Dahl, Hans Fr.: *En fører for fall,* Oslo 1992.
Egerton, George (Mary Chavelita Dunne): *Keynotes,* London 1895.
Ferguson, Robert: *Gåten Knut Hamsun,* Oslo 1988.
Fest, Joachim C.: *Hitler,* Oslo 1979.
Fest, Joachim C.: *I Hitlers bunker,* Oslo 2004.
Festskrift til 70-årsdagen, Oslo 1929.
Gierløff, Christian: *Knut Hamsuns egen rßst,* Oslo 1961.
Giersing / Thobo-Carlsen / Wstergaard-Nielsen: *Det reaktionære oprør,* København 1975.
Gjemes, Birgit: *Marie Hamsun,* Oslo 1994.
Goebbels, Joseph: *Goebbels dagbok* I og II, Oslo 1948.
Goebbels, Joseph: *Dagbok 1945,* Oslo 1978.
Goebbels, Joseph: *Die Tagebücher von Joseph Goebbels* I–II ved Elke Frøhlich, München 1987/1993–1996.
Grieg, Harald: *En forleggers erindringer,* Oslo 1958.
Hansen, Thorkild: *Prosessen mot Hamsun,* Oslo 1978.
Hider, Adolf: *Mein kampf* I–II, München 1934.
Hobsbawm, Eric: *Ekstremismens tidsalder,* Oslo 1997.
Janson, Drude (under pseudonymet Judith Keller): *Mira,* København 1897.
Jørgensen, Johannes: *Mit livs legende,* København 1916.
Karterud/Schlüter: *Selvets mysterier,* Oslo 2002.
Kersaudy, François: *Kappløpet om Norge,* Oslo 1990.
Kirkegaard, Peter: *Hamsun som modernist,* København 1975.
Kittang, AUe: *Luft, vind, ingenting,* Oslo 1984.
König, Sven: *Die Rolle Knut Hamsuns in der Nationalsozialistische Propaganda,* Hamburg 1998.
Landquist, John: *Knut Hamsun,* Stockholm 1929.
Lange, Sven: *Meninger om litteratur,* København 1929.
Langfeldt, Gabriel/Ødegård, Ørnulf: *Den rettspsykiatriske erklæring om Knut Hamsun,* Oslo 1978.
Larsen, Lars Frode: *Den unge Hamsun,* Oslo 1998.
Larsen, Lars Frode: *Radikaleren,* Oslo 2001.
Larsen, Lars Frode: *Tilvcerelsens utlending,* Oslo 2002.
Løventhal, Leo: *Om Ibsen og Hamsun,* Oslo 1980.
Marcus, Carl David: *Knut Hamsun,* København 1926.
Meyer, Michael: *Henrik Ibsen,* Oslo 1971.
Muusmann, Carl: *Det glade København* I–III, København 1939.
Næss, Harald: *Knut Hamsun og Amerika,* Oslo 1969.

Olsen, Frejlif: *En kjøbenhavnsk journalist,* København 1922.
Rottem, Øystein: *Guddommelig galskap,* Oslo 1998.
Saxtorph, J. William: *De to store verdenskrige,* København 1978.
Schiøtz, Cato/Kierulf, Anine: Høyesterett og Knut Hamsun, Oslo 2004.
Schroeder, Christa: *Er war mein Chef,* München 1985.
Speer, Albert: *Erindringer,* Oslo 1970.
Steffahn, Harald: *Hitler. Mennesket, makten, undergangen,* Oslo 1989.
Stray, Sigrid: *Min klient Knut Hamsun,* Oslo 1979.
Strømme, Johannes Irgens: *Nervøsitet,* Oslo 1925.
Tiemroth, Jørgen E: *Illusjonens vej,* København 1974.
Wamberg, Niels B: *Digterne og Gyldendal,* København 1970.
Welblund, Åge: *Omkring den litterære café,* København 1951.

comments

Комментарии

1

Куприн А. Собрание сочинений. М.: Гослитиздат, 1958. Т. 6. С. 595.

2

Лом — коммуна в провинции Опланн в центральной части Норвегии.

З

Ленсман — чиновник в сельской местности Норвегии, обладающий административными и фискальными полномочиями.

4

Герман Банг (1847–1912) — выдающийся датский писатель, импрессионист.

5

Редингот (от англ. riding-coat) — пальто в талию, первоначально одежда для верховой езды.

6

Феле — норвежский народный инструмент, разновидность скрипки.

7

Свен Тверос (1849–1941) — крестьянин, уроженец провинции Телемарк, эмигрировал в Америку, вместе с матерью владел усадьбой в штате Висконсин.

8

Кристофер Янсон (1841–1917) — писатель-священник, унитарий, жил в США в 1881–1892 годах. Его повестью из крестьянской жизни «Тургрим» Гамсун восхищался в молодости и упоминал ее в своем первом романе «Бьёргер» (1879). В течение некоторого времени Гамсун служил у Кристофера Янсона секретарем.

9

Александр Хьелланн (1847–1906) — выдающийся норвежский писатель-реалист, его творчество отличалось социальной направленностью. Автор романов «Гарман и Ворше» (1880), «Фортуна» (1884), «Праздник Иванова дня» (1887).

10

Август Стриндберг (1849–1912) — шведский писатель-прозаик, драматург и живописец, основоположник современной шведской литературы и театра.

11

Ваше письмо стоит этой суммы *(англ.)*.

12

Карл Беренс (1867–1946) — редактор датского журнала «Ню Юрд», опубликовавший статью Гамсуна «Кристофер Янсон» и фрагмент романа «Голод».

13

Отец Беренса был высокопоставленным чиновником в ведомстве торговли и морских перевозок; его положению соответствовал чин консула.

14

Софус Клауссен (1865–1931) — яркий представитель датского неоромантизма как в поэзии, так и в прозе, широкую известность получили его эссе и путевые заметки.

Юханнес Йоргенсен (1866–1956) — датский писатель, проделавший путь от идей натурализма и радикализма, проповедуемых Георгом Брандесом, к неоромантизму и идеологии католицизма.

Софус Микаэлис (1865–1932) — датский поэт-модернист; интерес к вечным темам заставлял его обращаться к различным историческим сюжетам.

Вигго Штюкенберг (1863–1905) — датский писатель и поэт, его творчество отличает изысканность стиля, интерес к средневековой мистике.

Вальдемар Ведель (1865–1942) — датский писатель, литературовед и историк культуры.

15

Поль Бурже (1852–1935) — французский писатель, поэт и критик, сторонник неоромантического направления в литературе.

16

Ула Ханссон (1860–1925) — шведский писатель идеалистического направления, склонный к мистике, интересовался крестьянской темой в противоположность разорванному, деструктивному декадентскому сознанию.

17

«О дивный новый мир» *(англ.)*. Название антиутопического романа Олдоса Хаксли, ставшее нарицательным.

18

Кафе, где собиралась богема.

19

«Фрайе Бюне» — театр и одноименный журнал, основанные в 1899 году известным немецким критиком и режиссером Отто Брамом (1856–1912) с целью пропаганды реалистической драматургии.

20

Мария Герцфельд (1855–1940) — австрийская переводчица. Ею был переведен рассказ «Азарт», а также пьеса Гамсуна «У врат царства».

В нее входили самые выдающиеся и признанные всеми писатели: Бьёрнстьерне Бьёрнсон, Хенрик Ибсен, Александр Хьелланн и Юнас Ли.

22

Нордкап — мыс на острове Магерёйя, высотой 307 м. над уровнем моря, одна из наиболее крайних северных точек Норвегии и Европы.

23

Улав Томессен (1851–1942) — известный журналист, прославившийся своими яркими полемическими выступлениями, редактор, переводчик и активный политический деятель.

24

Феликс Холлендер (1868–1931) — немецкий писатель.

25

Кальмар — город на юго-востоке Швеции.

26

Согласно Кильскому мирному договору 1814 года датский король Фредерик VI передал бразды правления Норвегией шведскому королю. Уния со Швецией просуществовала до 1905 года. Расторжению предшествовали референдум и широкие общественные дебаты.

27

Сорт норвежского пива.

28

Голландский джин.

29

Французский ликер на основе аниса.

30

Итальянский вишневый ликер.

31

Французская черешневая водка.

32

В последнее десятилетие XIX века от партии Венстре отпочковалась норвежская Рабочая партия, в эти годы были приняты законы, защищающие права наемных работников: закон о фабричной инспекции о страховании и т. д.

33

Перевод Аллы Шараповой.

34

Франк Ведекинд (1864–1918) — популярный в начале XX века немецкий драматург, предшественник экспрессионизма.

35

Современное название — Хельсинки.

36

Венцель Хагельстам (1863–1932) — книготорговец.

Александр Слоте (1861–1927) — школьный учитель, журналист и писатель, опубликовавший в финской прессе рецензию на роман Гамсуна «Виктория».

37

Юхан Людвиг Рунеберг (1804–1877) — шведскоязычный поэт, классик финской литературы.

38

Хёвдинг — вождь, изначально представитель родовой знати, предводитель военной дружины.

39

Царица Тамара (1166–1209/1213) — легендарная грузинская царица Средневековья, дочь и соправительница царя Георгия III. Однако автор неточен. Прототипом героя пьесы Гамсуна князя Георгия был первый муж грузинской царевны Тамар — княжич Юрий русско-половецкого происхождения (по версии Н. М. Карамзина — сын Андрея Боголюбского). После трех лет брака он был изгнан из Грузии.

40

Йоханнес Йенсен (1873–1950) — прославился, в частности, своими «Химмерландскими историями», был тесно связан с местным национальным «ютландским движением».

41

Адвент (от лат. Adventus Christi — приход Христа) — так называют четыре календарные недели перед 24 декабря. Это время ожидания прихода в мир младенца Христа, когда верующие направляют свои помыслы и готовят сознание к празднованию этого события. Адвент для скандинавов — это период радостных приготовлений к главному празднику года.

42

Ранхильд Йольсен (1875–1908) — известная в то время писательница.

43

1 мол — 1000 м^2.

44

Свен Андерс Хедин (1865–1952) — географ и путешественник, организовал ряд экспедиций по Центральной Азии, Гималаям.

45

Статья «Чти детей своих» [10: 372].

46

В Норвегии, где лютеранство является государственной религией, принадлежность к лютеранской церкви не является обязательной. Любой взрослый человек может даже написать официальное письмо и отказаться от веры, к которой его приобщили родители путем крещения в младенчестве и конфирмации в подростковом возрасте.

47

Высокогорное пастбище.

48

Текст пьесы находится в архиве МХАТ.

49

В июле 1910 года в Кристиании состоялась тематическая конференция, посвященная проблеме исторической принадлежности островов Шпицбергена и их статусу, на которой прозвучало замечание Нансена, что это своего рода «ничейная земля». Позднее Нансен высказал свою точку зрения в печати. Точка зрения Нансена была неприемлема для Гамсуна. Окончательно статус Шпицбергена был определен в 1925 году. Эта группа островов, называемая в Норвегии Свальбард, была признана норвежской территорией.

Автор имеет в виду К. С. Станиславского и В. С. Мейерхольда.

51

Макс Рейнхарт (1873–1943) — выдающийся немецко-австрийский актер, режиссер-экспериментатор.

52

Один из самых известных персонажей норвежского фольклора, аналог одновременно Золушки и русского Иванушки-дурачка.

53

Хусман — безземельный крестьянин, арендатор.

54

Альберт Энгстрём (1869–1940) — шведский художник-карикатурист и писатель.

55

Сельма Лагерлёф (1858–1940) — шведская писательница, нобелевский лауреат, автор романа «Йоста Берлинг».

56

Пер Хальстрём (1866–1960) — шведский писатель-новеллист.

57

Каролингский научный институт занимается исследованиями в области естественных наук.

58

Эрнст Август Бертрам (1884–1957) — немецкий писатель и теолог.

59

Мартин Хавенштайн (1871–1945) — немецкий философ и писатель. Автор монографии «Ницше как наставник» (1922).

60

Эрик Аксель Карлфельдт (1864–1931) — поэт, нобелевский лауреат.

61

Хенрик Шюк (1855–1947) — шведский писатель, историк литературы. В 1918–1929 годах — председатель правления Нобелевского фонда.

62

Харальд Габриель Йерне (1848–1922) — шведский историк и политик, с 1903 года — член Шведской академии.

63

Эжен Стейнах (1862–1944) — австрийский исследователь, физиолог.

64

Онфлёр — городок, расположенный на побережье Ла-Манша.

65

Сигурд Хёль (1890–1960) — норвежский писатель, мастер социально-психологического романа.

66

Кристиан Микельсен (1857–1925) — норвежский политический деятель, в 1905–1907 годах премьер-министр правительства, расторгнувшего неравноправную унию Норвегии со Швецией.

67

Арнульф Эверланн (1889–1968) — известный поэт, драматург и публицист, во время Второй мировой войны участник движения Сопротивления.

68

Амалия Скрам (1846–1905) — норвежская писательница, автор многочисленных романов.

69

Ивар Осен (1813–1896) — филолог и писатель, реформатор норвежского языка.

70

Густав Штреземан (1878–1929) — немецкий политический деятель, рейхсканцлер и министр иностранных дел Веймарской республики; лауреат Нобелевской премии мира 1926 года.

71

План Дауэса (1923–1924) устанавливал новый порядок репарационных выплат Германии после Первой мировой войны, которому их размер был приведен в соответствие с экономическими возможностями Веймарской республики.

72

В июле 1924 года столица Норвегии Кристиания была переименована.

73

Бургхольцли — знаменитая психиатрическая клиника при Цюрихском университете, основанная в 1960 году профессором В. Гризингером и в дальнейшем ставшая европейским центром исследований психологии и психиатрии. В клинике в разное время работали К. Г. Юнг, Л. Бисвангер, Е. Блейер и другие.

И поныне действует закон, согласно которому должен соблюдаться принцип майората, когда основное имущество передается по наследству старшему сыну.

75

Том Кристенсен (1893–1974) — датский поэт и писатель.

76

Орден в честь государственного флага Дании, первоначально учрежденный для дворянского сословия, но постепенно превратившийся в орден за особые заслуги для всех сословий.

77

Улаф Булл (1883–1933) — норвежский поэт.

78

Хенрик Лунд (1875–1948) — гренландский поэт, художник и священник.

79

Хасинто Бенавенте-и-Мартинес (1866–1954) — испанский драматург. Лауреат Нобелевской премии 1922 года.

80

Государственная академия художественных наук (ГАХН) была основана в 1921 году с целью «всестороннего научного исследования вопросов искусства и художественной культуры». Реорганизована в 1930 году в институт искусствознания.

81

Томаш Гарриг Масарик (1850–1937) — философ, чешский общественный деятель, президент Чехословакии в 1920, 1927–1934 годах.

82

Людмила Яковлевна Питоева (1895–1951) — русская и швейцарская актриса.

83

Яльмар Сёдерберг (1869–1941) — шведский писатель, автор философско-психологических романов, антифашист.

84

Якоб Вассерман (1874–1934) — немецкий писатель еврейского происхождения.

85

Герман Мюллер (1876–1931) — один из лидеров социал-демократической партии Германии.

86

«Голубка» *(исп.)* — популярная свадебная песня в Испании и Латинской Америке.

87

Марика Стернстед (1875–1954) — шведская писательница.

Добро пожаловать, Кнут Гамсун! *(нем.)*.

89

Согласно медицинским свидетельствам, совершенно ясно, что после операции на простате в 1930 году Гамсун стал импотентом. Что не мешало Марии упрекать мужа в неверности.

90

Пауль Гинденбург (1847–1934) — генерал-фельдмаршал, главнокомандующий немецкой армии в 1916–1917 годах. С 1925 года президент Германии. 30 января 1933 года передал власть в руки фашистов, поручив Гитлеру формирование правительства.

91

В оригинале — игра слов: «dikter» и «diktator».

92

Генрих Брюнинг (1885–1970) — политический деятель Германии, в 1930–1932 годах рейхсканцлер.

93

Готфрид Бенн (1886–1956) — немецкий поэт и эссеист.

94

Карлос Сааведра Ламас (1878–1959) — профессор, государственный деятель Аргентины, первый латиноамериканский лауреат Нобелевской премии мира (1935), инициатор Антивоенного пакта (1933). Автор в данном случае неточен: Сааведра Ламас на церемонии вручения не присутствовал, ограничившись присылкой радиообращения.

95

Август фон Макензен (1849–1945) — немецкий генерал-фельдмаршал, военачальник Первой мировой войны.

96

Эгон Фриделль (1878–1938) — австрийский писатель, историк искусства.

97

Бальдур Бенедикт фон Ширах (1907–1974) — немецкий партийный и молодежный деятель, руководитель гитлерюгенда (1933–1940), затем гауляйтер Вены. Обергруппенфюрер СА (1941).

98

Эдуар Даладье (1884–1970) — французский политик, государственный деятель, премьер-министр Франции в 1933/34, 1938–1940 годах.

99

Юзеф Бек (1894–1944) — польский государственный деятель. В 1930 году заместитель премьер-министра, министр иностранных дел (1932–1939).

100

Карл Герман Франк (1898–1946) — с 1943 года государственный министр по делам имперского протектората Богемии и Моравии.

101

Стадион в Берлине.

102

Николаус фон Фалькенхорст (1885–1968) — германский военачальник времен Первой и Второй мировых войн.

103

Пер Эвинд Свинхувуд (1861–1944) — финский политический деятель. В 1907–1914 годах депутат парламента и его первый председатель. В 1914 году сослан в Сибирь. В ноябре 1917 — мае 1918-го — первый премьер-министр Финляндии. В мае — декабре 1918-го — исполняющий обязанности главы государства, в 1930–1931 годах премьер-министр, в 1931–1937 годах президент Финляндии.

104

Рональд Август Фанген (1895–1946) — норвежский писатель, журналист и литературный критик.

105

Эдвин Двингер (1898–1981) — немецкий писатель и военный корреспондент.

У нас в стране эти события достаточно хорошо известны по стихам поэтессы Ингер Хагеруп, а также по экранизации романа Сигбьёрна Хёльмебакка «Страшная зима».

107

Горе побежденным *(лат.)*.

108

Вы слишком мягки, господин Молотов *(англ.)*.

109

Кристиан Гирлёфф (1878–1962) — норвежский писатель.

notes

Примечания

1

Имя Гамсуна — Кнут было записано в свое время в церковной книге со звонкой согласной на конце — Кнуд. Фамилию, по тогдашнему обычаю, он стал носить по имени своего отца — Педерсен, то есть сын Педера. Когда он вырос, то обрел фамилию Гамсунд по названию усадьбы Гамсунд, где прошло его детство в Нурланне, впоследствии убрал последнюю букву фамилии.

2

Письмо Педера Педерсена в школьный комитет на Хамарёе от 28.08.1865. См. Ларе Фроде Ларсен «Молодой Гамсун».

3

Нервную болезнь своей бабушки и ее странное поведение описывает в своей книге старший сын писателя — Туре Гамсун. Совершенно очевидно, что обо всем этом он узнал от своего отца. *Гамсун Т.* «Кнут Гамсун — мой отец». М.: Терра, 1999.

4

Мать Кнута Гамсуна Тора Педерсен один раз в жизни дала интервью газете «Верденс Ганг» 6 марта 1911 года. Она рассказала, как ее прославленный сын с раннего возраста полюбил слова и научился писать, как мешали ему и смеялись над ним его братья и сестры.

5

В упомянутом выше интервью мать Кнута Гамсуна рассказывает также о том, как, живя у дяди, Гамсун очень тосковал по дому. Корреспондент взял интервью и у Юханнеса Николайсена, сына местного священника. Николайсен жил в той же пасторской усадьбе. Он рассказывал, что Ханс Ульсен избивал племянника до полусмерти и тот несколько раз убегал от него. Эпизод с лодкой приводится в книге Улава Эслебё «Гамсун через стиль». Автор этого исследования опирается на рассказ Туре Гамсуна. С воспоминаниями детства перекликается новелла «Привидение», которую Гамсун включил в небольшой цикл «Кое-что из пережитого» в сборнике «Подлесок».

6

О том, что дядя морил его голодом, Гамсун рассказывает в своей книге «На заросших тропинках».

7

Во время проводившейся в 1945–1946 году судебно-медицинской психиатрической экспертизы, отвечая на вопросы о своем детстве Гамсун писал: «Мой дом был беден, но я его бесконечно любил, я плакал и благодарил Бога всякий раз, когда имел возможность улизнуть домой от дяди, который тиранил меня и морил голодом». Заключение о состоянии здоровья Гамсуна подписано и составлено Г. Лангфельдом и Э. Эдегордом.

8

Несомненно, что первой любовью Гамсуна была дочь купца Лаура Вальсё. Он не раз обращался к ее образу в своем раннем творчестве и давал ее имя героиням своих произведений.

9

Сведения о том времени, когда Гамсун был учителем и помощником ленсмана в Вестеролене, можно найти в книгах: Ларе Фроде Ларсен «Молодой Гамсун», Туре Гамсун «Кнут Гамсун — мой отец». В статьях: Эдвард Велле-Странд в «Гаде Данске Магазин», 1952; «Норгее Квиннер» от 31.12.1954; «Вестеролен» за июль, август и сентябрь 1960; Йон Блее в «Хардангер», 1942; Инге Нествик в «Нурланнпостен» от 20.04.1929; Гудмунн Бреде в «Хологаланн» от 27.02.1952; Кирстен Тоде в «Ховдасегль», 1991.

10

Гамсун — Цалю от 26.04.1879.

11

В письме Гамсуну Цаль написал, что ответил на письмо 1.05.1879 и что Гамсуну обещано 1600 крон. Письмом от 17.05.1879 Гамсун поблагодарил Цаля. Существует также расписка, подтверждающая получение суммы 1600 крон, датированная 5.05.1979 и подписанная Кнутом Педерсеном Гамсундом.

12

В книге «Кнут Гамсун в Эстезе» Атле Аулестад приводит множество сведений о пребывании Гамсуна в Хардангере зимой 1879 года. В одном из своих писем дочери Сесилии, написанных в 1948 году, Гамсун пишет, что к моменту отъезда из Хардангера в Копенгаген он являлся обладателем более ста книг. Рукописи стихотворения «Звон мечей» и романа «Фрида» были утрачены.

13

Гамсун — Цалю от 16.08.1879, 20.09.1879 и 23.10.1879.

14

Гамсун упоминает о посещении «Гюльдендаля» в письме своему будущему издателю Харальду Григу от 30.08.1934.

15

Гамсун — Цалю от 2.01.1880. Поэт, к которому обратился тогда Гамсун, — это Андреас Мунк, он написал отзыв о его произведениях. На это Гамсун и ссылается в своем письме к Цалю от 24.02.1880.

16

Визит Гамсуна к Бьёрнсону см.: *Гамсун Т.* «Кнут Гамсун — мой отец», *Гамсун Т.* «Спустя вечность» (М.: Б.С.Г.-Пресс, 2006) и у Эйнара Скавлана «Кнут Гамсун».

17

В книге «Кнут Гамсун — мой отец» Туре Гамсун описывает, как отец следил за продажей заложенных им вещей на аукционах.

18

Гамсун — Бьёрнсону от 24.01.1880.

19

Гамсун приводит хвалебный отзыв Скавлана в письме Цалю от 24.03.1880.

20

Нина Таулов — Бьёрнсону от 5.05.1880. Бьёрнсон — Нине Таулов от 15.05.1880, NBO.

21

Сведения о том времени, когда Гамсун был дорожным рабочим, почерпнуты из газет: «Рауфосс Блад» от 26.02.1959; «Тотенс Блад» от 12.10.1961; «Алле Квиннер» от 13.02.1954; «Вестоппланн» от 31.07.1934, 27.07.1939 и 10.08.1944; «Оппланнс Тиденде» от 26.10.1957; «Гудбраннсдален» от 5.02.1916; «Нашунен» от 31.01.1925.

22

Туре Гамсун воспроизводит рассказ отца о встрече с немецким судовладельцем в книге «Кнут Гамсун — мой отец».

23

О своих впечатлениях от Нью-Йорка Гамсун писал в письме к Торгеру Кисету от 9.02.1882 [9; 349]. Самое глубокое исследование, касающееся пребывания в Америке содержится в книге «Кнут Гамсун в Америке», написанной профессором Харальдом Нэссом, который несомненно явился членом той международной многопрофильной бригады, которая помогала мне в работе. Описывая этот период в жизни Гамсуна, я прежде всего опирался на эту книгу. Профессор Расмус Андерсон приводит свою версию встречи с Гамсуном в книге своих воспоминаний.

24

«На заросших тропинках».

25

Гамсун выступил с первой лекцией 5.11.1882. Содержание лекции нашло отражение в «Скандинавен» от 8.11.1882, ее автором, возможно, являлся сам Гамсун. Другой отклик на эту лекцию был опубликован 14.04.1883.

26

Гамсун — в альбоме семейства Харт 28.12.1882.

27

Тогдашний сосед Гамсуна по комнате Вилли Т. Агер о своих дружеских, хотя порой и странных отношениях с Кнутом в Америке рассказывает в газете «Кварталскрифт», январь 1916.

28

Гамсун — Свену Тверосу от 29.02.1884.

29

Гамсун рассказывает в своем письме Тверосу от 11.04.1884 о тех доверительных отношениях, которые у него сложились с Друде Янсон.

30

Гамсун описывает свое сексуальное возбуждение, а также и дальнейшее развитие своих отношений с Друде Янсон в письме к Эрику Скраму от 26.12.1888 [10: 431–435].

31

Гамсун — Фрейсланду от 27.10.1884.

32

Новелла Гамсуна «Фрагмент одной жизни» была опубликована в «Дагбладет» 12.12.1884.

33

Гамсун — Фрейсланду от 27.10.1984.

34

Гамсун — Фрейсланду от 19.01.1886.

35

Новелла Гамсуна «Лекционное турне» была опубликована в «Дагбладет» 4.07.1886 и 5.07.1886. См. «На гастролях» [1; II: 461].

36

Гамсун — Гарборгу от 13.06.1886. Туре Гамсун описывает негативную реакцию Гарборга на «Лекционное турне» в книге «Кнут Гамсун — мой отец».

37

Гамсун — Фрюделунду от 20.08.1886.

38

Гамсун в статье «Festina lente», опубликована в «Афтенпостен» 12.12.1928, а также в ряде зарубежных газет [9: 337–348].

39

Гамсун — Янсону от 16.06.1887.

40

Воспоминания о Гамсуне-лекторе см. Г. Е. Лофтфильд в «Миннеаполис Тиденде» от 11.10.1934.

41

Гамсун — Ветле Висли, летом 1890, точной даты нет.

42

Гамсун — Лофтфильду, см. примеч. 40.

43

Гамсун — Эдварду Брандесу от 17.09.1888.

44

Гамсун в письме к Ингвару Лосу, точной даты нет, вероятнее всего август 1888. Карл Беренс описывает свою встречу с Гамсуном в газетах «Нашуналтиденде» 31.7.1929 и «Дагенс Нюхедер» 4.8.1934 и в книге «Воспоминания».

45

См. примеч. 44.

46

Вальдемар Ведель в журнале «Ню Юрд», август 1888.

47

См. примеч. 44.

48

Фрагмент «Голод», опубликован не позднее ноября 1888 года, впоследствии стал частью романа «Голод», вышедшего в свет в 1890 году.

49

В своей книге «Увиденное и услышанное» Аксель Лундегорд описывает якобы имевшие место беседы Гамсуна и Брандеса. Биография Гамсуна, написанная Эйнаром Скавланом, основана на тех сведениях, которые он получал непосредственно от Гамсуна.

50

Гамсун подробно описывает свои встречи с издателем Филипсеном, а также свои переживания по этому поводу в письмах к Юхану Сёренсену от 2.12.1888, 8.12.1888 и 18.12.1888.

51

В письме к Юхану Сёренсену от 8.12.1888 Гамсун описывает свою тяжелую жизнь в Копенгагене.

52

Вечеринку в доме у супружеской четы Скрам Герман Банг подробно описал в своей статье в «Бергене Тиденде» от 29.03.1890.

53

Гамсун — Эрику и Амалии Скрам от 19.11.1888.

Томессен в «Верденс Ганг» от 19.09.1888.

55

Гамсун — Сёренсену от 2.12.1888.

56

Сёренсен — Гамсуну от 6.12.1888, NBO. Гамсун — Сёренсену от 6.12.1888.

57

Гамсун — Сёренсену от 6.12.1888. Янсон — Эдварду Брандесу от 10.12.1888, КВК.

58

Не найдено каких-либо газетных откликов на две лекции Гамсуна в Америке, но содержание этих лекций и круг изложенных в них идей см. [9].

59

Гамсун — Сёренсену от 18.12.1888. Сёренсен — Гамсуну от 20.12.1888, NBO.

60

Гамсун — Эрику Скраму от 26.12.1888.

61

Там же.

62

Гамсун — Нильсону от 13.01.1889.

63

Гамсун — Георгу Брандесу от 13.01.1889.

Эта и последующие цитаты см. [9].

65

Гамсун — Ингвару Лосу, точной даты нет, вероятно, август 1888.

66

Гамсун — Эрику Фрюделунду от 9.04.1889.

67

Гамсун — Филипсену от 23.04.1889. О чествовании Гамсуна см. Улаф Хюсебю «Юбилейное издание». Приблизительно то же самое рассказывает сам Гамсун в письмах к Филипсену от 23.04.1889 и Эрику Скраму от 7.05.1889.

68

Эдвард Брандес отрецензировал книгу «О духовной жизни современной Америки» в датской «Политикен» от 28.04.1889, а Георг Брандес в норвежской «Верденс Ганг» от 9.05.1889, «Дагбладет» и «Афтенпостен» от 26.04.1889 и 10.05.1889.

69

Эта и последующие цитаты из романа «Голод» см. [1; I: 53].

70

Гамсун — Филипсену от 17.09.1889 и 18.03.1890.

71

Гамсун — Эрику Скраму, точной даты нет, вероятно, май-июнь 1890. В этом письме Гамсун подробно описывает произошедшее в ресторане. Точная дата события неизвестна, так как на письме к Скраму дата не стоит. Но поскольку в письме Гамсун обращается к Скраму на «ты», эпизод не мог произойти во время первого посещения Копенгагена Гамсуном в 1888–1889 годах. Любовные отношения между Гамсуном и женой Винкеля Хорна происходили во время второго визита Гамсуна в Копенгаген примерно с середины апреля до середины мая 1890 года.

72

Гамсун — Янсону, в июне 1890.

73

Гамсун — Георгу Брандесу, конец мая — начало июня 1890 года.

74

Гамсун — Фрюделунду, май — июнь 1890 года.

75

Гамсун — Болетте Павелс Ларсен, точной даты нет, осень 1890. Период пребывания Гамсуна в Лиллесанне см. Ларе Фроде Ларсен «Радикал».

76

Взяв в качестве псевдонима имя своего нового мужа Джордж Эджертон, Мэри Чевелита Дунн издала в 1893 году сборник рассказов «Ключевые заметки», который она посвятила Гамсуну. В новелле «Вот и пришла весна» она описывает свои отношения с Гамсуном. См. также письма Гамсуна к Ларсену и Гарборгу, оба от 10.09.1890.

77

Рецензии на роман «Голод» были помещены в норвежской «Верденс Ганг» от 7.06.1890; «Дагбладет» от 12.06.1890; «Дагспостен» от 21.06.1890; «Кристианиа Интеллигент Седлер» от 14.07.1890; «Могенбладет» от 12.10.1890; датской «Политикен» от 24.06.1890; «Моргенбладет» от 14.08.1890, «Берлинске Тиденде» от 26.06.1890; «Нашуналтиденде» от 3.07.1890; «Афтенбладет» от 21.06.1890 и «Ависен» от 7.07.1890.

78

Гамсун — Эрику Скраму от 18.06.1890 и в письме, не имеющем точной даты, в июле 1890. Рецензия Скрама была опубликована в датском «Тильскуерен» в июне 1890, новая рецензия была опубликована в норвежском журнале «Самтиден» в июле 1890.

79

В письмах к Гарборгу от 9.07.1890, Филипсену от 18.07.1890 и Скраму от 28.07.1890 Гамсун высказывает свое мнение о рецензии Яльмара Кристенсена, за которой, как он считал, стоял Бьёрнсон.

80

Гамсун — Филипсену от 18.07.1890.

81

Гамсун — Брекстаду от 11.07.1890.

82

Гамсун — Геерстраму, точной даты нет, 1890.

83

Статья «О бессознательной духовной жизни» опубликована в норвежском журнале «Самтиден» в сентябре 1890. См. [10: 293].

Текст лекций воспроизведен на основании газетных статей и рукописи, которые легли в основу книги «Лекционное турне. Три лекции о литературе» под редакцией Туре Гамсуна.

85

Болетте Павелс Ларсен — Арне Гарборгу от 27.07.1891, NBO.

86

Гамсун — Уле Юхану Ларсену от 11.08.1891. Гамсун искажает высказывание, суть которого состояла в том, что Ибсен выразил свое удовлетворение поездкой на Нордкап.

87

Гамсун — Ларсену от 30.05.1891.

88

Об Ибсене в Кристиании см. Брандес «Переписка», Берлиот Ибсен «Трое».

89

См. примеч. 84.

Реакция Ибсена см. Хильдур Булл «Андерсен и Хенрик Ибсен».

91

См. Хильдур Булл «Андерсен и Хенрик Ибсен». Непосредственно после написания «Строителя Сольнеса» Ибсен говорил в беседе с Эрнстом Моцфельдом: «Я не стремлюсь к какому-то символизму я описываю жизнь души своих персонажей так, как я ее воспринимаю, описываю их психологию, если угодно… Я стараюсь изобразить живых людей. Всякая более или менее значимая личность представляет нечто обобщенное, выражает мысли и идеи, характерные для своего времени развития. Таким образом, духовная суть отдельного индивида может казаться символической. Вот каких персонажей я изображаю. И для этого у меня есть большие возможности. Я постоянно изучаю людей и их душевную жизнь». См. Мейер «Генрик Ибсен и Эрнст Моцфельд» в «Афтенпостен» от 23.04.1911.

92

Болетте Павелс Ларсен в норвежской «Дагспостен», октябрь 1891.

«Психологическая литература» см. [10: 325].

94

Гамсун — Генриетте Лофтхюс от 31.12.1891.

95

Гамсун — Хансу Мартину и Софии Нерос от 10.02.1892, Каролине Нерос, скорее всего зимой 1892, и Ларсенам приблизительно в январе 1892, в письмах он описывает свои мысли и чувства во время работы над «Мистериями».

96

Гамсун — Каролине Нерос, точной даты нет, весна 1892.

97

Гамсун — Хансу Мартину Неросу, точной даты нет, лето 1892.

Там же.

99

См. примеч. 76.

100

Гамсун — Марии Герцфельд от 25.06.1892.

101

Гамсун — Нильсону от 5.09.1892.

102

Рецензии на «Мистерии» в норвежских «Дагбладет» от 22.09.1892, «Верденс Ганг» от 20.09.1892, «Моргенбладет» от 18.09.1892, «Афтенпостен» от 25.09.1892, «Бергене Тиденде» от 22.09.1892 и датских «Берлинске Тиденде» от 13.10.1892, «Копенгаген» от 13.09.1892, «Политикен» от 21.09.1892.

103

Гамсун — Филипсену от 21.09.1892.

104

Гамсун — Каролине Нерос, вероятно, декабрь 1892, и Филипсену от 13.02.1893.

105

Намек на это заключен в следующей цитате из «Строителя Сольнеса»: «Поворот наступит. Я предчувствую это. И скоро. Тот ли, другой явится и потребует: прочь с дороги! А за ним ринутся все остальные с криками и угрозами: дорогу, дорогу, место нам! Помяни мое слово, доктор. В один прекрасный день явится сюда юность и постучится в дверь» *Ибсен Г.* Собрание сочинений. М: Искусство, 1958. Т. 4. С. 211.

106

Рукописный текст «Немного о литературе» в NBO.

107

Гамсун затрагивает этот неприятный эпизод в письме к Брандесу от 24.12.1898.

108

Фрейлиф Ульсен описывает обстоятельства, связанные с отъездом в Париж, в книге своих воспоминаний «Копенгагенский журналист».

109

Бьёрнсон писал о «Редакторе Люнге» в норвежской «Опландес Авис» от 25.04.1893 и «Дагбладет» от 26.04.1893. Рецензия на «Редактора Люнге» была помещена в норвежской «Дагбладет» от 14.04.1893, «Кристианиа Интеллигент Седлер» от 15.04.1893, «Моргенбладет» от 16.04.1893, «Бергене Тиденде» от 21.04.1893, «Верденс Ганг» от 22.04.1893, «Афтенпостен» от 23.04.1893 и датских «Политикен» от 30.04.1893 и «Берлинске Тиденде» от 15.07.1893.

110

Гамсун — Эрику Скраму от 10.05.1893.

111

Нильс Вогт в «Моргенбладет» от 27.10.1893.

112

Гамсун — Болетте Ларсен от 30.10.1893.

113

Гамсун — Болетте и Уле Юхану Ларсенам от 31.10 и 5.11.1893; Адольфу Паулю, ноябрь 1893; Биргеру Мёрнеру от 1.11.1893; Бьёрнсону от 18.11.1893; Нильсону от 1.11.1893.

114

Гамсун — Болетте и Уле Юхану Ларсенам 12.11.1893.

115

Гамсун — Болетте и Уле Юхану Ларсенам 12.05.1894.

116

Рецензии на роман «Пан» в датской «Политикен» от 14.12.1894 и норвежских «Бергене Тиденде» от 14.12.1894, «Верденс Ганг» от 7.12.1894 и «Дагбладет» от 13.12.1894.

117

Эдвард Бейер «Ханс Кинк» и Кинк в письме к Гамсуну от 22.12.1894, NBO.

118

Гамсун — Элизе Филипсен от 26.12.1894, Гамсун — Густаву Филипсену от 28.02.1895.

119

Призыв Гамсуна помочь Стриндбергу опубликовали многие скандинавские газеты, в том числе «Дагбладет» от 11.03.1895. Во многих письмах Гамсуна говорится об акции организации помощи Стриндбергу и о разрыве отношений между двумя писателями, в том числе в письмах: Гамсун — Лангену от 31.03.1895 и 4.04.1895, Гамсун — Филипсену от 5.04.1895 и 10.04.1895. Об этом же свидетельствуют письма: Гамсун — Кинку от 16.04.1895, а также письма Стриндберга к Гамсуну.

120

Фрёдинг о «Строителе Сольнесе» в шведской «Карлстадс Тиднинге» от 4.02.1893. Высказывания Фрёдинга о встрече в Лиллехаммере воспроизводятся в книге Шюлерюд «Жизнь художников».

121

Стихотворение «Мир деградирует» опубликовано в сборнике стихов Гамсуна «Звуки флейты в моей крови».

122

Гамсун — Лангену от 10.02.1894.

123

Бьёрнсон в издании Крингшо, подшивка 8, 1896. Туре Гамсун описывает эпизоды мюнхенской жизни в книге «Кнут Гамсун — мой отец» и почти наверняка передает их со слов самого Гамсуна.

124

Новелла «Голос жизни», опубликована в сборнике «Подлесок» [4: 250–256].

125

Ср. Алдо Кеель «Бьёрнстьерне Бьёрнсон».

126

Гамсун — Бьёрнсону от 8.06.1896.

127

Рецензия на пьесу «Игра жизни» в «Дагбладет» от 3.05.1896 и «Верденс Ганг» от 10.06.1896.

128

«Моргенбладет» от 19.12.1896 и 22.12.1896, «Афтенпостен» от 19.12.1896 и 24.12.1896.

129

Статья Гамсуна «Против преувеличения роли поэзии и поэтов» в норвежской «Афтенпостен» от 7.02.1897, основана на лекции, прочитанной в норвежском Студенческом обществе 30.01.1897.

130

Норвежские «Верденс Ганг» от 25.05.1897 и «Дагбладет» от 25.05.1897 и 14.06.1897.

131

Анна Мунк «Двое». В Государственном архиве содержится 60 анонимных писем и полицейские протоколы. См. также Фергюсон «Кнут Гамсун. Загадка».

132

Гамсун — Ларсену от 29.11.1897 и Гамсун — Вельхавену от 4.08.1897.

133

В письме к Марии от 7.08.1909 Гамсун описывает, как он разочаровался в своей первой жене, стремился отдалиться от нее и все-таки был вынужден жениться на ней.

134

Гамсун — Хагерупу от 14.12.1897.

135

Гамсун — Ульману от 26.03.1898. Гамсун — начальнику полиции Йельструпу от 22.03.1898.

136

Ингольф Киттельсен описывает появление молодоженов на боковой веранде отеля, а также рассказывает о пребывании их в Осе. 14.01.1957, NBO.

137

Гамсун — Герде Вельхавен от 23.08.1898.

138

Гамсун — Фрюделунду, осенью 1898. Гамсун — Ларсену от 19.09.1889.

139

Нильс Вогт, в норвежской «Моргенбладет» от 18.11.1898. Гамсун — Нильсу Вогту, точной даты нет, вероятно, ноябрь 1898 года.

140

Гамсун — Лангену от 25.11.1898, GA. Гамсун — Георгу Брандесу от 26.11.1898. Ответ Георга Брандеса не сохранился, но его суть ясна. Гамсун — Георгу Брандесу от 24.12.1898.

141

Юханнес А. Даль описывает пребывание Кнута Гамсуна и Берлиот в Гельсингфорсе в «Нордиск Тидскрифт», 1966, в статье содержатся ссылки на несколько источников.

142

Берлиот — Алетте Гросс от 12.04.1899, NBO.

143

Гамсун — Ларсенам от 22.08.1899.

144

Все ссылки на события во время путешествия основаны на книге «В сказочном царстве», которую Гамсун издал в 1903 году и фрагмент которой под названием «Под полумесяцем» был опубликован в сборнике «Борющаяся жизнь», 1905. Дневник путешествия находится в AAA.

145

Гамсун — Хагельстаму от 9.01.1900.

146

Гамсун — Берлиот от 24.05.1900.

147

Гамсун — Берлиот от 18.07.1900.

148

Гамсун — Ларсену от 6.12.1900.

149

Гамсун — Хагельстаму от 6.12.1900.

150

Гамсун — Берлиот, январь 1901.

151

Гамсун — Хагельстаму от 21.09.1901.

152

Гамсун — Берлиот, сентябрь-октябрь 1901.

153

Гамсун — Хагельстаму от 13.10.1901.

154

Гамсун — Берлиот, октябрь 1901.

155

Гамсун — Берлиот, октябрь 1901.

156

Гамсун — Берлиот, конец октября 1901.

157

Гамсун упоминает о своем замысле вместе с автографом на странице книги, сохранившейся в собрании одного американского библиофила. Ср. Улаф Хюсбю в норвежской «Крингшо» № 4, 1904.

158

В выписке бухгалтерского отчета издательства Филипсена говорится, что не распроданы и оставались на складе следующие книги: «О духовной жизни современной Америки» — 330 экземпляров, «Мистерии» — 1030, «Редактор Люнге» — 1543, «Новь» — 657, «Пан» — 1435, «У врат царства» — 1218, «Игра жизни» — 1133.

159

Ответ Лангена приводится в книге Туре Гамсуна «Кнут Гамсун — мой отец».

160

Гамсун — Нильсену от 19.12.1902.

161

Попытки Гамсуна убедить Хегеля оказать ему финансовую поддержку происходили в несколько этапов, и в это были вовлечены несколько человек. См. Гамсун — Бьёрнсону от 20.01.1903, Гамсун — Хегелю от 22.01.1903, Гамсун — Нильсону от 23.01.1903, Гамсун — Бьёрнсону от 26.01.1903, Гамсун — Шибстеду от 23.02.1903, Гамсун — Нюгору от 9.03.1903, Гамсун — Петеру Нансену от 1.05.1903. См. также норвежскую «Афтенпостен» от 24.02.1903. Договор был подписан 7.05.1903, HPA-NBO.

162

Гамсун — Петеру Нансену, вероятно, апрель 1904.

163

Гамсун — Несеру, 1904.

164

Стен Древсен «Склочник смотрит в прошлое».

165

Йоханнес Йенсен в стихотворении «Helled Haagen» в сборниках «Леса» (1904) и «Стихи» (1906). Хольгер Драхман «Скиталец» (1910).

166

Гамсун в статье «Открытое письмо Бьёрнсону» в «Форпостен» от 5.12.1909.

167

Гамсун — Хансу Анрюду от 12.12.1904.

168

Гамсун — Рагнхильд Йольсен от 20.11.1904, 22.11.1904 и 23.12.1904.

169

В своем письме Марии Гамсун 7.08.1909 Гамсун признает, что он однажды изменил своей первой жене. Многое указывает на то, что его избранницей была Рагнхильд Йольсен.

170

Свен Ланге в датской «Политикен» от 18.12.1904. Гамсун — Хансу Анрюду от 20.05.1904.

171

Гамсун — Марии Гамсун от 7.08.1909.

172

Эскизы дома, выполненные самим Гамсуном в NBO. Гамсун — Лангену от 15.08.1905.

173

Коммерческие документы от 1.04.1905. Счета за строительные работы от 23.10.1905 и о приеме работ от 7.12.1905, НРА-NBO.

174

Гамсун — Хансу Анраду от 7.12.1905.

175

«Последняя радость». Три последние главы были опубликованы в норвежском «Самтиден» в 1906 году. Первые три главы романа «Бенони» были опубликованы в норвежской «Постен» 3–9.02.1906.

176

Очерк «В клинике» был опубликован в норвежской «Постен» от 1.03.1906.

Нельзя со стопроцентной достоверностью утверждать, что Гамсун действительно был помещен в клинику, но многое указывает на это. В своей книге «Собственный голос Кнута Гамсуна» Гирлёфф рассказывает, в каком тяжелом моральном состоянии находился Кнут Гамсун в то время.

177

Гамсун — Лангену 4.03.1906.

178

Встречи Гамсуна с Берлиот по поводу их развода имели место 20.03.1906 и 23.03.1906, HPA-NBO.

179

Гамсун — Петеру Нансену от 12.02.1907.

180

Изложение содержания лекции от 27.04.1907 появилось на следующий день в столичных газетах и в течение всего мая публиковались различные отклики на нее. В 1911 году Гамсун переработал, дополнил текст лекции и опубликовал его в датской «Политикен» и норвежской «Верденс Ганг» в период между 29.12.1911 — 21.01.1912.

181

Мария Гамсун «Радуга».

182

Гамсун — Марии Гамсун от 3.05.1908. Во многих своих письмах к Марии в 1908 году он упоминает об их первом интимном свидании.

183

Гамсун — Колеру Ульсену от 5.05.1908.

184

Мария Гамсун — Гамсуну, начало мая, 1908. Ср. Мария Гамсун «Радуга».

185

Гамсун — Марии Гамсун от 7.05.1908.

186

Факты, касающиеся происхождения Марии, ее семьи и прошлого, заимствованы из книг: Мария Гамсун «Радуга», Биргит Йернес «Мария Гамсун».

187

Гамсун — Марии Гамсун от 16.06.1908.

188

Мария Гамсун «Радуга».

189

Там же.

190

Там же.

191

Там же.

192

Там же.

193

Там же.

194

Гамсун — Генриху Гебелю от 27.12.1908.

195

Мария Гамсун — Гамсуну, август 1909. Мария Гамсун «Радуга».

196

Гамсун — Марии Гамсун от 4.08.1909. Он затронул эту болезненную тему в романе «Виктория», но там это было связано со способностью к бескорыстной любви.

197

Гамсун — Марии Гамсун от 22/23.07.1909.

198

Гамсун — Марии Гамсун от 22.07.1909.

199

Гамсун — Марии Гамсун от 24.07.1909.

200

Мария Гамсун «Радуга».

201

Там же.

202

Гамсун — Хансену от 9.12.1909.

203

Мария Благовещенская — Гамсуну от 11.08.1909, 9.09.1909, 5.12.1909, 9.12.1909, 15.12.1909. HPA-NBO. Гамсун — Благовещенской от 13.12.1909 (черновик письма), HPA-NBO.

204

Статья «Теолог в Сказочной стране» в норвежской «Моргенбладет» от 5.01.1910.

205

Мария Гамсун — Гамсуну, середина мая 1910. Мария Гамсун «Радуга».

206

Статья «Слово к нам» в норвежской «Верденс Ганг» и датской «Политикен» от 3.07.1910.

207

Гамсун — Дюмрейхеру, июль. 1910. Материал послужил основой для статьи, которая была напечатана в датской «Тильскуерен» в 1910 г.

208

Мария Гамсун описывает свое первое впечатление от Хамарёя в «Радуге». Гамсун в письме компании Storm, Bull & Co. 19.05.1911.

209

Мария Гамсун «Радуга». Интервью с сыном священника Юханнесом Николайсеном, братом Гамсуна Уле Педерсеном, а также матерью Торой Педерсен было опубликовано в норвежской «Верденс Ганг» от 6.03.1911.

210

Статья «Чти детей своих» в норвежской «Верденс Ганг» и датской «Политикен» от 29.12.1911, 7.01.1912, 16.01.1912 и 21.01.1912.

211

Мария Гамсун «Радуга».

212

Гамсун — Марии Гамсун от 23.03.1912.

213

Мария Гамсун «Радуга».

214

«Слово к нам» в норвежской «Верденс Ганг» и датской «Политикен» от 3.07.1910 [5: 139–146].

215

Берлиот Гамсун — Гамсуну от 1.10.1912, НРА-NBO.

216

Гамсун — Марии Гамсун от 19.09, 24.09, 26.09. и 1.10.1912.

217

Мария Гамсун «Радуга».

218

Гамсун — Марии Гамсун от 1.10.1912.

219

Сванстрём — Гамсуну, начало декабря 1912, HPA-NBO. Гамсун — Петеру Нансену от 10.12.1912.

220

Свен Ланге в датской «Политикен» от 28.11.1912.

221

Гамсун — Кёлеру Ульсену от 20.12.1912.

222

Гамсун — Марии Гамсун в 23.01, 14.02, 3.02. и 28.02.1913.

223

Виктория Гамсун — Гамсуну от 16.06.1913, HPA-NBO.

224

Виктория Гамсун — Гамсуну от 22.09.1913, HPA-NBO.

225

Мария Гамсун «Радуга». Гамсун — Эйнару Хильсену от 26.06.1913. Мария пишет, что переписала письмо набело и оставила себе черновик. Ответ Гамсуна опубликован в в факсимильном издании «Юбилейного сборника».

226

Гамсун — Петеру Нансену от 19.07.1913.

227

Гамсун — Марии Гамсун от 27.10.1913.

228

Сванстрём — Гамсуну, телеграмма от 13.10.1913, HPA-NBO.

229

Гамсун — Марии Гамсун от 27.10.1913.

230

Ср. Мария Гамсун «Радуга».

231

Справка о доходах из «Гюльдендаля» 14.03.1914 и с личного банковского счета 30.05.1914, HPA-NBO. Гамсун — Дюбваду от 31.05.1914.

232

Гамсун — Хольму в «Ланген Ферлаг» от 10.09.1914.

233

Гамсун в немецком журнале «Симплициссимус» № 19, 1914.

234

Гамсун — Хольму в «Ланген Ферлаг» от 10.12.1914. Статья Георга Брандеса была опубликована в датской «Политикен» от 1.12.1914. Высказывание Гамсуна о Брандесе в норвежском периодическом издании «Минерва» № 19, 1913.

235

Гамсун в статье «Коллин и война» в норвежском «Тиденс Тейн» от 6.12.1914. Статья самого Коллина «Цена мировой войны» была напечатана в той же газете от 22.11.1914.

236

Статья «Дитя!» в норвежской «Моргенбладет» от 16.01.1915.

237

Сигрид Унсет в норвежской «Моргенбладет» от 18.02.1915. Гамсун в норвежской «Моргенбладет» от 4.03.1915. Дискуссия по проблеме детоубийства.

238

Гамсун — Марии Гамсун от 8.02.1915.

239

Гамсун — Марии Гамсун от 28.02.1915.

240

Гамсун — Марии Гамсун, март 1915. Ср. Мария Гамсун «Радуга».

241

Гамсун — Кёнигу от 25.08.1915.

242

Гамсун — Петеру Нансену от 5.11.1915.

243

Гамсун — Уле Кристоферсену от 5.12.1915.

244

Гамсун — Акселю Эббе от 2.04.1915.

245

Гамсун — Альберту Энгстрёму от 26.03.1915.

246

Хенрик Кавлинг — Гамсуну в телеграмме от 29.11.1915, HPA-NBO. Гамсун — Кёнигу от 2.12.1915.

247

Кристиан Эльстер в норвежской «Афтенпостен» от 30.11.1915.

248

Гамсун — Кёнигу от 4.12.1915.

249

Рецензия Свена Ланге на «Местечко Сегельфосс» опубликована в датской «Политикен» от 16.12.1915.

250

Статья «Слово к нам» в норвежской «Верденс Ганг» и датской «Политикен» от 3.07.1910.

251

Ср. Мария Гамсун «Радуга».

252

Гамсун — Хенрику Лунду от 5.10.1916. Гамсун — Эрику Фрюделунду от 31.12.1916.

253

Гамсун — Уле Кристоферсену от 15.01.1917 и 1.02.1917. Ср. Мария Гамсун «Радуга».

254

Гамсун — Георгу Ульсену от 8.12.1917.

255

Гамсун — Торпу от 17.12.1917.

256

Гамсун — Турвальду Одалу от 28.01.1918.

257

Гамсун — издательству «Ланген Ферлаг» от 11.04.1918, Гамсун — Герману Гессе (черновик) от 28.08.1918, HPA-NBO.

258

Лекция Гамсуна в норвежском Студенческом обществе 30.01.1997 и 27.04.1907.

259

Мария Гамсун подробно описывает свое первое впечатление от Нёрхольма и день переезда туда. См. Мария Гамсун «Радуга».

260

Чековые книжки и письма из банков и издательства «Гюльдендаль», НРА-NBO.

261

Гамсун — Нильсу Кьяру, середина ноября 1918 года. Гамсун — Кёнигу от 19.11.1918.

262

Гамсун — Юханнесу Крокму от 6.01.1919. Ср. с норвежской газетой «Лофотпостен» от 4.07.59.

263

Корфитц Хольм из «Ланген Ферлаг» — Гамсуну от 16.01.1919, «Ланген Ферлаг» — Гамсуну от 23.03.1919, НРА. Гамсун — «Ланген Ферлаг» от 2.02.1919.

264

Приводимые здесь описания и впечатления, связанные с началом пребывания семьи в Нёрхольме, см: Мария Гамсун «Радуга», Туре Гамсун «Кнут Гамсун — мой отец» и Арилд Гамсун «О Кнуте Гамсуне и Нёрхольме».

265

Кёниг — Гамсуну, июль 1919. Черновик ответа Гамсуна от 19.07.1919, HPA-NBO. См. также норвежскую «Нашунен» от 26.07.1919.

266

Материалы, связанные с юбилеем Гамсуна, — датская «Берлинске Тиденде» от 4.08.1919, шведская «Дагбладет» от 2.08.1919, норвежские «Моргенбладет» от 2.08.1919, «Верденс Ганг» от 4.08.1919, «Тиденс Тейн» от 4.08.1919.

267

Гамсун — Марии Гамсун от 17.08.1919.

Источниками информации, связанными с интригами вокруг присуждения Нобелевской премии, являются: Андерс Эстерлинг, Харальд Йерне. См. также: Джон Ландквист «Гамсун», Хельмер Ланг «Нобелевские премии по литературе 1901–1985», Мария Гамсун «Радуга». Даг Нурмарк в норвежской «Афтенпостен» от 4.08.1994, публикации Гамсуновского общества № 7, 1994, Терье Стемланд в норвежской «Афтенпостен» от 19.02.2002 и другие материалы, HPA-NBO.

269

Гамсун — Альберту Энгстрёму от 7.10.1919.

270

Кристиан Кёниг — Гамсуну от 4.11.1919, HPA-NBO. Гамсун — Кёнигу от 15.11.1919.

271

Кристиан Лассен — Гамсуну от 8.11.1919, HPA-NBO.

272

Гамсун — Марии Гамсун от 23.05.1920.

Там же.

27 4

Эссе «Соседний поселок» опубликовано в норвежской «Афтенпостен» от 12.07.1917 [10: 390–406]. Гораздо раньше, еще в 1890 году, Гамсун написал рассказ «Жизнь маленького городка». В 1903 году он радикально изменил содержание рассказа, оставив прежнее название. Рассказ был напечатан в сборнике «Подлесок». Здесь он создает образ Тоннеса Олаи, который явился предшественником главного героя романа «Женщины у колодца» Оливера Андерсена.

275

Гамсун — Кёнигу от 1.11.1916 и 23.07.1920.

276

Содержание разговора между Кёнигом и Гамсуном во время пребывания издателя в Нёрхольме нашло отражение в переписке Гамсуна: Куртис Браун — Гамсуну от 1.7.1920 и 20.8.1920, HPA-NBO. Кёниг — Гамсуну от 26.08.1920, 9.08.1920, 14.08.1920 и 25.09.1920, HPA-NBO. Гамсун — Кёнигу от 10.08.1920.

277

См. примеч. 268.

278

Гамсун — Кёнигу от 13.09.1920.

279

Рассуждения и домыслы вокруг Гамсуна как претендента на Нобелевскую премию в шведской «Дагенс Нюхетер» от 16.09.1920.

280

О романе «Женщины у колодца» Кристиан Эльстер в норвежской «Афтенпостен» от 11.11.1920; Свен Ланге в датской «Политикен» от 20.11.1920; Хеннинг Кёллер в датской «Политикен» от 11.11.1920 и Йон Ландквист в шведской «Стокгольм-Тиднинген» от 16.11.1920.

281

Мария Гамсун «Радуга». Тексты всех поздравлений — НРА-NBO.

282

Гамсун в лекции «Против преувеличения роли поэзии и поэтов», с которой он выступил в норвежском Студенческом обществе 30.01.1897, опубликовано в норвежской «Афтенпостен» от 7.02.1897.

283

В письме к Эрику Акселю Карлфельдту Гамсун описывает, как Мария помогала ему составить речь 7.01.1922.

Записка хранится в архиве Королевской библиотеки Стокгольма.

285

См. «Радугу», где Мария Гамсун описывает реакцию своего мужа на ее новое модное платье, пошитое в связи с поездкой в Стокгольм.

286

См. пометки на календаре, сделанные Гамсуном за 1921 год, ААА. Гамсун — Марии Гамсун от 16.09.1930.

287

Гамсун — Хольму в издательство «Ланген Ферлаг» от 18.11.1920.

288

Гамсун — Марии Гамсун от 26.08.1921.

289

Гамсун — Гуннару Гундерсену от 11.10.1921.

290

Виктория Гамсун (в замужестве Чарльссон) — Гамсуну от 19.08.1921. До 24.11.1922 ею были отправлены еще 18 писем, после чего она прекратила писать ему. Сохранились письма и черновики к ним, HPA-NBO. Виктория писала также открытки своим сводным братьям и сестрам: Туре, Арилду, Эллинор и Сесилии. Очевидно, что Гамсун позаботился о том, чтобы они не достигли адресатов, так как они как были обнаружены в невскрытых конвертах автором биографии в частном архиве Гамсуна и впервые вскрыты в 2001 году. HPA-NBO.

291

Карл Неруп в норвежской «Тиденс Тейн», май 1922 года.

292

Гамсун — Кристиану Кёнигу от 18.05.1922.

293

Гамсун — Эрику Фрюделунду от 8.05.1922.

294

Гамсун — Марии Гамсун от 13.08.1922, 15.10.1922 и 28.10.1922.

295

Гамсун — Марии Гамсун от 21.01.1923 и 26.01.1923.

296

Гамсун — Туре Гамсуну от 27.02.1923, Гамсун — Марии Гамсун от 18.10.1922.

297

Гамсун — Марии Гамсун от 2.02.1923.

298

Мария Гамсун «Радуга».

299

Гамсун — Марии Гамсун от 27.06.1923. Гамсун — Марии Гамсун, июнь/июль 1923. Мария Гамсун «Радуга».

300

Гамсун — Хенрику Лунду от 23.01.1923. Гамсун — Вильхельму Крагу от 10.03.1923. Телеграмма Альмара Гамсуна — Марии Гамсун, точной даты нет, осень 1922, HPA-NBO. Гамсун в норвежскую «Нашунен» от 13.10.1921. Обстоятельства дела, связанного с правом обладания фамилией Гамсун, нашли подробное отражение в переписке между адвокатом Сэмом Йонсоном и Марией Гамсун в период 1921–1923 годов, письмах Ханса Педерсена Гамсуну в 1922. Переписка с другими людьми, так или иначе связанными с этим делом, кроме того, показания самого Гамсуна в суде — все эти материалы находятся в HPA-NBO.

301

Рецензии на роман «Последняя глава» в норвежских газетах «Нашунен» от 27.10.1923, «Дагбладет» от 27.10.1923, «Фрам» от 1.02.1923, «Моргенбладет» от 3.11.1923 и «Арбейдербладет» от 30.10.1923.

302

Кристиан Кёниг — Гамсуну от 26.03.1923 и 19.03.1924, HPA-NBO. Весьма ценным материалом для ознакомления с перипетиями, связанными с выкупом акций у датского «Гюльдендаля», чтобы учредить самостоятельное, независимое от датского норвежское издательство «Гюльдендаль», являются книги: Сигурд Эвенсму «„Гюльдендаль“ и его сотрудники», Нильс Коре Якобсен «Издатель и его издательство». Выписки с банковских счетов Гамсуна и справки о его доходах находятся в HPA-NBO.

303

Гамсун — Кристиану Кёнигу от 5.12.1923 и 1.09.1924. Кристиан Кёниг — Гамсуну, точной даты нет, HPA-NBO.

304

Фредрик Хегель — Гамсуну от 2.09.1924, HPA-NBO.

305

Гамсун — Кристиану Кёнигу от 5.11.1924.

306

Нурдаль Григ в норвежской «Осло Афтенавис» от 31.12.1924.

307

Отчеты о продажах книг Гамсуна за рубежом находятся в HPA-NBO.

Иоахим Фест «Гитлер».

309

Там же.

310

Гамсун — Юхану Сёренсену от 8.12.1888.

311

Большинство судов отклонили требование нобелевского лауреата признать, что только он и члены его семьи имеют право носить фамилию Гамсун. Младший брат Гамсуна документально подтвердил, что 2.10.1890 был зачислен в артиллерийские войска под фамилией Педерсен-Гамсун. То, что он согласился в обмен на денежное вознаграждение отказаться от своей фамилии, хотя мог вполне рассчитывать в судебном разбирательстве на победу, выглядит нелепым в связи с тем, что в то время Гамсун был малоизвестен и с сомнительной репутацией. Через пять лет после этого младший брат Гамсуна вступил в брак под фамилией Гамсун, а через три года у него родился сын, который при крещении обрел имя Турольф Оскар Альмар Гамсун. Вся соответствующая переписка Гамсуна с адвокатами в HPA-NBO.

312

Гамсун — Кёнигу от 11.10.1925. Кристиан Кёниг — Гамсуну от 20.10.1925, HPA-NBO.

313

Гамсун — Зигфриду Бюгге от 28.09.1925, Гамсун — Яльмару Петтерсену от 11.10.1925 и Гамсун — Кристиану Кёнигу от 4.11.1925.

314

Гамсун, наброски письма к Марии Гамсун, начало января 1926 года. Ср. Мария Гамсун «Радуга».

315

Юхан Иргенс Стрёмме «Невроз».

316

Цитата из стенографического отчета о сеансе психоанализа, день первый. Оригинал в NBO, отчасти расшифрованный материал находится в «Гюльдендале».

317

Гамсун — Марии Гамсун, вероятно, конец января 1926 года.

318

Гамсун — Марии Гамсун от 29.01.1926.

319

Мария Гамсун «Радуга».

320

Гамсун — Марии Гамсун, вероятно, конец января 1926 года, РАМ.

321

Гамсун — Марии Гамсун от 4.02.1926.

322

Данный обмен репликами заимствован из письма к Марии Гамсун 4.02.1926.

323

PAM.

324

Гамсун — Марии Гамсун от 28.02.1926.

325

PAM.

PAM.

327

Весной 1926 года, проходя курс лечения у доктора Стрёмме, Гамсун начал работать над материалом, который стал основой трилогии «Бродяги», «Август», «А жизнь продолжается». В медицинских записях доктора Стрёмме имеются подтверждения этому, РАМ.

328

В книгах: «Крестьянин и человек», под редакцией Туре Грёслера, Туре Гамсун «Кнут Гамсун — мой отец» и Арилд Гамсун «Кнут Гамсун и Нёрхольм» — содержится множество сведений, касающихся деятельности Гамсуна-крестьянина. Всевозможные счета и документация находятся в HPA-NBO.

329

Гамсун — в «Ланген-Мюллер» от 25.07.1926. и 2.11.1926.

330

Мария Гамсун «Радуга».

331

В «Радуге» Мария Гамсун подробно описывает свой первый визит к Юхану Иргенсу Стрёмме.

332

Мария Гамсун «Радуга».

333

Гамсун — Туре Гамсуну от 29.08.1927.

334

Гамсун — Хансу Педерсену от 6.09.1927.

335

Гамсун — Кристиану Кёнигу от 8.08.1927.

336

Рецензия Сигурда Хёля на роман «Бродяги» была опубликована в норвежской «Арбейдербладет» от 1.10.1927. С рецензиями выступили также Карл Неруп в «Верденс Ганг» от 1.10.1927, Ханс Онруд в «Афтенпостен» от 1.10.1927, Рональд Фанген в «Ню Юрд» № 44, 1927, Хельге Крог в «Дагбладет» от 1.10.1927, Том Кристенсен в ряде датских газет, в том числе в «Лоландс-Фастерс Фолькетиденде» от 22.12.1927.

PAM.

338

Лекция «Против преувеличения роли поэзии и поэтов», с которой Гамсун выступил в норвежском Студенческом обществе 30.01.1897, опубликована в норвежской «Афтенпостен» от 7.02.1897.

339

Гамсун — Кристиану Кёнигу от 8.09.1927.

Сигурд Эвенсму, занимавшийся историей «Гюльдендаля», как и другие источники, тот факт, что Гамсун напился на прощальном банкете в честь Кёнига, рассматривают как признак особого расположения со стороны нобелевского лауреата.

341

Харальд Григ — Гамсуну от 19.12.1927, 27.12.1927, 16.02.1928 и 23.02.1928, HPA-NBO. Гамсун — Харальду Григу от 21.05.1928 и 4.06.1928.

342

Гамсун — Максиму Горькому, февраль 1928 и февраль 1927 года. Мария Гамсун — Максиму Горькому от 14.04.1927. См. также в собрании книг в «писательской хижине» в Нёрхольме.

343

Приводится по «Оверланд Мантли» № 87, 1929.

344

Гамсун — Александре Коллонтай от 10.09.1928.

345

Гамсун — Вальтеру Берендсону от 24.04.1928.

Гамсун — в «Ланген Мюллер Ферлаг» от 27.04.1928.

347

Издательство «ГретлейнФерлаг» — Гамсуну от 21.05.1928 и 18.08.1928, HPA-NBO. Гамсун — в «Гретлейн Ферлаг», черновик от 4.08.1928.

348

Гамсун — Рональду Фангену / Фор Верден от 15.01.1929 и Виктору Могенсу / Фор Верден от 26.02.1929.

349

Рецензия в «Нью-Йорк Таймс Бук Ревю» от 21.10.1928.

350

Гамсун — Марии Гамсун от 26.11.1928.

351

Гамсун — Трюгве Бротёю от 17.08.29. Сигрид Бротёй — Харальду Нессу. Кроме того, примечание к письму 2042, в собрании писем под редакцией Харальда Несса «Кнут Гамсун», т. 1–6.

352

Туре Гамсун рассказывает об отъезде из Нёрхольма семьи Гамсун в день 70-летнего юбилея писателя в своей книге «Кнут Гамсун — мой отец». Обстоятельства, связанные с 70-летним юбилеем, описаны в многократно упоминавшейся книге воспоминаний Марии Гамсун «Радуга». Мария Гамсун — Харальду Григу от 26.07.1929. Эти и другие материалы в HPA-NBO.

Иоахим Фест «Гитлер».

Там же.

355

Гамсун — Марии Гамсун от 18.03.1930.

356

Гамсун — Харальду Григу от 31.05.1930.

357

Гамсун — Харальду Григу от 4.06.1930.

358

Гамсун — Марике Стьернстедт от 25.06.1930.

359

Виктория Гамсун — Гамсуну от 30.08.1930, HPA-NBO.

360

Гамсун — Виктории Гамсун от 7.09.1930.

361

Мария Гамсун «Радуга».

362

Мария Гамсун «Радуга».

363

Конверт с пометкой Гамсуна находится в HPA-NBO.

364

Подробности конфликта Гамсуна и его дочери Виктории в отношении суммы наследства, а также обстоятельства их встречи у адвоката содержатся в следующей корреспонденции: в черновиках писем Виктории Гамсун — Гамсуну от 30.12.1930, 28.09.1931, 12.11.1931, 30.11.1931 и 31.11.1931, HPA-NBO. Гамсун — Виктории Гамсун от 5.01.1931, 7.10.1931, 20.11.1931 и 8.12.1931, HPA-NBO. Мария Гамсун — Виктории Гамсун от 7.12.1931. Гамсун — Берлиот Гамсун от 8.12.1931, Берлиот Гамсун — Гамсуну от 14.12.1931 и Гамсун — Берлиот Гамсун от 21.12.1931, HPA-NBO.

365

Том Кристенсен в датской «Тильскуерен», октябрь 1930.

366

Сигурд Хёль в «Арбейдербладет» от 1.10.1930.

367

Туре Гамсун «Кнут Гамсун — мой отец». Маршруты путешествия с исправлениями и пометками самого Гамсуна, а также квитанции, чеки и другие материалы находятся в HPA-NBO. О путешествии см. Туре Гамсун «Спустя вечность», Мария Гамсун «Радуга».

Туре Гамсун «Кнут Гамсун — мой отец».

369

Там же.

Там же.

371

Ср. со статьей Гамсуна «Письмо в газету „Классовая борьба“» в «Классекампен» от 26.02.1916, а также Гамсун — Людеру Рамстаду от 24.11.1930.

372

Гамсун — Харальду Григу от 2.03.1931 и 4.03.1931. Гамсун — Стейну Балстаду от 17.03.1927, 21.03.1927 и 25.04.1927.

373

Гамсун — Туре Гамсуну от 31.07.1931.

Гамсун в предисловии к труду Германа Олла и Николая Йелсвика «Революционная политика и норвежский закон».

375

Эрих фон Людендорф — Отто фон Гинденбургу от 2.02.1933. Ср. Иоахим Фест «Гитлер».

Иоахим Фест «Гитлер».

377

Гамсун — Харальду Григу от 5.11.1933.

В связи с решением суда 1933 года семья Гамсун в течение нескольких лет противостояла тому, что они называли юридическими атаками. Гуннар Свенвик, который вслед за своим отцом занимал должность ленсмана, заявил, что решение, принятое его отцом в 1970 году, было недостаточно юридически обоснованным. В 1985 году государственные органы Нёрхольма признали тогдашнее решение суда неправомочным. Год спустя министерство юстиции, невзирая на протесты семьи Гамсун, разрешило потомкам Амалии и Юхана Нёрхольмов носить фамилию Нёрхольм.

379

Гамсун — Харальду Григу от 10.06.1933.

380

Гамсун — Харальду Григу от 17.08.1933.

381

Гамсун — Сесилии Гамсун от 8.02.1934.

382

Туре Гамсун «Спустя вечность».

383

Адольф Гитлер в рейхстаге 13 июля 1934 года. См. Иоахим Фест «Гитлер».

384

Гамсун в норвежской «Афтенпостен» от 10.07.1934. Юхан Поше — профессор европейской литературы в университете Осло.

385

Мария Гамсун в норвежской «Нашунен» от 16.20.1934. Гамсун — Вильгельму Расмуссену от 11.03.1934.

386

Гамсун — Кристоферу Вибе от 18.06.1934. Кристофер Вибе — Гамсуну от 19.06.1934. Ср. в норвежской «Афтенпостен» от 30.10.1978.

387

Норвежская «Фюлькесавис» от 11.01.1934.

388

Туре Гамсун «Спустя вечность».

389

Иоахим Фест «Гитлер».

390

Гамсун — немецкому переплетчику от 14.01.1935, черновик в HPA-NBO. Гамсун в статье «Deutsch die Saar» в немецкой «Дер Норден» № 1, 1935.

391

Некролог Гамсуна Адольфу Гитлеру, напечатан 7.05.1945. По мнению автора, такого позитивного мнения о Гитлере Гамсун придерживался и десятью годами ранее.

Иоахим Фест «Гитлер».

393

Карл фон Осецкий в немецком журнале «Ди Вельт Бюнне» от 3.01.1933.

394

Статья «Осецкий» в норвежских газетах «Тиденс Тейн» и «Афтенпостен» от 22.11.1935.

395

Генрих Манн в «Пари Тагеблатт» от 5.12.1935. Эрих Кутнер — Гамсуну от 6.12.1935, HPA-NBO.

Йозеф Геббельс в 1933, см. Иоахим Фест «Гитлер».

Йорген Букдал в датской «Политикен» от 1.10.1936.

398

Альф Ларсен «Служа искусству».

399

Немецкие телеграфные агентства от 25.11.1936.

400

Генрих Манн в «Пари Тагеблатт» от 15.12.1936.

401

Ср. Туре Гамсун «Кнут Гамсун — мой отец».

Иоахим Фест «Гитлер».

403

Харальд Григ — Гамсуну от 29.11.1933, HPA. Гамсун — Харальду Григу от 30.11.1933.

404

Гамсун — редактору норвежского издания «Нашунал Тидскрифт» от 1.12.1925, опубликовано в № 11, 1926.

405

Гамсун — Густафу Эрикссону, май 1927, см. Альф Ларсен «Служа искусству».

406

Туре Гамсун описывает визит своего отца в Берлин. См. также Туре Гамсун «Спустя вечность», Туре Гамсун «Кнут Гамсун — мой отец».

407

Туре Гамсун «Спустя вечность».

408

Гамсун — Нильсу Мюреру от 28.09.1938.

409

Лекция Инге Эйдсвога «Писатель и узник концентрационного лагеря».

410

По свидетельству Марии и Туре Гамсун, Гамсун работал над продолжением романа «Круг замкнулся» [8: 181]. Гамсун — Туре Гамсуну от 4.05.1938, 8.06.1938 и 17.06.1938. Гамсун — Дюбваду от 5.08.1938.

411

Список гостей с пометками Марии Гамсун, HPA-NBO. Письмо май 1938, 10.06.1938 и 17.06.1938, а также программа на 20–21 июня 1938 года. Все документы в HPA-NBO.

412

Гамсун — Мелле от 7.01.1939.

413

Текст телеграммы был воспроизведен в ряде норвежских газет от 3.08.1939 и 4.08.1939.

414

Норвежская «Афтенпостен» от 4.08.1939. Гамсун — Грассману от 15.08.1939. См. «У Данцига есть право голоса», под редакцией Карда Ханса Фукса. См. норвежскую «Нашунен» от 23.08.1939.

415

Основой для описания этого турне послужили различные материалы: письма, заметки, составленный Марией план путешествия, вырезки из газет и прочее, HPA-NBO. Описание наряда Марии см. Биргит Йернес «Мария Гамсун. Картина жизни».

416

Мария Гамсун — Гамсуну от 19.11.1939, цитируется отчасти по материалам из HPA-NBO, отчасти по: Арне Тумюр «Гамсун и его крест».

417

Гамсун — Юхану Мелбю от 14.12.1939. В письме к Туре Гамсуну от 18.01.1940 Гамсун бахвалится, что ему удалось предотвратить критическое выступление в адрес Германии.

См. Франсуа Керсоди «Борьба за Норвегию».

419

Гамсун — Арнту Рисховду от 25.03.1940, опубликовано в норвежской «Фритт Фолк» от 30.03.1940.

420

Статья «Слово к нам» от 14.04.1940, опубликована отдельным выпуском в Копенгагене 19.04.1940 и в немецкой «Президенст Норд» № 18, 1940. В это время немецкие оккупационные власти прикладывали все усилия, чтобы доказать через прессу, что Германия и Норвегия не находятся в состоянии войны между собой.

421

Анонимное письмо от 17.05.1940. Сохранилось немало писем, исполненных ненависти, которые Гамсун получал в период оккупации, они находятся в HPA-NBO, но есть и такие, где высказана поддержка Гамсуну.

422

Статья «Норвежцы!» в «Фритт Фолк» от 4.05.1940 и других газетах, была зачитана по норвежскому радио.

423

Густав Смедал — Гамсуну от 29.05.1940.

424

Норвежские газеты от 2.06.1940.

425

Гамсун — Йозефу Тербовену от 8.06.1940.

426

Гамсун — Густаву Смедалу от 3.06.1940.

427

Том Кристенсен в датской «Политикен» от 20.02.1952.

428

Гамсун — Виктору Могенсу от 17.08.1940.

429

ВВС в декабре 1940, см. Бьёрн Фонтандер «Унсет, Гамсун и война».

430

Интервью Норвежскому радиовещанию 2.01.1941, передача состоялась 23.01.1941.

431

Реконструкция встречи основана на документах, связанных с судебным процессом над Гамсуном, RA и HPA-NBO. Туре Гамсун «Спустя вечность».

432

Статья «Кнут Гамсун отвечает на два вопроса» в «Гримстад Адрес-сетиденде» от 30.01.1941.

433

Гамсун — Туре Гамсуну от 25.05.1941.

434

Гамсун в анкете, датированной 16.10.1941, заполненной по просьбе редакции 21.10.1941 и опубликованной в «Афтенпостен» от 22.10.1941 и ряде норвежских и зарубежных газет. Рукопись с первоначальным названием «Мы изменили маршрут и теперь создаем новое время и новый мир» не сохранилась. В газетах она вышла под заголовком «Почему я вступил в нацистскую партию».

«Берлин — Рим — Токио» № 2,1942.

436

Слова Двингера, процитированы Дагом Скугхеймом. Печатная серия гамсуновского общества № 11.

437

Мария Гамсун «Под сенью золотого дождя».

438

Дневник Йозефа Геббельса, т. II, 19.05.1943.

439

Гамсун — Йозефу Геббельсу, черновик от 17.06.1943.

440

Йозеф Геббельс — Гамсуну от 23.06.1943.

441

Гамсун — Виктории Гамсун от 23.06.1943.

442

Гамсун в своем выступлении в Вене 23.06.43, опубликовано во «Фритт Фольк» от 24.06.43.

443

Там же.

Газета «Сегельфосс Тиденде» № 2, октябрь — декабрь 1957. Леон Люнглюнд, так же как и Мария Гамсун подтверждает тот факт, что Гамсун заранее планировал свой визит к Гитлеру. В своем дневнике Йозеф Геббельс писал, что шведские журналисты всячески пытались настроить Гамсуна против Гитлера, и это подтверждает версию Люнглюнда. Несомненно, что наиболее надежным источником в этом отношении является книга воспоминаний «Радуга» Марии Гамсун, где она подробно описывает то, как ее муж готовился к встрече с Гитлером задолго до того, как встреча состоялась. Никто из детей Гамсуна никогда не высказывал противоположного мнения. Сам Гамсун высказывался по этому поводу неопределенно. Автор книги глубоко убежден, что зимой 1943 года Гамсун позволил вовлечь себя в некую игру на высоком политическом уровне. У Гамсуна была собственная программа действий. Он был убежден, что режим террора, созданный Тербовеном, препятствует воплощению в жизнь той мечты о братстве германских народов и достойном месте Норвегии в новой Европе, которой он был одержим. Квислинг и его партия «Национальное единство» боролись за власть в стране против Тербовена и возглавляемого им рейхскомиссариата, в то время как народный протест против единственной разрешенной партии усиливался. Время партии «Национальное единство» явно шло к закату. Это касалось и самого Квислинга, после того как он во время встречи с Гитлером в апреле 1943 года рассказал ему о положении дел в своей партии. Никто в Норвегии не пользовался таким уважением в Третьем рейхе, каким пользовался Кнут Гамсун. Он оказывал германскому государству огромные услуги как до начала, так и во время войны. Если кто-то и мог рассчитывать на то, чтобы убедить в чем-то фюрера, то это был Гамсун. Согласно свидетельству Эгиля Хольмбю, в марте 1943 года у лидеров «Национального единства» возникла идея установить контакт с Гамсуном. См. также интервью Сверре Хартмана с Хольмбю в норвежской «Афтенпостен» в октябре 1978. Во время судебного разбирательства в гримстадском окружном суде Гамсун называл Арнта Рисховда, редактора «Фритт Фольк», главным действующим лицом в этой политической интриге, связанной с надеждой на отставку Тербовена. У Рисховда были тесные связи с пропагандистскими организациями, которыми руководил Геббельс как в Германии, так и в Норвегии. Гамсун относился к Рисховду с большим доверием. Рисховд непосредственно

участвовал в организации информационной поддержки конгресса в Вене. Все это происходило не без участия самого Гитлера. При этом Гамсуну давали лишь неопределенную надежду на аудиенцию. Вот почему он проявил желание участвовать в Венском конгрессе, что почти гарантировало ему достижение намеченной цели. В связи со строгой системой безопасности, загруженностью фюрера делами и большим числом желающих добиться встречи с ним никто не мог заранее сообщить Гамсуну о времени аудиенции. На фотографиях, сделанных по пути к Гитлеру, Гамсун предстает отнюдь не таким усталым и подавленным, каким он описывал себя впоследствии. Напротив, он полон энергии и решимости. Он так давно готовился к этому.

445

Криста Шрёдер «Он был моим шефом».

Иоахим Фест «Гитлер».

447

Разговор между Гамсуном и Гитлером воспроизводится по следующим источникам: Записки Эрнста Цюхнера, поступившие в главное полицейское управление Осло 25.06.1945, RA; Криста Шрёдер «Он был моим шефом». Текст беседы между Сверре Хартманом и Эгилем Хольмбю в норвежской «Афтенпостен» от 21.10.78. Отто Дитрих «12 лет с Гитлером». Отрывок из книги был напечатан в «Сегельфосс Тиденде» в январе — марте 1958 года.

448

Описание поездки и того, как была прервана встреча, а также реакции Гитлера основано на следующих источниках: Записи Эрнста Цюхнера, переданные в полицейское управление Осло 25.06.45, RA. Интервью с Эгилем Хольмбю в норвежской «Афтенпостен» от 21.10.78. Отто Дитрих «12 лет с Гитлером». Материалы Ульриха Фрейхера фон Генантса, являющиеся нотариально заверенным отчетом о его беседе с Дитрихом Любеком 1948. Ср. Торкиль Хансен «Процесс над Гамсуном».

449

Торкиль Хансен «Процесс над Гамсуном».

450

Туре Гамсун «Кнут Гамсун — мой отец».

451

Допрос Гамсуна 25.01.46. Материалы процесса над Гамсуном, RA.

452

Речь Йозефа Геббельса на праздновании дня урожая в Берлине 3.10.43. См. Иоахим Фест «Гитлер».

453

Выступление Гамсуна по норвежскому радиовещанию, текст опубликован в норвежской «Фритт Фолк» от 2.03.1944.

454

Гамсун — Туре Гамсуну от 16.01.1944.

455

Гамсун — Виктории Гамсун от 3.06.1944.

456

Гамсун в статье «Европа выбирает жизнь» в норвежских «Фритт Фолк», «Афтенпостен» и других газетах от 12.06.1944 и в последующие дни.

457

Дневник Йозефа Геббельса от 28.03.1942.

458

Гамсун — Эйнару Шибю, лето 1944.

459

Разные газеты в связи с юбилеем Гамсуна. Роберт Фергюсон «Загадка Кнута Гамсуна», а также норвежская «Верденс Ганг» от 5.08.1998.

460

Гамсун — Туре Гамсуну от 28.09.1944.

461

Слова Ирене Берг приводятся по книге: Тимур Арне «Гамсун и его крест».

462

Гамсун — Доери Смиту от 4.05.1945. В своих письмах Гамсун утверждал, что члены его семьи в Нёрхольме, а в данном случае эти слова могут относиться только к Марии Гамсун, пытались помешать норвежскому телеграфному бюро и рейхскомиссариату связаться с ним. Совершенно очевидно, что между супругами не было согласия по поводу необходимости и целесообразности в сложившейся ситуации писать некролог Гитлера. Когда Гамсун узнал о словах Марии, то ощутил себя так, как будто его и на самом деле лишили дееспособности. См. Ларе Фроде Ларсен в норвежской «Афтенпостен» от 16.07.1995.

463

Гамсун в «Афтенпостен» от 7.05.1945.

Туре Гамсун «Кнут Гамсун — мой отец».

465

Гамсун — Ингеборг Андерсен от 5.05.1945.

466

Нильс Кристиан Брёггер в норвежской «Моргенбладет» от 24.05.1945.

467

Гамсун — Сигрид Стрей от 30.05.1945, 1.06.1945 и 2.05.1945.

468

Мария Гамсун «Под сенью золотого дождя».

469

На слушании 23.06.1945 присутствовал единственный журналист Биргер Морхолт. Его стенографические записи в расшифрованном виде были опубликованы в норвежской газете «Адрессетиденде» от 25.06.1945 и 4.05.1996. См. также «Дело против Гамсуна», RA.

Трюгве Ли «Домой».

471

В своей книге Трюгве Ли не приводит данной реплики, но она постоянно упоминалась в рассказах о том, что происходило в Москве. Генеральный консул Альф. Р. Бьерке, служивший во время войны офицером, подтвердил в 2004 году биографу, что данная реплика была передана ему одним из членов английской делегации, посетившей тогда Москву.

472

Сигрид Унсет в интервью норвежской «Моргенбладет» от 8.09.45 и в ряде других газет.

473

Габриель Лангфельд в норвежских «Верденс Ганг» от 27.08.1945 и «Моргенбладет» от 26.06.1945.

474

Заявление Магнуса Бенестада от 4.10.1945 в книге «Дело Гамсуна», RA.

Там же.

476

Текст сопроводительной записки к отчету представителя окружной полиции Гримстада в книге «Дело Гамсуна», RA. О своих впечатлениях от посещения Гамсуна в доме престарелых рассказывает и Сигрид Стрей в своей книге «Мой клиент Кнут Гамсун».

477

Цитаты из «Заключения судебно-медицинской экспертизы в отношении Кнута Гамсуна» Лангфельда и Эдегорда, из больничных журналов, архивы психиатрической клиники в Виндерне.

478

Экземпляр книги «Манана», на страницах которой имеются тайные записи Гамсуна, принадлежит дочери Ханса Андреасена.

479

См. примеч. 477.

480

Габриель Лангфельд в норвежской «Афтенпостен» и ряде других газет от 10.10.1978.

481

Кристиан Гирлёфф «Собственный голос Кнута Гамсуна».

482

Лангфельд и Эдегорд «Заключение судебно-медицинской экспертизы в отношении Кнута Гамсуна».

483

Редакционная статья в норвежской «Дагбладет» от 23.02.1946.

484

Гамсун — Кристиану Гирлёффу от 25.03.1946.

485

Гамсун — Кристиану Гирлёффу от 10.03.1946, 26.03.1946, апрель-май 1946, 10.06.1946, 30.06.1946. Упомянутые Гамсуном 47 страниц приблизительно соответствуют 30 первым страницам его книги «На заросших тропинках».

486

Гамсун — генеральному прокурору Свену Арнтсену от 23.07.1946, хотя в письме к дочери Сесилии от 10.07.1946 Гамсун утверждает, что у него уже готово письмо для генерального прокурора. Вероятно, потребовалось время, чтобы письмо было отпечатано на машинке.

487

Гамсун — Туре Гамсуну от 20.08.1946.

488

Одд Винье — «Комитет по возмещению нанесенного ущерба» 31.08.1946. Сигрид Стрей «Мой клиент Кнут Гамсун».

489

Гамсун — Сигрид Стрей от 20.01.1947.

490

Гамсун — Сесилии Гамсун от 8.04.1947.

491

Лангфельд и Эдегорд «Заключение судебно-медицинской экспертизы в отношении Кнута Гамсуна».

492

Кроме этих слов, обращенных к Марии и написанных на конверте, Гамсун пишет также Туре Гамсуну 20.08.1946: «Вчера я получил толстое письмо от мамы. Я отправил его ей нераспечатанным».

493

Реплика приводится на основании газетных материалов от 24.08.1946. См. также «Дело против Марии», RA.

494

Мария Гамсун — Харальду Григу от 22.08.1951, NBO. См. также Туре Гамсун «Спустя вечность».

495

Кристиан Стрей, по поручению Марии Гамсун, — Габриелю Лангфельду от 30.08.1946. Габриель Лангфельд — Кристиану Стрею от 8.09.1946. Арилд Гамсун — Габриелю Лангфельду от 10.09.1946. Сигрид Стрей «Мой клиент Кнут Гамсун».

496

Гамсун — Кристиану Гирлёффу от 4.09.1946.

497

Кристиан Гирлёфф «Собственный голос Кнута Гамсуна».

Гамсун — Туре Гамсуну от 19.07.1946 и 28.07.1946.

499

Гамсун — Эллинор Гамсун от 20.03.1946.

500

Гамсун — Туре Гамсуну от 27.03.1946.

501

«На заросших тропинках».

502

Воссоздание этого события в помещении адвокатской конторы Сигрид Стрей основано на следующих источниках: Кристиан Гирлёфф «Собственный голос Кнута Гамсуна», Сигрид Стрей «Мой клиент Кнут Гамсун», Макс Тау «Несмотря ни на что». Кроме того, существуют и другие материалы в HPA-NBO. Речь Гамсуна воспроизводится по книге Кристиана Гирлёфф «Собственный голос Гамсуна». Она по некоторым пунктам отличается от той речи, которую он произнес на судебном заседании в Гримстаде пять месяцев спустя. В отношении этого см. комментарии в главе, которая описывает собственно судебный процесс. Есть все основания утверждать, что описания Кристиана Гирлёффа представляют подлинный вариант генеральной репетиции в Арендале 20 июля 1947 года. В письме к Гирлёффу от 7.08.47 Гамсун благодарит его за присланный стенографический отчет. Этот отчет также был в распоряжении Гирлёффа, и, вероятно, он сделал с него копию. Правда, ни Сигрид Стрей, ни Кристиан Гирлёфф, ни Макс Тау не говорят ни о какой стенографистке, скорее всего, стенографировала сама Сигрид Стрей.

503

Цитата из норвежской «Верденс Ганг» от 17.12.1947.

Там же.

505

Там же.

506

Цитаты из речи Гамсуна, а также реплики других участников процесса, присутствующих на суде, основаны на судебных документах и отчетах, которые были застенографированы секретарем Сигрид Стрей. См. также «Дело Кнута Гамсуна», RA и различные материалы в HPA-NBO.

507

Оскар Хасселькниппе в норвежской «Верденс Ганг» от 17.12.1947.

508

См. примеч. 504.

509

Х. Р. Блом Сёренсен — Сигрид Стрей от 31.01.1948, архив Сигрид Стрей. По просьбе издательства «Гюльдендаль» и автора данной книги адвокаты Като Шиётс и Анин Киерульф внимательно ознакомились с материалами, связанными с вынесением Верховным судом решения по делу Гамсуна. См. Като Шиётс, Анин Киерульф «Верховный суд и Кнут Гамсун».

510

Рангвальд Блике в норвежской «Дагбладет» от 15.05.1948.

511

Текст выступления Сигрид Стрей, высланный Гамсуну 16.06.1948, HPA-NBO. См. также Сигрид Стрей «Мой клиент Кнут Гамсун».

512

Гамсун — Сигрид Стрей, телеграмма от 24.06.1948.

513

Гамсун — Харальду Григу от 22.03.1946.

514

Харальд Григ — Марии Гамсун от 24.09.1942, NBO. В своих «Воспоминаниях издателя» Григ пишет, что у него никогда не было полной ясности относительно роли Гамсуна в его освобождении, но он считает, что, несомненно, Гамсун принял в этом участие.

515

Харальд Григ — Гамсуну от 31.03.1946, получено 5.04.46. См. Туре Гамсун «Спустя вечность». Секретарша Харальда Грига Бодиль Тон рассказала биографу о том, как ее шеф в течение несколько дней сочинял ответ Гамсуну.

516

Гамсун — Харальду Григу от 5.04.1946. См. Туре Гамсун «Спустя вечность».

517

Гамсун — Туре Гамсуну от 5.04.1946.

518

Гамсун — Туре Гамсуну от 19.07.1946.

519

Макс Тау «Несмотря ни на что».

520

Гамсун — Сигрид Стрей от 26.07.1948. См. Сигрид Стрей «Мой клиент Кнут Гамсун».

521

Харальд Григ — Сигрид Стрей от 31.07.1948, HPA-NBO. См. также Сигрид Стрей «Мой клиент Кнут Гамсун», Харальд Григ «Воспоминания издателя».

522

Норвежская «Дагбладет» от 20.08.1948 и в последующие дни.

523

Гамсун — Сигрид Стрей от 17.03.1949.

524

Гамсун — Кристиану Гирлёффу от 22.07.1949. Дочь Кристиана Гирлёффа, Сёльви Сеерстед, утверждает, что их семья не получала этого письма. Ситуацию с письмом она разъясняет следующим образом: вероятно, Арилд забыл отправить письмо. Ее объяснение выглядит малоубедительным. Нет никаких оснований для того, чтобы считать, что Арилд или кто-то другой из членов семьи Гамсун мог утаить какое-либо из писем Гамсуна. Вероятнее всего, сам Гирлёфф в интересах Гамсуна решил не комментировать то ужасное письмо, которое было обращено к членам его семьи. Ведь в своей книге «Собственный голос Гамсуна» он создает исключительно положительный образ писателя. Осенью 2001 года биограф и его коллеги обнаружили 15 нераспечатанных писем Гирлёффа Гамсуну. Эти письма вместе с другими материалами находятся в национальной библиотеке Осло, HPA-NBO.

525

Мария Гамсун «Под сенью золотого дождя».

526

Гамсун — Сигрид Стрей от 18.08.1948. Гамсун — Виктории Гамсун от 24.08.1948 и 10.09.1948.

527

Гамсун — Туре Гамсуну от 26.10.1948.

528

Мария Гамсун — Габриелю Лангфельду 17.04.1949, NBO. Торкиль Хансен «Процесс над Гамсуном».

529

Гамсун — Сесилии Гамсун от 13.06.1949. Торкиль Хансен «Процесс над Гамсуном».

530

Сигурд Хёль в норвежской «Нидарос» от 3.08.1949.

531

Сигрид Стрей — Харальду Григу от 29.09.1949. Сигрид Стрей «Мой клиент Кнут Гамсун».

532

Филипп Хоум в норвежской «Дагбладет» от 28.09.1949.

533

Сиверт Орфлот в норвежской «Афтенпостен» от 28.09.1949.

534

Габриель Лангфельд в норвежской «Афтенпостен» 8.10.1949 и «Виндует» № 2, 1952.

535

Габриель Лангфельд в норвежской «Дагбладет» от 25.09.1978.

Бывший премьер-министр Эйнар Герхардсен в норвежской «Верденс Ганг» от 12.10.1978 отрицает, что «дело Гамсуна» каким-то образом обсуждалось членами возглавляемого им правительства. Редактор газеты «Верденс Ганг», в период оккупации возглавлявший движение Сопротивления Оскар Хасселькниппе, следующим образом прокомментировал отношение официальных властей к Гамсуну после освобождения (см. «Верденс Ганг» за октябрь 1978 и 9.07.1996): «Кроме того, мне достоверно известно от представителей этих властей, что определенная заинтересованность в деле Гамсуна существовала. Лично у меня нет никакого сомнения, что государственный прокурор Арнтсен балансировал на грани превышения своих служебных полномочий, когда согласился пойти на данную договоренность. Хасселькниппе ссылался на факт договоренности между представителем властей и Лангфельдом и даже употреблял выражение „заказ“ в отношении судебного решения. Речь шла о том, что „дело Гамсуна должно быть тщательно изучено, чтобы сделать выводы, позволяющие объявить, что Гамсун по состоянию своего здоровья не может отбывать наказание и потому должен быть избавлен от него“». Свидетельства тому присутствуют и в статье Ларса Фроде Ларсена и Ингара Слеттена Коллоена в норвежской «Афтенпостен» от 12.12.2004.

537

Гамсун — Марике Стьернстедт от 10.10.1949.

538

Гамсун — Виктории Гамсун от 31.10.1949.

539

Гамсун — Туре Гамсуну от 12.12.1949 и 16.12.1949.

540

Туре Гамсун описывает это событие со слов брата и его жены. Туре Гамсун «Спустя вечность».

541

Мария Гамсун «Под сенью золотого дождя».

542

Автор данной биографии Гамсуна написал пьесу, действие которой разворачивается с момента возвращения Марии Гамсун в Нёрхольм в апреле 1950 года и вплоть до смерти Гамсуна в феврале 1952-го. Пьеса называется «Я могла бы плакать кровавыми слезами». Ее премьера в Государственном театре состоялась в 2004 году.

543

Мария — Туре Гамсуну, апрель 1950 и 28.04.1950, приводится по книге Туре Гамсуна «Спустя вечность».

544

Сигрид Стрей рассказывает о посещении Нёрхольма в своей книге «Мой клиент Кнут Гамсун».

545

После смерти Гамсуна Виктория выступила с судебным иском против Марии Гамсун, сводных братьев и сестер. Она выиграла дело. Мария и ее дети подали кассационную жалобу, но пошли на примирение до пересмотра дела в Верховном суде.

546

Григ — Туре Гамсуну, август 1951. Биргит Йернес «Мария Гкмсун».

547

Мария Гамсун — Григу от 22.08.1951, NBO. Через три года издательство «Аскехоуг» начало выпускать ее книги.

548

Мария — Сесилии Гамсун от 18.02.52, КВК.